И.К.СТИВЕЛ

Триптих

искус орды

Харьков
ПАРК
2015

УДК 930(470+571): 908(510)
ББК 26.89
С 80

И.К.Стивел. Триптих: искус орды : А.С.Пушкин: несудьба; Отец Иакинф (Бичурин Н.Я.); Православная миссия в Пекине / И.К.Стивел. – Харьков : ПАРК, 2015. – 590 с.

"Триптих" выявляет на примере отдельных жизнеописаний, сколь противоречиво устанавливаются не всегда добрососедские отношения между людьми. В том числе и самодержавного православия также, с одной из величайших оплотов Азии. И всё происходит уже в новое время, на протяжении трёх столетий, до недавней поры, и чуть глубже в истории. В человеческих душах вечно сталкиваются, смешиваясь, токи небесные с чёрными зовами бездны. Наблюдаем биографии трёх славных личностей в одной и той же истории. Искус тут как духовная тяга к свету, а орда – это тьма и навала черни. В нашем мире небо и бездна, разные миры благодати, соблазнов и наваждений, всего намешано в нас и вокруг. Не сразу во всём разберёшься без озарения.

© И.К.Стивел, 2015

Скрижаль первая

А. С. Пушкин: несудьба

Содержание

Биографические вехи…..... 4
Трудовая книжка…… 20
Сто стихов, десять писем… 23
Гадание роковое……. 27
Жизнь и смерть…… 34
Со страхом и трепетом….. 39
Монах и поэт…….. 40
Друг бесценный……. 43
Первый биограф…… 46
Настоящая биография…... 52
Западня……... 66
Собрался в Пекин…….. 78
Прогулки Абрама Терца... 102
Завещание поэта…… 104
Христианское мышление.. 110
Фрагменты и осколки ….. 120
Путь к православию..…… 122
Всё продолжается бой….. 152
Мой Пушкин……..... 156
Послесловие……..... 160

Биографические вехи

Из родословной

Своими предками Пушкин гордился, интересовался, о них знал и написал немало, для нас существенного. Человек с чувством ответственности наследует задатки и передаёт дальше таинственную генетическую запись, словно корневую систему рода.

"Родословная матери моей ещё любопытнее. Дед её был негр, сын владетельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он атаманом, и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами. Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 году, с польской королевою, супругою Августа, и дал ему фамилию Ганибал. В крещении наименован он был Петром; но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом.

Старший брат его приезжал в Петербург, предлагая за него выкуп. Но Петр оставил при себе своего крестника. До 1716 года Ганибал находился неотлучно при особе государя, спал в его токарне, сопровождал его во всех походах; потом послан был в Париж, где несколько времени обучался в военном училище, вступил во французскую службу, во время испанской войны был в голову ранен в одном подземном сражении (сказано в рукописной его биографии) и возвратился в Париж, где долгое время жил в рассеянии большого света.

Пётр I неоднократно призывал его к себе, но Ганибал не торопился, отговариваясь под разными предлогами. Наконец государь написал ему, что он неволить его не намерен, что предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или остаться во Франции, но что во всяком случае он никогда не оставит прежнего своего питомца. Тронутый Ганибал немедленно отправился в Петербург. Государь выехал к нему навстречу и благословил образом Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но которого я не мог уж отыскать. Государь пожаловал Ганибала в бомбардирскую роту Преображенского полка капитан-лейтенантом. Известно, что сам Петр был её капитаном. Это было в 1722 году"[1].

"После смерти Петра Великого судьба его переменилась. Меншиков, опасаясь его влияния на императора Петра II, нашёл способ удалить его со двора. Ганибал был переименован в майоры Тобольского гарнизона и послан в Сибирь с препоручением измерить Китайскую стену. Ганибал

[1]Пушкин А.С. Дневники. Автобиографическая проза. - М., 1989. - С. 93.

пробыл там несколько времени, соскучился и самовольно возвратился в Петербург, узнав о падении Меншикова и надеясь на покровительство князей Долгоруких, с которыми был связан" (ссылка 1, с. 93-94).

Домашнее детство (26 июля 1799 – август 1811)

"До шестилетнего возраста Александр Сергеевич не обнаруживал ничего особенного; напротив, своею неповоротливостью, происходившей от тучности тела, и всегдашнею молчаливостью приводил иногда мать в отчаяние. Она почти насильно водила его гулять и заставляла бегать, отчего он охотнее оставался с бабушкою Марьею Алексеевною, залезал в её корзину и смотрел, как она занималась рукодельем. <...> Достигнув семилетнего возраста, он стал резов и шаловлив"[2].

"Страсть к поэзии проявилась в нём с первыми понятиями: на восьмом году возраста, умея уже читать и писать, он сочинял на французском языке маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей. Вообще воспитание его мало заключало в себе русского: он слышал один французский язык; гувернёр его был француз, впрочем, человек неглупый и образованный; библиотека его отца состояла из одних французских сочинений. Ребёнок проводил бессонные ночи и тайком в кабинете отца пожирал книги одну за другой" (2, с. 49).

Лицейские годы (1811-1817)

1811 г. 12 августа сдаёт вступительный экзамен, 23 октября начинаются занятия в Лицее. "При самом начале – он наш поэт. Как теперь вижу тот послеобеденный класс Кошанского, когда, окончивши лекцию несколько раньше урочного часа, профессор сказал: "Теперь, г<оспода>, будем пробовать перья – опишите мне, пожалуйста, розу стихами". – Наши стихи вообще не клеились, а Пушкин мигом прочёл два четырёхстишия, которые всех нас восхитили. Жаль, что не могу припомнить этого первого поэтического его лепета. Кошанский взял рукопись к себе. Это было чуть ли не в 1811-м году и никак не позже первых месяцев 12-го"[3]. 12 июня 1812 года начало Отечественной войны.

1814 г. 4 августа первая публикация. Печатается стихотворение "К другу стихотворцу" в "Вестнике Европы", № 13.

Теперь, любезный друг, я дал тебе совет,
Оставишь ли свирель, умолкнешь или нет?..
Подумай обо всём и выбери любое:
Быть славным – хорошо, спокойным – лучше вдвое.

[2]Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. - М., 1985. - Т. 2. - С. 30.
[3]Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. - М., 1989. - С. 45.

1815 г. 8 января на публичном экзамене читает "Воспоминания в Царском селе". В апреле их публикует "Русский музеум", № 4.

Навис покров угрюмой нощи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и рощи,
В седом тумане дальний лес...

1817 г. 9 июня оканчивает Лицей, 13 июня зачислен на службу в Коллегию иностранных дел в чине коллежского секретаря.

"После шестилетнего воспитания в Лицее Пушкин вступил в министерство иностранных дел с чином коллежского секретаря. Аттестат, выданный ему из Лицея, свидетельствовал, между прочим, об отличных успехах его в фехтовании и танцевании и о посредственных в русском языке"[4].

"Упражнения в словесности французской и российской были всегда любимыми занятиями Пушкина, в коих он наиболее успевал. Кроме того, он охотно учился и наукам историческим, но не любил политических и ненавидел математических; почему всегда находился в числе последних воспитанников второго разряда и при выпуске из Лицея получил чин 10-го класса. (Воспитанники 1-го курса разделены были только на два разряда и при выпуске своём из Лицея награждены были чинами: во-первых, офицера гвардии (или IX классом) и, во-вторых, офицера армии (или X классом)"[5].

"В начале 1817 года был весьма примечательный первый выпуск воспитанников из Царскосельского лицея; немногие из них остались после в безызвестности. Вышли государственные люди, как, например, барон Корф, поэты, как барон Дельвиг, военно-учёные, как Вальховский, политические преступники, как Кюхельбекер. На выпуск же молодого Пушкина смотрели члены "Арзамаса" как на счастливое для них происшествие, как на торжество"[6].

Первая молодость: С.-Петербург, южная ссылка (Кишинёв, Одесса)

Летом 1817 года, сразу по окончании Лицея, он был "распределён" по внешнеполитическому ведомству, на должность переводчика главного Архива, это важно нам.

---

[4]Пушкин Л.С. Биографическое известие об А.С.Пушкине до 1826 года // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1985. - Т. 1. - С. 50.

[5]Комовский С.Д. Воспоминания о детстве Пушкина // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1985. - Т. 1. - С. 59.

[6]Вигель Ф.Ф. Из "Записок" // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1985. - Т. 1. - С. 221.

После распределения и поступления на службу восемнадцатилетний Пушкин, чиновник X класса, в звании коллежского секретаря, проводит два летних месяца в Михайловском, родовом имении матери. Через семь лет, томясь в изгнании, вспомнит и напишет об этом: "Вышед из Лицея, я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч., но всё это нравилось мне не долго. Я любил и доныне люблю шум и толпу и согласен с Вольтером в том, что деревня est le premier..." [Пушкин А.С. ПСС, т. 8, с. 19].

Природные склонности и характер могут способствовать или мешать продвижению по служебной лестнице. Поэтические вольности, дерзкий ум и язык, незаурядность личности, самостоятельность у подчинённых раздражают, редко придутся начальству, власть предержащим, по нраву. К тому же свободомыслящий поэт в ведомстве вовсе не проявлял должного рвения по службе, сказано дипломатично. Во второй половине года написана ода "Вольность", вскоре послужит одной из причин отправки автора на юг.

В первой молодости человек увлечён новизной ощущений, вокруг весёлая жизнь, знакомство и дружба, спешит испытать на себе разные прививки увлечений, направлений и философии. В самом начале пройден дендизм, были арзамасцы и романтизм, Чаадаев и скептицизм, придёт полоса декабризма, выпадение в космополитизм, франкмасонство, настанет панславизм, патриотизм, шовинизм придёт позже. С возрастом поменяются вкусы и взгляды. Идеи, убеждения и отношения капризны и переменчивы, погодное явление, живая мысль в мучительном поиске непостижимого смысла и назначения жизни.

Человек, вступая в жизнь и на её протяжении, строит планы-замки, задумываясь, как же быть и кем стать. Можно догадаться, о чём мечтает юноша, заканчивающий Лицей. Юные романтики увлечены новизной и яркостью ощущений, захвачены первыми радостями, неожиданно открываются перспективы, горизонты, просторы, и ты на коне. Молодого Пушкина отличают общительность, любознательность, жизнелюбие, интерес к женскому полу, возбудимость и азарт. Живя молодо и весело, участвует в дружеских попойках, тянется к острому слову, не чурается либеральных идей и речей в кругу ниспровергателей косности и архаики, ничего святого. Скоро за то поплатится.

А.С.Пушкин хранит в себе чувство солидарности и привязанности к воспитанникам и выпускникам Лицея, следя за продвижением по службе, за участью и судьбой своих однокашников. Так, он не терял из виду и поддерживал связь с бывшим лицейским товарищем Ломоносовым, Сер-

геем Георгиевичем, разом начали служить в Коллегии иностранных дел по окончании Лицея. Вполне преуспевший дипломат дослужится до чина тайного советника, отработав секретарём российских посольств в Соединённых Штатах, Франции, Дании, ещё при жизни Пушкина.

В те же годы, после Лицея, не Пушкина, его сослуживца Кривцова, Николая Ивановича, назначили в посольство в Лондон, там продержался в 1818-19 годах. Посетив европейские страны, общался с Гёте, госпожой Сталь и другими знаменитостями – своеволие и вольнодумство чиновника. Шла дружеская переписка, и было влияние, проявление рискованной смелости, дерзость молодости. Возвращается из кругосветного путешествия Фёдор Матюшкин, лицейский товарищ Пушкина, станет адмиралом и сенатором.

В 1820 году Кюхельбекер в Веймаре встречается с Гёте, получает автограф. Грибоедов начинает дипломатическую службу в Персии. В кругу Пушкина постоянно ведётся разговор о жизни в иных странах, заграница влечёт и манит. Люди странствуют, скитаются, стремятся, собираются, отправляются, возвращаются или не возвращаются. Чаадаев замышляет новую поездку в Европу, Пушкин знает, завидует. Словом, знакомые и друзья путешествуют на законных основаниях, посещая чужие края, дело вполне обычное, надо сказать.

Не пройдёт и трёх лет после Лицея, высокое начальство назначат ему тёплую высылку, вместо Соловков или бессрочной Сибири, грозивших всерьёз, за самовольности, святотатство и прочие непристойности. Только проба голоса, как проба пера, – певец вызывает восторг у дружественной публики. Пока в Петербурге, наслаждайся живой атмосферой и воздухом общения с однодумцами, единоверцами, сослуживцами, приятелями, случайными встречными, всё расширяется волна знакомств и связей, беззаботная молодость и светский стиль в Александровскую эпоху, в городе на Неве, архитектурные ансамбли, дворцы и гранитные набережные, выставочная столица колоссальной имперской державы, выглядывающей туда.

В привычном обществе человек публично испытывает себя в деятельном слове и демонстративных жестах, примерно позирует, ищет своё место, образ и интонацию, учитывая обстановку, какие-то правила и происходящее, действия, намерения и волю других участников события. Очевидно, во всяком эпизоде и случае имеются роли и некие взаимоотношения, можно назвать логикой, даже если мотивы неуловимы и совсем стёрты, всё равно текст, связный или бессвязный рассказ жизни. Что-то понятно, внятно и членораздельно – мнения,

условности, какие-то ценности, культура и светскость, способ и стиль сосуществования, – и под слоем сознания невыразимая бездна.

1820 год, через три года после окончания Лицея, Пушкин уличён в сочинении кощунственных стихов, и А.Голицын, обер-прокурор Священного Синода, предлагал за святотатство наказать поэта высылкой из страны. В кругу клерикалов обсуждались и более суровые санкции. В.А.Жуковскому, Н.М.Карамзину, А.И.Тургеневу удалось добиться смягчения наказания – на первый раз Пушкин, кажется, отделался лёгким испугом, его отправили по службе в Молдавию, потом перевели в Одессу, и стало со временем называться это "южной ссылкой".

Напряжённую и волнительную коллизию, слом карьеры, повлиявший и на дальнейшую жизнь гения, тактичный П.Анненков обрисует в мягких тонах, полагая, что "поводом к удалению Пушкина из Петербурга были его собственная неосмотрительность, заносчивость в мнениях и поступках, которые вовсе не лежали в сущности его характера, но привились к нему по легкомыслию молодости и потому, что проходили тогда почти без осуждения".

Словом, на поприще дипломатической службы ему не повезло с самого начала, ожидаемая европейская командировка сорвалась, не получит никогда дозволения поехать за границу, в ответ на просьбу разрешить поездку в "чужие края" получает отказ. В то время как на том же поприще, по тому же внешнеполитическому ведомству, ряд лицейских товарищей и знакомых, оказалось, стали удачливыми дипломатами, делали карьеру, вписавшись в систему с отведённой им ролью, играя по правилам и законопослушно, хватало ума быть осторожными, командными и уживчивыми в меру.

"Три года прошло, как семнадцатилетний Александр Пушкин был выпущен из Лицея и числился в Иностранной коллегии, не занимаясь службой. Сие кипучее существо, в самые кипучие годы жизни, можно сказать, окунулось в её наслаждения. Кому было остановить, остеречь его?"[7].

1820 г. В середине апреля объяснение с г.-губернатором Петербурга гр. М.Милорадовичем по поводу политических стихотворений ("Вольность", "К Чаадаеву" и пр.). Распространяются слухи о ссылке Пушкина в Соловецкий монастырь. Хлопоты Карамзина, Жуковского, Чаадаева, Ф.Глинки облегчили участь поэта: ни Сибирь, ни Соловки не стали местом его ссылки. 6 мая Пушкина высылают из Петербурга в Екатеринослав под надзор ген. И.Н.Инзова.

---

[7]Вигель Ф.Ф. Из "Записок" // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1985. - Т 1. - С. 222.

28 мая с семьёй ген. Раевского выезжает на Кавказ. 21 сентября оставляет Крым и через Одессу едет в Кишинёв, куда переехала канцелярия Инзова, назначенного и. о. наместника Бессарабского края.

"Известные сочинения его Ode sur la liberte, Людмила и Руслан, также Чёрная шаль; он много писал против правительства и тем сделал о себе много шуму, его хотели послать в Сибирь или Соловецкий монастырь, но государь простил его, и как он прежде просился ещё в южную Россию, то и послали его в Кишинев с тем, чтоб никуда не выезжал"[8].

"Когда вышел его "Руслан и Людмила", за разные вольные стихи, особенно за "Оду на свободу", император Александр решился отправить его в Соловки. Здесь спас его Пётр Яковлевич Чаадаев. Он отправился к Карамзиным, упросил жену Карамзина, чтоб она допустила в кабинет мужа (который за своею "Историей" по утрам никого, даже жену, не принимал), рассказал Карамзину положение дела, и тот тотчас отправился к Марии Фёдоровне, к которой имел свободный доступ, и у неё исходатайствовал, чтобы Пушкина послали на юг"[9].

"Помолчав немного, государь с живостью сказал: "Не рано ли?!" Потом, ещё подумав, прибавил: "Ну, коли уж так, то Мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соответствующим чином и с соблюдением возможной благовидности, отправить (его) на службу на Юг!" Вот как было дело. Между тем в промежутке двух суток разнеслось по городу, что Пушкина берут и ссылают. Гнедич с заплаканными глазами (я сам застал его в слезах) бросился к Оленину; Карамзин, как говорили, обратился к государыне; а (незабвенный для меня) Чеодаев хлопотал у Васильчикова, и всякий старался заложить слово за Пушкина. Но слова шли своею дорогою, а дело исполнялось буквально по решению"[10].

"Весною 1820 года Пушкин был назначен в канцелярию генерала Инзова, Бессарабского наместника"[11].

В сентябре 1820 года в письме брату напишет: "Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провёл я посреди семейства почтенного Раевского. <...> Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и кото-

---

[8]Лугинин Ф.Н. Из "Дневника" // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1985. - Т. 1. - С. 237.

[9]Шевырев С.П. Рассказы о Пушкине // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1985. - Т. 2. - С. 49.

[10]Глинка Ф.Н. Письмо к П.И.Бартеневу с воспоминаниями о высылке А.С.Пушкина из Петербурга в 1820 году // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1985. - Т. 1. - С. 213.

[11]Пушкин Л.С. Биографическое известие об А.С.Пушкине до 1826 года // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1985. - Т. 1. - С. 51.

рой никогда не наслаждался, – счастливое, полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение, – горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда – увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского"[12] (ПСС, Т. 10, с. 19).

Конечно, Крым, Гурзуф, последовавший за Кавказскими минеральными водами, Раевские возили опального поэта, запомнилось чудесное путешествие в сказочно красивый мир. С Николаем Раевским-младшим знаком с лицейских лет, как и с Петром Чаадаевым и другими офицерами, служившими в л.-гв. гусарском полку, в те годы расквартированном в Царском Селе. Знакомство и дружба с участниками Отечественной войны не прошли даром для поэта, расположенного к свободомыслию и воспеванию вольности, едва не разделил участь декабристов, судьба хранила его.

1823 г. 13 января обращается к гр. Нессельроде с просьбой разрешить ему отпуск на 2-3 месяца в Петербург. 27 марта получил отказ. Весной в административном устройстве юга России происходят перемены: новороссийское генерал-губернаторство и бессарабское наместничество сосредоточены теперь в одних руках. Начальником края назначается М.С.Воронцов. 21 августа Пушкин зачислен на службу в канцелярию М.С.Воронцова, переезжает из Кишинёва в Одессу.

1824 г. 2 мая М.С.Воронцов обращается к К.В.Нессельроде с просьбой об удалении Пушкина из Одессы: "Кстати, повторяю мою просьбу, – избавьте меня от Пушкина; это, может быть, превосходный малый и хороший поэт, но мне бы не хотелось иметь его дольше ни в Одессе, ни в Кишинёве". 23-31 мая командировка. 8 июня прошение об отставке.

"По совету сего любезного друга Пушкин отправился и, возвратясь дней через десять, подал донесение об исполнении порученного. Но в то же время, под диктовку того же друга, написал к Воронцову французское письмо, в котором, между прочим, говорил, что дотоле видел он в себе ссыльного, что скудное содержание, им получаемое, почитал он более пайком арестанта; что во время пребывания его в Новороссийском крае он ничего не сделал столь предосудительного, за что бы мог быть осуждён на каторжную работу (aux travaux forces), но что, впрочем, после сделанного из него употребления он, кажется, может вступить в права обыкновенных чиновников и, пользуясь ими, просить об увольнении от службы"[13].

---

[12]Жизнь Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники: В 2 т. - М., 1988. - Т. 2. - С. 358.

[13]Вигель Ф.Ф. Из "Записок"//А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1985. - Т. 1. - С. 230.

Хочет бежать за границу через Константинополь (июнь – июль). 8 июля по высочайшему указу уволен "вовсе от службы" (в особой рубрике к этому прибавлено: "без награждения чином"). 11 июля министр иностранных дел К.В.Нессельроде сообщает М.С.Воронцову в ответ на его письмо от 2 мая 1824 года: "Его Величество вполне согласился с Вашим предложением об удалении его из Одессы. <…> Но находит необходимым удалить его в имение родителей, в Псковскую губернию, под надзор местного начальства. Ваше сиятельство не замедлит сообщить Пушкину это решение, которое он должен выполнить в точности, и отправить его без отлагательства в Псков, снабдив прогонными деньгами".

31 июля Пушкин выезжает из Одессы в родное село Михайловское. 9 августа прибывает на место новой, административной, ссылки, под опеку родительскую.

В Михайловском (9 августа 1824 – 27 августа 1826)

Псковщина – русский Север. Пушкин хочет бежать за границу через Дерпт (ноябрь – декабрь). Между 30 ноября – 4 декабря 1825 года узнаёт о смерти Александра I.

С.Ломоносов, находясь в отпуске в Дерпте, рукой подать до Пскова, по-приятельски хотел навестить опального поэта, но не свернул с пути, осторожно проехал мимо титулярный советник. Впоследствии сумеет занять должность посланника в Бразилии, Португалии, Нидерландах.

1826 г. В начале июня пишет прошение на имя Николая I о разрешении выехать для лечения "в Москву, или в Петербург, или в чужие края". 27 августа по высочайшему повелению государя императора везут в Москву. И 8 сентября состоялась встреча и беседа с Николаем I в Чудовом монастыре.

После возвращения в столицу (8 сентября 1826 – февраль 1831)

1827 г. 27 января допрос Пушкина московским обер- полицмейстером о стихотворении "Андрей Шенье". 1828 г. Весной Пушкин обращается к Бенкендорфу с просьбой дать назначение на Кавказ, в действующую армию, получает отказ. В августе петербургский военный г.-губернатор допрашивает Пушкина о "Гавриилиаде".

"Однажды Пушкин между приятелями сильно русофильствовал и громил Запад. Это смущало Александра Тургенева, космополита по обстоятельствам, а частью и по наклонности. Он горячо оспаривал мнения Пушкина; наконец не выдержал и сказал ему: "А знаешь ли что, голубчик, съезди ты хоть в Любек". Пушкин расхохотался, и хохот обезоружил его. Нужно при этом напомнить, что Пушкин не бы-

вал никогда за границею, что в то время русские путешественники отправлялись обыкновенно с любекскими пароходами и что Любек был первый иностранный город, ими посещаемый"[14].

"Пушкин говорил мне: "Я хочу написать сочинение о Пугачёве. Я отправлюсь на место происшествия, перевалю через Урал, проеду дальше и приду просить у вас убежища в Нерчинских рудниках". Он написал свою прекрасную книгу, которая привела всех в восхищение, но в наш край так и не попал"[15]. Последняя встреча произошла в Москве на вечере у З.А.Волконской 26 декабря 1826 года, накануне отъезда М.Н.Волконской к сосланному мужу в Сибирь. История Пугачёва вышла в свет в 1833 году.

31 декабря дело о "Гавриилиаде" закрыто резолюцией Николая I: "Мне это дело подробно известно и совершенно кончено".

1829 г. Незаурядная и сложная личность А.П.Ермолова, близкого к декабризму и популярная в оппозиционных кругах, как и его деятельность на Кавказе, привлекали внимание поэта, вызывая живой интерес. В мае 1829 года едет в Орёл и обсуждает с отставным генералом вопросы государственной политики и истории России. Позже выразит желание быть издателем "Записок" и историком жизни и деятельности генерала. Тёплых чувств не питает к И.Ф.Паскевичу, "покорителю Эривани, Арзрума и Варшавы", хотя и воспользовался тяжёлым покровительством в путешествии по Закавказью, в самом театре военных действий, когда взятием Арзрума заканчивалась русско-турецкая война. Граф Эриванский ждал прославления успехов кампании, однако, к чести Пушкина, тот воздержался от славословия и воспевания имперских амбиций фельдмаршала. Пользовавшийся доверием и расположением Николая I, Паскевич станет наместником Царства Польского с особыми полномочиями.

Автор "Кавказского пленника" (впоследствии и "Путешествия в Арзрум") дважды, в лето 1820-го и 1829-го, побывает на Кавказе. Поэт, очарованный природой, впитывает краски, голоса, запахи Кавказа, древность и историю, величие гор, особенный мир, духи парят. Наблюдает быт и обычаи, осмысливает поведение и характер туземства, замечает и оценивает межплеменные отношения, этническое своеобразие, психологию и культуру. Пушка, стрелявшая картечью, казалась страшным оружием, естественно, лошадиная тяга. Чудный поэт, шляпа с огромными

[14]Вяземский П.А. Из "Старой записной книжки" // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1985. - Т. 1. - С. 141.

[15]Волконская М.Н. Из "Записок" // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1985. - Т. 1. - С. 218.

полями, на коне, пика наперевес, скачет вперёд, не известно за чем, казаки вдогонку за ним. Поиграл в войнушку, с поэтическим вдохновением и присущим ему азартом, в картишки на обратном пути, как всегда, продулся уже на Кавказских минеральных водах.

Путешествие обогащает впечатлениями и наблюдениями, развивает чувства и ум, пища для размышления и творчества, были бы способности и талант воспользоваться обстоятельством запредельности и духовной встречи с иным и непривычным, приходится переваривать инакомыслие культур и отвечать на неизбежный спор и вызов соперников, конкурентов, врагов в борьбе за место под солнцем, благодатное и престижное. Была возможность видеть в действии и попутно разбираться в целях, причинах и мотивах смертельного соперничества за господство над территориями, там горные хребты окаймляют грациозно поле империи.

Не напрасно Александр Пушкин находит повод и использует случай для близкого общения, располагающего к неформальной откровенности в разговорах на злободневные и вечные темы, с выдающимися генеральскими чинами, как Раевский, Ермолов, Паскевич, видными государственными деятелями своего времени. В Отечественной войне 1812 года в первой линии против Наполеона, защищали и освобождали Отчизну, на высоких должностях. Ревностные в ратной службе, не просто тактики, масштабные и, настроенные имперски, стратегические умы, знали дело. Кстати заметить, двое из них годы командовали Особым Кавказским корпусом, завоёвывая горы. Можно догадываться, насколько имперская идеология победна и привлекательна, слова захватывали дух беспечной молодости и оставили след в сознании. Поэт не раз вспомнит влиятельных собеседников, и не случайно.

Интересно, каким было досье, то же "личное дело", на Александра Пушкина в канцелярии III отделения, у Бенкендорфа. Его люди следили за частной жизнью поэта, за его передвижением, контактами, встречами, разговорами, выступлениями и обсуждениями в кругу близких знакомых и друзей. Собирались сведения, где останавливался, у кого с кем общался, какие произведения читал. Анализировались высказывания, выводы касались в первую очередь политической благонадёжности, лояльности строю и престолу. Слежка, цензура, перлюстрация, доносы, доклады и оргвыводы, запреты, выговоры, наставления портили человеку жизнь, они невыносимы. Как эти дела и санкции однообразны и понятны нам, в другой век, в иной стране. Или дьявольщина вечна, тайная полиция надолго. Имеет вес и знает цену, одна роль, устойчивая и консервативная сила, организация и институция.

1830 г. 7 января Пушкин просит позволения уехать за границу или сопровождать посольство в Китай. Имелись правовые основания Александру Сергеевичу претендовать на выезд и заграничный вояж. Подтвердит Ю.М.Лотман.

"Отделение дворянских привилегий от обязательной личной службы и утверждение, что самый факт принадлежности к сословию даёт право на душе- и землевладение, было оформлено двумя указами: указом Петра III от 20 февраля 1762 года ("Манифест о вольности дворянства") и Екатерины II от 21 апреля 1785 года ("Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства"). По этим документам, дарование дворянам сословных прав: освобождение от обязательной службы, от телесных наказаний, право "беспрепятственно ездить в чужие края" и "вступать в службы прочих европейских нам союзных держав" – получало и более широкую трактовку. В Грамоте Екатерины II содержался пункт 17-й, где писано: "Подтверждаем на вечные времена в потомственные роды российскому благородному дворянству вольность и свободу". Дворянину гарантировалась неприкосновенность "чести, жизни и имения".

Пушкин имел законное право на выезд за пределы России, в любую страну мира. В Российском государстве, однако, издавна судьба подданных зависела от воли и слова Государя. Царь-батюшка решает и повелевает, кого миловать, кого казнить. Спокон веку крепостное право на Руси, куда денешься. 27 января Пушкин получает ответ А.Х. Бенкендорфа, сообщается, что "Его Императорское Величество не соизволил удовлетворить" просьбу о разрешении поехать в чужие края[16]. Александр I и Николай I распорядились, один за другим, по-своему проучить и наказать стихотворца за дерзость и наглость – никакой ему Европы, ни Азии, сидеть на месте, держать, не пущать! Конечно, обидно. "Пушкин просился за границу, но государь не пустил его, боялся его пылкой натуры, – вообще же с ним был чрезвычайно обходителен"[17].

Не касаться бы скользкой темы об охранной и репрессивной составляющих имперской власти, однако именно фактор полицейского давления, наказания, ограничения свободы передвижения и творчества, ущемление прав личности – политическая атмосфера жизни – в конечном счёте решит трагическую судьбу поэта, так считали друзья, взгляд разделяют пушкинисты. С точки зрения господствующих нравов и морали, не было безупречным его поведение в ранней молодо-

[16]См.: Жизнь Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники: В 2 т. - М., 1988. - Т. 1. - С. 273-274.
[17]Шевырев С.П. Рассказы о Пушкине // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1985. - Т. 2. - С. 51.

сти, близко знался с "бунтовщиками", сочинял непотребное, в глазах начальства шалопут и неблагонадёжен, без царя в голове, безбожник. Раз попался – перевоспитывать и мучить станут до смерти, есть кому поручить и заняться.

6 апреля Пушкин вторично делает предложение Н.Н.Гончаровой, на сей раз согласие получено. 6 мая состоялась помолвка.

Семейный этап, финал жизни (18 февраля 1831 – 29 января 1837)

1831 г. 18 февраля венчание Пушкина с Н.Н.Гончаровой в Москве, в церкви Светлого Вознесения на Б.Никитской. 22 июля Пушкин сообщает в письме П.А.Плетнёву: "Царь взял меня в службу – но не канцелярскую, или придворную, или военную – нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы"[18].

"22-го сентября. Пушкин в стихах своих "Клеветникам России" кажет им шиш из кармана. Он знает, что они не прочтут стихов его, следовательно, и отвечать не будут на вопросы, на которые отвечать было бы очень легко, даже самому Пушкину. За что возрождающейся Европе любить нас? Вносим ли мы хоть грош в казну общего просвещения? Мы тормоз в движениях народов к постепенному усовершенствованию, нравственному и политическому. Мы вне возрождающейся Европы, а между тем тяготеем на ней. Народные витии, если удалось бы им как-нибудь проведать о стихах Пушкина и о возвышенности таланта его, могли бы отвечать ему коротко и ясно: мы ненавидим, или, лучше сказать, презираем вас, потому что в России поэту, как вы, не стыдно писать и печатать стихи, подобные вашим.

Мне так уж надоели эти географические фанфаронады наши: "От Перми до Тавриды" и проч. Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что мы лежим врастяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч вёрст, что физическая Россия – Федора, а нравственная – дура. Велик и Аникин, да он в банке. Вы грозны на словах, попробуйте на деле. А это похоже на Яшку, который горланит на мирской сходке: да что вы, да сунься-ка, да где вам, да мы-то! Неужели Пушкин не убедился, что нам с Европою воевать была бы смерть. Зачем же говорить нелепости, и ещё против совести, и более всего без пользы? Хорошо иногда в журнале политическом взбивать слова, чтобы заметать глаза пеною, но у нас, где нет политики, из чего пустословить, кривословить? Это глупое ребячество или постыдное унижение"[19].

---

[18]Жизнь Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники: В 2 т. - М., 1988. - Т. 2. - С. 424.

[19]Вяземский П.А. Из "Записных книжек (1831)" // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1985. - Т. 1. - С. 150.

14 ноября Пушкин официально зачислен вновь на службу в ведомство Государственной коллегии иностранных дел. "Государь император высочайше повелеть соизволил: отставного коллежского секретаря Александра Пушкина принять в службу тем же чином и определить его в Государственную коллегию иностранных дел" (К.В. Нессельроде). 6 декабря пожалован в титулярные советники. "Государь император всемилостивейше пожаловать соизволил состоящего в ведомстве Государственной коллегии иностранных дел коллежского секретаря Пушкина в титулярные советники" (из документов Государственного и С.-Петербургского главного архивов МИД).

1832 г. 19 мая рождение дочери Марии.

1833 г. 6 июля рождение сына Александра. 7 августа получает разрешение на 4-месячную поездку в Оренбургскую и Казанскую губернии. 29 августа выезжает из Москвы в Казань и Оренбург для сбора материалов по истории Пугачёва. В сентябре посещает Н.Новгород, Казань, Симбирск, Уральск, Оренбург, Берду. 30 декабря пожалован в камер-юнкеры Двора Его Императорского Величества. "Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Анечкове", – запись в дневнике 1 января 1834 года.

1834 г. 25 июня подаёт прошение об отставке, официально напишет А.Х.Бенкендорфу: "Поскольку семейные дела требуют моего присутствия то в Москве, то в провинции, я вижу себя вынужденным оставить службу и покорнейше прошу Ваше сиятельство исходатайствовать мне соответствующее разрешение. В качестве последней милости я просил бы, чтобы дозволение посещать архивы, которое соизволил мне даровать Его Величество, не было взято обратно"[20]. Нет, не положено. Пройдёт неделя, 3 июля он будет просить оставить прошение об отставке без исполнения. Вся деловая переписка – и прошение, и отказ – на французском, своё наречие не столь приспособлено для такой формальности. Тогда культивировался и был в моде сословный стиль светского общения, им овладевали с раннего детства, то не грех. 13 сентября Пушкин в Болдине.

1835 г. 8 – 12 мая Пушкин находится в Тригорском. 14 мая рождение сына Григория. В июле – августе обращается к Бенкендорфу с просьбой о выдаче ему государственной ссуды ввиду огромного количества долгов. "Всемилостивейше пожаловано ему в ссуду без процентов 30000 рублей из Государственного казначейства, с обращением в уплату этой суммы получаемого им жалования. 1835 г., августа 16-го".

[20]Жизнь Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники: В 2 т. - М., 1988. - Т. 2. - С.598-599.

1836 г. 26 февраля командирован в Московский главный архив для занятий по делам службы. До роковой черты – дуэли на Чёрной речке – остаётся год. 29 марта смерть матери, 8 апреля едет в Псковскую губернию для погребения матери, 13 апреля похороны Н.О.Пушкиной. 23 мая рождение дочери Натальи. 4 ноября получает анонимное послание, 5 ноября вызывает Дантеса на дуэль.

"Происходя из арапской фамилии, в нраве Пушкина отзывалось восточное происхождение. В нём проявлялся навык отцов его к независимости, в его приёмах – воинственность и бесстрашие, в отношениях – справедливость, в чувствах – страсть благоразумная, без восторгов, и чувство мести всему, что отступало от природы и справедливости"[21]. "Мы говорили выше о добросердечии Пушкина. Теперь, возвращаясь к исходной точке нашей приписки, скажем, что, при всём добросердечии своём, он был довольно злопамятен, и не столько по врождённому свойству и увлечению, сколько по расчёту; он, так сказать, вменял себе в обязанность, поставил себе за правило помнить зло и не отпускать должникам своим"[22].

Из не отправленного письма Чаадаеву, от 19 октября 1836 года: "Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблён, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог её дал" [ПСС. Т. 10, с. 872]. Такое вот тихое упрямство, настроение, испытание и упражнение. И это тоже Пушкин, за три месяца до погибели.

Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к павшим призывал. А.П.

1837 г. 29 января умер. "Погиб поэт, невольник чести".

После смерти

"8 марта…Жуковский читал нам своё письмо к Бенкендорфу о Пушкине и о поведении с ним государя и Бенкендорфа. Критическое расследование действия жандармства. И он закатал Бенкендорфу, что Пушкин погиб оттого, что его не пускали ни в чужие края, ни в деревню, где бы ни он, ни жена его не встретили Дантеса" (Тургенев А.И. Из "Дневника" // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1985. - С. 219).

---

[21]Вельтман А.Ф. Воспоминания о Бессарабии //А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1985. - Т. 1. - С. 93.

[22]Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. - М., 1985. - Т. 2. - С. 121.

"Во все эти 12 лет, прошедшие с той минуты, в которую государь так великодушно его присвоил, его положение не переменилось; он всё был как буйный мальчик, которому страшишься дать волю, под строгим, мучительным надзором. Все формы этого надзора были благородные: ибо от вас оно не могло быть иначе. Но надзор всё надзор. Годы проходили; Пушкин созревал, ум его остепенялся. А прежнее против него предубеждение, не замечая внутренней нравственной перемены его, было то же и то же. Он написал "Годунова", "Полтаву", свои оды "К клеветникам России", "На взятие Варшавы", то есть всё своё лучшее, принадлежащее нынешнему царствованию, а в суждении о нём всё указывали на его оду "К свободе", "Кинжал", написанный в 1820 году; и в 36-летнем Пушкине видели всё 22-летнего... Но подумайте сами, каково было бы вам, когда бы вы в зрелых летах были обременены такою сетью, видели каждый шаг ваш истолкованным предубеждением, не имели возможности произвольно переменить место без навлечения на себя подозрения или укора. В ваших письмах нахожу выговоры за то, что Пушкин поехал в Москву, что Пушкин поехал в Арзрум. Но какое же это преступление? Пушкин хотел поехать в деревню на житьё, чтобы заняться на покое литературой, ему было в том отказано под тем видом, что он служил, а действительно потому, что не верили. Но в чём же была его служба? В том единственно, что он был причислен к иностранной коллегии. Какое могло быть ему дело до иностранной коллегии? Его служба была его перо, его "Пётр Великий", его поэмы, его произведения, коими бы ознаменовалось нынешнее славное время?"[23].

"Ваше сиятельство не могли заметить этого угнетающего чувства, которое грызло и портило жизнь его. Вы делали изредка свои выговоры, с благим намерением, и забывали об них, переходя к другим важнейшим вашим занятиям, которые не могли дать вам никакой свободы, чтобы заняться Пушкиным. А эти выговоры, для вас столь мелкие, определяли целую жизнь его: ему нельзя было тронуться с места свободно, он лишён был наслаждения видеть Европу, ему нельзя было произвольно ездить и по России, ему нельзя было своим друзьям и своему избранному обществу читать свои сочинения, в каждых стихах его, напечатанных не им, а издателем альманаха с дозволения цензуры, было видно возмущение. Позвольте сказать искренно. Государь хотел своим особенным покровительством остепенить Пушкина и в то же время дать его гению полное развитие; а вы из сего покровитель-

[23]Жуковский В.А. Письмо к А.Х.Бенкендорфу. 25 февраля - 8 марта 1837 года // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1985. - Т. 2. - С. 411.

ства сделали надзор, который всегда притеснителен, сколь бы, впрочем, ни был кроток и благороден (как всё, что от вас истекает)"[24].

"Мы разобрали все его бумаги. Полагали, что в них найдётся много нового, писанного в духе враждебном против правительства и вредного нравственности. Вместо того нашлись бумаги, разительно доказывающие совсем иной образ мыслей: это особенно выразилось в его письме к Чаадаеву, которое он, по-видимому, хотел послать не по почте, но не послал, вероятно, по той причине, что он не желал своими опровержениями оскорблять приятеля, уже испытавшего заслуженный гнев государя"[25].

Трудовая книжка

Это мудрое изобретение бюрократии. Имеется таковая у каждого, стоило наняться на службу. И записи там разные, у кого больше, у кого поменьше. Документ сей, вкупе со словесным творчеством кадровиков, связан с историческим прогрессом и общественным развитием. Во времена Пушкина, это 37 лет начала XIX века, как известно, подобный литературный жанр существовал в канцелярии. После смерти поэта прошёл едва ли не целый век, прежде чем в стране строгого социального порядка изобрели обязательную регламентацию и норму в трудовом законодательстве, ввели в практику инструмент государственного регулирования и затвердили режим. "Кадры решают всё!", кому ещё не ясно. Там ведают, что надо, следят за соблюдением штатного расписания, учитывают требуемое, хранятся личные дела с автобиографиями. Живи Александр Сергеевич теперь, не тогда, задолго до отмены крепостного права в царской России, была бы у него эта достопримечательность. Не так сложно представить, какие записи появились бы в трудовой книжице. Современным слогом было бы так:

№ 1. 1817 год, 13 июня. Зачислен на службу в Коллегию иностранных дел в чине коллежского секретаря.

№ 2. 1824 год, 8 июля. Высочайшим повелением уволен со службы. Удовлетворено прошение Пушкина от 8 июня об отставке.

№ 3. 1831 год, 14 ноября. Зачислен на службу в ведомство Государственной коллегии иностранных дел в чине коллежского секретаря.

Основание для зачисления указывает сам министр граф К.В. Нессельроде: "Государь Император высочайше повелеть соизволил: отставного коллежского секретаря Александра Пушкина принять в

[24]Там же. - С. 415.
[25]Там же. - С. 410.

службу тем же чином и определить его в Государственную коллегию иностранных дел"[26].

№ 4. 1831 год, 6 декабря. "Государь Император всемилостивейше пожаловать соизволил состоящего в ведомстве Государственной коллегии иностранных дел коллежского секретаря Пушкина в титулярные советники" (из документов Государственного и С.-Петербургского главного архивов МИД).

№ 5. 1833 год, 30 декабря. Пожалован в камер-юнкеры Двора Его Императорского Величества.

Этими пятью записями исчерпывается послужной список Пушкина. В общей сложности, легко посчитать, "трудовой стаж" Пушкина насчитывает двенадцать лет. Не преуспел на государственной службе, не сделал карьеры, не сложился дипломат из архивного мальчика. Правда, с лета 1831 года занимал привилегированную должность историографа при дворе, не просто почёт, но жалованье, и права, и творчество, живая работа, писательский труд, литература. Его дело, как ни тяготился поэт зависимостью от самодержавной власти. Не раз порывался уйти в отставку, но вовремя, не без душевных терзаний, сдерживал себя.

Государство держится на крепостном праве: привилегии одним, угнетение иных. В стране устанавливается и отстаивается самодержавный режим, имперский порядок, чинопочитание: власти, кадровые стражники, охранители, прислужники и пр. Придёт срок, учреждение и организация начнут заводить на всякого вольнонаёмного, служащего и рабочего, по особой форме "личное дело", одно из замечательных изобретений канцелярии, можно гордиться мощью архивариусов.

"Личное дело" поголовно заполняется строго каждым и содержится в отделе кадров, всегда под рукой у начальства и вышестоящих, чтобы увидеть сразу, кто есть кто: нет ли родственников, где не надо, судимости, какие заслуги и награды, как обстоит дело с национальностью, партийностью и супружеством. Вопрос о вероисповедании для атеистов теряет смысл. Сведения о захоронении предков приобретают особенную значимость, следует сообщить в автобиографии, если готовишь выездное дело, оформляешься в заграничную командировку. Не забыть медицинскую справку, пустая формальность и трата времени.

---

[26]"Желание написать историю Петра Первого возникло у Пушкина ещё в 1827 г., однако только после зачисления поэта на службу 14 ноября 1831 г. ему был разрешён доступ в государственные архивы, позволивший серьёзно заняться работой" (См.: Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. - М., 1985. - Т. 2. - С. 490).

Догадались тот набор бумаг и записей назвать скромно "личным делом". В русском языке называется "личным" то дело, которое других не касается и как бы не должно интересовать. Человек может иметь свою жизнь, свои интересы, тайны. Личное – значит, не общественное, не государственное, не служебное, в чём никому не подотчётен, не должен докладывать, сообщать, отчитываться. Мысли, чувства, убеждения, вера, как и неверие, в глубине и про себя, – личная жизнь, твои переживания. Иное дело идеология, наука, искусство, философия, вероучение, религия. Они над личностью, общественное достояние, публичное явление, связанное с коммуникацией, общением, распространением и соперничеством, диалогом и пропагандой.

Перед громадой государевых слуг и мощью нерушимого чиновничьего аппарата человек обречён на послушание и бесправие. Вне и без организации гражданского общества не преодолеть самочинства бюрократии и власти, склонной к манипуляциям и махинациям. Об этом говорится в открытую, столь распространено и очевидно. Тот же обыватель научается выживать в массе, без перегрева и под шумок, приноравливаясь и привыкая к любому режиму: авторитарному, тоталитарному, маразматическому, олигархическому, демократическому. Не было бы хуже, с начальством лучше не ссориться, жить смирно, и вовсе замечательно с "ними" дружить.

Жизнь человеческая устроена замысловато и пещерно, в ней непроходимые подземные коммуникации, блуждают адские силы, слепые, неведомые, неуправляемые мутанты. Крысы заполоняют Землю, становясь многочисленным населением. Быть может, уже мистически вживаются и перевоплощаются, обретая людское обличие. Тихие хищники узнаваемы по походке и повадкам, коварства не занимать, им несть числа, больших поэтов загрызают насмерть. Впрочем, такая метаморфоза не доказана, нет подтверждения на этот счёт, можно не соглашаться и спорить.

Словом, непросто и жёстко складываются отношения между личностью и государством, непримиримо противоречие права и обязанности, свободы и власти, нетерпимо крепостничество, самодержавие. Для предупреждения смуты и инакомыслия, чтобы поддерживать и укреплять режим, установленный порядок правления, благополучие и покой господ, терпение и смирение обездоленных и угнетённых, император учреждает корпус жандармов ("силовые структуры", не столь страшно и броско), генеральские звания и чины не даются даром и зря.

Сто стихов, десять писем

"Несколько раз в жизни Пушкин принимался писать автобиографию, но так и не написал. Его биография осталась нам в его произведениях, среди них нередко попадаются такие, которые насыщены его личными переживаниями и мыслями, а то и прямо описывают события его жизни и настроение. Едва ли не самое значительное место среди подобных произведений принадлежит стихотворению "Вновь я посетил...". Это поэтичный и грустный рассказ – со светлым, чисто пушкинским окончанием – о годах михайловской ссылки"[27].

"Каждый новый этап его жизни определялся именно её поэтическим содержанием: как революционного поэта его выслали из Петербурга весной 1820 года; как неугомонившегося и неусмирённого – перевели в псковскую ссылку; как великого поэта вернули из ссылки после разгрома декабристов (шеф жандармов Бенкендорф писал царю: "Пушкин порядочный шалопай, но если удастся направить его перо, это будет выгодно"). Очень скоро выяснилось, что "направить его перо" не удастся, и за "великим поэтом и великим либералом" всю его жизнь шпионили: и в Москве, и в Петербурге, и в Арзруме – везде" (Там же, с. 259).

Можно сказать, что письма Пушкина разным адресатам, составившие последний, 10-й том его Полного собрания сочинений, – это своего рода книга, которую поэт писал всю свою сознательную жизнь. "В этих письмах так и бьёт струёю светлый и мужественный ум Пушкина, поражает прямизна и верность его взглядов, меткость и как бы невольная красивость выражения, они бросают яркий свет на самый характер Пушкина и дают ключ ко многим событиям его жизни"[28].

"Мы читаем их как повесть о человеческой жизни, полной страданий и борений; мы рассматриваем их как любопытную, бесконечно запутанную и перепутанную сеть дружественных, семейственных, общественных и других отношений, то важных и необходимых, то излишних и ненужных, – а они говорят нашему сердцу, как трогательный рассказ о человеке, отмеченном гением, стойко выносившем тягости жизни и донесшем до могилы и свой дар во всей его мощи, во всём его величии, и нерастраченный запас душевных сил"[29].

"В одном письме времён михайловской ссылки Пушкин признавался: "Мы живём в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры... то моё глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешен-

---

[27]Пушкин А.С. Сто стихотворений и десять писем. - М., 1969. - С. 228.
[28]Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. - М.; Л.: Наука, 1968. - Т. 15. - С. 114.
[29]Лернер Н.О. Проза Пушкина. - Изд. 2. - Пг.; М., 1923. - С. 108-111.

ство"[30]. А в октябре того же 1836 года в письме П.Я.Чаадаеву печалился: "Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь, что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут привести в отчаяние" (Там же, с. 238-9).

"Письма ссыльного поэта запечатлели его литературные интересы, его дружеские отношения, даже в какой-то мере его интимную жизнь. До известной степени по письмам можно воссоздать картину его духовного мира того времени, но лишь до известной степени..." (Там же, с. 312). "Чтением писем Пушкина можно наслаждаться, и не вникая подробно в обстоятельства его жизни. Когда-то он написал по поводу переписки Вольтера: "Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства". Вряд ли можно точнее сказать о его собственных захватывающе интересных, стремительных письмах; они именно драгоценны для потомства и всегда останутся "предметом наших восторгов и изучений" (Там же, с. 333-334).

В феврале 1833 года Пушкин писал П.В.Нащокину: "Жизнь моя в Петербурге ни то ни сё. Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде – всё это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения" (Там же, с. 337). В январе 1836 года Пушкин писал в письме тому же адресату: "Моё семейство умножается, растёт, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться" (Там же, с. 339).

"...Он всецело понимал умом: краткость человеческой жизни. К этим мыслям поэт обращался не раз, но особенно оригинально и сильно они прозвучали однажды, когда молодой Пушкин яростно – и вместе с тем немножко наивно – протестовал против самой возможности небытия и буквально защищал жизнь:

"Ты, сердцу непонятный мрак,
Приют отчаянья слепого,
Ничтожество! Пустой призрак,
Не жажду твоего покрова!
Веселье жизни разлюбя,
Счастливых дней не знав от века,
Я всё не верую в тебя,
Ты чуждa мыслям человека!" (Там же, с. 231-232).

[30]Пушкин А.С. Сто стихотворений.... - С.261.

Из "Воображаемого разговора с Александром I" горькие слова поэта: "Ваше величество, как можно судить человека по письму, писанному товарищу, можно ли школьническую шутку взвешивать как преступление, а две пустые фразы судить как бы всенародную проповедь?" (Там же, с. 293). "И в 1836 году... Перед Пушкиным прошла вся его двадцатилетняя творческая жизнь; он понимал, что его поэтическая слава и память о нём у человечества будут вечными, ибо он заслужил себе право на то, о чём полушутливо мечтал в юности: "Ах! Ведает мой добрый гений, / Что предпочёл бы я скорей / Бессмертию души моей / Бессмертие своих творений", – и что его поэтическая слава о нём у человечества будут вечными" (Там же, с. 264).

"Одна лишь звонкая и широкая песня Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос в отдалённое будущее". Эти прекрасные, точные слова А.И.Герцена характеризуют творчество Пушкина 30-х годов: своими поэмами, повестями и стихотворениями гениальный поэт действительно "посылал свой голос в отдалённое будущее". И лишь в редкие минуты вырывались у него горькие слова, по которым теперь мы можем судить, каково было ему самому, как он переносил свою идейную изоляцию в последние годы и какое место в его мыслях занимали надежды на будущее" (Там же, с. 262).

Оттого что выучишь всё, прочтёшь и запомнишь, вдруг не станешь лучше, и на душе вряд ли тебе станет благостно. Спрашивается, зачем тогда читать и запоминать, морочить голову? Зато будешь в результате образованней, грамотней. В общем, это тоже не так мало, хотя и вовсе не достаточно. Разве тебе лично не любопытно знать, что же есть человек и человеческая жизнь, что творится вокруг нас – то, что называется жизнью. Что же это такое? Люди давно гадают и судят, участвуют в великой забаве образования и познания. Чем больше читают и больше знают, грузят память, тем всё дальше от них окончательный ответ на вопрос. В глазах двоится.

Знать больше и управляться в том, чего нельзя окончательно узнать, – так важно. Очерчивается круг проблем, решаемых и нерешённых. Сколько же их во все времена исторические было, есть и ещё будет, и до нас, и при нас, и после нас, любопытствующих и дерзких. Из всех знаний и поисков складывается культура. Навести какой-то порядок в этой массе и путанице высказываний, мыслей и суждений, очевидно, можешь только ты сам для себя. Знание никак не сказывается на повышении нравственности. Хотя как знать, может, как раз именно

напротив, подчас даже прививает иному грамотею цинизма и зазнайства.

Ибо, думается, всё равно каждый из нас прочтёт и найдёт в книге только лишь то, чему уже верит заранее сам и к чему предрасположен. Мы не ставим перед собой цели сделаться начётчиками и цитатчиками, хотя никто из нас не против бы стать знатоком. Внешний лоск эрудиции – тоже ведь какая-то культура. Пусть не главное, не самое ценное, но не худшее в процессе и деле воспитания. Мы против служения другим людям и моде, похотям, лучше уж, благородней, тяга к изяществу и устремление к истине. Сказано красиво, но слишком общо и потому бессмысленно. Истина, народ, Родина, благо, жизнь, счастье, труд – высокие и нередко пустые слова.

Знать язык и найти свой стиль – большое достоинство современного человека. Если я признаюсь и скажу: "Не знаю" – от этого не стану хуже. Ведь не могу знать всё. Овладевать языком, мастерством и стилем, мыслями и идеями – достойная цель. Одни глаголют пошло, повторяют и произносят больше глупости и низости. Что есть познание, природа, счастье, смерть, движение, процесс, смысл? В мире, языке, сознании, видимое и невидимое. Ищем способ распорядиться материалом, таких способов немало. И пусть каждый попытается найти прекрасный для себя способ, раз нет наилучшего для всех и единственного.

На письменном столе стопкой сложены бумажки с заметками. Какие-то мысли лезут в голову – записываю их на всякий случай, потом, как правило, "повод" забывается, теряется смысл, и записи забрасываю. Своего рода "гербарий", засушенные мысли. Цитата – чей-то голос. Мы выделяем из общего хора и повторяем других – и тогда чья-то фраза, восстав, становится чуть ли не историческим фактом. Наша цивилизация держится на общих мыслях и словах. Сколько же мы (каждый из нас) вносим своего в общую культуру? В.И. Вернадский был обеспокоен этим в молодости.

Приглашаем поймать существенное, сказать сжато и кратко, не отдельные слова, но мысли. "Назначение жизни в чём? Жизнь – как действительность и обстановка, как человек, взаимоотношения, условия, обстоятельства, как преодоление сопротивления среды, деятельность и творчество". "Есть жизнь и жизнь, самое разное содержание". "Тратить, расходовать, расточать или экономить, беречь жизнь – силы, энергию". "Труд как смысл нашей жизни. Точка или вопрос, ясно или не ясно. Это для кого как". "Жизнь – больше, чем только мы. То, что за нами и над нами, тоже. И что под нами тоже жизнь, та же или пусть другая. Кто решает и определяет пространство жизни?". "Определение жизни –

прояснение сути, дефиниция или атрибут. Какая она и что это такое? Первое – проще; второе – сложнее". Такие вот проходные мысли.

Семья, досуг, развлечение, опыт, успех, политиканство, приключения, труд, трюк, настроение, народ, село, поле, чтение, чувство, путь, столица, воля, хозяин, натура, характер, выгода, борьба, пошлость, зависть, лицемерие, эгоизм, благополучие, разочарование, помощь, страх, горе, страдание, удовлетворение, игра, увлечение – набор слов не случаен. И люди, и вещи, и существительные не сами по себе, в полном отчаянии, чем-то связаны – существованием.

Гадание роковое

Б.Бурсов. Судьба Пушкина: Роман-исследование

Фрагменты из биографии. "Окончание Лицея для Пушкина – не просто дата в биографии, а поворот в судьбе. В столице испытывает он судьбу свою с другой стороны, чем в Лицее. Первый выпуск лицеистов, в числе которых был и Пушкин, состоялся 9 июня, а всего три дня спустя он зачислен в ведомство иностранных дел с чином коллежского секретаря, но сразу же обнаружил полное пренебрежение к службе. По прошествии всего двух недель подаёт прошение, как бы мы теперь сказали, о внеочередном отпуске. Получив отпуск, уезжает в Михайловское на два месяца"[31].

"Для него любовь и дружба – краеугольные камни бытия нашего" (Там же, с. 36).

Пушкин – Вяземскому 21 апреля 1820 года: "Петербург душен для поэта. Я жажду краёв чужих: авось полуденный воздух оживит мою душу". Пушкин настолько жаждал перемены в своём положении, что его и ссылка не страшила. Друзья же так боялись за него" (Там же, с. 298). "Конфликт Пушкина с миром, его окружающим, наметился сразу, как только появился Пушкин, и с годами всё более разрастался" (Там же, с. 467).

В письме к брату от 24 сентября 1820 года: "Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался – счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение – горы, сады, море; мой друг, любимая моя надежда – увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского" (Там же, с. 299).

[31]Бурсов Б. Судьба Пушкина: Роман-исследование. - Л., 1985. - С. 296.

Гнедичу 4 декабря 1820 года: "Вот уже восемь месяцев, как я веду странническую жизнь, почтенный Николай Иванович. Был я на Кавказе, в Крыму, в Молдавии и теперь нахожусь в Киевской губернии, в деревне Давыдовых, милых и умных отшельников, братьев генерала Раевского. Время моё протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами" (Там же, с. 299). Вместо слова "время" можно написать "жизнь", без искажения смысла заменив одно другим.

Погасло дневное светило...

...Лети, корабль, неси меня к пределам дальним
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала… (1820).

"Южная ссылка Пушкина продолжалась 4 года, с июня 1820-го по июль 1824 года. Сначала он служил в Кишинёве под начальством генерала И.Н.Инзова, весьма к нему расположенного. Потом в Одессе, под началом графа М.С.Воронцова, отношения с которым почти сразу приняли весьма острый, можно сказать, враждебный характер" (Там же, с. 344). "Южная ссылка Пушкина – это путешествие с Раевскими по Крыму и Кавказу, затем пребывание в их доме в Гурзуфе, что в общем составляет несколько более двух месяцев; затем – Кишинёв, с сентября 1820-го до весны 1823 года, с отлучками то в Киев, то в Одессу; наконец – Одесса, примерно в течение года, до начала июля 1824 года. В общем – четыре года скитаний, встреч и столкновений с самыми разнообразными лицами, среди которых, казалось, лишь очень немногие могли быть интересны Пушкину..." (Там же, 373).

Жуковский – Пушкину в 20-х числах апреля 1825 года: "Я ничего не знаю совершеннее по слогу твоих "Цыган"! Но, милый друг, какая цель! Скажи, чего ты хочешь от своего гения?" Пушкин ответил Жуковскому тут же: "Ты спрашиваешь, какая цель у "Цыганов"? вот на! Цель поэзии – поэзия... "Думы" Рылеева и целят, да всё невпопад" (Там же, с. 282).

Заметим решительное: у поэзии цель – поэзия. Пушкин-то уж знал своё дело. Сравним далее подобное же: у творчества цель – творчество; у любви – любовь; у мастерства – мастерство, у гения – гениальность. Деятельность не выходит за свой круг, замыкается на себе. Кажется, что названные запредельные "предметы" не имеют иного, утилитарного предназначения. Искусство для искусства, всё ради себя же, цель жизни – жизнь, как у счастья цель и назначение – счастье. "Вообще назначение искусства не в том, чтобы указывать нам наиболее краткие пути к счастью, а в том, чтобы раскрывать перед нами трудности и красоту нашего бытия" (Там же, с. 107).

Талант и творчество. "Начинается "Пророк" мыслью, что его создатель, "духовной жаждою томим", потерял надежду на утоление этой жажды, но без её утоления не мыслит своего существования" (Там же, с. 457).

И бога глас ко мне воззвал:
"Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей" (1826).

"Для него [Мицкевича] существование людей оправдано самим существованием, значит, в нашем бытии видится ему и радость нашего бытия. Он всматривается в бытие – природы, истории и человека, – открывая в нём его величие и красоту так же, как и противоположные качества" (Там же, с. 265). "Так и Пушкин: живя среди людей, должен был считаться с людьми, какими бы ни были они. Этот общий закон человеческого общежития распространяется и на поэзию" (Там же, с. 75).

"В образе Клеопатры, как она виделась Пушкину, заключён глубокий философский смысл: без наслаждения жизнь ещё не есть то, чем должна быть, а высочайшее наслаждение, какое только дано испытать человеку, таит в себе любовь" (Там же, с. 65). "Под наслаждением, даже в свои юные годы, Пушкин подразумевал не бессмысленный разгул, а радости бытия, без которых человеческая жизнь превращается в скучное отбывание срока" (Там же, с. 142). "Для него жизнь – это и непременное наслаждение жизнью" (Там же, с.104). Итак, без любви и наслаждения – не жизнь. У каждого пусть своё представление и устремление, не всегда устойчивы ощущения и взгляды.

"Дон Гуан видел весь смысл жизни в наслаждении любовью, Ибрагим рано познал, что жизнь способна дать величайшее наслаждение человеку достойными его деяниями" (Там же, с. 209). "Потому счастье человека – в разнообразии его жизни, всегда до краёв наполненной"

(Там же, с. 301]. "Так вот как устроена жизнь: побуждая к наслаждениям, как основному содержанию бытия нашего, по существу делает их как бы недоступными для нас" (Там же, с. 81). Желания, с одной стороны, и рамки возможностей и дозволенного, с другой, в непримиримом противоречии, на деле одно с другим пересекается и сталкивается. И это всё наша жизнь, понятная и непонятная. "Посмотрите, как она [Марина Мнишек] смело переносит войну, нищету, позор, в то же время ведёт переговоры с польским королём как коронованная особа с равным себе, и жалко кончает своё столь бурное и необычайное существование" (Там же, с. 49).

Нащокину, 1833, 25 февраля: "Жизнь моя в Петербурге ни то ни сё. Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде – всё это требует денег, деньги мне достаются через труды, а труды требуют уединения" (Там же, с. 411). Такова вот частная жизнь, её миг, так воспринимает и судит поэт. "Теперь же, почти десятилетие спустя, скука выглядит у Пушкина преимущественно в виде однообразия нашей повседневности, её хаотического состояния, не поддающегося согласованию с разумным существом" (Там же, с. 416).

"В суете Пушкин видит противоположность творчеству, пагубу для творчества, а творчество понимает не только в специфическом смысле, то есть как создание художественных ценностей, но и как свойство, присущее всякому человеку, непременно, хотя бы в какой-то степени, озабоченному осуществлением своей собственной, единственной на целом свете, человеческой природы, на пути чего стоит сведение смысла бытия своего к устройству повседневного благополучия, где всякое личное начало в человеке угасает" (Там же, с. 402). Жизнь терзает всех нас, у неё множество смыслов и возможностей, а у людей такие разные претензии и требования к ней.

"Вот так: человек появляется на свет, чтоб осуществить себя, что возможно лишь при условии воздействия его на мир, дабы изменить его, – и это он делает тем успешнее, чем настойчивее изменяет себя, ибо как же может он остаться неизменным в мире, непрестанно меняющемся под воздействием его же усилий?!" (Там же, с. 13). "Вся творческая биография Пушкина, а началась она, когда он едва достиг тринадцати лет, – цепь превращений, едва ли не каждое из которых заключало в себе возможную катастрофу. Дантес, конечно, случайность в жизни Пушкина, однако дантесы – закономерность" (там же, 508).

"Я воспринимаю поэму "Медный всадник" как род своеобразной исповеди, памятуя о том, что исповедь непременно является и автобиографией" (Там же, 442). Вот "конфликт между Евгением и Петром, вернее – делом Петра, предстаёт перед нами как конфликт внутри сознания самого Пушкина. И мы не можем отнестись к этому конфликту иначе, нежели как к части биографии сознания самого Пушкина. А это уже не только исповедь, а одновременно, причём в такой же степени, и судьба его" (Там же, с. 446]. "В человеческом плане Евгений никакой не антагонист Петру: оба видят смысл жизни в труде, воспринимая труд не только как самоосуществление, но и как самоутверждение, единственно достойное человека" (Там же, с. 448).

Судьба и предназначение поэта. Общественная жизнь и живое сознание неизбежно терзаются острыми противоречиями, конфликтами. В то же время жизнь личности скована ответственностью роковых предначертаний. И пусть "мы часто берёмся за дела, превышающие наши возможности, и это, вероятно, так и положено. А чего кто из нас добивается всякий раз, да и добивается ли чего-либо, это уже зависит не только от него одного, хотя в первую очередь всё же от него. Мы рождены, чтобы угадывать себя самих и приближаться к своей подлинности. Таково наше назначение, и благо тому, кто находит свой истинный путь" (Там же, с. 483-484). Вряд ли все мы всегда уверены в оном.

"Реквием обернулся гимном жизни. У Пушкина всегда так: жизнь и смерть идут рядом, и в вечном поединке между ними происходит вечное самообновление жизни. То, что живёт, неизменно умирает, исполнив своё предназначение, – если говорить в общем смысле. Иначе было бы топтание на месте, иначе жизнь пришла бы к самоуничтожению. Люди живут, лишь делая, что назначено им. В противном случае для них жизнь потеряла бы всякий смысл" (Там же, с. 15). Каждый отвечает не только лишь за свою собственную жизнь. Хотя и на твоей совести, она меньше всего собственность, чья бы то ни было, или просто на просто твоё владение.

"Какими бы хозяевами ни были мы над самими собою, есть что-то выше нас, что как-то возвышается над нами. И это "что-то" не что иное, как судьба. Как жизнь берёт верх над смертью лишь в том смысле, что вечно продолжается, но при этом неизменно в отдельных своих проявлениях, составляющих её единственную подлинность, и вечно прерывается, – так и человек, сколько бы ни одерживал побед над судьбой, в конце концов не может уйти от неё" (Там же, с. 38). Итак, наша жизнь обусловлена чем-то, обязана, обречённая роком, необъяснимо связанная с таинственной ролью судьбы, может быть, тайной роковой обречённости.

"Понятие "судьба" отнюдь не однозначно. В него входят разные слагаемые. Это, во-первых, чуткость либо глухота ко всему, что происходит с нами; это, во-вторых, соблюдение или несоблюдение изначальных норм нравственного поведения человека; это, в-третьих, наши требования к жизни, в каком смысле хотим быть счастливыми, что понимаем под счастьем" (Там же, с. 84)."В житейском смысле судьба – это как бы сверхличное предначертание всякому из нас всего того, из чего складывается наша жизнь, со всеми её горестями и радостями, удачами и неудачами, счастьем и несчастьем" (Там же, с. 334).

С трудом схватишь сам смысл, не очертить и не определить метафизическое понятие, неясное и зыбкое, такое как бытие, жизнь, судьба, счастье. "Каждый человек, хочет он того или не хочет, ставит свою жизнь на какую-то карту. Это, собственно, мы и называем судьбой человеческой. Для Пушкина в плане его исторического сознания, следовательно, в значительной степени и поэтического призвания роль такой карты исполняло отношение к делу Петра" (Там же, с. 446). Сказано не вполне внятно, и остаётся непонятным до конца, что же именно имеется в виду, когда мы говорим о "карте" и карме, роковой судьбе такого гения и человека, как Александр Пушкин.

"Жизнь, конечно, богата столь же утратами, сколь и обретениями, и если обретения, как правило, результат наших повседневных усилий, в которых мы утверждаем себя, то, напротив, утраты настигают нас часто совершенно неожиданно, причём не из-за нашего небрежения своими человеческими обязанностями, а вразрез самому добросовестному нашему отношению к ним" (Там же, с. 50). То везёт, то не везёт, и не всегда достоин или сам виноват. "Только тот поэт представит нам жизнь во всей её истине, который не встанет окончательно на сторону какой-либо одной из многих истин, сталкивающихся между собой, а по-своему возвысится над ними" (Там же, с. 49). "Жизнь во всей её истине" – зов и вечный обман, лишь покажется, словно мираж.

Смысл и суть твоей жизни. "Он не искал "смысла жизни" вообще, как потом будут делать Достоевский и Толстой, а видел его в осуществлении собственного призвания" (Там же, с. 296). "Но тогда как Достоевский и Толстой придают своим героям колоссальные идеи относительно устройства всего бытия человеческого, у Пушкина Онегин в каком-то смысле – самый обыкновенный человек" (Там же, с. 306)."Хотя Пушкин представил нам человека в тайне его бытия, однако без всякого стремления к её окончательному разгадыванию, как потом будет считать это своим главным делом Достоевский" (Там же, с. 315). "Ещё не достигнув восемнадцати лет, в 1839 году, Достоев-

ский определяет свою творческую задачу как разгадывание тайны человеческой сущности" (Там же, с. 8).

Иной талант у Пушкина. "Ему сладка сама ответственность за совершаемые деяния, ибо совершает он их, убеждённый в том, что это и есть его истинное призвание в его земном бытии" (Там же, с. 316). "Пушкин делает ставку не на человечество, идущее к своей конечной цели, а на человека, вносящего свою, ничем не заменимую долю в безграничность бытия" (Там же, с. 336). "Мы, люди обыкновенные, в общем-то не имеем своего целостного мира. Поэтому нам куда легче вживаться то в одного, то в другого, а то и сразу в несколько гениев" (Там же, с. 473). В этом утверждении – только мнение, такая вот версия, взгляд, положение, так полагают. И тут явилась следующая связка значений: суть – сущность – существо – существование – бытие – всё та же жизнь.

"Наука о Пушкине, надо сказать, слишком большое значение придала внешней стороне дела. Исследовались преимущественно факты биографии и творчества Пушкина, меньше – дух его творчества" (Там же, с. 166). "Нет, расхождение между Пушкиным и Карамзиным не было случайным эпизодом в духовной биографии Пушкина, – в противном случае не стал бы он настаивать на том, что написал эпиграмму на него" (Там же, с. 145). Творчество, как и жизнь, – живой процесс, но трудно уловить дух и душу. Биография, или жизнеописание, очевидно, бывает самого разного вида и достоинства. "Не привлекала внимания Пушкина и личность Данте, несмотря на его бурную биографию" (Там же, с. 246).

"О Гёте как человеке Пушкин не сказал ни слова. А что он мог сказать о нём? Тут величайшие творческие достижения соединились с благополучнейшей биографией" (Там же, с. 246). "Пушкина в полном смысле слова захватила мятежная биография Байрона с его драматичнейшей человеческой судьбой" (Там же, с. 247). "Байрон делает себя самого прототипом многих своих героев, а свою биографию темой собственного творчества, – в результате противопоставляет своего героя едва ли не всем остальным людям" (Там же, с. 251). "Пушкин доводит до конца своё жизнеописание Радищева" (Там же, с. 189). "Он представлял их как людей с увлекательными биографиями, в то же время и с трагическими судьбами" (Там же, с. 351).

А.С.Пушкин. "Александр Радищев": "Время изменяет человека как в физическом, так и в духовном отношении. Муж, со вздохом иль с улыбкою, отвергает мечты, волновавшие юношу. Моложавые мысли, как и моложавое лицо, всегда имеют что-то странное и смешное. Глупец один

не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а опыты для него отсутствуют. Мог ли чувствительный и пылкий Радищев не содрогнуться при виде того, что происходило во Франции во время Ужаса? Мог ли он без омерзения глубокого слышать некогда любимые свои мысли, проповедуемые с высоты гильотины, при гнусных рукоплесканиях черни?" (Там же, с. 186). Время, годы, жизнь людская.

Жизнь и смерть

"Вообще принцип Пушкина – давать людям знать не то, как им подобает жить, потому что выработанных и установленных раз и навсегда образцов на сей счёт не существует, а то, что необходимо жить в полную меру отпущенных нам сил, держась на высоте человеческого достоинства, чего можно добиваться, не страшась и самой смерти" (Там же, с. 196). "Непреложная сила бытия в надлежащий час непрестанно отделяет каждого из нас навеки от тех, кто был с нами. В этом смысле жизнь наша – непрерывная цепь потерь" (Там же, с. 91). Таинственное бытие предстаёт перед каждым из нас здесь в том или ином обличии, беспрестанно текущей разновидности жизни, исчезающей в бездне.

"Смерть – страшнейшее зло, какое только бывает на свете, однако в то же время бессмертный человек, в физическом смысле, был бы фикцией как духовное существо. Не знай он смерти, то есть окончания своего, не найти бы ему своего единственного назначения в этом мире. Ведь жизнь есть осуществление, а зачем осуществляться тому, кто не имеет ни начала, ни конца своего. Ведь где отсутствовала бы смерть, там не было бы и места рождению. Люди рождаются, чтобы заменить собою умирающих. Поэтому у нас отношение к смерти как к чему-то величественному. Недаром возникло определение жизни как упражнения в смерти. В самом деле, смерть является как бы ценою жизни. Но такое понимание отношения между жизнью и смертью слишком однозначно. Жизнь есть поединок со смертью. Всё в этой жизни даётся нам с бою, в первую очередь сама жизнь. Тут все наши радости и горести, наслажденья и муки, бесстрашие и смирение. А чем бы мы были, если бы не было всего этого?!" (Там же, с. 454).

"Мы ведь живём не ради смерти, а ради жизни, отыскивая свою подлинность. Ибо ни одному поколению не суждено достигнуть окончательной цели человечества. Но раз смерти всё равно не миновать – пренебрежение смертью в иные моменты является высшим доказательством того, насколько нам дорога жизнь. Умереть за жизнь – что может сравниться с такой смертью?!" (Там же, с. 485-486). "...Во всемирной поэзии не найдётся другого великого поэта, который мог бы сравниться с Пушкиным как певцом полноты человеческого бытия".

"Пушкин воспринимает бытие как вечное самообновление, как непрерывную преемственность поколений" (Там же, с. 53).

"Пушкинской поэзии так же необходима сила постижения бытия, находящегося в глубочайшем разладе с нею, как и вера в это именно бытие, взятое в целокупности, ибо никаким другим бытием мы не располагаем. Главное – всё-таки это бытие рождает поэзию" (Там же, с. 76). "Недаром "Каменного гостя" относят к высшим достижениям пушкинской поэзии, как бы стирающей грань между бытием и небытием, превращая само небытие в неотделимую часть бытия, я бы сказал, как непременное условие его существования" (Там же, с. 123).

"В своей страсти к самовыявлению герои Пушкина ведут своё начало от него самого... И тут они, как и он, идут до последней черты бытия. Понятно, что их интересует та сфера нашей сущности, которая требует от нас наивысшей самоотдачи, вплоть до приятия конца своего как слияния с бесконечностью. И этой сферой является любовь, являющаяся высшим наслаждением нашим, почему она и требует от нас готовности заплатить за неё высшей для нас ценностью, то есть самой жизнью" (Там же, с. 342). Жизнь как высшая ценность – оценка и характеристика, но ещё не определение.

"Прежде всего он и строит самого себя в своей поэзии, чего бы ни касался в ней, а он касался в ней всего, что касается человека, человека же касается всё, что существует на этом свете" (Там же, с. 347). В нашем сознании и в душе отражается всё то, что вокруг в мире, задевает и трогает, это формирует и определяет жизнь и самопознание. "Суета – одно из самых ходовых слов в словаре Пушкина" (Там же, с. 402), что не случайность. Есть у нас жизнь – суета сует, общественное и семейное назначение и положение, состояние духа, настроение и поведение. И есть определённый выбор, стиль и образ, осмысленный или безвольный и беззаботный.

"Недаром Пушкин видел в себе "поэта действительности". Эта действительность предстаёт у него как бы во всей своей неисчерпаемости" (Там же, с. 273). "Он сразу представляет обе стороны бытия нашего, приемля и отрицая одну и другую, – ту, что доставляет радость, как и ту, от которой исходит горечь" (Там же, с. 92-93). "Он (пушкинский человек. – И.С.) будто соткан весь из противоположностей, которые как раз и свидетельствуют, с одной стороны, о действительности и полноте его бытия, а с другой – об удовлетворённости и в равной степени неудовлетворённости своим бытием" (Там же, с. 92).

"Противопоставляя преходящему бытию непреходящее, хотя бы как иллюзорную мечту, Пушкин выявляет в преходящем все его несо-

вершенства и в то же время, утверждаясь в мысли о немыслимости непреходящего неизменного бытия, стремится к тому, чтобы раскрыть в нашей преходящести нашу непреходящесть" (Там же, с. 302). "Вот эта способность Пушкина к повороту одних и тех же тем в разные ракурсы, мало сказать, свойственна только ему одному, но характеризует его поэтический гений, не знающий предела углубления в многосторонность бытия человеческого" (Там же, с. 321).

"Полнота человеческого бытия – вот что такое Пушкин" (Там же, с. 336). "И в самом деле, только тот познаёт всю полноту радости земного бытия, кого не остановят никакие опасности в стремлении к ней" (Там же, с. 336). "Он, конечно, не напрашивается на беды и несчастья, но и не ставит перед собой задачи обойти их, уклониться от них, потому как они неотъемлемы от нашего бытия" (Там же, с. 335). "В какой-то мере от самого человека зависит, сколь продолжительна будет его жизнь, а главное, сколь плодотворна, и прежде всего ради него самого, но как находящегося в единстве со всем человеческим родом" (Там же, с. 338).

Н.В.Гоголь в статье "Несколько слов о Пушкине" в 1834 году писал: "В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт" (Там же, с. 126). Тем более и жизнь его в полном охвате – тоже та же бездонность и необъятность, как в слове. В то же время действительно ведь: "Обыкновенных людей более привлекает ясность в постижении бытия, необыкновенные же тянутся к проникновению в суть его. Тут и причина известного разлада между ними" (Там же, с. 207). Первым и так всё просто и доступно, вторые вечно в тревоге, расстройстве, беспокойстве. Невозможно договориться, не согласовать противоположные взгляды, несовместимые положения.

"Постигая непостижимое, следовательно, не покушаясь на его полную постижимость, художественное слово не может не быть одновременно столь же доступным, сколь и загадочным. Тут посягательство на разгадывание смысла нашего бытия, значит, по существу, и признание невозможности достигнуть окончательной цели. Таким путём углубляемся мы во все бывшее, сущее и неизбежное. Это относится ко всякому подлинному художнику, но к Пушкину в особенности. Поскольку он – само олицетворение художественного слова. В этом знак особой природы его дарования. Он не шутя верил в свою пророческую способность. Художник и в самом деле наделён даром заглядывать в бездны бытия. Потому что бытие – это мы сами, доступные художнику более чем кому-либо другому именно в потаённых своих глубинах" (Там же, с. 162). Бытие – это мы сами. Как бы уловить и понять это.

Н.В.Гоголь в "Учебной книге словесности для русского юношества" писал: "Поэзия лирическая есть портрет, отражение и зеркало собственных высших достижений души поэта, его самонужнейшие заметки, биография его восторгновений. Она есть, начиная от самых высших до самых низших её родов, ничто иное, как отчёт ощущений самого поэта. Гремит ли он в оде, поёт ли в песне, жалуется ли в элегии, или же повествует в балладе, повсюду высказывает тайны собственной души поэта. Словом, она есть чистая личность самого поэта и чистая правда". И там же: "Она обширна и объемлет собою всю внутреннюю биографию человека, начиная от его высших движений в оде, и до почти прозаических и чувственных в мелком антологическом стихотворении, в котором он желает отыскать сторону поэтическую" (Там же, с. 237).

"Род же человеческий, согласно Пушкину, изначально несовершенен, что как раз и побуждает человечество непрестанно двигаться к совершенству, всякий раз на свой лад. Потому в человечестве неизбывна потребность опираться на всё сделанное предшествующими поколениями и одновременно пересматривать всё это. Мир наш, можно сказать, столько же делается, как и переделывается. Если взглянуть на человеческую историю как на возводимое здание, то она неизменно представляется нашему взгляду, так сказать, в лесах" (Там же, с. 417).

"Таким образом, историзм Пушкина надо понимать не как некое дополнение к реализму, а как изначальное качество самого реализма, ибо Пушкин берёт человека сразу как преломление в нём и его эпохи, и одновременно всего того, что было и может быть с каждым человеком" (Там же, с. 441). В сознании Пушкина схватывается сразу два плана жизни, личной и общественной. Она постоянно и многократно раздваивается, сходится и расходится, членится и движется.

"Всё в этом мире для Пушкина сразу и абсолютно произвольно и столь же абсолютно необратимо: что бы ни случилось на этом свете, в равной мере могло и не случиться, но раз уж случилось, то входит в состав бытия как необходимый элемент его. При таком отношении Пушкина к бытию он сам становится и как бы ответственным за то, что оно такое, а не другое" (Там же, с. 441). "В его изображении мир столь же ужасен, сколько и прекрасен" (Там же, с. 453). "Если говорить о мире, равно и о человеке как самоосуществляющихся системах, то нельзя не прийти к тому выводу, что движение их сводится к преодолению порядком беспорядка. Всякий порядок утверждает себя путём отрицания всего того, что противостоит ему" (Там же, с. 471).

"Человек, не утвердившийся в мире, остаётся и незамеченным для мира. Не всё происходящее или уже происшедшее является или являлось неизбежностью. Мир полон излишеств, но, вероятно, в нём не меньше и пробелов. В противном случае наши усилия, направленные на изменение мира, были бы бессмысленны, а весь мир держится на наших усилиях. Мы не можем судить о неслучившихся событиях, как и о неродившихся людях" (Там же, с. 476). "Всё дело, стало быть, в том, чтобы выяснить, насколько плодотворен тот или иной путь, по которому двигалась та или иная человеческая общность в тот или иной исторический период своего самоосуществления" (Там же, с.478). "По меткому слову В.Розанова, Пушкин является самым "полным" русским гениальным художником, заключающим в себе решительно всё необходимое гениальному художнику. Поэтому и непосредственно причастен к бытию нашему, являясь для нас чудом и тайной, как и само бытие наше, не поддающееся окончательному постижению, сколько бы мы ни постигали его. Будь у нас возможность достигнуть такого конца, это означало бы и конец нас самих" (Там же, с. 485).

"Иначе сказать, Пушкин осуществляет себя, руководясь условиями бытия, а не быта, однако тем больший интерес проявляя к быту. Давно пора, по-моему, сознаться, что мы неправомерно возвели каменную стену между такими понятиями, как "жизнь" и "житие", "быт" и "бытие", "тайна" и "самобытность человеческого характера". Все мы живём и в этом смысле одинаковы, но живём по-разному, следовательно, и несхожи друг с другом: тогда как один поднимается на уровень бытия, другие погрязают в быте, растворяются в повседневности, забывая о своём высоком человеческом назначении. Никому из нас не запрещено "быть", а не просто "отбывать свой срок". Но "быть" – значит прежде всего быть собою. Тут гвоздь вопроса. И никто из великих реалистов, может быть во всей всемирной литературе, так не показал тайной общности между бытом и бытием, при коренном отличии одного от другого, как Пушкин" (Там же, с. 494-495).

Слово "жизнь", встречаясь в предложении или высказывании, своим смыслом смыкается с разными представлениями. Основное понятие (мистическое пространство) усложняется в контексте тонким смысловым фоном, в яви просвечивают загадочные призраки. И мнятся фикции: век, текущее время, времяпрепровождение, простор, процесс, движение, функция, физиология, среда, обстановка, обстоятельство, судьба, рок, душа, дух, существование-существо, бытие, пребывание, нахождение, обитание, переживание, чувство, состояние, при-

сутствие, наличие, восторг, напор, оживление, переживание, ощущение, отношение, суета, ещё другие наслоения.

Жизнь – одно из широких и общих представлений, суть всеединства. О чём бы люди ни думали, ни говорили, они касаются той или иной стороной реальности, исходя из неё и уточняя её. Пусть не всегда та связь и зависимость обнаруживаются и проясняются. Вообще-то немногое можно понять и объяснить без учёта того или иного толкования целостности и всеобщности. Некое осмысление и знание жизни скрывается в основе огромного числа понятий и частностей, насквозь пронизывая их. Материальный и идеальный мир реальных вещей и мыслей, или предметы и темы, по существу, лежат в плоскости всеобщего существования, бытия и быта.

Со страхом и трепетом

Лето 1828 года... Александра Сергеевича Пушкина одолевали усталые думы, больно жалит обида, сознание раздражено неверием и недоверием, задето острием отчуждения, не отпускает чувство отрешённости, и зрелый ум обращается к вечной теме, бросается и не спасается. Под стихотворением дата – 26 мая, день рождения, 29 лет поэту уже и всего-то. Но всё беспросветней, печальней и тревожней поиск смысла собственной жизни.

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал…
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

На эти мрачные и умные стихи откликнется митрополит московский и коломенский Филарет, затеяв соревнование:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога нам дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Сам я своенравной властью

Зло из тёмных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

Поэт близко к сердцу принимает отклик. Это всерьёз. Оценив влияние и справедливость слов иерарха, обращённых к нему, Пушкин сознательно и покаянно смирится:

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.
Я лил потоки слёз нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.
И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.
Твоим огнём душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

Едва ли не каждый задумывался над смыслом бытия и существования, своего присутствия в мире. Многие хотели разобраться, узнав по возможности тоньше и глубже, что это такое, названное столь просто. Если вникнуть в суть, жизнь – тревожный вопрос, распространённый и больной, не исключительный. Предметы мысли вечны и всеохватны: Бог, дух, душа, истина, совесть, сознание, вечность и прочие сверхъестественности – можно продолжать перечисление тем метафизического словаря, и жизнь среди них не последняя. Все мы несём какую-то ответственность, и литераторы, мудрствуя, всё продолжают гадать ответ.

Монах и поэт

В.Кривцов. Отец Иакинф

Шальная жизнь отца Иакинфа привлекла внимание, его восхождение и падения. В конце 20-х годов XIX века в С.-Петербурге епитимийный монах Иакинф Бичурин, знаменитый синолог, общался с Александром Пушкиным. Далее воспроизводим отрывки писателя В.Кривцова, автора художественного жизнеописания славного востоковеда:

– Вот вы говорите, отец Иакинф, что много меня старше. К тому же вы лицо духовное. Сам ангельский чин обязывает вас размышлять о смысле и цели жизни. В чём же она?

– Цель жизни? – усмехнулся Иакинф. – Сама жизнь! Что бы там ни говорили философы и богословы о назначении человека, высшее для него благо – сама жизнь!

– Правильно! Молодец, батюшка! – поддержал Иакинфа Шиллинг. – Вы слышите, Александр Сергеич? И жить надобно так, чтобы каждый день, каждая минута доставляла нам радость! Убеждён, истинно мудрый человек всегда весел.

– Ну, вы, Павел Львович, гедонист известный, – сказал Пушкин с грустной улыбкой. – А меня тут временами охватывает такая тоска, что готов бежать куда глаза глядят"[32].

– Александр Сергеич, милый, поверьте вы мне, старику: наиглавнейшее – это сама жизнь. Не обстановка, в коей вы живёте. Это дело десятое. Её можно и изменить, да она и меняется – по твоей воле или по воле обстоятельств. Конечно, надобно б не приноравливаться к жизни, а постараться саму эту жизнь к себе приноровить. Так сказать, переиначить внешние обстоятельства сообразно своим вкусам и своему нраву. Я понимаю, не всегда и не всякому сие дано. Но, в конце-то концов, сие не так уж важно, ежели подумать. Самое главное – это постигнуть: жизнь – состояние, понимаете, с о с т о я н и е, а не предприятие, которое вы замыслили.

– Браво, батюшка, браво! – сказал Шиллинг, со вкусом раскуривая сигару" (Там же, с. 448).

– И Павел Львович прав, – продолжал Иакинф, – надобно радоваться каждому новому дню как благу, ниспосланному тебе свыше. Поверите ли, мне и по сию пору каждый божий день в новинку. Вот почитай три года на Валааме просидел. В монастырской тюрьме. И каждый день трудился без устали и всё не переставал дивиться, что жизнь вокруг

[32]Кривцов В. Отец Иакинф. - Л., 1988. - С. 448.

меня вытворяет. А и видел-то я её, можно сказать, в окошко. Зарешёченное. Тюрьма есть тюрьма, хоть и монастырская. За окном келии смастерил я птичью кормушку. День-деньской, с самой ранней рани, прилетали ко мне разные пичужки – синицы, зяблики, пеночки, которых я прежде, до Валаама, и не видывал. Мне уже на вторую половину века перевалило, вроде много жил на свете и по-разному жил, а всё не успел жизнью насытиться. Много ещё люблю я в ней – и труд свой каторжный, и пирушку дружескую, и первый снежок, и белую ночь над головой, и водочку горькую, и бабёнку ласковую, хоть, может, и неловко в том монаху признаться. Да и как же её не любить-то, жизнь? Она же без конца и без краю. Вот вы меня давеча про цель спрашивали. Может, она и состоит в том, чтоб постараться постигнуть сию жизнь бесконечную!

– Оттого-то вы меня и тянете, отец Иакинф, на край света за тридевять земель, к стенам недвижного Китая, – улыбнулся Пушкин. – А вы знаете, отец Иакинф, мне кажется, что у гробового входа человек больше всего жалеет не о том, что не успел увидеть, тоскует не о неизведанном, а о давно знакомом, о привычном и милом. У гробовой черты я буду тосковать, наверно, не о Китайской стене, на которую не успел подняться, и не о Байкале, которого не увидел, а о туманном осеннем деньке в Михайловском, о том, что не смогу искупаться в прохладной Сороти" (Там же, с. 448-9). (Александр Сергеевич, по-моему, был свежей и талантливей, нежели этот образ. – И.С.).

Так могли рассуждать в своё время три удивительных человека. В том разговоре важные места: жизнь есть дар свыше. Надо принимать её как состояние, а не предприятие. В ней бесконечность, ею не насытишься, лучше радоваться и предпочитать, а не отрицать. В жизни дорого доступное, привязываемся, привыкая. Высшее благо – сама жизнь как внутреннее ощущение, не обстоятельства или обстановка. И цель жизни – в ней самой. Вместе с тем ещё и в постижении смысла беспредельной жизни. Неважно, где-то натяжка, с чем-то не согласимся. Отвлечённые суждения и чужой взгляд небесспорны. Примерно на той позиции могли бы стоять и мы. Или в чём-то расходиться. О жизни принято судить и спорить, она разнообразна, необъятна и неоднозначна, нам неподвластная, окончательно не понять. Не может быть одного отношения. Если порыться в текстах, нападёшь на иные воззрения и оценки. Жизнь по природе и как предмет обсуждения запутанна, представляя разные состояния. Она и предприятие, и мало ли ещё что...

Люди привыкли к сомнительным суждениям. Личная жизнь не сама по себе, отдельность, но некая часть замысла и затеи. В плане

чьём-то ты завязан с иными, чтобы принять и передать эстафету, продолжая движение в заведённом порядке. Во всемирном механизме жизни высокая энергия и единая сила обеспечивают целесообразную деятельность, осуществляя установку и сложную преемственность. В связке последовательностей человек лишь частность, с ограниченной ролью, а также ещё и звено явно загадочного предприятия.

Друг бесценный

15 декабря 1825 года, наутро после декабристского крушения, дабы спасти Ивана Пущина от неминуемого ареста и каторги, дипломат Александр Горчаков государственному преступнику – лицейские товарищи – привёз заграничный паспорт и, со слов Е.И.Якушкина, "умолял его ехать немедленно за границу, обещаясь доставить его на иностранный корабль, готовый к отплытию"[33]. И.И.Пущин не позволит себе такой привилегии, и в безвыходном положении не оставит в беде товарищей, поверженных соратников своих, вероятно, таков кодекс чести этого человека.

Хочется верить, что всё именно так было, поступок выявляет характер, в данном случае одного и второго, даже кажется неправдоподобным, смущает карьера А.М.Горчакова, ставшего впоследствии министром иностранных дел, канцлером, светлейший князь. Могло-таки быть. Успехи по службе в будущем не отменяют вовсе благородства дружбы первой молодости, как любовь и коварство вполне совместимы в одном лице. Люди с убеждениями и волевые, и версия сказочна, на зависть всем, "не то, что нынешнее племя". Два имени – и какие личности.

Прошло более тридцати лет после дерзкого декабрьского вызова на Сенатской площади и более двадцати минуло после роковой дуэли на Чёрной речке, – в конце концов И.И.Пущин опубликует долгожданные воспоминания о лицейском друге и славном поэте русском, безупречные во всём, если такое возможно, по достоверности, искренности, проницательности и проникновенности в непростой характер, темперамент и нрав, кажется, угадав природу трагедии незаурядности в той жизни, сумел найти душевные слова, чтобы осенённой верой в промысел утешить непримиримость, человек редкой отзывчивости и благородства.

[33]Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. - М., 1989. - С. 19.

Вместе взрослели в Лицее, комнаты рядом, неизменная дружба с первых дней поступления сковала навсегда, были разными, пути жизни расходились, духовное единение осталось в них до конца. Однокашники росли, взаимодействуя и соперничая, сообща усваивали культуру и духовные ценности, любили, были откровенны, учились преданности, дружбе и идеям. Ревниво относились к товариществу. Всё же И.Пущин скрывал от друга своё членство в Союзе спасения, Союзе благоденствия, Северном обществе, он колебался. Притом решительно отправился на рискованную и откровенную встречу со ссыльным, касалось лично его одного. То была их последняя встреча в Михайловском, в январе 1825 года. Через два года Пушкин отправит Пущину в Читу стихотворение "Мой первый друг, мой друг бесценный". Окончательными словами Пушкина перед смертью, свидетельствует К.К.Данзас, были: "Как жаль, что нет теперь здесь ни Пущина, ни Малиновского, мне бы легче было умирать"[34].

"Записки о Пушкине" И.И.Пущина – давно классика пушкинианы, для нас образец письма и стиля воспоминаний, достоверный и непререкаемый мемуарный источник для биографии и воссоздания духовного облика поэта. Интонации добросердечности, дружбы и рассудительности подчёркивают трезвость, здравый смысл и благородство автора "Записок". Как и труд П.Анненкова, они добавили кислорода в атмосферу пушкинистики, благодаря чему мы дышим чистым воздухом. Попробуй напиши, как И.Пущин.

"Роскошь помещения и содержания (о Лицее – И.С.), сравнительно с другими, даже с женскими заведениями, могла иметь связь с мыслию Александра, который, как говорили тогда, намерен был воспитывать с нами своих братьев, В. к. Николая и Михаила, почти наших сверстников по летам; но императрица Мария Фёдоровна воспротивилась этому, находя слишком демократическим и неприличным сближение сыновей своих, особ царственных, с нами – плебеями" (33, с. 40). В этих простых словах много чего прочтёшь.

"Пушкин, с самого начала, был раздражительнее многих и потому не возбуждал общей симпатии: это удел эксцентрического существа среди людей. Не то чтобы он разыгрывал роль между нами или поражал какими-нибудь особенными странностями, как это было в иных; но иногда неуместными шутками, неловкими колкостями сам ставил себя в затруднительное положение, не умея потом из него выйти" (33, с. 43). Вот вам первое замечание однокашника и характеристика Пушкина-лицеиста, как видно, юноши неуживчивого и беспокойного. Шли годы.

---

[34]Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. - М., 1985. - Т. 2. - С. 378.

"Не знаю, к счастию ли его или несчастию, он не был тогда в Петербурге, а то не ручаюсь, что в первых порывах, по исключительной дружбе моей к нему, я, может быть, увлёк бы его с собою. Впоследствии, когда думалось мне исполнить эту мысль, я уже не решался вверить ему тайну, не мне одному принадлежавшую, где малейшая неосторожность могла быть пагубна всему делу. Подвижность пылкого его нрава, сближение с людьми ненадёжными пугали меня" (33, с. 59). Первый друг отрицает причастность Пушкина к тайному политическому обществу.

"Между тем тот же Пушкин, либеральный по своим воззрениям, имел какую-то жалкую привычку изменять благородному своему характеру и очень часто сердил меня и вообще всех нас тем, что любил, например, вертеться у оркестра около Орлова, Чернышёва, Киселёва и других: они с покровительственною улыбкою выслушивали его шутки, остроты. Случалось из кресел сделать ему знак – он тотчас прибежит" (33, с. 60). То ли ревность, то ли партийная непримиримость.

И.Пущин "...всегда шалил, дурил и кутил с добрым товарищем. Пушкин сам увековечил это стихами ко мне; но, при всей моей готовности к разгулу с ним, хотелось, чтобы он не переступал некоторых границ и не профанировал себя, если можно так выразиться, сближением с людьми, которые, по их положению в свете, могли волею и неволею набрасывать на него некоторого рода тень" (33, с. 61). Такова мотивировка избирательности и чистоты отношений в обществе, расколотом идеологически на партии.

Позднее Иван Пущин задаётся вопросом: "Между тем тут же невольно являлся вопрос: почему же помимо меня никто из близко знакомых ему старших наших членов не думал об нем? Значит, их останавливало почти то же, что меня пугало: образ его мыслей всем хорошо был известен, но не было полного к нему доверия" (33, с. 62-63), – скажет он. Очевидно, на то были основания.

"Как! Вы хотите к нему ехать? Разве не знаете, что он под двойным надзором – и полицейским, и духовным?" – "Всё это знаю; но знаю также, что нельзя не навестить друга после пятилетней разлуки в теперешнем его положении, особенно когда буду от него с небольшим в ста верстах. Если не пустят к нему, уеду назад". – "Не советовал бы. Впрочем, делайте, как знаете, – прибавил Тургенев" (33, с. 67). Это запись диалога с Александром Ивановичем, 1825 год.

"Пушкин сам не знал настоящим образом причины своего изгнания в деревню, он приписывал удаление из Одессы козням гр. Воронцова из ревности; думал даже, что могли действовать некоторые смелые его бумаги по службе, эпиграммы на управление и неосторожные

частые его разговоры о религии" (33, с. 69). Разговор бывших лицеистов с глазу на глаз происходил в Михайловском. И всё.

"Впоследствии узнал я об его женитьбе и камер-юнкерстве – и то, и другое как-то худо укладывалось во мне: я не умел представить себе Пушкина семьянином и царедворцем; жена-красавица и придворная служба пугали меня за него. Всё это вместе, по моим понятиям об нём, не обещало упрочить его счастие" (33, с. 75). Роли не по нраву?

"Только после смерти его все эти, по-видимому, ничтожные обстоятельства приняли, в глазах моих, вид явного действия промысла, который, спасая его от нашей судьбы, сохранил поэта для славы России" (33, с. 76). Какой русский избежит в объяснении жизни высоких слов? "Размышляя тогда, и теперь очень часто, о ранней смерти друга, не раз я задавал себе вопрос: что было бы с Пушкиным, если бы я привлёк его в наш союз и если бы пришлось ему испытать жизнь, совершенно иную от той, которая пала на его долю?" (33, с. 76). Было бы иное продолжение – другая партия, кто их разыгрывает, в каком виртуальном мире гроссмейстеры сражаются.

"Характеристическая черта гения Пушкина – разнообразие. Не было почти явления в природе, события в обыденной и общественной жизни, которые бы прошли мимо его, не вызвав дивных и неподражаемых звуков его лиры; и поэтому простор и свобода, для всякого человека бесценные, для него были, сверх того, могущественнейшими вдохновителями" (33, с. 77). Кажется, попал в точку, уловил самую суть, о поэтическом даре сказано по-анненковски щедро, с пониманием ценности и святости таланта.

Как ещё объяснить, что крепостное право – режим прописки – обрекло нацию на вымирание, геноцид, у которого разные формы, включая борьбу с вольнодумством и инакомыслием, "гонение на ведьм". На всё требуется разрешение власти, не смей ослушаться. Порядок превыше всего.

Первый биограф

Уважаемый филолог Павел Анненков, взявшись за жизнеописание Поэта, полагал услышать внутренний голос, различая мелодии, обертоны, подъёмы и спады. Для этого надобно настроиться и суметь внимать и вникать в неясное и изменчивое состояние художественного сознания, побуждения и стимулы, в душевные порывы и игры творческого человека, в намерения, стремления, замыслы, планы, про-

екты, в капризы и мотивы действий, поступков. Цель биографа, по словам П.Анненкова, – всё-таки "уловить мысль Пушкина"[35].

Вдохновенная поэтическая деятельность и цепь обстоятельств, в которых она вращается, принадлежат к сокровенным тайнам творчества, заслуживая удивления и внимания. "Первый пушкинист", он же автор "Материалов для биографии Александра Сергеевича Пушкина" (1855) и издатель первого посмертного Собрания сочинений поэта, напишет о нём: "Настоящая, полная жизнь его заключается в самих его произведениях, порождённых, так сказать, ходом её. В них читатель может изучать и душу поэта, и обстоятельства его существования, переходя от одного художнического образа к другому: так писал Пушкин свою биографию" (35, с. 366). Надо признать, достойное отношение, достойная позиция, достойный слог, завидная гармония.

Вот ещё пример нам: "Звуки, по собственному его выражению, беспрестанно переливались и жили в нём, но следует прибавить, что он внимательно прислушивался к ним, что он наслаждался ими почти без перерыва. Это было важное дело его жизни, несмотря на все усилия его скрыть тайну свою от света и уверить других в равнодушии к поэтической своей способности" (35, с. 289). Проницателен взгляд пушкиноведа в психологию и технологию творчества, составлявшего суть и смысл жизни писателя: "Заметки, мысли, соображения, выписки из сочинений были невидимым подземным основанием, на котором созидались и образ его мыслей, и понимание предметов, и само настроение духа, направляющее поэтический дар его" (35, с. 211).

Такой глубокий промысел и разработка поля жизни и ткани текста, пожалуй, особенный дар, ныне редко кто осенён, не то время, другая культура и стиль письма. В пору зодчества и воздвижения памятника гению при встрече снимали шапку, похлопывание по плечу и на "ты" считалось низким и войдёт в моду уже в наш век равенства и ниспровержения с пьедесталов. Дерзость в крови, лихость и ребячество, отсюда опошление прошлого, вульгаризация памяти, нет классика, и упрощение, заземление, принижение и умаление образа Пушкина, всё под себя.

Проникновенный и обобщающий ум П.Анненкова соответствует предмету жизнеописания. В его отношении к Пушкину лишь почтение и прославление, такой пиетет, ибо, как не понять, дух творчества не вдруг и не просто является, сколько к таланту души ещё требуется воли, боли и нервов, попробуй, выдержи. Мелочность и предвзятые разоблачения, смелые непристойности наружу остаются самовлюблённым авторам,

[35]Анненков П.В. Литературные воспоминания. - М., 1989. - С. 107.

есть такое право, если их уровень. Хороший слог – тоже ценность, достоинство, гармония, то выше слова и над смыслом и очевидностью.

Вот что и как написал П.Анненков о тревогах и заботах Пушкина: "Одно это обстоятельство [поэтическое вдохновение и творческий подъём. – И.С.] примирило бы всякого другого с однообразием деревенской жизни, но как человек, привыкший к движению городского и светского быта, от которого, между прочим, он во всю жизнь свою отстать не мог, чувство недовольства проглядывает в описаниях этого времени, оставленных им в письмах и в произведениях своих, как, например, в IV главе "Онегина", тогда же начатой" (35, с. 94).

И в Михайловском покоя нет. "Успехи в обществе снова стояли на первом плане в его жизни, и снова овладела им та жажда перемены мест, то искание впечатлений, встреч и происшествий, какими отличалась его первая молодость и преимущественно одесская и кишинёвская жизнь. Утомление явилось и тут в свою очередь, в конце 1829 года, как прежде мы видели в Михайловском, пять лет тому назад" (35, с. 142). Всё то же. "9 мая 1828 года. Море". В это время существование Пушкина делается порывистым и беспокойным" (35, с. 166). И далее о том же: "Мысли его становятся тревожны и смутны в это время, и часто возвращается он к самому себе, с грустью, упрёком и мрачным настроением духа. Стихотворения: Воспоминание написано 19 мая, Дар бесценный 26 мая, а за ними следовало Снова тучи надо мной..." (35, с. 166).

Просто, сдержанно, осторожно, намёком, но последовательно и ёмко. Перед нами всё тот же характер. И тут же ещё: "Месяц тому назад Пушкин, вероятно, утомлённый столичной жизнью, просил позволения участвовать в открывшейся тогда кампании против турок, но, разумеется, желание его не могло исполниться" (35, с. 166). Эти сведения в различном истолковании станут повторяться во многих публикациях, тот событийный ряд. "Затем Пушкин вдруг весьма круто и неожиданно отрывается от общества и в марте 1829 года уезжает из Петербурга на Кавказ, не испросив даже разрешения на поездку у кого следовало. В бумагах его сохранился только вид, данный ему от СПб. почт-директора 4 марта 1829 года, на получение лошадей, по подорожной без содержания, до Тифлиса и обратно" (35, с. 178). Важный эпизод.

Стоявшему в истоках пушкинистики Павлу Анненкову в то время ещё не могла быть известна подробно вся цепь переживаний, планов и действий опального поэта, направленных на самоотлучение от своей страны, бегство в чужие края. Однако о многом догадывался он и знал, например, о том, что "заветной мечтой Пушкина с самого приез-

да его в Михайловское сделалось одно: бежать из заточения деревенского, а если нужно, то и из России"[36].

Далее в изложении Анненкова подходим к главному для нас: "Естественным следствием этого колебания мысли и воли были неисполнимые предположения и замыслы. Так, в январе 1830 года он просил дозволения ехать за границу или в случае невозможности заграничного вояжа, сопровождать нашу миссию в Китай. Заботливость начальства о судьбе его отклонила оба плана с тем снисходительным добродушием, с каким оно всегда вело и сдерживало порывы Пушкина. На поездку за границу, которая расстроила бы его денежные обстоятельства, всегда запутанные, и отвлекла бы его от обыкновенных занятий, не воспоследовало согласия, а путешествие в Китай отклонено по причине полного комплекта чиновников в нашей миссии. В марте месяце, может быть, даже обрадованный отказом, он быстро собрался и уехал в Москву, намереваясь ещё посетить старого своего друга Н.Р. в Полтаве; но в Москве нашёл он разгадку своих волнений и разрешение своих порывов в чистой любви и семейной жизни, вскоре последовавшей за ней" (35, с. 206).

И там же: "...Нельзя умолчать, что в стихотворениях Пушкина, этой поэтической биографии его самого, есть пьеса, сохранившая даже черту из жизни, о которой сейчас говорили:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножью ли стены далёкого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли, наконец,
Где Тасса не поёт уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи..." (35, с. 206).

Китайская стена в ряду других мировых и исторических достопримечательностей не только знаковый поэтический символ, но и веха личного переживания, некий центр притяжения. Может быть, "пылкие порывы темнили всё в глазах его и сбивали с дороги. Им не чужда была и эта эпоха его жизни. Не надо забывать, однако ж, что из смешения противоположностей состоит весь поэтический облик Пушкина" (35, с. 338). Трудно понять и принять поэта, если он служит Музам. При жизни его так берегли и опекали, что не велено было ему и думать о решении погулять по странам чужим, да поглядеть на свет божий.

[36]Анненков П.В. Материалы для биографии А.С.Пушкина. - М., 1999. - С. 283.

К сожалению, непредусмотренное намерение Пушкина пробраться в застенный Китай никак подробнее не истолковывается П. Анненковым. Очевидно, в доставшихся ему рукописях, черновиках и записках ничего не оставлено больше насчёт пекинской поездки. С большой степенью вероятности можно предположить, что сугубо практический план зарубежного вояжа обсуждался со знающими, бывалыми, людьми в близком общении, с глазу на глаз, в своём кругу. Такой житейский разговор не требует протокола, и устная беседа, сообщение, ещё не факт литературы и рукописного наследства.

Тем не менее, всё-таки кажется, что китайский план и пекинская миссия Пушкина были осмысленным действием с его стороны, в этом деле есть предыстория, сюжет, конфликт, действующие лица, явный и скрытый смыслы. Чтобы узнать, надо искать соучастников. Они должны быть близко, в окружении, при этом вспомним, что Пушкин после Лицея, 15 июня 1817 года, пожалованный чином X класса со званием коллежского секретаря, в должности переводчика главного архива зачислен в Коллегию иностранных дел. Где же ещё советчик и подсказчик?

"Вместе с материалами для "Истории Петра Великого" в бумагах Пушкина должны остаться и так называемые "Камчатские дела" – другой памятник его деятельности. Это также свод всех сказаний и данных о приобретении Камчатки и укреплении там русского владычества, с теми случайностями завоевания и казачьих похождений, какими исполнена история этой отдалённой земли. Они тоже требуют поверок, объяснений и дополнений, хотя и менее обширных, чем эпоха Преобразователя..." (35, с. 341-342). П.Анненков, как видим, вникает в интересы Пушкина-историка. И Китай там недалече.

Последняя безнадежная просьба невыездного поэта, связанная с миссией в Китай, в отчаянном обращении через Бенкендорфа к царю и отказ в этом праве, унижающий личное достоинство дворянина, – если вникнуть в случившееся, могут сообщить нечто неведомое и скрываемое временем. Факты заслуживают пристального внимания, осмысления и последовательного объяснения с позиции единства и всеобщности. По разным причинам биографы Пушкина не придавали значения этому обращению и не смогли понять ни смысла, ни связей с другими поступками и словами.

Очерки, рассказывающие о жизненном пути великого поэта, и литературоведческие труды, увы, не в состоянии удовлетворить интерес относительно причин и мотивов дерзкого порыва творческого духа в иной мир. Не найти ответа, если не задаваться вопросом, замалчивая конфликт между своим и чужим, родиной и чужбиной, свободомысли-

ем и раболепством. Поэтический нрав не хочет быть чинным, скованным, доморощенным и заурядным, но его всё время направляют, опекают, связывают, ограничивают. Отнюдь не случайно поэт рвётся в чужую даль, из-под крепостной зависимости, в пространство вольности.

Пусть у истории нет сослагательного наклонения, ответственность не отменяется, раз говорят о суде истории. То чья вина, что Поэта держали узником России? Ясное дело, в данном случае виновны цари и царедворцы, от них зависело, быть или не быть Пушкину "миссионером". Так жаль, что имя и слава его не освятили тот путь дальневосточный. Была б ещё компания и кампания, но мало ли что могло, да не случилось, жизнь... И чудесная, и парадоксальная, всякое случается, невозможное возможно, возможное невозможно, стихия и тайна для нас.

Благодаря самоотверженности исследователей, подобных Павлу Анненкову, удалось многое сохранить и расшифровать в тайнописи текстов, мыслей и чувств поэта, однако нас не оставляет ощущение, что всё же восточная сторона всеохватного мировосприятия, древнее ориентальное сознание культурного европейца, до сей поры разобрана в пушкиноведении недостаточно глубоко, неполно. Древний Китай настолько значителен, что его не обойти и без него не обойтись нам с Пушкиным. Теперь это ясно всему миру, хоть по-своему толкуют с осторожностью: дескать, в здоровом теле здоровый дух.

Павел Анненков сочувствовал Пушкину, который усмотрел благодетельность и плодотворность войн, предпринятых Петром Великим: "Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоёванной Невы" (35, с. 220). Не может быть окончательного решения вопроса о роли личности в истории, так же, как и понимания значения борьбы и вражды в судьбе человека. Философское и нравственное осмысление их сути всё продолжается, расширяясь и углубляясь, в метафизике исторического процесса. Военная конфронтация, стихийное бедствие, оказывается, существенный фрагмент и неизбежная часть – страницы – исторической книги, заложены в программу существования человечества, нравится или нет.

Прошло сколько времени. За два столетия история сменила и меняет декорации, страна обновляется. Цвета, лозунги, вывески, флаги, гимны, клятвы, вроде смена формаций и форм собственности. Запутались, залгались сплошь, и опять охота на волков. Маменьки до сих пор продолжают дрожать и оберегать отпрысков, как во времена Аракчеева. Неужели, в самом деле, несокрушим генералитет, символ военной власти? И материнский инстинкт не истребить. Всеми сила-

ми, отстаивая безопасность, солдатские матери учатся настойчивости в борьбе с ведомственным произволом. Им бы поддержки да побольше солидарности. Жизнь всегда будет цениться разно: грош цена для государства (азиатчина), бесценно для матери, святое право. Россия, в которой жил Пушкин, прошла Отечественная война, будут ещё, останется военизированным государством. Роль армии в империи более чем значительна и необходима. Словесность гремит духом великодержавности. Спросим, причём же тут Пушкин?

Многое в жизни на протяжении веков истории повторяется и, обновляясь, накапливается. Взаимоотношения людей, политика государств, события, дела, намерения, устремления народов, слова – сохраняются в сознании консервативном, коснеющем к концу. Всё остаётся в понятиях и опыте, оседая в памяти достижениями, ценностями и нормами культуры, цивилизации. Насилие над человеком, своим или чужим, над группой, целым сословием, народом, попадись под руку, и страной, – универсальное средство решения проблем и ведения дел. Не просто выход из положения, привычка и навык, неизбежно уже в крови, укоренённый взгляд и приём проверенный. Оправдание мощи и дикости – не мода, культ агрессивных и кровожадных, захватывает, их воспевают, силу почитают, поклоняются, молятся.

Государственники в изобилии, белая каста, были, есть, останутся, власть подкармливает, привлекая на свой бок идолопоклонников, адептов слепой веры и соблазнов. Хозяева положения, с древним инстинктом властвовать, первенствовать, покорять, подчинять и быть сверху, удобно и выгодно. Князьки, царьки, генералы, паханы, боссы, лидеры, шуты, разносортица командного состава и начальничков, заявляют исключительный патриотизм, сильная фразеология, решительный тон, в голосе воля и влиятельность, ни колебаний, ни сомнений. Видно же, что державник, только дайте ему порулить.

Настоящая биография

Умную книгу о А.С.Пушкине, биографию писателя, написал Ю.М.Лотман, знаток русской культуры, быта и традиций дворянства начала XIX века. Глубокий взгляд, подход и мысли, раскрывающие саму суть предмета, как и соответствующий скромный стиль объективного изложения, в лучших традициях пушкинистики уважительная тональность к таланту, по нашему мнению, достойны непреходящей ценности классики и тем располагают читателя к восприятию тартусской концепции жизнеописания Поэта.

Если работаешь над биографией и осмысливаешь частную жизнь и общественную роль человека, то в первую очередь выстраиваешь события, дела, поступки, фактическую основу жизни-деятельности. Однако это одна сторона интересующего нас процесса. Дальше за внешним каркасом, в глубине, находится таинственный и скрытый план духовной жизни. Там носятся, клокочут и клубятся светотени знаков и посланий, голоса, мотивы, зовы, побуждения, сомнения, соблазны, много чего ещё неясного и непонятного из мира духов. Если те вмешиваются в наши дела, тогда нет логики – ни причин, ни следствий, всё по-другому, искажения и беззаконие.

Свои вероятности и непредсказуемости, приходится догадываться, подключать интуицию, в поиске находить или ошибаться: почему же так или иначе вёл себя, делал, поступал, что именно толкнуло, как и о чём полагал, на что рассчитывал, в конечном счёте. Человечество обрело как-то творчество-результат, даётся нам во внешнем, или отчуждённом, предмете, однако вместе с тем исконно существует сам внутренний, духовный процесс творения, в нём запросы, стимулы, техника, переживания и озарение.

Целая жизнь, бытие и быт, также как бы раздваивается: и в ней своё тело и своя душа, косное и заповедное, земля и небо, тлен и вечность. Помимо всего где-то рядом с мотивацией и пониманием, то ли над, то ли под этим, вдруг обнаруживается бессознательная и непроизвольная нить побуждений, случайных и неоправданных реагирований, несуразных комплексов и поступков, и тоже ведь всё даже очень жизненно. Сложнейшая ткань жизни и узлы.

Мыслимо ли безошибочно схватить таинственную грань, пределы возможностей и способностей личности, если природный механизм тщательно упакован, закрыт прочно, оберегаясь от вторжения и стороннего вмешательства, так что часто сам человек и не ведает, кто же им водит по жизни. Тем более он не умеет, да и не принято это, разбираться и сообщать о зыбких и неясных толчках, стимулах, подсказках откуда-то. Без этой мистики многое не понять по сути и не объяснить человека в загадочной жизни.

Заслугой Лотмана-биографа является то, что в его системе просматривается иерархия различных структур жизни и личности: устанавливаются связи и зависимости частных проявлений характера, выявляется соответствие подчинённых и вспомогательных средств главным целям, большим смыслам и задачам. Последовательно и убедительно конструируется вполне работоспособная модель жизнеописания вообще и приемлемая версия биографии гениального писателя,

содержательная и неординарная для своего времени. Чтобы уловить стиль и глубинный смысл, надо читать книгу, сочувствуя автору. Приведём выдержки из неё, извлечения:

"Сквозь пестроту случаев, столкновений, конфликтов через всю жизнь Пушкина проходит одно неизменное чувство – чувство собственного достоинства. Оно лежит в основе общественных идеалов, ибо без веры человека в свою ценность нет свободы – ни общей, ни частной, оно составляет фундамент жизненной позиции. Именно чувство собственного достоинства определяло поведение Пушкина и в кругу друзей, и перед лицом врагов. Чувство собственного достоинства выучило его постоянно быть готовым пролить кровь, отстаивая свою честь, и великолепно держаться под дулом почти в упор направленного на него пистолета (обычная дистанция между барьерами при дуэли в России была близкой – от шести до двенадцати шагов). Чувство собственного достоинства заставляло его бороться за оплату писательского труда, поскольку он ясно понимал, что "поэтическая", в литературных представлениях, бедность в реальном быту оборачивается отсутствием независимости, бывшей для Пушкина синонимом чести. Именно на этой почве, в борьбе за достоинство личности, и было неизбежно столкновение Пушкина и Воронцова?"[37].

Важно заметить, что пресловутый план и замысел побега за границу ведь в немалой степени вызван опять же комплексом, следовательно, глубинно обусловлен и оправдан. И здесь уязвлённая честь, унижение и отстаивание собственного достоинства. "Конфликт в связи со служебной командировкой "на саранчу" был спровоцирован Воронцовым. Пушкин просил об отставке, что в его положении опального чиновника могло быть истолковано как мятеж и дерзость" (37, с. 109). Так биограф интерпретирует острые ситуации, без которых не обходится жизнь, приходится вставать на ту или иную сторону. Когда сталкиваются интересы, каждый по-своему прав. И нет развязки. Амбиции, самолюбие – хоть стреляйся опять.

"Месяцы пребывания в Одессе напоминали насыщенный авантюрный роман: общение с политическими заговорщиками и раскинутая вокруг него шпионская сеть, любовь и ревность, сиятельный преследователь и помощь влюблённых женщин, планы бегства за границу (В.Ф.Вяземская даже доставала для Пушкина деньги, чтобы реализовать этот проект), а на заднем плане – лица всех социальных состояний и национальностей, включая "корсара в отставке" мавра Али, в красных шароварах и с пистолетами за поясом, в обществе которого

[37]Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. - Л., 1982. - С. 107.

Пушкин любил бывать" (37, с. 110). Известные факты, всего понемножку, взвешенно и с чувством меры, свой колорит, целая картина.

В Михайловском продолжение уже другого авантюрного романа. Он жаждет любви, призывая её. "Согласитесь, что мой проект романтичен! – Сходство характера, ненависть к преградам, сильно развитый орган полёта" (37, с. 130). Это из записки Пушкина А.П.К. И после этого следует тонкое замечание. "В письме Пушкин, нашёл более яркую и индивидуальную, чем в стихах, формулу для того, что связывало его с Керн: "Ненависть к преградам, сильно развитый орган полёта" (37, с. 130). Это ведь, хотя и новыми словами, тем не менее всё о том же: свобода-достоинство. "Пушкин не мог примириться ни с какой несвободой и переносил в реальность свободу поэзии, её способность, реализуясь, сохранять многогранность" (37, с. 131). Увы, ему придётся испытать притеснение и в сфере поэтического творчества, больной нерв задели, коснувшись едва ли не главной темы жизни Пушкина – свободы слова.

"Пушкин мечется, ему не сидится на месте: в 1826 году... он едет в ноябре в Михайловское, но в декабре уже возвращается в Москву, оттуда в мае 1827 года едет в Петербург, в июне – в Михайловское, в октябре – снова в Петербург. В 1828 году – ряд неудачных попыток уехать в длительное путешествие: просьба разрешить ему поездку в действующую армию на турецкий фронт, за границу – в Европу, в Азию – встречают отказы. В октябре 1828 года Пушкин уезжает в тверское поместье Вульфов Малинники, откуда в декабре – в Москву, но в начале января 1829 года он уже снова в Малинниках, откуда, после краткого пребывания там, едет в Петербург, а в начале марта он уже вновь в дороге: едет из Петербурга в Москву, где сватается к Н.Н.Гончаровой, и уезжает на Кавказ (Орёл – Кубань – Тифлис – Карс – Арзрум). 20 сентября 1829 года он в Москве. Потом Малинники, Петербург, просьба разрешить поездку в Полтаву (отказ), Москва, 6 мая 1830 года помолвка с Н.Н.Гончаровой и поездка с нею в имение деда невесты Полотняный завод (Калужская губ.), Москва, Петербург, Москва. 3 сентября 1830 года Пушкин женихом уезжает в отцовское поместье в Нижегородской губернии Болдино" (37, с. 149).

Перечисленные факты составляют внешнюю сторону жизни, они объясняются душевным состоянием, биографу важно вникнуть, чтобы обобщить их. "Не только стремление быть как можно больше в дороге обличает внутреннее беспокойство (дорога успокаивает, укачивает, отвлекает, в дороге быт и реальность отступают на задний план, легче думается, легче мечтается; не случайно Гоголь видел, сидя на месте, "свиные рыла", а в дороге – "птицу тройку"). Пушкин много и с ка-

ким-то ожесточением играет в карты. Между карточными "запоями" и тяжестью душевного состояния устанавливается прямая связь" (37, с. 149). Есть причина, есть следствие, невидное и явное. Несчастливый человек, не удовлетворённый собой, – объект невропатологии. Организм сам, рефлексивно, избавляется от напряжения.

"Это была ссылка, и порой она делалась Пушкину невыносима. Не случайно он обдумывал планы бегства за границу через Дерпт, строя невероятные проекты операции мнимого "аневризма в ноге", переодевания слугой Вульфа и пр." (37, с. 131-132). И в самой жизни, и тем более в жизнеописании, тут уже вдвойне, факты – поступки, дела, события, слова, сообщения и прочее – субъективно окрашены. Там, где человек и сознание, немыслимы "голые" факты, нет чистой объективности. Возможны и необходимы разные осмысления, переосмысления, множество версий, мнения и сомнения, игра красок. "Жизнь, которую вёл Пушкин в эти годы, была шумной и беспорядочной. Немногие из встречавшихся с поэтом в это время могли догадаться, что для него это время глубоких и почти трагических размышлений" (37, с. 146). И "...мысль Пушкина постоянно обращалась к декабристам" (37, с. 146).

Биограф понимает, что жизнь человека, человек в жизни, внешне, т.е. на людях и для людей, и внутренняя жизнь, про себя и для себя, нередко связаны одна с другой причудливо, особенно терзают страсти, страхи и запреты, нет равновесия. "Было время, когда Пушкин был ссыльным скитальцем, который рвался в Петербург. Теперь его держат в Петербурге как на привязи, и он стремится вырваться из его душной атмосферы куда угодно: в Париж или Китай, на турецкий фронт или в деревню. Получив на все просьбы отказ, он 9 марта 1829 года выезжает из Петербурга в Москву, откуда в начале мая без разрешения отправляется на Кавказ с намерением посетить действующую армию" (37, с. 155).

В описании событий и положения непременно даётся характеристика состояния и оценка: атмосфера – душная; ссыльный да ещё и скиталец, держат на привязи, он рвётся куда угодно; на все просьбы только отказ. Каково? "Обещанная ему свобода от цензуры обернулась мелочной полицейской опекой Бенкендорфа. Свобода передвижения также оказалась мнимой: для любых отлучек из Петербурга надо было испрашивать разрешения. Пушкин оказался опутанным цепью слежки" (37, с. 163). Всё то же. Полицейское государство, полная зависимость, тотальная слежка, – кажется, время остановилось, действительность законсервирована, массовое сознание заморожено, заморочено. Это навеки?

"Александра Осиповна Смирнова из-за границы писала: "В матушке России, хоть по-халдейски напиши, так и то на почте разберут... я иногда получаю письма, просто разрезанные по бокам". В этих условиях надежда на какую-то отгороженную от государственной власти семью была иллюзорной, и Пушкин в этом вскоре убедился" (37, с. 205). "В дневнике 10 мая 1834 года он записал: "Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться – и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным (VIII, 50)" (37, с. 205-206).

Вечная мерзлота и мамонты. "Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности (inviolabilite de la famille) невозможно: каторга не в пример лучше (X, 487-8)" (37, с. 207). (Пушкин А.С. Письма к жене. Л., 1986). Это сам Пушкин, в таком отчаянии. "После эпизода с распечатыванием письма он делается в письмах особенно резок, сопровождая наиболее сильные выражения многозначительной пометой: "Это писано не для тебя"; "Ты разве думаешь, что свинский Петербург не гадок мне? Что мне весело в нём жить между пасквилями и доносами (X, 487)" (37, с. 209). Такое вот самочувствие.

"Пушкин рисует в письмах едкую карикатуру: джентльмен, читающий чужие письма, и тут же с оскорбительным великодушием прощает царю эту меру "государственной безопасности": "На того я перестал сердиться, потому что toute reflexion faite, не он виноват в свинстве, его окружающем". И далее пишет, что "живя в нужнике", поневоле привыкаешь к его вони, "и вонь его тебе не будет противна, даром что gentleman. Ух, кабы мне удрать на чистый воздух" (Пушкин А.С. Письма к жене. - Л., 1986) (37, с. 210). Нетрудно понять, что поэт тяготится обстановкой и обстоятельствами жизни в своей стране, где политический режим невыносим, и это унижение человеческого достоинства продолжается вечно.

Объективная необходимость и целесообразность, традиция имперская. "...Реакция на полицейский обыск в Ясной Поляне в 1862 году психологически напоминает негодование Пушкина. Л.Н.Толстой писал 7 августа 1862 года своей тётке А.А.Толстой: "Я и прятаться не стану, я громко объявлю, что продаю имение, чтобы уехать из России, где нельзя знать минутой вперёд, что меня, и сестру, и жену, и мать не скуют и не высекут, я уеду". Совпадение позиций Толстого и Пушкина глубоко не случайно: именно у Толстого нашла своё продолжение пушкинская традиция культивирования святыни домашнего гнезда

как основы "самостоянья человека". Краеугольным камнем пушкинской программы была личная независимость" (37, с. 211).

Как видим, речь идёт об общечеловеческих ценностях, сложными путями и разрозненно человечество продвигается к их признанию и освоению. Сколько болезненных переживаний и трагедий приходится испытывать людям, рядовым и передовым, отважно и дерзко завоёвывая себе исконные и демократические права, отстаивая честь и достоинство и с упорством преодолевая сопротивление, препоны и препятствия феодальной чванливости и имперской амбициозности. И нет конца боли.

Выше намеренно много цитировали, при этом преследуя свои цели. Время и образ биографа в характере восприятия действительности, в способности и возможности её приятия, понимания и отражения, в особенностях и своеобразии самовыражения, иначе говоря, в стилистике и риторике высказывания, или в тексте. Время исторически всё продолжается и расходится, разные поколения пушкинистов, на протяжении XIX и последующих веков, чувствуют, мыслят, понимают, относятся к своему предмету и делу, наконец, излагают свои взгляды и пишут не единообразно, в одной манере и с одной установкой, но многопланово, в разных ключах и тональностях. Нередко всё изощрённей слог и неожиданней подход. Важно уловить специфику жанра в его становлении и развитии, многоголосии, соперничестве, совершенствовании техники, поиске новых приёмов и средств.

Чтобы заметить движение, надо прислушиваться к пульсу и дыханию исторического момента, к кровотоку, давлению и застою, чутко внимать таинственный голос жизни, вникая в смысл и мелодию духовного развития, с едва уловимыми переборами ритма и темпа чувства-чувствования, жизнелюбия, радости, обеспокоенности, тревоги, страха и пр. Чтобы уловить, увидеть, что-нибудь понять, приобщаясь к Пушкину, человеку и гению, к личности и жизни, побуждениям, устремлениям и мыслям, действиям, поступкам и случайностям, биографы должны обладать средствами и способностями, сочетая в себе интерес, такт и технику письма, технологию жанра жизнеописания. Это особенный язык, свои символы, мифы, фикции, стиль.

Сложный аппарат ценностей, значений, представлений, понятий постепенно открывается и складывается в конструкции, называемые научной биографией великого писателя. И не сразу стали писать так, как научились и пишут в наше время. Понимание, знание и умение в литературном творчестве и искусстве письменного слова (речь об основных формах и видах биографического жанра) зарождаются, фор-

мируются, появляются, развиваются и продолжаются, также используются, приобретаются, усваиваются и обмениваются в общении.

Первые биографы Пушкина в своё время воспринимали мир, видели действительность, относились к жизни, выражали себя, говорили и писали несколько иначе, нежели это делается в наши дни учёными-пушкинистами. Другое самочувствие – и, соответственно, разный стиль поведения и взаимоотношений людей в государстве, обществе, семье. На протяжении полутора веков – от Павла Анненкова до Юрия Лотмана – изменились формы жизни, общественные отношения, культура, стиль речи и нормы коммуникации. Улавливается заметное отличие, как обращались и изъяснялись между собой власти и подданные, сословия и лица тогда, в начале XIX, и как разговаривают друг с другом "верхи" и "низы", государство и граждане, социальные группы, писатели, читатели, критики и прочие ныне, к началу XXI. Есть сходство, есть и различие в отношениях, в риторике и стилистике, надо осознать, чтобы заметить важные детали и частности. Всё познаётся в сравнении.

Обстановка, обстоятельства жизни, среда обитания, окружение и личность находятся во взаимодействии и связаны, влияя друг на друга, сказываясь и отражаясь одно на другом. Биографы так или иначе учитывают социальные условия и культуру, вникая в суть и систему отношений человека и общества, однако описанию исторического фона жизни придаётся разное значение, выполняется оно своеобразно, в зависимости от времени написания биографии. Павел Анненков был младшим современником А.С.Пушкина, при собирании материалов к биографии поэта филолог встречался со многими знакомыми, приятелями и друзьями поэта, чтобы собрать и сохранить для потомков живые воспоминания и рассказы о писателе. Тогда при описании жизни Пушкина не требовалось воссоздавать панораму действительности, быт, культуру, нравы и обычаи, всё то было живо, перед глазами каждого, очевидно и само собою.

Иное дело сейчас. Избыточные прежде сведения о традициях русского дворянства теперь для нас вовсе не излишество. Социальная среда и политическая обстановка, образ и стиль жизни, общественной и частной, выполняют роль ведущих конструктивных опор личности и биографии. И вне системных связей, без знания соотношения и взаимодействия единицы (социума) и общности трудно понять и оценить роль человека, особенно если это такая знаковая фигура, как первый поэт страны, скоро он станет вехой и символом, будет признан ключевым именем для понимания и обозначения эпохи и национальной культуры.

Остров наш, кажется, изменился, и теперь его омывают другие волны океана жизни, похожие и не те, что катили, сокрушаясь, на берег, в отдалённые времена, и картины прошлого, всё удаляясь, скрываются за горизонтом исторической памяти. Изо дня сегодняшнего так просто не выведешь старину и не узнать без усилий предков и предшественников. Поколение детей и отцов, дедов и дальше всё больше, – естественно, люди сосредоточены на собственных интересах, идеалы и ценности, объединяя одних, разводят других. В зависимости от возраста и времени, мы разно чувствуем себя и иное, расходимся в постижении смысла жизни, по-своему мыслим, понимаем, знаем, желаем, различно относимся к миру, к природе и окружающим, своеобразно общаемся, обращаемся с другими, ведём себя в обществе, выражаем себя, ценим разное.

Как видно, понятие сословной чести и личного достоинства дворянина во времена Чаадаева и декабристов ценились высоко, если столь распространённым способом, жестом и ритуалом сатисфакции были смертельные поединки, непонятные и чуждые нам светские причуды, вполне закономерные в жизни Пушкина, как и его окружения. О дуэлях, на них гибли молодые и не самые слабые, у нас свои представления, далёкие от взглядов самих дуэлянтов, и мы упрощаем их понятия и культуру. У этой традиции есть психологический механизм и, следовательно, историческое оправдание, нравственный смысл, надо вникнуть и понять.

В жизнеописании приходится восстанавливать утраченные со временем обряды жизни, стереотипы, институции пушкинской поры, к примеру, царский двор и его влияние, иерархию светской и церковной власти, сословный принцип существования нации, быта и сознания, великосветские балы, систему элитарного образования, государственную службу, поместную жизнь, роль женщины и многое другое из культуры той эпохи, отчуждённое, опавшее и забытое. Понять и познать отдельно судьбу, вне окружения и безотносительно к внешним условиям и обстановке, немыслимо, есть органические связи и зависимости, которые не оборвать никак.

Биографы вынуждены волей не волей глубже и шире схватывать социальную действительность и частную жизнь в их нерасторжимости, как организм и цельный комплекс. И следует отдать должное, Ю.М.Лотман делает это вполне сознательно, последовательно и систематически, удачный опус. Важно заметить, у него это не схема, живое воплощение. Пушкин и другие не просто вместе или рядом с тем окружением, обществом и государством, но в активном и переменчивом состоянии противостояния, соперничества и взаимодей-

ствия, разные интересы, установки, чувства и страсти. Жизнь в борьбе за место и роль, на выживание, игра и блуждание в многомерном пространстве неизвестности и тьмы.

На всей конструкции жизнеописания, конечно, отражаются взгляды, позиция и мировоззрение биографа, в аналитических оценках той, "чужой", жизни обнаруживается и проявляется понимание себя и своей эпохи, не могут не сказываться собственные переживания, нельзя исключить личный опыт и мнение даже из объективного повествования. Живой текст волнуется и переживает вместе с автором и читателем, наш интерес к миру и тяга к познанию добра и зла всенепременно так или иначе субъективны и личностны, человек глядит и чует все в тайне, непостижимо.

Итак, социальная действительность, культура, быт, обстановка и обстоятельства существования общества, традиции и стили общения, внутри- и межсословные, иные (национальные, конфессиональные и прочие) отношения, связи, обращение, исторические события, т.е. вся внешняя сторона состояния предмета, вблизи и издали, своё и чужое, в настоящем, современниками, и в прошлом, потомками, имеет разное значение в субъективном ощущении и описании, видится и воспринимается соответственно, более или менее заинтересованно в непосредственности и в отчуждении, изнутри и со стороны.

"В Москве второй половины 1820-х годов, когда заботливые маменьки начали опасаться отпускать своих мечтательных и склонных к немецкой философии отпрысков в гвардейскую казарму, типичной фиктивной службой сделалось поступление в Архив коллегии иностранных дел. Начальник архива Д.Н.Бантыш-Каменский охотно зачислял этих молодых людей (их в обществе стали иронически называть "архивными юношами") "сверх штата", то есть без жалованья и без каких-либо служебных обязанностей, просто по старомосковской доброте и из желания угодить дамам"[38].

Одно дело жизнь вокруг Пушкина, Александровская и Николаевская эпоха, для Павла Анненкова, живая реальность и повседневность, всё продолжается и действует в свете, в быту, в сознании и мнении. Тот мир для нас и Ю.Лотмана уже прошлая жизнь, историческая действительность, фикция, представление и вымысел. Люди с трудом понимают своё время и собственную жизнь, что говорить о посторонних. Вряд ли Пушкин и Анненков могли знать нашу жизнь, мы не прозорливее их, пожалуй.

[38]Лотман Ю. Беседы о русской культуре. - СПб., 1994. - С. 29.

Каким же казался Пушкин его современникам, есть ли какое принципиальное отличие в том их восприятии живого человека по сравнению с нашими сегодняшними представлениями о личности поэта и как складывается образ исторического лица? Живя в обществе, в определённом месте и времени, в своей роли и положении, в той или иной среде и окружении, каждый из нас оставляет какой-то след в общей жизни, как и в сознании и памяти некое впечатление, или образ. О людях другие, помимо прочего, судят и высказываются порой, и эти суждения, высказывания и субъективные отношения, или межличностные связи, живут и взаимодействуют, словно таинственные знаки, в идеальном пространстве, куда вход посторонним заказан.

В том параллельном мире, согласимся, остаются мнения и о тебе, и обо мне, они разноречивы и пусть спорны, причудливее музея восковых фигур, ибо движение в сомнениях и сочувствии, большая репетиция как бы. Читая записанные и опубликованные воспоминания о Пушкине, легко убедиться в том, что многие, встречавшиеся с ним в тех или иных условиях и в разных обстоятельствах, следовательно, как-то знавшие тогда поэта, естественно, воспринимали его каждый по-своему, относились к нему кто благосклонно, с симпатией, с уважением, с почтением, кто нет, судили о нём предвзято или, напротив, доброжелательно и характеризовали его по-разному, оценивая неоднозначно. В результате остался длиннейший перечень очень разных характеристик и оценок, подчас исключающих друг друга и формально как бы не согласуемых между собой, ведь это об одном человеке.

Пушкин в жизни противоречив и парадоксален, в этом он вовсе не исключение. Речь идёт о свойствах и особенностях человека, мы оперируем здесь точками зрения других, пытаясь привести к общему знаменателю столь разные дроби, как субъективные взгляды и личные мнения по поводу одного лица в его различных ипостасях. Быть может, в таком преломлении, когда есть связь и взаимодействие, лицо это уже вовсе и не единица, но множество и многоликость, как Будда. Или же наше восприятие человека есть случайность из бесконечного ряда случаев, а суть одна, в глубине труднодоступна для нас.

В личности мы замечаем выдающийся характер, а ещё не менее значим строй души, от них отношение к жизни, и настроение не спрячешь, никуда не деться, человек смертный, временный на Земле. Бог, природа, предки, в нашем случае всё равно, одарили земное существо, или создание, исключительной неповторимостью достояния и состояния чувств, воли, способностей и удачливости, проще говоря, восприимчивости и везения. Пути Господни неисповедимы, человеческие

качества и свойства души у земного грешника, пороки, недостатки, слабости и достоинства, индивидуальны, своеобразны и неисчислимы, мало понятий у нас, не хватит слов в языке.

Чего только не писали о Пушкине разные его знакомцы, друзья и недруги, свои и чужие, близкие ему и сторонние, однодумцы и случайные. Эти любили его и ценили, иные же были равнодушны, безразличны или враждебны к нему. Соответственно, первые дадут положительную характеристику поэта: искренний, благородный, откровенный, умный, образованный, начитанный. Для приятелей и родственной души он симпатичен и коммуникабелен: прост в обхождении, любезен, вежлив, обходителен, демократичен в обращении. Отметят его весёлость, остроумие, задор, пылкий и вдохновенный характер.

Более критически настроенный мемуарист заметит иное: иногда любезен, очень ревнив, самолюбив, неделикатен, горяч, необуздан, честолюбив. И эти характеристики тоже обоснованны и справедливы, как и следующие: живой, пылкий, увлекавшийся, влюбчивый, ревнив безумно, любил жену. Кто-то подчеркнёт ещё: ленив, легкомыслен, неделовой, хвастун, изворотлив, тщеславен, суетен, обидчив, как ребёнок, беспечен, оригинал, т.е. странный, вертлявый и непоседливый, "первый шалун", ветреный, шалопут. По другой линии: гордый, вольнодумец, безнравственный, бесцеремонный, циник.

Политические ярлыки недоброжелателей таили в себе серьёзную опасность для ссыльного поэта, так и оставшегося в опале до смерти. Многим было известно, что он суеверен, верил приметам, мнителен, хандрлив. Запомнилось болезненное состояние души: нервный, раздражительный, неуравновешенный, мрачный. И не забылось, осело в памяти: спорщик, забияка, дуэлянт, мстительный, повеса, картёжник, ловелас, распутный, развратник, пьяница, бражник, прожора. Это далеко не все оценки со стороны современников Пушкина, но и из приведённого перечня складывается сложное и противоречивое отношение к личности сражённого поэта.

Идеальный предмет рисуется однотонно и ровно, жизнь полна страстей, кипения, столкновения и разных голосов, это уже не схема. Пушкин читал Монтеня в оригинале, на французском, и он должен был обратить внимание на слова мудреца: "Никогда не существовало двух совершенно одинаковых мнений, точно так же как один волос не бывает вполне похож на другой и одно зерно на другое. Наиболее устойчивым свойством всех человеческих мнений является их несход-

ство"[39]. Так ведут себя лишь живые мнения, как и живые люди: ищут чего-то в споре, самоутверждаясь. Полный упокой ждёт в некрополе, идеальный ноль, ничто, абсолютное молчание.

Двадцать лет взрослой жизни, прибавим лицейские годы и умножим на число дней в году – более девяти тысяч оборотов вокруг Солнца, меняется космическая погода, картина звёздного неба Земли, поля напряжений и настроений. И ежедневно с нами что-то случается, с каждым и со всеми происходит разное и многое, сколько событий, дел, намерений, важных и незначительных, столкнулся с кем, задел кого, тронули тебя. Словом, в суете переживаний всякое с человеком бывает, только успевай реагировать, испытать, проявить себя, сориентироваться в происходящем вокруг, тут и рутина, и творчество жизни, и формирование характера, и самочувствие.

И Пушкин в разных коллизиях. На него смотрели с разных сторон, много глаз, заинтересованных и предвзятых взглядов, – пушкинистам теперь разбираться в путанице разноречивых суждений мемуаристов и современников поэта. В томах воспоминаний найдутся мнения на любой вкус. Мы понимаем, в какой мере они случайны и поверхностны, в какой естественны и закономерны, в какой существенны и показательны. Хотелось понять это. Любить Пушкина замечательно. Но, что ни говорите, не обязательно ведь. Хотя и желанна любовь, чувство свободно, попробуй навязать. Когда выйдет жизнь и сомнения, разные мнения, – останется икона, её почитают иначе. Иконостас – иной мир, предвечный.

У нас теперь своя точка зрения, собственные оценки и иной набор определений, не все те их мнения вяжутся с нашим представлением и образом классика. Для характеристики гения, т.е. вечности, стали вовсе не актуальными пикантные подробности и слишком личные отношения, многое в житейских разборках и сведении личных счётов теряет смысл, мелочные придирки и поверхностные замечания, как беспочвенное и бессвязное, не берутся в расчёт. У нас иная логика, система, мотивировка и связь соответствующих фактов. Исторический взгляд и отдалённость во времени требуют согласования существенных черт характера, личности и эпохи, отсеивая нетипичное, сиюминутное, случайное, третьестепенное, суету сует.

Живой поэт в непосредственном общении и быту воспринимается пристрастным человеком, обывателем и современником, совсем иначе, чем чистыми почитателями из последующих поколений, читателями и нечитателями, представляющими, по сути, уже другую культуру. А.С. Пушкин в жизни был смертным и грешным, к нему подход строг

[39]Монтень М. Опыты. - М., 1991. - С. 340.

и придирчив, требования высоки, никаких поблажек и всё не так, казалось. Прах истлел, осталось имя, и мы можем судить без предвзятости, используя язык достойно, постараемся уловить стиль и попасть в тон. Дело вовсе не в том, чтобы из него сделать икону и на неё молиться, стоя на коленях.

Биографы Пушкина обращаются ко всем доступным воспоминаниям современников о поэте, основательным и поверхностным, бесспорным и сомнительным, и черпают оттуда факты, или отрезки жизни, так или иначе связанные с ним. Эпизоды и случаи вспоминаются и в рассказе облекаются в форму повествования, обычно сюжет развёртывается в действии, мемуарист отмечает свою причастность и с позиции участника свидетельствует и характеризует роль и поведение поэта в прошедшей жизни, а биограф, осмысливая случившееся некогда, выбирает себе в текст говорящие отрывки из меморий очевидцев и складывает в свою конструкцию жизнеописания.

То, что произошло, события и случайности, там поведение и характер, – всё таинственно связано, чем-то обусловлено, надо уловить или угадать мотивы поступков, сцепление и последовательность шагов, согласованность намерений и действий, чтобы понять логику фактов, если это вообще возможно и реально. По утвердившейся традиции современный человек непременно пытается объяснять жизнь, учёность обязывает, неукоснительная вера в детерминизм, обусловленность и причинно-следственную цепную реакцию, бесконечный распад и в противовес встречное движение, в рост, в сторону совершенствования.

В биографическом повествовании попытка связать и объяснить факты жизни, или случаи, выливается в форму комментирования, утверждения и доказательства. Подобные рассуждения, многим без привычки представляется, составляют особый вид скуки – "философию", которую с трудом усваивают. Зато просто ярлыки – ярко, коротко, ясно – эмоциональный, однозначный, такой общедоступный и расхожий стиль выражения отношения человека к человеку, непосредственного и заинтересованного. Кому доступен жанр греческой трагедии, кто предпочитает лёгкую комедию, кому нравится опера и классика, кто предпочитает оперетту и попмузыку – разные склонности восприятия в мире искусства и всякие вкусы, пусть живут и соревнуются.

"Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все искусства", – сказано по-китайски, просто, красиво и незабываемо, кого не устроит такой плюрализм. В сборнике изречений, в начале или в конце, следовало бы предупреждать доверчивых читателей о том, что распространение цитат, ходячей политической фразеологии, коварно и

опасно, вирус в массовом сознании. Полное собрание сочинений и краткий курс, дайджест, клип – разные промыслы, и тут две промышленности: одним мышление, другим мысли. То ли понимать, вникая и углубляясь, то ли знать, получить сведения. Речь идёт о жизни Пушкина, истории и мифах. В данном случае нас особенно интересует вопрос, почему вдруг, ни с того ни с сего, запросился он в Пекин.

При несомненных достоинствах книги Юрия Лотмана она "не приблизила нас к созданию настоящей биографии Пушкина"[40]. Спрашивается: что же такое "настоящая биография"? Вопрос весьма спорный и неопределённый. "В биографии Пушкина, написанной Ю.М.Лотманом, видение жизни поэта, по собственному признанию автора, опосредовано теоретическим взглядом "на биографию как объект семиотической культурологии" (40, с. 180).

"По наблюдению Б.Ф.Егорова, есть "писатели, стихийно идущие по жизни, есть, наоборот, сознательно творящие свою личность, не только художественную, но и человеческую, житейскую. Есть и литературоведы, пренебрегающие этим и даже отрицающие сознательное становление личности большого писателя, есть, наоборот, очень последним интересующиеся. К таковым относится Ю.Лотман, который даже у Пушкина раскрыл подобное становление. Тем большие основания для такого подхода даёт Карамзин"[41]. "Планирование жизни не может рассматриваться как универсальный жизнетворческий метод" (41, с. 86).

Западня

Не так давно вышла в свет любопытная дилогия Юрия Дружникова "Узник России", предметом и проблематикой касается интересующей нас темы, подступая, но, оборвав поиск в невидимой точке, теряется след. Жанр книги обозначен автором как роман-исследование. В подзаголовке читаем: "По следам неизвестного Пушкина". Нет сомнения, уточнение, как и заглавное название, преследует рекламные цели, что не возбраняется, пишут и издают труды для сбыта и распространения, и приходится доступными средствами обольщать читателей. Тем же в своё время озабочен Пушкин, в наши дни обеспокоен историк русской литературы, преподаватель Калифорнийского университета. Он утверждает, что "по меньшей мере, один аспект биографии и творчества великого русского классика, закулисная сторона его жизни, до сего времени, как ни странно,

[40]Сурат И. Биография Пушкина как культурный вопрос // Новый мир. - 1998. - № 2. - С. 181.
[41]Лосиевский И.Я. Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии. - Х., 1998. - С. 85.

всерьёз не затронутая пушкинистами, стала главной темой двух хроник под общим заглавием "Узник России"[42].

Не делая исключения для Ю.Дружникова, приведём выдержки из книги, имеющие отношение к теме жизни, в целом они примечательны. Автор тщательно подобрал факты и косвенные свидетельства о заинтересованности Пушкина посетить чужие края, о препятствиях, чинимых ему со стороны власти. Можно и не соглашаться с концепцией, трактовкой и обобщениями. Однако сведения о противоречиях и столкновениях в жизни поэта в области взаимоотношений, внутреннего и внешнего мира, встроенные в некую систему причинно-следственных отношений, нелишне было перебрать, чтобы уточнить жизненные детали в остром вопросе, задевающем чувство патриотизма и свободы личности, её прав и бесправия.

В сложных делах взгляды всегда видоизменяются, и пусть они, развиваясь, не совпадают. Категоричность, оборотная сторона нетерпимости к иному, чужому мнению, в этом вопросе, пожалуй, излишня, ибо кем быть и где жить тебе на Земле, надо признать, наконец, решать каждому. В других широтах, уже не та судьба, наш Пушкин, вероятно, сочинил бы что-то иначе. Ну, и что из этого следует? Действительно, поэт ушёл, оставив вопросы, – не разгадать. Куда, зачем, насколько, как, почему хотелось, если и в самом деле влекло, – желание вроде природное и в то же время вовсе не простое, но противоречивое, случается, болезненное и больное. И, следовательно, та его заграница – неоднозначный и далеко не бесспорный синдром. Судите сами.

Глава первая романа Ю.Дружникова о том, как Пушкин собирается за границу. Дело было летним вечером 1817 года в Петербурге, в театральном антракте: "Я сказал новому знакомому, – пишет в воспоминаниях Катенин, – что, к сожалению, послезавтра выступаю в поход, в Москву, куда шли тогда первые батальоны гвардейских полков; Пушкин отвечал, что и он вскоре отъезжает в чужие края; мы пожелали друг другу счастливого пути и разошлись" (42, с. 13).

"Итак, по окончании лицея (а возможно, и ещё раньше, в лицее, но об этом мы не знаем) Пушкин начал думать о поездке за границу. Исполнилось ему восемнадцать" (42, с.14). "Отъезд за границу кажется ему в августе 1817 года делом решённым" (42, с.38). "Добавим, что именно внешняя часть дипломатической службы – заграничная жизнь, обеспеченная за казённый счёт, – привлекала Пушкина" (42, с.31). "Между тем гадалка уже предсказала Пушкину дальнюю дорогу, о чём он сам вспоминал двадцать лет спустя" (42, с.54). "Из Франции,

[42]Дружников Ю. Узник России. - М., 1997. - С. 386.

милой Пушкину, Кюхельбекер писал: "Странное дело, дикое чувство свободы и надменности наполняло мою душу: я радовался, я был счастлив, потому что никакая человеческая власть до меня не достигала и не напоминала мне зависимости, подчинённости, всех неприятностей, неразлучных с порядком гражданского общества" (42, с. 79). "...Кюхельбекер собрался ехать в Грецию сражаться за независимость греков. К тому ж третий лицейский приятель Пушкина граф Сильверий Броглио вскоре после окончания лицея уехал в Пьемонт, сделался участником освобождения Греции и погиб" (42, с. 90).

И снова о Пушкине. "Он обдумывал побег. Он добровольный изгнанник в том смысле, что никто не гнал его за границу, он рвался туда" (42, с. 73-74). "Если не считать прошений о разрешении вернуться хотя бы ненадолго в столицу, то Пушкин трижды, как мы считаем, готовился бежать из Кишинёва за границу: с греками, с армией в случае войны и с цыганским табором" (42, с. 122). "Батюшков, находящийся в Неаполе, назвал Одессу "русской Италией", а Пушкину теперь охота в настоящую Италию, то есть нерусскую" (42, с. 130).

Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил (V, 35-26).

Пушкин размышляет о побеге в стихах, в письмах и, наверное, устно. Он собирается на южное побережье Средиземного моря, планируя очутиться в Африке. Африку сменяет мысль об Италии.

Ночей Италии златой
Я негой наслажусь на воле... (V, 25).

"В мае мысль бежать от российских туч под вечно голубое небо Италии Пушкин обсуждает с Амалией" (42, с. 161). Потом в письме, посланном не по почте, Пушкин говорит, что собирается в Турцию, в Константинополь (X.65)" (42, с. 134).

Для неба дальнего, для отдалённых стран
Оставим берега Европы обветшалой,
Ищу стихий других, земли жилец усталый,
Приветствую тебя, свободный океан (Черновой набросок).

Это поистине космическое желание поэт высказал в конце 1823 года" (42, с. 133). "...Под впечатлением рассказов Ланжерона у Пушкина впервые возникает идея двигаться в Новый Свет, что отразилось в стихах, вынесенных нами в эпиграф" (42, с. 135).

"Например, поэт и друг Пушкина по петербургскому литературному обществу "Зелёная лампа" Яков Толстой... уехал за границу для лечения, взяв отпуск. Позже там его застали события 14 декабря. Следственная комиссия вызвала его для допроса. Он благоразумно не явился и, таким образом, стал эмигрантом" (42, с. 143). "В первой главе ["Евгения Онегина". – И.С.] Пушкин то и дело соскальзывает на свои любимые мысли о радости свободной жизни за границей" (42, с. 146). "Рассказы Туманского о Европе были бесконечны, и Пушкин слушал их с завистью, скрывавшейся иронией" (42, с. 147). "Пушкин, которому так и не удалось в своей жизни повидать чужие края, постоянно однако же лелеял мечту о поездке своей за границу, которая манила его воображение широтой свободной общественной жизни и своими литературными и культурными центрами" (цитируется Петухов Е.В.) (42, с. 205).

"Более чем шестилетняя ссылка кончилась. Пушкин провёл её в трёх местах: Кишинёве, Одессе и Михайловском; из каждого пункта он по нескольку раз пытался легально выехать или бежать за границу" (42, с.271). "Десять лет назад, в конце августа или в сентябре 1817 года, он сказал в театре поэту Павлу Катенину, что скоро отъезжает в "чужие края". Пролетело десять лет в бесплодных попытках увидеть заграницу. Юбилей этот он никак не отметил. Как видим, его стихи и его мечты опять об Италии. Не имея возможности увидеть Европу, он глядит на Италию глазами чтимого им французского поэта" (42, с. 305-6).

"В "Путешествии в Арзрум" описание этого события (о приближении к границе. – И.С.), нам кажется, своей искренностью вырывается из остального олимпийски спокойного повествования... "Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда ещё не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимою мечтою. Долго вёл я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда ещё не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег". Итак, вырвался на свободу. Он вне контроля, его больше не будут преследовать, наконец-то мечтания сбылись: Пушкин – за границей" (42, с. 370). "Осмелимся утверждать с достаточной степенью уверенности, что, отправляясь на Кавказ в 1829 году, Пушкин думал вырваться из России" (42, с. 380).

"Теперь ясно, что легче и проще всего бежать за границу ему было из Кишинёва, труднее из Одессы, ещё сложнее из Михайловского, а побег через Кавказ на деле оказался сопряжённым со смертельным риском" (42, с. 381). "Итак, бегство за границу, как бывало у Пушкина уже много раз, не состоялось. Не доведя операцию до конца, поэт капитулировал. Разрядившись, соскучившись по друзьям, набравшись впечатлений, он возвратился в Москву мрачным... Мы видим теперь, что Пушкин не смог учесть ни реальной ситуации, ни своих возможностей. Попытка была обречена на неудачу. "Далёкий вожделенный брег", о котором так мечталось, не приблизился, а может быть, даже стал дальше" (42, с. 385).

"Реальный Пушкин никогда не был за границей. Начав, как мы теперь знаем, попытки выехать из России сразу после окончания лицея, Пушкин продолжил их в кишиневской ссылке, в Одессе и в Михайловском. Вернувшись в Москву, он снова надеялся, что его выпустят на все четыре стороны легально, а ему пришлось бежать в Закавказье, чтобы кружным путём через Турцию пытаться добраться до Европы. Но цепь только натянулась, не оборвалась. Выхода не предвиделось" (42, с. 388). "За всю жизнь Пушкин написал (исходя, повторяем, из сохранившегося) матери 2 письма, отцу 5, сестре тоже 5, брату 39 (наибольшую часть – из ссылки, надеясь на помощь в выезде за границу)" (42, с. 328). "Возникает типично русский вопрос, на который не только не ответило, но который и не ставило ещё пушкиноведение... Вопрос этот: хотел Пушкин просто поехать за границу и вернуться или собирался уехать навсегда, то есть эмигрировать?" (42, с. 388).

"В отличие от всех его собратьев по перу Пушкину категорически не разрешали выехать. И тогда поэт начинает искать возможность покинуть родину тайно. Эти попытки, как мы знаем, задумывались им много раз. Но как только Пушкин задумал первый раз бежать, то есть покинуть родину нелегально, и начал предпринимать усилия, чтобы дело увенчалось успехом, – для того, кто понимает русскую историческую ситуацию, становится ясно, что вернуться Пушкину было бы невозможно. Побег из России на Запад напрочь отрезал любому беглецу добровольный путь назад, ибо возврат означал бы печальное путешествие в Сибирь, которое Пушкин также обдумывал в деталях применительно к себе не раз" (42, с. 389).

"...Соучастников (в деле побега за границу. – И.С.) было около двух десятков человек; посвящённых – как минимум сотня. И это число продолжало увеличиваться. Пушкин прозрачно намекал в письмах как о том, что собирается бежать, так и о том, что вовсе не собирается" (42,

с. 225). "Мы живём в печальном веке, – пишет он Вяземскому (письмо 1826 года. – И.С.), – но когда воображаю Лондон, чугунные мосты, паровые корабли, Английские журналы или Парижские театры и бордели – то моё глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-й песне "Онегина" я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтёшь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? в нём дарование приметно – услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится – ай-да умница. Прощай (Х.161)" (42, с. 263).

"Естественное его желание посмотреть мир – подавлено, запрещено, сделано преступлением. Ему не дали возможности увидеть Европу, Африку, Китай (единственное упоминание. – И.С.), куда он стремился, насильно изолировали от живой западной культуры. Солнце русской поэзии взошло на Востоке и хотело сесть на Западе. Но осуществиться этому было не суждено" (42, с. 390).

Вполне сознательно мы пошли на сплошное цитирование, почти конспектирование, выписав из бестселлера Юрия Дружникова, увлекшего партию именитостей и профессоров американских университетов, тридцать ключевых и демонстративных фраз об эмигрантской направленности в мироощущении Пушкина. При этом западноевропейская ориентация духа, или чувства, реального и живого поэта у пушкиниста-романиста не вызывает сомнений, в силу безусловности, изначальной и окончательной. Безапелляционный вердикт, на сей счёт никаких колебаний, вывод не подлежит обсуждению, всё обследовано и документировано – завидная твёрдость убеждения, откуда берётся такое, диву даёшься.

Не удержаться, чтобы не вникнуть в тонкости ещё опуса: "Не сыскать в истории русской литературы другого писателя, который был бы одновременно таким простым и таким загадочным, как Пушкин. Одним из любимых занятий его было рисовать собственные профили. Он делал это всю жизнь, и в дошедших до нас рукописях можно собрать интересную коллекцию. Впрочем, на эту тему уже имеется обширная литература. Но в ней не найти ответа на простой вопрос, который невольно возникает: почему все профили поэта, сделанные им самим, смотрят только на Запад?" (42, с. 389). Железная логика! Невольно вспомнишь тут Гоголевский зачин о том, что: "Прекрасный человек Иван Иванович! Он очень любит дыни". В литературе, увы, нет ответа, почему на Запад и дыни, не арбузы.

Читая полуроман-полуисследование Ю.Дружникова о перманентном и фатальном унижении "неизвестного" Пушкина, нельзя сомневаться, что могло быть в жизни как-то иначе, учёный автор обстоятельно и настойчиво, под аплодисменты не одних лишь американских

коллег, подчёркивает, убеждает, многократно повторяет в полный голос, словно сенсацию и необычайное озарение: Пушкин сразу после лицея и до женитьбы непрерывно рвался за границу, неосуществлённой мечтой и страстью поэта была Европа – Франция и Италия в первую очередь, куда он стремился всегда и навсегда. Утверждение и выводы подпираются соответствующим числом высказываний и мнений разных лиц, находятся свидетельства друзей и недругов, однако так ли всё это существенно и важно.

В конце концов, факты и суждения скользят слишком по поверхности, говоря, что угодно и по сути ничего, истина жизни недосягаемо глубже очевидности и спекуляций. Не станем спорить, что однозначность определённо доступней неясной и мерцающей двойственности и сложности человеческих чувств и отношений, в рамках европейской культуры утвердился соответствующий тип и стиль умственности – рационализм и солидарность, аристотелевская логика в истоках. А тут метафизика и мистика.

Развиваемая Ю.Дружниковым версия и непререкаемая концепция сочинения: наш Пушкин – европеец и западник, с не искорененным чувством полёта, прошёл по жизни несчастливо, так и не реализовав себя вполне, не достигнув главной цели. Согласно внутреннему зову, во что бы то ни стало только прорваться бы через кордон унизительных запретов, бежать из мрачной крепости куда-нибудь на Запад, влекущий блеском и соблазнами, из затхлой атмосферы империи на свободу, глотнуть воздуха. Прелесть и зов вольной жизни и раскрепощения личности, чувство достоинства, самоценности и сословной независимости и впрямь более чем остро ощущаются, переживаются, будоражат и захватывают так, что подчас не найдёшь места, нет покоя, то не жизнь, унижение. Было б неестественно и странно, смирись поэт, знавший себе цену, с положением холопа, наказываемого господином за ослушание и проступки. Желание выскользнуть из страны и западные устремления Пушкина можно истолковывать как проявление или выражение внутреннего протеста против режима, это своего рода реакция неприятия действительности, существующего порядка вещей. Есть разные формы сопротивления и противодействия давлению, целый арсенал средств самоутверждения личности, включая резкие и крайние, например, дерзкое выступление на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, без Пушкина.

Склонным подчёркивать лишь исключительные достижения и достоинства сочинения о злоключениях российского узника и изгоя следовало знать, что "десакрализация" и "демистификация" имени Пушкина –

пустое занятие, водятся охотники, что касается ещё и преодоления стереотипа или очень оригинального прочтения пушкинианы, на деле то и вовсе общие слова, всего-навсего звук, никакого смысла. Трудная это работа, неблагодарная и необходимая, – объясняя внешний, или событийный, план жизни кого бы то ни было, хоть собственной, тем более чужой, душа – потёмки, вникать, искать, утверждать, формулировать не осознаваемые до конца мотивы поступков и деяний, неясные и неопределённые соображения, скрываемые задумки, невысказанные страсти, умыслы, суеверные страхи и интуиции, дерзкие волеизъявления и поползновения, тайные намерения, подсознательные и инстинктивные движения духа, сложные религиозные чувства и мотивации, колебания настроения, неуравновешенности и непредсказуемости...

Когда речь о большом имени, категоричность (односторонность), пожалуй, слабее сомнения, осторожного и тихого многоголосия, если уж нельзя молчать. Целый мир не раскрывается в одном акте. Бесконечность в проявлениях, связях и противоречиях не охватить махом, невозможно объять концепцией, раскрыть и закрыть окончательно описанием и монологом. Только мнение, которое, как правило, и предельно, ограниченно, и линейно, как вектор, непременно частность, или часть сложного, по определению не может быть ни всеобщим, универсальным, ни исчерпывающим, полным и разноплановым. Любая личность и жизнь многозначны, Пушкин не исключение.

Пусть бывший диссидент, имея доброжелателей, по-своему воспринимает Пушкина, и то не наше дело. Знакомясь с чужими взглядами, важно понять установку и метод. В стиле конкретного жизнеописания отражается понимание смысла жизни, или мировоззрение. Мы, так или иначе, расходимся в ориентирах, интересах, ценностях, в оценках жизненных приоритетов, предпочтений, у нас свои интуиции и литературный вкус, и никак не могу принять, чтобы Пушкин уставился в точку. Поборники былого разномыслия, не без предвзятости и с завидным упорством приписывая автору "Евгения Онегина" легкомысленный дендизм и галломанию, зачарованность Западом, культурой и образом жизни, увы, довольствуются упрощённой картиной мира, тоже стереотип и схема иноземных влияний и предпочтений.

Каждый воспринимает Пушкина по-своему, разве только его, всех поэтов и не поэтов. Все мы вправе иметь и расходиться во мнениях, позволено выражать личное отношение к известному лицу или событию. Пожалуйста, соглашайтесь с кем угодно либо спорьте, по поводу и без. Развиваются литературные жанры жизнеописаний, нет конца суждениям, версиям, толкованиям, иллюстрациям и новым фактам. Кому-то верится,

что всё известно, кто-то продолжает сомневаться, и вечно колебание знания и веры. Мир наш то без тайны, то в ней пребывает. Жизнь вся, от начала до конца, непостижима. История человечества загадочна, до сути не докопаешься. Поверим Достоевскому: "Пушкин умер в полном развитии своих сил и, бесспорно, унёс с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем"[43].

Этими словами Фёдор Михайлович на заседании Общества любителей российской словесности 8 июня 1880 года, к открытию в Москве памятника поэту, закончил знаменитую Пушкинскую речь. На неё ссылается Ю.Дружников, заодно не прочь внушить читателю, что "жизнь и творчество Пушкина, находившегося всю жизнь на цепи, в состоянии имманентного трагизма, нельзя ни понять, ни объяснить вне его стремления увидеть Запад" (42, с. 390). Сказано категорично и прямолинейно. Великую тайну творчества жизни просто не определить и не объяснить, не столь очевидная, она скрывается изощрённо. Тут нужна проницательность и взвешенность, более иной раз, чем настойчивость или навязчивость.

Книга как книга, где тяп-ляп, небрежно сшито платье, без застёжек, не все пуговицы, нет отворота и не тот пояс, однако портной – мэтр с большими амбициями, фирма, законодатель моды, знаток глядит на мир свысока. Поставит Пушкина на место, знает все слабости, заметит, какой стих или поэма у того "самая слабая", дальше некуда, готов поправить и отредактировать. Для солидности к роману-исследованию пристёгнут аппарат ссылок, примечания к тридцати трём главам, захочешь, не разберёшься. Работа профессионала, какие ещё претензии! Каждый пишет, как он дышит. Оказывается, сложные связи, отношения и тайны запрятаны в ритмы, слог, стиль и почерк письма. Важно учитывать, каким воздухом пишущий напитан, вопрос мироощущения, понимания действительности и принятия жизни.

Автор исследования долго боролся с советской властью за право уехать в США, пришлось испытать давление, унижение, разной глупости и мерзости, не сбросить со счётов. В нём собиралась энергия неприятия абсурда и режима, накопилась критическая масса протеста. Душа исстрадалась, совесть измучена, обстановка и окружение пропитаны низостью и пошлостью, в империи зла, лжи и несвободы сплошь сумасшедший дом – ничто не пройдёт даром, до скончания века сниться кошмарам, будут терзать страхи драконовского произвола, узаконенного беззакония и ГУЛАГа.

[43]Пушкинская энциклопедия. 1799-1999. - М., 1999. - С. 769.

Вольно разыгрывая несчастную участь Пушкина, интригуют читателя скандальной и дерзкой борьбой личности за права и достоинство. Основной пафос сочинения заключается в том, чтобы совместить эпохи и наложить друг на друга лики и образы, чтобы на пересечении линий разных судеб и психологической игрой подвести к осознанию, что имперская Россия останется всё той же державой крепостнической и тоталитарной. Нормальному человеку несдобровать, чуть выйдет из строя, вздумает сказать слово против тюремного быта, раздавит государственное устройство. Обречённая жизнь в клетке, не вырваться из зверинца, лабиринты рабства и дикости.

Эмигрантская позиция автора подчёркнута. Беглецам можно сочувствовать, можно завидовать или критиковать и порицать. Сложная и спорная роль, болезненная, драматическая, – бегство в чужие края. Не может быть единодушия, примирения, терпимости в оценке. Дружников пишет о Поэте личностно и предвзято. Сквозь призму своей биографии рассматривает общероссийскую трагедию и вечную обреченность человека, народа, страны. По всему пространству жизнеописания красной линией подчёркнута авторская установка, назовём концепцией исследователя, не лишенной смысла и небесспорной мысли о Пушкине: "Он был изгоем в собственной стране. Изгоем потому, что интеллигент в России во все времена узник" (42, с. 179). Расширяясь, друг за другом следуют круги обобщения.

Сознательно повторяя М.А.Цявловского и других литературоведов, отметивших тягу Пушкина за пределы Российской империи, манила свободная жизнь на Западе, Юрий Дружников в позднее советское время с диссидентских позиций предпримет яростное, пристрастное и предвзятое расследование драматических страниц биографии поэта, относящихся к печальной истории роковых и фатальных ограничений личной свободы. Современный человек тяготится бесправием, произвол и зависимость от власти унижают, драконовские меры и строгие запреты на выезд в "чужие края" возбуждают желание бегства за границу.

Александр Пушкин, он же Сверчок, по природе непоседа, неуравновешенный, вечно в поиске новизны. Натура реактивная, дух живой, свободный, переменчивый, разный. И так же деятельна, требовательна, разборчива мысль, без отдыха служит поэзии. Необычайная личность, одарённый поэт, заряженный творческой страстью, рвётся за границу, как бы инстинкт охотничий: влечёт необъяснимо за далью даль. Только пределы и рубежи влечения здесь не в географическом смысле, но больше в метафизическом, если признать таинственную черту в сознании, в понимании мира и истории, условную грань, за

которой бездна неизведанного и непостижимого, запредельный и потусторонний мир. Не устоять перед искушением, у человека в генах, передаётся по наследству, идёт от Адама и Евы.

Пушкину всегда хотелось поколесить по свету, нельзя отрицать. Нередко было тоскливо на душе и нетерпёж, как бы убраться куданибудь из гнусной обыденности, тянуло зарыться и забыться в ином мире и культуре, посетить чужие края, в первую очередь европейские страны, такие как Италия, Франция, Англия, не исключались Германия, Греция, Турция. На примете была Африка и Америка, и наконецто мелькнёт Китай. В разных концах света работали и путешествовали, делясь впечатлениями, многие из друзей и знакомых. Так любопытно видеть, как живут и чувствуют себя люди в другой культурной среде, сравнить нравы, традиции, качество и стили, жизнь там и здесь, в многообразии форм и смыслов.

Всем понятен познавательный интерес, в нём человеческий, исторический, политический, научный, художнический, искусствоведческий и мало ли какой ещё интерес и смысл. Это и есть собственно стимул, внутренняя тяга. Время от времени беспокоили поэта, писателя и историографа, выводя из душевного равновесия. Почему бы и не отправиться за море поглядеть заморские чудеса и разное диво там? У любопытства и стремления к перемене мест есть скрытые пружины, механизмы, причины, разные доводы и поводы, всего не перечислишь. Живому существу свойственно искать и выбирать приемлемое и удобное положение, место в жизни, удобство и комфорт, тоже естественно.

Пушкина притягивали чужие страны столь настойчиво, отвращали порядки в собственной, что временами он готов порвать с ней связи. И это не настроение, а коренное чувство и долговременная осознанная установка. Для убедительности такого взгляда рисуется образ повесы и шалопута, легкомысленного человека, неуравновешенного, психоневротика, ненадёжен, порядочен ли (под вопросом). Собираются материалы, приводятся отрывки из писем, другие тексты, документы и воспоминания, прямолинейное толкование фраз и слов, ни колебаний, ни боли, словно в паспортном столе или прокуратуре. Однозначно и без гибкости и глубины.

Отчуждённая трактовка личности незаурядной, чувствительной и ранимой, и мало что, по сути, даст регистрация сведений, без разъяснения и раскрытия психологии конфликта и столкновений поступков, воли, свободы, обязанности и ответственности. Несмотря ни на что Александр Сергеевич преуспел во многом, историческая веха в российской культуре, вековечный знак и символ, каких единицы в целом

мире. Здесь не место повторять его неоспоримые заслуги хоть в области русского языка и литературы, вовсе не такая частность или случайность, но целое мировоззрение, огромный шар влияний, корневая система, масштаб и сила, не выкорчевать. Творческий труд и непревзойдённые достижения, новации в области реальной стилистики, подлинная школа неприхотливого, без натуги, естественного, как дыхание, удивительно свободного пушкинского слога, не без простоты, умеренности и изящества, гармонии выражения, словоупотребления, высказывания. Чуткий, умный, талантливый язык находит применение, и в деле, действии, деятельности совершенствуется, развиваясь и обогащаясь, – сколько нужно сил для эпохальных преобразований, тектонических сдвигов материковых пород, откуда берётся заряд, какая требуется самоотверженность и сосредоточенность, собранность, если уж принял роль, оказавшись в эпицентре землетрясения.

Пушкин – первый наш профессиональный писатель, этим сказано главное. Ему, действительно, неоднократно хотелось за границу, влечение согласуется с творческими интересами. На этой волне возникали не просто недоразумения. Причин и поводов для недовольства и потрясений находилось предостаточно, они накапливались, усугубляясь и запутываясь, с трудом разберёшь, ни установить, ни выделить стержня, не ткань, ком страстей, пламя, огнь, – остаётся какой-то сплав. Заграница – лишь одна из составляющих духовного мира, может, немалая, как считать, но и не самая главная, первостепенная, основополагающая и коренная. Тоска по Европе и европейцах, в чувствах, мыслях, действиях и поступках Пушкина – вторичная, показательная, симптоматичная производная черта. В жизни, в творчестве, во взаимоотношениях с окружающими, со средой, чернью и властью Поэт борется с рутиной, в первую голову по большому счёту за звучание слова и свой голос, он ищет, открывает и использует интонации, в этом его историческая роль, гений обречён, и ему ясно.

Нечего спорить с теми, кто слеп и глух, без конца комплексуя, зациклен на собственных обидах. С ними не договориться ни о чём ином, раз всё замкнуто на единственном пунктике, такая предвзятость, как мракобесие, необорима и неизлечима. Для нас ближе, понятней, достовернее и жизненнее образ Пушкина по П.Анненкову, И.Пущину, Ю.Лотману, т.е. в русле той традиции, где автор-новатор, и характер, и незаурядная творческая личность, с исключительными свойствами, без смещений ракурсов и фокусов, без смешений. Там он значительнее, глубже и сложней, объёмнее, нежели у авангардистов, в шаржированном портрете. Тут однобоко выпячены и усилены черты дисси-

дента, невротика, игрока, неудачника, развратника, бездельника. Много уродств кучей на первом плане, для вящей убедительности социального протеста, подчёркнуто. Вот до чего довели Пушкина, вот вам и Пушкин! Это такой приём, расчёт, спекуляция.

В наши дни биотехнология, разное клонирование, тут ещё и компьютерная графика – чудеса творятся на белом свете, то ли ещё будет, фантастика! Литераторы издавна тоже самочинствуют, сами творят, и начали они творчество-самочинство прежде всех генетиков, кибернетиков-программистов, кинематографистов, и у них свой монтаж. Вот Юрий Дружников умудрился начинить своего Пушкина удивительным фаршем, содержанием, внутренностями, получилась такая мумия, абракадабра, и многим никак не по нраву такой манекен, кентавр. Художество и произвол почти неизбежность, в значительной мере присуще всякому творчеству и сочинительству. Правда, у авторов-сочинителей, как и у читателей, нет единого стандарта оценки жизни, они подвижны и множественны, то сходятся, то расходятся, управляются и здравым смыслом, и чувством справедливости, и случайностью, и произволом, там и вкусовщина, и чертовщина. У каждого может быть свой взгляд, свой интерес, свой вкус – и свой Пушкин, это нормально. Гордость или зазнайство не позволяют космополиту преклонить голову, тем паче встать на колени, перед национальной святыней и мистикой, можно понять иконоборцев, есть убеждение и чувство, против узколобости шовинистов. Но смущает развязность и манера: надо ли классиков посему похлопывать по плечу и с ними сразу на "ты"?

Собрался в Пекин

"...Просил бы разрешения посетить Китай
с отправляющейся туда миссией"
(Пушкин – Бенкендорфу, 7.01.1830).

Душевный мир Поэта представляется неполным без таинственной неожиданности китайского зова. Поэтический дар и дерзостный нрав не замкнуть в ограниченном салонном пространстве. Мятежный и вольный дух порывается за пределы досягаемости и дозволенности. То ли случай, то ли предчувствие, а может, гений или откровение, – наконец, кажется, найден нашему путнику спасительный международный маршрут, и Пушкин перевёл взор, пока ещё робко, с Запада на Восток. Любопытная ориентация. Пробуем проследить, как происходило...

В начале 20-х годов А.Ф.Вельтман, впоследствии известный писатель, служил в Кишинёве топографом и был в знакомстве с А.С. Пушкиным в южной ссылке. Сразу после смерти поэта, в 1837 году, в "Совре-

меннике" печатаются воспоминания его о молодом Пушкине, и в них примечательная фраза, следует обратить внимание. Александр Фомич замечает: "Тогда в Пушкине было ещё несколько странностей, быть может, неизбежных спутников гениальной молодости. Он носил ногти длиннее ногтей китайских учёных"[44]. Пушкинское суеверие, мистическое почитание судьбы и рока, созвучное Конфуцию отношение к прорицателям и предсказаниям и ещё не менее древний языческий атавизм – первобытное мироощущение, загадочное и удивительное для рационального и просвещённого европейца. Словом, странность говорящая, знаковая, уходящая в глубину, неслучайная и символично.

Известно, что заграница манила Пушкина с молодых лет, однако с упрочившейся репутацией неблагонадёжного он все взрослые годы, если не в ссылке, то под тайным надзором, оставался до конца жизни "невыездным", положение назовём на совковом жаргоне. Пушкин невыездной, честь и слава! Сколько при этом человеческих переживаний. "Недавно приехал в Кишинёв и скоро оставляю благословенную Бессарабию – есть страны благословеннее"[45], – пишет Пушкин в ту пору лицейскому другу Дельвигу.

На Балканах разгоралась освободительная война покорённых народов против Турции, и Пушкин намеревался пробраться в восставшую Грецию, в ополчение Александра Ипсиланти, легендарный образ взволновал и увлёк молодого поэта. В марте 1821 года он восторженно пишет из Кишинёва В.Л.Давыдову в Каменку: "Первый шаг Александра Ипсиланти прекрасен и блистателен. Он счастливо начал – и, мёртвый или победитель, отныне он принадлежит истории – 28 лет, оторванная рука, цель великодушная! – завидная участь" (45, с. 427).

Обратим внимание, чему поэт завидует. В словах настроение и пафос, можно уловить доблестный романтизм, панславизм, заодно браваду. Был повод, события и байронический порыв соучастия. Однако благородным намерениям не суждено осуществиться. Молодому Пушкину всегда было трудно смириться с личной несвободой и с тем, что он не располагает собой. Человек самолюбивый и амбициозный в его положении разочаровывается жизнью, если не мирозданием, то, во всяком случае, строем, по-нашему политической системой.

Поэт водит дружбу с передовых взглядов офицерами и упражняется в свободомыслии, оставаясь не посвящённым в тайну организации, зато с присущей ему дерзостью и своего рода влечением к рискованным по-

[44]Вельтман А.Ф. Из воспоминаний // Жизнь Пушкина: В 2 т. - М., 1988. - Т. 1. - С.462-463.
[45]Жизнь Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники: В 2 т. - М., 1988. - Т. 2. - С. 391.

ступкам. Самодержец Александр I в феврале 1822 года нанёс упреждающий удар по дворянскому инакомыслию, арестовав по доносу и заключив в крепость "первого декабриста", за четыре года до вооружённого выступления на Сенатской площади. Жертвой стал майор Раевский, Владимир Федосеевич, которого Пушкин своевременно и удачно поставил в известность о неминуемом аресте. Ещё не крах, но серьёзное потрясение. Уникальна судьба, неожиданная и непредсказуемая.

С молодых лет Пушкин охвачен беспокойством и чувством неудовлетворённости. Ему только 21 год, ещё до ссылки, пишет одному из друзей: "Петербург душен для поэта. Я жажду краёв чужих, авось полуденный воздух оживит мою душу" (42, с. 47). Это П.Вяземскому. Через четыре года уже из Одессы брату отчаянно: "...Не то взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь. Святая Русь мне становится невтерпёж. Ubi bene ibi patria. А мне bene там, где растёт трын-трава, братцы. Были бы деньги, а где мне их взять?" (42, с.142).

Ещё через два года, ему 26, униженный и сокрушённый, тому же Вяземскому опять из Михайловского, разыгрывает по-арзамасски: "Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если Царь даст мне слободу, то я месяца не останусь" (42, с. 262). Нормально, говорит обида, у молодого человека неотъемлемое право обижаться, если обижают чины, и сопротивляться, когда притесняют. От поэта нельзя ждать рабской покорности и благопристойности. Неугомонный Пушкин мечется, нет покоя и душевного равновесия. В том же стиле письмо брату от 18 мая 1827 года: "Из Петербурга поеду или в чужие края, т.е. в Европу, или восвояси, т.е. во Псков, но вероятнее в Грузию..." (42, с. 293). Такие вот перепады.

10 мая 1828 года А.О.Смирнова сделала в дневнике запись, касающуюся обсуждаемого предмета: "Вчера приезжал ко мне Пушкин и рассказывал, что он только что перед этим едва устоял против сильнейшего искушения: он провожал в Кронштадт одного приятеля, и ему неудержимо захотелось спрятаться где-нибудь в каюте и просидеть там до тех пор, пока корабль не выйдет в открытое море. Но он таки устоял против этого страстного желания – отправиться за границу без паспорта"[46]. Правда, Записки Смирновой считаются недостаточно достоверными.

В кишинёвской тетради есть отрывок, со страстной силой запечатлевший мечту о дальних краях. Пушкин хотел начать "вольный бег по вольному распутью моря".

Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседелый,

[46]Записки А.О.Смирновой. - СПб., 1895. - С. 33.

Спокойной пристани давно ли ты достиг?
Давно ли тишины вкусил отрадный миг?
И снова ты бежишь Европы обветшалой:
Ищи стихий других, земли жилец усталый…[47].

Ещё раньше в элегии "Погасло дневное светило" (1820) читаем:

Лети, корабль, неси меня к пределам дальним
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей (II, 201).

С одесских времён Пушкина разъедает "тоска по чужбине", тяготит дума о далёких странствованиях, они принимают порой причудливые образы и очертания. Поэт никак не выберет, чему отдать предпочтение, куда направить свой путь. То стремится в Италию, чудятся ему итальянские пейзажи и перспектива парижских улиц. То хочется "взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь". То жаждет он "покинуть скучный брег" "непритязательной стихии" и "средь полуденных зыбей под летом Африки моей вздыхать о сумрачной России".

Отсюда огромный интерес Пушкина к рассказам бывалых людей, к этим "корсарам в отставке" и мореходцам одесского порта, где толпились корабли всех наций. И как знать, не завлекала ли Пушкина мысль о Дальнем Востоке, куда он так устремится позднее? Ведь уже тогда Пушкин, вероятно, следил за продвижением лицейского товарища, Ф.Ф. Матюшкина, совершавшего полярную экспедицию с Врангелем в поисках северного пути в Китай, того самого Матюшкина, которому в стихотворении "19 октября" (1825) посвящены эти тёплые, интимно-лирические строки: Сидишь ли ты в кругу своих друзей (47, с. 123).

В Кишинёве и Одессе Пушкин любил беседовать с человеком, который мог ему сообщить кое-что о Китае. То был Ф.Ф.Вигель. В 1805 году он собирался с посольством Головкина в Поднебесную[48].

Однако в истории ознакомления Пушкина с Китаем первостепенную роль сыграет знаменитый Иакинф Бичурин. Знакомство и дружба с ним Пушкина произойдут позже, около 1828 года, и с перерывами продолжатся несколько лет. Пушкин не мог пройти мимо него, не обратив внимания. Познакомились и между ними установились дружеские отношения. В те годы связи Пушкина с Бичуриным прерывались, но Пушкин, несомненно, продолжал следить за литературной дея-

[47]Алексеев М.П. Пушкин и Китай // А.С.Пушкин и Сибирь. - Иркутск, 1937. - С.122.
[48]См.: Записки Ф.Ф.Вигеля. Ч. 1. - М., 1891. - 224 с.

тельностью русского синолога и знал о его достижениях и успехах от общих с ним знакомых и друзей.

В "Голосе минувшего" за 1916 год М.А.Цявловский опубликовал интересную для нас статью "Тоска Пушкина по чужбине". Литературоведа занимали вопросы, планы и попытки бегства поэта из России, мотивы, посредники и сообщники в рискованном деле. Мечта о побеге за границу развивалась и приобретала свой смысл, в первую очередь, видимо, всё это связано с протестом против унижения личности поэта со стороны сильных мира сего, было жестом непримиримости в борьбе за достоинство. Вначале были официальные прошения по служебным каналам, через посредство министров Каподистрия и Нессельроде, о выезде за границу. Следуют отказы. Уже потом, летом 1824 года, при содействии гр. Е.К.Воронцовой и кн. В.Ф.Вяземской готовится неудавшийся побег морем в Константинополь.

Отчаянная мысль оставить всё и броситься в запредельный мир, в запретную даль чужбины, раз запала в душу, не даст покоя, заманивая легким решением и освобождением от разочарованности жизнью и чувства бесправия. Не пройдёт и нескольких лет – повторится неудачная попытка побега. Нашёлся повод, и снова порыв и увлечение. Бегство предполагалось, разработан план, – но сорвалось, не состоялось и в тот раз. Из Одессы, куда коллежский секретарь Пушкин из Кишинёва летом 1823 года переведён по ведомству Коллегии Иностранных дел, под начало графа Воронцова, с которым не сложились отношения по невнятным причинам.

Из письма гр. Воронцова Н.М.Лонгинову в апреле 1824 года о Пушкине: "На теперешнее поведение его я жаловаться не могу, и, сколько слышу, он в разговорах гораздо скромнее, нежели был прежде, но, первое, ничего не хочет делать и проводит время в совершенной лености, другое – таскается с молодыми людьми, которые умножают самолюбие его, коего и без того он имеет много; он думает, что он уже великий стихотворец, и не воображает, что надо бы ещё ему долго почитать и поучиться прежде, нежели точно будет человек отличный. В Одессе много разного сорта людей, с коими этакая молодёжь охотно видится, и, желая добро самому Пушкину, я прошу, чтоб его перевели в другое место, где бы он имел и больше времени, и больше возможности заниматься, и я буду очень рад не иметь его в Одессе..." (45, с. 544).

М.С.Воронцов не устаёт повторять просьбу в столицу: "Избавьте меня от Пушкина: это, может быть, превосходный малый и хороший поэт, но мне бы не хотелось иметь его дольше ни в Одессе, ни в Киши-

нёве" (45, с. 544). Прихоть генерал-губернатора Новороссийского края и наместника Бессарабской области. Пушкин ему как кость в горле.

Когда из Петербурга придёт предписание отправить неисправимого поэта в Псковскую губернию, гр. Воронцова, обворожительная Елизавета Ксаверьевна, вместе с кн. Вяземской, Верой Фёдоровной, втайне поддержали смелый замысел Пушкина бегством за границу спастись от ссылки, пытаясь помочь ему бежать. Можно доверять московскому почт-директору А.Я.Булгакову, который писал брату: "Воронцов желал, чтобы сношения с Вяземскою прекратились у графини, он очень сердит на них обеих, особливо на княгиню, за Пушкина шалуна-поэта, да и поделом. Вяземская хотела поддержать его бегство из Одессы, искала для него денег и способы отправить его морем. Это ли не безрассудство" (45, с. 513). "И затем, мы считаем, так сказать, неприличным её затеи поддерживать попытки бегства, задуманные этим сумасшедшим и озорником Пушкиным, когда получился приказ отправить его в Псков" (45, с. 513).

9 августа 1824 года Пушкин прибыл в Михайловское. Виновник признается, свидетельствуя вполне определённо. Словно перенёс инфаркт, который оставит автобиографический рубец на сердце:

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег.
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег. (К морю)

Впереди два года михайловской ссылки. Друзья принимают участие в облегчении доли страдальца, сочувствуя ему и не всегда понимая его намерения, тем не менее оказывают содействие, в чём удаётся, в чём нет. Это жизнь, всегда непростая и противоречивая, так заведено. Несколько иллюстраций на тему непонимания и развода, люди ведали и, как всегда, были бессильны уладить дело. Есть в мире непримиримость и положения безвыходные. Похоже, Пушкин у нас – тот самый, роковой, случай.

В августе 1825 года Пушкин в Михайловском, Саша Воейкова шлёт родственное письмо Жуковскому: "Милый друг! Плетнёв поручил мне отдать тебе это и сказать, что он думает, что Пушкин хочет иметь 15 тысяч, чтобы иметь способы бежать с ними в Америку или Грецию. Следственно не надо их доставлять ему..." (42, с. 230). Одни, как А.Н.Вульф, поддерживают план побега, другие же не приветствуют и, как могут, срывают его, тоже заговор. И не решить, что правильней или лучше. Для кого и для чего?

И вовсе всерьёз занялся планом своего бегства из России Пушкин в унизительном заточении в Михайловском. Одиночество и глушь, казалось, делали жизнь невыносимой, дух поэта рвался на волю. Это так естественно, желание свободы общения и перемещения, выражение самостоятельности, знак личной самоценности, независимости духа, называй хоть порывом, мечтой, планом, дерзостью, безумием или иначе, слов разных немало ведь. Как уловить суть и психологию собственно состояния души: бунт, мятеж, оскорблённое чувство чести и бесстрашный поединок с Левиафаном, ярость или вовсе болезнь, раздвоение личности? Надо знать Пушкина, его характер, условия жизни, окружение и взаимоотношения, чтобы понять, что с ним происходило в действительности.

К 1825 году относится разработка хитрого маневра незаконного выезда Пушкина из России с А.Н.Вульфом, который собирался летом за границу. "К этому же времени относится одна наша с Пушкиным затея. Пушкин, не надеясь получить в скором времени право свободного выезда с места своего заточения, измышлял различные проекты, как бы получить свободу. Между прочим, предложил я ему такой проект: я выхлопочу себе заграничный паспорт и Пушкина, в роли своего крепостного слуги, увезу с собой за границу. Дошло ли бы у нас дело до исполнения этого юношеского проекта, не знаю; я думаю, что всё кончилось бы на словах"[49].

"Отказавшись от этого рискованного плана, Пушкин намеревался добиться у властей разрешения лечиться в Дерпте, откуда надеялся при помощи А.Вульфа и хирурга И.Ф.Мойера (родственника Жуковского) попасть за границу. О возникших в этой связи недоразумениях с Мойером см. в статье А.А.Цявловского "Тоска по чужбине у Пушкина"[50].

Чувство неудовлетворённости жизнью сквозит в письмах Пушкина тех лет разным адресатам. В апреле 1825 года он пишет из Михайловского в Петербург, В.А.Жуковскому, который близок ко двору: "Михайловское душно для меня. Если бы царь меня до излечения отпустил за границу, то это было бы благодеяние, за которое я бы вечно был ему и друзьям моим благодарен" (45, с. 629). И тогда же в адрес самого Александра I: "Я умоляю ваше величество разрешить мне поехать куда-нибудь в Европу, где я не был бы лишён всякой помощи" (фр.) (45, с. 630). Похоже на крик души. Едва заметны игра и притворство, если есть, – искусно входит в роль просителя. Желание выбраться из михай-

[49]Вульф А.Н. Рассказы о Пушкине, записанные М.И.Семевским // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1985. - Т. 1. - С. 448.
[50]Цявловский М.А. Тоска по чужбине у Пушкина // М.А.Цявловский. Статьи о Пушкине. - М., 1962. - С. 138-159.

ловского заточения безусловно, мотивация путана, нет последовательности. Устойчиво лишь стремление за кордон поскорей.

Жуковский советует облагоразумиться. Призывы к уравновешенности, терпению и трезвости останутся не услышанными. В конце того же года Пушкин напишет П.А.Плетнёву: "Если брать, так брать – не то, что и совести марать – ради бога, не просить у царя позволения жить мне в Опочке или в Риге; чёрт ли в них? а просить или о въезде в столицу, или о чужих краях. В столицу хочется мне для вас, друзья мои, – хочется с вами ещё перед смертию поврать; но, конечно, благоразумнее бы отправиться за море. Что мне в России делать?" (45, с. 664-665). Отчаянное письмо, без дипломатии, в нём корень, суть и причина ностальгии навыворот, тяги в чужбину, комплекс отвращения, отчуждения, типичная психопатология.

Тут неожиданно упокоился Александр I, всего было 48 лет. На русский престол вступает новый царь – Николай I. Случайно ли, что уже в январе 1826 года Пушкин, всё ещё одержимый скитальческой страстью расширения собственного пространства местопребывания, напишет тому же П.А.Плетнёву: "Ужели молодой наш царь не позволит удалиться куда-нибудь, где бы потеплее? – если уж никак нельзя мне показаться в Петербурге – а?" (45, с. 669). Это по-прежнему из Михайловского, письмо в Петербург.

Пройдёт ещё четыре месяца затвора, – и Александр Пушкин сокрушённо будет обращаться к новому монарху со старою своею просьбою отпустить его на все четыре стороны, на этот раз мотивируя необходимостью подлечиться: "Здоровье моё, расстроенное в первой молодости, и род аневризма давно уже требуют постоянного лечения, в чём и представляю свидетельство медиков: осмеливаюсь всеподданнейше просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края" (45, с. 680). Именно в последнем адресе суть просьбы.

Желание выехать из страны – устойчиво, выстрадано: всерьёз продумано, многократно было выписано, и не одному человеку, а разным лицам и вполне сознательно. Поводы находились, мотивы приводились часто случайные, страна конкретно пока не называется, но Рига и для Пушкина не была заграницей. Навязчиво возвращается к мысли о "чужих краях".

Эти драматические годы отмечены необычайным творческим подъёмом и продуктивностью. Но словно бы "внутренний голос говорил ему, что как ни лживы покамест все его жалобы на свои болезни, жизнь ему отмерена судьбой всё-таки короткая и надо торопиться" (36). Поэт томился и хандрил в несвободе, продолжая и здесь грезить

заграницей, которая становилась всё больше знаком личного раскрепощения, символом освобождения от невыносимых уз. Надо унять мучительное состояние зависимости от указа и чужой спеси. Именно вследствие этого настойчивое стремление бежать, чтобы увидеть другой свет и там испытать себя.

"...К счастию, судьбе угодно было устроить Пушкина так, что в сентябре 1826 года он получил, и притом совершенно оригинально, вожделенную свободу" (49, с. 448). Ранним утром 4 сентября 1826 года Пушкин через Псков выезжает в Москву, по высочайшему повелению Его Императорского Величества и в сопровождении специально командированного фельдъегеря, прямым ходом на допрос к Николаю I. Пушкину уже известна печальная участь осуждённых декабристов, приговорённые к смертной казни повешены и в тайне захоронены.

Николай I, входя на престол, перед самой коронацией освобождает ссыльного поэта, дозволив тому возвращение из Михайловского в столицы, под тайный надзор полиции. Не могло быть и речи, чтобы разрешить политически неблагонадёжному и опальному Пушкину поездку или отъезд за пределы Империи. Государство Российское – это имперская организация с чудовищным бюрократическим аппаратом, строгой иерархией, чинопочитанием и произволом власть предержащих, не даст свободы личности, всякому инакомыслию и вольнодумству.

Недолго продлится восторг персонального доверия, скоро Пушкин разберётся в ситуации вокруг, со всей ясностью осознает собственное положение. Снова глухая стена непонимания и отчуждения, козни, интриги, недоброжелательство, неудачи, долги и – неизбежный спутник внешних бед и трудностей – опять разочарование жизнью, самим собой и всеми, вселенская тоска. Столичная жизнь не избавляет страдальца от кошмарного состояния угнетённости, и Александр Сергеевич не находит места, чувствуя себя лишним в мире, хоть, казалось бы, будет дарована некая придворная роль. После смерти Н.М. Карамзина должность историографа при императорском дворе царь передаст именно А.С.Пушкину.

Едва проходит два года светской суеты амнистированного поэта, как он вновь – вольно или невольно – станет грезить странствием заграницу. Нет ему покоя и в Северной Пальмире. Словно бы тайная сила толкает его к черте, и одержимо несётся он через Кавказские горы. И этот эпизод жизни Пушкина, названный им "Путешествием в Арзрум", обнажает явственно, сколь дерзко и рискованно поэт, пренебрегая запретами, рвётся из безвыходного положения. Не всякий поэт

способен выживать в России, с её политическим климатом. Совсем непросто, особенно если это такое величество, как Пушкин.

Нас занимают вроде бы частные вопросы: куда именно хотел выехать из своей страны Пушкин, когда, откуда, почему, при каких обстоятельствах и всегда ли легально? Кто из близких друзей Александра Сергеевича знал об этом желании и поддерживал его, к кому пришлось обращаться, от кого, в конечном счёте, зависело разрешение, какими были хлопоты, чем они заканчивались обычно, как все перипетии сказались на самочувствии поэта? Он не уживался с чернью, и его устремления в мир были благодатны для него, но судьба не благоприятствовала этому, а отверженность усиливала беспокойство и обиду.

Есть ещё несколько бесспорных документов, как и ряд более или менее достоверных свидетельств, позволяющих понять состояние беспросветности и безнадёжности, светское общество и общение не спасают, узел затягивается и нет воздуха, душа поэта раздирается смутой и тревогой. И с тяжёлым предчувствием удушения безумное желание, ярость сменяется апатией, разом бросить всё и кинуть дом родной, ринувшись хоть в какую пропасть, – всё это навязчиво и утомительно переживается, разборчиво и переменчиво определяясь по-новому в ирреальном плане невозможных возможностей и происходящих где-то событий, из которых ты заранее кем-то исключён навсегда.

Вот эти сведения из событийной и психологической биографии Пушкина, фрагмента жизни его внешней и внутренней, вполне ясные сами по себе и не нуждающиеся в подробных комментариях. Привлечённые выписки, по сути, подтверждают, что из заколдованного круга роковой судьбы едва ли был спасительный выход, ибо в данном случае и не могло быть иначе. Конечно, можно верить и можно не верить в мистический закон предрешённости в мире, как и в сверхъестественную магию жизни. Тем не менее, сам Пушкин был суеверен и относился всерьёз к знакам, знамениям и значениям, это у него в крови, ничего не поделаешь.

Проследим, как развивается дальше тема экспатриации, оказывается, столь значимая и незаурядная в личной судьбе первого поэта. Здесь уместно привести отрывки из воспоминаний современников. "Началась турецкая война. Пушкин пришёл к Бенкендорфу проситься волонтёром в армию. Бенкендорф отвечал ему, что государь строго запретил, чтобы в действующей армии находился кто-либо, не принадлежащий к её составу, но при этом благосклонно предложил средство участвовать в походе: хотите, сказал он, я определю вас в мою

канцелярию и возьму с собою? Пушкину предлагали служить в канцелярии 3-го Отделения!"[51].

Аналогичное свидетельство о настойчивом и повторяющемся стремлении поэта на войну добровольцем находим и в публикации "надёжного" источника, пусть не с самым изысканным, но вполне профессиональным стилем изложения и повадками: "В половине апреля 1828 года Пушкин обратился к А.Х.Бенкендорфу с просьбой об исходатайствовании у государя милости к определению его в турецкую армию. Когда ген. Бенкендорф объявил Пушкину, что его величество не изъявил на это соизволения, Пушкин впал в болезненное отчаяние, сон и аппетит оставили его, желчь сильно разлилась на нём, и он опасно занемог"[52]. Автор заметки служил в III Отделении и был осведомлён, что 21 апреля 1828 года Пушкин написал его шефу письмо, просился в Париж. Бенкендорф дал поручение своему сотруднику, знакомому с поэтом, заехать к тому и успокоить его, занедужевшего от обиды.

А.А.Ивановский описывает встречу и разговор с Пушкиным: "Мы нашли его в постели худого, с лицом и глазами, совершенно пожелтевшими. – Правда ли, что вы заболели от отказа в определении вас в турецкую армию? – Да, этот отказ имеет для меня обширный и тяжкий смысл, – отвечал Пушкин. – В отказе я вижу то, что видеть должно, – немилость ко мне государя... – Если б вы просили о присоединении вас к одной из походных канцелярий: Александра Христофоровича, или графа. К.В.Нессельроде, или И.И.Дибича – это иное дело, весьма сбыточное, вовсе чуждое неодолимых препятствий" (52, с. 108). И он убеждает Пушкина, подав тому мысль отправиться в кавказскую армию Паскевича. "Превосходная мысль! Об этом надо подумать! – воскликнул Пушкин, очевидно оживший. – Итак, теперь можно быть уверенным, что вы решительно отказались от намерения своего ехать в Париж?... – Да, после неудачи моей я не знал, что делать мне с своею особою, и решился на просьбу о поездке в Париж" (А.А.Ивановский. А.С.Пушкин 21 и 23 апр. 1828 г.) (52, с. 108).

Вряд ли возможно сколько-нибудь убедительно воссоздать образ Пушкина таким слогом, ему чужды эти интонации, у него совсем иной голос, дыхание и ритм. Но одному, безусловно, нужно поверить: Бенкендорф, исполнявший волю царского двора, всеми правдами и не-

[51]Путята Н.В. Из записной книжки // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1985. - Т. 2. - С. 6.

[52]Вересаев В.В. Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников. - М., 1984. - С. 107.

правдами держал Пушкина на короткой узде и ни за что не выпустит ни в какой Париж, и это было совершенно ясно и непререкаемо. Заграница для диссидента закрыта на замок.

Царь намеревался по-своему приручить поэта, проявляя некоторую заинтересованность и даже принимая определённое участие в судьбе поэта. Вместе с тем и Пушкину, как всем, отводилась обязательная роль верноподданного слуги великодержавного царя. Ваш покорный слуга – жёсткая формула и серьёзно. Письма высших чинов бывают очень красноречивы и однозначны. Пожалуй, им особенно некого стесняться, и они откровенны между собой. Вот две выдержки, имеющие отношение к нашему вопросу.

В. кн. Константин Павлович – А.Х.Бенкендорфу, 14 апреля 1828 года, из Варшавы: "Вы говорите, что писатель Пушкин и князь Вяземский просят о дозволении следовать за главной императорской квартирой. Поверьте мне, любезный генерал, что, ввиду прежнего их поведения, как бы они ни старались выказать теперь свою преданность службе его величества, они не принадлежат к числу тех, на кого можно бы было в чём-нибудь положиться; точно так же нельзя полагаться на людей, которые придерживались одинаковых с ними принципов и число которых перестало увеличиваться лишь благодаря бдительности правительства" (52, с. 106-107).

Через две недели в следующем письме великий князь продолжает настойчиво свою версию, в ней оценка и отношение двора и элиты к Пушкину и его окружению: "Неужели вы думаете, что Пушкин и князь Вяземский, действительно, руководствовались желанием служить его величеству, как верные подданные, когда они просили позволения следовать за главной императорской квартирой? Нет, не было ничего подобного; они уже так заявили себя и так нравственно испорчены, что не могли питать столь благородного чувства. Поверьте мне, что в своей просьбе они не имели другой цели, как найти новое поприще для распространения своих безнравственных принципов, которые доставили бы им в скором времени множество последователей своих среди молодых офицеров" (52, с. 109).

Какое разобщение, просто непреодолимая пропасть между разными мироощущениями! Последнее писано, как и положено, на французском наречии, и из письма вполне ясно, что тогда ещё никто не забыт и ничто не забыто. Самодержавие при крепостном праве и либерализм республиканский, как лёд и пламень.

1 июня 1828 года Н.И.Павлищев, муж сестры Пушкина, пишет матери, Л.М.Павлищевой: "Шурин Александр заглядывает к нам, но

или сидит букою, или на жизнь жалуется; Петербург проклинает, хочет то за границу, то к брату на Кавказ" (52, с. 115). Видно, что и светская жизнь его не устраивает, и в столице терзается и мечется, не находит места в этой суете, не покидает мысль куда-нибудь уехать оттуда. Примерно в это время, 7 мая, после того, как Пушкину отказали в выезде за границу, П.А.Вяземский напишет жене, Вере Фёдоровне: "Пушкин едет на Кавказ и далее, если удастся" (14). Друзья между собой определённо обсуждали этот вопрос.

Через год, 1 мая 1829 года, Пушкин, действительно, отправляется на Кавказ, но в ноябре вернулся-таки в Петербург, полных шесть месяцев пробыв в самовольной отлучке. На всём пути, туда и обратно, за его действиями пристально следило зоркое государственное око. Тем не менее, нет оснований отвергать версию о задумке отчаянного побега за границу, на сей раз через турецкое побережье. Пусть даже эти подозрения и предположения, естественно, будут отвергаться в письме Пушкина генералу Бенкендорфу.

10 ноября 1829 года, уже вернувшись в столицу, Пушкин оправдывается "с глубочайшим прискорбием" и довольно путано поясняет, как он "проделал кампанию в качестве не то солдата, не то путешественника" [Пушкин. ПСС, т. 10, с. 801]. В заключение вынужден сыграть роль кающегося грешника, чтобы отвести от себя царский гнев: "Я понимаю теперь, насколько положение моё было ложно, а поведение опрометчиво; но, по крайней мере, здесь нет ничего, кроме опрометчивости. Мне была бы невыносима мысль, что моему поступку могут приписать иные побуждения. Я бы предпочёл подвергнуться самой суровой немилости, чем прослыть неблагодарным в глазах того, кому я всем обязан, кому готов пожертвовать жизнью, и это не пустые слова" [Пушкин. ПСС, т. 10, с. 802]. Явный перебор. Требовалось любым способом разжалобить тех, от кого зависела судьба, и поэт использовал маску раскаяния. Но это вовсе не означает, что в те неблагоприятные годы у Пушкина не могло быть тайной мысли сбежать за границу.

Пушкин был живым человеком, и время от времени, когда было невыносимо и одиноко, его тянуло, необъяснимо и вдруг, куда-то в неведомые места. Хотелось за границу, туда он рвался, просился неоднократно, всякий раз безрезультатно, следовал не всегда вежливый отказ, его категорически не пускали, там было мнение, окончательное и непререкаемое, не дозволять выезд за пределы надзираемости. В сложившейся обстановке рушились иллюзии, всё явственнее переживалась двусмысленность положения, будущее казалось безнадёжным и беспросветным, ничто не обещало благополучия, личной свободы.

Таким образом, основания были, чтобы Пушкин приговорил бы себя к эмиграции, и он не раз готов был на отчаянный побег.

Китайский маршрут трансконтинентальной одиссеи приходит на ум в последнюю очередь. Выбор неожиданный для европоцентриста, тем не менее, имеет объяснение. Само собою, непроизвольно и случайно, жизненно значимый отъезд в отдалённый край просто так не происходит. Выбор и поступки осмысливаются, действия и поездки рассчитываются, объясняются, совершаются сознательно и продуманно. Как-никак многомесячный и трудный путь в древность и самобытность Срединного государства. Что-то подтолкнуло Пушкина к мысли направиться в Пекин, дошли сведения о своеобразной закрытой стране, со своими ценностями и древними смыслами. Напрасно пушкинисты до сих пор проходили мимо жизненной интриги, загадочной и судьбоносной, не вникая, почему так случилось, что Пушкин заявил намерение в Пекин, кто-то подсказал восточный сюжет, попытаться продлить себя в протяжных снах Азии.

Пушкину в Одессе и Михайловском были известны труды о. Иакинфа. В библиотеке поэта хранились комплекты журнала "Сибирский вестник" (1818 – 1824) со статьями о жизни Бичурина и его исследованиях по истории и культуре Китая[53]. Позднее судьба свела первого поэта России со знаменитым монахом-синологом. Их личное знакомство состоялось в начале 1828 года, после возвращения Бичурина в Петербург из заточения в Валаамском монастыре. Начинался период напряжённой литературной деятельности ориенталиста, тогда он входил в моду в Петербурге.

Н.Бичурин, вернувшись в Россию, по словам биографа, "быстро перерабатывал заготовленные им в Пекине переводы и писал новые сочинения, так что цензоры не успевали заканчивать одно произведение, как он им представлял следующее". Мы не знаем подробностей встреч двух знаменитостей и содержания бесед, но можем догадываться, они касались и Дальнего Востока. Иакинф дарил Пушкину книги и давал на прочтение свои рукописи. По свидетельству Погодина, поэт и учёный встречались в петербургском салоне В.Ф. Одоевского (1830 гг.), где "сходились весёлый Пушкин и отец Иакинф с китайскими, сузившимися глазами".

Тогда же в библиотеку Пушкина попадает "Описание Тибета о нынешнем его состоянии с картою дороги из Чен-Ду до Хлассы (Sic.). Перевод с китайского" (по описи Модзалевского №267), с дарственной надписью: "Милостивому государю моему Александру Сергееви-

[53]Пушкин и Сибирь. - Иркутск, 1937. - С. 128-135.

чу Пушкину в знак истинного уважения. Апреля 26, 1828. Переводчик Иакинф Бичурин". Первая книга Бичурина представляет собой перевод сочинения китайского чиновника, бывшего в Тибете в 1786 году[54]. В 1829 году Бичурин, свидетельствует собственноручная карандашная надпись ("Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика"), дарит Пушкину свою седьмую книгу: "Сан-Цзы-Цзинь, или Троесловие, с литографированным китайским текстом", китайская энциклопедия XII века (по описи Б.Л.Модзалевского № 347).

Интерес Пушкина к Китаю таков, что 7 января 1830 года, не прошло двух месяцев после покаянного письма Бенкендорфу, он передаст Его превосходительству официальное заявление, с прошением "высочайшего соизволения" на отъезд в чужие края. Кажется, в последний раз прозвучит многолетняя просьба: "Покамест я ещё не женат и не зачислен на службу, я бы хотел совершить путешествие во Францию или Италию. В случае же, если оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством"(45, с. 272). Поэту откажут под тем предлогом, что "состав посольства уже утверждён"[55].

Этот эпизод биографии Пушкина кое-кем толкуется в том смысле, что замысел его отъезда в Китай будто бы случаен. Об этом свидетельствует якобы набор адресов предполагаемой поездки: Париж ли, Венеция ли, Китай ли, на усмотрение царя. Пушкину вроде всё равно куда ехать, лишь бы вырваться из России; Китай же – последняя соломинка, за которую хватался утопающий. Недаром, мол, в прошении Китай назван в конце, после Франции и Италии, и будто разрешения куда бы то ни было за границу Пушкин не надеялся получить. Это и не совсем так. Почему же захотелось Пушкину в Пекин, серьёзна ли задумка, необычное намерение? Пушкин с необычным упорством продолжает всё надеяться на какой-то случайный успех.

Вот так неожиданно для нас, наконец, появляется в пушкинских планах совершенно новая тема и весьма определённый ориентир на самый Восток, в Срединное государство, такое далёкое и пока ещё закрытое для европейцев, противоположный край света. Почему же и как именно могла прийти в голову такая мысль холостому и безработному Пушкину, неприкаянному и не у дел чиновнику в прошлом 10 класса Коллегии иностранных дел? Интересно, с чего бы это вдруг Китай, ни с того ни с сего как бы? Или же он искал спасительный для себя вариант, хоть какой выход, и это уже отчаянный поиск спасения души.

---

[54]Алексеев М.П. Пушкин и Китай // А.С.Пушкин и Сибирь. - Иркутск, 1937. - С.132.

[55]Лукин А. Образ Китая в России (до 1917 года) // Пробл. Дальн. Вост. - 1998. - № 5. - С. 133-134.

Н.В.Путята утверждал, что "Пушкин просился за границу, его не пустили. Он собирался даже ехать с бароном Шилингом, в Сибирь, на границу Китая. Не знаю, почему не сбылось это намерение; но следы его остались в стихотворении: "Поедем, я готов… К подножию ль стены недвижного Китая и пр." (51, с. 6). Стихотворение написано 23 декабря 1829 года.

17 января 1830 года, через десять дней, генерал Бенкендорф отпишет Пушкину то, что и должен был сообщить, без колебаний и сомнений: "В ответ на Ваше письмо ко мне от 7-го числа сего месяца спешу уведомить Вас, что его императорское величество не соизволил удовлетворить вашу просьбу о разрешении поехать в чужие края, полагая, что это слишком расстроит ваши денежные дела, а кроме того отвлечёт Вас от Ваших занятий. Желание ваше сопровождать наше посольство в Китай также не может быть осуществлено, потому что все входящие в него лица уже назначены и не могут быть заменены другими без уведомления о том Пекинского двора" (45, с. 273-4). Одним словом, ни туда и ни сюда.

Подобные свидетельства постепенно собирались и накапливались в публикациях, принимались к сведению, факты сопоставлялись, осмысливались, связывались, выстраивались в ряд, получали толкование и обобщение. Сложившееся вокруг поэта положение, кризис и неразрешимые противоречия, впоследствии будут как-то объясняться. Степан Шевырёв, довольно близко знавшийся с Александром Сергеевичем, впоследствии попытается объяснить следующим образом факты: "Пушкин просился за границу, но государь не пустил его, боялся его пылкой натуры, – вообще же с ним был чрезвычайно обходителен" (22, с. 51).

Профессору и академику будут вторить, версия страха как мотивировки отношения к поэту и побудителя действий державной власти легко воспринята другими: "Разумеется, выпустить поэта в Европу означало, по мнению Николая и Бенкендорфа, собственными руками создать себе врага, который, не вернувшись в Россию, сумел бы сказать о ней жёсткую и горькую правду"[56]. Действительно ли эти лица страшатся этого до какой степени? Или олигархам и бюрократам присуще играть роль отцов нации, уже перед лицом истории и вечности.

Царь и Бенкендорф не могли собственноручно подписать разрешение на встречу Пушкина с его друзьями – ссыльными декабристами, находившимися в Сибири. Только в августе 1833 года Пушкин сможет после долгих хлопот получить "высочайшее дозволение" на поездку в Поволжье и Оренбургский край для сбора материалов о Пу-

[56]Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. - СПб., 1909. - С.491.

гачёвском восстании. По указанию монарха за путешествующим поэтом установлен негласный надзор[57]. Пушкин не мог не знать, не понимать, не чувствовать язвительности и скрытой издёвки в обращении с ним со стороны его высоких покровителей. Но здесь речь не о самодержцах и сановниках, не о великосветской манере и стиле письма, а о ценности человеческой жизни и инстинкте самосохранения.

Древний и мудрый, по европейским меркам в ту пору отсталый, тот Китай таинственно представился русскому писателю, униженному преследованиями в своём Отечестве, подходящим убежищем, за великой стеной. Спасительная обитель под боком у запретного города, дворцы, почитаемые тени непререкаемых предков, под покровом и покровительством богдыханов, культурных архаизмов, метафор востока, ритуалов и иероглифов, причудливых драконов, письма кисточкой и тушью, окаменелостей древнейших представлений. Так или иначе, по чьей-то подсказке, Пушкин запросился у всесильной власти в Пекин.

Как же он пришёл к незаурядному решению, что могло означать для него, каковы мотивы и что подтолкнуло его вдруг обратить мысленный взор в противоположную сторону. На этот раз он действовал трезво, сознательно и расчётливо. Бичурин, и в самом деле, пробудил интерес Пушкина к Китаю, а также, кажется, звал его в совместную поездку к жителям Поднебесной империи. "Вероятно, именно Иакинфу, ехавшему в 1830 году с экспедицией Шиллинга в Кяхту, Пушкин обязан был мыслью самому проситься в Китай" (54, с. 135). Во всяком случае, стремление Пушкина в Китай не случайность.

"В его библиотеке сохранились книги о Китае, подаренные известным Иакинфом Бичуриным, знатоком и китайской культуры", – вслед за Н.О.Лернером отметил Б.Л.Модзалевский. "В начале 1830 года о. Иакинф как раз ехал в Китай и мог соблазнить Пушкина на путешествие с собой. А.С.Пушкин достаточно хорошо был осведомлён о предстоящей научной экспедиции под начальством П.Л.Шеллинга в район Халха-Монголии, на границу с Китаем". Согласно высочайше утверждённой инструкции, в состав этой экспедиции Азиатский департамент причислял в качестве научного эксперта для содействия П.Л.Шиллингу "монаха Иакинфа, который по прежнему долговременному пребыванию в Сибири и в самом Китае может быть с пользой употреблён". По замыслу П.Л.Шиллинга, должность секретаря экспедиции предназначалась как будто А.С.Пушкину. И тогда же он напишет элегическое обращение к друзьям по поездке:

---

[57]Денисов П.В. Никита Яковлевич Бичурин. Очерк жизни и творческой деятельности учёного-востоковеда. - Чебоксары, 1977. - С. 94.

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль Стены далёкого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поёт уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи.
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем… но, друзья,
Скажите: в странствиях умрёт ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к её ногам, её младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?

Вскоре будут написаны безнадёжные стансы: "Брожу ли я вдоль улиц шумных". Ещё одна мечта Пушкина не исполнилась (54, с. 136).

В конце февраля 1830 года Иакинф и Шиллинг фон Канштадт уезжают в экспедицию, снаряжённую министерством иностранных дел для обследования бурят и собирания сведений о торговле у северных и западных границ Китая. В своей автобиографической записке Бичурин напишет, что в 1830 и 1831, а также 1835-1837 годах "по возложенным от правительства на него поручениям" провёл в Монголии и Сибири. Б.Л.Модзалевский, упоминая об этой поездке, высказывал предположение, что Иакинф ранее "мог соблазнять Пушкина на путешествие с собою", очень даже вероятно.

В 1830 – 1831 Бичурин сотрудничает в "Литературной газете". В ней, 1830 год, № 28, приведены "выписки" из письма о. Иакинфа Бичурина к И.В.С. с описанием приезда экспедиции Шиллинга из Иркутска, а в № 60 за тот же год статья за подписью Н.Б. "Кяхтинский пир. Письмо из восточно-азиатской России", в которой, со слов самого Бичурина, дано довольно длинное описание отправляющейся в Пекин новой духовной миссии (54, с. 133). Бичурин, прибыв в Иркутск, послал в утешение Александру Сергеевичу очерк "Байкал", который увидел свет в "Северных цветах" за 1832 год"[58], с благожелательным редакционным примечанием. Рукопись очерка останется в бумагах Пушкина.

Импульсивное стремление вырваться из заточения и намерение любыми путями освободиться из бессрочной и унизительней ссылки и зависимости поэта от самодержавной неволи и произвола власти не могли быть скрыты от друзей, ближайшего окружения, как и сторонних интересантов и бдительных служб. Каждый по-своему толкует,

[58]Соколов В.Д. Рядом с Пушкиным: Портреты кистью и пером. - Х., 1991. - С. 51.

оценивая субъективно, переживания отчуждения, настроение и действия творческой личности, отстаивающей собственное достоинство, положение в жизни и общественном мнении.

Замысел путешествия в Китай был серьёзен и продуман. Зная трудности пути хотя бы от Ф.Вигеля, Пушкин не мог проситься туда очертя голову, не думая о последствиях или даже о количестве потребного на это времени. В Китай с одесских времён неслись мысли поэта. Книги и беседы с Иакинфом только подсказали внезапное решение. Если это было не так, то Пушкин мог бы вскоре позабыть о своей неудаче. А между тем пришёл отказ от Бенкендорфа, ярко разгоревшийся план потускнел и расплылся в новых впечатлениях жизни. И тем не менее Пушкин не перестанет интересоваться Китаем.

Во второй половине мая 1830 года Пушкин посетил имение Гончаровых "Полотняный Завод" около Калуги и пробыл тут до конца месяца. Список книг, которыми пользовался Пушкин во время пребывания на Полотняном заводе, изучает в 1900 году Ив. Щеглов.

"Как вы думаете, что стоит на первом месте? – спрашивает Щеглов. – Книги о Китае: Описание Китайской империи Ч. 1, Описание Китайской империи Ч. 2. И далее ещё третья книга: "О градах китайских". – Положительно знаменательная черта, – прибавляет Щеглов, – очевидно Пушкин, семьдесят лет назад, проникновенно интересовался и волновался теми вопросами, которыми интересуемся и волнуемся мы, грешные, только теперь. Как известно, почти одновременно с мечтой о женитьбе, Пушкин лелеял мечту о путешествии в Китай. И события, увы, показали, что осуществления второго мечтания на счёт первого послужило бы к вящей славе нашего любезного отечества. Впрочем, Грибоедов недаром сказал: "Ах, если любит кто кого, зачем ума искать и ездить так далёко?". Вместо вещей книги о Китае, которая, почём знать, изменила бы ход современных событий, мы имеем гениальные сцены "Каменного гостя", напророчившие смерть их автору"[59].

Н.И.Черняев считает, что Пушкин "обдумывал в Болдине какое-то поэтическое произведение, в котором должны были играть роль богдыханы, и что мысль об этом произведении явилась у него задолго до осени 1830 года". Я не решился бы утверждать этого, но для меня совершенно ясно, что 30-й и ближайший за ним год были порой напряжённых дум Пушкина о Китае. Характерна деталь: в вариантах "элегического отрывка" ("Поедем, я готов") весьма знаменательны колебания Пушкина в выборе эпитета для Китая: в рукописи "спокойного Китая"; в "Московском Вестнике" 1830 года, где пьеса впервые увидела свет, "недвижного Ки-

[59]Щеглов И. Подвижник слова. - СПб., 1909. - С. 36-37.

тая"; этот вариант находит себе соответствие в 40 стихе "Клеветникам России" – "До стен недвижного Китая"; и тем не менее в издании стихотворений Пушкина 1832 года эпитет в "Элегическом отрывке" вновь изменён. Там стоит: "К подножию ль стены далёкого Китая".

В этих колебаниях программа целого ненаписанного трактата Пушкина о Китае. Здесь та же острая и волнующая проблема Запада и Востока, которую ставил он себе десять лет назад. Она возникла сама собой в спорах его с Чаадаевым и им ещё не была разрешена. Во втором "Философическом письме" Чаадаева (1829) читаем: "…компасом, книгопечатанием и порохом. Между тем, к чему они послужили ему? Совершили ли китайцы кругосветное путешествие, открыли ли они новую часть света? Обладают ли они более обширной литературой, чем какою обладали мы до изобретения книгопечатания? В пагубном искусстве убивать были ли у них, как у нас, свои Фридрихи и Бонапарты?". С точки зрения Чаадаева, Восток – неподвижность и застой, Запад – движение и энергия. Куда же стремиться? (54, с. 139).

В "Дневнике" Пушкина (30 ноября 1833 года) отмечен разговор с английским поверенным в делах в Петербурге Блаем на балу у Бутурлина: "Долго ли вам распространяться…? Ваше место – Азия; там совершите вы достойный подвиг сивилизации". И Пушкин всё чаще обращается к теме Востока. Его интересуют калмыцкие степи, Сибирь, Камчатка, Китай… "Китай, конечно, нагнал бы на Пушкина одну хандру, – замечает С.Шашков в статье о нём 1873 года, – но Европа, по всей вероятности, повлияла бы совершенно иначе"[60]. Нет.

Не так смотрел на дело Н.М.Ядринцев. В письме к Г.Н.Потанину 12 августа 1873 года он писал: "Недавно вычитал из биографии Пушкина (в "Деле" Серафимовича), что Пушкин просился в Китайскую миссию. Автор биографии думает, что для развития Пушкина это, конечно, ничего бы не принесло. Но мне пришли другие мысли в голову. Наши поэты, как Пушкин и Лермонтов, изъездили Крым и Кавказ, природа которых дала им повод много раз вдохновляться… Но ни один русский поэт не посетил настоящего Востока, Дальнего Востока хочу я сказать… Почему бы тут не вдохновиться самому Пушкину? История Востока, его будущее, разве не возвышенная тема и для размышления, неужели всё смотреть с точки зрения рутинного либерализма"[61].

Ядринцев был прав. Пушкина влекло на Восток не по капризной прихоти воображения. Проблема Востока была для него в то же время

[60]Шашков С. Пушкин и Лермонтов // Дело. - 1873. - № 7. - Соврем. обозрение. - С. 327-363; № 9. - Соврем. обозрение. - С. 1-20.

[61]Письма Н.М.Ядринцева к Г.Н.Потанину. - Красноярск, 1918. - С. 64.

и проблемой русской культуры; вот почему в предсмертные дни он набрасывал, так и не дописанные, страницы по истории Камчатки… (54, с. 141). В 30-х годах Пушкин давно преодолел "китайщину" своей юности; в Китай он поехал бы не затем, чтобы смотреть фарфоровые башни и китайские безделушки. От пряной экзотики XVIII века он поднялся тогда до подлинного постижения Востока, преодолел уже то понимание его, которое шло к нему из западной литературы.

Пушкин читал "Описание Пекина", "Историю Тибета и Хухунора" и другие капитальные исследования Иакинфа[62]. В "Истории Пугачёва" Пушкин использовал и в примечании к первой главе высоко оценил предоставленную ему Бичуриным, ещё в рукописи, работу "Историческое обозрение ойратов, или калмыков". Повествуя о мятеже яицких казаков и о предшествовавшем переселении калмыков в Китай в первой главе "Истории пугачёвского бунта", Пушкин напишет: "Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком. С благодарностью помещаем сообщённый им отрывок из не изданной ещё его книги о калмыках" [Пушкин. ПСС, т. 9, с. 95, 411] (43, с. 175) (Пушкинская энциклопедия. 1799-1999. – М., 1999).

По словам самого автора, "Исторического обозрения ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени", в 1835 году удостоенное Академией Наук полной Демидовской премии, есть "сочинение, основанное на фактах, которые заимствованы из книг и рукописей русских и китайских" (54, с.134). В этом сочинении на документальном материале из китайских источников и из произведений русских учёных-путешественников Н.Нефедьева, П.И.Рычкова, С.В.Липовцева, И.К. Россохина и др. в хронологической последовательности излагаются исторические события, определяющие судьбу калмыцкого народа (57, с. 91).

Кроме того в "Истории Пугачёва" Пушкин использовал сочинения Иакинфа "Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем его состоянии". Немало подробных сведений о народах Поволжья и Приуралья – башкирах, татарах, чувашах и др. "инородцах", активно сражавшихся в повстанческих отрядах Пугачёва, мог рассказать Бичурин первому историку крестьянской войны 1773 – 1775 гг., дать ряд советов накануне поездки Пушкина по пугачёвским местам в Поволжье и Оренбургском крае.

[62]Денисов П.В. Никита Яковлевич Бичурин. Очерк жизни и творческой деятельности учёного-востоковеда. - Чебоксары, 1977. - С. 90-91.

Пушкину так и не пришлось уехать в далёкую страну, которая, как знать, пришлась бы ему по душе, по нраву и по интересам. Вместо этого он женится. Женитьба и семейная жизнь не всегда являются спасением и счастливым продолжением биографии, нельзя предвидеть заранее. Но это уже не совсем наша тема.

Униженный отказом выпустить его за границу, хоть в Китай (почему вдруг?), Пушкин, беспокойный и мятущийся, направляется в Москву в начале марта, там повторит предложение юной Наталии Гончаровой, на сей раз получив неожиданно согласие. 6 мая помолвка. Наступил новый поворот в личной судьбе. Как видно, Александр Сергеевич не обольщался радужными ожиданиями насчёт семейной жизни, если за неделю до свадьбы жених откровенничает с приятелем: "Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся – я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входили в мои домашние расчёты. Всякая радость будет мне неожиданностию" [Пушкин. ПСС, т. 10, с. 338-9].

18 февраля 1831 года венчание в церкви Святого Вознесения.

Брюллов рассказывал, как спросил Пушкина: "На кой чёрт ты женился?" Он мне отвечал: "Я хотел ехать за границу – меня не пустили, я попал в такое положение, что не знал, что мне делать, – и женился" (М.И.Железнов)[63]. Вероятно, так и было. Далее тот же источник: "Брюллов не мог равнодушно вспоминать, что Пушкин не был за границей, и при мне сказал г. Левшину, генералу с двумя звёздами: "Соблюдение пустых форм всегда предпочитают самому делу. Академия, например, каждый год бросает деньги на отправку за границу живописцев, скульпторов, архитекторов, зная наперёд, что из них ничего не выйдет. Формула отправки за границу считается необходимою, и против неё нельзя заикнуться, а для развития настоящего таланта никто ничего не сделает. Пример налицо – Пушкин. Что он был талант – это все знали, здравый смысл подсказывал, что его непременно следовало отправить за границу, а… ему-то и не удалось там побывать, и только потому, что его талант был всеми признан" (63, с. 333].

Жизнь не останавливается. У четы Пушкиных пойдут дети, один за другим, погодки: 19 мая 1832 года родится Маша; 6 июля 1833 – Саша; 14 мая 1835 – Гриша; 23 мая 1836 – Наташа. Им суждено вскоре расти без родного отца и под чужой опекой. А пока Пушкин принима-

[63]Железнов М.И. Брюллов в гостях у Пушкина летом 1836 года//А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1985. - Т. 2. - С. 333.

ет назначение придворного историографа, что даст право пользоваться закрытым царским архивом. Это необходимо для написания "Истории Пугачёвского бунта" и "Истории Петра". Однако в роли официального историка Пушкин не почувствовал удовлетворения общественным положением, оставшись по-прежнему в полосе отчуждения.

У государственной службы, на оплачиваемой казной должности, непременно свои издержки и оборотная сторона – карьерная зависимость. "Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как угодно", – в таких выражениях поэт жалуется жене на свою участь. И вот ещё свидетельство, хотя со стороны, о том же разладе: "Кажется, в 1835 г., – да, так точно, – приехал он сюда (в Тригорское) дня на два всего, – пробыл 8 и 9 мая – приехал такой скучный, утомлённый: – "Господи, – говорит, – как у вас тут хорошо! А там-то, там-то в Петербурге, какая тоска зачастую душит меня! (М.И.Осипова в передаче М.И.Семевского)" (52, с. 398).

Устал Пушкин от напряжённой и хлопотной жизни, от конфликтов и, чтобы избежать срыва, нуждается в отдыхе и санации. Отцу четверых маленьких детей всё неймётся, никак не остепенится он и нет-нет продолжает грезить, по привычке ли, от беспросветности, длинной дорогой и, мы бы сказали, дальним зарубежьем. "В июне 1836 года, когда Н.М.Смирнов уезжал за границу, Пушкин говаривал, что ему тоже очень бы хотелось, да денег нет. Смирнов его убеждал засесть в деревню, наработать побольше и приезжать к ним. Смирнов уверен был, что государь пустил бы его. Тогда уже, летом 1836 года, шли толки, что у Пушкина в семье что-то неладно: две сестры, сплетни, и уже замечали волокитство Дантеса" (52, с. 455).

Это утверждение, отсроченное и косвенное, к которому, как и к другим мнениям, следует относиться критически, не абсолютизируя. Как бы заодно со Смирновым ни хотелось, в государе нельзя быть уверенным, впрочем, в Пушкине тоже. В словах, помимо всего, бывает игра и преувеличение, их выбор очень даже зависит от состояния и настроения. 18 мая 1836 года Пушкин не без задора пишет из Москвы Наталье Николаевне, она на сносях: "Мордвинов будет на меня смотреть, как на Фаддея Булгарина и Николая Полевого, как на шпиона: чёрт догадал меня родиться в России с душою и талантом! Весело, нечего сказать" (52, с. 443). Легко исказить смысл высказывания, вырвав из контекста и переместив акцент, но стыдно и грешно наживаться на чужих чувствах и мыслях. Из сказанного следует лишь, что он оставался непримиримым к одиозным деятелям из реакционной пар-

тии. Вместе с тем, конечно, как не досадовать, что в государстве больше ценятся охранители и охранники, и неуютно остальным.

С возрастом либеральные взгляды Пушкина не могли не меняться. Его отношение к Богу, к Царю, к Отечеству и иным ценностям не было устойчивым, примерным или радикальным, оставаясь своеобразным, живым и творческим. Незадолго до кончины он скажет одному из друзей: "Меня упрекают в изменчивости мнений. Может быть: ведь одни глупцы не переменяются" (52, с. 434). В том же предсмертном 1836 году в письме Чаадаеву заявит неприятие философии космополита, написав: "Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблён, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог её дал" [Пушкин. ПСС, т. 10, с. 872].

Письмо осталось не отосланным адресату, вряд ли случайность. Такой тон и пафос явно не для автора "Философического письма", тот уловит фальшь в стиле. Чужая речь и презренная публицистика, между собой так не говорили эти лица.

Пушкину на самом деле, бывало, очень даже не терпелось уехать куда-нибудь, чем сильней преграда, тем настойчивее стремление. Препятствовали и держали, у власти свой резон, обычное дело. Представься случай для выезда, хоть побег, опальный Пушкин до женитьбы дерзнул бы испытать судьбу, кто знает. Вот братья Тургеневы, Николай и Сергей, не вернулись из Европы домой в Россию после поражения на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, сибирским рудникам и каторге предпочтя жизнь в добровольном изгнании там. И старший, Александр Иванович, всё единомышленники поэта, долгие годы отсиживался в парижских и лондонских архивах, пережидая бессрочную реакцию в Российской империи.

Пушкина ни тот, ни другой царь – ни Александр I, ни Николай I – так и не выпустит из России, так что историографу Петра не довелось почитать материалы, хранившиеся в иностранных архивах, как А.И. Тургеневу. Кстати сказать, это тот авторитет и союзник, с успехом сотрудничавший с Пушкиным в "Современнике", и не только. В феврале 1837 года именно ему пришлось сопроводить в Святогорский монастырь тело убитого поэта. В ранней и озорной молодости "заветнейшей и любимейшей мечтой" Пушкина, заметила Анна Ахматова, явилась поэтическая тяга к Италии[64].

[64]Ахматова А. Пушкин и Невское взморье // Прометей. - М., 1974. - Т. 10. - С. 222.

В.Л.Пушкин, дядя по отцу, мог увлечь племянника и привить ему интерес к Франции своими воспоминаниями о литературных салонах Парижа, которые он посетил в начале века. "В Париже А.И.Тургенев познакомился с хозяйкой знаменитого литературного салона мадам Рекамье. В конце 1825 года он отметил в дневнике, что на вечере у мадам Рекамье говорили "много о поэте Пушкине, коего дядю, Василия Львовича, мадам Рекамье знавала"… Мадам Рекамье познакомилась с Василием Львовичем в 1803 году, во время его посещения Парижа. Пушкин, конечно, знал о заграничном вояже своего дяди от него самого; Василий Львович, надо думать, не раз потчевал племянника рассказами о своей поездке"[65].

Обстоятельные записи поступают от друзей из Лондона, не прерываются культурные связи с родиной Байрона и Шекспира. В Европе выбирай любое направление, хоть какое, лишь бы "куда-нибудь". Балканы рвутся к свободе, и там есть дело. Словом, с каждым поэтом случается такое, когда не в омут, так в даль заморскую. В этом нет тайны особенной, настолько распространено, оголено и поверхностно, совсем не удивляет неуживчивость духа. На земле порядок устанавливают, в общем, посредственности, им мешают – Пушкины. Эти отвергаются и отторгаются обществом, отчуждаются мнением света, вытесняются системой.

Биографы поэта и исследователи его творчества по-разному объясняют интерес Пушкина к чужим краям, касаясь причин и обстоятельств его переживаний и попыток уехать куда-нибудь из России. Расхождения во взглядах и суть вопроса, насколько же в действительности яростное и взрывное чувство отторжения, или отчуждения, могло быть ведущим и направляющим жизненные устремления и достижения личности. Случалось не раз, что тоска по чужбине хватала за душу поэта, но было ли это состояние всеохватным и основополагающим или же зыбким настроением в пору неудач, упадка духа и уныния, – в таком вопросе легче ошибиться, чем угадать, тем более, безусловно, понять и убедить всех в своей правоте. Вероятно, увлекающийся, колеблющийся и сомневающийся, развивавшийся и меняющийся Пушкин и сам не дал бы нам определённого ответа, чтобы удовлетворить чьё-то любопытство относительно решительности и трезвости его духа в побуждении броситься вон, без свежего воздуха человеку душно, бывает невмоготу вовсе. Удушье проходит – и отходишь. Словно по невидимой спирали вращается жизнь: подъёмы и спады в ней.

---

[65]Максимов М. По страницам дневников и писем А.И.Тургенева // Прометей. - М., 1974. - Т. 10. - С. 358.

Прогулки Абрама Терца

"Как тот басенный петух, что никого не догнал, но согрелся, Пушкин умеет переключать одну энергию на другую, давая выход необузданной чувственности во все сферы жизнедеятельности"[66]. "В легкомысленной юности, закругляя "Гавриилиаду", поэт бросал вызов архангелу и шутя предлагал сосчитаться в конце жизненного пути" (66, с. 36). "Пушкинский лозунг "И пусть у гробового входа..." содержит не только по закону контраста всем приятное представление о жизненном круговороте, сулящем массу удовольствий, но и гибельное условие, при котором эта игра в кошки-мышки достигает величайшего артистизма" (66, с. 57).

"В нём сказывалась хозяйственная закваска Петра. Взамен описания жизни он учинял её поголовную перепись" (66, с. 62). "В итоге периодически нас относит за раму рассказа – на простор не идущей к делу, неважной, необязательной речи, которая одна и важна поэту с его программой, ничего не сказав и блуждая вокруг да около предполагаемого сюжета, создать атмосферу непроизвольного, бескрайнего существования, в котором весь интерес поглощают именины да чаепития, да встречи с соседями, да девичьи сны – растительное дыхание жизни" (66, с. 64-65).

"Пушкин неравнодушен к изображению простейших жизненных циклов: дня и ночи, обеда и ужина, зимы и лета, войны и мира – всех тех испокон века укоренившихся "привычек бытия", в тесном кругу которых он только и чувствует себя вполне в своей тарелке. Поэтому он охотно живописал погоду. В сущности, в своих сочинениях он ничего другого не делал, кроме как пересказывал ритмичность миропорядка.

Вот тут-то опять подключалась к его картам и планам судьба. Отсчитывая удары, она вносила в нерасчленённый процесс последовательность и очерёдность. Судьба превращала жизнь в сбалансированную композицию. С нею быстротечность явлений становилась устойчивым способом справедливого распределения благ. Изменчивость бытия исполняла верховный закон воздаяния: всем сестрам по серьгам. Прошедшее в глазах Пушкина не тождественно исчезновению, но равносильно присуждённому призу, заслуженному имуществу; было – значит, пожаловано (то графством, а то и плахой)" (66, с. 71-72).

"Калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим ("Опровержение на критики", 1830 г.)" (66, с. 72). У них там степь, другая жизнь. "Я желаю – пускай назовут странным моё

[66]Терц А. Прогулки с Пушкиным. - СПб., 1993. - С. 20.

желание! – желаю, чтобы Поэту предписали особенный образ жизни, пиитическую диэтику: одним словом, чтобы сделали науку из жизни Стихотворца" (66, с. 98).

Всего девять цитат, зато вполне достойных, задорных и живописных. Возьми любую фразу: и словам просторно, не тесно, – а чувствам и мыслям раздольно. Пушкин с Синявским – свои люди, оба с понятиями и собеседники на равных, ощущают ритм миропорядка, как и благость жизни.

Антибиография – это биография-сенсация. "Наиболее известными среди пушкинских "антибиографий" XX века стали "Дон-Жуанский список Пушкина. Главы из биографии" П.К.Губера (П., 1923) и "Прогулки с Пушкиным" Абрама Терца (А.Д.Синявского; Лондон, 1975). Новейший "антибиограф" Анатолий Мадорский, автор книги "Сатанинские зигзаги Пушкина" (М., 1998), не скрывает, что его интересуют, главным образом те факты, которые освещают "теневую сторону" личности поэта. "Я открою вам совершенно нового Пушкина, – обещает А.Мадорский читателям. – Я сделаю это очень просто: честно предъявлю то старое, от которого вы малодушно отворачивались"[67].

Отвергая "стандартное" пушкиноведение, автор создаёт образ "ни в чём не стойкого гения", "слабого человека", богохульника, беспринципного журналиста, литературного торгаша, "друга самодержавия", ставшего "своим человеком во дворце", распутника, любителя матерщины, плохого друга и товарища, неспособного простить раскаявшегося обидчика, понять чужую боль"[68]. "… по результатам своего труда он оказывается ещё дальше от понимания пушкинской личности, чем советские творцы культа поэта" (68, с. 90). "А.М.Мадорский всё-таки вынужден был признать, что его не оставляет "магическое ощущение ускользаемости, загадочной переменчивости гениального поэта. Во всём: в биографии, в поведении, в творчестве, во внешности… Неуловимый Пушкин". Образ, созданный автором, псевдоисторичен именно из-за своей сверхконцептуальной определённости" (68, с. 90).

Харитон М. Завещание поэта

(Из цикла "Литературно-исторические версии", посвященного дню рождения поэта).

Я памятник себе воздвиг... (А.С.Пушкин)

[67]Мадорский А. Сатанинские зигзаги Пушкина. - М., 1998. - С. 5.

[68]Лосиевский И.Я. Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии. - Х., 1998. - С. 89-90.

Неприятности преследовали Александра, словно вырвавшись из ящика Пандоры. Хроническое безденежье отравляло жизнь. Пушкин задолжал сто двадцать тысяч рублей, ценности семьи заложил в ломбарды. Затея с "Современником" прибыли не принесла, тираж не расходился. Попытался в Москве карточной игрой "залатать" финансовые прорехи. Конечно, проигрался и усугубил свои затруднения. А ведь перед женитьбой писал матери Натали: "Я не потерплю ни за что на свете, чтобы жена моя испытывала лишения".

Пришлось пожертвовать независимостью, поступить к царю на службу. Жалованье в министерстве иностранных дел составляло лишь пять тысяч рублей в год. Сущая безделица! Ни гроша верного дохода! И всё же не эти неприятности жгли душу. В великосветских петербургских салонах появился нахальный красавец, эмигрант-роялист Жорж Дантес. Неустанным преследованием Натали он добился успеха: жена стала обращать на него внимание. Натали увлеклась этим французом. Увы, они были молоды, они были красивы!

Впрочем, и император, завороженный обаянием Натали, настойчиво за ней ухаживал. На балах Николай Первый вальсировал с Натали, ужинать садился рядом с ней. Утром, проезжая мимо окон Пушкиных, поднимал лошадь на дыбы, стремясь привлечь внимание Натали.

Что может быть оскорбительней прозвища "рогоносец"?

Теперь, сам находясь в положении Воронцова, Ризнича, Фикельмона, Закревского и мужей многих кишиневских красавиц, он терзался от уязвленного самолюбия. И страшился стать посмешищем во мнении петербургского света.

Финансовые неудачи, легкомыслие и флирт жены с Дантесом, умелое выжидание царя для достижения своей цели закружили Александра в водовороте тоски и отчаяния. Легкокрылая Муза уже не прилетала так часто к Александру, он почти отошёл от поэзии. Писал много в прозе. Он невесело шутил: "Проза в творчестве и, увы, проза в жизни".

Александр даже решил бросить службу и уехать в деревню. Подал в отставку. Воспротивилась жена, да и царь не скрывал неудовольствие. Поддавшись увещеваниям Жуковского, переступив гордость, Александр взял назад своё прошение. Обрушившиеся тяготы добивали его, пригибали голову. Приходя к друзьям, отрешенно повторял: "Невыносимо грустно! Тоска!"

Жизнь не сложилась. И непреходящее предчувствие кончины ("Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит")... Несколько озлобленных вызовов на поединки, впрочем, закончившихся примирением.

Написанный недавно "Памятник" – по сути прощание с жизнью – Александр с горькой усмешкой запер в письменном столе.

Холодным зимним утром Пушкин уединился в своём кабинете, предупредил домашних и челядь его не беспокоить. В восточном халате, наброшенном поверх белоснежной с кружевным воротником рубашки, он на листах бумаги, кусая перья, что-то непрерывно рисовал. Недовольный, скомканные листы бросал под письменный стол. Наконец, после долгих попыток внимательно рассмотрел окончательный рисунок, проставил размеры. Остался доволен.

В комнату вливался неяркий петербургский полдень. Александр потряс колокольчиком и вошедшему лакею велел передать барыне, что он ждет её в кабинете.

Приоткрылась дверь, и вошла Наталья Николаевна. Пушкин встал, обнял жену за плечи, придвинул кресло. Привыкнув за последние годы к озабоченному хмурому лицу мужа, к тревожному блеску его глаз, Наталья Николаевна была удивлена. Она застала в кабинете непривычно спокойного умиротворенного Александра.

Пушкин сложил ладони, касаясь кончиками пальцев, взглянул на жену. – Даже и не знаю с чего начать, – признался он. – Впрочем, перейдём к тому делу, ради которого я позвал тебя. Видишь ли, душа моя, я старше тебя на тринадцать лет. И раньше уйду в мир иной.

Побледнев, прижав к груди руки, Наталья Николаевна не смогла сдержать крик: – О чём ты говоришь, Александр? Что за странные мысли пришли тебе в голову?

– Успокойся, жёнка. Не перебивай и слушай внимательно. Ты же знаешь, Натали, что я внёс в казну Святогорского монастыря надлежащую сумму и купил себе место рядом с могилой матери.

Наталья Николаевна вспомнила, что муж говорил ей об этом, вернувшись с похорон Надежды Осиповны.

– Земля там сухая, – продолжал Александр. – Мало утешения в том, что меня похоронят на тесном петербургском кладбище, а не на просторе, как прилично порядочному человеку. "Ближе к милому пределу мне всё хотелось почивать".

Александр взял со стола лист бумаги, протянул жене: – Взгляни, Натали, таким будет на моей могиле посмертный памятник.

Наталья Николаевна с ужасом смотрела на выполненный мужем рисунок. Александр не замечал состояния жены.

– Как видишь, жёнка, памятник прост и строг. На гранитных плитах белый мраморный обелиск с нишей. Над ней лавровый венок.

– Почему лавровый? – пролепетала Наталья Николаевна.

Пушкин невольно рассмеялся: – Всё же, жёнка, я лучший поэт России. Поэтому и лавровый. А что в венке, разглядела?

Наталья Николаевна присмотрелась: – Цветочек какой-то.

– Да не цветочек это, а звезда шестиконечная – древний иудейский знак.

– Ты же христианин, Александр! – придя в себя, крикнула ошеломлённая Наталья Николаевна.

– Верно, душа моя, верно. Не смотри на меня так, я ещё не сошёл с ума и в здравой памяти. Хочу тебе кое-что объяснить, поскольку это возможно. Дети наши – из иудейского рода древнего царя Соломона.

Вконец растерявшись, Гончарова молчала, а Пушкин, не повышая голос, терпеливо объяснил: – Отец моего прадеда Абрама Ганнибала состоял влиятельным князем в Абиссинии и держал резиденцию в Логоне. Абрам Ганнибал был любимым сыном князя. Братья, завидуя ему, коварно продали его в рабство туркам...

Пушкин взглянул на Натали, чтобы удостовериться, что слушает она внимательно. –...поступили они как сыновья библейского Иакова, продавшие брата Иосифа египтянам. Сестра прадеда, не выдержав разлуки с братом, бросилась в море. Абрама привезли в порт Аркико, затем уже переправили в Константинополь. Ну, а там граф Толстой, посол российский, перекупил мальчишку и отправил в подарок самодержцу Петру Великому. У Ганнибалов, предков моих по матери, бытовала легенда, что брат Абрама добрался до Петербурга с дарами – ценным оружием и рукописью, удостоверяющую княжеское происхождение Абрама Ганнибала. Но Пётр Первый запретил способному отроку вернуться на родину предков...

Наталья Николаевна вдруг вспомнила, что как-то летом отдыхали они в Царском селе у вдовы Китаевой. Александр сочинял, лежа на диване среди рукописей и книг. Одежды на нём не было, и он сказал удивленному посетителю: "Жара стоит как в Африке, а у нас там ходят в таких костюмах".

Но уже через мгновение она внимала голосу мужа. –...князья тамошние в родстве с абиссинскими негусами или, по- нашему, императорами арапов. А чёрные негусы – прямые потомки славного царя Соломона из рода иудейского. О, это весьма любопытная история! Царь Соломон встретился с царицей Савской. А сын их – плод страстной любви – стал правителем Абиссинии, положив начало императорской династии. Уразумела, Натали? Так что я, – Пушкин вздёрнул подбородок, – далекий потомок великого Соломона и желаю, чтобы на посмертном моём памятнике красовался древний иудейский знак. Ше-

стиконечные звёзды должны быть и на могилах Абрама Ганнибала и его сына Осипа, если, конечно, сохранились.

Пушкин протянул жене лист с рисунком памятника и проставленными размерами: – Спрячь и сохрани. Памятник сделаешь, как я пожелал. Такова моя воля. Не плачь и успокойся.

В январе 1837 года Пушкин стрелялся на дуэли с Дантесом. Смертельно раненый, он скончался через два дня. Его желание быть похороненным в Святых горах исполнилось. По указанию царя в последний путь поэта провожал его старый друг Тургенев в сопровождении жандармского капитана. Верный слуга Никита сопровождал своего барина, стоя на дрогах.

Промерзлая земля противилась лопатам мужиков... Над последним пристанищем поэта установили простой деревянный крест.

***

В кабинет вошёл жандарм и доложил, что просит принять Наталья Николаевна Пушкина. Начальник Третьего отделения граф Александр Христофорович Бенкендорф не мог скрыть удивления. – Проси.

Вдову поэта, скромно одетую с преобладанием тёмных тонов, Бенкендорф встретил в середине кабинета, вежливо предложил сесть. – Чем обязан, голубушка Наталья Николаевна?

– Граф, выполняя желание моего покойного мужа, я пробыла с детьми год и восемь месяцев в деревне. (Бенкендорф был осведомлен, что Пушкин перед кончиной приказал молодой жене удалиться в деревню на два года). Я собрала необходимые средства и хочу установить на могиле супруга памятник.

Бенкендорф равнодушно пожал плечами:

– Закон не запрещает сооружать на могилах дуэлянтов памятники. Устанавливайте.

Натали чуть помолчала, не решаясь вымолвить то, ради чего она пришла на приём к могущественному начальнику Третьего отделения.

– Видите ли, Александр Христофорович, незадолго до кончины муж просил меня выполнить памятник... по его рисунку.

– По его рисунку? – переспросил Бенкендорф. – И что же вас смущает, Наталья Николаевна?

Женщина помолчала, но собралась с духом:

– Взгляните, Александр Христофорович, – и протянула графу рисунок.

Бенкендорф надел очки, всмотрелся в чертёж памятника.

– Не вижу ничего предосудительного, требующего моего разрешения.

– А вы всмотритесь внимательнее, граф. В венке – иудейский знак, шестиконечная звезда.

И Пушкина рассказала Бенкендорфу о состоявшемся разговоре с мужем. Пораженный Бенкендорф осмысливал услышанное.

– Госпожа Пушкина, оставьте мне на некоторый срок сей рисунок. Я должен подумать.

***

Зимний был заполнен скрытой от посторонних глаз напряжённой дворцовой жизнью. Интриги, приёмы, подковерные схватки, любовные приключения и, конечно, роскошные балы. Фрейлины и камергеры задавали ритм этой непрерывной круговерти. Но государственные дела отвлекали августейших особ от каждодневных удовольствий.

...Стоя навытяжку, Бенкендорф докладывал Николаю Первому о событиях, происшедших за минувшую неделю. Рутинная обязанность, но царь слушал внимательно.

– Хотите что-то дополнить к сказанному, Александр Христофорович? – император, устав, откинулся на высокую спинку кресла, прикрыл ладонью зевок.

– Есть проблема, ваше величество, решать которую я не уполномочен.

– Докладывайте, граф.

Бенкендорф понимал, что разговор предстоит щепетильный и тщательно обдумывал каждое слово.

– Пожаловала ко мне на приём Наталья Николаевна Пушкина. – Бенкендорф заметил, что при упоминании имени этой женщины что-то мелькнуло в глазах императора. – Просила разрешить установку обелиска на могиле мужа. Рисунок памятника Пушкин вычертил загодя сам.

– И вы разрешили, граф?

– Никак нет, ваше величество. Покойный считал себя со стороны матери потомком царя Соломона и велел жене выполнить на памятнике древний иудейский знак – шестиконечную звезду.

– Что?! – Николай Первый встал, отшвырнул кресло. – Я этих жи... евреев держу в черте оседлости, а тут, извольте, в центре России будет красоваться иудейский знак! Пусть установит другой памятник в духе наших христианских обычаев!

– Предлагал, ваше величество, отказывается.

– Вот как! Повременим, граф, с разрешением.

Прошло полгода, и Бенкендорф, как бы невзначай, обратился к царю:

– Ваше величество, вновь приходила Наталья Николаевна Пушкина. Плакала, ждёт разрешения на установку памятника.

– Эх, Пушкин, Пушкин! Жил с озорством, не ведал благоразумия и на погибель пошел бездумно.

– Удачно выразился Булгарин, ваше величество: "Жаль поэта – и великая, а человек он был дрянной. Корчил Байрона, а пропал как заяц".

– Булгарин? – у императора поползла вверх бровь.

– Фаддей Булгарин, издатель, ваше величество. Сотрудничает с властями.

Император заложил руку за спину, прошёлся по кабинету. Покрутил головой, воротник мундира жал шею.

– Два года, как нет Пушкина, а всё ещё приходится решать его головоломки. Ваше мнение, граф?

– Негоже дворянину, ваше величество, быть погребённым под простым деревянным крестом. Пойдут пересуды, кривотолки.

Ногтем мизинца император почесал кончик носа.

– Ну, что же Александр Христофорович, придётся дать вдове Пушкина разрешение. Но внесём некоторые изменения. Звезду шестиконечную уменьшим, чтобы не была различима издалека. А над ней следует закрепить металлический христианский крест. Так и передайте госпоже Пушкиной. Утешьте её.

– Будет исполнено, ваше величество.

***

В 1840 году на могиле Пушкина был установлен памятник. Издалека виден лавровый венок, а над ним – закреплённый на грани обелиска металлический крест. Но если подойти поближе, в венке чётко просматривается шестиконечная звезда, а на постаменте надпись:

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

Родился в Москве 26 мая 1799 года

Скончался в С.Петербурге 29 января 1937 года

А за обелиском, оттеняя его белизну, шумят листвой протянувшиеся зелёной стеной деревья.

*ОТ РЕДАКЦИИ. По мнению некоторых историков, встречающаяся иногда на православных могилах и культовых сооружениях XIX века шестиконечная звезда на самом деле символизирует звезду Вифлеемскую… Шестиконечные звёзды можно обнаружить также на памятнике Некрасову, в центре креста на куполе Свято-Троицкого собора в Петербурге и иных "неожиданных" местах. (Из Интернета: «Почему на могиле А.С.Пушкина нашлось место и кресту, и магендавиду»).

Бачинин В.А. Христианское мышление А.Пушкина

…Поэт положил начало художественно-философскому осмыслению многих масштабных религиозно-нравственных идей и художественно-эстетических проблем. Русский поэт и мыслитель Даниил Андреев указывал на такие из них, как: а) демоническая природа абсолютистского, неправового государства вместе с путями и способами её разоблачения; б) идея неприятия власти, основанной на имморальных началах; в) идея непрощаемости преступлений, совершенных верховной властью ("Борис Годунов"); г) идея неразрешимости противоречий между личностью и государством, между <маленьким человеком> и демонизированными законами жестокого мира ("Медный всадник"). Все эти идеи и образы подготавливали почву для будущих концептуальных выводов социально-философского характера о приоритете нравственности над политикой и государственностью, о необходимости единства морали и права.

Пушкин первым в русской культуре поставил вопрос о художнике как вестнике, свидетельствующем о бытии высшей реальности ("Пророк", "Пока не требует поэта"). Именно русские вестники взяли на себя духовный труд по прокладыванию пути к преобразованию государства во всечеловеческое братство. Православная церковь оказалась неспособна к этому, поскольку восприняла от Византии узость культурного мышления. Нужна была новая сила, и ею в России стало искусство. Начиная с Пушкина, оно обнаружило способность развивать у людей потребность во всечеловеческом единении, порождать отвращение к насилию и ужас перед тиранией. Оно разоблачало агрессивную сущность государства, призывало изживать антагонизмы, стремилось пробуждать чувства социального сострадания и жажду социальной справедливости. Андреев указал также на два цикла идей, ставших для Пушкина предметом художественно-философского осмысления: 1) природа как радостно-чувственнное, а не греховное начало; 2) Вечная Женственность как трансцендентное, космическое первоначало ("Рыцарь бедный" и образ Татьяны в "Евгении Онегине").

Религиозная жизнь самого Пушкина не была простой. Его творчество свидетельствует о сложнейших духовных коллизиях, пережитых и осмысленных им. Российский философ С.Л.Франк указал в своей работе "Религиозность Пушкина" на три основные тенденции творчества поэта. Первая – это склонность к трагическому жизнеощущению. Вторая – религиозное восприятие красоты и художественного творчества. И третья – скрытая от поверхностного взгляда духовная умудренность. Но это не всё, поскольку есть основания говорить ещё об

одной линии, которая отчётливо просматривается в творчестве поэта. Она связана с внутренней борьбой его сердца и ума с искушениями скепсиса и безверия…

Пушкину принадлежит фраза: "Не допускать существования Бога – значит быть ещё более глупым, чем те народы, которые думают, что мир покоится на носороге". В мае 1817 г. на выпускном лицейском экзамене по русской словесности 17-летний поэт прочитал своё стихотворение "Безверие". В нём он нарисовал портрет человека, одержимого духом отрицания, мучимого демоном безверия. В глазах Пушкина это не только грешник, но и несчастное существо, заслуживающее снисхождения…

Расплата за безверие тяжела и сокрушительна. Это увядание и иссыхание души, томимой ужасной пустотой и становящейся "отвязанной" и "померкшей". Это печальный взор и глубокое унынье, от которого не спасают развлечения. Это неспособность любоваться красотами Божьего мира...

Опустошённое сердце страдает от безверия: "Ум ищет Божества, а сердце не находит". Несчастье того одиночества, в котором оказывается человек, с особой отчётливостью обнаруживается, когда он входит в храм. Тоска его души там не утихает, а напротив, возрастает…

Эти строки нельзя назвать автопортретом. Но, без сомнения, отдельные впечатления, связанные с присутствием внутри него духа отрицания, демона мрачного безверия, были уже знакомы юноше. Об этом свидетельствует стихотворение "Демон", написанное осенью 1823 г. В нём Пушкин обращает внутренний взор в дни первоначальной, лицейской юности и признаётся, что дух отрицания слишком часто одолевал его.

Эти встречи не приносили поэту ни радости, ни творческих открытий. Они сопровождались борьбой. Бес прилагал, казалось бы, все силы, чтобы отравить юную душу…

Бес отрицания, вероятно, причинил бы ему немало зла, не обладай сам поэт творческим даром, не будь ему знакомы божественные восторги вдохновения, не познай он тех состояний, когда его душа уносилась ввысь. Бог хранил юную душу, оберегал её от опасной отравы и распада. Духу отрицания не удалось перебороть творческий дух поэта, чей божественный поэтический дар стал противоядием, обезвреживающим демона безверия.

Не произвели на Пушкина особого воздействия и те уроки философского атеизма, которые ему довелось брать в Одессе у англичани-

на Гетчинсона. Да и вряд ли эти "уроки" были чем-то серьёзным, поскольку сам Гетчинсон, вернувшись в Лондон, стал там пастором.

О неприменимости к Пушкину определения "атеиста" ни в один из периодов его жизни говорит факт, содержащийся в "Записках" А.О.Смирновой, фрейлины императрицы, бывшей в дружеских отношениях с поэтом. Однажды она сказала ему, что ходят упорные слухи о его неверии. Пушкин в ответ расхохотался и сказал: "Разве они считают меня совершенным кретином?"

В другой раз, в разговоре об атеистах, услышав от Жуковского, что между ними много фанатиков, Пушкин сказал насмешливо: "Я часто задаюсь вопросом, чего они кипятятся, говоря о Боге? Они яростно воюют против Него и в то же время не верят в Него. Мне кажется, что они даром теряют силы, направляя удары против того, что, по их же мнению, не существует".

И всё же тема искушений, сомнений, ропота на Бога весьма занимала поэта. В 25-летнем возрасте он создаёт цикл из девяти стихотворений под общим названием "Подражание Корану". Последнее, девятое стихотворение построено на антитезе двух жизненных позиций. Начинается оно с человеческого ропота на Бога и завершается "святыми восторгами", прославлением Творца. Между ними – наказание, которое Бог послал незадачливому путнику…

Пушкин отчётливо сознавал, что соблазны безверия исходят от врага рода человеческого. Поэт был далёк от того, чтобы представлять его в виде рогатого и хвостатого чудовища. Однажды он заметил: "Я верю Библии во всём, что касается сатаны: в стихах о падшем духе, прекрасном и коварном, заключается великая философская истина. Безобразие никого не искусило, и нас оно не очаровывает"…

Пушкин, при всей полновесности его духовно-христианской жизни, был чрезвычайно суеверен. Подобно простому крестьянину, он верил в приметы, спасительную силу талисманов, вещие сны, предсказания гадалок. В юности гадалка ему нагадала, что он обретёт славу, доживёт до 37 лет и погибнет от белой головы. С того времени он боялся общаться с блондинами, всячески избегал их. Его ужас перед ними обретал временами комические формы. Но самое любопытное во всём этом то, что он действительно погиб от руки блондина, каковым был Дантес.

Объяснить этот феномен можно, лишь помня о таком характерном для русской религиозной жизни явлении, как двоеверие. Оно заключалось в раздвоенности религиозного сознания между христианской верой и сохраняющейся в глубинах народной жизни привержен-

ностью язычеству. Древнеславянские верования продолжали сохраняться в народе и были чрезвычайно глубоко укоренены во всём укладе крестьянской жизни.

Следует помнить, что со времён Древней Руси христианство достаточно долго оставалось для народного сознания чужеродным фактором, не вписывавшимся в круг привычных языческих представлений древних русичей. Византийское православие встретило со стороны язычества скрытое сопротивление. Оно вынуждено было бороться с ним двумя способами – прямым, открытым противодействием "басурманству" и поиском путей растворения языческих верований в контексте христианской религиозной жизни. Русский мыслитель-богослов Г.В.Флоровский утверждал, что взаимодействие двух социокультурных комплексов привело к утверждению двух культур – "дневной" (христианской, официально признанной) и "ночной" (подспудной, таящей в себе языческие суеверия, коренящейся в глубинах народного сознания).

Для Пушкина подобная раздвоенность его религиозной жизни была повседневной реальностью. Он нёс в себе оба эти начала – "дневное" и "ночное". Не известно, призывал ли он Иисуса Христа для того, чтобы он защитил его от тёмных соблазнов языческих суеверий. Можно предположить, что даже если он и пытался это делать, то его молитвенный труд в этом направлении был, очевидно, недостаточен для того, чтобы обрести свободу от страха и защиту от тёмных сил. Впрочем, здесь, в этой области предположений невозможны категоричные утверждения. Тем более, что как поэт, Пушкин успел описать то, что Бог поведал ему касательно его будущей кончины…

Отношение Пушкина к Богу было предельно серьёзным. Поэт был убеждён в том, что человек нашёл Бога именно потому, что Он существует. Ибо нельзя найти то, чего нет. Об этом серьёзном отношении свидетельствуют многие произведения поэта. Так, ему принадлежит одно из лучших в русской литературе поэтических переложений евангельской молитвы "Отче наш"...

Ярким свидетельством того, сколь глубока и интенсивна была внутренняя жизнь Пушкина-христианина, говорит его стихотворение "Молитва" (1836). В нём он писал о том, насколько ему близка и им любима молитва св. Ефрема Сирина: "Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения

и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь" (Молитвослов, 113)…

Содержание стихотворной миниатюры "Десятая заповедь" (1821) перекликается с коллизией царя Давида, соблазнившегося красотой Вирсавии. Поэт умоляет Бога, запрещающего желать жены ближнего своего, простить его за нескромные желания. При этом он уверяет, что все остальные заповеди он ревностно исполняет. И это требование он тоже пытается не нарушать, оставив за собой право тихо и смиренно страдать…

Пушкин, по его собственному признанию, прочитал Библию "от доски до доски". Он постоянно обращался к её тексту и хорошо знал его содержание. Священное Писание являлось его настольной книгой, и у него было намерение регулярно читать его своим детям, когда те подрастут. В этом отношении он считал достойным подражания подобный обычай, существующий в протестантских семьях.

Однажды в диалоге Пушкина с философом А.С.Хомяковым последний заявил, что в Библии есть "вещи неприличные и бесполезные для детей". Пушкин горячо возразил: "Какое заблуждение! Для чистых всё чисто; невинное воображение ребёнка никогда не загрязняется, потому что оно чисто: Поэзия Библии особенно доступна чистому воображению. Передавать этот удивительный текст пошлым современным языком – это кощунство даже относительно эстетики, вкуса и здравого смысла. Мои дети будут читать Библию в подлиннике". Хомяков, знавший, что большинство образованных аристократов, в том числе и сам Пушкин, большей частью читают Библию на французском языке, задал уточняющий вопрос: "По славянски?" Пушкин подтвердил: "По славянски! Я сам обучу их".

Подобное желание исходило из глубины его сердца. Поэт не понаслышке знал о целительной силе Божьего Слова. Однажды во время чтения книги Сильвия Пеллико "Об обязанностях человека", он записал такие слова: "Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применимо ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира: из коей нельзя повторить ни единаго выражения, котораго не знали бы наизусть, которое не было бы уже пословицей народов; она не заключает уже для нас ничего неизвестнаго, но книга сия называется Евангелием и таковая ея вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удручённые унынием, случайно откроем её, то уже не в силах противиться ея сладостному увлечению и погружаемся духом в ея божественное красноречие".

Библия привлекала Пушкина и как богатейший источник духовной пищи и творческого вдохновения. Одним из ярких свидетельств этого служит стихотворение "Пророк" (1826).

Непосредственным толчком к его созданию послужила поездка поэта в Святогорский монастырь с целью отслужить панихиду по Петру Великому. Когда служка попросил его подождать в келье и Пушкин остался один, то увидел на столе Библию. Взглянув на открытую страницу, он понял, что это Книга Пророка Исайи и успел прочесть отрывок из неё. В нём пророк Исайя говорит о том, как ему привиделись шестикрылые Серафимы, стоящие вокруг престола Господа и славящие Его. "И сказал я: горе мне! погиб я! Ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа. Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих, и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твоё удалено от тебя, и грех твой очищен. И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдёт для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня" (Ис. 6, 5 - 8). Прочитанные строки так поразили поэта, что несколько дней, по его собственному признанию, буквально преследовали его. И так продолжалось то того момента, пока однажды ночью он не встал и не написал по мотивам этого библейского отрывка своё стихотворение.

…Здесь имеет место не просто поэтический пересказ библейского стиха о превращении обычного человека в пророка. Без сомнения, поэт увидел в образе пророка родственные черты. Смысл священного текста пересекался со смыслом его собственной жизни, и это придавало стихотворению способность существовать в двух измерениях – библейском и современном, всеобщем и сугубо личном. Библейские мотивы постоянно звучат в пушкинских стихотворениях. И это не заимствования, а нечто совершенно иное, играющее роль опорных пунктов для творческого духа поэта, питающее его дар, позволяющее его вдохновению возноситься на невиданную высоту. Обычные переживания и размышления, взятые в их сопоставлении с библейскими истинами, обретают возвышенный религиозный смысл, превращаются из эпизодов частной жизни частного человека в общечеловеческие мысли и чувства, близкие всем и каждому.

Социально-политические и морально-правовые воззрения

Политическое мышление Пушкина пробудилось достаточно рано. Одна из причин этого – события 1812-1815 гг., связанные с вторжением наполеоновских войск в России и с последующим походом русской

армии в Европу. В сознании юного поэта западные либеральные идеи легко превращались в вольнолюбивые мечты о конституционной монархии и об освобождении крестьян. Это видно на примере стихотворений "Деревня" (1819), "Вольность" (1819).

В "Исторических замечаниях" (1822) предметом размышлений Пушкина стала судьба российского государства и её зависимость от масштабов личностей правителей империи. Он сопоставил гигантскую личность Петра Великого с его преемниками и пришёл к выводу, что Россия, получив мощный импульс для своего развития в начале XVIII в., на протяжении целого ряда последующих десятилетий двигалась вперёд лишь по инерции.

Преклоняясь перед государственным гением Петра, Пушкин, однако, и в его деятельности различал глубокие противоречия. Замышляя создание "Истории Петра Великого", он писал: "Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его Указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или, по крайней мере, для будущего – вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика". Другое противоречие в личности Петра, отмечаемое Пушкиным, заключалось в парадоксальном соседстве традиционной самодержавности с реформаторством, переходящим в почти революционность. Петра он назвал "одновременно Робеспьером и Наполеоном – воплощенной революцией".

Изучение во время работы над "Борисом Годуновым" истории Смутного времени заставило Пушкина укрепиться в мысли, что для России и русского народа монархия представляет собой фундаментальное основание всей социально-политической жизни. И хотя для него были неприемлемы жёсткие, противоправные методы самодержавного деспотизма, альтернативу ему он усматривал не в республиканстве и демократизме, но в умеренном конституционализме, имеющем вид конституционной монархии. Пушкин не принял тех политических идей, которыми руководствовались его друзья-декабристы. Впоследствии в подготовительных набросках 10-й главы "Евгения Онегина" он дал нелицеприятную характеристику их позиции, в которой, по мнению поэта, не доставало должной политической, нравственной, духовной основательности…

В письме к П.А.Вяземскому в июне 1826 г. поэт заявлял с предельной прямотой: "Бунт и революция мне никогда не нравились". Чуть ранее он высказался почти так же, как апостолы Павел и Петр,

призывавшие со смирением относиться к тем, кто стоит у власти. В феврале 1826 г. в письме к А.А.Дельвигу он писал, что "желал бы вполне и искренно примириться с правительством". Для Пушкина, аристократа по происхождению и духу, демократия была не приемлема. Он отвергал её не потому, что не верил в разумность народа и его представителей. Его отталкивало от неё трезвое понимание действительной политической реальности, отчётливое представление того, что путь к демократии пролегает через свержение монархии, т.е. через революцию с её бесчисленными кровавыми жертвами.

По складу своего политического сознания Пушкин не был ни нигилистом, ни максималистом, ни радикалом. Он был, скорее, умеренным консерватором. С.Л.Франк так писал об этом: "Консерватизм Пушкина слагается из трёх основных моментов: из убеждения, что историю творят – и потому государством должны править – не "все", не средние люди или масса, а избранные, вожди, великие люди, из тонкого чувства исторической традиции, как основы политической жизни, и, наконец, из забот о мирной непрерывности политического развития и из отвращения к насильственным переворотам. Как Пушкин в своей поэзии всегда прославляет гения и презирает "чернь", толпу, господствующее общее обывательское мнение, так он проповедует эту же веру в своих политических размышлениях" (Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 240).

Пушкин обладал политическим сознанием патриота- государственника. Его в огромной степени занимала судьба российской государственности, интересовали те формы отношения к ней, которые были характерны для русского национального, патриотического сознания. Своё собственное отношение поэт обозначил с предельной отчётливостью в письме к П.Я.Чаадаеву, посланному в октябре 1836 г.: "Я далёк от восхищения всем, что я вижу вокруг себя; как писатель, я огорчён, как человек с предрассудками, я оскорблен; но клянусь вам честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, ни иметь другой истории, чем история наших предков, как её послал нам Бог"…

У Пушкина не было иллюзий относительно присущего россиянам уровня развитости их индивидуального и общественного правосознания. Об этом он писал П.Я.Чаадаеву в октябре 1836 г., сетуя, что в российском обществе "господствует равнодушие к долгу, справедливости, праву, истине: циническое презрение к мысли и достоинству человека". При этом степень развитости его собственного правового сознания была весьма значительна, о чём свидетельствуют личные

притязания поэта, его политические пристрастия и морально-правовые воззрения. С.Л.Франк отмечал, что Пушкину было присуще "требование личной независимости и свободы культурного и духовного творчества – принципы, которые в буквальном смысле можно назвать "либеральными". Принцип духовной независимости личности, невмешательства государства в сферу духовной культуры психологически ближайшим образом вырастает у Пушкина из личного опыта гениальной творческой натуры, всю жизнь страдавшей от непризванной опеки государственной власти" (Франк С.Л. Указ. соч. С. 242).

Теме прав творческой личности Пушкин посвятил стихотворение "Из Пиндемонте", которое можно рассматривать как поэтическую декларацию прав человека. В ней поэт говорит, что для него наибольшую ценность представляет духовная свобода личности. Важно, чтобы ни в частной, ни в творческой жизни, индивидуальный дух не теснили грубые внешние силы. Именно в свободе ("самостоянье") заключен залог человеческого достоинства и даже величия. Пушкин ясно различал смыслы понятий службы и холопства. Ему была близка позиция другого русского гения, М.В.Ломоносова, чьи слова он охотно воспроизвел в дневниковой записи от 10 мая 1834 г.: "Я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у Царя Небесного".

В глазах Пушкина социальным основанием, непосредственным носителем идеи свободы выступала родовая русская аристократия – дворянство. Никакому другому сословию не близки в той же степени идеи личной независимости, достоинства и чести, передающиеся семейным воспитанием, всем строем духовно-практической жизни русского дворянства: "Наследственность дворянства, – писал поэт, – есть гарантия его независимости. Противоположное есть необходимое средство тирании, или, точнее, бесчестного и развращающего деспотизма".

Неприязненное отношение Пушкина к демократии проистекало из-за того, что в ней он видел силу, грозящую сокрушить самое ценное из того, чем располагала Россия, что она накопила в процессе исторического развития – родовое дворянство. Он не одобрял введённую Петром I "Табель о рангах", которая, по его словам, "выметает дворянство", открыв перед низшими социальными слоями возможность проникать во дворянство через продвижение по ступеням государственной службы. Поэт ратовал за установление барьеров "против наводнения демократии, худшей, чем в Америке" ("О дворянстве", 1836). Препятствием для проникновения губительной уравнительно-

сти должен служить монархический строй. Он не должен в угоду "якобинству" ставить под удар главного носителя независимой культуры, потакать низшим слоям населения и позволять им теснить высшие классы. В противном случае это может обернуться ослабление культурного потенциала дворянства, снижением его духовной роли в российской истории.

По мнению Франка, многие из социально-политических высказываний Пушкина имели пророческое значение: В XX веке философ имел возможность для горьких констатаций: "Простая историческая объективность требует признания, что понижение уровня русской культуры шло рука об руку с тем "демократическим наводнением", которое усматривал Пушкин, и которое стало для всех явным фактом, начиная с шестидесятых годов – с момента проникновения в общественно-государственную жизнь "разночинцев" – представителей полуобразованных и необразованных классов" (Франк С.Л. Указ. соч. С. 242).

Фрагменты и осколки

Б.А.Трубецкой. Пушкин в Молдавии

."Генерал М.Ф.Орлов и поэт-декабрист В.Ф.Раевский занимают видное место в биографии (т.е. жизни. – И.С.) Пушкина в период его пребывания в Молдавии. "Когда будет написана биография Пушкина, – указывает Гершензон, – Раевскому и Орлову будет отведено в ней видное место"[69]. В первом случае "биография" означает "жизнь", существование (может быть и обратное соотношение, например, "Жизнь Арсеньева", конечно же, и биография тоже). Во втором же предложении под "биографией" имеется в виду "жизнеописание", или история жизни личности (как литературный жанр). Эти понятия тесно связаны и, пожалуй, неразделимы.

"Горячо симпатизируя греческим повстанцам, Пушкин даже хотел лично (как впоследствии английский поэт Байрон) принять участие в военных действиях. Он познакомился с братьями Ипсиланти, Георгием Кантакузиным и другими видными греческими деятелями. <...> В письме (предположительно – к В.Л.Давыдову) Пушкин пишет: "Уведомляю тебя о происшествиях, которые будут иметь последствия важные не только для нашего края, но и для всей Европы. Греция восстала и провозгласила свою свободу" (69, с. 140).

"Главным положительным героем декабристской литературы становится гордый, свободолюбивый гражданин-патриот, для которого

[69]Трубецкой Б.А. Пушкин в Молдавии. - Кишинёв, 1983. - С. 97.

нет ничего выше интересов Родины, народа и который считает величайшим счастьем и смыслом жизни борьбу против тирании, за свободу и просвещение" (69, с. 211).

В письме П.А.Вяземскому, от 6 февраля 1823 года из Кишинёва, Пушкин с горечью замечает: "Стыдно, что благороднейший класс народа, класс мыслящий как бы то ни было, подвержен самовольной расправе трусливого дурака. <...> дайте нам цензуру строгую, согласен, но не бессмысленную" [ПСС, т. 10, 55]. "Ни один из русских писателей не притеснён более моего" [ПСС, т. 10, 554], – писал Пушкин в письме к Бенкендорфу от 23 октября 1835 года. О притеснениях цензуры Пушкин писал позже и Д.В.Давыдову, в августе 1836 года. "Не знаю, чем провинились русские писатели, которые не только смирны, но даже сами от себя согласны с духом правительства. Но знаю, что никогда не бывали они притеснены, как нынче: даже и в последнее пятилетие царствования покойного императора, когда вся литература сделалась рукописною благодаря Красовскому и Бирукову" [Пушкин. ПСС, т. 10, с. 594]; (69, с. 281).

В.В.Огарков. Воронцовы. Биографические очерки

"Частым и дорогим гостем у Воронцова в Одессе сначала бывал и Пушкин – весёлый молодой поэт, любивший подурачиться, покутить и поухаживать. Это был ещё свежий душой Пушкин – не тот, каким мы его видим впоследствии в Петербурге, где ему теснил широкие плечи камерюнкерский мундир и где светлые часы вдохновения омрачала пошлая клевета. Но к своей живости, к своим гениальным способностям Пушкин в Одессе присоединил уже чрезмерное самолюбие и никому не давал спуска, будь то даже сам Воронцов. Эта черта – благородно стоять за права своей личности – вследствие горячности Пушкина переходила иногда границы. Говоря здесь о столкновении поэта с графом, обратим, кстати, внимание на то, как в то время глубоко проникала в общество идея о кастовых различиях. Пушкин, даже сам гениальный Пушкин, не мог отделаться от неё; к правам своим на уважение как поэта – звание, разумеется, более почётное в глазах истинно просвещённых людей, нежели счастие быть потомком даже королей, – он примешивает идеи о своём потомственном дворянстве; а, как известно, название "сочинителя" Пушкин совсем не выносил. Известны письма поэта после ссоры с Воронцовым.

В одном из них он, характеризуя графа жёсткими и во многом несправедливыми словами, говорит: "Он видит во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думал о себе что-то другое". Гордые слова, в которых уже сквозит сознание грядущей славы. Не менее благородно звучит и следующее место из другого письма: "Воронцов воображает,

что русский поэт явится в его передней с посвящением или одой, а тот является с требованием на уважение". Но является уже не только как поэт, но как поэт-дворянин, генеалогию которого можно считать не менее как 600 лет"[70].

В конце концов, важно представить в целом, что же складывается в итоге из отобранных фрагментов пушкинианы и потому останется в предложенной нами конструкции материалов к биографии. Тем не менее, полезней было бы обозначить, что же мы опустили и чего мы не касались, сознательно и вынужденно, и потому в нашем тексте того нет, естественно? Мы вовсе и не собирались писать новую биографию писателя. В моём прочтении жизни Пушкина сделаны общие акценты, существенные для меня и как мне кажется. Нельзя строго и однозначно описать человеческую жизнь, конечно, можно сочинить и додумать что-то в ней и за неё, вероятное и похожее на действительность. В большей мере меня интересовали не столько биографические сведения, сколько чужие мысли, мнения, объяснения, отношения и мотивировки как вариации жизнеописания.

А.С.Пушкин: путь к православию.

– М.: Отчий дом, 1996.

"С сожалением отметим, что в послереволюционной России никакие "академические группы" не ставили, да и не могли себе ставить целью исследовать духовный мир Пушкина. Этим разве что занимались одиночки, без расчёта на публикацию". Однако именно тогда, после революции, "появились серьёзные исследования в Харбине, Париже, Праге, Белграде, во многих других местах, где нашли себе приют авторы исследований – беженцы из большевистской России. В отрыве от Родины они по-новому прочли Пушкина, и классовый подход к истолкованию его творений для них стал неприемлем. Тогда же проф. К.Зайцев* (см. с. 128), впоследствии архимандрит и известный публицист, в статье "Религиозная проблема Пушкина" пришёл к выводу: "Духовным здоровьем дышит поэтическое творчество Пушкина. Назовите другого писателя, чтение которого доставило бы такую умиротворяющую и возвышенную радость, навевало бы такое душевное спокойствие, и это несмотря на то, что ставит оно вопросы иногда предельно трудные и остро волнующие" (Россия и Пушкин. 1837-1937. Харбин, издание Русской академической группы, 1937, с.45. См. также: Зайцев, Кирилл Иосифович. Религиозная проблема Пушкина).

[70]Пётр Великий. Меншиков. Воронцовы. Дашкова. Сперанский. - СПб., 1995. - (ЖЗЛ); Петров С.М. А.С.Пушкин. Очерк жизни и творчества. - М., 1973.

Религиозное сознание в облике Пушкина, по выражению В.А. Жуковского, гениального "учителя России", как и – шире – проблема русского национального самосознания, естественно, что уже в наши дни восполняется сводом религиозных представлений о творчестве Пушкина, оставленных нам богословами и богоискателями оттуда, из эмиграции.

И.М.Андреев. А.С.Пушкин

(Основные особенности личности и творчества поэта)

«Чувство "дружбы" было особенно развито у Пушкина; оно как бы компенсировало ему недостаток родительской любви и ласки в прошлом. В Лицее у него было много друзей: Пущин, про которого он позднее написал "Мой первый друг, мой друг бесценный"; Дельвиг, про которого после его смерти Пушкин писал Плетневу: "Никто на свете не был мне ближе Дельвига"; Кюхельбекер – поэт, с которым так смело и трогательно Пушкин обнялся, когда встретил его, перевозимого из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую; Илличевский – тоже поэт; Малиновский, с которым Пушкин поклялся быть в вечной дружбе и которого трогательно вспомнил перед кончиной; Матюшкин, ставший моряком и под конец жизни бывший контрадмиралом и сенатором, которому посвятил несколько тёплых строк Пушкин в своем стихотворении "19 октября 1825 г."; Вольховский – первый ученик, окончивший с большой золотой медалью, пленивший Пушкина своей спартанской воздержанностью и строгостью к себе; Яковлев – талантливый сочинитель романсов на слова Пушкина и Дельвига; Данзас – впоследствии секундант Пушкина на последней дуэли; Корсаков; Горчаков, с которым, правда, дружба была лишь в стенах Лицея. 19 октября – день открытия Лицея – всегда торжественно праздновался; по окончании Лицея лицеисты обычно собирались ежегодно в этот день. Пушкин посвятил этому дню несколько стихотворений: в 1825, 1827, 1828, 1831 и 1836 гг.

Начитанность Пушкина при поступлении в Лицей была поразительная. В Лицее он продолжал так же много и жадно читать и за 6 лет учения, к концу курса, основательно ознакомился с историей литератур: античной, всеобщей (особенно французской) и русской (как XVIII века, так и начала XIX). Лицей был строго закрытое, с интернатом, учебное заведение, но в старших классах дисциплина значительно ослаблялась и лицеисты пользовались большей свободой в общении с внешним миром. 19 октября 1814 года в Царском Селе расположился прибывший из Парижа лейб-гвардии гусарский полк, среди офицеров которого позднее оказались такие культурные и образованные люди,

как Чаадаев, Каверин, Николай Раевский-младший, с которыми в 1816 году познакомился и подружился Пушкин.

Искренность, откровенность, прямодушие, непосредственность, честность и смелость натуры Пушкина привели к тому, что почти все поэтическое творчество лицейского периода превратилось в лирическую декларацию о своих недостатках и пороках. Анакреонтический дух этой лицейской лирики был обусловлен психологией творчества юного поэта, пожинавшего сладкие на вкус, но горькие по существу плоды порочной наследственности и порочного семейного воспитания. Только этими последними влияниями и можно объяснить наличие в лицейской лирике непристойных стихов: "К Наталье", "Монах", "Тень Фонвизина" и "Тень Баркова".

Несомненно, что в душе Пушкина, наряду с гнездившимися пороками, в глубине глубин его духа притаились и высокие добродетели, и светлые мысли, и чистые чувства, посеянные и тайно выпестованные добрыми влияниями бабушки и няни. Но если своими пороками и недостатками поэт вслух громко и задорно бравировал, то прекрасные ростки своих добродетелей он старался скрыть, бережно и тайно храня их от всех, как святая святых своей души. Эту черту личности Пушкина его известный биограф П.И.Бартенёв глубоко и правильно определил как "юродство поэта". Соглашаясь с этим определением, проф. С.Л.Франк прибавляет от себя: "Несомненно, автобиографическое значение имеет замечание Пушкина о "притворной личине порочности" у Байрона» (Франк С.Л. Религиозность Пушкина // Путь. – 1933. - № 40). Об этом же особенно полно и ясно говорит митрополит Анастасий в своей прекрасной книге – "Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви" (Изд. 2-е. Мюнхен, 1947). "Нельзя преувеличивать, – утверждает митрополит Анастасий, – значение вызывающих антирелигиозных и безнравственных литературных выступлений Пушкина также и потому, что он нарочито надевал на себя иногда личину показного цинизма, чтобы скрыть свои подлинные глубокие душевные переживания, которыми он по какому-то стыдливому целомудренному внутреннему чувству не хотел делиться с другими <...> Казалось, он домогался того, чтобы другие люди думали о нём хуже, чем он есть на самом деле, стремясь скрыть "высокий ум" "под шалости безумной лёгким покрывалом".

У последних трёх авторов* [*архиеп. Никанора Херсонского и Одесского (См. его: Беседа о Пушкине // Душеполезное Чтение, 1899), митроп. Антония (Храповицкого) (См. его: Пушкин как нравственная личность и православный христианин, Белград, 1929) и митроп. Ана-

стасия, первоиер. Русской Зарубежной Церкви (См.: Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви, Мюнхен, 1947; Нравственный облик Пушкина, Джорданвилль, 1949)] даётся целостный, правдивый, правильный, документально точный, убедительный и живой нравственный образ Пушкина как христианина. После чтения работ этих трёх авторов нельзя без чувства нравственного негодования и омерзения знакомиться с недобросовестными "исследованиями", стремящимися изобразить Пушкина атеистом, материалистом, революционером, мечтавшим о коммунизме. Ни один писатель в мире не мог бы так обрушиться на коммунизм со всей мощью своего гениального ума, со всем благороднейшим своим сердцем и со всей своей непреклонной и неподкупной волей, как обрушился бы Пушкин, будь он жив в настоящее время. [Тут сослагательное наклонение! – И.С.]

Период жизни Пушкина с 1818 по 1820 г. – это период "Зелёной лампы". (Название случайное: друзья Пушкина собирались у Никиты Всеволодовича Всеволожского, у которого дома была зелёная лампа.) Всеволожский был сын камергера, богач. Служил вместе с Пушкиным в Коллегии иностранных дел. "Лучший из минутных друзей моей минутной молодости" – так иронически-грустно отзывался о нём впоследствии Пушкин. У Всеволожского собирались для кутежей, попоек, картёжной игры, лёгких бесед, но иногда тут поднимались и политические разговоры, инспирируемые проникавшими на эти собрания членами тайных обществ (С.Трубецкой, Я.Толстой, Ф.Глинка и др.) В жизни Пушкина этот период "Зелёной лампы" был периодом нравственных падений и политических заблуждений. Но чуткая душа поэта нашла в себе силы вылезти из нравственного болота, и символом этой победы явилось стихотворение "Возрождение" (1819).

Пушкин падал, но раскаивался и подымался. Пушкин грешил, но грехов не забывал и мучился при воспоминании о них. Чрезвычайно характерно в этом отношении стихотворение "Воспоминание", написанное в 1828 г. В нём имеются такие покаянные строки: "Воспоминание безмолвно предо мной / Свой длинный развивает свиток; / И, с отвращением читая жизнь мою, / Я трепещу и проклинаю, / И горько жалуюсь, и горько слёзы лью, / Но строк печальных не смываю".

Нет никакого сомнения в том, что в этом стихотворении Пушкин выражает своё мучительное раскаяние в прошлых грехах, хотя имеются в литературе попытки иного толкования, надуманный и натянутый характер которых резко бросается в глаза (см. напр.: Вересаев В.В. В двух планах. М., 1929, с. 126: "Воспоминание" – это не восстание совести, не горькое покаяние человека, стыдящегося ненормальной сво-

ей жизни; это – тоска олимпийского бога, изгнанного за какую-то вину на землю, томящегося тяжкой и тёмной земной жизнью"). Ещё нелепее попытка придать этому стихотворению характер политического раскаяния в своих "грехах" перед революцией (см.: Степанов Н.А. Лирика Пушкина. М., 1959).

Эта свободная независимость личных суждений и оценок чрезвычайно характерна для Пушкина. Пушкин никогда не был и не мог быть партийным, а потому и политические его оценки носили нравственный характер. Смелое прямодушие заставляло его мужественно защищать справедливость, на чьей бы стороне она ни была. (В этом отношении подобен Пушкину был поэт А.К.Толстой – ср. его "Двух станов не боец, но только гость случайный"). Поэтому Пушкиным и возмущались то правые, за стихи "Послание в Сибирь", "К Чаадаеву" и т.п., то левые, когда он воспевал митрополита Филарета или Императора Николая Павловича.

Начался кишиневский период жизни Пушкина. Его можно назвать своего рода повторением периода "Зелёной лампы", причём нравственные падения поэта на этот раз были ещё глубже и страшнее. Но и муки совести были не меньше. Безделье, кутежи, карты, попойки, ссоры, дуэли, увлечения женщинами – вот канва его внешней жизни. А одновременно с этим, в глубине глубин его души шла мучительная внутренняя борьба и зрели творческие силы. Самым огромным грехом этого периода жизни и, можно определённо утверждать, что и самым огромным грехом всей его жизни была кощунственно-циничная поэма "Гавриилиада", написанная в апреле 1821 г., облечённая в изящную форму, что делало грех поэта особенно тяжким. Хотя не имеется ни одной строчки этой поэмы, написанной рукой Пушкина, но имеется собственноручно им написанный план её. Как известно, поэт отрекался от неё всю жизнь. Когда позднее, в 1828 году, было начато по этому поводу следствие и от Пушкина требовали точных сведений о том: когда, где, при каких обстоятельствах, через кого он познакомился с этой поэмой, – поэт попросил разрешения лично, в закрытом конверте, передать письмо самому Государю. После этого, по распоряжению Императора Николая Павловича, дело было прекращено. Не может быть никакого сомнения в том, что Пушкин во всём признался Государю, но искренно и убедительно высказал своё глубокое искреннее раскаяние.

Несколько раз, и будучи в Одессе, и живя в с. Михайловском, он собирался бежать за границу.

Кишиневский и одесский периоды жизни Пушкина не были только периодами его нравственных падений. После падений были периоды раскаяний, а затем и духовные взлёты. Шла борьба. Медленно, со

срывами, но неуклонно рос поэт как личность, а вместе с этим росло и его творчество. Ранняя, ещё с отрочества, привычка к запойному чтению продолжалась и в годы изгнания. Он находил время для чтения и жадно и много читал. К изучению Шекспира Пушкин приступил уже с обширными и глубокими знаниями русской и всемирной истории, огромной начитанностью в области всеобщей литературы и с глубоким интересом к политической философии.

Белинский, как известно, назвал этот роман "энциклопедией русской жизни". На самом деле роман "Евгений Онегин" больше и сложнее, чем энциклопедия, ибо в нём наличествует не механическое соединение событий и лиц, но объединение их в одно органическое целое. <…> Роман в целом – поэтическая автобиография Пушкина.

"Моцарт и Сальери", – пишет академик Овсянико-Куликовский ("Пушкин", СПб., 1909), – вместе с другими "драматическими опытами" Пушкина справедливо причисляются к совершеннейшим созданиям его гения. Трудно представить себе художественное произведение, которое было бы, при меньшем размере, богаче содержанием. Художественная экономия мысли доведена здесь до последних пределов. Но сжатость формы (то, что академик А.А.Потебня называл "сгущением мысли в слове") ничуть не вредит ясности содержания: всё богатство его легко и отчётливо развёртывается в сознании читателя. Это не ребус, который ещё нужно разгадать. Моральная мысль произведения обнаруживается сама собой. Психология зависти, как страсти, исчерпана в монологах и репликах Сальери, а изображение и истолкование натуры гения в лице Моцарта должно быть признано одним из самых удивительных, истинно гениальных откровений Пушкина".

В художественном отношении эта "державная" поэма – лучшая поэма Пушкина. Самые характерные черты пушкинского творчества: сжатость, лапидарность, "сгущение мысли в слове", скульптурность образов, идейная насыщенность, железной уздой воли сдержанная страсть, неисчерпаемый запас лирического потока, трезвость глубокой и ясной мысли, гармония частей и целостная простота единства композиции, – всё это мы находим в чудесной сей поэме. [Речь о "Медном всаднике". – И.С.]

За год до своей смерти Пушкин начал издавать журнал "Современник". Будучи прежде всего поэтом, Пушкин стал выступать и как историк, и как теоретик и историк литературы, и как критик и публицист. Везде мы видим глубокий проницательный ум, доброе сердце и мужественную волю. Письма же Пушкина представляют собою неисчерпаемый материал для понимания его личности как в целом, так и в

деталях обыденной жизни, а вместе с тем и для понимания тончайших нюансов психологии его творчества.

Умная мысль, выраженная в лирической форме, не только запоминается, но и звучит в памяти сердца. Лирика Пушкина всегда глубоко искренна, правдива, мужественна, умна, проста, доступна и понятна каждому, в меру его чуткости и эстетического развития.

Из двух известных теорий искусства – "искусство для искусства" и "утилитарной теории искусства" – Пушкин не разделял ни одной. Его теория искусства (им нигде не сформулированная, но всюду чувствуемая) сводилась к следующему. Поэт должен быть совершенно свободен в своём творчестве. Ему нельзя предъявлять никаких "заказов": ни социальных, ни нравственных, ни религиозных. Но всякий поэт, если он хочет стать настоящим, большим поэтом, – обязан расти и совершенствоваться как религиозно-нравственная личность. И тогда с ним, с его духовным ростом будет расти и совершенствоваться и его творчество. Идеал совершенства – тройственный: Истина, Добро, Красота в их триединстве. Красота без Истины или без Добра – не Красота, а только красивость, только кажущаяся Красота, только обманный люциферианский свет, то есть то, что в православной аскетике называется "прелестью".

Конечно, вся наша работа не может претендовать на исчерпывающую полноту исследования личности и творчества Пушкина, но она и не претендует на неё. Темой нашего следования были только "основные особенности" личности творчества гениального поэта. Такая тема, требуя добросовестной и тщательной документально точной аргументации, позволяет внести и субъективный элемент, поскольку понятие "основная особенность" может трактоваться по-разному, в зависимости от того или иного мировоззрения исследователя".

* К.И.Зайцев (1887-1975) в 1935 году приглашён преподавать на Юридический факультет в Харбин, который тогда покинули профессора, имевшие советское гражданство. В 1935-1936 годах он – ректор Харбинского педагогического института. В 1936-1938 – профессор политэкономии Юридического факультета, опубликовал в местной периодике отдельные части своей работы о земельном строе, написанной в Праге. В этот период, будучи профессором Свято- Владимировского богословского института, "впервые приблизился к церкви". Сотрудничал с японским дипломатическим ведомством в качестве аналитика, однако за протест против принуждения японскими властями православных эмигрантов к поклонению богине Аматерасу выслан в Русскую духовную миссию в Китае. В 1944 году епископом Иоанном (Максимовичем) рукоположен в сан диакона, а 28 августа 1945

года – в сан иерея. Был священнослужителем в Циндао и Шанхае, в последний период жизни в Китае издал там пять книг.

Митроп. Анастасий (Грибановский)

Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви

Если бы можно было разложить наш внутренний мир на его составные части, то в этой сложной психологической ткани мы нашли бы много золотых нитей, вплетённых в неё мощным пушкинским гением, ставшим неотъемлемой частью нашего духовного существа.

Пушкин есть "всечеловек" по преимуществу, как ощутил и определил его в своё время другой великий русский писатель – Достоевский. Однако он плоть от плоти нашей, кость от костей наших; в нём каждый из русских людей невольно опознаёт самого себя, и это только потому, что он воплотил в себе всю Русь, которую возлюбил всем сердцем. Всё, что украшает русскую народную душу – равнодушие к суетным земным благам, тоска по иному, лучшему граду, неутолимая жажда правды, широта сердца, стремящегося обнять весь мир и всех назвать своими братьями, светлое восприятие жизни как прекрасного дара Божия, наслаждение праздником бытия и примирённое, спокойное отношение к смерти, необыкновенная чуткость совести, гармоническая цельность всего нравственного существа, – всё это отразилось и ярко отпечаталось в личности и творчестве Пушкина, как в чистом зеркале нашего народного духа. [NB! В каком наклонении возвышенный стиль изложения? – И.С.]

Пушкин ко всему подходит просто и естественно, как это искони свойственно русскому сердцу. У него нет предвзятых тенденций, как у Толстого и Достоевского, стремящихся подчинить им своего читателя. Он не пытался насиловать свой талант и не "мудрствовал лукаво": поэтому ему открыто было более, чем кому-либо из других наших поэтов. Он берёт всю действительность такою, "какою Бог её дал". Он созерцает и зарисовывает её картины спокойно и объективно, как истинный художник. Отсюда какая-то детская непосредственность, ясность и чистота его созерцания, акварельная лёгкость и прозрачность его рисунка, делающие его творения одинаково доступными всем возрастам. Мы воспринимаем его образы так же просто и непосредственно, как саму природу. Это и есть та простота гениальности или гениальность простоты, какая особенно свойственна нашему поэту. [И что есть простота и правда? – И.С.] Вместе с художественной правдой Пушкин ищет везде и всюду правду нравственную, ибо одна неотделима от другой. Он всегда стремится быть искренним и с самим собою, и с своим читателем, что также составляет печать гения, как сказал ещё Карлейль. Искренность

сердца, издавна присущая русскому человеку, порождает в нём и другую чисто русскую черту – смирение. А смирение возвышает его и самое его творчество, к которому он питал какое-то высокое, поистине религиозное благоговение. Он не только не превозносился своим гениальным дарованием, а скорее смирялся перед его величием. Вдохновение, посещавшее его в минуты поэтического озарения, приводило его в священный трепет и даже "ужас", он видел в нём "признак Бога", озарявший, очищавший и возвышавший его душу. Внемля "сладким звукам" Небес и созерцая сияние вечной божественной красоты, он подлинно в эти минуты "молился" сердцем и, свободный и счастливый, радовался своему духовному полёту, возносившему его над всем миром. [Не всё нам доступно и приемлемо. – И.С.]

Нельзя преувеличивать значение вызывающих антирелигиозных и безнравственных литературных выступлений Пушкина также и потому, что он нарочито надевал на себя иногда личину показного цинизма, чтобы скрыть свои подлинные глубокие душевные переживания, которыми он по какому-то стыдливому целомудренному внутреннему чувству не хотел делиться с другими. В этом можно убедиться из характеристики, какую дают ему многие из наиболее беспристрастных и наблюдательных современников. Казалось, он домогался того, чтобы другие люди думали о нём хуже, чем он есть на самом деле, стремясь скрыть "высокий ум" "под шалости безумной лёгким покрывалом". В этой черте его характера некоторые исследователи (например, проф. Франк) справедливо видят проявление некоторого юродства, этой типичной особенности русской народной души, нашедшей себе место и в характере нашего великого национального поэта. Впрочем, нельзя отрицать и того, что в нём иногда жили как бы два человека, находившихся в трагической борьбе между собою. Лучшая часть его природы звала его к "Сионским высотам", а "грех алчный гнался за ним по пятам". Источником его искушений, по признанию самого поэта, был умный дух – "Демон", начавший "навещать" его в юные годы, чтобы помрачать его высокие и святые идеалы и вносить расстройство в его гармоническую поэтическую душу. [Видно, так устроен человек, противоречиво его сознание – И.С.]

Когда впоследствии в минуту раскаяния поэт "с отвращением читал жизнь свою", "трепетал и проклинал", "горько жаловался и горько слёзы лил", желая как бы смыть ими навсегда "печальные строки" прошлого, то, может быть, он разумел здесь и эти внушённые ему "демоном" вольные соблазнительные стихи, как и многое другое из произведений его незрелой юности, что он считал недостойным его таланта и хотел бы после "уничтожить". [Если у нас просыпается совесть. – И.С.]

Переживая мучительный кризис от своих сомнений, он болезненно искал выхода из этого положения, стремясь прояснить для себя окутывавший его туман и ища для себя точки нравственной опоры. Он чувствовал, что без идеи Божества всё его мировоззрение становится зданием без фундамента, но его роковая ошибка состояла в том, что он сначала только "умом искал Божества". Неудивительно, что "сердце", как казалось поэту, "не находило его", так как одни отвлечённые умствования без живой веры не могли дать ему покоя и удовлетворения. В своих беспокойных исканиях он бросался, так сказать, во все стороны и черпал из всех источников религиозных знаний, не только положительных и здоровых, но и отрицательных, способных только усилить его духовную жажду. Наиболее острый момент его душевного кризиса совпал, повидимому, с днями его пребывания в Кишиневе и Одессе (1821-1824). Углубляясь в изучение Библии, читая внимательно Коран, беседуя в Одессе с интересом с религиозным мыслителем и писателем Стурдзою, он встретился здесь же и с "глухим философом" англичанином Гетчинсоном, от которого стал брать уроки "чистого", т.е. теоретического атеизма. Об этом он сам сообщает в письме своём к неизвестному своему другу, жившему в Москве, письме, оказавшем столь важное влияние на его последующую судьбу и вызвавшем его новую ссылку в Михайловское. На этом роковом письме и базируется, главным образом, доныне обвинение Пушкина в безбожии. Надо, однако, внимательно читать его собственные слова, чтобы сделать из них ясный и точный вывод.

Профессор Франк справедливо отмечает, что 1) Пушкин считает своего учителя-англичанина "единственным умным "афеем", которого он встретил" (другие, очевидно, не заслуживали такого наименования), что 2) "система его мировоззрения не столь утешительна, как обыкновенно думают", "хотя к несчастью более всего правдоподобная". Надо подчеркнуть и это последнее слово, как свидетельствующее о том, что эта безотрадная система казалась поэту только правдоподобной, но отнюдь не несомненной. Следовательно, она не разрешала всех его сомнений, хотя и могла временно повлиять на направление его мыслей (Франк С. Религиозность Пушкина // Путь. – № 40. – С. 28). Что она не покорила всецело его ума и сердца, об этом говорит его признание в том же письме, что "Дух Святой", т.е. слова Библии, ему "иногда по сердцу", т.е. доставляли ему духовную усладу. Такого духовного созвучия с Библией не могло быть у убеждённого атеиста, для которого ненавистно само имя Божие, он бежит от него, как Мефистофель от креста, будучи способен только хулить всё высокое и святое. Холодное отрицание не могло вообще захватить вполне

Пушкина уже потому, что оно опустошает душу, суживает умственный горизонт и иссушает родники всякого и особенно поэтического творчества, а поэтическое вдохновение было для него священным призванием и украшением его жизни, это была душа его души.

Увлекшись на короткое время чисто теоретически отрицательными уроками англичанина-философа, Пушкин потом отрёкся от своего "легкомысленного суждения относительно афеизма" (Прошение на Высочайшее имя, т.е. императора Николая I в 1826 г.), которое он ранее в своём "Воображаемом разговоре с императором Александром I" назвал прямо "школьнической шуткой" и удивлялся, как можно было "две пустые фразы" дружеского письма рассматривать как "всенародную проповедь". Это признание, несомненно, было искренним, потому что оно повторяется и в некоторых его письмах к друзьям. В одном случае он прямо называет сказанное им об атеизме – "глупостью", а в письме к Жуковскому "суждением легкомысленным и достойным всякого порицания".

Уроки неверующего наставника не могли оставить в нём глубокого следа, так как его трезвый, проницательный ум не мог не понять, что "сумма вероятностей атеизма сводится к нулю, а нуль только тогда имеет реальное значение, когда пред ним стоит цифра. Этой-то цифры и недоставало моему профессору атеизма". Изучая вместе с англичанином Локка, он обратил особенное внимание на высказанную последним мысль, что "вопрос веры превосходит разум, но не противоречит ему" (Записки А.О.Смирновой. Из записных книжек 1826-1845 гг., СПб., 1894, с.161-2). Впрочем, и сам учитель Пушкина Гетчинсон был, по-видимому, далеко не убеждён в том, что проповедовал другим: через пять лет он был уже ревностным пастором в Лондоне. [Личность растёт и развивается. – И.С.]

Очень характерно, что в письме своём к Казначееву, правителю дел графа Воронцова, Пушкин, уже успевший разочароваться в своём наставнике, прямо называет своего учителя "прощелыгой" (galopin), а его уроки "пошлой болтовней" (Никольский В.В. Нравственные идеалы Пушкина // Христианское чтение. – 1882. – С. 50). Переживая по временам "бурю сомнительных помышлений", Пушкин, однако, ни в Кишиневе, ни в Одессе не отрывался от общего уклада жизни того времени, где религия и Церковь занимали если не господствующее, то, во всяком случае, почётное положение. Вместе с благочестивым своим начальником Инзовым он аккуратно посещал богослужения в Митрополии, исполняя в положенное время и долг говения. Если он и говорит при этом о своём "лицемерии", то это обычный для него язык шутливого юрод-

ства и, быть может, скрытого самоосуждения. Он по-прежнему ревниво таит от нескромного чужого взгляда внутреннюю келию своего сердца.

Следующий факт очень характерен в этом отношении. В Кишиневе по желанию Инзова его посещал иногда для духовных бесед ректор духовной семинарии архимандрит Ириней. "Раз в Страстную пятницу, – рассказывала потом его племянница, – входит дядя в комнату Пушкина, а он сидит и что-то читает. "Чем Вы занимаетесь?" – спросил дядя, поздоровавшись. "Да вот читаю историю одной статуи". Дядя посмотрел на книгу, а это было Евангелие". Архимандрит Ириней "вспылил и рассердился" и даже обещал подать на него рапорт, не поняв, очевидно, внутренних побуждений, вызвавших такой странный ответ Пушкина. "Зачем Вы так сделали?" – спросил архимандрит, когда на другой день Пушкин приехал к нему с извинением. "Да так, с языка слетело", – был простодушный ответ поэта". (Рассказ П.В.Дыдыцкой у Вересаева, с. 125).

В Одессе он особенно любил посещать Пасхальную утреню и звал с собой товарищей услышать голос русского народа в дружном одушевлённом ответе молящихся на христосование священника: "Воистину воскрес". Для объяснения такой кажущейся двойственности в духовных настроениях Пушкина неизлишне вспомнить рассуждения, какими он сопровождает анекдот о Байроне, который при своём видимом вольнодумстве чрезвычайно дорожил, однако, крестом, подаренным ему одним монахом в Афинах: "Душа человека, – пишет он, – есть недоступное хранилище его помыслов... И как судить о свойствах и образе мыслей человека по наружным его действиям? Он может по произволу надевать на себя личину порочности и добродетели. Часто по какому-либо своенравному убеждению ума своего он может выставлять напоказ толпе не самую лучшую сторону своего нравственного бытия, часто может бросать пыль в глаза одними своими странностями". "Видно из этого случая, – прибавляет Пушкин, – что вера внутренняя перевешивала в душе Байрона скептицизм, высказываемый им местами в своих творениях. Может быть даже, что скептицизм сей был только временным своенравием ума, иногда идущего вопреки убеждению внутреннему веры душевной".

Нельзя не видеть здесь личной исповеди поэта, душа которого была созвучна в этом случае характеру Байрона; не напрасно он чувствовал невольное тяготение к последнему, особенно в первый период своего литературного творчества.

Последовательный скептицизм должен был быть органически чужд его душе, проникнутой с детства мистическим настроением. В

этом отношении он также был сын своей эпохи, эпохи великих потрясающих событий, в коих невольно чувствовалось действие неземной Высшей силы, управляющей судьбами народов, торжества идеи Священного Союза, расцвета масонства и широкого увлечения мистической проповедью Лабзина, Крюденер и Татариновой, в которых обнаружилась реакция в отношении к революционному рационализму конца XVIII века.

Мистическое настроение, впрочем, было наследственным в роде Пушкиных. Оно перешло к поэту от его отца Сергея Львовича, библиотека которого была наполнена произведениями мистических писателей того времени (см. С. фон Штейн. Пушкин-мистик. Историко-литературный очерк. Рига, 1931, с.21).

Известную долю влияния на него в смысле укрепления этого настроения мог иметь и его благодушный начальник во время бессарабской ссылки генерал Инзов, которого поэт сам называет "добрым мистиком". Будучи старым масоном, последний был в то же время и преданным сыном Православной Церкви: в Александровскую эпоху то и другое иногда легко уживалось вместе.

Пушкин был суеверен в жизни, как самый простой русский человек. Он верил в народные приметы, в таинственное действие талисманов, в вещие сны и предсказания ворожей и гадальщиц. Особенно глубокое впечатление произвели на него слова, сказанные ему ещё в юности немкой-гадалкой Кирхгоф о том, что он приобретёт большую славу и может погибнуть 37 лет от белой лошади или белой головы. С тех пор всю жизнь избегал он встречи с белокурыми людьми. Автор исследования "Пушкин-мистик" С.Штейн видит много мистических струй в самом романтизме пушкинской поэзии, что не мешало ей оставаться вполне трезвой и ясной. Устремление к миру таинственного и непостижимого вместе с постоянной мыслью о смерти, сопровождавшею его неотступно всюду, не могли не роднить Пушкина с религиозной стихией, где всё обвеяно тайной и обращено к вечности.

Однако присущее ему от природы мистическое предощущение потустороннего мира только создавало благоприятную почву для восприятия религиозных идей, но, смутное и неясное по существу, оно не могло само по себе дать ему, конечно, твёрдого, обоснованного, законченного религиозного мировоззрения, которого тревожно искала его возвышенная, идеалистически настроенная душа и которое ему пришлось вырабатывать вполне самостоятельно. Он не мог почти ничего получить для прояснения и укрепления своих религиозных взглядов ни из воспоминаний своего детства, прошедшего в атмосфе-

ре разлагающих иноземных влияний, ни из преданий своей семьи, никогда не отличавшейся глубокой религиозностью. Ещё менее могла дать ему религиозного содержания окружавшая его лицейская и светская среда, потому что сама лишена была последнего.

То, что могла внушить ему его знаменитая няня Арина Родионовна в смысле бытового благочестия, было недостаточно, чтобы утвердить его среди рано проснувшихся искушений разума, а уроки его первого московского наставника в Законе Божием о. Беликова, равно как и лицейских законоучителей, о. Музовского и о. Мансветова (очень строгого), не оставили в нём, по-видимому, глубокого следа, потому что он никогда не вспоминал о них потом. Процесс его религиозного развития проходил, однако, с изумительной быстротой; он гораздо раньше, чем в своё время Толстой и Достоевский, понял, что без религии жизнь не имеет смысла и оправдания и что к постройке религиозного мировоззрения нельзя приступать только с таким слабым орудием, каким является наш колеблющийся рассудок; необходимо указание внутреннего духовного опыта, дыхание веры, "инстинкт которой присущ каждому человеку" и прикосновение к родной русской земле, от которой много заимствовали в смысле своего нравственного воспитания и наши последующие великие писатели.

Происшедший в нём нравственный перелом, озаривший его жизнь и его творчество новым светом, начал проявляться ещё в кишиневский и одесский периоды его жизни, но постиг своего полного развития только во время последующего пребывания в тиши Михайловского деревенского уединения. Эта вторая ссылка, приводившая по временам в отчаяние самого поэта, имела для него провиденциальное значение. Почти все его биографы признают, что она способствовала его духовному росту и была в этом смысле столь же благодетельной для него, как для Достоевского заключение в "Мёртвом доме". Не развлекаясь опьяняющими светскими удовольствиями, поглощавшими почти всё его время и внимание в Петербурге, он мог здесь [в ссылке] глубже заглянуть в самого себя, в душу простого народа, в заветы и уроки родной истории и внимательнее заняться своим самообразованием. Всё это вместе углубило его дух, освежило и расчистило родники его творчества. Здесь он впервые вошёл и в живое непосредственное общение с Церковью через братию Святогорского монастыря и окрестное духовенство. Оно началось при нравственно тяжёлых для него обстоятельствах. Настоятелю Святогорского монастыря игумену Ионе – старцу святой жизни, по свидетельству современников, и священнику из с. Воронич, Иллариону Евдокимовичу Раевскому, по прозванию Шкода, бы-

ло поручено духовное наблюдение за ним в виду тяготевшего над ним обвинения в безбожии. Тот и другой оказались для него любящими духовными врачами и легко покорили его чуткую, отзывчивую душу.

Посещая каждую субботу монастырь, Пушкин научился уважать его настоятеля-подвижника и искренно полюбил о. Шкоду, который сам обычно приезжал навещать его. Об искренней его дружбе с последним свидетельствует бесхитростный рассказ его дочери, недавно сравнительно скончавшейся Акулины Скоропостижной, записанный с её слов. "Подъедет это верхом к дому и в окошко плетью цок: "Поп у себя?" – спрашивает... А если тятеньки не случится дома, завсегда прибавит: "Скажи, красавица, чтобы беспременно ко мне наведался... Мне кой о чём потолковать с ним надо". <

Особенно ценно было для Пушкина постоянное соприкосновение с Святогорским монастырём как хранителем заветов старого русского благочестия, духовно питавшим множество людей, черпавших от него не только живую воду веры, но и духовную культуру вообще. Наблюдая воочию эту тесную нравственную связь народа с монастырём и углубляясь в изучение истории Карамзина и летописей, где развёртывались перед ним картины древней аскетической Святой Руси, Пушкин со свойственной ему добросовестностью не мог не оценить неизмеримого нравственного влияния, какое оказывала на наш народ и государство наша Церковь, бывшая их вековой воспитательницей и строительницей.

На почве расширенного духовного опыта поэта и углублённых исторических познаний родился весь несравненный по красоте духовный и бытовой колорит драмы "Борис Годунов", которую сам автор считал наиболее зрелым плодом его гения (хотя ему было в то время только 25 лет), и особенно "смиренный и величавый" образ Пимена, которого не могут затмить другие действующие лица драмы. Пимен – это не просто художественное изображение, сделанное рукою великого мастера: это живое лицо, которое трогает, учит и пленяет читателя, подчиняя его своей тихой, кроткой, но неотразимой духовной власти. Он вышел из самого сокровенного горнила творчества Пушкина, который слился с ним в муках духовного рождения, как мать со своим ребёнком. Не напрасно он говорит, что "полюбил своего Пимена", пленённый сам его духовной красотой.

В нём поэт дал самый законченный, самый выпуклый и самый правдивый тип православного русского подвижника, какой только был когда-нибудь в нашей художественной литературе. Он не просто зарисован вдохновенным художником, но как бы высечен из мрамора мощным резцом скульптора, чтобы стать наиболее осязаемым для нас.

Не потому ли Антокольский так легко воплотил его в своей известной статуе, а Достоевский говорил, что о нём одном можно написать несколько томов? Его монолог и его речи, обращённые к бурному Гришке Отрепьеву, полны того бесстрастия, мира и "умилительной кротости, младенческого и вместе мудрого простодушия, набожного усердия к власти царя, данного Богом, и совершенного отсутствия суетности", которые пленяли поэта в наших древних летописцах.

Пушкин уразумел своим русским чутьём, что здесь запечатлена от века лучшая часть нашей народной души, видавшей в монашестве высший идеал духовно-религиозной жизни. Её неутомимая тоска по горнему отечеству находила отклик в его собственном сердце, звавшем его туда, "в заоблачную келью, в соседство Бога Самого". Уже одним этим своим чудным и возвышенным образом, вышедшим из народной стихии и снова воплощённом в неё гением поэта, он искупил в значительной степени нравственный соблазн, который он мог посеять вышеуказанными своими легкомысленными произведениями. Рядом с этим неумирающим наставником-иноком, уроки которого вошли в плоть и кровь целого ряда русских поколений, можно поставить только огненный образ "Пророка". представляющий из себя почти единственное явление в мировой литературе, как апофеоз призвания поэта на земле. Замечательно, что он возник у Пушкина не в каком другом месте, а именно в Святогорском монастыре, т.е. в той же духовной атмосфере, которая дала плоть и кровь Пимену.

Иоанн Восторгов. Вечное в творчестве поэта

"Человек – это личность, и как личность он не может возникнуть для того, чтобы исчезнуть бесследно. Отлившись в законченный духовно-нравственный образ, определив себя здесь, в земной жизни, оставив в ней заметный или малоприметный, но всё же тот или другой след, он продолжает жить и после смерти и развиваться в области иного бытия, для изображения которого у нас нет ни слов в языке, ни красок, ни образов в воображении. И современники и потомки могут забыть умершего; имя его может изгладиться быстро, не переживши и холмика земли на его безвестной могиле; но будет о нём память пред лицом Бога, для которого нет мёртвых, а все живы (Лк. 20:38); будет о нём память в молитвах Церкви, которая до скончания мира содержит в лоне материнской любви своей всякую верующую душу как богосозданную и богоискуплённую, ни одной из них не считает ничтожною, и за каждую и за всех умоляет Божественное милосердие". "Что же такого вечного, несокрушимого и неумирающего было в деятельности нашего поэта? Знаю, что не мне и не здесь говорить об его литературной деятельности в целом, не мне давать

её всестороннюю оценку после того, как столько об этом и сказано и написано людьми, без сравнения более меня сведущими и более к тому подготовленными. И в нынешний день, без сомнения, во всех концах великой России и далеко за её пределами этому предмету посвящены будут чтения и речи, и вы услышите сегодня оценку поэта от специальных, более опытных и умудрённых ценителей.

Но есть нечто, что и уместно и должно сказать служителю Церкви, и не станем скрывать: это "нечто" выражено прежде всего в словах заупокойного нашего моления, в котором, кроме возглашения вечной памяти умершему, чаще и настойчивее звучит: О еже проститися ему всякому согрешению вольному же и невольному... Церковь также неизменно возглашает это моление о всех своих чадах, от Царя до простолюдина. Пусть не покажется оно нарушающим согласный хор похвал и славы в честь великого поэта. Прямота с искренностью, напротив, разъяснит дело, облегчит сердце, а чрез это и на праздник наш не будут набегать унылые тени. Несть человек иже поживет и не согрешит, – говорит Церковь в оправдание своего неизменного моления. Согрешил, живя, и поминаемый писатель; согрешил и в литературной деятельности, иногда как будто бы и далеко уклоняясь от религиозно-нравственного идеала, от того, что незыблемо и вечно; согрешил, наконец, и тем, что умер жертвою дуэли, этого нелепого и нечестивого общественного предрассудка. Кто обо всём этом не знает? Кто об этом не думал, кто не говорил?

Правду сказать, на эту отрицательную сторону жизни и деятельность поэта обращали больше, чем надо, внимания, так что, можно сказать, и с этой стороны "слух о нём прошёл по всей Руси великой", и окружающее его и музу его туманное облако непонимания, недоумения и клеветы не совсем ещё рассеялись и доныне. Нашлись и находятся особые любители, которые с рвением, достойным лучшего дела, обходя в поэте вечное и достойное, а часто и не зная и не умея понять этого вечного, с особенным наслаждением подчёркивали его слабости и недостатки, с непонятною радостью утверждали, что поэт был и ненадёжным христианином, и ненадёжным сыном отечества, и приписали ему много такого, чего он никогда не делал, чего никогда не говорил. Что сказать на это?"

"…Великие люди как люди, без сомнения, глубоко иногда падают, но зато и восстают, и каются, и прошлое смывают, заглаждают, и являются опять-таки великими в своём восстании. Церковь, олицетворяя нравственный закон и нравственный суд, не закрывает глаз на эти падения великих; не скрывает греха Давида, отречения Петра, гонительства Павла, былой греховности Марии Египетской или Евдокии

Преподобной; но она внушает нам при воспоминаниях об усопших приводить себе на память лишь общее представление о человеческой слабости и греховности с тёплою мольбою о прощении согрешений почившего, с смиренным сознанием собственной греховности и предстоящей всем людям смертной участи".

"Но Пушкин как личность был нераздельным со своей поэзией; это в нём особенно бросается в глаза; и его глубокой искренности, необыкновенной правдивости не отрицала никакая, даже самая пристрастная и озлоблённая критика. Как натура художественная, чуткая, отзывчивая Пушкин мыслил вслух, чувствовал вслух и, так сказать, жил вслух. Его душа – это как бы механизм в хрустальном футляре, всем видный, для всех открытый. И всё, что у нас обыкновенно скрыто в глубине духа и не показывается на свет Божий, все движения страстей, все грехи мыслей, – всё это, при указанном свойстве поэтической натуры Пушкина, было открыто для наблюдения, и всё это у него выливалось в слове. Оттого в первых ранних произведениях поэта мы видим следы его неправильного домашнего и школьного воспитания, отражения окружавшей его легкомысленной жизни, видим иногда нечто несерьёзное, нечто нечистое, недостойное, стоящее в противоречии с религиозно-нравственным идеалом…"

"Сам он говорил о себе, что – "И меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он". "В ранних его произведениях, – говорит о нём один глубокомысленный критик-философ, – мы видим игру остроумия и формального стихотворческого дарования, и легкие отражения житейских и литературных впечатлений. Но в легкомысленном юноше быстро вырастал великий поэт, и скоро он стал теснить "ничтожное дитя мира". Под тридцать лет решительно обозначается у Пушкина "Смутное влеченье / Чего-то жаждущей души", неудовлетворенность игрою тёмных страстей и её светлыми отражениями в лёгких образах и нежных звуках: "Познал он глас иных желаний, / Познал он новую печаль!".

Он понял, что "служенье муз не терпит суеты", что "прекрасное должно быть величаво", то есть что красота, прежде чем быть приятною, должна быть достойною, что "красота есть только ощутительная форма добра и истины" (Соловьёв Вл. Судьба Пушкина // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX в. М., "Книга", 1990, с. 25.). С течением времени в нашем поэте рядом с художником, не подавляя художника, усиливается и живёт глубокий мыслитель, и плодом этой совокупной деятельности является нам наш великий Пушкин, вечный Пушкин. Как последний удар резца над великим произведением,

открывая миру неувядаемую красоту души поэта, является его смерть, которая завершила и дала нам и Пушкина-христианина.

Никто из судей Пушкина не осудил так бесповоротно и не оплакал так сильно его падений, как сам же поэт: эти минуты, в которые лира его служила звукам "безумства, лени и страстей" вместо "звуков сладких и молитв", вызывали в нём глубокие сожаления, тяжкие чувства".

"С наступлением поры полного расцвета сил в нём замечательно ясно пробудилось и определилось религиозное сознание. Так называемое полуневерие его ранних лет было неглубоко, оно "было более легкомыслием, чем убеждением, и оно прошло вместе с другими легкомысленными увлечениями" (Вл. Соловьёв). То, что поэт сказал о Байроне, приложимо вполне и к нему самому: "Вера внутренняя перевешивала в душе его скептицизм, высказанный им местами в своих творениях. Скептицизм сей был временным своенравием ума, идущего вопреки убеждению внутреннему, вере душевной (Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, изд. Ефремова, V, 107-110.); а у Пушкина он был и временным отпечатком того уродливого в нравственно-религиозном отношении воспитания, которое он получил и которое он сам, даже в годы молодости, так беспощадно осудил как "самое недостаточное и самое безнравственное" (в известной записке, поданной Императору Николаю I в 1826 г.) ("Ни в одном из моих сочинений, – пишет А.С.Пушкин, – не видно ни направления к безверию, ни кощунства над религией" (Письмо к гр. Бенкендорфу).

Читайте его стихотворение "Безверие"; оно тем более поучительно, что написано в первый период его поэтической деятельности, когда нравственный перелом в нём обозначился ещё недостаточно ясно (1817 г.). Стихотворение может быть названо подробным раскрытием мысли древнеязыческого поэта Виргилия: "Блажен, кто верует: ему тепло на свете". Наш поэт и в раннем возрасте глубоко прочувствовал истину этих слов".

"При чтении других сочинений поэта видим, что он бесповоротно отказывается от сочувствия всякому виду вольнодумства (По поводу одной печатной кощунственной выходки поэт, негодуя, пишет: "Я от дерзости этой до сих пор прийти в себя не могу"), осуждает Вольтера и его направление; Библия вдохновляет его (Письмо к жене 25 октября 1834 г.), Евангелие становится его любимой книгой (См. Записки А.О.Смирновой: Из записных книжек 1826-1845 гг. – СПб.: Изд. ж-ла "Северный Вестник", 1895. – С. 91); он призывает Бога, допускает Его Промысл; восхищается псалмами, приводит слова Екклезиаста; в стихи перелагает молитвы, слова Священного Писания; молится Богу,

ходит в церковь, посещает монастыри, служит молебны; приступает к таинствам; высказывает желание в память своего рождения выстроить в своём селе церковь во имя Вознесения".

"В своей лире поэт теперь находит чудные, чарующие звуки возвышенного религиозного строя. Оживают у него "отцы пустынники и жены непорочны" со своею умилительною молитвою; с великою силою утверждается значение нравственного элемента в жизни. "У всякого своя есть совесть, она проснётся в чёрный день", – говорит поэт даже о разбойниках. Возвышенным вдохновением звучат его слова о совести, влагаемые в уста Скупого рыцаря и Бориса Годунова: "Совесть, когтистый зверь, скребущий сердце, совесть, незваный гость, докучный собеседник .<...> От коей меркнет месяц и могилы смущаются и мёртвых высылают". "...Она одна среди мирских печалей успокоит. "Так, здравая, она восторжествует над злобою, над тёмной клеветою. – Но если в ней единое пятно, единое, случайно завелося, тогда – беда! как язвой моровой душа сгорит, нальётся сердце ядом.<...> Ужасно! Да, жалок тот, в ком совесть нечиста".

"В своих произведениях, проникая в глубь истории, поэт входит в духовное общение с многовековою жизнью целого народа и затем с мыслью и жизнью всего человечества. Здесь прошлое не представляется ему "мёртвою скрижалью": он ищет в нём смысла и той внутренней связи, по которой прошедшее является основою для будущего; постигает он здесь цену религии, этой вековечной основы жизни и в истории человечества и в истории родины. "Религия, – говорит он, – создала искусство и литературу, всё, что было великого с самой глубокой древности; всё находится в зависимости от этого религиозного чувства <...> Без этого не было бы ни философии, ни поэзии, ни нравственности" (А.О.Смирнова. Записки.., с. 102).

"Наш Пушкин умер рано; умер не в ослаблении мысли и деятельности, не уставший от жизни, не изживший своего ума и энергии; умер ещё будучи в состоянии совершить гораздо более того, чем сколько он сделал. "Пушкин – выше своих произведений"; "наиболее совершенные его создания не дают полной меры его сил". Такова точка зрения литературной критики. Но мы, поминая поэта, поминаем в нём человека-христианина. С этой точки зрения жизнь человека ценится не количественно, а качественно, и момент смерти есть дело Божьего Провидения. "Пожив вмале, исполнь лета долга... От Господа исправляются стопы мужу".

Поэзия, эта "религии небесной – сестра земная <...> / Лекарство душ, безверием крушимых", привела Пушкина к "нетленной той заве-

се, которою пред нами горний мир задернут", в то время, когда душа его созрела в христианском смысле окончательно, когда путь земного очищения им был пройден. Дал бы поэт ещё нам что-либо великое, и что именно, или уж не мог дать, – это, собственно, вопрос ненужный, бесполезный. Но то, что он оставил по себе то, чем он сам был в своих воззрениях, в своей личности, в своей смерти, даёт нам залоги для светлых христианских чаяний и упований. Он вечному служил. Пусть же в памяти нашей сохранится из жизни и деятельности поэта только то, что по существу своему достойно вечности: не слабости, увлечения и падения, а то, в чём выражается вечная нравственная природа духа. Пусть то, что сеял он в плоть по немощи, по греховности, от плоти пожнёт смерть и тление, и в памяти людской пусть будет забыто и похоронено. А то, что сеял он в дух – разумное, духовное, вечное – пусть склонит к нему милость Предвечного, пусть от духа пожнёт ему жизнь вечную и среди людей даст ему вечную память!"

Архиепископ Никанор (Бровкович).

Беседа в Неделю блудного сына,
при поминовении раба Божия Александра (поэта Пушкина),
по истечении пятидесятилетия по смерти его

"...Говори о мёртвых хорошо или не говори ничего – это языческое, не христианское правило. Да и языческое не всеобщее, а только греко-римское, или даже исключительно римское правило, которого, впрочем, и римляне держались не строго; иначе не могло бы быть никакой истории и исторической оценки. А вот глубоко религиозный народ древние египтяне, так те поступали как раз наоборот. Те по смерти каждого, особенно же важного влиятельного лица, обсуждали его дела особым трибуналом судей-жрецов, в соответствие подобному же суду об умершем пред трибуналом судей загробных, и только после такого суда согласно приговору судей-жрецов удостаивали умершего или же не удостаивали погребальных почестей. Обычай уже весьма близкий по своему духу к духу христианскому.

Христианство же о всяком умершем молит Бога, чтобы благий человеколюбец Бог простил почившему "всякое согрешение, содеянное словом или делом или помышлением: яко несть человек, иже поживет и не согрешит". Нельзя говорить о жизни и деяниях апостолов Петра и Павла, царей Давида и Соломона, не касаясь Петрова отречения от Христа, Павлова гонения на Христа, Давидова покаянного псалма: "Помилуй мя Боже", и Соломонова Екклезиаста, с обстоятельствами, при которых покаянный псалом и Екклезиаст написаны. И этим упо-

минанием не наносится оскорбления святой памяти святых мужей. По этой почётной аналогии не нанесём оскорбления памяти и поминаемого великого поэта, если коснёмся его заблуждений. Он сам хотел завещать и завещал свои мысли и чувства, дела и слова памяти потомства. Что же? Мы и помним, и теперь, вспоминая, исполняем только его собственное завещание...

Сегодня во всех концах России будут прославлять его и только прославлять. Мы же напомним вам, что поминаемый нашею и вашею молитвою раб Божий Александр сам себя сопоставлял с евангельским блудным сыном, что вот он, "как отрок Библии, безумный расточитель, до капли истощив раскаянья фиал, увидев наконец родимую обитель, главой поник и зарыдал". Евангельская притча, произведение творчества небесного, превосходящего, покрывающего и освещающего всякое самое превыспреннее творчество земное, осветит знаменательно-умилительным светом несчастную кончину, как и все грехопадения нашего поэта, как и раскаянье его и все доблести, и прояснит нам, за что это мы за него всероссийским собором молимся и о чём молимся. Это был сын Отца Небесного, как и все мы, но сын особенно любимый, потому что необычайно одарённый. В доме Отца Небесного пребывал он кроткою верою недолго, по-видимому, только в чистом невинном детстве, к которому так нередко обращался с сладкими воспоминаниями, вздыхая к возникающим в измученной заблужденьями душе виденьям "первоначальных чистых дней".

Недостатки общего российского воспитания высших классов того времени он осмеивает; недостаток своего собственного первоначального воспитания он впоследствии даже проклинал, выражаясь его крайне сильным языком. Тем не менее первоначальное религиозное развитие его не было совсем же скудно. И этим развитием он был обязан, по-видимому, не отцу, о котором его отзывы вообще непочтительны, не матери, о которой почти нигде не упоминает, а старой няне, которая вложила в его душу зачатки народно-религиозной поэзии. И эта старая няня была для него чуть ли не самое родное существо из всех руководителей его детства. Кое-что к религиозному развитию его, если не развитию в нём религиозного духа, то к развитию ума в познании религии прибавили уроки по Закону Божию в Лицее. Зато его глубокий дух, погружаясь в общерелигиозное сознание русского народа и всего, как христианского, так и магометанского, как древле-, так и новоязыческого человечества, проникал это волнующееся, то светлое, то мрачное море до последних его глубин. И это-то

соприкосновение с колебаниями современного ему религиозного сознания отразилось тяжкими колебаниями в его собственном духе.

Можно сказать, что с удалением из дома отеческого для дальнейшего образования в Лицее он удалился и из дому Отца Небесного, и с тех пор стал расточать свои великие прирождённые дары, дары Отца Небесного, "живый блудно", нечисто живя и мысля, говоря и поя свои песни, пиша и уча других, уклоняясь от правого пути к Небу на "страну далече", дальше и дальше. В круге, в котором он родился, в круге, в котором он воспитывался, он видел везде опыты французского вольтерианского вольнодумства и примеры соответственной вольтерианскому мировоззрению жизни. Обладая с детства французской речью лучше, чем родною, он слишком рано познакомился с произведениями Вольтера, Парни и других французов того вольтерианского, скептического, отрицательного закала. Конечно, детский ум его не мог побороть ту мощную фалангу идей антирелигиозного и антихристианского строя, и в свою очередь увлекся.

Необычайная же соблазнительная прелесть его чуть не детских стихотворений, подхваченная всеобщим одобрением, прельстила его самого мыслить и чувствовать не иначе, как в слух всего света. "Прилежат человеку помышления на злая от юности его", особенно же прилежат блудные помышления. И вот зашумела пушкинская поэзия соловьиными песнями в честь известной богини Киприды и её культа. Любимейший сын неба, высоко одарённый поэт не только нечисто мыслил и чувствовал, но и поступал, и не только поступал, мыслил и чувствовал, но и высказывал свои мысли и чувства, стремления и поступки прелестными стихами. Все изумились этой прелести и извинили, а извинив, и пристрастились к ней. И как мы низко упали к нашему времени, далеко ниже древлеязыческого мира! Даже у язычников такие дела считались постыдными (pudenda), а речи в обнажённых подробностях невозможными. Увы! Наш поэт всякую нечистую свою мысль выражал в слух всего света. Всякое нечистое чувство выражал в слух всего света. Увы! Даже нечистые дела изображал пред лицем всего света. И наш свет всему этому начал рукоплескать! Это постыдно в глазах всего мира; но в глазах нашего, увы! русского, увы! православного мира – нет, не постыдно, это красиво, это даже, по мнению некоторых, – страшно сказать, – высоконравственно, понеже природе верно.

Видим мы в этой поэзии не только обнажение блуда, не только послабление ему, но и одобрение его в принципе, но и воспевание его в обольстительных звуках, но и всяческое поощрение к нему, но и заповедание его в предсмертных завещаниях поэта. В этом направлении

ниспадение его делом, мыслию и острым метким словом простиралось, по-видимому, до последнейших крайностей. Где мы что подобное видим? Гомер, Виргилий и Гораций, без сомнения, бесконечно стыдливее. Даже Байрон, несмотря на некоторую поэму, целомудреннее в творческом слове. У Гете, у Шиллера, у Шекспира ничего подобного. Доказательство того, что можно стяжать славу мировых поэтов, не наигрывая на подобных струнах в слух всего мира. Зрим несколько, да и то меньше подобного, только у Анакреона, которому наш поэт намеренно подражал; но Анакреону такая и честь, как и одному из наших жалчайших подражателей этой нечисти.

Не говорите о высокой нравственности даже известного пушкинского идеала женщины: бедная, жалости сердца достойная! Состоя в супружестве, она всею душою, сердцем и помыслами принадлежит предмету своей страсти, сохраняя до сей минуты для мужа верность только внешнюю, о которой сама отзывается с очень малым уважением, чуть не с пренебрежением. Где же тут высоконравственный христианский брак, слияние двух существ в единую плоть и душу, в единого человека? И за это она – идеал нравственной женщины и супруги. Как мы падаем и в миросозерцании, и в нравах, и даже в нравственных правилах. Вот продолжатели нашего поэта в этом же направлении – те последовательнее, те просто и откровенно провозгласили самый брак, в подобных соотношениях сердец, развратом, а прелюбодеяние с другом сердца – нравственным долгом.

Грехи в одиночку по миру не ходят, но один поведёт с собою и другие. Поклонение Киприде не могло не вести за собой поклонение и Вакху, и всем языческим божествам. Это не игра слов. В самом деле, у нашего поэта это было настоящее душевное идолопоклонство, действительное поклонение божествам классического язычества, постоянное призывание их, посвящение им мыслей и чувств, дел и слов. Это было поэтическое провозглашение худшего и в язычестве культа эпикурейского: да ямы, а главное да пиемы, да насладимся утехами минуты, утре бе умрем. Это была не только проповедь и исповедь, было не только опасение, но чуть не сладкая надежда, чуть не молитвенное чаяние, что по смерти мы очутимся в области бледных безличных теней, лишь бы заснуть под манием самых игривых языческих божеств Вакха и Аполлона, муз и харит, Киприды и Купидона.

Было в этой поэзии, не скажу, мысленно – словесное отрицание христианства, но хуже того, было кощунственное сопоставление его с идолопоклонством, кощунственное приурочиванье его к низшему культу низших языческих божеств, причём необузданность ума и сло-

ва играла сопоставлениями священных изречений с непристойными образами и влечениями.

Куда наконец дальше идти? Где мы что подобное видим, особенно у иностранцев?! И всё это прощалось, всему этому даже рукоплескали, и недаром, потому что на всем этом, на всяком самом мелком образе лежала печать беспредельно богатого, острого, огненного дарования. Сами языческие поэты, даже величайшие из них, по крайней мере для нас, изображают древний языческий идолопоклоннический культ не в таких обаятельных чертах, как наш совратившийся было в язычество поэт.

Этого мало. Вслед за песнями в честь языческого культа наш поэт воспевает и все страсти в самом диком их проявлении: половую ревность, убийство, самоубийство, игру чужою и своею жизнью... И чего-чего он не воспевает?! Воспевает кровожадность Наполеона так же, как и революционеров XVIII века. Особенно революционная свобода была его кумир. Правда, всё это высокохудожественно изображает и новейший наш исполин мысли, художник Достоевский; но у этого в конце концов возбуждается жалость с отвращением к сцеплению всех изображаемых страстей, с желанием избыть от этого давящего кошмара. У гиганта же поэта всякая страсть, рисуемая гигантскою кистью, выходит каким-то также исполином, выходит предметом, привлекающим сочувствие и жалость, чуть не жертвоприношением исполнению долга. Его полудобродетельная Татьяна возбуждает такую же жалость, как и безнравственный Онегин, как и пустой, легкомысленный Ленский; удалой самозванец Пугачев так же, как и жертва его зверства бесстрашный самоотверженный капитан с своей душевно-привлекательной дочерью; мудрый, но преступный и злосчастный Борис так же, как отважный до дерзости, изворотливый Лжедимитрий. Это оттого, что все они – милые сердцу его дети его воображения; оттого, что у него всякое страстное влечение есть идеал, есть культ, есть идол, которому человеческое сердце призывается приносить себя в жертву до конца, – то и прекрасно. Такой идеал и достоин поэзии, будь он разбойник или мятежник, лишь был бы удалой и упорный. Даже насмешки его, самые злые эпиграммы не возбуждают негодования. Они все необычайно остры, а поэтому как-то особенно милы и кладут на свой предмет печать разве только забавного, но не отталкивающего.

У нашего поэта всякая букашка имеет право на жизнь в мире Божием; всякая страсть имеет право на развитие и процветание, лишь бы она цвела и развивалась и давала привлекательно-поразительный

предмет для сильной поэтической кисти. Даже желая, по-видимому, раздавить многих и многое, наш поэт не раздавил никого и ничего, разбив разве только себя самого, свою собственную душу.

Выходит, что наш поэт все свои помыслы и чувства, все силы и дарования, слишком много их, выражаясь глубокознаменательным церковно-славянским языком, посвятил на служение похоти плоти, во-первых (не так ли?), похоти очес (не так ли?) и гордости житейской (не так ли?); посвятил страстям, сидящим в сердце человеческом, в нашем плотском душевном человеке, который воюет против человека духовного; посвятил споборающим друг другу в сей войне нашей плоти, миру и князю мира сего...

Был ли он совсем неверующий? Нет. Достоевский изрёк, что был он "всечеловек". Мы же скажем пока, что был он двойственный человек, плотской; душевный и духовный. Служил он больше плоти, но не мог заглушить в себе и своего богато одарённого духа. Глубоко постигал он и неверие, и веру, и не только постигал, но и чувствовал, вмещая в себя и то и другое. Читайте его "Безверие"; это с себя он пишет такую глубокотрагическую картину. Тем не менее, он сам о себе свидетельствует, что закон Божий он знал хорошо. По его словам, он слишком с Библией знаком, хотя тут же и злоупотребляет своим знакомством. Читал он Библию часто, ища в ней источник вдохновенья и поэзии; но и тут находил, что Святый Дух только иногда (не всегда) бывал ему по сердцу, а вообще он предпочитал Гете и Шекспира, и тут же рядом берёт он уроки чистого атеизма, встретив именно у нас, в Одессе, англичанина, глухого к вере философа, умного афея, который исписал листов тысячу, чтобы доказать, что не может быть существа разумного, Творца и Вседержителя, мимоходом уничтожая слабые доказательства в бессмертие души. Поэт находит эту систему не столь утешительною, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более всего правдоподобною. Замечательно, что доктор-атеист (Хатчинсон), учивший его в Одессе философии атеизма, впоследствии обратился к вере и был в Лондоне ревностным пастором англиканской Церкви. В то же время поэт отклоняет подозрение, будто сам он проповедовал безбожие. Он призывает Бога постоянно. Клянётся Богом и душою своею клянётся, допускает Промысл Божий. Говорит и о Божестве Христа: "В простом углу моём, средь медленных трудов, /Одной картины я желал быть вечно зритель, /Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков, /Пречистая и наш Божественный Спаситель – /Она с величием, Он с разумом в очах – /Взирали, кроткие, во славе и в лучах", – хотя и здесь смешивает чистое небесное с низменным земным, так что и это прекрасное стихотворение

выходит чуть не кощунством. А в то же время по настроению минуты вдруг выражается: "Ради вашего (т.е. не своего) Христа". Метко рассуждает о соотношении христианства с язычеством, Моисея с Аристотелем, папизма с протестантством, Илиады с Библией, Давида с Гомером. Псалмам Давида удивляется; тексты Екклезиаста цитирует, Песнь Песней перелагает в стихи, конечно, извращая духовный её смысл. Он молится Богу. Ходит в церковь. Посещает монастыри. Приступает к таинствам, исповедуется, по крайней мере, иногда. Слушает молебны на дому, не только в церкви. Заказывает панихиды...

Может быть даже, что "скептицизм сей был только временным своенравием ума, иногда идущего вопреки убеждению внутреннему, вере душевной". Такой приговор и в самом деле произнёс о нём, тотчас по его смерти, ближайший и умнейший друг его, князь Вяземский: Пушкин никогда не был ум твёрдый (esprit fort, в смысле ума твёрдо-скептического), "по крайней мере, не был им в последние годы жизни своей, напротив, он имел сильное религиозное чувство: читал и любил читать Евангелие, был проникнут красотою многих молитв (например, Господи Владыко живота моего), знал их наизусть и часто твердил их..." Вообще несомненно то, что в последних годах совершался в нём нравственный переворот, переворот глубокий, но медленный и тяжёлый.

Теперь он начал уразумевать смысл жизни и любить её. Думал ещё устроить своё счастье переменою своего положения. "Как смутное похмелье", тяжело ему было "безумных лет угасшее веселье". Но, как вино, печаль минувших дней в его "душе была чем старей, тем сильней". Сулило ему "труд и горе грядущего волнуемое море". "Но не хочу, о други, умирать, – взывает он. – Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать <...> Порой опять гармонией упьюсь, / Над вымыслом слезами обольюсь. / И может быть, на мой закат печальный / Блеснет любовь улыбкою прощальной". Увы! Обманчивая надежда. Она-то и ускорила его закат печальный, хотя и блеснула на него улыбкою прощальной. Он даже сознательно трудился над переработкою в себе внутреннего нравственного строя: но сознавал, что трудился не особенно успешно, по той именно причине, что много грехов тяготело над его душою и грех тянул его на старую стезю к погибели. "Напрасно я бегу к Сионским высотам, /Грех алчный гонится за мною по пятам... /Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий, /Голодный лев следит оленя бег пахучий". Он чуял за собою гибель неминучую. Вероятно, при этом предносилось пред умом поэта священное изречение первоверховного апостола: Зане супостат ваш диавол яко лев рыкая ходит, иский кою поглотити (1 Петр. 5: 8). Душа поэта уже крепко за-

вязла в когти греха, из которых сам собою вырваться он был бессилен. Нужен был сильный удар со стороны спасительного Провидения, чтоб исторгнуть эту великую душу от конечного растерзания...

Умирая в тяжких муках на своём кресте, раб Божий Александр, мы верим, только в эту минуту воззвал к милосердию Отца Небесного решительным гласом блудного сына: Отче согреших на небо и пред Тобою, и несмь достоин нарещися сын Твой. Но пришли мя якоже единого от наемник Твоих. А говорили мы всё это, чтобы выяснить себе и другим, что величайший наш поэт был действительно любимый сын Отца Небесного, был в жизни сын заблуждающийся, а в тяжкой смерти сын кающийся; что он родился христианином, жил полухристианином и полуязычником, а умер христианином, примиренным со Христом и Церковью.

Говорить ли теперь о том, почему, за что это мы молимся о рабе Божием Александре? В ответ скажем одно, что он принадлежит к числу величайших людей Российской истории. Действительно, он "памятник воздвиг себе нерукотворный", вечный, да, и вечный, насколько вечно что-либо в Подлунной, – памятник, "который вознёсся главою непокорной выше александрийского столпа". Возьмите во внимание, что Гомер и Софокл, Виргилий и Гораций осияли своё отечество славою больше, чем самые славные народные вожди. Самые народы уже умерли, а слава поэтов и мыслителей живёт. Влияние народных вождей на всё человечество или вовсе не простиралось, или давно уже кончилось; влияние же поэтов, ораторов, философов простирается во все концы земли, живёт и переживет века и тысячелетия. Таков и наш Пушкин, величайшая слава нашего Отечества, настоящее и будущее всемирное влияния русского гения и русского духа. Стоит ли нам помолиться за него? Другой вопрос, имеем ли мы право молиться за него? Родился он христианином; жил хотя и полухристианином, но умер христианином, примирённым с Богом и совестью и Христовой Церковью; умер кающимся сыном Отца Небесного; умер в муках наложенного им на себя креста, как и евангельский разбойник умер на заслуженном же им кресте, с воплем покаяния и веры и надежды внити в рай вслед за Самим распятым Спасителем.

Вопрос в том, о чём нам следует молиться в эту минуту? О, о многом. О почившем, а ещё больше о себе. Идя на крестную смерть, Христос Господь сказал иерусалимлянам: Не плачьте о Мне; плачьте о себе и чадах ваших. Веруем, что и в эту минуту несётся к нам с неба подобный же глас: молитесь и о мне, по нравственно-христианскому долгу – поминать своих людей великих, строивших земли родной минувшую судьбу, за славу, за добро, а "за грехи, .за тёмные деяния Спа-

сителя смиренно умолять", но молитесь и о себе. Достоевский назвал нашего Пушкина "всечеловеком". Назвал в том смысле, что великий поэт ничто человеческое не считал для себя чуждым, напротив, был знаменательнейшим воплощением и выразителем свойств и стремлений человеческой природы. В отношении же к народу русскому был величайшим выразителем общенародных наших и доблестей, и недостатков, и стремлений.

Стоя на грани исполнившегося тысячелетия русской истории, он был произведением всего прошедшего России, как и своего времени и своего круга; а в отношении к будущему нашего народа был не только предвестием, но и предначалом теперь уже наступившего и развивающегося и грядущего наклона русского народного духа, особенно в высшей интеллигентной сфере, которая делает нашу народную историю..."

Иван Ильин. Пророческое призвание Пушкина

"Не для того сходимся мы, чтобы "вспомнить" или "помянуть" Пушкина так, как если бы бывали времена забвения и утраты... Но для того, чтобы засвидетельствовать и себе и ему, чей светлый дух незримо присутствует здесь своим сиянием, – что всё, что он создал прекрасного, вошло в самую сущность русской души и живёт в каждом из нас; что мы неотрывны от него так, как он неотрывен от России; что мы проверяем себя его видением и его суждениями; что мы по нему учимся видеть Россию, постигать её сущность и её судьбы; что мы бываем счастливы, когда можем подумать его мыслями и выразить свои чувства его словами; что его творения стали лучшей школой русского художества и русского духа; что вещие слова, прозвучавшие 50 лет тому назад "Пушкин – наше всё", верны и ныне и не угаснут в круговращении времён и событий. Сто лет прошло с тех пор, как "свинец смертельный / Поэту сердце растерзал" (Тютчев). Сто лет Россия жила, боролась, творила и страдала без него, но после него, им постигнутая, им воспетая, им озарённая и окрылённая. И чем дальше мы отходим от него, тем величавее, тем таинственнее, тем чудеснее рисуется перед нами его образ, его творческое обличие, подобно великой горе, не умаляющейся, но возносящейся к небу по мере удаления от неё...

Единственный по глубине, ширине, силе и царственной свободе духа, он дан был нам для того, чтобы создать солнечный центр нашей истории, чтобы сосредоточить в себе всё богатство русского духа и найти для него неумирающие слова. Он дан был нам как залог, как обетование, как

благодатное удостоверение того, что и на наш простор, и на нашу страсть может быть найдена и создана совершающая и завершённая форма. Его дух, как великий водоём, собрал в себя все подпочвенные воды русской истории, все живые струи русского духа. И к целебным водам этой вдохновенно возмущенной купели будут собираться русские люди, пока будет звучать на земле русский язык, – чтобы упиться этой гармонией бытия и исцелиться от смуты, от застоя и брожения страстей.

Пушкин есть начало очевидности и радости в русской истории. В нём русский дух впервые осознал и постиг себя, явив себя – и своим и чужим духовным очам; здесь он впервые утвердил своё естество, свой уклад и своё призвание; здесь он нашёл свой путь к самоодолению и самопросветлению. Здесь русское древнее язычество (миф) и русская светская культура (поэзия) встретились с благодатным дыханием русского Православия (молитва) и научились у него трезвению и мудрости. Ибо Пушкин не почерпнул очевидность в вере, но пришёл к вере через очевидность вдохновенного созерцания. И древнее освятилось; и светское умудрилось. И русский дух совершил своё великое дело. Всё бремя нашего существования, все страдания и трудности нашего прошлого, все наши страсти, – всё принято Пушкиным, умудрено, очищено и прощено в глаголах законченной солнечной мудрости.

Всё смутное прояснилось. Все страдания осветились изнутри светом грядущей победы. Оформились, не умаляясь, наши просторы; и дивными цветами зацвели горизонты нашего духа. Всё нашло себе лёгкие законы неощутимо лёгкой меры. И самое безумие явилось нам в образе прозрения и вещающей мудрости. Взоры русской души обратились не к больным и бесплодным запутанностям, таящим соблазн и гибель, а в глубины солнечных пространств. И дивное глубокочувствие и ясномыслие сочеталось с поющей и играющей формой...

С тех пор в России есть спасительная традиция Пушкина: что пребывает в ней, то ко благу России; что не вмещается в ней, то соблазн и опасность. Ибо Пушкин учил Россию видеть Бога и этим видением утверждать и укреплять свои сокровенные, от Господа данные национально-духовные силы. Из его уст раздался и был пропет Богу от лица России гимн радости сквозь все страдания, гимн очевидности сквозь все пугающие земные страхи, гимн победы над хаосом. Впервые от лица России и к России была сказана эта чистая и могучая "Осанна", осанна искреннего, русским Православием вскормленного мироприятия и Богоблагословения, осанна поэта и пророка, мудреца и ребёнка, о которой мечтали Гераклит, Шиллер и Достоевский.

А русская история была такова, что народ наш имел особую потребность и особое право на это радостное самоутверждение в Боге. И потому этот радостный и чудный певец, этот совершитель нашего духовного акта, этот основоположник русского слова и русского характера был дарован нам для того, чтобы стать солнечным центром нашей истории.

Пушкин, наш шестикрылый Серафим, отверзший наши зеницы и открывший нам и горнее и подводное естество мира, вложивший нам в уста "жало мудрыя змеи" и завещавший нам превратить наше трепетное и неуравновешенное сердце в огненный угль, – он дал нам залог и удостоверение нашего национального величия, он дал нам осязать блаженство завершённой формы, её власть, её зиждущую силу, её спасительность. Он дал нам возможность, и основание, и право верить в призвание и в творческую силу нашей Родины, благословлять её на всех её путях и прозревать её светлое будущее, – какие бы ещё страдания, лишения или унижения ни выпали на долю русского народа. Ибо иметь такого поэта и пророка – значит иметь Свыше великую милость и великое обетование".

Всё продолжается бой

Со времён Пушкина до наших дней продолжается одна история. Кавказские горы привлекательны, в чудесных краях рождаются горцы, люди особенные и славные, парит горделивый дух, вдохновение, музыка, поэзия. Смерть. Никто не знает, можно гадать, на чьей стороне А.С.Пушкин в противостоянии федеральных сил и банд формирований, т.е. повстанцев, по радио звучат вперемежку оба названия, дело не в них. Интересует позиция и отношение первого поэта России к вопросам войны, завоевания чужих земель, межнациональных конфликтов, территориальных споров, и сейчас острых и злободневных в мире, мало изменилась психология восприятия другого, устойчива природа агрессивности, насилия, отчуждения и присвоения.

Как и при Шамиле, бьются чеченцы. Ясно, что насильно мил не будешь, но у политиков свои понятия. Власть в государстве у сословия, свободного от морали и заповедей. Силы угнетения и закабаления людей направлены против воли, достоинства и чести подданных. Пока не поднимутся в рост граждане, их используют и унижают новые бароны, вельможи, царедворцы и олигархи, разделившие под шум развала империи пирог державной собственности. Авантюристы, чтобы отвлечь внимание от махинаций, жировать и царствовать, создали образ шайтана, распалили страсти. Обыватель угорел от ксенофобии, собственной исключительности, избранности, шовинизма и нацизма – разогрев общественного мнения, ура-патриотизма.

Доблестная армия, делать нечего, в очередной раз направилась в поход против террористов, хватило пороху повторить Сталинград, от Грозного остались руины, безжизненная земля, обезлюдели районы, победоносная кампания упирается в горы, чем взять, ломают голову стратеги. Третий век всё то же, продолжается покорение Кавказа или, есть мнение, добровольное присоединение горских народов к матушке, скоро услышим, что освободительная война, отечественная. Обеспокоенная стратегическим положением, империя то укрепляет границы, то расширяет, то защищает, снятся страшные сны, вот угроза распада и целостности.

Бывает непросто человеку разобраться и определиться в ситуации соперничества и борьбы, столкновения интересов, каждая сторона права. По поводу Чечни вокруг нас множество разноречивых мнений, суждений, оценок, люди расходятся во взглядах, мировоззрении, усваивают и проповедуют иные идеологии, молятся разным божествам и идолам, в массовом сознании народов живут мифы, в историографии и политической экономии учёные объяснения, постулаты и концепции. Не умолкает стрельба и бойня за ресурсы благополучия, природные ископаемые, чёрное золото, источники обеспеченности.

Идёт коммерческая война, обидно гибнуть за чужую наживу, это ещё далеко не вся правда. Входит ударно сильным звеном в предвыборную технологию, президентский ход, следовательно, государственный расчёт, та же спекуляция. И это не корень, он глубже, в почве этнической истории. В сложном клубке страстей и противоречий прячутся и провокации, внешнее влияние и подпитка кровной мести, отчуждения. В этой обстановке понять друг друга нельзя, люди озверели, предстоит тернистый путь возвращения к человеческому облику и достоинству. Что-то скрывается за состоянием первобытной дикости и варварства. Военный психоз и людские жертвы не бывают случайными.

Это когда началось формирование следственных служб, и доныне не обходимся без серых кардиналов и ведомств, всегда найдётся, что оберегать, защищать, искать, предупреждать, задачи усложняются, штаты и сеть охранителей устоев укрепляются и усиливаются. Все средства, особый подбор и установка, на стороне государства и верхнего слоя первых вельмож, их окружения, вечное политбюро, – и не так просто рядовой личности отстоять свои права.

Так или иначе, жизненная необходимость и взаимозависимость ("рука руку моет"), то неизбежность, то здравый смысл или приспособленчество, борьба за существование, социальный дарвинизм. В ремесле и искусстве выживания манера общения, приёмы и мастер-

ство, технические средства игры, экспрессия деятельности и отношения к материалу и предмету – стилистика всё совершенствуется, развивается и утончается. Сценарии, режиссура, актёрский состав, сценический язык, декорации спектаклей обновляются, драматургия в целом меняется в звучании голосов и интонациях. В современном театре под сценой скрывается не только оркестровая яма и машинное отделение, там укореняется разветвлённое подземелье лабиринтов и бункеров.

Человек падший и опустившийся уподобляется крысе, они близки и родственны по духу. Условия существования и жизнедеятельности открывают в природном человеке зверя. Крысины заводятся в трущобах жизни, снуют в подвалах и мусорных свалках. Зооморфизм естествен, и не случайны фамилии, родовые имена-прозвища, наберётся зоопарк. В мифологическом сознании может быть схвачено сходство людей с животными. Собственные имена изначально были мотивированны: Медведев, Волков, Слонов, Львов, Зайцев, Белкин, Барсуков, Конев, Мышин, Бобров, Кротов, Лосев, Соболев, Козлов, Коровин, Тюленин, Харьков и др. Таковы все мы.

Как жить и куда двигаться, в потоке общем или по отдельной программе? – религиозного смысла величественный вопрос человека - личности. Благочестие как мотивация и устремление избранника к одухотворённой жизни, по совести, отличает сознание и поступки творца, осознающего свою ответственность и назначение в мире, нить и связь с вечностью и запредельным. На нравах и натуре общественного человека сказывается стихия нижней бездны, непросто преодолеть силу притяжения пустоты. Во временном и земном есть живое и природное, соблазны, страсти, страхи, козни, влечение и лживые побуждения – легко запутаться и заблудиться.

Трудно найти себя, стать собой, состояться, незаурядным и полноценным, не говоря уж праведным или гением, то подвиг, редкое достижение и удача, шаг к бессмертию. Проще усваиваются средние и ущербные роли. Можно объяснять, оправдывать, предпочитать стадность, есть и такая идеология, философия и риторика. Вокруг нас в жизни, вопреки утопиям и теориям, продолжается раздел, усложняется расслоение, глубже раскол, непонимание и несовместимость нравов, характеров.

В массовом сознании рождаются и живут мифы о героях смуты, борцах, воинах справедливости, о бойцах невидимого фронта. В осторожных слухах затверживается собирательный образ, устойчивое представление о крепостничестве, опричнине, жандармерии. Внешние формы жизни меняются, давно живём без вывески самодержавия. Но-

минально нет монарха, нет трона, вроде бы есть конституция. Но внутренние механизмы в сохранности, всё действуют, нержавеющий металл, вечная механика. Научно-технический прогресс невероятных масштабов. Вы счастливы?

Человек ищет какой-то выход для себя в жизни, это закономерно. Однако прежде и теперь многим из нас, по непонятным причинам, сама мысль об эмиграции и отчуждении Пушкина всё ещё кажется кощунственной, настолько понятие России и национальности сроднилось и срослось с его именем. Идеальный образ поэта в отвлечённом сознании рисуется и воспринимается чисто умозрительно, как бы чьё-то предписание и высшее предназначение, отвлечённость и условность жизни, никак не самой жизнью. Часто это то, что кому-то хотелось бы увидеть, вроде бы такая сказочная призма, чтобы сглаживать во всём разные мелочи, вариации и случайности.

Использованные документы, факты и свидетельства, касающиеся вопроса о правительственных санкциях против нелояльного и невыездного Пушкина, давно известны литературоведам, хотя истолковываются и оцениваются пушкинистами неоднозначно. Мнения и отношения неизбежно отличаются в той или иной мере предвзятостью и субъективностью, так или иначе связаны идеологически, пристрастные к определённым ценностям. Исключительно редко личность у нас почиталась самодостаточной, и на отдельного человека привычно смотрят как на средство манипуляции и управления, незначительную величину, пригодную или непригодную в отвлечённой стратегии.

Поэт оказывал, как мог, сопротивление притеснениям и ущемлению своих прав, демонстрируя стихийно протест самочинству власти. Однако он обречён на проигрыш в жизни, не добиться ему полного успеха и обеспеченности, слишком горяч, нерасчётлив и непоследователен. Или фортуна не отличалась удачливостью и везением.

И всё продолжается бой рядового и необычайного, разного, подобного и непохожего, против власти и за права личности, оппозиция участвует в борьбе, и диссиденты малой каплей плавились в том тигле. Меняются социальные роли: они то философы, то проповедники, то правозащитники, то литераторы, и эмигранты, и зэки, и депутаты, и советники, а вот уже и старики беспомощные. Непросто разбираться в жизни, всё тут в единстве, реально связано и завязано, соединяется, сплавляется, преобразуется, меняется мир – изнутри и вовне, дух и плоть, способности и возможности, состояние и поведение, положение и намерения, всего не перечислить, упорядочить бы для понимания предмета.

Мнение порождает версию, если настаивать и консервировать, идея уплотнится и закоснеет. Так зачинается и сплетается литературный миф. Используются факты и наблюдения, нет нехватки, отбираются события, складываются в ряды, мотивы и слова толкуются, уточняются, выкраиваются, на первом плане правдоподобие и неприхотливость. Получился рассказ о трагической судьбе, вроде достоверное изыскание, рассчитано на убеждение и влияние. Найдутся доверчивые и сочувствующие, коль раскрыта роковая тайна поэта, главная, как оказывается.

Самодостаточный человек, творческий и деятельный, настойчив в порыве и движении к самореализации. Психология самоутверждения личности не всем доступна. Замечают дерзость, неоправданный риск – и свет (власть или чернь) отвечает отторжением инородного тела, творчество унижается, непривычное и новое начало в творческой мысли, её поэзия, на первых порах отчуждается публикой, мышление обывателя слишком консервативно. По-настоящему любят своё, что хорошо знают, к постороннему иное отношение, с осторожностью, мало ли. Разгадывая мысли и мотивы действий, не следует ограничивать себя одной и самой простой версией.

Мой Пушкин

В начале 1999 года от Людмилы Константиновны Дземешкевич из Омска получил нежданный заказ на харбинского Пушкина. "Какая роль ему отводилась в Лицее, что помните о нём вообще в Харбине, о книгах, уроках и памятниках на улицах того города? Расскажите!". Это дословно чётко поставленное задание, от которого несмотря ни на что не смел отказаться. Как сообщили, последующие номера газеты "Омские харбинцы", до 6 июня, будут идти под знаком Пушкина. Раз меня поставили в колонну, – сел написал и скоренько отправил воспоминания, Пушкин сказал бы "мемории". Хотя они меня терзали: больше бы чувства и душевности, страданий и трагизма, а то слишком уж по касательной. В моих занятиях и отношениях с Юбиляром и Конфуцием, китайским нервом, всё просто от начала до конца.

В ошеломительной книге Петера Губера 1923 года, о драгоценной коллекции любовных имён поэта, встретил и записал в своё время удивившую тогда фразу о Пушкине: "Он хлопотал перед генералом Бенкендорфом о позволении съездить заграницу или о назначении в посольство, направлявшееся в Китай (Куда?! – И.С.). Но его не отпустили"[71]. Всё. Не отпустили. Ну, не поехал и не побывал там виновник донжуанского

[71]Губер П.К. Донжуанский список А.С.Пушкина. - Пг., 1923. - С. 220.

списка, не судьба. И нет вопросов? Разве, хотя бы, не обидно, что с поездкой такой опять не вышло и не осуществилось, заглохнув намерением? Переспросил встреченных знакомых филологов, литературоведов и пушкинистов об этой претензии Пушкина, скажем так, – только удивление, никто не обратил внимания и не запомнил последний – китайский – адрес, мелочь и ничем не мотивированная случайность.

Надо было объяснить, как случилось, что вроде ни с того ни с сего я вдруг обратился к теме "Пушкин", вовсе мне не родственной, не свойственной. Тут он посторонний, маргинальный да неожиданно с раскосыми чертами. Что же подтолкнуло меня заняться жёлтым вопросом: как Пушкин однажды задумал направить себя в город Пекин. Зачем? До понимания сути всегда далеко, хоть бы уловить мотивы поступков. Пусть после останутся тайны и загадки, непостижимые, нераскрытые или угаданные.

Если сосредоточить мысль на факте и думать, – пожалуй, о многом можно догадаться самому. Есть логика жизни. Раз был разговор о Пекине, там Русская духовная миссия, заодно и дипломатическое посольство, малочисленный штат, своеобразный быт, так определился интерес к иному миру представлений и ценностей у поэта, болезненно не удовлетворённого жизнью, друзья помогали искать выход и хоть какой вариант продолжения житейской партии в многотрудной позиции. Предложен ход! Чтобы оценить его, важно проследить развитие, нужно знать, что было перед тем, вместе с тем, что будет потом.

Возможный шаг и, в общем, частный эпизод в сюжете замечательной судьбы и игры, с характерами, противоречиями, столкновениями, с напряжением воли в борьбе за выживание и счастье, всякий узелок в этой ткани, называемой жизнью, может быть роковым. Как и в карточной игре, так хотелось выиграть, но ему фатально не везло в свете. Суеверный и невезучий Пушкин вечно в истории. И почему бы не служить в Чине, по своему ведомству и назначению?! Правда, в тот момент на государственной службе он не числился, был уволен и ещё не принят вновь в Коллегию иностранных дел, да это чистая формальность.

О жизни-творчестве Пушкина сколько рассуждений, написано и ещё будет. Всем найдётся занятие, творческая личность, загадка и тайна. Авторы гадают, равняя по себе и понимая по-своему. Получается в итоге разнообразие – много Пушкиных, – диорама, многомерно, иллюзорно, правдоподобно. Однако пекинский след Пушкина, или штрих, пушкинистику (пушкиноведение и пушкиночувствование) не задевает. Как-то та китайская поездка не случалась, и чего же касаться, казалось. Может, для полноты картины не помешает, а вдруг...

У каждого из нас, должно быть, с детских лет остаются в памяти на всю жизнь странные случаи, поразительные встречи, незаурядные люди, впечатляющие рассказы, голоса и мотивы. Природа одаривает ребёнка замечательным чувством непосредственности, любопытства, восхищения окружающим миром. Но едва ли задерживается и остаётся восторг, – улетучиваются разом самые первые, неотвратимые и шаткие, дерзновенные попытки прямохождения по неизведанной тверди Земли, как правило, под неусыпной опекой нянь, в сопровождении горделивого сочувствия и благожелательных надежд родных и близких. В фатальных истоках рождения и частных обстоятельств личной судьбы, в воздухе и пище, в самых первоначальных движениях, звуках, красках, чувствах, поступках и словах коренятся решающие задатки, зароки и заповеди. В этом гибком возрасте в сознание человека заблаговременно закладываются требования, интересы, идеалы и ценности жизни.

Позже, в долгом и трудном походе жизни, придёт озарение и, наконец, поймёшь скрытые связи и зависимости в таинственном, как мифы, реальном нашем жизнеустройстве. Кому-то вот судьба исключительно благоволит – так, что предлагает сразу благоприятные условия и удобренную почву роста, обеспечивая с самого детства гармоничной и плодотворной средой, искренностью любвеобильного обращения, и глубиной духовного общения способствуя развитию и облагораживанию породы. Социально-психологическая обстановка и человеческое окружение, культурная среда обитания отличаются качеством, достоинством, красками и формами, зависят от нравственности людей и влияют, в свою очередь, на общественную мораль.

Жизнь без образов, серая, монотонная – непродуктивна, она вне поэзии. Давайте условимся так: поэзия жизни, конечно, больше, чем только стихи, пусть даже прекрасные. Однако полноценной жизни нации не бывает без творчества и магии, без заговоров и очарования самобытного слова. Так Россия подлинная невозможна без гения Александра Сергеевича, мы сразу заметим ущерб и недостаток. Пушкин и в Харбине для нас, безродных и потерянных, оставался символом веры в достоинство духовных начал словесности: свободы, творчества, любви.

Мой самый первый Пушкин – это моя тётя Вера, читавшая мне каждый вечер в дошкольном моём возрасте русские сказки. Среди них "Сказка о царе Салтане", которую мои дочери и все внуки будут знать наизусть полностью. Сама Вера Ивановна подростком, через долгую Сибирь, из Уфы до Хабаровска, перенесла гражданскую войну, отнявшую у неё мать, братьев и сестёр, – и уже ни за что не вернётся на родину. Она сознательно, мне так кажется, предпочла забвение в чу-

жом краю и чужой культуре. Доктор Аксёнов в Москве подтвердил, что она жива, на четыре года старше мамы, и тоже без памяти. Когда-то она занималась мною, много чего знала и рассказывала о своём детстве. В 88-ом году я поехал в Уфу, нашёл там бывшую Никольскую улицу и № 40, где все они родились. С трудом узнаешь.

Видите, как трудно, вспоминать Пушкина. В жизни все "темы" переплавляются, и остаётся некий сплав. Помню, например, что в нашем огромном доме сплошь увлекались Никитиным или Некрасовым. И "Телега жизни" была как раз из числа общедоступных стихов А.С. Пушкина. Искушённость поэтическая – отнюдь не массовое свойство, и в Харбине тоже ведь. Так же? Если не находится источник благородства и нет культурной подпитки населения, колония хиреет и деградирует. Этого не скажешь о русских в Маньчжурии.

Вспоминается, было это где-то в сорок четвёртом году. Выходит, мне – лет девять, я был лицеистом. В Лицее устроили меня учиться игре на фортепьяно. Невозмутимый В.П.Лепин, сидя слева за инструментом, методично вбивал в меня азбучную основу музыкальной грамоты. Утомительное занятие для нас обоих, маэстро и ученика. Время было мрачное, мы – терпеливы и покорны судьбе, сложившемуся или заведенному порядку вещей. Если подняться по широкой парадной лестнице, там перед большими окнами – пространство, и у правой стены, под ярким солнечным блеском – пианино, и в просторной тишине чистые звуки, томление этюдов и гамм. Среди старших лицеистов и выпускников были одарённые личности, склонные к музыцированию, рояль в актовом зале звучал торжественно, воодушевляясь неожиданными пассажами.

Когда пришли каникулы и я бездельничал дома, вдруг позвала меня к себе Мария Александровна Рычкова. Недолгое общение с этим человеком, русской аристократкой по происхождению и по сути, оказалось для меня впечатляющим и, кажется, влиятельным. Сформировался и остался в сердце пленительный живой образ неведомой страны и атмосферы. В естественных жестах и простой поступи слов угадываем изумительное чувство статности и достоинства, подлинного природного благородства, обаятельной незаурядности и душевного миролюбия. Не таясь и не скрываясь, тем не менее, вдова доживала свой нещадный век в затворе одиночества, во вполне благоустроенной отдельной квартире на втором этаже чужой гостиницы (Сун Хо-шина), очередного и уже последнего убежища. Там же по соседству и мы.

В гостиной нашей именитости сразу ощутишь стиль: у каждой вещи смысл, биографический подтекст и семейное пространство. Овальной

формы стол основательно в середине, слева, на своём месте, пианино, генеральша почему-то решила продолжить моё пианистическое образование. И я очень старался, незаметно продвинувшись в учёбе. Мальчишка, случайный и счастливый сосед, не смысливший в происходящем, в том харбинском заграничье, скоплении беженских судеб – казался существом, которому можно поведать о боли и тоске. Каждое музыкальное занятие сопровождалось воспоминаниями и рассказами-ассоциациями.

Мария Александровна вспоминала светлые годы детства, расцвета, великолепной молодости, жизни и учёбы в столице, где окончила Смольный. Запомнился поразительный факт из биографической повести: как бывало трудно подойти к состоятельному господину за подаянием. Когда в своё время проходили "Бориса Годунова" по курсу русской литературы, учитель словесности потребовал от благородных девиц не только нормального знания пушкинского текста, но наставлял их на осмысление произведения, прививая милосердие и сочувствие к ближним, к чужой беде, вникая в неизбежность вечной смуты духа и трагедии жизни.

Дабы действительно и всем существом пережить эмоциональный и личный смысл назревающего протеста и народного бунта, барышень отправляли (опускали) в жизнь простонародную, чтобы им самим на себе испытать унижение несчастных, сочувствуя року падших братьев и сестёр своих. Для чего благовоспитанная институтка облачалась в ветхое платье прислуги, чтобы в качестве испытания и домашнего задания по психологии поэтического искусства попробовать самой вжиться в участь убогих, униженных и оскорбленных, рядом с ними на паперти с протянутой рукой. Поверим ей на слово, что было непросто просить милостыню, зато так закрепился опыт сопереживания, христианского смирения. Подобная условная перестановка социальных ролей будит в душе чувства, даёт стимул соучастия, может быть.

Такие занятия и психологические игры пусть не покажутся теперь (сколько воды утекло и пролито крови) бессмысленными. То был конец XIX века, хватало романтизма и идеализма: ещё был в России Владимир Соловьёв, Русь как-то держалась своей веры. Литературное творчество связывали с определёнными нравственно-этическими нормами. Потом перевернулось, всё пошло кувырком. Вот и Маньчжурия.

Уже в следующем году был арестован и исчез её сын. Советский консул Зюкин, заурядный дипломатический чиновник, стыдил Марию Рычкову: "Позор иметь такого сына!". В ответ молвила, защищаясь: "Несправедливо судить, не зная. Сударь, сын у меня хороший". Скоро Бог забрал её, а я не знал о её кончине и не был на её похоронах.

Через десять лет дали зелёный свет на отъезд из Харбина во все стороны. Не знаю, куда бы меня понесло, не будь во мне отзвуков заповедного голоса. Сложились привязанности. Не стану настаивать, что направление, выбранное нутром или безумно, исключительно верное. Никто не может знать этого. Хотелось бы думать, есть невидимые духовные нити, не терять их. Человеческие судьбы в жизни и истории связываются, случайно и не случайно.

Послесловие

Жил на свете поэт Пушкин, по имени Александр Сергеевич, не как кто другой, но не в том суть. Перед нашим взором одарённый человек, с жизнью нерасторжимо, почти одно, в жизнеописании пусть разные подходы, или наклонения. Ситуация восприятия и понимания личности, кажется, проста и очевидна, но на самом деле не так однозначно представление и совмещение образов и ликов, их бесконечных вариаций. Жизнь привлекает внимание и отражается. Многообразна, неожиданна, таинственна, в ней всеобщая, мировая тайна творения, выживания и вознесения. У каждого свой путь, ход и предел (успение), как ни считай. Несть числа жизненных дорог и следов, в путанице разных судеб...

Конечно, имя Пушкина у нас знают почти все, кое-кто слышал и даже ещё помнит что-то из его родословной. А вот про ту китайскую затею, или историю обидевшегося на свою судьбу Поэта, как и про его встречи с отцом Иакинфом, монахом-ориенталистом, только какие знатоки у нас, если знают, и придадут значение. И вовсе мало кого интересует вопрос, как же некогда у россиян складывались отношения с китайцами, а наши далёкие предки завязали знакомство да общались с ними на самых первых порах и позже. И что же мы знаем обо всём этом? Насколько те знания существенны и значимы для нашего времени и нынешнего поколения? А история ведь всегда поучительна в чём-то всё-таки.

Литературная цитата – своеобразный и значимый (подчас ключевой) фрагмент текста, представляет относительно полное и законченное высказывание, суждение, собственно выражение и выборку, состоящую из одного или нескольких предложений, совокупно передающих ключевой смысл, отношение и оценку. Являя собой авторское утверждение, вопрос, сомнение, сравнение, отражая взгляд на предмет, мысль, своего рода понимание и образ, – и обретает своеобразное стилистическое звучание и вместе с тем несёт дополнительный заряд и вес, отличаясь собственно авторитетностью и авторитарностью, тем самым выделяется из общей массы фраз.

Читая тексты, книги и словари, нарастим смыслы и соберём выпущенные в мир фразы. Например: "Человек всегда – между жизнью и смертью", "Я думаю, что жизнь простое ожидание смерти", "Жизнь не переделать", "Жизнь пишется набело – рукописей нет (Олеша), "Дурочка-жизнь" (И.Ермакова), "Сочинения Бунина как иконостас русской жизни" (Ф.Гиренков), "У него за плечами целая жизнь", "Политика – это ещё не всё в жизни". Всё не переберёшь за всю жизнь. Чтобы понять такое многообразное и неоднозначное явление, как жизнь, надо настроиться, вжиться, почувствовать и сосредоточиться... И не исключено, дабы опять провалиться с ответом, как первоклассник.

Действительно, непросто раскрыть жизнь вообще, если обо всём и в целом. Кажется, есть вещи, общие конструкции мысли, которые вдруг и сразу не определить однозначно. Они как духи, нельзя задержать, схватить и удержать. Никак не разобраться до конца в мистических понятиях: "бог", "дух", "душа", "совесть", "грех", "бессмертие". О значениях и содержании слов, в конце концов, договариваются. Предмет метафизики и убеждения, жизнь и смерть – тоже из разряда затейливых мыслительных предметов, отвлечённых построений культуры, которые с трудом объясняются, не воспринимаясь логикой, но легко внушаются и принимаются на веру.

Итак, зададимся вопросом, что есть жизнь человека, как представляем, оцениваем, определяем? Что замечаем вокруг, чего не видим? Как толкуем и обобщаем разные события и факты, действия, поступки и связи, отношения, мотивы, чувства, мысли и слова человеческие? Жизнеописание поучительно, не пустая формальность. В будущем важнейшая из наук, пока же биографика не сложилась до конца. Биографы накапливают опыт, их роль в исследовании жизни ответственна. Судьба писателя – всегда таинственна. В его жизни любовь и ненависть, учёба и подражания, дерзания и соперничество, споры и борьба, труд, встречи и общение, дружба и семья, тоска и болезни. Много чего от рождения до смерти (и даже после), зависимости и последовательности. Как связать всё это воедино?

Кто-то, кому-то, почему-то и в чём-то покажется привлекательным, с изюминкой, так что хочется задержаться, угадать, прояснить смысл и ценность. Разные лица воспринимают по-своему, мнения и оценки не совпадают, различаются. В биографическом рассказе, так или иначе, присутствует рассказчик, никуда не деться. В жизнеописании – таков жанр – между строк скрывается образ биографа, тактичен и скромен, а то выскочит на первый план, без чувства меры. Иначе сказать, в такой вербальной картине жизни совмещаются, взаимодей-

ствуя и смешиваясь, оба опыта, два сознания, два лика, две судьбы, разные линии, несколько точек отсчёта и перспектив.

Сплав или совмещение одного и другого, стороннего и внутреннего, чужого и собственного, бытия-сознания, разноголосица, наслоения и чересполосица в тексте и стиле повествования, по-видимому, неизбежны в жанре литературной биографии, как бы составляя конструктивный принцип описания и понимания исторического фрагмента одной жизни. А их сколько? Масса, не перечесть…

Фотографии зависят от мастерства фотографов, портреты – от художников, так и тексты жизнеописаний и образы исторических лиц в решающей мере являются продуктом их создателей, авторов и соответствующего времени, стиля эпохи и направления.

В основу биографического повествования, тем не менее, обычно заложены (так предполагается) некие исторические рамки летописания и хронологическая канва человеческой жизни. Это такая наука.

С к р и ж а л ь 2

Отец Иакинф (Н.Я.Бичурин)

К жизнеописанию монаха-китаеведа

Содержание

Детство Никиты……... 164
Школа. В семинарии……... 165
Постриг……. 167
Набор миссионеров……. 169
Пекин…… 170
Возвращение домой…… 180
Валаам…….. 183
В Азиатском департаменте…. 186
Поездка в Кяхту……... 198
В С.-Петербурге……... 204
Вторая командировка…….. 208
Снова в столице…… 217
Приближение старости…… 223
Конец пути……... 238
В памяти…… 239
Семена рассеиваются в поле... 240
Подытожим……... 244

Детство Никиты (1777-1785)

"Убеждённый атеист и вольнодумец, по печальной иронии судьбы всю жизнь связанный с церковью и самой мрачной её ветвью – монашеством, Иакинф был не только оригинальным учёным, но и примечательной личностью, без которой характеристика его эпохи была бы неполной. След, оставленный Бичуриным не только в отечественном востоковедении, но и в истории нашей культуры, так значителен, что давно пора воскресить из мёртвых этого большого учёного и интереснейшего человека, попытаться воссоздать не только внешние события, но и внутренний мир его жизни, увлекательной и трагической"[72]. "Всеми своими трудами, всей жизнью своей он будет прорубать русло, которое соединит наши цивилизации" (72, с. 241). Так вот писали и думали, не думали.

Никита Бичурин, в будущем о. Иакинф, родился 29 августа 1777 г. в селе Акулево Свияжской округи Цивильского уезда Казанской губернии, в семье дьячка чувашского села Бичурино. Его отец Яков, второй священник Воскресенской церкви, фамилии по худородности не державший, и не мечтал, что его Никита пойдёт далеко и станет знаменитым востоковедом [73]. Церковный приход из пяти селений (Айдарово, Бичурино, Итяково, Сюндюково, Тогаево) с 275 крестьянскими дворами по бедности прихожан был малодоходным[74]. В семье Якова Данилова и Акулины Степановны детей было четверо: старший Никита (1777 г.), Татьяна (1780 г.), Матрёна (1782 г.) и младший Илья (1791 г.).

С 1792 года, в годы учёбы Никиты, в их семье будет проживать ещё престарелый священник Данил Семёнов (74, с. 23). Дед Никиты (по предположению, происходил из чувашей) с 1749 года, со времени основания прихода, служил дьячком Сретенской церкви в с. Чемурша (Тинсарино) Чебоксарского уезда. В 1764 году был посвящён в сан священника и переведён в Успенскую церковь с. Акулево Цивильского уезда. В этой же церкви с 1770 года по 1779 год служил дьяконом отец Никиты – Яков Данилов (74, с. 11).

Никита – старший сын Якова Данилова, священника с. Бичурино (Пичурино), получил фамилию Пичуринский (впоследствии Бичурин). В ведомости служителей Вознесенского монастыря, в марте 1803 г. подписанной самим Бичуриным, в графе "прозвание" стоит фамилия Пичу-

---

[72]Кривцов В. Отец Иакинф. - Л., 1988. - С. 4.

[73] Соколов В.Д. Рядом с Пушкиным: Портреты кистью и пером. - Х., 1991. - С. 49.

[74]Денисов П.В. Никита Яковлевич Бичурин. Очерк жизни и творческой деятельности учёного-востоковеда. - Чебоксары, 1977. - С. 23.

ринский; в графе "из каких наций" указано "великорусской". Младший брат Илья при поступлении в Казанскую духовную академию в 1798 году взял фамилию Фениксов (74, с. 22), в 1808 году с предпоследнего курса уйдёт из академии добровольцем в Лубенский гусарский полк (74, с. 60). Мать Акулина Стапановна умерла в 1797 году. В 1801 году отец Никиты, в возрасте 51 года, под именем иеромонаха Иоасафа будет зачислен в штат Чебоксарского Троицкого монастыря (74, с. 26).

Школа (1785-1788)

О детстве Никиты известно немного. Н.Н.Щукин, А.Н.Бернштам, П.Г.Григорьев утверждали, что в 1785 году его восьмилетнего приняли в Свияжскую новокрещенскую школу, в класс нотного пения. Там мальчик, проучившись три года, ознакомился с русской грамотой. Учителя заметят способности мальчика, оттуда направят учиться в духовную семинарию.

В семинарии (1788-1799)

По словам П.Г.Григорьева, к занятиям в семинарии Никита приступил в 1788 году (74, с. 17), хотя сам Н.Я.Бичурин в поздних автобиографических записках пишет: "На восьмом году возраста, в 1785 году с 5 мая, поступил в Казанскую семинарию, в которой, кроме известных наук, преподаваемых в семинариях, обучался языкам латинскому, греческому и французскому" (74, с. 17). После Свияжской школы Никита 11 лет усваивал азы науки – грамматику, арифметику, поэзию, риторику, богословие – в Казанской духовной семинарии. Это учебное заведение считалось важнейшим центром подготовки православного духовенства, кадров священнослужителей для обширной колонизированной территории – от Волги до Азиатского Востока.

Своим происхождением семинария связана с Казанской славяно-латинской школой, учреждённой в 1723 году в целях воспитания "непосредственных учителей христианской вере вверенных их населению новокрещёных и непросвещённых инородцев". В 1733 году архиерейская школа преобразована в духовную семинарию, согласно регламенту, наподобие Киевской академии. Для "учения отроков" при ней открыты классы фары, инфимы, грамматики, синтаксимы, пиитики и риторики, в дальнейшем организованы высшие классы: философии (в 1741 г.) и богословия (в 1751 г.) (74, с. 20).

"Это был очень даровитый и любознательный ученик с отличной памятью, но при этом и чрезвычайно живой натурой", – пишет биограф Адоратский. Он все годы учёбы в семинарии, как и другие сыно-

вья священнослужителей из чувашских приходов, был на отцовском попечении (74, с. 23). "Своекоштный" семинарист Никита Пичуринский, при скудном материальном положении родителей, не имел возможности носить форменную одежду, по семинарскому уставу (74, с. 24). Питались семинаристы плохо: из-за отсутствия средств ученики не потребляли мясную пищу, не пили чаю.

В декабре 1795 года в сборнике "Торжества Казанской семинарии" напечатаны стихотворения семинариста Никиты Бичурина: "Мелос" на греческом языке и "Сон" на русском. Как лучший из учеников, Н.Бичурин был представлен преосвященному Амвросию Подобедову (74, с. 26). В конце 1799 года влиятельнейший чин епархии оставил Казань, чтобы вступить на кафедру архиепископа санктпетербургского. Станет видным лицом в верховном органе русской православной церкви – первоприсутствующим в Св. Синоде, в марте 1801 года удостоен сана митрополита Новгородского и Петербургского, ещё и ректор Московской духовной академии (74, с. 31).

В 1798 году Казанская духовная семинария преобразована в академию. Прилежного и любознательного семинариста уже приметили, поэтому его оставят учиться дальше. Решение принимается с ведома и согласия владыки Амвросия Подобедова. Не ясно, случайно ли после завершения учёбы в академии Н.Бичурин и родственник по материнской линии А.Карсунский, сын священника с. Таволжанки Карсунского округа, определены учителями там же. По окончании академии в 1799 году Никите Бичурину предложат должность преподавателя русской грамматики, через два года информатории, позже начнёт курс высшего красноречия (риторики) [75].

Из духовной академии выпускники выходили со знанием классических языков. Никита Бичурин переводил с греческого, говорил на латинском, из европейских владел французским и немецким языками (74, с. 29). И определилась перспектива продвижения по службе, наметился карьерный взлёт, как окажется, чреватый риском и опасностью неожиданного падения. В "Автобиографической записке" Н. Бичурин пишет так: "По окончании курса учения в 1799 году, сделан был учителем грамматики в той же семинарии, переименованной в академию. В 1800 году пострижен в монашество и сделан учителем высшего красноречия. В 1802 году произведён в архимандриты и послан в Иркутск ректором тамошней семинарии" (74, с. 30).

[75]Хохлов А.Н. Н.Я.Бичурин и его труды о Монголии и Китае первой половины XIX в. // Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. - М., 1977. - Ч. 1. - С. 3.

Постриг (1800)

29 мая 1800 года Н.Бичурин подал на имя казанского архиепископа Серапиона прошение о "желании постричься в монашество". 18 июля в Спасо-Преображенском монастыре рукоположен в монахи и наречён Иакинфом. Будучи причислен к соборным иеромонахам столичной Александро-Невской лавры, он "того же месяца 22 дня произведён в иеродьяконы". Когда двадцатидвухлетний выпускник духовной академии принимает монашество, то верующий и атеист такое событие в жизни человека истолкуют по-своему и объяснят неоднозначно, находя разные мотивы поступка. В объяснениях вдосталь вольных домыслов.

Не исключено, что постриг случился под влиянием настроения. Вряд ли сыграл решающую роль "уговор с товарищем и неудача в любви", хотя поступление в монастырь не вызвано религиозностью. Церковники хотели привязать к системе одарённого юношу, знакомого с латинским, греческим и французским, прельщая доступом в монастырские книгохранилища, карьерой и властью. Может, "уже в это время его вера в провидение была поколеблена реальностью, с которой он сталкивался как в монастыре, так и за его стенами" (73, с. 50). Он делает "непоправимый шаг, за который казнил себя всю жизнь". "С прядью волос, отрезанных при пострижении, он потерял <...> всякую надежду на семейное счастье, на доступные другим человеческие радости" (73, с. 50). В том ли смысл жизни?

О мотивах поступка можно гадать. Н.Щукин полагал, что 23-летний преподаватель академии идёт в монахи с целью продвижения по службе. И.Мурзаев находит доводы, ставящие материальный достаток и служебное продвижение духовенства в зависимость от "монашествующих князей" церкви. По канонам церкви, "высшие должности по церковно-монастырской линии и в духовных учебных заведениях могли занимать только представители чёрного духовенства" (74, с. 33). Отказавшийся от сана священника, Н.Бичурин надел клобук и стал учителем высшего красноречия. Г.Стратонович полагал, что шаг сознательный и добровольный (74, с. 32).

Е.Ф.Тимковский, друживший с о. Иакинфом со времени возвращения из Пекина, уверял, что "духовное звание было ему противно, да он и попал в него случайно", обвиняя во всём Амвросия Подобедова (74, с. 33). Н.Моллер так излагала события, связанные с постригом: "Двоюродные братья и большие друзья Н.Бичурин и А.Карсунский по окончании курса академии полюбили одну девушку – Татьяну Саблукову, жившую со своими родителями в Казани". И вот "порешили

между собой сделать ей предложение: "Тот, который будет выбран, женится, а другой пойдёт в монахи". "Выбор пал на А.В.Карсунского, а Иакинф, исполняя договор, принял монашество"[76].

"1801 года августа 25 дня произведён в иеромонахи, а ноября 7-го ему препоручено управление Казанского Иоанновского монастыря" (74, с. 32). Тогда же получил должность преподавателя высшего красноречия в Казанской духовной академии. Сын сельского дьячка-чуваша, с блеском закончивший Казанскую духовную академию, и, в самом деле, по карьерной лестнице шагал слишком быстро. Иеродиакон, иеромонах, в 24 года – игумен Иоанновского монастыря.

20 июня 1802 г. о. Иакинф назначен настоятелем Вознесенского монастыря и ректором семинарии. Иркутский епископ Вениамин (Багрянский) на эти должности метил игумена Лаврентия (74, с. 35). Амвросий (Подобедов), член Синода, покровительствовал Иакинфу, перед которым открылась блестящая карьера на церковном поприще. Приехав в Иркутск в августе 1802 года и приняв в ведение монастырь, Н.Бичурин становится ректором Иркутской духовной семинарии и членом консистории. За исполнение обязанностей учителя богословия без соответствующего вознаграждения в порядке поощрения ему разрешено носить "мантию камлотовую с зелёными бархатными скрижалями".

Жизнь не обходится без интриг, назначенцу пришлось испытать срыв по служебной лестнице. Бесконечные доносы семинаристов на архимандрита Иакинфа в 1803 году привели к конфликту. Поводом скандала явилось содержание в келье настоятеля монастыря, ректора семинарии, под видом послушника Адриана Иванова "девки Натальи Петровой, бывшей дворовой отставного прапорщика Дмитрия Харламова" (74, с. 36). Укрывательство привело к лишению Иакинфа занимаемых должностей и переводу под наблюдение тобольского митрополита. Конфликт оборвал карьеру: лишили сана и послали учительствовать в Тобольск, семинаристов отчислили.

После судебного разбора жалобщики, выключенные из духовного звания, отправлены в солдаты. Иакинф "признан по свидетельским показаниям в близком подозрении к предосудительному поступку", и за нарушение монашеского обета приговорён к "запрещению священнослужения и лишению архимандричьего креста" (75, с. 3-4). По Указу Синода от 29 января 1806 года, он теряет звание архимандрита, должности ректора семинарии и настоятеля монастыря в Иркутске. Предписывалось

[76]Моллер Н.С. Иакинф Бичурин в далёких воспоминаниях внучки // Русская Старина. - 1888. - № 9. - С. 525-560.

незамедлительно перевести его на должность преподавателя риторики в Тобольскую семинарию под присмотром "надёжной духовной особы".

В Тобольске Иакинф более года содержится в монастыре и исполняет обязанность учителя в семинарии. Свою более чем 6-летнюю деятельность в духовных учебных заведениях Казани, Иркутска и Тобольска Н.Я.Бичурин в последующем оценивал скромно, совершенно умалчивая о занятиях историей восточных народов (74, с. 37). Вскоре в жизни опального монаха Иакинфа произойдёт вновь крутой поворот, это обусловлено большой политикой. Начало нового и существенного этапа в жизни его связано с поездкой в Китай – начальником 9-й русской духовной миссии и архимандритом Сретенского монастыря в Пекине (74, с. 38).

Набор миссионеров

В 1805 году в Санкт-Петербурге было решено направить в Китай полномочное представительство и специальное посольство. Предпринималось это "для извещения Китайского Императора о вступлении на престол Государя Императора Александра I и для заключения торгового договора с правом для русских торговать по всей сухопутной границе Китая, а также в городе Кантоне"[77]. Экспедицию возглавит граф Юрий Александрович Головкин, при нём грандиозная свита – 242 человека. Посольство собирались отправить в Пекин одновременно с 9-й духовной миссией, заодно и с научной экспедицией.

Св. Синод собирает новую духовную миссию во главе с иеромонахом Тихвина монастыря Аполлосом, произведённым по этому случаю в сан архимандрита. В её составе: иеромонахи Аркадий, Серафим, Нектарий, причетники Василий Яфицкий, Константин Пальмовский, студенты Маркел Лавровский, Лев Зимайлов, Михаил Сипаков и Евграф Громов. Миссия во главе с иер. Аполлосом прибыла в Иркутск в сентябре 1805 года. Но китайский двор тогда не принял чужестранцев, и собравшееся в Пекин российское посольство застряло в Сибири. Здесь миссия провела два года в ожидании конца переговоров о пропуске через границу.

В это время архимандрит Аполлос не сумел поддержать добрые отношения ни с графом Головкиным, ни с подчинёнными. Последние не слушались, не исполняли обязанностей и предъявляли различные требования. Результатом недоразумений было представление графа о неспособности Аполлоса управлять миссией. Слабохарактерный

[77]Из истории Пекинской Духовной Миссии. 9 миссия // Китайский благовестник. - 1914. - Вып. 11-12.

иеромонах во время длительного ожидания отъезда обнаружил несоответствие должности, так что начальника пришлось заменить другим. И остальные члены по подготовке вряд ли соответствовали требованиям к составу духовной миссии, согласно новому положению и инструкции Синода от 12 мая 1805 года (74, с. 42).

Граф Ю.А.Головкин, возглавлявший в 1805-1806 гг. русское посольство в Китай, отклонив Аполлоса от руководства миссией, "по неспособности", возбудил перед Синодом ходатайство о назначении о. Иакинфа на пост начальника Пекинской миссии. Тот тогда в опале, преподавал риторику в Тобольской семинарии. В Иркутске в то время готовилась к отправке в Пекин русская духовная миссия. Начальник миссии, к счастью для Бичурина, отстранён от поста, и вакансия достанется молодому архимандриту. Это в 1807 году. Арх. Иакинф назначен Начальником IX Миссии в Китай[78].

Пекин (1808-1821)

В Синоде предложение графа Головкина поддерживал митрополит Амвросий (74, с. 42). 5 марта 1807 года Александр I "соизволил" дать согласие обер-прокурору Синода Голицыну на определение начальником миссии арх. Иакинфа. 8 мая указ Синода о смене руководства Пекинской миссии получен Иркутской духовной консисторией. В результате неоднократных представлений графа Ю.А.Головкина, таким образом, Бичурина назначили главой Российской духовной миссии в Пекине. И 17 сентября того же года она выехала из Кяхты за границу. На сей раз вместо прежних 7 лет миссионеры должны служить в столице Поднебесной 10 лет (74, с. 42).

Как видим, по распоряжению высокого начальства, утверждённого Александром I, монах Иакинф снова архимандрит, едет в Пекин, ещё нет тридцати, уже проявил незаурядность, в Пекин попал едва ли по чистой случайности. Не обошлось без содействия и покровительства высокопоставленного иерарха церкви. Основные заботы по набору кадров и другим вопросам организации миссии легли на митрополита Амвросия Подобедова (74, с. 41). Он предложил ассигновать на содержание новой миссии 6500 рублей серебром, вместо 3850 рублей, выделявшихся предыдущему составу согласно "высочайше" утверждённому положению в 1768 году.

В составе 9-й миссии 11 человек, в дорогу собрали снаряжение и провиант. Миссия получит пожертвование: 222 лошади и 55 быков, 22 русских подводы, 73 двухколёсных телеги. Выписана походная

[78]Биографический очерк // Китайский благовестник. - 1912. - Вып. 4.

кузница, 60 вёдер дёгтя, 100 шкур для покрытия телег (77, с. 28). Из Иркутска ехали в сопровождении пристава, письмоводителя, толмача и 32 человек конвоя из казаков Троицкосавской пограничной канцелярии (74, с. 44-45). Путь пролегал через степи Монголии, выехали из Кяхты 17 сентября 1807 года, Урга 29 сентября, Калган 22 декабря. До китайской столицы добирались четыре месяца.

Н.Я.Бичурин по своей инициативе с первых же дней путешествия на всём протяжении пути следования миссии от Кяхты до Пекина вёл подробные дневниковые записи. В них старался описать "проезжаемую страну с селениями и городами, состояние в оной годовых времён, произведения из трёх царств природы, и даже присовокупить к сему статистическое описание Монголии" (74, с. 43). 9-я духовная миссия во главе с арх. Иакинфом прибыла в Пекин 10 января 1808 года и будет находиться там до конца 1821 года, почти 14 лет (78, с. 25).

Основной обязанностью арх. Иакинфа являлось руководство делами 9-й духовной миссии, прежде всего, распространением христианства среди албазинцев – "малонадёжных христиан", склонных к отпадению в "идолопоклонство". Задача "спасения помрачённого образа божия в потомстве албазинцев" была не из лёгких. Потомки сибирских казаков постепенно теряли "родное наследие, принесённое с собою", в том числе язык (74, с. 44). Ко времени прибытия 9-й духовной миссии в Пекин православных албазинцев, по официальным данным, числилось там 35 человек мужского пола, из которых немногие носили христианские имена и владели русским языком.

Православие среди "малонадёжных" христиан-албазинцев приходилось поддерживать даровыми материальными пособиями или фиктивными должностями в русской миссии (74, с. 45-46). Вскоре, по признанию самих миссионеров, не было уже возможности удерживать албазинцев в православной вере, разве что разными подачками за посещение богослужений в православной церкви. Численность крещёных албазинцев продолжала снижаться, так что к концу деятельности бичуринской миссии останется их всего 22 человека, это явно отрицательный результат (74, с. 46).

По прибытии на место о. архимандрит, уже владея латынью, греческим, французским, берётся за китайский, маньчжурский, монгольский, даже тибетский и корейский. Он заводит в Пекине знакомства в разных сословиях и принимается за изучение языков. Это для него не самоцель, но средство ознакомления с культурой Востока. На "монгольской площади", расположенной по соседству с "русским подворьем", останавливались приезжие из сопредельных стран. С ними охот-

но встречался общительный начальник миссии, усваивавший восточные языки прямым методом. Но вскоре больше времени он станет отводить для китайской письменности.

Как и ожидалось, Иакинф приступил сначала к переводам на китайский язык христианских книг. Однако вскоре он охладеет к миссионерской деятельности, большую часть времени посвящая изучению страны и китайского языка. А младшие члены миссии – причетники и ученики, по утверждению арх. Сафрония, вместо миссионерско-богословских "учёных" занятий шатались "пьяными по улицам Пекина и губили, разумеется, этим свою репутацию и здоровье". Руководителю миссии и архимандриту Сретенского монастыря пришлось суровыми методами добиваться дисциплины у подчинённых и проявлять заботу об устройстве их быта (74, с. 45).

Уже в 1808 или 1809 году китайский министр иностранных дел Сун приглашал всех членов миссии к себе "для некоторых объяснений". "Палата внешних сношений пожаловалась иркутскому губернатору на студентов миссии, которые погружались "в леность, пьянство и другие распутства". <...> В Пекин Трескин послал строгий выговор студентам, грозя их выслать из Китая за дурное поведение и неповиновение начальнику миссии. Виновные, особенно Громов и Лавровский, были прощены по ходатайству о. Иакинфа, под условием исправления их"[79].

В письме от 14 августа 1810 года директору кяхтинской таможни Ванифатьеву Бичурин писал (75, с. 4): "Не хваля себя, могу сказать, что живу здесь единственно для отечества, а не для себя. Иначе в два года не мог бы и выучиться так говорить по-китайски, как ныне говорю". Через четыре года после приезда в Пекин он при помощи учителя принимается за переводы с китайского, и тогда ещё не понимая, как следует, отвлечённых понятий в средневековых текстах и объяснения китайца. Ещё два года потратил на углубление знаний, для чтения древнего текста освоив азы классического образования, таким введением для него было "Сышу" ("Четверокнижие").

В результате общения с крестьянами из селений Дундинань, Тяньшань и др., Бичурин составил китайско-русский словарь. То первый его труд, исключительно ценный для дальнейшей научной деятельности в области китаеведения. Он послужит основой для составления больших двуязычных словарей (74, с. 48). В 1813 году приступает к переводу на русский язык китайских исторических, географических и статистических сочинений. На пятом году пребывания в Пекине, зная до 10 тысяч китайских иероглифов, перешёл к переводу

[79]Адоратский Н. Отец Иакинф Бичурин // Православный собеседник. - 1886. - № 2, 3, 5, 6.

исторических сочинений. И вынужден был признаться, что ещё не в состоянии "вполне понимать изъяснение отвлечённых слов".

Миссионеры римско-католической церкви, заметнее преуспевшие в проповеднической деятельности, достали Иакинфу китайский словарь с латинским переводом Базеля де Глемона. Иакинф проштудировал произведения синологов А.Семедо, Ж.Майя, Ж.-Б.Грозье, Ж.-Б. Дюгальда и др. в библиотеке португальской католической миссии в Пекине. Критическое изучение филологических работ своих предшественников в этой области (например, Варо, Гонзальвеса, Миршмана, Моррисона, Премара и др.) позволит Иакинфу заявить, что "в них заметны поверхностные сведения в китайском языке". "Тем не менее, эти учёные пробовали объяснить всё им известное по собственным умствованиям, или пополнять догадками, и, конечно, делали неверные выводы", – предупреждал Бичурин (74, с. 49).

"Он, как ненасытная губка, поглощал неимоверные знания о Китае, обладая к тому же невероятной трудоспособностью, усидчивостью и феноменальной памятью, – пишет В.П.Петров. – За время пребывания прочёл историю Китая в 270 томах, энциклопедию в 20 томах, статистическое описание империи в 18 томах и много других китайских произведений"[80]. Бичурин постоянно трудился над изучением истории, географии, статистики и культуры Китая. До последних дней он с увлечением занимался также этнической историей и географией Монголии, Маньчжурии и Тибета, опубликует по этим предметам ценнейший свод источников, переведённых китайских исторических летописей (74, с. 50).

На седьмом году пребывания в Пекине Иакинф закончил перевод "Сышу" – литературно-исторический свод учений Конфуция и конфуцианцев. "Четверокнижие" являлся учебником на второй ступени обучения в китайской школе. Конфуцианские каноны, включённые в "Сышу", складываются из четырёх книг: "Лунь-юй" ("Суждения и беседы"), "Да-сё" ("Великое учение"), "Чжун-юн" ("Учение о низменной средине") и "Мэн-цзы" ("Изложение воззрений философа- конфуцианца Мэн-цзы"). Работа над классическим трудом приведёт Н.Я. Бичурина к пониманию, что "четверокнижие составляет ключ к переводу учёных китайских книг на другие языки" (74, с. 51). По словам З.И. Горбачёвой, все существующие переводы конфуцианского канона "Сышу", в том числе и переводы академика В.П.Васильева (1884) и П.С.Попова (1910), по своему качеству уступают переводу Н.Я. Бичурина и не могут считаться удовлетворительными (74, с. 51).

[80]Крушинский А. Миссия в Пекине // Родина. - 2002. - №1. - С. 50.

9-я миссия совпала с Наполеоновым нашествием, российским властям было не до неё, и Иакинф прослужил сверх срока ещё 3 года, что ему пришлось только на руку. В годы Отечественной войной 1812 года миссия перестала получать пособие из Петербурга, о её существовании вспомнят только после Венского конгресса (74, с. 46). В таких условиях миссионерам пришлось выкручиваться: "Одни из них, изучивши разговорный язык, занялись адвокатурой по частным делам, одерживая верх не столько красноречием, сколько страхом, производимым на судей; другие пустились в торговлю, а третьи, говорят, и в азартные игры" (79, с. 271). Все терпели нужду. Иакинфу Бичурину надо было принимать срочные меры к спасению от голода членов миссии, и он стал распродавать церковные дома и земли, закладывать церковные ценности. Это послужит впоследствии для Синода одним из основных пунктов обвинения его в вероотступничестве (74, с. 46). И в это же время церковные здания и колокольни, естественно, ветшали и разрушались, прекратилась служба в Успенской церкви, в запустении стояла Сретенская церковь (74, с. 47).

На улицах Пекина наши миссионеры всё чаще появляются в китайской одежде и в весьма неприглядном для духовных лиц состоянии (74, с. 47). Странный чужеземец, "похожий на китайца по внешнему виду", если видел вещь, "неизвестную ему на китайском языке, <...> просил сидельца написать название оной по-китайски, а внизу подписывал название на русском языке". Потом все эти сведения подвергались перепроверке с помощью домашнего учителя-китайца. Непосредственное общение с местным населением в условиях повседневного быта способствовало усвоению и совершенствованию в овладении китайским разговорным языком.

Спустя почти столетие напишут ведомственную историю Миссии. Следующий отрывок оттуда, кажется, правдоподобен и довольно показателен: "Прибыв в Пекин, Девятая Миссия с жаром и увлечением начала изучать язык и обычаи китайцев. Архимандрит Иакинф служил примером для братии" (77, с. 29). Но прошло какое-то время, "он стал грустить и искать развлечений. К тому же и физиологические особенности его организма были причиною прискорбных падений"… И далее "Пальмовский, Громов и иеродиакон Нектарий предались пьянству. Последний в 1810 году был отправлен в Иркутск… и отдан в военную службу. Студент Громов покончил с собой, отравившись ядом. Пальмовский в 1814 году отправлен в Иркутск".

А отец Иакинф тоже "заводил знакомства с актёрами, посещал сам увеселительные заведения". После тяжких страданий скончались

студенты Маркел Лавровский и Евграф Громов, сошёл с ума иеромонах Нектарий. Постепенно угасала и религиозно-проповедническая деятельность русской православной миссии: храмы во время богослужений пустовали: практичные албазинцы звонкое серебро ценили куда выше "слова божия" (74, с. 47). Наша духовная Миссия, как видно, что-то неладно, худо, из рук вон плохо занималась своей первой обязанностью, проповедью православия, т.е. никак не справлялась со своими миссионерскими делами.

18 ноября 1816 года о. Иакинф обращается в Синод с просьбой ещё на десятилетний срок оставить его в Пекине, для завершения трудов "в переводе истории, географии и других мелких сочинений". Изложив результаты своих научных занятий во время пребывания в Китае, в том же письме он предлагал далее приступить к углублённому изучению истории, географии, медицины, ботаники Восточной Азии, указав на важность повышения уровня образования членов миссии, на необходимость изучения ими языков коренного населения и выразив готовность помогать вновь прибывающим в "скорейшем и удобнейшем познании языков здешних" (75, с. 40).

"Я с приезда учился обоим языкам здешним, но вскоре приметил, что китайский служит основанием маньчжурскому. <...> Особенного внимания заслуживает история, география и медицина китайская. История есть двоякого рода: царственная и государственная. Царственная история описывает каждую династию порознь. <...> Государственная есть всеобщая история империи китайской. Сия в летоисчислительном порядке по годам и лицам предлагает параграфами все достопримечательные происшествия, выбранные из трактатов царственной истории.<...> История сия издана в 8 больших томах <…> и в описании мест ссылается на государственную географию, ныне в 24-х томах изданную. В сей географии находятся чертежи всех городов китайских и описание всех земель внешних, к империи присоединённых или дань платящих".

Как видно, занятия китайским языком и переводы китайских сочинений поглотили молодого учёного. И тогда же в письме иркутскому губернатору Н.И.Трескину о. Иакинф сообщал: "В приложенном у сего моём донесении Св. Синод я просил оставить меня в Пекине на следующее десятилетие. Жаль оставить свои труды незавершенными. Но если правительству потребны политические и географические сведения о империи китайской в настоящем времени, то не должно оставлять меня в Пекине".

Далее о. Иакинф писал: "Я перевожу китайскую историю, которая требует очень много посторонних справок. Сверх сего занимаюсь гео-

графиею, как древнею, так и новейшею Китая, Монголии, Зенгории, Могули, или Малой Бухары, и Тибета. Ныне исполнилось четыре года, как один живописец пишет у меня ландкарты. План Пекина, вновь снятый, занял его более года". В течение всего 1817 года о. Иакинф трудился над составлением плана Северной столицы.

В то время Пекин представлял собой многолюднейшую столицу, с миллионным населением. В нём насчитывалось: 16 больших улиц, 384 переулка, 370 мостов, 700 монастырей-кумирен, огромный рынок, множество княжеских дворцов, присутственных мест и казённых зданий. В нём княжеский приказ, шесть министерств, сенат, департамент иностранных дел, академия, университет, астрономический приказ и т.п.

"Распланированный чрезвычайно правильно, Пекин, как при о. Иакинфе, так и ныне [1886 год – И.С.], страдает крайним недостатком выполнения плана. Он разделяется на два города: внутренний (Нэй-чен) и внешний (Вай-чен). <...> Во внутреннем городе есть императорский (Хуан-чен), который русские прозвали красным городом, потому что стены его выкрашены красной глиной; а в центре последнего лежит кремль, иначе дворцовый город (Цзы-цзинь-чен) или крепость. В средней части своей последний имеет ряд дворцов с разными названиями и назначением, в восточной части у него расположены различные присутственные места, а в северной – храмы и помещения для государя с царевичами" (79, с. 246-247).

После этого Н.Я.Бичурин принялся за перевод "Статистического описания Китайской империи" ("Дай-цин и-тун чжи"). Затем уже приступает к переводу многотомной истории Китая для учёных. И, наконец, доходит очередь до философии истории, писанной с неоконфуцианских позиций, "Исторического зерцала государственного управления". "Цзы-чжи тун-цзянь ган-му" охватывает историю Китая от легендарного периода до конца Минской династии. Этот труд отличается хронологической последовательностью изложения событий и по сравнению с династийными историями компактностью изложения.

Перевод "Цзы-чжи тун-цзянь ган-му" остаётся образцом неутомимого трудолюбия, блестящего владения китайским языком и глубоких китаеведческих знаний. До настоящего времени работа сохраняет научную ценность историографического источника для тех, кто занимается историей древнего и средневекового Китая[81]. В своих переводах о. Иакинф "не допускал подгонки фактов к заранее избранной концепции и избегал каких бы то ни было искажений ради тенденци-

[81]Панкратов Б. И.Я.Бичурин как переводчик // Проблемы Дальнего Востока. - 2002. - №4. - С. 152.

озных целей, выводы и обобщения основывая на точных знаниях фактической стороны событий" (81, с. 150).

Среди переводов историко-географических сочинений, выполненных о. Иакинфом в Пекине, выделяются китайская хронология "Цзин-бяо-ди-цзен", сборник документов о приёме английского посла Макартнея (пер. с маньчжурского), "Описание Тибета в нынешнем его состоянии", "Трактат о прививании оспы", "Судебная медицина" и "Описание Чжунгарии и Восточного Тюркестана". <…> в 16 т. сводной истории Китайского государства под названием "Тунцзянь ганму" с древнейших времён Цинской династии (1644 г.) <…> в 16 больших томах рукописного текста содержится 45 тетрадей из 8384 страниц, а дополнительный 17 том, где дан лаконичный перевод "Истории династии Мин", состоит из 20 тетрадей на 590 листах (74, с. 52).

Итак, переводы "Дайцин и Тунчжи" и "Тунцзянь ганму" вместе с переводом "Истории династии Мин", составляющие в общей сложности 20 рукописных томов, по образному определению видного советского учёного-востоковеда Л.Н.Гумилёва, служили для гениального китаиста Н.Я.Бичурина своеобразным "колодцем, из которого он черпал сведения для своих работ" (74, с. 52). При постоянных занятиях переводами Иакинф составлял китайско-русский словарь, и он перевёл на русский язык маньчжурско-китайский словарь "Цин-вэнь-цзянь". Отцу Иакинфу удалось изучить в Пекине только китайский язык, но зато так основательно, как никому до него. "По-китайски он объяснялся, как самый образованный китаец" (79, с. 274). Все труды о. Иакинфа в Пекине Н.Адоратский делит на три разряда. "К первому принадлежат начатые им словари китайского языка, ко второму – переводы и извлечения из китайских источников по истории и географии, к третьему – оригинальные произведения" (79, с. 274). К последним относится план Пекина, снятый о. Иакинфом в 1817 году. Для этого нужно было исходить и измерить все улицы и переулки столицы, в совокупности это 58 ли, или 31 верста 222 сажени. "Наконец, им же составлены 49 иллюминованных рисунков китайских, маньчжурских, монгольских, корейских, туркестанских и тибетских костюмов мужчин и женщин" (79, с. 177-178).

Почти четырнадцать лет, прожитых в столице Поднебесной империи, для Бичурина стали годами плодотворной научной работы. Первый российский переводчик с китайского, до него переводили с маньчжурского или при помощи маньчжурского, "китайского боялись и не выучивали, как следует" (81, с. 154). Иакинф сумел овладеть китайской грамотой, составив наиболее полный словарь, переведя целый ряд древних

хроник, написав множество монографий. И, в конечном счёте, он "собрал огромную, весом в шесть с лишним тонн библиотеку – книги по географии, истории, экономике, политике, культуре Китая" (73, с. 50).

Ко времени отъезда из Пекина в 1821 г. Бичурин осуществил перевод таких сложных китайских источников, как "Цзы-чжи тун-цзянь ган-му", "Да Цин и тун-чжи", "Сышу" и др. Однако ему кажется, что сделанного мало. Чтобы иметь возможность для завершения планов, он обратился в Синод с прошением оставить его в Пекине ещё на один срок, однако ему было отказано. И вот архимандрит Иакинф, монах с 1800 года, в прошлом ректор Иркутской и Тобольской семинарий, недавний начальник 9-й Пекинской духовной миссии, бурно прожив в Китае с 1808 до лета 1821 года, вынужден передать дела архимандриту Петру, начальнику 10-й Миссии.

10-я духовная миссия во главе с архимандритом Петром прибыла в Пекин 1 декабря 1820 года. И уже 7 декабря занялась приёмом дел от прежней миссии. П.И.Каменский в 1794-1807 годах в составе 8-й Пекинской духовной миссии был в качестве студента. Человек набожный, он поражён запущенным состоянием церковных зданий и монастырского хозяйства, увеличением числа албазинцев, отпавших от православия, прекращением миссионерской деятельности среди них. И представит в Синод донесение о положении дел, которое послужит основанием для судебного обвинения.

"Сменщик" по приезде в Пекин не мог не сокрушаться о запустении: церковная утварь в закладе, часы с колокольни проданы, колокольня сломана. Для таких растрат имелись причины: ведь Петербург, занятый войной, прекратил финансирование. Выданные Миссии авансом на пять лет деньги израсходованы, китайского довольствия не хватало. Вот и принялись распродавать имущество! Изыскивая средства для пропитания, кто-то из членов Миссии преуспел в частной адвокатуре, другие пустились в коммерцию. Иакинф, погрузясь в исследования, не был ревностен к церковной службе.

И вот 15 мая 1821 года в обратный путь на родину из Пекина двинулись члены 9-й духовной миссии во главе с о. Иакинфом, шестеро оставшихся из десяти первоначально прибывших (74, с. 56). Студенты Громов и Лавровский скончались в Пекине, где-то после 1810 года. "Что касается иеродиакона Нектария и церковника Пальмовского, то о них нет достоверных сведений: "Они или выехали раньше из Пекина, или же, что вероятнее, последовали примеру первых двух" (79, с. 70).

Возвращение проходило благополучно, в спокойной обстановке. Позже о. Иакинф напишет: "К жарам мы привыкли; солнце не слиш-

ком беспокоило нас своими лучами. Ежедневно видели мы множество разнообразных и всегда новых предметов; спокойно могли обозревать представлявшееся взорам, и дорога сия была для нас самою приятною сельскою прогулкою"[82]. Бичурину уже 44 года, в долгой дороге рисует своё будущее и намечает прожекты произведений, за которые примется сразу по возвращении.

79 дней продолжалось путешествие, описано Е.Ф.Тимковским, чиновником Азиатского департамента[83]. Багаж о. Иакинфа – старинные китайские рукописи и книги – везёт караван верблюдов. "Главную часть тяжестей составила большая библиотека о. Иакинфа, а также книги, закупленные, конечно, не без его содействия, для библиотек азиатского департамента и Императорской публичной в С.-Петербурге, а также для училища азиатских языков в Иркутске. Эти тяжести весили около 400 пудов, и за одну перевозку их до Кяхты было заплачено подрядчику около 750 рублей серебром. Ими было навьючено 15 верблюдов" (79, с. 69).

"Смело можно сказать, что во все 8 перемен российской Императорской миссии в Пекине, бывших в течение 100 лет, не вывезено столь великого числа полезных сочинений, как в настоящую девятую перемену оной" (83, с. 285-286), – писал в своём дневнике бывший пристав 10-й духовной миссии. После о. Иакинфа по поручению Азиатского департамента много книг вывезли из Китая о. Аввакум (11-я миссия, 1830-1840) и В.П.Васильев (12-я миссия, 1839-1849).

С именем монаха о. Иакинфа, прожившего в Пекине почти четырнадцать лет, связаны блестящие успехи российского китаеведения. "Время о. Иакинфа нельзя не считать переходной эпохой для пекинской духовной миссии. С этого времени она постепенно выходит из своего заброшенного и плачевного состояния, в каком находилась в первые 100 лет своего существования, и начинает обновляться для правды, преподобия и истины" (79, с. 166).

"Ежели отдавать самому себе справедливость не противное скромности, то могу сказать, что целые тринадцать лет занимаясь познанием Китая, я один сделал в пять крат более, нежели все прошедшие миссии в течение ста лет", – подводя итог своей научной деятельности в Пекине, напишет позже Н.Я.Бичурин. Это в письме от 23 января 1824 года из Валаамского монастыря. А пока на родине его ждут большие неприятности.

[82]Бичурин Н.Я. Записки о Монголии, сочинённые монахом Иакинфом. - СПб., 1828. - Т. 1. - С. 27.
[83]Тимковский Е.Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. - СПб., 1824.

Возвращение домой

31 июля 1821 года о. Иакинф возвратился домой, с громадным грузом редких рукописей и замечательным знанием китайского языка. В Кяхте, куда добирались два с половиной месяца, Иакинф вынужден переменить китайский костюм, который носил 14 лет, на одеяние, подобающее монашескому сану архимандрита. "1 августа по утру директор кяхтинской таможни г. Голяховский с прочими чиновниками, купечеством, бурятскими тайшами приехали на станцию для встречи миссии" (79, с. 73). У пограничных ворот кяхтинское духовенство встретило миссию "священною церемониею".

В Кяхте около месяца провели в ожидании распоряжений высшего начальства. "Уже там о. Иакинф столкнулся с настороженным отношением к нему местного начальства, до которого доходили разные слухи о беспорядках в Пекинской миссии" (75, с. 4-5). Тогда же здесь набросал эскиз двухчастной китайской грамматики, позднее переработанной им в серьёзное руководство для училища китайского языка, которое при его содействии и участии будет открыто в Кяхте через 10 лет.

По возвращении на родину прибыли в Иркутск, там посетили училище азиатских языков. С московскими купцами Корзинкиным и Лобковым, а также с иркутским мещанином Киселевым Иакинф отправил в Петербург 14 ящиков книг на китайском и маньчжурском языках.

Бичурин приедет в столицу Российской империи 17 января 1822 года. "На основании резких доношений Трескина и архимандрита Петра, не симпатизировавшего о. Иакинфу, вся девятая миссия, с начальником во главе, была предана суду за неисправное поведение своё в Китае и допущение беспорядков в делах миссии" (79, с. 77). И по сентябрь 1823 года о. Иакинф будет находиться под домашним арестом в Александро-Невской лавре. И там он продолжает заниматься своими переводами китайских исторических трудов.

Начальство приняло девятую миссию, вернувшуюся на родину, сурово. В марте 1822 года весь состав миссионеров будет предан суду. "Главными пунктами обвинения о. Иакинфа была продажа (сомнительная для нас) части посольского двора <...>, затем заклад некоторых оброчных статей, оказавшихся, впрочем, налицо при последующих миссиях, небрежное обращение с церковною утварью, часть которой также была заложена, наконец, допущение открытия игорного дома в здании, принадлежавшем миссии и отдаваемом в наём. Трудно сказать, насколько справедливы подобные обвинения" (79, с. 77-78), – в своё время напишет Н.Адоратский. Обстоятельства судебного дела представляются, может быть, и не простыми, но вполне ясными. Мо-

наху Иакинфу инкриминировался целый ряд определённых противоуставных нарушений: заклад оброчных статей, небрежное обращение с церковной утварью, открытие игорного дома в здании, принадлежащем миссии и сдававшемся в аренду. И пусть себе биографы решают по-своему, однако суд справедливо признал обоснованными серьёзные обвинения[84]. К тому же пагубную роль сыграли слухи о безнравственной жизни российских посланцев в Китае (84, с. 128-129).

13 марта 1822 года министр народного просвещения кн. А.Н. Голицын сообщил членам Синода, что император Александр I по делам 9-й духовной миссии соизволил повелеть: "Тех лиц прежней миссии, кои по следствии, сделанном в Пекине архимандритом Петром, найдены виновными, предать суждению Петербургской Духовной консистории на основании законов и о решении сего дела представить его величеству" (74, с. 60-61). Высокопреосвященный Серафим, занявший место Амвросия Подобедова, духовного отца и покровителя Иакинфа, возглавил "исследование о злоупотреблениях и развратном поведении арх. Иакинфа и других членов миссии".

Следствие велось по "вопросным пунктам, сочинённым в Санкт-Петербургской консистории из доноса бывших учеников Пекинской духовной миссии, а также из донесения арх. Петра и его примечаний, сделанных в Пекине". В 47 вопросных пунктах-обвинениях, выдвинутых против начальника 9-й миссии, охранители церкви выясняли все мелочи его жизни в китайской столице, не придавая значения научной деятельности. Консисторские судьи обвиняли Иакинфа в непосещении церкви и прекращении священнодействия в течение 12 лет, в распродаже церковного имущества, в святотатстве, разных "блудодеяниях" и прочих прегрешениях (74, с. 62).

Церковный суд постановит выслать его в Троицкую Сергиеву пустынь на один год, "для употребления в одне только пристойные сану его занятия" (74, с. 62). Однако более суровой меры наказания добился митрополит Серафим – владыка Новгородский и С.-Петербургский, первоприсутствующий в Св. Синоде. Архим. Иакинфу вменили в вину небрежение миссионерскими обязанностями, и Синод лишил его священнического сана, не исключив, однако, из духовного и монашеского звания, присудив к пожизненной ссылке, под строгий надзор в Соловецкий монастырь.

На 9-ю миссию давно "катились телеги, опередившие верблюдов Иакинфа, доносы поступили и от обиженных членов миссии, и от иркутского губернатора, и от начальника кяхтинской таможни, и от ар-

[84]Алексеев М.П. Пушкин и Китай // А.С.Пушкин и Сибирь. - Иркутск, 1937. - С. 128.

химандрита Петра. П.И.Каменский обвинял Иакинфа в том, что "он был в Пекине, но и в Иркутске содержит на своем изживении какую-то польку Татьяну. Иркутск весь знает, да и сам он постыдным дело не признаёт – ей выдаётся через купца Осташева пенсия. Она писала к нему в Пекин – и дожидается его, как ей принадлежавшего" (74, с. 62). "Состав преступления" налицо. Отчасти же доносы связаны и с извечной неуживчивостью о. Иакинфа. Будучи ещё начальником миссии, он перед выездом в Китай "по легкомыслию сделал непростительную погрешность – принёс жалобу канцлеру" на сибирского генерал-губернатора И.Б.Пестеля и гражданского губернатора Иркутска Н.И. Трескина (74, с. 60). Эти уж не простят, дождутся своего. И уже позднее, – читаем в записке Н.Я.Бичурина, написанной 23 января 1824 года в тюрьме Валаамского монастыря, – "высланный мною из Пекина церковник Пальмовский обольщён был подать донос на меня от имени учеников, и г. Пестель, препроводив оный куда следовало, старался подкрепить другими обстоятельствами" (74, с. 60). К "пекинским прегрешениям" присовокупили иркутское дело о "содержании у себя вместо послушника девки".

"Некоторые утверждают (и, кажется, всего ближе к истине), что высшее духовное начальство строго отнеслось к о. Иакинфу и подвергло его наказанию главным образом за противление власти, выразившееся в его отказе дать какие-либо объяснения на обвинения его в разных проступках. <...> Очевидно, во всяком случае, что о. Иакинф, при живости своего характера и склонности к крайним выходках, отчасти сам виноват в том, что навлёк на себя суд без милости. Не принимая на этот раз во внимание его глубокого знания китайского языка и богатого запаса сведений о Китае". Синод лишит его сана и сошлёт в монастырское заточение.

В марте 1823 года министр иностранных дел, заинтересованный судьбой знатока китайского и маньчжурского языков, проявляет заботу и хлопочет о нём перед церковными властями. В связи с рассмотрением членами консисторского суда дела бывшей 9-й духовной миссии в Пекине К.В.Нессельроде обратился к обер-прокурору Святейшего Синода кн. Голицыну с просьбой учесть научные заслуги Бичурина, подтверждая свой довод солидным списком рукописных трудов учёного. Высокопоставленный гражданский чин не убедил церковников и не смог повлиять на суд.

19 марта 1823 года по решению Синода за небрежение церковно-миссионерскими обязанностями Иакинф лишается сана и приговаривается к вечному поселению в Соловецком монастыре, "чтобы, не от-

лучая его оттуда никуда, при строжайшем за его поведением надзоре, употреблено было старание в приведение его в истинное в преступлениях раскаяние". "Как недостойного носить звание священнослужителя, лишив сана архимандрита, отправить под строжайшим надзором в Валаамский монастырь". Так гласил приговор. Митрополит Серафим настаивал на уничтожении "языческих" рукописей презренного расхитителя церковного имущества (80, с. 50-51).

"Оба члена миссии, Серафим и Аркадий, также подверглись запрещению в священнослужении, но без лишения сана, церковник Яфитский был оставлен в Невской Лавре" (79, с. 79). Иеромонах Серафим посылался на 4 года под временным запрещением священнодействия во Введенский Островной монастырь; на год отбывания монашеских трудов в этот же монастырь ссылался иеромонах Аркадий. Студенты миссии Лев Зимайлов и Михаил Сипаков, по утверждению Н.Адоратского, "не менее виновные в своём поведении, не понесли никакого наказания" и были зачислены в штат Министерства иностранных дел на должность переводчиков китайского и маньчжурского языков (74, с. 63).

23 августа 1823 года указ Святейшего Синода официально утверждён Александром I, высочайше соизволившим внести правку, распорядившись содержать осуждённого не в Соловецком монастыре, а в монастырской тюрьме на острове Валаам, на Ладожском озере. Иакинф как бывший глава Российской духовной миссии в Пекине за нерадивое исполнение миссионерских обязанностей по решению консисторского суда 24 августа 1823 года лишен сана архимандрита и 4 сентября простым монахом отправлен на вечное жительство в Валаамский монастырь (74, с. 64), в то время место заточения лиц духовного звания (75, с. 6), таким образом неся кару за святотатство.

Надо сказать, о. Иакинфу как синологу не было тогда равного в целой Российской империи. При этом проф. Клапрот уже тогда признавал, что о. Иакинф один сделал столько, сколько едва ли в силах было сделать целое общество (79, с. 272).

Валаам (1823-1826)

С 4 сентября 1823 года до 1 ноября 1826 о. Иакинф пребывал в Валаамском монастыре. О жизни на Валааме эпитимийного монаха, как заявит Н.Адоратский, "до нас не дошло преданий". Понятно, "после бойкой и свободной жизни в Пекине валаамское уединение не могло не быть тягостным для живого и деятельного о. Иакинфа, не склонного к строго подвижнической созерцательной жизни. Очень

может быть, что теперь он стал искать поддержки у сильных мира, или последние сами вспомнили о нём" (79, с. 80).

Там, в Валааме, в монастырском заточении, о. Иакинф 3 года и 2 месяца привычно занимается редактированием собственных переводов китайских историко-географических сочинений. Ещё 9 января 1823 года в письме директору публичной библиотеки А.Н.Оленину он предложил услуги (74, с. 64). И редкий знаток иероглифической письменности в келье работает над переводом с японского "Описания монет Китая". В 1824 году пишет по-русски из китайских источников историю первых 4 ханов из Чингизова дома.

В 1825 году в "Северном архиве" появилась первая публикация о. Иакинфа "Указы и бумаги, относящиеся до английского посольства, бывшего в Пекине в 1816 году". В том же году в "Русском инвалиде" вышла статья "О рукописях, вывезенных из Китая архимандритом Гиацинтом (Иакинфом)" [1825, № 84, с. 337-8], в ней перечислены научные исследования, выполненные в Пекине (74, с. 66). Завершённые в Валааме, названные работы в основном – выбор темы, критическое изучение источников, перевод основного текста и извлечений, план, композиция – выполнены в Миссии, в Пекине (74, с. 67).

Нужно признать, окружение и обстановка, сложившаяся вокруг епитимийного монаха в Валаамском монастыре, более трёх лет в целом благоприятствовали творческому состоянию и производительности Иакинфа. Игумен Иннокентий, дряхлый старец, несший ответственность за искупление грехов и исправление нрава вероотступника, относился к тому дружелюбно и вовсе не был суров и требователен. "Отец игумен, идите уж лучше один в церковь, я вот более 7 лет не имел на себе этого греха", – так Е.Ф.Тимковский в беседе с А.В. Никитенко пересказывал о. Иакинфа (74, с. 67).

Тогда же, когда о. Иакинф находился в ссылке на Севере, Пушкин томился и тянул срок на Юге. Конечно, они разные, но в биографиях двух грешников странным образом много общего. За схожие пороки и искушения их судили и наказывали одни и те же маски. Долгое время оба числились по одному "ведомству". Позднее они познакомятся лично, к тому же будет немало общих знакомых. Тот и другой гений, дружили с А.Бестужевым, не исключено, и Бичурин не был чужд увлечения идеями декабристов. Ещё до ссылки на Валаам и он был знаком с кн. З.А.Волконской.

Через три года и два месяца после заточения на Валаам по ходатайству Е.Ф.Тимковского и П.Л.Шиллинга, служивших в Министерстве иностранных дел, русскому ученому разрешено переехать в Пе-

тербург и поселиться в Александро-Невской лавре. Спасло о. Иакинфа то, чему он всей душой служил, – определённый Петром курс на утверждение стабильных отношений с Китаем. Справившись с Бонапартом и утвердясь в Европе, Россия обращает взор на Восток. И выяснится, что без "валаамского узника" не обойтись.

После восстания декабристов начинается новый этап жизни Бичурина. 3 июля 1826 года специально для политического сыска в стране создано III отделение "собственной Его Величества канцелярии" (74, с. 70). Имя незаурядного монаха не сходит со страниц общественно-литературных журналов Петербурга и Москвы, "Московского вестника" и "Московского телеграфа", и др. Тогда же о. Иакинф – желанный гость в литературных салонах столицы, посещает субботники у кн. В.Ф.Одоевского.

В списке, составленном Бичуриным, по всей видимости, в 1826 году, рукопись, названная "История народа монгольского от XXIII столетия до Р.Х. по настоящее время (в 3-х томах)", описывается так: "Сей перевод есть извлечение из разных исторических китайских книг (вчерне)". Этот список не случайно находится в деле о перемещении о. Иакинфа в Александро-Невскую лавру и его переводах для МИД. П.Е. Скачков опубликовал письмо Н.Я.Бичурина П.Л.Шиллингу из Валаама от 22 июня (без указания года)[85]. Скорее всего, оно написано именно в 1826 году.

Такую версию подтверждает фраза из письма: "Ожидаю Вашего мнения о рукописях, требуемых его Сиятельством государственным канцлером". Чтобы подать ходатайство о возвращении Бичурина из ссылки, Нессельроде хотел иметь сведения о научных трудах и их готовности к изданию. Отсюда появление в архивном деле тогдашнего Министерства иностранных дел, начинающемся с 1826 года, автографа Бичурина: "Оглавление переводам с китайского языка". В этом списке упоминается, в частности, "Описание Тибета" с примечанием, что оно "переписано набело" (75, с. 43).

20 октября 1826 года обер-прокурор Синода кн. П.Мещерский пишет официальное письмо министру иностранных дел графу Нессельроде. В нём сказано, что император "соизволил бывшего при Пекинской миссии архимандрита Иакинфа, сосланного в Валаамский монастырь в 1823 году, перевести в Санкт-Петербург, в Александро-Невскую лавру, дабы он по занятиям своим в китайском и маньчжурском языках мог быть полезен" (74, с. 68). В переводческой деятельности, обеспечивающей международные связи и межгосударственные

[85]Письма Бичурина из Валаамской монастырской тюрьмы // Народы Азии и Африки. - 1962. - № 1. - С. 100-102.

отношения в мире. Мотив высочайшего повеления ясен, понятно, что человек определённо нужен для службы и важного дела.

В Азиатском департаменте (1826-1829)

На прошении графа Нессельроде Николай I начертал резолюцию: "Причислить монаха Иакинфа Бичурина к Азиатскому департаменту". Энциклопедические знания монаха понадобились правительству, заинтересованному в развитии отношений с Китаем. Барон П.Л. Шиллинг фон Канштадт, дилетантски, но ревностно занимавшийся востоковедением, предложил о. Иакинфа в переводчики с китайского и похлопотал за него. В соответствии с этим Иакинф будет принят на государственную службу, в октябре 1826 года, по Высочайшему повелению, будет отозван в Петербург. Для перевода бумаг, приходивших из столицы цинской империи.

В ноябре 1826 года Бичурина приняли на работу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел и из Валаама перевели на жительство в Александро-Невскую лавру. Так, благодаря уникальным познаниям в области ориенталистики и содействию со стороны друзей, свершился акт помилования и назначения на государственную службу. А.В.Никитенко, близкий знакомый Иакинфа по литературным салонам Петербурга, в своих воспоминаниях напишет, что Е.Ф. Тимковский "выручил его из Валаамского заточения, где он пребывал после разжалования его из архимандритов в монахи за его великие пекинские проказы" (74, с. 68).

Известный китаевед К.А.Скачков отмечал заслуги Е.Ф. Тимковского в возвращении Н.Я.Бичурина из ссылки и оказании тому помощи в издании научных работ.

Егор Фёдорович Тимковский (1790-1875) – путешественник и дипломат, родом из мелкопоместных дворян. Начальное образование получил вначале на подготовительном отделении Киевской духовной академии, а затем в 1804-1806 гг. – в академической гимназии при Московском университете. В 1806-1811 гг. учился на этико- политическом отделении Московского университета, которое окончил с серебряной медалью. С сентября 1811 года по июнь 1812 года Тимковский преподавал географию в академической гимназии при Московском университете, а с декабря 1813 года служил в Главном управлении путей сообщения (75, с. 41).

В феврале 1820 года его приняли на службу в Азиатский департамент и послали с новым составом духовной миссии в Пекин, где он познакомился с Н.Я.Бичуриным. После возвращения в Петербург он

продолжал службу в Азиатском департаменте (с июня 1822 года начальником 2-го отделения, а с апреля 1824 года – 1-го). В 1830-1836 годах будет назначен консулом в Молдавии, а затем снова в Азиатском Департаменте, откуда уволится в октябре 1838 года. В марте 1845 года Е.Ф.Тимковский вновь будет принят в Азиатский департамент, где он в течение ряда лет будет занимать важные посты в Министерстве иностранных дел (с 1859 года – член Совета МИД).

Раз Николай I повелел "причислить", то Иакинф Бичурин будет причислен к Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел. Дабы "своим знанием Китайского и Маньчжурского языков быть полезным Государственной Коллегии". И уже в следующем году получит достойный оклад. Вернувшийся в Россию и пострадавший о. Иакинф, оправившись от опалы, вскоре сможет публиковать переводы средневековых китайских рукописей. И "на их основе создаст работы, которые благодаря основательности первоисточников привлекут значительный интерес"[86].

Хотя митрополит Серафим был против реабилитации опального монаха, всё же о. Иакинфа из Валаамского монастыря переводят на жительство в Александро-Невскую лавру. 13 июня 1827 года доклад Нессельроде утверждён царем, Н.Я.Бичурину назначено приличное жалованье: 1200 рублей в год, и ещё 300 рублей на письменные принадлежности. А для поощрения научной деятельности "наградные" (в 1829 году 1500 рублей, в 1838 году 4000 рублей), "доколе он будет упражняться в переводах важнейших китайских книг или в других общеполезных изданиях" (74, с. 69). Учёный не станет испытывать затруднения при издании научных трудов.

Келья о. Иакинфа в Александро-Невской лавре "состояла из двух больших комнат с окнами в сад. Первая комната разделялась деревянной перегородкой на переднюю и приёмную, обставленную мебелью, для приёма близких друзей. По стене стоял большой диван красного дерева с тёмной обивкой, перед ним овальный стол, несколько стульев красного дерева. Над диваном висел большой портрет Иакинфа в облачении архимандрита. Другой портрет его в монашеском одеянии висел на противоположной стене между окном и дверью, ведущей в следующую комнату. В приёмной комнате – два высоких столика, под стеклянными крышками которых были помещены редкостные изделия, изготовленные китайскими мастерами" (74, с. 71).

Рабочий кабинет учёного монаха, занимавший переднюю часть следующей комнаты, был заставлен шкафами с книгами, на стенах

[86] Лукин А. Образ Китая в России (до 1917 года)// Проблемы Дальнего Востока. - 1998. - № 5. - С. 133.

висели географические карты, перед окнами стоял длинный письменный стол, заваленный книгами и рукописями. Задняя часть комнаты была отгорожена для спальни занавесью из голубого китайского атласа с пунцовыми цветами (74, с. 71). Литератор-историк Ю.И. Венелин после посещения кельи Бичурина напишет М.П.Погодину: "Я рассыпался в вежливостях; он был очень доволен, вежлив, приветлив и приятен до чрезвычайности. Единственный в своём роде из всех метропольских учёных. Мы проговорили около двух часов о Монголии, Китае, Чунгарии" (84, с. 130-131).

Что беседа с ним могла быть занимательна, убеждают нас и другие его современники. Иакинф ростом выше среднего, фигура худощавая, во внешности его что-то азиатское: лицо длинное, щёки впалые и скулы несколько выдававшиеся, глаза узкие, борода клином и редкая, нижняя губа довольно толстая; волосы темно-русые с проседью, над глазами, живыми и умными, чернели густые брови. Человек он, как говорится, не без изюминки и странностей: "От юных дней, вместе с серьёзностью у него было и некоторое легкомыслие, не допустимые для монаха (романтические приключения, картёжная игра). Постов не соблюдал". По характеру был крайне вспыльчив и скрытен, подчас груб, невоздержан на словах, говорил, по-казански окая.

Вот что в "Отечественных записках" писал Н.Малиновский: "Этот светский монах, отправленный в Валаамский монастырь по жалобе митрополита Серафима за мужеложство, был настоящим атеистом: "Он ставил Христа не выше Конфуция" и сомневался в бессмертии души. Неистовый поклонник китайской культуры, он бранил Европу и Запад. Светские щеголи любили его болтовню, потому что он знал нескончаемое число скандальных историй и скабрезных анекдотов о китайских женщинах; любители искусств любили его суждения, а ещё более его восточные редкости, которыми он заставил свой кабинет и любил удивлять к нему приходящих" [1839, т. VII, с. 33].

Отец Иакинф быстро завершал и обрабатывал подготовленные им в Пекине переводы и на их основе писал затем свои оригинальные сочинения, так что цензоры не успевали прочитывать одно произведение, как он заканчивал и готовил им для цензурирования следующий труд.

17 января 1827 года директор Публичной библиотеки А.Н.Оленин испрашивал разрешение у своего начальства выдавать о. Иакинфу ещё 600-700 рублей в год для вознаграждения его труда (74, с. 80). Иакинф со знанием дела и увлечённо займётся составлением каталогов книг на восточных языках из фондов библиотеки АН (М.И.Броссе и др.). Благодаря квалифицированному подходу к библиографированию будут

спасены сотни редких письменных памятников, десятилетиями пылившихся в грудах бумаг (74, с. 80). В 1827 году Н.Я.Бичурин и П.Л. Шиллинг избраны членами-корреспондентами Российской академии наук, по разделу литературы и древностей Востока.

Поручения департамента ограничивались переводами официальных бумаг и составлением служебных справок. Основные же усилия востоковеда направлены на научную деятельность, об увлечённости которой говорят статьи, критические обзоры, заметки, переводы в различных периодических изданиях. В числе первых работ о. Иакинфа, вышедших в свет после возвращения из ссылки: "Ответы на вопросы, которые г. Вирст предложил г. Крузенштерну относительно Китая", "Разные известия о Китае" – в "Северном архиве" [1827, № 19-21; 1828, № 2], "Ежедневные упражнения китайского государя" – в "Московском вестнике" [1828, № 1] и др. (75, с. 6-7).

Первой публикацией нашего синолога в печати была брошюрка, в 46 страниц, под названием "Ответы на вопросы о Китае", издана в Петербурге в 1827 году. Это ответы на 27 вопросов: о процентах в Китае, о рабстве, о китайских богачах, векселях, мастеровых, портах, почтах, дворянстве, фабриках, мерах и весах, банкротах, торговле, процентах, бухгалтерии, маклерах, перевозке товаров, государственных доходах, умерщвлении детей и т.п. Они говорят о разносторонности и основательности знаний Бичурина. Отдельной главой материал войдёт в издание 1840 года "Китай".

Работы о Китае привлекли внимание критики, она отметит глубину суждений и полноту сведений. Обозреватель "Московского телеграфа" по поводу "Ответов на вопросы" Бичурина (см.: Бичурин Н.Я. Ответы на вопросы, которые г. Вирст предложил г. Крузенштерну относительно Китая. – СПб., 1827) писал: "Имя отца Иакинфа, жившего много лет в Китае, превосходно знающего Китай, язык и литературу китайскую, уже известно просвещенным читателям. В "Северном архиве" помещено было несколько его статей о Китае. Сии статьи, а между ними особенно дополнения к ответам г-на Крузенштерна, должны почесть истинными драгоценностями", "ответы о. Иакинфа суть важные материалы для географии и статистики Китая во всех отношениях".

Рецензент приветствовал первые шаги русского востоковеда в распространении точных знаний о Китае, заметив, что такими трудами можно привить русскому обществу вкус к чтению научной литературы, основанной на конкретном материале. "Мы от лица отечественной публики благодарим почтенного отца Иакинфа за то, что он решился, наконец, издавать в свет свои записки и сочинения о Китае и

переводы с китайского, следственно, употребить для пользы наук и чести отечества необыкновенные сведения свои о стране замечательной, мало известной и до ныне по большей части дурно и неверно описываемой" [Московский телеграф, 1829, № 9, с.115].

В 1828 году вышли две книги о. Иакинфа: "Описание Тибета в нынешнем его состоянии" и двухтомные "Записки о Монголии". Бичурин стал одной из замечательных фигур столицы. Он появляется в высшем свете в полумонашеском костюме, со своей образцовой французской и английской речью, незаурядными познаниями по истории Дальнего Востока. В то время он сделался желанным сотрудником многих журналов: "Московского Телеграфа", "Московского Вестника" и др. Его заметили, оказали покровительство и поддержку. Не зря на его первой книге "Описание Тибета" посвящение кн. Зинаиде Волконской. Познакомится тогда с А.Пушкиным.

Начало изданию целой серии трудов положено этой книгой. "Описание Тибета" представляет собой перевод китайского историко-географического сочинения "Вэй-цзан ту-ши", предисловие к которому написал Лу Хуачжу в 57 году правления Цянь Луна (1792 г.). Основанное на разнообразных сведениях из различных источников, в том числе из "Да Цин хуэй-дянь", это сочинение содержало богатую информацию о регионе, к которому во второй половине XVIII века приковано внимание и цинского Китая, стремившегося усилить там свой контроль, и соседнего Непала (75, с. 8).Описание Тибета (1828) – отзывы в журналах: "Московский вестник" (1828, № 10), "Сын Отечества" (1828, № 9), "Московский телеграф" (1828, ч. 23), "Северная пчела" (1828, № 72). В "Северной пчеле" О.И.Сенковский высоко отзывался о книге Бичурина, утверждая, что труд этот делает честь не только русской литературе, но "принадлежит к общей литературной словесности", отметив превосходство русского китаеведа над зарубежными исследователями. "Их сочинения, – писал рецензент, – взятые в совокупности, не заключают в себе половины тех полезных и точных познаний, коими изобилует "Описание Тибета", переведённого с китайского почтенным нашим соотечественником и основательнейшим знатоком этого языка в Европе, о. Иакинфом"[87]. Рецензент выражал надежду на издание Бичуриным новых материалов по истории и географии Азии, извлекаемых им из многотрудных китайских источников "толиком тщанием и разборчивостью" (Северная пчела, 1828, № 72, с.75-8).

[87]Белкин Д.И. Китаевед Н.Я.Бичурин и русские писатели конца 20-х - начала 40-х годов // Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. - М., 1977. - Ч. 1. - С. 125.

По поводу "Описания Тибета" у К.А.Скачкова есть слова: "Перевод отличается замечательной точностью, но, слишком держась подлинника, переводчик довольно часто заставляет себя говорить буквально словами самого автора, что слишком вредит его слогу и самой ясности мысли". Относительно комментариев сказано: "Нельзя не благодарить переводчика за множество объяснений, сделанных им в сносках, свидетельствующих об его глубоком знакомстве с Китаем". Большую помощь о. Иакинфу в пояснениях перевода оказали в Пекине приезжавшие туда тибетцы и бывавшие в Тибете китайцы.

В основе "Записок о Монголии" результаты собственных наблюдений о. Иакинфа, дополненных сведениями из китайских источников. Закончив миссию и по дороге домой, он задался целью ближе ознакомиться с Монголией и во всё время пути вёл записи. В предисловии книги читаем: "В продолжение последних восьми лет моего пребывания в Пекине я приобрёл о Монголии довольно сведений, почерпнутых частию из истории китайской, частию из обращения с коренными жителями той страны. Сие самое и побудило меня оставить прежний мой дневник, а вместо оного по возвращении в Россию изложить означенные сведения в виде сих кратких записок" (86, с. 5).

Первая часть "Записок" включает в себя дневник путешествия Бичурина из Пекина в Кяхту – с 15 мая по 1 августа 1821 года, во второй – приводятся сведения об административном и политическом устройстве этой страны, этническом и социальном составе населения, занятиях монголов и роли ламаистского духовенства. Третья часть содержит краткий очерк истории монгольского народа, а в четвёртой – излагаются вопросы обычного права и законодательства. Китайские источники использованы при написании второй части и особенно третьей и четвёртой (75, с. 10).

Наиболее сложной оказалась третья часть. В ней "надлежало прежде составить пространную историю сего народа, дабы, получив ясное и полное сведение о событиях, основательнее изложить оную в сокращённом виде" (86, с. 7). На основе китайских источников, преимущественно "Цзы-чжи тун-цзянь ган-му", Бичурин представил "Историю народа монгольского" (с древнейших времён до 1635 года)[88]. Судя по всему, первая часть этого труда ("от древних времён по второе столетие по Р.Х.") подготовлена в Пекине, вторая – в Валаамском монастыре.

В последней части "Записок" использованы материалы из "Лифаньюань цзэ-ли" 1789 года – Уложения Палаты по делам зависимых территорий, и "Цинь-дин Лифаньюань цзэ-ли" 1816 года – Высочайше

[88]Чугуевский Л.И. Новое о рукописном наследии Н.Я.Бичурина // Народы Азии и Африки. - 1966. - № 3. - С. 127-130.

утверждённое уложение Палаты по делам зависимых территорий. В публикации отражены законодательные акты цинского правительства, принятые после захвата маньчжуро-китайскими войсками Джунгарского ханства и владений ходжей в Кашгарии в 50-х годах XVIII века. В Уложении зафиксированы права и обязанности правителей захваченных Цинской империей территорий, различные налоги и повинности местного населения.

Важное место в "Лифаньюань цзэ-ли" занимают постановления, касающиеся организации в Синь-цзяне системы военно-административного управления, и законодательные акты, регулирующие хозяйственную жизнь (аграрные отношения, ремесленное производство и торговлю). Большее число правовых актов в Уложении посвящено Монголии. В них отражены такие стороны социальной организации монголов, как институт рабства. В Уложение вошли постановления цинского двора относительно Тибета, где после подавления антицинского выступления в 1751 году управление передано четырём калонам-министрам, подчинявшимся далай-ламе (75, с. 10-11).

Данное издание "Лифаньюань цзэ-ли" состояло из четырёх книжек (цзюаней) и заключало в себе 209 статей, расположенных в определённом порядке. Н.Я.Бичурин был первым европейским исследователем, обратившим внимание на эту публикацию цинского правительства. Сделав перевод нескольких статей из "Лифаньюань цзэ-ли", он включил их в свою книгу о Монголии, исследованной им во время путешествий в 1807 и 1821 годах. Сокращённый перевод "Лифаньюань цзэ-ли" дан в четвёртой части "Записок о Монголии". Сам автор-переводчик признался, что "сия статья сокращённо изложена" и "сия статья не окончена" (75, с. 11).

Перевод о. Иакинфа даёт представление о той части "Лифаньюань цзэ-ли", которая касается Монголии. Ознакомившись с рукописью русского китаеведа о Монголии, Министерство иностранных дел обратилось к высокому начальству за разрешением издать эту работу за счёт казны. В докладе К.В.Нессельроде подчёркивалась её научная ценность. "По рассмотрении сей рукописи, – писал министр, – открылось, что она заключает в себе много новых известий о географии и истории монголов, особенно же положительные сведения о происхождении сего народа".

10 марта 1828 года доклад Нессельроде удостоился "высочайшего одобрения", после чего Бичурину в апреле того же года выдано "без всякого вычета" 900 рублей из общих сумм Министерства иностранных дел на издание своего труда. В том же апреле рукопись направлена Азиат-

ским департаментом в Цензурный комитет, а в октябре опубликована под названием "Записки о Монголии, сочинённые монахом Иакинфом" (75, с. 12). Перевод из "Лифаньюань цзэ-ли". Уже в 1829 году "Описание Тибета" переведено в Париже Ю.Клапротом на французский (75, с. 8).

Бичурин доказывал, что складывание монголов в народность началось "слишком за 25 столетий до Р.Х.", задолго до возникновения "Дома Монгол, от которого сей народ получил народное название". Отстаивая это положение, он утверждал, что "разные монгольские поколения и прежде назывались общими именами: Татаньцев, Киданей, Хойхоров, Тулгасцев, Сямьбийцев, Хуннов и пр.". Заслуживает внимание и его попытка научно объяснить происхождение названия "татар" от "татань", китайского наименования всех поздних монгольских племён, и проследить, при каких обстоятельствах произошла передача этого названия современным татарам (74, с. 77).

"Ныне многие учёные в Европе занимаются исследованием происхождения народов, населявших, по их мнению, и населяющих Монголию; но они, не зная основательно ни народа, ни его истории, принимают при сем исследовании ошибочное положение, по которому необходимо должно судить о всём по одним догадкам поверхностно и наконец остаться в недоумении. Почти каждое усилившееся поколение почитают они за особливый народ, отличный от прочих поколений и по происхождению и по языку. Вот в чём состоит самая важная погрешность их", – заявляет он в связи с постановкой вопроса о происхождении монголов (74, с. 77).

Бичурин полемически отзывался не без иронии о мнимых авторитетах современной ему европейской ориенталистики: "Клапрот довольно сведущ в языке китайском и переводит с оного изрядно, а особенно статьи, переведённые прежде него другими. Что же касается до языков монгольского, тибетского и турецкого, все его сведения в сих языках состоят в том, что он может по складам разбирать некоторые слова, дабы при случае прицепиться к какому-либо выражению, употреблённому учёным ориенталистом и опровергнуть его своими пустыми возражениями" (74, с. 78-79).

Новая книга о. Иакинфа вызывала интерес в читательских и литературных кругах. Почти одновременно с отдельным изданием читающей публике стали известны отдельные фрагменты труда. "Русский зритель" опубликовал пространные выдержки из сочинения Бичурина в статьях: "Язык, племена, народонаселение, классы народа в Монголии" и "Образ правления, управления, доходов князей и тайцзиев в Монголии" [Русский зритель, 1828, № 9-10]. В "Московском вестнике" напечатаны: "Разреше-

ние вопроса: кто таковы были татары XIII века?" и "О древнем и нынешнем богослужении монголов" [1828, № 14, 197-202].

Уже в октябре Азиатским департаментом получены положительные отзывы влиятельных лиц, которые смогли ознакомиться с научной работой раньше рядового читателя. В письме к директору Азиатского департамента К.К.Родофиникину от 28 октября 1828 года Д.Н.Блудов, в частности, писал: "Спешу изъявить Вам, милостивый государь, мою покорнейшую искреннюю благодарность за доставление мне случая познакомиться с учёными трудами нашего бывшего пекинского миссионера, худого монаха, как сказывают, но хорошего наблюдателя и изыскателя". Положительный отзыв о работе о. Иакинфа даст О.М.Ковалевский, видный монголовед: "Издание Записок о Монголии в 1828 году, особенно исторической их части, открыло перед нами много фактов, доселе неизвестных или превратно понимаемых из жизни монгольского народа, возвестило, как мы должны смотреть на различные названия племён Средней Азии" (74, с. 77-78).

Министр народного просвещения К.А.Ливен, выражая благодарность за книгу К.К.Родофиникину, 29 октября 1828 года сообщал: "Столь любопытное о странах мало ещё известных сочинение полезно бы было приобрести для университетов наших и, может быть, для некоторых наших гимназий". В ответ на запрос Министерства народного просвещения о стоимости книги в связи с желанием приобрести несколько экземпляров, русский учёный (как писал затем К.К.Родофиникин к К.А. Ливену) "изъявил готовность означенную сию книгу, которая в лавках продаётся по 15 рублей, уступить для упомянутых учебных заведений по 10 рублей за экземпляр". Когда об этом стало известно в министерстве, оно немедленно заказало 26 экземпляров.

17 декабря того же года РАН избрала Бичурина чл.-корреспондентом по разряду литературы и древностей Востока. В эти годы о. Иакинф с подъёмом продолжает дорабатывать и готовит к изданию серию незаурядных трудов, таких как "История первых четырёх ханов из дома Чингисова", "Описание Пекина. С приложением плана сей столицы, снятого в 1817 году", "Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем состоянии", "Саньцзыцзин, или Троесловие". Названные труды написаны вчерне в Пекине и в целом завершены в Валаамском монастыре.

В январе 1829 года Бичурина избрали почётным библиотекарем Петербургской публичной библиотеки. Министр народного просвещения К.А.Ливен в письме 23 февраля 1829 года директору Публичной библиотеки А.Н.Оленину официально сообщил об утверждении

Иакинфа в почётной должности. Учёный-китаевед уже приступил к описанию восточной коллекции и составлению каталога. "Реестр китайских и маньчжурских книг, находящихся в императорской Публичной библиотеке" стал первой, и не единственной, библиографией знаменитого ориенталиста, содержащей ценную информацию о китайских и маньчжурских ксилографах.

Получив почётный диплом, 25 мая о. Иакинф пишет письмо академику-секретарю РАН, выражая готовность служить отечественной науке. "Такое внимание, обращённое ею [РАН – И.С.] на мои занятия в китайской литературе, показало мне цену моих трудов. В сем отношении, приемля выбор её лестным для меня одобрением, я потщусь деятельным продолжением занятий по сей части показать себя достойным её сочленом. Приложенный у сего план Пекина (отпечатанный на сих днях) – с описанием сей столицы на двух языках – российском и французском – прошу Вас, Милостивый государь, предоставить Академии залогом такого моего обета" (74, с. 79).

С первых месяцев 1829 года Бичурин часто встречается с Иваном Крыловым в Публичной библиотеке С.-Петербурга, где тот тогда исполнял должность библиотекаря. На научных заседаниях Публичной библиотеки о. Иакинф всё ближе сходился с баснописцем, академиком Х.Д.Френом, профессором, преподавателем персидского языка Петербургского университета Ф.Ф.Шармуа и др. почётными библиотекарями (74, с. 80).

Удивительно плодотворным для Бичурина окажется этот год, в течение которого увидят свет четыре крупных его научных труда. Вслед за "Описанием Тибета" о. Иакинф выпустил: в двух частях "Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем его состоянии (СПб., 1829), "Описание Пекина (СПб., 1829), "История первых четырёх ханов из дома Чингисова" (СПб., 1829). Наконец, седьмая по счёту книга: "Сан-Цзы-Цзинь, или Троесловие с литографированным китайским текстом" (СПб., 1829).

"Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем состоянии" отличается подробностью и новизной в трактовке древних исторических событий в Центральной и Средней Азии. В исследовании точное и достоверное изложение исторических фактов. Иакинф критикует европейских учёных за погрешности в народоописании и землеописании Азии, как и в неразборчивом употреблении азиатских имён (74, с. 83).

Прошло двенадцать лет с тех пор, как о. Иакинф обследовал столицу Поднебесной, в одиночку занимаясь топографией. В С.-Петербурге нако-

нец выходит "Описание Пекина". Над составлением плана китайской столицы миссионер трудился весь 1817 год, исходив и измерив все её улицы и переулки (74, с. 53). Автор скажет: "Сей план по полноте, верности и правильности доныне есть единственный в Европе. Ни одной улицы и даже глухого переулка не опущено, все достопримечательные здания поставлены на точных местах, размер городских стен и больших улиц вообще правилен" [Москвитянин, 1849, № 8, кн. 2].

Иакинф почтительно относился к китайцам, не как европейцы, путешественники и писатели. В ряду бросающихся в глаза изъянов пекинцев и других жителей те отмечали злопамятство, жестокость, чванство, холодность натуры, "высокомерие, корыстолюбие, завистливость, мстительность, леность и мотовство". Лукавство, якобы, отличает обращение с посторонними. Бичурин же видит в природе китайца привлекательные черты, отмечая в них "уважение к закону, почтение к родителям, вежливость со старшими, домовитость, грамотность, нравственность в деревнях, трезвость, умеренность, трудолюбие, сметливость" (79, с. 259). Хотя "пришлые элементы Пекина – монголы, тибетцы, туркестанцы и корейцы вообще проще и благодушнее китайцев и должны быть поставлены выше в нравственном отношении" (79, с. 260).

"История первых четырёх ханов из дома Чингисова" посвящена изучению восточного средневековья, точнее, времени правления первых четырёх ханов – Чингиса, Удэгея, Гуюка, Мункэ. Шестое крупное произведение о. Иакинфа представляет собой русский перевод извлечений из двух китайских сочинений: собственной истории Чингисова дома (Юаньми-ши) неизвестного автора и китайской всеобщей истории в 8 томах (Тун-цзянь гань-му), автор которой Чжу Цзы жил в XII веке.

События этого переводного сочинения о. Иакинфа завершаются 1259 годом. Работа длительное время знаменовала собой качественно новый этап в области изучения истории Монголии, особенно истории завоеваний Чингисхана (1206-1227) и его преемников в XIII-XIV вв. (См.: Мункуев Н.Ц. Вклад Н.Я.Бичурина в изучение истории монгольских завоеваний в Китае (XIII-XIV вв.) // Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. – М., 1977. – С. 54). Бичурин проявит себя не только выдающимся синологом, но становится и одним из пионеров в области российского монголоведения первой половины XIX в.

Восьмым идёт перевод "Троесловия" (Сань-цзы-цзинь), тоже СПб., 1829 год, – весьма оригинально составленной китайской детской энциклопедии XIII века. В "Троесловии", состоящем из простых фраз в три иероглифа с глубоким смысловым содержанием, излагались сжатые све-

дения по истории китайских династий и морально-философские каноны для юношества. Книгу сочинил китайский учёный Ван Бо-хэу, живший в конце эпохи династии Сун. В ней изложены философские умозрения с объяснением китайских понятий и выражений.

Автор оригинала начинает с пояснения пяти стихий и четырёх времён года, далее говорит "о трёх связях и пяти добродетелях в человеческих поступках и со всею полнотою излагает порядок династий, следовавших одна за другою, происхождение священных китайских книг и истории, способы к воспитанию юношества, постепенность в высших успехах, изящные правила, достойные внимания, и наконец представляет похвальные примеры, достойные подражания" (79, с. 284-285). По мнению о. Иакинфа, книга заслуживает того, чтобы её изучали и европейцы.

Наряду с кратким откликом "Северной пчелы" на "Троесловие" появится довольно развёрнутый отзыв "Московского телеграфа". Последним "философия Востока" воспринимается с парадной стороны. Тогда вряд ли кто в состоянии был оценить конфуцианство, приведшее к упрочению консервативных элементов в трудовой и духовной деятельности китайского народа (87, с. 120). Московский "Атеней" занимался проповедью философского идеализма, отметив, что европейский читатель не в состоянии постичь "згибы восточного ума" в "Сань-цзы-цзине".

Отзыв о "Троесловии" в "Московском телеграфе" не был случайным. С начала 1828 года о. Иакинф сотрудничает в журнале. Н.А. Полевой высоко оценил культурный и научный вклад отечественных востоковедов: "Сколько нового для Европы вывезли из Пекина члены русской миссии в последние годы" [1832, № 24]. Учёный востоковед стал одним из уважаемых авторов московского журнала, игравшего важную роль в развитии общественной мысли и литературы. Его редактор считал, что "Иакинф должен быть поставлен в пример всем нашим литераторам и учёным людям".

В рецензии на книгу "Описание Чжунгарии" Н.А.Полевой подчеркнул: "Превосходно зная историю и географию Средней Азии, о. Иакинф выбирает именно те предметы, которые более всего возбуждают наше любопытство и всего менее нам, европейцам, известны" [1829, № 2]. На страницах "Московского телеграфа" будут публиковаться рецензии на регулярно выходившие труды Бичурина. Вместе с тем, этому знатоку Азии охотно предоставят там возможность печатать статьи, до десяти из которых выйдет именно в этом популяром журнале (87, с. 122).

Интересна для нас рецензия в последнем номере "Литературной газеты", издаваемой А.С.Пушкиным и А.А.Дельвигом. В ней подчёркивалась благородная цель, к которой стремился Иакинф Бичурин: его труд

должен "служить для русских руководством к чтению переводов с китайского языка". В духовном наследии народов Востока интерес издателей газеты вызывали рассуждения о человеколюбии и просвещении:

Люди рождаются на свет
Собственно с доброй природою:
По природе взаимно близки,
По навыкам взаимно удаляются.

В "Сань-цзы-цзине" редакторов "Литературной газеты" привлекли не строки с обращением к царям или упоминанием о них, не абстрактные понятия или существа, лишённые природой эмоционально чувственной стороны, а то, что образно раскрывал памятник: сцены быта древнего Китая. Одну из них, посвященную детству Мэн-цзы, издатели "Литературной газеты" поместили в новогоднем номере (87, с. 120). О.М.Сомов на странице альманаха "Северные цветы на 1830 год" дал оценку других трудов китаеведа, обладавших научной достоверностью и большой познавательной ценностью.

Участие Пушкина в подготовке рецензии к печати представляется возможным, ибо в 1830 году он надеялся совершить путешествие в Китай. Пушкин собирался познакомиться с восточной культурой в её природной среде. После крушения надежд на поездку, поэт продолжал интересоваться Китаем и не прерывал связей с Бичуриным. Последний мог участвовать в переводе и редактировании отрывков из романа "Беспрерывный брак" ("Хао-Цы-Джуань"), известного в Европе под названием "Благополучный брак", который будет помещён в альманахе "Северные цветы на 1832 год" (87, с. 121).

Поездка в Кяхту (1830-1831)

Первоначальный замысел путешествия в Китай под руководством П.Л.Шиллинга сорвался. Однако продуман план экспедиции в Восточную Сибирь (74, с. 89). Общая цель – ознакомление с положением в пограничной торговле. Бичурин очертил задачи своей командировки в Кяхту. При составлении грамматики китайского языка ему нужны сведения от китайцев. Ради усовершенствования китайско-русского словаря, для удобства использования, как и "для обширной сей переписки набело требуется употребить китайцев". Непосредственно от них получить также необходимые сведения по разным вопросам предполагаемого описания Китайской империи.

О желании написать книгу о современном состоянии Цинской империи о. Иакинф высказывался ещё до отъезда из С.-Петербурга в Кяхту в феврале 1830 года. Касаясь причин, побуждающих отправить-

ся в Кяхту в связи с предполагаемой командировкой в Восточную Сибирь П.Л.Шиллинга, Бичурин в записке в Азиатский департамент указал, что эта поездка необходима ему для подготовки в будущем "пространного описания китайской империи". И в Кяхте ему "нужно получить от китайцев дальнейшие сведения по разным предметам, входящим в состав сего описания".

Важно было на месте сверить по картам российским и китайским границу Восточной Сибири, определённую договором 1727 года. Иакинф заинтересован в углублении познаний в языке, истории, образе жизни и обычаях монголов российского подданства, для определения, "в чём разнствуют они от монголов заграничных и по какому влиянию". И методическая цель – опробовать "Основные правила китайской грамматики" в занятиях, при обучении кяхтинских комиссионеров китайскому, потребному тем для ежедневных торговых сношений. В Иркутске займётся обучением китайскому языку членов 11-й православной миссии, собиравшихся в Пекин.

Инструкция предписывала в обязанность Иакинфу помогать начальнику экспедиции в сборе сведений о торговле России с Китаем и изыскании путей для её расширения. Он должен наблюдать природные достопримечательности, заслуживающие внимания, собирать этнографические коллекции по бурятской тематике и т.п. Результаты путевых историко-этнографических наблюдений он отразит в дневниковых записях, самые интересные сведения обобщит в виде статей и писем, отправляя их для публикации в газетах.

19 февраля 1830 года о. Иакинф выехал из Петербурга, в составе научной экспедиции фон-Шиллинга в Кяхту (74, с. 94). Тогда его письма из Восточной Сибири печатались в "Литературной газете" Дельвига и Пушкина, как и в "Московском телеграфе" Полевого (87, с. 123). С начала 40-х годов XIX века интерес читающей публики приковывают события в странах Азии. Именно к этому времени устанавливаются тесные отношения известного китаеведа о. Иакинфа с историком М.П. Погодиным. Статьи и рецензии Бичурина печатаются в журналах с ярко выраженным историческим профилем, как "Москвитянин".

Расширялся круг научных и литературных деятелей России, интересующихся историей и культурой народов Азиатского Востока. В одном из писем в "Литературной газете" Бичурин сообщал: "С 26 марта нахожусь в Иркутске <…>. В исходе мая отправляюсь за Байкал в путешествие. В здешнем краю я нашёл много интересного для меня и надеюсь провести время странствия в трудах приятнейших и полезнейших по отношению к этнографии азиатских народов" [Литератур-

ная газета, 1830, 16 мая]. Его "Описание Байкала" выйдет в 1832 году в альманахе "Северные цветы" (74, с. 95-96).

По понятным причинам в своё время не оглашались сведения о посещении Иакинфом Петровских заводов, где состоялась его встреча и знакомство со ссыльными декабристами. Он завёл дружбу с Н.А. Бестужевым – членом Северного общества, бывшим капитан-лейтенантом 8-го флотского экипажа, директором Морского музея (74, с. 97). Там узник подарил монаху на память чётки, сделанные собственноручно из кандалов. Незадолго до кончины о. Иакинф оставит их внучатной племяннице Н.С.Моллер (74, с. 99).

Сочинения о. Иакинфа давно уже привлекли внимание учёных ориенталистов России и Европы, "вместе с оппозицией некоторых (впрочем, немногих) щепетильных особ, встретили поддержку в учёных корпорациях. <...> Парижское азиатское общество первое почтило русского синолога званием члена" (79, с. 291). 7 марта 1831 года Азиатское общество в Париже избрало иностранца Н.Я.Бичурина своим действительным членом. Для Иакинфа, безусловно, событие, то есть случившееся и почётно, и приятно. В европейской столице его заслуги отметили, там в его честь читали рефераты французские коллеги Абель Ремюза, Эжен Бюрнуф и Ластейри (74, с. 87).

В 1830-1833 годах не было перерыва в издании научных трудов, но Бичурин печатался реже. Зато активизируется его научно-педагогическая деятельность. Это связано с отъездом из Петербурга в длительные командировки. К этому времени следует отнести записки о. Иакинфа "О состоянии торговли России с Китаем на западных границах" и "О торговле англичан в Средней Азии" (74, с. 96). Поездки в Забайкалье и Кяхту обогатят его новыми материалами, впечатлениями, идеями, которые позднее лягут в основу последующей серии фундаментальных исследований.

Н.Я.Бичурин в тот раз провёл в Кяхте полтора года. Там он основал училище китайского языка и проводил занятия с учащимися. В своей "Автобиографической записке" он счёл нужным упомянуть о переводе с помощью монгола монгольско-китайского словаря на русский язык в двух больших томах (74, с. 96). П.Л.Шиллинг в своих донесениях в Азиатский департамент от 24 июля 1832 года писал: "О. Иакинф, уже с давнего времени ознакомленный с местными обстоятельствами Кяхты, был мне весьма полезен как по собиранию сведений о тамошней торговле, так и при сочинении проекта устава для монголо-бурятского духовенства" (74, с. 96).

13 сентября 1830 года о. Иакинф из Кяхты обратился к графу Нессельроде с просьбой о "предстательстве" перед Святейшим синодом, "дабы с него сложили монашеское звание, по тому уважению, что при учёных его занятиях и по свойственным человеку слабостям он не может с точностью и по совести соблюдать всех обетов монашества и что сан сей препятствует ему в свободном отправлении возлагаемых на него по службе обязанностей". В официальном письме министру он напомнил:

"При вступлении моём в Мин. Ин. дел, Вашему Превосходительству угодно было предложить мне о снятии сана монашеского, дабы чрез сие устранить затруднения, могущие произойти от противоположности звания со службою. Приняв с должною признательностью столь лестный знак внимания ко мне Вашего Превосходительства, я не решился оставить сан, в коем провёл более 25 лет, надеясь избежать скромностью жизни от всех нареканий. Но четырёхлетний опыт доказал мне, что никакие усилия не могут превозмочь общепринятого образа мыслей, а потому я не столько заботясь о себе, сколь о святости иноческого сана, коего обеты в самом глубоком уединении столь трудно выполнять, решился просить Ваше Превосходительство о исходатайствовании мне перемены звания, тем более, что я, учёными трудами своими, смею надеяться, уже доказал, что я ни в каком месте не могу служить Отечеству с большею пользою, как при Министерстве Иностранных дел.

Всем, что имею ныне, будучи наиболее обязан покровительству и благорасположению ко мне Вашего Превосходительства, осмеливаюсь предать Вашему попечению и участь настоящего дела в полной надежде, что, содействуя мне в перемене звания, не оставите сделать и то, что заблагоусмотрите нужным к обеспечению будущих дней моих"[89].

Учитывая учёные заслуги монаха, вице-канцлер 29 мая 1831 года обратился к обер-прокурору Синода кн. Мещерскому с просьбой выяснить возможность снятия с Иакинфа монашеского сана. 19 июня 1831 года из Синода уведомили непосредственное начальство Бичурина, что нет особых причин, препятствующих снятию монашеского звания. Только "для сего нужно, чтобы он прислал в том прошение в Св. Синод". 29 августа Иакинф отправил из Троицкославска в Святейший Синод на предмет снятия с него монашеского сана прошение со словами:

"Числясь по сану в звании монашеском, а по должности в службе гражданской, я в необходимости бываю как по учёным занятиям, так и поручениям начальства, находиться в долговременных отлучках от

[89]Хохлов А.Н. Новые материалы к биографии Н.Я.Бичурина // Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. - М., 1977. - Ч. 2. - С. 121.

монастыря, что при всей благовидности причин противно приличию, а потому и для общего мнения соблазнительно. Сверх того, как сие звание препятствует мне в полном удовлетворении обязанностям по службе; так, напротив, и пребывание в мире по делам службы отвлекает меня от упражнений духовных; слабости же, свойственные мне как человеку, позволяют меня в невозможность соблюдать обеты монашества во всей чистоте их. В сей причине, к несчастию, я убеждён долголетним опытом своей жизни. Почему для успокоения совести я обратился к последнему средству всепокорнейше просить Св. Синод снять с меня с монашеским саном те обязанности, выполнять коих с точностью и по совести я не в состоянии и дозволить мне провести остаток дней в светском звании при тех должностях, к которым по своим способностям уже призван волею правительства" (89, с. 120).

Министерство иностранных дел поддержало просьбу. Всё же кн. Мещерский и митр. Серафим имели намерение не допустить расстрижения. Но начальнику экспедиции сообщили, что снятие сана с Иакинфа поручено нижегородскому архиепископу и состоится по возвращении Бичурина в Петербург. П.Л.Шиллинг связывается с нижегородским иерархом, чтобы уточнить дату выполнения формальности. И тогда Синод в письме от 2 января 1832 года указал, чтобы монах Иакинф следовал в Петербург, не задерживаясь в Нижнем Новгороде, вопрос о снятии сана откладывался. 1 марта Преосвященный митрополит пытается уговорить Иакинфа отказаться от намерения оставить монашество. Не добившись отказа, постановили решение вопроса оставить на высочайшее усмотрение. В докладе на имя царя Синод перечислил "старые грехи", связанные с периодами пребывания Иакинфа в Вознесенском монастыре и в Пекинской миссии (75, с. 14).

Тогда о. Иакинфом был составлен для Азиатского департамента проект официального представления относительно снятия с него духовного сана, в котором следующие слова: "Почитая волю царя священною, но не менее внутренне сокрушаясь, что непроизвольным нарушением обетов монашества возмущает свою совесть, монах Иакинф намерен вторично утруждать е. и. в. всеподданническою просьбою об исключении его из духовного звания с оставлением попрежнему при Министерстве иностранных дел, где он имеет способы быть полезным отечеству по его обширным статистическим сведениям о Китае и других странах Востока (89, с. 122).

Вскоре обер-прокурор Синода огласил решение Николая I от 20 мая 1832 года: оставить Иакинфа "на жительстве по-прежнему в Александро-Невской лавре, не дозволяя оставлять монашество". Так

по воле "августейшего" самодержца Бичурину до конца дней пришлось носить имя монаха Иакинфа и находиться под надзором синодального начальства (74, с. 101-102). Итак, сознавая несуразность своего положения, Бичурин хлопотал о расстрижении, и Св. Синод первоначально как будто даже дал согласие на это, однако затем было отказано в просьбе, и в конечном счёте Государь император представление о расстрижении не утвердил (78, с. 26).

Выполняя различные поручения Шиллинга, в том числе по учебной части, учёный-синолог взялся за создание школы китайского языка для детей кяхтинского купечества. В 1821 году, при возвращении из Китая, он предпринял было первые шаги к открытию учебного заведения для подготовки переводчиков с китайского языка, столь необходимых для поддержания русско-китайских торговых связей. Тогда он не смог осуществить желание местного купечества. Спустя 9 лет о. Иакинф приезжает в Кяхту в третий раз и пробудет здесь 18 месяцев. Он собирает группу из 12 детей кяхтинских купцов и мещан с целью обучения их китайскому языку.

Директор кяхтинской таможни 17 марта 1831 года сообщал в Азиатский департамент: "О. Иакинф, по желанию торгующих, открыл уже с 10 числа января прошедшего года частно класс учения сего [китайского. – И.С.] языка, и учащихся есть до 10 человек мальчиков. Некоторые успевают весьма хорошо". Учредитель и первый преподаватель школы составил программу обучения и написал учебник китайской грамматики. В мае 1831 года купец Н.М.Игумнов направил в департамент прошение о создании в Кяхте училища китайского языка.

В марте 1831 года Бичурин писал Полевому из Кяхты: "Прошлую зиму едва не всю я страдал от простуды, почему нынешним летом располагаю провести около двух месяцев на горячих водах, а это ещё более года задержит меня в Кяхте, и с Вами увидеться надеюсь не ранее августа в следующем году. Впрочем, я здесь не без дела. Обучаю детей китайскому языку, переделал китайскую грамматику, написал разговоры на китайском языке для детей и привожу к окончанию перевод монгольского словаря ("Сань-хэ бянь-лань") с китайского на русский. Монгольскую грамматику для себя составил ещё в прошлом году – выбором правил из нескольких грамматик и нынешним летом думаю заняться сим языком" [Русская старина, 1871, декабрь, с. 680].

В сентябре на экзаменах в присутствии возвратившихся из Пекина членов Российской духовной миссии во главе с П.И.Каменским ученики показали отличные знания. Из донесения П.Л.Шиллинга от 24 июля 1832 года в Азиатский департамент: "12 человек детей кях-

тинских купцов <…> на публичном испытании оказались весьма сведущими в китайских письменах и даже двое из них могли несколько объясниться на сем языке, чему были свидетелями все члены возвратившейся тогда из Пекина миссии, которые при сем случае единогласно сознались, что они в знании китайского учёного языка с монахом Иакинфом состязаться не могут" (74, с. 102).

28 августа 1831 года Н.Я.Бичурин писал П.Л.Шиллингу: "Известно, что коканский хан нынешним летом отправил к нашему двору посольство, для препровождения коего в обратный путь без сумнения будут посланы чиновники с нашей стороны. В таком случае желательно, чтоб правительство назначило меня в свиту провожающих. Я нахожу сие нужным и полезным: во-первых, для того, чтобы узнать, нет ли в Кокане между пленными китайцами учёных; во-вторых, чтобы обозреть древние здания в киргизских степях, описанных в записках г. Броневского. Я предвижу возможность распознать, какому народу они принадлежат, и приурочить время их существования к некоторым происшествиям, помещённым в китайской истории" (89, с. 114).

На обратном пути, перед возвращением в Петербург, о. Иакинф по поручению заболевшего Шиллинга из Томска отправился через Змеиногорск в Семипалатинск, собрать сведения о русской торговле с Синьцзяном и на р. Чуе. В отчёте после поездки он писал: "Принимая в уважение, сколь необходима для поддержания сибирской линии торговли с городами Или, Чугучаком и при вершинах речки Чуи, надлежало бы привести оную в известность и, по возможности, дать ей законный и правильный ход, но недостаток полных и точных сведений о самом образе торговопроизводства не дозволяет сделать нужных соображений по сему предмету" (89, с. 116).

Очевидно, в роли исследователя и путешественника Иакинф видел себя. Однако этим планам не суждено осуществиться. Забайкальская экспедиция Шиллинга "существенно обогатила востоковедческую науку новыми приобретениями: фонды библиотек пополнялись уникальным собранием тибетских, монгольских и китайских книг, музеи стали обладателями редких коллекций бурханов и других предметов ламаистского культа" (74, с. 101).

В Санкт-Петербурге (1832-1835)

Выполнив задание Шиллинга, Бичурин направился через Оренбург в Казань. Покрыв расстояние в 3796 вёрст, он выехал в Москву и затем вернулся домой, в Петербург. Яркие впечатления от встреч с монголами и китайцами в районе Кяхты, от поездок по Забайкалью и путешествия в

Семипалатинск не могли не оказать благотворного влияния на творческую деятельность русского востоковеда. В эти годы и позднее одна за другой продолжают выходить в свет книги и статьи опального монаха, не потерявшие научной ценности до наших дней.

В альманахе "Северные цветы" за 1832 год Пушкин напечатал очерк Бичурина "Байкал". В редакционном предисловии к публикуемому произведению говорилось о заслугах русского учёного, обратившего на себя "внимание просвещённой Европы" трудами о Китае и Монголии, как и переводами с "китайского языка разных творений". В том же альманахе дан перевод отрывка из китайского романа "Хао Цю Чжуань" ("Беспримерный брак"), ранее получившего распространение в Европе. Речь шла о всевластии чиновников и безнаказанности представителя знатного рода. Редакция не просто знакомила читателей с "любопытным изображением китайских нравов", но и хотела вызвать у них ассоциации с Россией.

В 1833 году вышла в свет "История Тибета и Хухунора" в 2-х частях[90]. Это восьмое из крупных трудов о. Иакинфа. В основу русского перевода положены приложения (прибавления) о заграничных народах, извлечённые из полного собрания отдельных историй на каждую китайскую династию (Нянь-сань-ши) и из всеобщей истории Китая (Тунцзянь-чань-му). "Происшествия в китайском подлиннике вообще описаны слогом кратким", и сам переводчик осознавал, что "доклады, указы и названия достоинств и чинов, жалованных от китайского двора иностранным владетелям, наводят скуку на читателя" (79, с. 286).

"Но эта скучная история составляет драгоценный памятник глубокой древности, потому что восходит к началу древних народов. К возвышению её достоинства наш синолог прибавляет замечание, что китайские историки при описании соседних народов, имевших непосредственные связи с Китаем, основывались на фактах, которые были записаны во время самих событий" (79, с. 286). Карта в конце книги представляет северо-восточную часть Тибета с Хухунором и западные пределы Китая, где происходило большинство описываемых в истории событий.

В "Северной пчеле" последовала рецензия Сенковского на труд о. Иакинфа. В ней высказывается критическое отношение к автору, настроенному на приоритет отечественного востоковедения в изучении среднеазиатских народов: "Эта история азиатская. Содержание всякой такой истории можно пересказать наперёд, даже не читав". Труд китайских историков в переводе Иакинфа представлялся Сен-

[90]Бичурин Н.Я. История Тибета и Хухунора, с 2282 года до Р.Х. до 1227 года по Р.Х. - СПб., 1833.

ковскому лишь как "набор бессвязных событий", поскольку, как он полагал, "истории пишутся в Европе" (87, с. 126).

Вернувшийся из поездки в Кяхту, о. Иакинф становится желанным гостем в петербургском салоне В.Ф.Одоевского, литератора, музыканта и учёного (87, с. 129). "Здесь сходились весёлый Пушкин и отец Иакинф с китайскими, сузившимися глазками" – так описал литературный салон князя Одоевского известный историк и писатель XIX века Михаил Погодин.

Пройдут годы, И.И.Панаев вспомнит о Бичурине: "Он обыкновенно снимал в кабинете Одоевского свою верхнюю одежду, оставаясь в подряснике, имевшем вид длинного семинарского сюртука, и начинал ораторствовать о Китае, превознося до небес всё китайское. <…> Когда Иакинф заговаривал о своём Китае, многие светские господа из салона княгини приходили слушать его"[91]. Его влияние в распространении знаний заметно. В одной заметке В.Ф.Одоевский, высказав предположение, что Китай, получив просвещение, обрушится на Европу, и прибавляет, что "мысль о китайской опасности разделяет и о. Иакинф"[92].

В 1835 году В.Ф.Одоевский начал фантастическое приключение "Петербургские письма", представив Россию 44 века в письмах китайского путешественника. Незаконченный роман являет собой попытку взаимообогащения научного и художественного творчества (87, с. 129). Восточная тема складывалась под влиянием учёного-ориенталиста. Одна из трёх частей, "4338-й год", посвящена Китаю. В 1837 году приступив к "китайской" теме, автор не приемлет взгляда на "Срединное государство" как на застывший в развитии феодализм, рисуя страну избавившейся от закоснелости. В 1840 году в альманахе "Утренняя заря" печатались отдельные главы.

Принадлежность к различным расам и национальностям, по мысли автора, не мешает сближению и счастью людей (87, с. 130). В изображении китайца просвещённым человеком демонстративный отказ от шаблона в показе представителя "Срединного царства". Иакинф не раз рассказывал своим собеседникам о своих невзгодах в многомесячных путешествиях. Теперь вымышленному герою предоставляется возможность быстрого, всего за неделю, перелёта на гальваностате из Пекина в Петербург. И здесь воображение молодого китайца поражают "воздушные корабли" русских (87, с. 130).

В этом романе Россия и Китай представляются союзом государств, "соединившихся для общих издержек" против грозящей чело-

[91]Панаев И.И. Литературные воспоминания. - М., 1950. - С. 90.
[92]Одоевский В.Ф. Из истории русского идеализма. - М., 1913. - Т.1, ч.2. - С. 184.

вечеству катастрофы – падения на Землю планеты Ввелы. Китайцы относятся к русским с уважением, те отвечают тем же (87, с. 131). Учёные России передают жителям Китая свои знания. Китай пробуждается от "векового усыпления" не энергией народа, а "великим Хун-Гином", правителем, который, по предположению автора, должен появиться в Поднебесной в 39-м веке и покончить с "мертвящим застоем", царившим многие тысячелетия в той стране (87, с. 131).

В письме от 12 сентября 1832 года Н.И.Любимов, возглавлявший один из отделов Азиатского департамента, сообщал М.П.Погодину: "Что бы Вам сказать ещё? В литературном отношении нового ничего здесь не затевается, кроме того, что уже Вам известно: отец Иакинф хлопочет об издании грамматики китайской. Это будет преважная услуга: грамматики китайской у нас ещё не было. Печатает также историю Тибета и Хухунора, весьма любопытную и на казённый счёт. Он у меня весьма часто бывает и сообщил мне как столоначальнику китайцев, бухарцев и других азиатских народов пропасть любопытнейших сведений об Азии и нашей Сибири как словесно, так и письменно" (75, с. 14).

В 1834 году выходит "Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени", девятая значительная переводная работа о. Иакинфа, 253 страницы. Сочинение "в прямом смысле представляет собрание материалов, относящихся к истории калмыцкого народа" (79, с. 287), все события здесь следуют в хронологическом порядке. К нему прилагается карта Монголии, с уточнением дороги от Пекина до Кяхты.

Насыщенный разнообразными сведениями из русских и китайских источников, новый труд о. Иакинфа удостаивается Демидовской премии Академии наук. Этой работой завершается цикл исторических, преимущественно переводных, трудов русского востоковеда о сопредельных с Китаем странах. К этой тематике Бичурин впоследствии возвращается неоднократно в своих историко-географических и этнографических изысканиях, связанных с древней историей соседних с Китаем племён и народов.

На следующий год после выхода книги с рецензией на неё выступил О.И.Сенковский. По мнению рецензента, труды Бичурина для подавляющей массы современников в виду непонятности останутся чуждыми и безвестными. Изданная же по-французски, "эта книга была бы понята и оценена двумя или тремя сотнями читателей: теперь она понятна только двум или трём"[93]. Читающей публике, убеждён

[93]Белый А. На рубеже двух столетий. - М., 1989.

барон Брамбеус, интересно иное: мистификация на ориентальные, в том числе китайские, темы (87, с. 126-127).

Тогда же О.И.Сенковский впервые создаст "китайскую" повесть "Чин-Чун, или Авторская слава", используя книги Бичурина, которые служили писателю источником для придания китайского колорита произведению. Стремясь угодить вкусам публики, он глумится над гуманными представлениями о Китае. К середине 40-х гг. ориентальная концепция Сенковского становится всё более реакционной (87, с. 127). Он поддерживал европейскую колонизацию Азии, в английском проникновении в Китай усматривая единственное средство для уничтожения там обветшалых традиций и порядков.

"Нынешняя война Китая с Англией важнее для судеб его, нежели как он, вероятно, предполагает; с ней начнётся его падение, и оно будет быстро, потому что это столкновение с Европой впервые обнаружит соседним народам и самим китайцам всю слабость маньчжурского истукана, окружающего себя признаками ложного владычества над вселенной"[94]. Откровенно дерзкую позицию по отношению к о. Иакинфу, с его сочувствием к древнему Китаю, обнаруживает повесть "Совершеннейшая из всех женщин" Сенковского, признанного знатока мусульманского Востока. Не то В.Ф.Одоевский.

По-разному преломлялись в структуре произведений московских и петербургских писателей сведения, почерпнутые из книг и статей синолога (87, с. 119-120). Когда в 1833 году Пушкин занялся составлением "Истории Пугачёва", Бичурин предоставил ему имевшиеся у него переводы китайских текстов, касавшиеся истории ойратов, ушедших сначала из Джунгарии на Волгу, а затем с Волги снова в Джунгарию. "Сим достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков, – подчёркивал поэт, – обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком" (ПСС, IX, 95) (87, с. 121).

Вторая командировка (1835-1837)

Заинтересованное в успешном функционировании и расширении училища китайского языка в Кяхте, кяхтинское таможенное начальство 11 января 1834 года возбуждает ходатайство перед Азиатским департаментом о назначении Иакинфа "для заведения учебного порядка в сей школе <…> хотя года на два учителем китайского языка", и просит напечатать "составленную им китайского языка грамматику". В феврале 1835 года, получив официально назначение на долж-

[94]Сенковский О.И. Собрание сочинений. - СПб., 1858. - Т. 6. - С. 76.

ность преподавателя китайского языка в кяхтинское училище, Бичурин вторично откомандирован в Кяхту (74, с. 102).

На сей раз продолжительная командировка – с целью открытия и устройства в Кяхте штатного учебного заведения (78, с. 26), для организации и наблюдения за ходом учебного процесса. Иакинфом предварительно была составлена для училища пространная программа четырёхлетнего обучения китайскому языку (75, с. 15). Надо сказать, на пожертвования кяхтинского купца Игумнова, Николая Матвеевича, уже построено здание училища. Из Петербурга в Кяхту вместе с мэтром ехал К.Г.Крымский, чтобы остаться там учительствовать в открываемом учебном заведении.

Помощник Бичурина – в прошлом студент десятой духовной миссии в Пекине. Ещё в 1831 году на обратном пути из Китая, по просьбе местного купечества, Крымский согласился преподавать китайский язык в училище вместо о. Иакинфа, уезжавшего тогда в Петербург. Теперь возвращение учёного-китаеведа в Кяхту позволило увеличить число учеников: в 1835 году, в год торжественного открытия училища, в него было принято 22 человека на четырёхлетний срок обучения.

16 мая в Кяхте состоялось торжественное открытие первого в России учебного заведения, программа которого предусматривала обучение живому китайскому языку [Журнал Министерства народного просвещения, 1835, № 6, с. 567]. Н.Я.Бичурин выступил на церемонии с речью и рассказал о порядке занятий, дружески напутствуя молодых людей, изъявивших желание стать китаистами. В библиотеку училища учёный передал комплект своих трудов о Китае и Центральной Азии, а также коллекцию книг на китайском, маньчжурском и монгольском языках.

К этому времени приступили к литографированию китайской грамматики, написанной специально для кяхтинского училища. Ещё до 1830 года о. Иакинф литографским способом издал "Китайскую грамматику", первый вариант которой будет вскоре существенно переработан с учётом работы в Кяхтинском училище и переиздан в 1835 году в Петербурге. При создании учебника использовались материалы прежних китайских грамматик, в частности "Душу цзо вэньпу", а также трудов западноевропейских синологов (например, Премара, Абеля Ремюза, Гонзальвеса), развёрнутый анализ которых дан во введении вместе с изложением истории китайской письменности.

Отец Иакинф свой десятый основательный труд снабдил "обширным введением, где очертил историю китайской письменности и критически рассмотрел произведения своих предшественников в этой об-

ласти, католических и протестантских миссионеров и учёных, каковы Варо, Маршман, Премар, Моррисон и Гонзальвес, а также Байер, Фурмон и Абель Ремюза" (79, с. 288). Синологу при сочинении грамматики осталось пополнить её недостающими правилами и дать руководству более совершенное расположение.

"Сверх правил, наш синолог поместил в конце своего руководства два прибавления на русском и китайском языках, которые требовались обстоятельствами; таблицу неодинаковых китайских выговоров французами, португальцами и англичанами, и названия кяхтинских отпускных и ввозимых товаров, часто обозначаемых китайцами ошибочными буквами" (79, с. 289).

Автор учебника "Китайская грамматика", изданного в 1835 году специально для Кяхтинского училища, – он в то же время и составитель программы преподавания китайского языка и учебного пособия, состоящего из "18 разговоров на китайском и русском языках, приспособленных по своему содержанию к здешнему месту". Иакинф Бичурин уделял много внимания учебно-методическим вопросам преподавания китайского языка. В 1836 году он завершает вторую часть грамматики китайского языка (Бичурин Н.Я. Китайская грамматика. Хань-вынь-ци-мын. Ч. 1-2. СПб., 1838). И в эти же годы одновременно работает над составлением русско-китайского словаря.

Учитывая практическое назначение учебника, автор поместил в приложении "названия русских кягтинских товаров" и "названия китайских кягтинских товаров". Русские товары (241 наименование) включали пушнину (бобр разных видов, кошка, белка, куница, лисица, горностай, мерлушка, норка, нерпа, писец, русак и т.п.), сукно, железо, олово, предметы металла, зерно, продукты. Китайские товары (118 наименований) – чай 12 сортов, шелка, войлок, соя и др.[95]. Развитие пограничной торговли в районе Кяхты-Маймайчэна было выгодно для России и для Китая. В 1830 году её объём в сумме 12.798 тыс. рублей (95, с. 67).

Н.Я.Бичурин намеревался завершить командировку в начале 1836 года. Тут последовали просьбы кяхтинского купечества продлить занятия в училище ещё на два года. Он, тем не менее, всё же собирался вернуться в Петербург. "Не мог согласиться на их желание, потому что для приведения в порядок собственных двухгодичных упражнений необходимо нужно мне лично быть в Петербурге" (74, с. 104). Вступивший уже в седьмое десятилетие, о. Иакинф с завидной целеустремлённостью гото-вился к новым исследованиям и публикациям (74, с. 104).

---

[95]Семенс А. О "Китайской грамматике" Иакинфа (Н.Я.Бичурина) // Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. - М., 1977. - Ч. 1. - С. 71.

Однако в феврале 1836 года начальство из Азиатского департамента предписало ему продолжить в Кяхтинском училище занятия китайского языка до конца года. И он с "безусловной покорностью" вынужден был принять новое предписание начальства остаться в Кяхте на год. Тогда, оказавшись в стеснённых материальных условиях, о. Иакинф в сентябре 1836 года просит департамент "отпустить жалованье с 1 февраля 1835 года по 1 февраля 1836 года и по почте отправить помянутую сумму в Кягту".

Занимаясь преподавательской и методической работой в училище китайского языка, о. Иакинф на этот раз находился в Кяхте с февраля 1835 и до конца 1837 года. После возвращения его в Петербург К.Г. Крымский, прибывший вместе с ним из Петербурга в Кяхту, примет на себя обязанности учителя и продолжит преподавание китайского языка вплоть до смерти, последовавшей в 1861 году. За 30 лет своего существования кяхтинское училище подготовит немало хороших китаеведов и маньчжуроведов, в том числе Н.И.Нечаева, М.Г.Шевелева, Я.П.Шишмарёва и др. (75, с. 44).

Отец Иакинф дважды откомандировывался на китайскую границу, для решения дипломатических и торговых проблем. Двукратная служебная поездка его в Кяхту имела значение и для развития востоковедения. Там он успешно проявил себя в роли преподавателя китайского языка, разработав на практике свою лингвометодику и создав серию двуязычных словарей. Основанное им Кяхтинское училище позднее выпустит плеяду переводчиков. За годы пребывания в Кяхте, в гуще носителей китайского и монгольского языков, о. Иакинф упрочил и расширил лингвистические и историко-этнографические знания, собрал сведения для изысканий (74, с. 105).

"Китайская грамматика" Бичурина в течение ряда десятилетий служила единственным учебным пособием на восточных факультетах Казанского и Петербургского университетов. Второе издание, обновлённое, вышло в 1838 году в Петербурге, и в следующем году было удостоено полной Демидовской премии. Об исключительной ценности названного труда говорит факт его переиздания Пекинской духовной миссии спустя 70 лет – в 1908 году (74, с. 103-104). Педагогическую работу в Кяхте о. Иакинф совмещал с научной деятельностью. В это время он закончил перевод многотомного свода законов Цинской империи.

В августе 1837 года завершив перевод цинского свода "Да Цин хуэй-дянь", о. Иакинф из Кяхты направил в РАН статью с изложением статистических выкладок о Китае. Направляя рукопись перевода из Кяхты в Петербург, 9 октября 1837 года Бичурин писал: "Честь имею

представить на благорассмотрение Азиатского департамента три тома новых моих трудов под заглавием: "Изложение китайского законодательства". При сем нужным считаю предварительно сказать, что сие сочинение есть сокращённое извлечение из подобного же сочинения, изданного китайским правительством в 1818 году. Я удержал расположение подлинника, потому что оно с полным понятием о гражданском и религиозном состоянии Китая купно представляет самый остов законодательства".

"Впоследствии прибавлены будут к сему сочинению: 1. Полная географическая карта Китайской империи на четырёх больших листах; 2. Карта одного Китая в военном и религиозном отношениях; 3. Около 40 разных чертежей, которые уже работают в Пекине по заказу. 4. Указание на статьи, объясняющие один и тот же предмет, но в разных отношениях. Все сии прибавления предполагаю сделать по возвращении моём в Петербург. Окончательный труд будет состоять в исправлении самого сочинения, которое <...> потребует многих изменений, сокращений и пояснений" (75, с. 16-17).

Общее собрание Академии в октябре постановило перевести присланную о. Иакинфом из Кяхты статью на французский, для издания в бюллетене. И 6 октября он представил реферат по статистике Китая на французском языке для опубликования в академическом журнале. Пока там готовилась публикация, "Журнал Министерства народного просвещения" в октябрьской книжке, под рубрикой "Разные известия", издал статью "Статистические сведения о Китае, сообщённые имп. Академии наук чл.-корреспондентом её, монахам Иакинфом" [ЖМНП, 1837, № 10, с. 235-245].

При подготовке статьи о. Иакинф широко использовал переработанный вариант своего перевода. Об этом свидетельствуют карандашные исправления и пометы, сделанные им для выделения тех материалов, которые предполагались быть включёнными в журнальные публикации. Новая работа китаеведа сразу вызвала читательский интерес и привлекла внимание русской прессы. В декабре 1837 года "Северная пчела" поместила её краткое изложение со ссылкой на первое представление в "Журнале Министерства народного просвещения" [Северная пчела, 1837, декабрь, 294].

Сам цинский свод, оригинал на китайском языке в 80 главах, издан в Пекине в 1821 году. В 1826 году экземпляр свода приобретён духовной миссией. Документ содержал сведения об экономике Цинской империи, правительственных учреждениях и вооружённых силах. Принимая в расчёт ценность, китайские тетради переплели, и то-

ма хранились в библиотеке миссии, "всегда отдаляя от глаз кому видеть её <…> не нужно, а иметь за род секретной книги". Летом 1832 года приобретение доставлено в Петербург (75, с. 17). Арх. Пётр в письме от 9 июля того года в Азиатский департамент подчёркивал: "Да Цин хуэй-дянь" есть "пространнейшая книга всех государственных постановлений" Цинской империи (75, с. 18).

О переводе Н.Я.Бичурина, который, как и позднее Е.И.Сычевский, работал с цинским сводом, изданным в 1821 году, писали в разное время А.Е.Любимов и А.А.Петров, имевшие возможность познакомиться с рукописью данного труда в Казани. А.Е.Любимов, ознакомившись с переводом Н.Я.Бичурина в библиотеке Казанской духовной академии летом 1907 года, первым из исследователей дал точное китайское название оригинала, с которого выполнен перевод. Однако в оценке самого перевода он допустил ряд неточностей, полагая, например, что Бичуриным был сделан буквальный перевод цинского свода.

Более полную информацию о переводе дал А.А.Петров. Он привёл оглавление всех трёх томов и указал на издание о. Иакинфом двух фрагментов перевода[96]. Рукопись Бичурина является черновым экземпляром перевода "Да Цин хуэй-дянь". Она представляет собой писарский список с кяхтинского автографа. Беловик переработанного Бичуриным кяхтинского перевода находится в Санкт-Петербурге, в отделе рукописей ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Названные выше авторы прошли мимо вопроса, "как и в какой мере русский востоковед использовал перевод цинского свода в своих статьях и книгах о Монголии и Китае" (75, с. 24).

Писарский список с кяхтинского автографа – черновика рукописного перевода о. Иакинфа, датированный 1835 годом, находится в Казани, в Центральном государственном архиве Татарии. Это три больших тома, в которых 1134 листа (2268 страниц). В первом томе 435 листов, во втором – 356, в третьем – 343. Принадлежность рукописи о. Иакинфу подтверждается его многочисленными вставками в текст слов, пропущенных переписчиком. Авторство Н.Я.Бичурина считается установленным. Как видно из его письма от 13 февраля 1839 года в Министерство народного просвещения, он перед отъездом из Петербурга в Кяхту в 1835 году оставил у П.Л.Шиллинга несколько своих рукописей и книг, в том числе "Да Цин хуэй-дянь ту" – иллюстрированного приложения к цинскому своду "Да Цин хуэй-дянь". Это обстоятельство даёт основание полагать, что наш китаевед начал работать над цинским сводом ещё до второй поездки в Кяхту в 1835 году (75, с. 24).

[96]Пернатьев Ю. Великие загадки истории. - Х., 2006. - С. 139-155.

В целом перевод цинского свода разделён на 37 глав, каждая из них в соответствии с оригиналом носит название определённого ведомства. Малочисленные стилистические исправления, сокращения текста и дополнения внесены в список рукой Бичурина, в результате первоначальный вариант перевода подвергся серьёзной переработке. Исключив материалы, касающиеся сведений по ряду сравнительно частных проблем, автор перевода дополнил обзор государственных учреждений Цинской империи другими данными из того же источника. В новом варианте перевода цинского свода, вместо 1920 параграфов 1947, т.е. на 27 больше.

В бичуринском переводе цинского свода, в целях удобства и для широкого круга читателей дано значительное число сносок, примечаний и авторских комментариев. Рукопись завершённой работы о. Иакинф отдал переписчику, тот изготовил беловик, который хранится в Петербурге, в ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Автор собирался опубликовать труд под названием: "Изложение китайского законодательства" (75, с. 25). По какой-то причине (может, из-за недостатка средств) он не осуществил своего намерения. Учёный намеревался написать иероглифический указатель к переводу.

Иакинф допускал пропуски и сокращения в переводе, который, тем не менее, является достаточно содержательным. В ряде случаев материал располагался в иной последовательности, нежели в оригинале. Переводчик опустил материалы о деятельности второстепенных ведомств, находившихся в Мукдене, оставив важнейшие законодательные акты, определявшие характер и структуру ведущих правительственных учреждений и ведомств империи. Это видно из комментариев и примечаний к переводу. В казанской рукописи в главе "Астрономический институт" (Циньтяньцзянь) есть такое примечание: "В подлиннике ниже сего изложена вся астрономия".

В главе "Военная палата" (Бинбу) сообщается о системе военного образования, и там же добавляется: "В подлиннике показано, сколько принимается студентов в каждом областном, окружном и уездном городе" (75, с. 25). Перевод о. Иакинфа снабжён комментариями, поясняющими смысл сложных понятий и терминов. Многие из разъяснений основаны на личных наблюдениях переводчика в бытность его в Пекине. В главе "Восемь знамён" (Ба-ци ду-тун), в примечании о положении служилого сословия знаменных, он отмечал: "Образованнейшие из военного сословия по большей части поступают в гражданскую службу, которая считается выше военной" (75, с. 26).

Комментарии содержат критику в адрес европейских синологов. Иакинф в главе "Палата чинов" (Либу), комментируя статью о мерах

административного воздействия на чиновников при нарушении законов и замене им телесного наказания, писал: "Сия статья ясно обнаруживает неосновательность учёных европейцев, утверждавших, что в Китае чиновники подлежат телесному наказанию наравне с разночинцами". В комментарии к главе "Уголовная палата" (Синбу) указывается: "В то время как в Европе вообще думают, что в Китае законы дозволяют убивать детей, там детоубийство поставлено в число государственных преступлений" (75, с. 26).

Справедливости ради надо заметить, что некоторые комментарии о. Иакинфа страдали известной предвзятостью, вследствие чего искажалась подлинная картина китайской действительности. Так, в примечании к главе "Военная палата" (Бинбу) Бичурин утверждал: "В Китае жалованье офицерам и солдатам выдаётся с чрезвычайной точностью". Китайские источники, однако, показывают, что подобное суждение искажает факты и представляется ошибочным и неверным, как для столицы, в которой жил русский востоковед, так и, тем более, для провинций тогдашнего Китая (75, с. 26).

Из "Автобиографической записки" Бичурина видно, что он на протяжении 1835-1837 годов "составил полную систему китайского законодательства, извлечённую из собрания китайских уложений и занимающую три большие тома". Обширный свод китайского законодательства, с его слов, "составляет огромный магазин, в которых можно найти сведения всякого рода касательно всего внутреннего состава Китайской империи" (74, с. 105). "Журнал Министерства народного просвещения" в 1838 году в двух номерах публикует оригинальную статью Иакинфа "Взгляд на просвещение Китая". Не прерывались связи ученого с "Московским вестником", "Московским телеграфом" и другими столичными изданиями (74, с. 105). Тогда же была проделана серьёзная подготовительная работа по монографическим исследованиям и частным вопросам.

Бичурин выполнил план научных исследований в области востоковедения. В предисловии к "Статистическому описанию Китайской империи" он писал: "Цель всех, доселе изданных мною, разных переводов и сочинений в том состояла, чтобы предварительно сообщить некоторые сведения о тех странах, через которые лежат пути, ведущие во внутренность Китая. Порядок требовал прежде всего осмотреть Тибет, Тюркестан и Монголию, то есть те страны, которые издавна находятся в тесных связях с Китаем и чрез которые самый Китай имеет связи с Индией, Средней Азией и Россией" (104).

Наивысший творческий подъём относится к 1827-1837 гг. Как видно из приведённого выше суждения Иакинфа Бичурина, прежде

всего он интересовался проблемами истории и исторических связей народов Центральной Азии. Для реализации своей научной программы ему потребовалось после выхода из Валаамского монастыря создать и выпустить в свет десять книг, опубликовать множество статей почти в двадцати периодических изданиях, дважды побывать в научной командировке в Забайкалье и т.д. (74, с. 72).

После восстания декабристов перед русским обществом встал вопрос о политическом переосмыслении устройства страны. Тогда в обстановке абсолютизма формировались новые принципы исторического сознания (87, с. 118). Процесс формирования их сопровождался критической переоценкой подхода к Востоку, который предполагал не только отказ от ориентальных аллегорий просветителей XVIII века, но и от романтического восхищения целостностью мира Востока, национальным своеобразием его быта (87, с. 119). Декабрист Бестужев, даровавший Иакинфу чётки, которые собственноручно изготовил из своих кандалов, считал его демократом-гуманистом.

Шиллинг фон Канштадт, Павел Львович, барон (1787-1837) – дипломат, старший советник Министерства иностранных дел, востоковед, член-корреспондент Академии наук по разряду литературы и древностей Востока (с 1827), организатор первой в России литографии, изобретатель электромагнитного телеграфа и способа воспламенения подземных и подводных мин посредством гальванического тока[97].

В возрасте 9 лет был зачислен прапорщиком в мушкетерский полк, а в 1802 году – подпоручиком в императорскую свиту. С 1803 по 1812 г. состоял при Российской дипломатической миссии в Мюнхене. В 1814 году в составе русской армии, действовавшей против Наполеона, был в Париже. После возвращения в Россию вновь поступил на службу в Коллегию иностранных дел. С 1817 года возглавлял "литографическое заведение" ведомства, занимавшееся печатанием восточных текстов, в том числе китайских, маньчжурских, монгольских и тибетских[98]. С 1827 года чл.-корр. РАН по разделу литературы и древностей Востока.

Петербургский знакомый Пушкина, К.Н.Батюшкова, А. Мицкевича, А.И.Тургенева. 19 ноября 1818 Пушкин и Шиллинг в компании с Н.И.Гнедичем, В.А.Жуковским, М.С.Луниным, Тургеневым и др. лицами выезжали в Царское Село для проводов уезжавшего в Италию

[97]Пушкинская энциклопедия. 1799-1999. - М., 1999. - С. 614.

[98]Чугуевский Л.И. Из истории издания восточных текстов в России в первой четверти XIX века // Страны и народы Востока. - М., 1971. - Вып. 11. - С. 280-294.

К.Н.Батюшкова[99]. Другие данные об их встречах относятся ко времени возвращения Пушкина из ссылки в Петербург. 6 июня 1827 Пушкин и Шиллинг были у Карамзиных. 25 мая 1828 оба они принимают участие в прогулке в Кронштадт (с П.А.Вяземским, А.А.Олениным) [Литературное наследство, 58, с. 80, 255].

В ноябре-декабре 1829 Шиллинг готовился к экспедиции в Восточную Сибирь и Китай в сопровождении Н.Я.Бичурина, и Пушкин, по словам Н.В.Путяты, собирался ехать с ними, но получил отказ Бенкендорфа [Русский архив, 1899, № 6, с. 351]. К этому времени относится рисунок Пушкина в альбоме Ек.Н.Ушаковой, изображающей Шиллинга[100]. 9 ноября 1834 Пушкин и Шиллинг обедали у П.П.Гетца [Русская литература, 1964, № 1, с. 131]. Об их встречах в 1830-х гг. в салоне В.Ф.Одоевского писал позднее М.П.Погодин[101].

Шиллинг помогал Бичурину в издании китайских текстов, собирал восточные рукописи, ксилографы и монеты, плодотворно трудился в области электротехники. В 1835 году русское правительство направило его в Западную Европу с целью изучения "магнетизма и телеграфной связи". В июле 1837 года Шиллинг скоропостижно скончался в Петербурге, оставив богатую коллекцию восточных книг.

Снова в столице

По складу характера о. Иакинф был явно трудоголиком, по темпераменту холерик, вспыльчив, взрывной человек. "Неприступен был во время занятий; беда тому, кто приходил к нему в то время, когда он располагал чем-нибудь заняться. Трудолюбие доходило в нём до такой степени, что беседу считал убитым временем. Лет 60-ти принялся за турецкий язык, но оставил потому, что сперва должно знать разговорный язык, а потом приниматься за письменный. Так, по крайней мере, он говорил. Любил общество и нередко ночи просиживал за картами, единственно потому, что игра занимала его" (73, с. 49), – напишет его биограф Н.Щукин.

Вернувшись в январе 1838 года в Петербург, о. Иакинф приступает к изданию новых извлечений из своего перевода. В апрельской книжке "Сына Отечества" напечатаны "Отрывки из энциклопедического описания Китая, составленного Иакинфом" [т. II (апрель) отд. III, с. 97-137]. В отличие от первой обзорной статьи новая публикация материалов из цинского свода носит специальный характер и состоит

[99]Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. - М., 1951. - Т. 1. - С. 165.
[100]Цявловская Т. Рисунки Пушкина. - М., 1980. - С. 136-139.
[101]В память о князе В.Ф.Одоевском. - М., 1869. - С. 57.

из пространных отрывков, сделанных из отдельных глав перевода, таких как "Приказ учёных" (Ханьлинь-юань), "Пекинское областное правление" (Шаньтяньфу), "Хунлусы", "Астрономический Институт" и "Врачебный приказ" (Тайиюань).

Вслед за этой публикацией в том же 1838 году в "Журнале Министерства народного просвещения" [ч. XVIII, № 6 (май), с. 324-366] появилась большая статья о. Иакинфа: "Взгляд на просвещение в Китае", в её основе сведения цинского свода об экзаменационной системе, из раздела Ведомства обрядов (Либу) и др. (75, с. 27-28). Новая статья "почтенного хинезиста", как называл о. Иакинфа В.Г. Белинский, вызвала большой интерес и вскоре выйдет ещё и отдельным изданием[102]. В 1838 году, с задержкой по объективным причинам, вышла и "Китайская грамматика" о. Иакинфа, написанная им для Кяхтинского училища[103].

13 апреля о. Иакинф писал в Азиатский департамент: "Литографирование сочинённой мною китайской грамматики, начатое в 1834 году, ныне приведено к концу. Столь долговременное замедление в издании сей книги произошло частью от того, что после моего отъезда в Кяхту в начале 1835 года никто из знающих китайский язык не осмелился принять на себя обязанности корректора, а более от того, почти при самом начале литографирования встретились разные непредвиденные по новости предмета препятствия, которые потребовали издержек гораздо больших против сметы, так что вместо 600 должно было ограничиться напечатанием 360 экземпляров".

В рецензии на изданную Бичуриным китайскую грамматику Полевой отмечал её достоинства: "Грамматика о. Иакинфа, освобождая язык китайский от оков, в какие до сих пор заключали его европейские грамматисты, показывает удивительную лёгкость, с какою можно выучиться читать, понимать по-китайски и переводить с китайского. Он доказал это на практике в Кяхтинской школе китайского языка, где ученики чрезвычайно легко и скоро стали разуметь по-китайски" [Сын Отечества, 1838, июль, т. IV, отд. IV, с. 15]. За китайскую грамматику "Хань-вынь ци-мын" в 1839 году автору будет присуждена Демидовская премия, уже во второй раз.

В 1837 году скоропостижно скончался Павел Львович Шиллинг – покровитель о. Иакинфа. (В кругу близких нет и Александра Васильевича Карсунского. Тяжело больна Татьяна Лаврентьевна, жена друга с юношеских лет) (74, с. 106). Богатое собрание китайских, маньчжурских и японских книг и рукописей из библиотеки Шиллинга останется в

[102]Бичурин Н.Я. Взгляд на просвещение в Китае. Сочинение о. Иакинфа Бичурина. - СПб., 1838.
[103]Бичурин Н.Я. Китайская грамматика. Хань-вынь-ци-мын. Ч. 1-2. - СПб., 1838.

распоряжении Азиатского департамента. 15 февраля 1839 года конференция Академии наук обратилась к Бичурину с просьбой взять на себя труд заняться научным описанием раритетных ксилографов, поступивших в Азиатский музей, и он отменно справится с заданием (74, с. 107).

В декабре 1838 года Николаю I поднесён труд Бичурина "Описание китайских монет", представляющий собой перевод с японского оригинала с замечаниями переводчика (75, с. 28). "Сие описание китайских монет – есть самое подробное, какое существует в Китае и весьма уважается тамошними учёными. В Европе же перевода оному доселе не издано. Поэтому труд нашего почтенного синолога имеет для нас двоякую цену, а для занимающихся нумизматическими изысканиями, сколько я полагаю, должен составлять важное приобретение. Но о. Иакинф не располагает его печатать, ибо издержки, которые на сие потребуются, едва ли у нас окупятся, поелику сочинение сие есть чисто учёное и читающую публику интересовать не может".

Четырёх тысяч рублей, выделенных из казны, оказалось недостаточно для издания этого труда. Тогда обратились за содействием к министру просвещения и президенту РАН. 27 декабря 1838 года К.В. Нессельроде писал С.С.Уварову: "Желая, однако же, чтоб оное не оставалось в неизвестности для учёного нашего сословия, я за долг себе поставляю один писанный экземпляр препроводить к Вам <…> в надежде, что труд столь полезный обратит на себя внимание Вашего Высокопревосходительства. К сему нужным считаю присовокупить, что недостающие рисунки некоторых монет неукоснительно будут выписаны и доставятся сюда с нашею миссиею, которая в 1841 году имеет прибыть из Пекина".

С.С.Уваров распорядился передать рукопись Н.Я.Бичурина в библиотеку Академии. Свой отказ издать её министр мотивировал тем, что "к печатанию этой книги нельзя приступить до получения недостающих рисунков монет", которые могут быть доставлены в Петербург лишь через два-три года. В результате труд, содержавший ценные сведения по истории китайской нумизматики с древнейших времён до 30-х годов XVIII века, остался в рукописи, сохраняясь в Архиве востоковедов ЛО ИВ РАН и в фонде Библиотеки Азиатского департамента АВПР (75, с. 29). К идее создания обобщающего труда о цинском Китае о. Иакинф возвращался не раз.

В 1839 году в "Отечественных записках" публикуются статьи о. Иакинфа: "О шаманстве" [т. VI, № 11, отд. II, с. 73-81] и "Меры народного продовольствия в Китае" [т. VII, № 12, отд. II, с. 47-56] 3 июня их автор в записке редактору А.Краевскому писал: "В прошлый раз мне нужно бы-

ло поговорить с Вами о том, какие ещё статьи нужны, чтоб из всех статей, напечатанных в журнале, впоследствии составить нечто целое и напечатать особо. Вы напротив назначили мне статьи такие, которые в отношении цели моей хотя и хороши, но недостаточны к составлению особой книги. А без сей цели я скучаю работаю, хотя имею большой запас материалов. Через несколько дней зайду к Вам". На следующий год выходит пространная статья "Общественная и частная жизнь китайцев" [Отечественные записки, 1840, т. X, № 5, отд. II, с. 113-281].

После выпуска статей на материале "Да Цин хуэй-дянь" о. Иакинф приступил к осуществлению нового плана. В мае 1840 года он взял из библиотеки департамента свою рукопись "Изложения китайского законодательства": для "приведения сего сочинения в новый порядок". Уже к концу года готов к печати отдельный труд, в его основе лежат ранее изданные журнальные публикации автора, собранных вместе. Наряду со статьями из Цинского свода включён ряд новых разделов по уголовному законодательству: постановления Ведомства наказаний (Синбу) и сведения о Цензорате (Дучаюань), контролировавшем деятельность чиновников (74, с. 30).

Одиннадцатая по счёту, книга "Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение" вышла в свет в конце 1840 года, издана на средства С.А.Мициковой – дочери его друга А.В.Карсунского. Определяя цель книги, автор указал: "Всё, что только написано мною общего касательно нравов, обычаев и просвещения в Китае, при всей краткости своей, достаточно подать верное и ясное понятие о гражданском образовании Китайского государства. В Европе до сего времени ставили Китай в Азии не по одному географическому положению, но и в отношении к гражданскому образованию, разумея под образованием одно варварство и невежество; но сами не могли приметить своего заблуждения по сему предмету" (79, с. 295-296).

"В новейшее время Моррисон и Давид (протестантские миссионеры) сообщили истинное понятие о Китае; но они ограничились чрезвычайно краткими очерками, которыми могли возбудить одно изумление и потом оставить в недоумении. Надлежало глубоко вникнуть в законодательство и действия правительства, чтобы постигнуть дух законов, политику управления, а потом определить степень просвещения" (79, с. 296). Большинство же европейцев-ориенталистов, с поверхностными сведениями в китайском языке, пытались "объяснять всё им неизвестное по собственным умствованиям или пополнять догадками и, конечно, делали неверные выводы" (79, с. 297).

В то же время о. Иакинф по материалам цинского свода публикует сведения о вооружённых силах Цинской империи: "Китайские военные силы" [Сын Отечества, т. 5, 1840, кн 2, с. 261-294] и "Воспитание военных людей в Китае" [Отечественные записки, 1841, т. XIX, № 11-12, отд. VII, с. 59-63]. И уже к сентябрю 1841 года заканчивает работу над очередной книгой: "Статистическое описание Китайской империи". В первую часть её вошли разнообразные материалы первоисточника "Да Цин хуэй-дянь", о состоянии экономики Китая по данным Ведомства финансов (Хубу)[104]. Во второй части книги представлены сведения о Монголии, Тибете и Восточном Туркестане, имеющиеся в разделе Палаты по делам зависимых владений (Лифаньюань).

О качестве и достоверности сведений, включённых в это сочинение о. Иакинфа, можно судить по отзыву К.А.Скачкова. Отметив, что они заимствованы из "правительственного свода государственных постановлений нынешней династии", наш авторитет назвал новую книгу Бичурина одной из лучших "как по важности предмета, так и по точности и полноте изложения". Он заключил: "И нет ей ничего подобного на других европейских языках". И далее: "Будучи в безупречном систематическом порядке, эта книга для изучающих Китай всегда будет служить хорошим руководством" (75, с. 31). Хотя тогда её заказал только один чиновник из Варшавы.

Неудача с подпиской обескураживает, но не останавливает работы над китайскими сюжетами при обращении к "Да Цин хуэй-дянь". В 1841 году о. Иакинф опубликовал большую статью: "Пекинское дворцовое правление" [Русская беседа, т. 2. СПб., 1841, с. 1-48]. В основе её данные цинского свода. Наряду со сведениями о структуре, штатах и функциях аппарата дворцового ведомства данные об императорских поместьях и прикреплённых крестьянах. В 1812 году в ведении Дворцового управления (Нэйуфу) находилось 1078 поместий. Сообщается о дворцовых мастерских и ремесленниках, занимавшихся выделкой тканей и всевозможных изделий для нужд императорского дома (75, с. 31).

В.Г.Белинский, следивший за публикациями китаеведа, писал: "Пекинское дворцовое правление" принадлежит к самым интереснейшим статьям отца Иакинфа о Китае"[105]. Критик встречался с автором у В.Ф. Одоевского и в редакции "Отечественных записок" (87, с. 131). Он заметил, что Бичурин, "трудясь, думает не о настоящем только времени, но и о будущем, желая успеха при жизни, желает, чтоб и после смерти труд его не терял своего интереса" (105, т. 9, с. 358). В бичуринском восприя-

[104]Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. Ч. 1-2. - СПб., 1842.
[105]Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. - М., 1954. - Т. 5. - С. 592.

тии Востока проявился передовой настрой филоориенталистики. В замечаниях Белинского о трудах о. Иакинфа нет ничего общего с взглядами О.И.Сенковского и Рафаила Зотова (87, с. 133).

Начиная с конца 20-х годов с о. Иакинфом встречались, впитывая от него знания о Востоке, многие известные литераторы и общественные деятели России. В их числе: Пушкин, Крылов, Белинский, Герцен, Панаев, Одоевский, Сенковский, Сомов, Полевой, Гончаров, Плетнёв, Вяземский, Оленин, Шевырёв, Погодин, Спасский, Краевский и др. С одними из них он дружен в 1828-1834 годах, с другими – после вторичного возвращения из Кяхты, в 1839-1844 годах. Читающая публика испытывала интерес к Китаю и его культуре, это сказалось на литературном творчестве.

Многочисленные статьи и книги Бичурина стали заметным явлением, вместе с критикой, откликами и отзывами заполнив собой целую эпоху в русской синологии и в журналистике. Благодаря основательной популяризации китайская тема в российской культуре прочно утвердилась, собственно обретя качественные черты. Возросшие знания о фактической жизни великого народа воздействовали на русскую нацию, её сознание, укрепив вместе со здравомыслием черты историзма и реализма, а в литературном творчестве расширив обзор сферы художественного изображения действительности .

Статьи Бичурина о Монголии, Китае, Тибете и Восточном Туркестане печатались почти в двадцати изданиях, по меньшей мере двадцать русских журналов откликались обзорами и рецензиями на труды выдающегося китаеведа (87, с. 119). Многие издания того времени, в частности, издаваемая А.С.Пушкиным и А.А.Дельвигом "Литературная газета", обращали внимание на труды и переводы Бичурина (86, с. 133-134).

В конце 30-х годов, после открытия на восточном разряде Казанского университета кафедр китайского и маньчжурского языков, дополнительно к уже существовавшим кафедрам арабско-персидской, турецко-татарской и монгольской, город его юности становится одним из важнейших центров отечественного востоковедения. Иакинф постоянно поддерживал связь с монголоведами О.М.Ковалевским, А.В. Поповым, тюркологом А.К.Казем-Беком, китаеведами Д.П. Сивилловым, О.П.Войцеховским, этнографом В.А.Сбоевым и др. (74, с. 120).

На 71-м году жизни, по просьбе близких друзей, Иакинф написал "Автобиографическую записку". В ней в общих чертах перечислены вехи личной судьбы, включая и отдельные направления или темы долгого научного поиска. В этой записке и весьма сдержанном изложении о. Иакинф утверждал, что около 20 лет, проведённых им в служебных

поездках на Востоке, ушло на самоподготовку и собирание материалов для научных исследований (74, с. 119).

Приближение старости (1840-1850)

В мае 1841 года о. Иакинф писал в письме М.П.Погодину: "Я решил печатать статистику Китая на свой счёт. Требуется 7 тысяч. Кажется, что и половины этой суммы воротить трудно будет. Мой Китай [См.: Бичурин Н.Я. Китай, его жители, права, обычаи, просвещение". СПб., 1840. – И.С.] доказательством этому. Наши учёные от всей души согласны лучше врать, нежели нужное и дельное читать. У вас Корш, у нас Соколовский и Устрялов – доказательство тому. Им, как детям, более нравятся враки французские, нежели правда русская. Те с вычурами и звонками, а это просто одета. Но что глупее всего: у нас учёные ещё гордятся вралью потому, что они говорят отличное от других. <…> Через месяц кончу изложение китайского земледелия со чертежами всех земледельческих орудий [См.: Бичурин Н.Я. Земледелие в Китае, СПб., 1844. – И.С.]. Мне хотелось было написать изложение всего сельского хозяйства в Китае, но оно не принесёт пользы ни мне, ни читателям…" (89, с. 125).

В следующем письме тому же адресату, весной 1842 года, он пишет: "В прошлом году я послал к вам объявление на подписку. Впрочем, это объявление бесполезно было. Во всей России подписался один чиновник в Варшаве. Это решило издателя ограничиться в числе экземпляров так, что экземпляр книги ему самому стоит 8,5 рублей серебром. Если он и потеряет, то не более 5000 рублей ассигнациями" (89, с. 128).

В 1842 году о. Иакинф пред учёным сообществом России и Европы представил двенадцатое капитальное произведение, выпустив в свет "Статистическое описание Китайской империию", в двух частях, с приложением карты на пяти листах [См.: Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи, ч. 1-2, СПб., 1842. – И.С.]. Издатель книги колл. сов. Мициков. В первой части излагаются географические, исторические и политические сведения о Китае, во второй – о Маньчжурии, Монголии и Восточном Туркестане (74, с. 109). Богатая информация содержится в 15 главах "Прибавлений": о водном транспорте Китая, древних городах Маньчжурии и Монголии, о Великой китайской стене, чайной промышленности, о малых народностях Китая и т.д. (74, с. 109-110).

В конце второй части он касается вопросов о реке Амуре, о монгольских законах, об инородцах, живущих на юге Китая, которые причисляются им к аборигенам. "Этот вопрос не успел разработать о. Палладий, а он очень интересен, потому что, например, интересно отыскать в Сычу-

анской провинции потомков русских, которых, по преданиям албазинцев, очень много там. Не были ли переселены туда пленники монголов из России в XIII столетии?" (79, с. 301), – поставил перед нами интересный вопрос Н.Адоратский, один из ранних биографов о. Иакинфа.

Могучий научный труд окончательно упрочит за Н.Я.Бичуриным славу знаменитого синолога. О. Иакинф в нём показал "всю широту своего учёного масштаба и глубину знаний, дав массу новых и точных сведений о Китае, которые он почерпнул из китайских источников. Поэтому такие компетентные лица, как о. Палладий, считали этот труд лучшим произведением о. Иакинфа. Он постарался поместить здесь всё, что казалось ему сообразным с оригинальным планом и обширностью его сочинения" (79, с. 299).

Время летит – и уже пора подводить итоги, обращаясь к последним годам жизни знаменитого востоковеда. За это наиболее самостоятельное и оригинальное сочинение, которое значится в числе наиболее фундаментальных трудов историка-этнографа, посвящённых Китаю и соседним странам, её автор, Н.Я.Бичурин, в 1843 году заслужил очередную Демидовскую премию Российской академии наук.

Иакинф писал Погодину в мае 1843 года: "Я очень долго был болен, теперь несколько оправился. Но на совершенное выздоровление нет надежды. Впрочем, моя болезнь при строгой диете не очень опасна; даже по временам исподволь могу заниматься кое-чем. Простите и будьте здоровы..." (89, с. 130). Позже сообщение о завершении нового труда: "Чрез месяц кончу изложение китайского земледелия с чертежами всех земледельческих орудий, мне хотелось было написать изложение всего сельского хозяйства в Китае, но оно не принесёт пользы ни мне, ни читателям, потому что Китай лежит в 40 до 24 градусов, а Россия от 40 до 60 градусов северной широты. Вот почему отложил я это дело в сторону" [Советское китаеведение, 1958, № 3].

В основе сочинения о. Иакинфа переводы В.Морачевича из китайской энциклопедии по сельскому хозяйству "Шоуши тункао" XVIII века[106]. В конце года готова к выпуску книга "Земледелие в Китае". О. Иакинф продолжает публиковать пространные выдержки из своего перевода по отдельным вопросам. В том же году опубликована статья: "Княжеское правление в Китае". Основываясь на своде "Да Цин хуэй-дянь", она повествует о деятельности Цзунжэньфу, специального органа в Цинской империи, занимавшегося делами маньчжурских князей [Сын Отечества, 1843, № 3, март, отд. V, с. 1-13]. И тут же о. Иакинф пишет новую работу о современном Китае с учётом пожеланий рецензентов (75, с. 32).

[106]Скачков К.А. Пекин в дни тайпинского восстания. - М., 1958. - С. 20.

В письме к Погодину он писал 25 декабря 1843 года: "С сегодняшнего дня предпринимаю положить начало второму изданию "Китая". Этот труд потребует около года времени, потому что те же материалы размещены будут в новом и притом систематическом порядке, а это потребует значительных прибавок, которые будут состоять не в распространении пустых выражений, а в помещении, где нужно, дополнительных сведений по разным предметам. Я предваряю Вас об этом с намерением получить от Вас замечания, в каких местах и чего не достаёт в моём прежнем "Китае". Я воспользуюсь ими с большой благодарностью" [Советское китаеведение, 1958, № 3, с. 148].

Противясь раболепию перед иностранными авторитетами, Бичурин в одной из журнальных публикаций 1844 года писал: "Очень неправо думают те, которые полагают, что западные европейцы давно и далеко опередили нас в образовании, следовательно, нам остаётся только следовать за ними. Эта мысль ослабляет наши умственные способности, и мы почти в обязанность себе ставим чужим, а не своим умом мыслить о чём-либо. Эта же мысль останавливает наши успехи на поприще образования в разных науках. Если слепо повторять, что напишет француз или немец, то с повторением таких задов всегда будем позади, и рассудок наш вечно будет представлять в себе отражение чужих мыслей, часто странных и нередко нелепых" [Москвитянин, 1844, ч. II, с. 170].

В тринадцатом сочинении о. Иакинфа излагается история земледелия и современное его состояние. В 1844 году в типографии Эдуарда Праца напечатана книга "Земледелие в Китае", с чертежами 72 земледельческих орудий, используемых на юге и севере Китая [См.: Бичурин Н.Я. Земледелие в Китае, СПб., 1844. – И.С.]. В предисловии автор пишет, что предлагаемые сведения заимствованы из "Шэши тунхао", составленного учёною комиссиею и изданного в 1742 году под редакциею самого богдыхана. В 4-х больших томах даются изображения всех известных в Китае плодовых деревьев, хлебных и огородных растений, также чертежи шёлкового, хлопчатобумажного и полевого производства.

"Подобное руководство издавалось уже не в первый раз: с давних времён каждая новая династия, вступая на престол, издавала их для поддержания в народе правил рационального земледелия. Правительство издавна озабочивалось вкоренить в народе, посредством особо назначенных для того надзирателей, правила: как и когда должно производить разные земледельческие работы. В переводе о. Иакинфа сохранён наставительный тон подлинника, представляющего верную и полную картину практического земледелия в Китае" (79, с. 302).

Из названного китайского издания заимствуется мифология земледелия. Бог солнца Янь-ди учил людей возделывать землю и засевать поля пятью видами злаков, за то стал богом земледелия. У Шэнь-нуна голова быка и туловище человека. И особые заслуги в земледелии: в течение тысячелетия пахал людям землю. Современное земледелие в Китае рассматривается в девяти главах. Описывается устройство полей, плугов и прочих земледельческих орудий, рассказывается о бороновании и севе, приготовлении и употреблении навоза, пропалывании и поливке, уборке и обработке хлебных злаков (74, с. 110).

По преданию, "основание земледелию в Китае положено за 2700 лет до Р.Х. Янь-ди первый научил народ сеять хлеб (просо) и садить овощи (особенно, бобы и горох). В то время ещё не знали ни одного из нынешних земледельческих орудий: землю копали деревянными заступами, хлебные зёрна очищали в глиняной яме деревянным пестом. Правительство назначало народу время пахания, указывало средства удобрения и способы посевания и уборки. В эпоху Р.Х. китайцы имели уже плуг и разные земледельческие орудия. В продолжение последних 2000 лет опыты постепенно довели земледелие до современного состояния" (79, с. 303).

От издания научных работ о. Иакинф терпит материальные издержки. В письме Погодину он жалуется, что "Статистики" продано 30, "Земледелия в Китае" до 15 экземпляров, убытку понёс до 2500 рублей серебром (74, с. 111). 17 ноября 1844 года тому же адресату сообщал вновь об издательских сложностях, высказывая опасения: "На сих днях я привёл к концу два новых сочинения: "Китай в гражданском и нравственном состоянии" и "Религия учёных" с 26-ю чертежами. Только не знаю, что с ними делать. "Горе от ума!". Наша первостатейная учёность требует одних сказок китайских, чтобы после карт с приятностью заснуть" [Советское китаеведение, 1958, № 3, с. 146-7].

В письме от 27 ноября 1844 года Погодину о. Иакинф писал, что для печатания книги о конфуцианстве в 200 экземплярах требуется 6 тысяч рублей, она так и не будет опубликована. Деньги на издание второй книги Бичурин собирался просить у казны [См.: "Советское китаеведение", 1958, № 3, с. 147]. Пока изыскивались средства, в 1845 году в четырёх номерах "Земледельческой газеты" появилась серия его статей под общим названием "Хлебные магазины в Китае". В них пространные выдержки из цинского свода об организации, хранении и выдаче зерна в казённых, частных и общественных зернохранилищах [№ 74-77]. Сокращённый вариант статьи публиковался в "Журнале Министерства внутренних дел" ещё в 1836 году [т. XXII, № 10-12, с. 56].

Четырнадцатый труд о. Иакинфа – "Китай в гражданском и нравственном состоянии", в 4-х частях. Разрешён к печати 30 ноября 1845 года, издан В.Ф.Базуновым в 1848 году (74, с. 111). Это сочинение, в виду сомнительных представлений о Срединном государстве, утвердившихся в общественном сознании русских, "имело целью расширить круг существенных сведений о внутреннем состоянии китайского государства". При внешнем сходстве, оно отличается от предыдущего, одинакового по заглавию, произведения, изданного тем же автором восемь лет назад.

Основательный труд, содержит важные сведения о Китае, опровергающие домыслы европейцев о жизни в этой стране. Первая часть полнее, чем прежде, характеризует государственное управление, знакомит со структурой и деятельностью учреждений, судоустройством и хозяйством. Во второй части рассматривается уголовное право Китая – новый предмет правоведения. При рассмотрении законодательства используются данные из раздела Ведомства наказаний (Синбу), о хищениях казённых средств, взятках, побегах знаменных солдат и т.д.

В третьей части даётся характеристика учебных заведений и научных учреждений, народного продовольствия. В четвёртую часть, об общественной и семейной жизни китайцев, вошли сведения из раздела ведомства обрядов, задерживается внимание на народных обычаях, семейно-бытовых традициях, придворном церемониале. Тут много повторений из прежних публикаций автора, о приёме иностранных послов при дворе богдыхана, выдаче дочерей императора замуж и т.д.

На сей раз О.И.Сенковский, обычно критиковавший Иакинфа, признал, что в книге "число важных, капитальных фактов, извлечённых им из тьмы китайской грамоты, количество света, пролитого им на самые запутанные вопросы по части истории и законодательства этой любопытной страны, почти невероятно" (74, с. 112). Бичурин "первый раскрыл неверность сведений и несостоятельность мнений о сем государстве, укоренённых в Европе" (74, с. 111-112). Вопросы религиозных верований и культа китайского народа не освещались, заслуживая отдельного рассмотрения. Однако, в конце концов, книга "Религия учёных и её обряды" достанется нам в рукописном виде.

Работая над обобщающим трудом о современном Китае и делая выборки материалов из перевода, Бичурин одновременно готовил книгу, посвящённую конфуцианству. Источником сведений служил тот же "Да Цин хуэй-дянь", особенно приложение "Да Цин хуэй-дянь ту". Труд этот под длинным названием: "Описание религии учёных. С приложением чертежей: жертвенного одеяния, утвари, жертвенни-

ков, храмов и расположения в них лиц, столов и жертвенных вещей во время жертвоприношения. Составлен трудами монаха Иакинфа" – будет издан в 1906 году в Пекине, в типографии Успенского монастыря при Русской духовной миссии (75, с. 33).

Новая книга Иакинфа встречена в литературных кругах с интересом, последовали отклики (75, с. 33-34). В.Г.Белинский в "Современнике" выступил с разбором взглядов китаеведа [1848, т. 7, № 1, отд. III, с. 44-49]. Общий тон строг. Касаясь законодательства и судопроизводства в Китае, с первого взгляда могло показаться, что цинские законы "нередко отзываются человеколюбием и, по-видимому, представляют верные гарантии жизни, чести и благосостояния частных людей всех званий, от высших до низших" (Там же, с. 45). Между тем, по мнению критика, "эти законы и гарантии хороши только на бумаге, а на деле служат только к обогащению берущих взятки и утеснению дающих взятки" (Там же, с. 47).

Подчеркнув, что в основе судопроизводства в феодальном Китае лежит взяточничество, рецензент отметил жестокость цинского законодательства, использующего изощрённые формы покарания. "Исчисление родов китайских преступлений даже у почтенного Иакинфа, хоть кого приведёт в ужас, о бесчеловечии казней нечего и говорить" (Там же, с. 48). Выступая за отмену телесных наказаний в России, он решительно стоял за неукоснительное соблюдение законности. Перейдя в своём обзоре к рассмотрению книги Н.Греча "Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии", публицист вновь возвращается к китайской теме, используя её для критики идеологов реакционного русского дворянства (75, с. 34-35).

"Вот мы, кажется, и выбрались из Китая, и нам всё кажется, что мы ещё в Китае… и неудивительно: начитавшись о бамбуковых планках, и больших и малых, о стискивании у мужчин ножных лодыжек, а у женщин – четырёх пальцев на руке, о разрывании тела живого человека железными щипцами, – мы долго не могли выбросить из головы этих предметов, столько же унизительных для человеческого достоинства, сколько и страшных. Мы думали о том, как мало жестокие казни достигают своей цели – удерживать людей от преступлений. Они только ожесточают их" (Там же, с. 49-50).

Иакинф, казалось, идеализировал существовавшие порядки в Срединном государстве. Содержание его книги невольно сопоставлялось с описанием цинского Китая у "Дэ-мина" [Поездка в Китай]. Их автор А.И.Кованько в качестве светского члена духовной миссии побывал в китайской столице с 1830 по 1836 год и, вернувшись, в 1841-

1843 годах, публиковал статьи о Китае в "Отечественных записках" (75, с. 35). Живший в Пекине в 1820-1831 годах Даниил Сивиллов[107] характеризовал его как человека с "довольно хорошими знаниями в китайской литературе" (75, с. 35).

В какой мере оценка тогдашней китайской действительности объективней у Дэ-мина? Он обращал особое внимание на произвол цинских властей и коррупцию чиновничьего аппарата, которая разъедала государственный механизм Цинской империи. Это больше устраивало В.Г.Белинского, который, сравнивая работы двух китаеведов, отмечал: "Почтенный отец Иакинф показывает нам более Китай официальный, в мундире и с церемониями; Дэ-мин показывает более Китай в его частной жизни, Китай у себя дома в халате нараспашку" [Современник, 1848, т. 7, № 1, отд. III, с. 48].

Подвергнув критике Бичурина за идеализацию политической системы цинского Китая, В.Г.Белинский вместе с тем указывал на богатство фактического материала и сведений, представленных в книге. "Книга почтенного отца Иакинфа – истинное сокровище для учёных, по богатству важных фактов. Она может до известной степени годиться и для публики, несмотря на её слог и изложение, несмотря на то, что первая часть, в память пресловутого на Руси мужа Михайлы Меморского, написана в форме вопросов и ответов" (Там же, с. 49). Книга Н.Я.Бичурина высоко оценена востоковедами.

Монголовед О.М.Ковалевский в отзыве из Казани написал: "Излишним считаю указывать здесь на сведения, которыми о. Иакинф исправил и пополнил чужие и наши понятия о Китае. Богатством содержания покрываются мелочные недосмотры автора, которые привязчивый критик мог бы приметить". "Государственное устройство автором для большей ясности представлено в вопросах и ответах, знакомит читателей с предметом, о котором, особенно у нас часто повторяются самые ложные толки".

Многие годы перевод цинского свода служил о. Иакинфу своеобразной энциклопедией по современному Китаю. Максимально извлекая материал из "Да Цин хуэй-дянь" и использовав сведения ценнейшего историографического источника, он в течение 1838-1848 годов, за десятилетие, опубликовал десять крупных статей и три книги о социальных и политических институциях Китая. Благодаря его публикациям значительная часть сведений цинского свода, в переводе и изло-

[107]Хохлов А.Н. В.П.Васильев в Нижнем Новгороде и Казани // История и культура Китая. - М., 1974. - С. 37.

жении самого о. Иакинфа, станет доступной достаточно широкому кругу русских читателей (75, с. 36).

Перевод о Иакинфа, при всей неполноте и отдельных неточностях, свидетельствует об исключительной настойчивости и трудоспособности переводчика. Ему удалось всесторонне и довольно детально воссоздать многие грани общественного и государственного устройства Цинской империи первых десятилетий XIX века, раскрывая его внутренний механизм. Поскольку при издании статей и книг о цинском Китае русский учёный обычно не делал ссылок на использованные им материалы, вопрос об их источниковедческой базе многие годы оставался открытым (75, с. 37).

Сравнение перевода о. Иакинфа с его книгами, статьями и рецензиями о современном Китае показывает, что едва ли не единственным документальным источником для них служил "Да Цин хуэй-дянь". Книги и статьи Н.Я.Бичурина создавались путём выборки и компиляции материалов из соответствующих глав своего перевода, почти без изменения текста. Они могут служить важным подспорьем для комментариев при работе над сложным текстом китайского оригинала. Столь же важную роль могут играть и неопубликованные материалы, которые были исключены переводчиком из первоначального варианта при подготовке своего труда к печати (75, с. 37).

В последние годы жизни о. Иакинф всё больше занят своим здоровьем и проблемами этнической истории монголоязычных и тюркоязычных народов. Последним трудом, увенчавшим неутомимую страсть старца, будет "Собрание сведений о народах, обитающих в Средней Азии в древнейшие времена". В январе 1846 года представлен в историко-филологическое отделение Академии наук на рассмотрение пробный перевод китайских источников о Коканде, в июне придёт одобрительный отзыв специалистов. В том же году он пишет Погодину: "С 1 января текущего года я занимаюсь составлением истории древних народов Средней Азии и частью соседственных ей владений. Сия история начинается во втором веке пред Р.Х. и оканчивается в IX веке" (74, с. 114-115).

Из всех значительных трудов ориенталиста особое место у самого последнего. Иакинф был занят им на протяжении четверти века после Пекина, закладывая в ориенталистике основы научного метода использования древнекитайских летописей для разработки вопросов этногенеза и политической истории древних народов Азии. Приступив к отбору и описанию материалов в январе 1846 года, Бичурин в преклонном возрасте, уже тяжело больным, в течение трёх лет завершит

работу по древней и средневековой истории племён и народностей Средней и Центральной Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока.

В декабре 1847 года о. Иакинф сообщил в Азиатский департамент о завершении работы по истории народов Средней Азии в древние времена, представив предисловие к "Собранию сведений…", которое будет направлено на отзыв О.М.Ковалевскому, профессору Казанского университета. "В продолжение XIX столетия русские путешественники прошли западную половину Средней Азии в разных направлениях и описали её и довольно подробно и довольно верно. Вот новые источники, которые предлежит нам труд с помощью туземцев снести с древними источниками", – писал автор, Н.Я.Бичурин (74, с. 114).

В июне 1848 года Академия наук получила положительный отзыв учёного-монголоведа. О.М.Ковалевский отметил, что сочинение о. Иакинфа о среднеазиатских народах открывает историкам "новые богатые материалы для критической обработки, а нашему отечеству принесёт честь первенства в поощрении столь полезного и колоссального труда" (74, с. 115). Основные источники из истории сопредельных с Китаем народов и их связей освещают период с II в. до н.э. до середины IX в. н.э.[108]. М.И.Броссе советовал издать работу на латинском, ссылаясь на бесполезность научной публикации на русском языке, Иакинф не согласился с последним (74, с. 115).

Содержание труда охватывает исторический срез в тысячу лет. Непосредственно к подготовке сочинения Иакинф приступил в начале 1846 года. В ноябре 1850 года сообщил Погодину о завершении работы. 17 апреля 1849 года, до выхода в свет "Собраний сведений о народах, обитающих в Средней Азии в древнейшие времена", автор удостоен Демидовской премии. Издание фундаментального труда, в 3-х частях, начатое во второй половине 1849 года, завершено в марте 1851 года. По объёму, точности и полноте извлечений перевод Бичурина стоит на первом месте по сравнению с более поздними работами Васильева и Бретшнейдера (108, с. 4).

О том, в каких муках рождался этот труд, можно судить по письму Бичурина от 27 июля 1849 года, направленному на имя непременного секретаря Академии наук П.Н.Фуса: "Май, июнь и июль отняты у меня болезнью, особенно тяжелы и опасны были последствия холеры, поразившей меня в половине июня. С 20-го сего месяца последовал перелом болезням, и мне день ото дня лучше становится. Теперь чувствую необыкновенную слабость в силах. Лекарь уверяет меня, что опасность миновала и через месяц можно будет приступить к голов-

[108]Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. - М., 1977. - Ч. 1-2. - С. 6.

ной работе. Верители отклонили мою рукопись от себя и представили её от моего имени в Цензурный комитет. Теперь ничто не препятствует приступить к печатанию, а литографирование карт надобно отложить до следующего марта. И так осталось мне явиться к Вашему Превосходительству для получения наставлений, что и будет сделано, как скоро буду в силах ходить потвёрже".

В 1850 году на страницах "Москвитянина" Иакинф публикует обстоятельную статью под названием "Кто таковы были монголы?", в которой развивает свой взгляд о древности монгольского народа, попрежнему считая, что происхождение монголов и Дома Монгол "суть две вещи совершенно различные" (74, с. 118). "Словозвучие, вероятность и авторитет, которые в продолжение двух столетий служили верными путеводителями при разрешении подобных вопросов", – с сарказмом писал Иакинф (74, с. 118).

Пятнадцатым и последним трудом о. Иакинфа станет трёхтомное "Собраний сведений о народах, обитавших в средней Азии в древние времена", СПб., 1851 год. Автору 74 года, одинокий и больной, он справился с работой, ценность которой доказана развитием мировой ориенталистики. Н.В.Кюнер пишет, что этот труд "давно уже сделался, в связи с богатством содержания и систематичностью изложения, настольной книгой для всех исследователей происхождения и истории народов, выступавших с глубокой древности на обширной территории Средней Азии" (74, с. 114).

"В этом грандиозном труде о. Иакинф снова возвращается к прежнему своему методу буквального перевода с китайского языка данных истории. Своё сочинение он снабдил картою на трёх больших листах". Написанное по программе Императорской АН и удостоенное Демидовской премии, уникальное сочинение представляет "точный буквальный перевод с китайского языка исторических записок разных династий от начала II в. до Р.Х. до 907 года по Р.Х." (79, с. 306). Не подлежит сомнению документальность и достоверность извлечений из древних актов китайского правительства.

Завершающее творение о. Иакинфа – лебединая песня и подвиг. Созданное в последний период жизни, оно является уникальным в ряду многочисленных достижений его творческой биографии. В основе беспримерного переводного труда Бичурина лежали китайские источники, прежде всего династийные истории древности и средневековья, перечисленные автором[109]. Перевод "Цзы-чжи тун-цзянь ган-му" Бичурин закончил в 1825 году. И ещё 25 лет по возвращении из Пекина

[109]Бичурин Н.Я. Собр. соч. - М.-Л., 1950. - С. 17-21, 28-30.

он всё занимался собиранием сведений о древних связях Китая с сопредельными народами (109, с. 8).

Ценность последней работы Бичурина в том, что она даёт точные переводы оригинальных текстов в полноте, многообразии и с разночтениями (108, с. 43). "Учёные Западной Европы, говорит о. Иакинф в объяснение своей работы, давно уже начали заниматься исследованием среднеазиатских народов; но их мнения по этому предмету несогласны с китайскими известиями" (79, с. 307). Без предубеждения против азиатского невежества, прочитывая китайскую историю в подлиннике и объединив китайские сведения о среднеазиатских государствах, автор изложил их "в точном переводе текста и пополнил примечаниями с указанием на обычаи и установления Китая" (79, с. 309).

Из китайских известий открывается, что "на всей полосе средней Азии, от Восточного океана на запад до Каспийского моря, искони обитали те же самые народы, которые и ныне населяют эту страну; вели тот же самый образ жизни, какой ведут потомки по прошествии двух тысяч лет; находились в тех же пределах, в которых последние и ныне живут, с небольшим изменением в пространстве. <...> Китай, со времени открытия монголов, тунгусов и тюрков, доныне всегда находился в политических связях с помянутыми народами и всегда отличал один народ от другого" (79, с. 310).

40-е годы в творческой жизни о. Иакинфа также примечательны созданием фундаментальных исследований, положивших начало китаеведению в России. "Статистическое описание Китайской Империи" (1842); "Китай в гражданском и нравственном состоянии" (1848); "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена" (1851). "Всё это были капитальные произведения, возбудившие интерес не только у нас, но и заграницей; переведённые частью на французский и немецкий языки, они вызвали обсуждения в учёных обществах", – так позднее напишет биограф Н.Адоратский . К этому добавят, что "научные труды отца Иакинфа отличаются резвостью взгляда, тщательностью обработки и документальной обоснованностью" [Китайский благовестник, 1915, вып. 9-12, с. 31].

"Современник" в 1851 году писал о грандиозной работе: "Светский человек не найдёт в ней занимательности, о дамах мы и не говорим; но учёный, особенно посвятивший себя русской истории, переберёт все её листочки от доски до доски". "Москвитянин" считал, что это – "новый важный труд нашего знаменитого учёного и новое блистательное право на давно приобретённую им известность, как перво-

го хинолога в Европе". После этого Бичурин продолжал замышлять заметки и статьи.

Для разрешения сложных проблем этногенеза и историко-культурных связей древних обитателей Средней Азии требуются новые документальные материалы, критическое изучение как китайских, так и арабско-персидских и западноевропейских источников. Замыслы дальнейших своих исследований о. Иакинф изложил в одноименной статье-реферате, напечатанной в журнале "Москвитянин" в 1851 году. Излагая свою концепцию происхождения тюрков-тугю и уйгуров, Бичурин знакомил читателей с историей создания "Собрания сведений…" и писал о необходимости научного освещения вопросов торговых отношений "северокаспийских татар" с Римом, передвижений гуннов из Центральной Азии в Восточную Европу и т. п. (74, с. 118).

Заслугой Н.Я.Бичурина в изучении вопросов этногенеза и этнической истории восточных народов является то, что он большое значение придавал выяснению вопросов единства племён, единства их культуры, их генетических и языковых связей. Интересуясь этногенезом тюркских народов, о. Иакинф уже в преклонном возрасте приступил к изучению турецкого языка, но вскоре вынужден был оставить эти занятия, потому что "сперва должно знать разговорный язык, а потом приниматься за письменный" (74, с. 118-119).

Талантливый русский востоковед, профессор Петербургского университета А.К.Казем-Бек, не довольствуясь положительной оценкой сочинения Иакинфа, указывал на необходимость критически использовать тексты древнекитайских исторических источников и упрекал учёного за отсутствие научного комментария и игнорирование известий западноевропейских источников. "Всё это было бы полезно объяснить, и никто лучше о. Иакинфа не мог бы этого сделать; но о. Иакинф предоставил самую трудную и интересную часть другим", – писал А.К.Казем-Бек в 1852 году в "Отечественных записках" (74, с. 116).

О глубоком интересе о. Иакинфа к жизни народов Восточной Азии говорят его переводы извлечений из собраний оригинальных уложений китайского законодательства (74, с. 53), целого ряда сочинений по китайской астрономии, философии, сельскому хозяйству, торговле, судоходству, а также медицины, экономики, нумизматики, религии и прочим предметам. Им составлены Китайско-русские и маньчжурско-русские словари, 12000 условных знаков. "Четыре раза был переписан; потом в полноте значений и выражений с китайским словарём под названием Кхан-си цзы-дянь, подведён под русский алфавит по выговорам и снова переписан в 9 тт.". "Судебная медицина китайцев",

"Трактат о прививании оспы". Переводы этих работ не были опубликованы, и местонахождение их до настоящего времени не установлено (74, с. 54).

Труды о. Иакинфа охватывают все стороны китайской жизни, являясь своеобразной энциклопедией Китая [См.: Фомина Н.И. Материалы о китайском купечестве в трудах Н.Я.Бичурина // Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. – М., 1977. – Ч. 1. – С. 92-102]. После того, как окончен научный труд, прежде чем издать, нужно было пройти цензуру. Десять цензоров, с которыми автор вступал в сложные отношения, цензурировали его сочинения, пятнадцать переводов и самостоятельных произведений. Фамилии чиновников, без характеристик и сведений о них, приведём в отдельном списке книг Н.Я. Бичурина, опубликованных в Петербурге в разные годы.

1. Ответы на вопросы о Китае. 1827.
2. Описание Тибета в нынешнем его состоянии. 1828. А.Бируков. 29.IV.1826.
3. Записки о Монголии, 2 тома. 1828. В.Анастасевич. 20.XII. 1827.
4. Описание Чжуньгарии и восточного Туркестана... 1829. В. Анастасевич. 20.IV.1828.
5. Описание Пекина. 1829. В.Анастасевич. 25.IX.1828.
6. История первых четырёх ханов из дома Чингисова. 1829. В. Анастасевич. 12.X.1828.
7. Троесловие. 1829. О.Сеньковский. 5.III.1829.
8. История Тибета и Хухунора, 2 ч. 1833. П.Фус. 3.II.1830.
9. Историческое обозрение Ойратов или калмыков... 1834. А.Крылов. 19.IX.1834.
10. Китайская грамматика. 1835. Ф.Шармуа. 17.IX.1834.
11. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. 1840. А. Никитенко. 20.XII.1840.
12. Статистическое описание Китайской империи, 2 ч. 1842. А. Никитенко. 14-16.X.1841.
13. Земледелие в Китае. 1844. А.Никитенко. 5.XI. 1843.
14. Китай в гражданском и нравственном его состоянии, 4 ч. 1848. А. Крылов. 30.XI.1845.
15. Собрание сведений о народах... 3 тома. 1851. Н.Елагин, И. Срезневский, Ю.Шидловский. 16.X.1849.

За свои книги автор неоднократно получал Демидовские премии и в своё время избран в члены Российской Императорской Академии Наук. Труды о. Иакинфа ценились современниками, так или иначе находились средства на их издание. В продаже "Записки о Монголии"

стоили 4 руб. сер., "Китай" (1848 г.) – 4 руб., "Описание Тибета" – 2 р. 50 коп., "Статистическое описание" – 10 руб., "История первых четырёх ханов" – 3 руб., "Описание Чжуньгарии" – 2 руб., "Китайская грамматика" – 7 руб., "Описание Пекина с планом" – 7 руб. Скоро сочинения сделались библиографическою редкостью (79, с. 311). Казалось бы, завидна участь прославленного учёного-востоковеда.

Благодаря щедрости о. Иакинфа существенно пополнились книжные и рукописные фонды Академии наук, а также библиотек Министерства иностранных дел, вузов Петербурга, Москвы, Казани и Кяхтинской школы китайского языка (3 (74), с. 123). Начать с того, что в 1824 году от о. Иакинфа в Петербургскую публичную библиотеку поступили лично им составленные 49 иллюминированных рисунков китайских, маньчжурских, монгольских, корейских и туркестанских национальных костюмов.

Позже, размышляя о судьбе своих рукописей и книг, столь редких и представляющих собой исключительную ценность для востоковедческой науки, о. Иакинф пришёл к убеждению, что они должны служить делу развития ориенталистики в Казани. В 1843 году он пожертвовал Казанской духовной академии 12 названий книг в 17 томах, своих научных трудов и сочинений других ориенталистов. В 1849 году, после сдачи в печать завершающего труда по истории древних народов Средней Азии, решил наиболее ценные книги, рукописи, карты и рисунки подарить родной духовной академии, о чём сообщил 13 января 1849 года в письме к ректору.

Отец Иакинф, бывший семинарист и преподаватель Казанской духовной академии, родному учебному заведению дарит "Дайцин и тунчжи" и черновой экземпляр своего перевода (74, с. 53). Вместе с черновым переводом в Казань из Петербурга о. Иакинф отправил 167 книг, карт и рукописей самого различного содержания. Расставаясь с черновиком и направляя его в Казань, автор не случайно оставит у себя беловик, в надежде, что последний ещё пригодится ему для справок или новых статей (75, с. 37). В приёме посылки от Иакинфа Бичурина участвовал П.И.Кафаров[110].

В "Истории Казанской духовной академии" проф. П.Знаменского, изданной в 1891 году в Казани, при обзоре библиотеки академии сказано, что "замечательным жертвователем был знаменитый монах Иакинф Бичурин", который в 1849 году подарил ей "136 названий книг в 219 томах, 16 рукописей, из коих одна – История Китая, переведённая

[110]Скачков П.Е. Иакинф Бичурин (1777-1853). Архивные материалы к биографии (к 80-летию смерти - 11 мая 1853 г.) // Библиография Востока. - М.; Л., 1934. - Вып. 2-4. - С. 88.

с китайского языка, в 7 томах, 15 названий различных карт, изображений и планов и 2 портрета, из коих один самого жертвователя; благодаря этому пожертвованию, академия имеет у себя, кажется, полную коллекцию трудов знаменитого синолога" (74, с. 120).

Подходит к концу научная и просветительская деятельность Иакинфа, "трудолюбием и плодовитостью приводившего в изумление своих современников, которые дорожили его произведениями. Один за многих членов пекинской духовной миссии, он доказал пользу её существования, помимо политических и дипломатических целей" (79, с. 310-311). "С начала пятидесятых годов силы нашего многоплодного синолога стали ослабевать. Он чаще стал нуждаться в отдыхе и после 1850 года, кажется, уже ничего не писал".

За полтора года до кончины в письме к М.П.Погодину о. Иакинф в январе 1852 года сообщает, что болеет третий месяц, но продолжает готовить новую статью: "Это будет поход хуннов на Европу, т. е. поход, предпринятый калмыками из Чжунгарии" (74, с. 119). Однако здоровье, подорванное временем, изнурительным трудом и житейскими невзгодами, всё меньше позволяет заниматься наукой. К концу жизни учёный потерял зрение и даже в очках не мог читать журналы, приходившие к нему по подписке.

Н.Щукин пишет: "Целый год он не выходил из комнаты, худо ел и беспрестанно засыпал и пробуждался. Полгода не вставал с постели, но во всё время слабости телесной не изменялись его душевные способности <…>. Судил здраво. Но беспрестанно переходил от одного предмета к другому, поэтому и переходы от гнева к равнодушию были внезапны" (74, с. 119). "Иакинф был роста выше среднего, худощав; в лице у него было что-то азиатское, борода редкая, клином, волосы тёмно-русые, глаза карие, щёки впалые и скулы немного…" (74, с. 121-122).

Н.С.Моллер, его внучка: "Был он высокого роста, держался совершенно прямо. Лицо бледное, очень худое, с провалившимися щёками и выдающимися скулами. Открытый большой лоб, между бровей глубокие морщины. Губы довольно толстые. Глаза большие, тёмные, блестящие, живые. Побелевшие жиденькие волосы на голове и почти белая густая борода. Движения быстрые, нетерпеливые. Сердце доброе, великодушное. Прямой и простодушный, он никогда не фальшивил и потому терпеть не мог людей лукавых и заискивающих" (74, с. 122).

Это было во второй половине августа 1851 года, после тяжёлого болезненного приступа, перенесённого им в дачном селении Мурино, недалеко от Петербурга, где он предпочитал работать и отдыхать в летне-осенние месяцы. "Прошло несколько месяцев, здоровье его по-

чти не улучшилось, хотя в постели он и не лежал. Ничего у него не болело, но жаловался только на слабость и озноб. Целые часы он иногда просиживал на горячей лежанке, желая согреться, а согреться всё же не мог. Лицо его осунулось ещё более, и ростом он стал как будто меньше, но умственные способности возвратились настолько, что он мог о всём говорить. … Закутавшись в свой меховой тулупчик, дедушка тихо бродил по своей келье. Подолгу просиживал перед письменным столом, читая и перелистывая свои рукописи, китайские книги и перекладывая их с места на место. Принимался он и писать и, почти плача, жаловался, что у него ничего не выходит. От стола переходил он в другую комнату, пересматривал редкости, обтирал с них пыль, и снова устанавливал их в прежнем порядке. Почти всегда, приезжая к нему, заставала его за этим занятием и каждый раз он объяснял мне, чем каждая из вещей замечательна и где она приобретена. И тогда же он говорил мне, что у него сделано духовное завещание, которое уже давно написано им собственноручно. В нём он сам определил, в какие музеи должны быть отправлены после его смерти вывезенные им из Китая редкости" (74, с. 122-123).

Как-то физически ослабевшего, терявшего дар речи, его больного однажды посетил чиновник Азиатского департамента, бывший член Пекинской духовной миссии, и заговорил с ним по-китайски: "Вдруг старец как бы выздоровел: заблистали глаза, на лице появилась улыбка, ожил язык – и, безмолв-ный прежде, говорил беспрерывно полчаса на любимом языке своём" (74, с. 124).

Н.С.Моллер: "…Соседи монахи тоже его не навещали: они не симпатизировали ему. Дедушка и сам не любил их общества, никогда не вёл с ними компании и общего с ними ничего не имел" (74, с. 99). И вот он "в последние годы жизни своей, забытый почти всеми, быть может, так много передумал горьких дум…" (74, с. 126). "При виде дедушки я невольно содрогнулась. Переменился он ужасно; отнялась у него и другая рука. Передо мной лежал уже не живой человек, а скорее труп. Лицо было мертвенно бледно; закрытые глаза глубоко ввалились. Черты лица заострились. Правая рука опухла и посинела. Он довольно громко стонал…" (74, с. 124).

Конец пути

11 мая 1853 года, в шестом часу утра, в Санкт-Петербурге, в монастырской келье Александро-Невской лавры, на 76 году жизни скончался славный о. Иакинф. Сообщение о смерти появилось 13 мая в "Северной пчеле", которая коротко извещала: "11 мая, в 5 часов утра, скончался знаменитый наш синолог о. Иакинф Бичурин, 75 лет от рождения. Он

известен у нас и за границею сочинениями о Китае и Средней Азии. Более года находился он в совершенном расслаблении, а в последнее время не мог уже ходить. Тело его будет предано земле сегодня, в среду". В том же номере газеты со ссылкой на иностранные источники сообщалось о наступлении инсургентов (тайпинов) на Нанкин (75, с. 38).

Преданный земле на третье утро, бренный прах не самого безгрешного монаха погребён на Старо-Лазоревском кладбище близ алтаря церкви Божией Матери Всех Скорбящих Радости (78, с. 27). На могиле просто деревянный крест без надписи (74, с. 124). Уже в XX веке могилу перенесут в некрополь Александро-Невской лавры и там установят гранитный обелиск с эпитафией, иероглифами покитайски [Китайский благовестник, 1915, вып. 9-12, с. 31]. В переводе они означают: "Труженик ревностный и неудачник, свет он пролил на анналы истории" (73, с. 51). То ли в другом переводе: "Не зная покоя, усердно работал и пролил свет на анналы истории" (74, с. 126).

Был ли о. Иакинф неудачником, если он, "несмотря на все превратности судьбы, оставил на земле след, стереть который бессильно время?" (73, с. 51). 45 лет величайший из русских востоковедов трудился над переводами и историческими трудами, увековечившими его славу и составившими честь европейской ориенталистики.

В памяти

Н.С.Моллер вспоминала о Бичурине слова матери: "Высокая худощавая фигура о. Иакинфа с бледным, выразительным лицом, живыми, умными глазами, над которыми чернели густые брови, чёрными с проседью волосами и длинной седой бородой" привлекала к себе всеобщее любопытство. Чего только не говорили о нём: "Бедовый он был в своё время, в молодые годы, и в Китае немало чего натворил. Надурит, бывало, что-нибудь, попадётся, а всё не исправится, за историю в Китае пришлось поплатиться немало – на покаянии, на Валааме, высидел не один год, а всё впрок не пошло, всё такой же остался.

Да и что он за монах, сама видишь: не постится, в церковь не ходит, даже лба путём не перекрестит, а монашеское всё – просто ненавидит. Зато учёный вышел из него известный. Смотри, каким он пользуется уважением в учёном мире; у всех известных литераторов принят как свой. С Пушкиным был знаком, бывал у него; что анекдотов дедушка про него знает. Порасспроси-ка его, может быть и расскажет". Но вслед за этим простодушная внучка чистосердечно признается: "Как ни любила я бывать с ним, слушая его рассказы не только о Китае, но и о Пушкине,

Жуковском, Крылове и др., я оставаться с ним долго не могла, мне становилось с ним скучно и хотелось уйти" (84, с. 129-130).

Правда, Н.Адоратский в августе 1885 года написал, распространяя церковный миф: "Как духовное лицо, о. Иакинф, без сомнения, искал и находил нравственную поддержку и подкрепление в религии. Замечательно, что он, по лишении сана, остался во всю жизнь в смиренном образе "монаха Иакинфа", как подписывался под своими сочинениями". Этими смиренными словами заканчивается образцово одна из первых и, пожалуй, самых достоверных, если таковые возможны, биографий Н.Я.Бичурина. Несколько похоже на ритуальное обрамление, искусное и искусственное одновременно.

Семена рассеиваются в поле

Монах Иакинф – Никита Яковлевич Бичурин (29.08.1777 – 11.05.1853). Основоположник российского китаеведения, "автор многих фундаментальных трудов по истории, географии и культуре народов Китая, Центральной и Средней Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока. Обладая огромными знаниями в области востоковедения и отличаясь необычной широтой научных интересов, пользовался заслуженным авторитетом в России и за рубежом, по праву оставшись первым китаеведом своего времени" (75, с. 3).

"Мы уверены, что каждый истинно учёный, жаждущий познаний исторических, найдёт в сочинении о. Иакинфа неисчерпаемый родник", – писал в 1854 году Н.Щукин в "Журнале Министерства народного просвещения". "Вольнодумец в рясе" – замечательный учёный-ориенталист, значительное и удивительное событие всей российской культуры XIX столетия. Посредника подобного масштаба в деле ознакомления её со сведениями о соседней стране, с её историей, философией, географией русская литература прежде не знала. И до Бичурина, и после него были в Петербурге люди, прожившие десятилетия в Китае, но степень их личного воздействия на писателей, на учёных-гуманитариев не была столь значительной. Многообразно влияние Бичурина на литературу своего времени, трудно представить всю картину этого уникального явления (87, с. 134).

Как переводчик о. Иакинф способствовал становлению русского китаеведения, вывел его из сферы прикладных интересов и поднял до уровня науки (81, с. 153). Солидной массой и весом своих фундаментальных работ он заложил основу российской китаеведческой традиции, которая характеризуется установкой и стремлением иметь дело, прежде всего, с первоисточниками, исходя из признания исключительной ценности самобытной письменной культуры древнего Востока.

Пушкин при работе над историей пугачёвского бунта использовал труды о. Иакинфа, отметив: "Самым достоверным и беспристрастным известием о набеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком". Белинский писал, что "книги почтенного отца Иакинфа – истинное сокровище для учёных по богатству важных фактов". По мнению немца Клапрота, Бичурин "один сделал столько, сколько может сделать лишь целое учёное общество" (79, с. 272). Масштабов сделанного им не могли представить в полной мере ни Белинский, ни Пушкин, ни Клапрот.

После появления в печати первых публикаций о. Иакинфа скоро будет два века. Чем больше отдаляемся мы от того времени, тем очевиднее непреходящее значение вклада Бичурина в развитие востоковедения. Труды Бичурина по восточной библиографии свидетельствовали о редкой эрудиции и блестящих лингвистических способностях автора. Наш востоковед недаром вызывал восхищение многих своих современников, и до нашего времени те его работы, насыщенные достоверной и многообразной информацией о культуре иных, "соседствующих" народов, сохранили непреходящую научную ценность[111].

Благодаря переводам о. Иакинфа, заметил В.В.Бартольд, "русская синология ещё в 1851 и 1852 годах опередила западноевропейскую" [Анналы, 1923, с. 261]. А.Н.Бернштам во вступительной статье к советскому изданию трудов Бичурина писал, что они явились опорой для исследований В.Бартольда, Н.Веселовского, Г.Грумм-Гржимайло, В.Григорьева, К.Иностранцева, В.Радлова и других ориенталистов.

"Бичурин сделал впервые то, что в Западной Европе лучшие учёные начали делать в полном объёме намного позднее"[112]. Труды русского востоковеда служили важным подспорьем для исследователей многих поколений. Своё научное значение они сохраняют и теперь, открывая перед специалистами различных исторических дисциплин богатейшие россыпи сведений о материальной и духовной культуре народов Китая, Монголии и других стран Азии. Жизнь незаурядная и творческая деятельность ориенталиста непростой судьбы являют собой научный подвиг мирового охвата.

---

[111]Патрушева М.А. О рукописи Н.Я.Бичурина "Реестр китайских и маньчжурских книг, находящихся в императорской Публичной библиотеке // Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. - М., 1977. - Ч. 1. - С. 139.

[112]Бернштам А.Н. Н.Я.Бичурин (Иакинф) и его труд "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена" // Н.Я.Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.; Л., 1950. - Т. 1. - С. 25-26.

Полный перечень трудов и рукописей о. Иакинфа теперь вряд ли доступен. С.Л.Тихвинский и Г.Н.Пескова по случаю 200-летия со дня рождения Н.Я.Бичурина писали: "Перу монаха Иакинфа принадлежит свыше 100 крупных исследований, статей, переводов китайских исторических, географических и философских произведений. О. Иакинф был китаеведом по призванию, однако круг проблем, которыми он занимался, далеко выходил за пределы китаеведения. Изучению собственно Китая, Маньчжурии, Монголии, Тибета, Восточного Туркестана и Средней Азии он посвятил более 40 лет. Объём его трудов по Китаю огромен, энциклопедически широк" [Тихвинский С.Л., Пескова Г.Н. Выдающийся русский китаевед о.Иакинф (Бичурин) (к 200-летию со дня рождения) // Новая и новейшая история, 1977, № 5].

Хотя и такой характеристикой не объять всей глубины значения исключительного феномена. В своей особе учёный олицетворяет целую веху исторической тяги России к Дальнему Востоку. "В его пору ещё не вызрели идеи евразийства, но своими трудами и подвижничеством Иакинф сблизил Китай и Восток, помогая России уравновешивать её влечение к ценностям Запада. Истинный друг Китая и его великой культуры, он служил делу российско-китайского взаимопонимания и партнёрства, национальным интересам России" (80, с. 52). Бичурин, Васильев, Кафаров – В.М.Алексеев назовёт их "триадой" русского китаеведения.

Герцен, Соловьёв и другие властители дум усвоили о Китае упрощённые и отвлечённые взгляды, считая его царством посредственности. В христианских ценностях видели преимущество европейской цивилизации над таинственным светом азиатчины, упуская достижения Востока в прошлом. С такой точки зрения, "духовная основа Китая, учение Лао-Цзы и Конфуция – совершенный позитивизм, религия без бога. Никаких тайн, никаких углублений и порываний к "мирам иным". Всё просто, все плоско. Несокрушимый здравый смысл, несокрушимая положительность. Есть то, что есть, и ничего больше нет, ничего больше не надо"[113].

В статье "Жёлтолицые позитивисты" Мережковский также недооценивает и китайскую литературу, основная черта которой, по его мнению, – излишне дидактический характер" (86, с. 138). В европейце глубоко сидит комплекс неприятия Востока, остаётся опасение напора извне жёстких и агрессивных азиатских начал. Взгляды Н.М. Пржевальского конкретны и основаны на личных впечатлениях. Насколько удавалось, следуя просветительской традиции, он разделял мнение Ф.Ф.Мартенса о том, что "международное право не может быть при-

[113]Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений. - М., 1914. - Т. 14. - С. 8.

ложимо к сношениям с полудикими народами", им нужна "видимая сила, которую только признают и уважают"[114].

Археолог, востоковед и историк науки, Н.И.Веселовский утверждал, что Н.Я.Бичурин "в полном смысле слова положил у нас начало изучению Китайской империи и её вассальных земель, возбудил интерес в обществе к крайнему Востоку, показал, какую возможность имеет для изучения Средней Азии богатейшая китайская литература, проложил путь для работ другим синологам"[115]. Линию Бичурина продолжали такие известные востоковеды, как В.П.Васильев, С.М.Георгиевский, А.О. Ивановский и др., которые в своих взглядах и подходах расходились принципиально с воинственным Пржевальским[116].

В.П.Васильев выступал (хотя и не всегда последовательно) за возвращение Китаю Илийского края и его центра Кульджи, оккупированного Россией в 1871 году. Позднее он возражал против строительства КВЖД и её продолжения до Порт-Артура. Указывая, что захват Порт-Артура российское правительство оправдывало захватом Англией Вэйхайвея, Васильев предсказывал, что вскоре Китай окрепнет и заставит Англию освободить Вэйхайвей, "тогда мы и сами добровольно уйдём и из Порт-Артура и с железной дороги"[117].

Совершенно особенное и исключительно важное значение для нас всех в небесспорном китайском вопросе имеет решительная позиция и безупречно нравственное отношение к древнему народу и культуре Востока со стороны нашего великого протестанта, и как раз в тот час, когда им, угнетённым, потребовалась именно такая авторитетная солидарность и поддержка.

Как раз в тот год, когда в С.-Петербурге умирает Иакинф (Бичурин), на юге начинается Восточная, или Крымская, война (1853-1856 гг.). В ней участвует молодой артиллерист Лев Толстой, защищая Севастополь. Россия в той войне потерпит поражение. По итогам Парижского мира 1856 г. Россия утратила право иметь флот и крепости на Чёрном море, потеряла Южную Молдавию. Неудача подорвала здоровье царя. В 1855 году, 2 марта (18 февраля), в Санкт-Петербурге умер российский самодержец Николай Первый. Престол займёт его сын Александр Второй.

И тогда же 26-летний Л.Н.Толстой в Севастополе получит предложение поехать в Китай, послужить военным инструктором. История по-своему всё ещё продолжается.

---

[114]Мартенс Ф.Ф. Россия и Китай. - СПб., 1881. - С. 532-533.
[115]Русский биографический словарь. - СПб., 1897. - С. 154.
[116]Лукин А. Русские учёные-востоковеды о Китае // Проблемы Дальнего Востока. - 1998. - № 6. - С. 95.
[117]Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. - М., 1977. - С. 229-230.

Подытожим…

Жизнь наша и всеобхватна, и изменчива: рост и развитие, свой и чужой опыт, освоение окружающей действительности и усвоение знаний, обретение опыта, смены состояний и положений... Там в ней и встречи, знакомства с людьми, общение и отношения, симпатии и антипатии, связи и отторжение, походы, поездки, путешествия, посещаемые места (разная география) и много чего другого. Иной раз кому кажется, что жизнь – это всё то, что у нас было, необъятное и конечное, такое вроде бы определённое и первоначально ясное, но вот в конце концов, всё же и не вдруг, предстанет однажды чем-то и неокончательным, но сверхъестественным, таинственным.

Очевидно, что в нашем представлении и языке Жизнь – что на планете Земля, да и в обозреваемом космическом пространстве, – столь сложна по своей не вполне ясной для нас природе и сущности, как и чрезвычайно многолика в проявлениях, что воспринимается в целом почти необъятным и бесконечным процессом и явлением. Как и то же самое скажем о времени и пространстве. Именно потому и все слова эти исчерпывающе и полно никак не определить, не дойти до самого конца и края в содержании смысла и толковании. Иначе говоря, кто из нас знает, что есть жизнь, время и место? Все и никто. Зависит от того, в каком объёме и ракурсе познания.

Что-то, или кое-что, относительно жизни, очевидно, знают – и расскажут – многие. Всесторонне же понимают вопрос и предмет далеко не все. Даже и гении – всего-навсего и всегда только в пути, в поиске и в направлении к истине. В современном языке у таких слов, как жизнь, в их значении и в самом деле великая и недоступная нам океаническая глубина (вселенно-космогоническая). А наши познания и понимание слишком поверхностны для её преодоления и освоения. Как и всё в мире, жизнь в её развитии наблюдается и исследуется любознательными, и не только лишь учёными. Опыт бывалых людей постепенно накапливается – и всё это описывается и записывается, изучается и запоминается, сохраняясь где-то в общечеловеческой памяти, в её таинственных скрижалях.

В своём познании мира – действительности, самих себя и окружающих – все мы постоянно, или обычно, идём последовательно, куда-то продвигаясь вперёд и вглубь… Движение мысли от близкого и более

знакомого нам с детства – и ко всё менее известному и отчуждённому, а там уже и в сторону недоступного большинству, ежели без усилий. В нашем случае такая логика подсказывает, что и как надобно нам лично, сейчас и здесь. Тут это начиная от Александра Пушкина и вслед уже к Никите Бичурину, а потом уже, пожалуйте, к истории российских китаеведов, заодно со странствием православия (миссионерства) на Дальний Восток. Такая вот в результате складывается трилогия, у нас Триптих. 1) А.С.Пушкин: его судьба. – 2) Н.Я.Бичурин: и тоже сопротивление. – 3) По пути миссии, к истокам синологии.

В жизни о. Иакинфа отмечены перемещения по странам и в социальном пространстве, знакомства, сложные отношения и общение со знаменитыми и интересными людьми, карьерный рост и падения, провалы и достижения, им созданы значительные научные труды, и он вполне реализовал себя как учёный с мировым именем. Но пришло время, и умер в монастырской келье, безумно-хворый и позабытый всеми старец. А что же ещё было ожидать в ней, в жизни?

Вникая в сборные биографические вехи и сведения об отце Иакинфе, знаменитом российском ориенталисте Н.Я.Бичурине, мы также приходим к убеждению, что история страны и народа для всех нас – всегда какая-то важная область и сфера моей и твоей личной жизни и судьбы. Или же в то же время каждый из нас есть некая кроха и частичка невероятно сложного организма и организации всемирной истории. Целое и часть, великое и малое, поток и капля, процесс бесконечности и временное состояние, всё и нечто, общность и единица, общение и одиночество, дух и тело – как-то внутренне и противоречиво связаны друг с другом.

Так или иначе, пропасть вечности и величайшая история человечества поглотят всех, питаясь и держась на энергии поглощения масс и личностей, разнообразной их деятельности. Трудно, до невозможности, описать удовлетворительно и сколько-нибудь полно жизнь даже одного человека и уловить корень его судьбы. Всегда получится из этого только условный смысл, символ, примерный облик, отражение, карикатура и образ чего-то неопределённого, размытого движения в окружающем мире. Так или иначе, остаётся от полного потока жизни одна голая схема, предвзятое мнение и очень субъективная оценка.

Вообще-то говоря, вся жизнь недостижима и неуловима для разума, потому что в ней слишком уж много токов и чувства, она сложный и длительный процесс становления, складывающийся из самых разных настроений и неочевидных отношений. А жизнеописание всегда только лишь тщедушный рассказ и зарисовка, конспект и ущербный текст, увы, определённое и законченное построение и заключение. Никто из нас не в

состоянии схватить полёт и нарисовать живую птицу. В лучшем случае получается опять-таки натюрморт.

Скрижаль 3

Православная миссия в Пекине
(подвиг российских китаеведов)

Оглавление

Гл. I К истокам российско-китайских отношений … 248
Гл. 2 Пекинская духовная миссия: XVIII век …… 291
1-я ПДМ 294 2-я ПДМ 309
3-я ПДМ 315 4-я ПДМ 319
5-я ПДМ 327 6-я ПДМ 329
7-я ПДМ 331 8-я ПДМ 334
Гл. 3 Пекинская духовная миссия: XIX век ……..…. 338
9-я ПДМ 338
10-я ПДМ 340 11-я ПДМ 350
12-я ПДМ 352 13-я ПДМ 382
14-я ПДМ 405 15-я ПДМ 414
16-я ПДМ 416 17-я ПДМ 422
Гл. 4 Пекинская духовная миссия: XX век …….. 438
18-я ПДМ 438 19-я ПДМ 480
20-я ПДМ 491
Послесловие…… 557

Список принятых сокращений

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
ВА – Вестник Азии
ВМ – Вестник Маньчжурии
ВХЖДС – Вестник Харбинского железнодорожного собрания
ДА – Духовная академия
ИБПЦК – Известия Братства православной церкви в Китае
КБ – Китайский благовестник
НСМ – На сопках Маньчжурии
ПДВ – Проблемы Дальнего Востока
ПДМ – Пекинская духовная миссия
РА – Русская Атлантида
РГА ВМФ – Российский государств. архив военно-морского флота
РГИА ДВ Российский государ. исторический архив Дальнего Востока
РГИА – Российский государственный исторический архив
СЭС – Советский энциклопедический словарь

Глава первая
К истокам российско-китайских отношений

Албазинцы

Поучительна для нас всех судьба христианства в Китае. Как-то явилось в Срединную империю, по воле провидения или случайно проникнув в тот закрытый мир. Сложно складывалась история вероучений, тянется издалека... Первые христиане появились в Китае ещё в VII в. То были несториане, пришедшие в Поднебесную Империю из Средней Азии. "Тогда последователи религии из далёких западных стран встретили при танском дворе тёплый приём: им была дарована свобода проповеди, и вскоре в танской столице Чанъане были построены две христианские церкви"[118]. Но в середине IX в. христианство вместе с другими иностранными религиями подверглось запрету.

Отдельные несторианские общины продолжали существовать на северо-западных рубежах империи, а в XII в. несторианство получило распространение среди части монголов. Христианство было довольно распространено в Китае до смены в 1369 году монгольской династии китайскою династиею Мин и до падения несторианской, сирийско-халдейской церкви, давшей начало китайскому христианству и уничтоженной нашествием Тимура. Китайские несториане ассимилировались окончательно туземцами[119]. В 1370 году погибла французская миссия Монте-Корвино.

При каких обстоятельствах в столице Поднебесной обосновалась вдруг русская православная церковь? Полтора столетия Пекинская духовная миссия поддерживала межгосударственные связи Российской и Китайской империй [163]. Что происходило тогда там, пробуем представить себе, как было дело. Имеет смысл для начала как-то затвердиться хотя бы в хронологии последних династий в императорском Китае, разобравшись с монгольской династией Юань (1215-1388), китайской династией Мин (1388-1644) и подробнее застряв в маньчжурской династии Цин (1644-1911).

Монгольская династия Юань правила с 1206 года, со времени вступления на престол Чингисхана. Прочно подчинив просторы Евразии и занимая огромную долю территории Северного Китая, монголы в 1215 году захватили одну из столиц чжурчжэней – современный Пекин. В 1260 году императором Срединной империи становится Хубилай-хаган. 18 декабря 1271 года он присваивает своему клану китайское название Да Юань, "Великая Юань". К 1276 году монголы завое-

[118]Малявин В.В. Китайская цивилизация. - М., 2001. - С. 292.
[119]Полный православный богословский энциклопедический словарь. - М., 1992. - Т. 2. - С. 1630.

вали Южный Китай, и последний император династии Южная Сун, малолеток, убит в 1279 году.

По зову крови

Незаурядный протоиерей Милетий Чефранов – стиль проповедника витийствен до совершенства. Доклад лета 1910 в Иркутске (См.: Материалы для реорганизации православной миссии в Монголии // КБ. – 1910. – Вып. 10. – С. 6-12):

"Монголия – есть порубежная, на громадном пространстве (около 8 тысяч вёрст) Российскому государству в Сибири, обширная страна, населённая мирными, родственными русским весьма во многом, монгольскими племенами; родственными не в том, впрочем, смысле (как о том говорят и пишут в Западной, несвойственной русским во многом и часто враждебной нам, Европе), что в крови и нравах русских очень много монгольского, а в том, наоборот, что в жилах монголов очень много крови русских, что в душевных свойствах монголов, в духовном их складе очень-очень много свойств русских и русской жизни.

В 200-летний период владычества монголов над Русью не одна сотня тысяч русских, а многие, были отведены в плен монгольский: по свидетельству историков, русские и Русь претерпели 48 набегов монгольских (С.М.Соловьёв, Карамзин, синологи – Палладий, В.П.Васильев и др.); в один из таких набегов захвачено и отведено в глубь Монголии русских более 48000 обоего пола. Забирали всегда в возмужалом возрасте и молодёжь. Кроме того, и во весь период владычества монголы уводили многих: не только в Москве, но и во многих других городах России; ещё и доселе существуют местности с названием "Девичье поле" и "Девичий базар", где наши поработители-монголы высматривали, захватывали в неволю русских красивейших девиц и юношей и уводили к себе в Монголию; они-то и многие русские родовитые бояре и боярышни, княжичи и княжны, отведённые в глубь Монголии и сделались матерями и родоначальниками множества монгольских семей. Вот откуда в монголах много силы и духа и свойств русского человека, начиная с обличья. Посмотрите на монголов, поживите с ними и среди них, присмотритесь к ним, всмотритесь в их жизнь и нравы, привычки и вы увидите очень много физиономий русского интеллигентного благородного типа; всё обличье арийского и кавказского племени, и это от того, что в плен отводились лучшие, здоровые, родовитые лица и люди. Увидите, что и похвальные черты русского народа и русской жизни, равно как и духовные черты хороших отличительных свойств русского народа – русской расы: религи-

озность, добродушие, миролюбие, уступчивость, гостеприимство, хлебосольство, честность на слове, благодушие, преданность и покорность Промыслу Высшего Существа: монгол и о завтрашнем дне не заботится, и смерть встречает словно ложится спать".

"…Монголия и монголы заслуживают того, чтобы здесь воссиял свет православия. Сколько в монголах русской христианской крови? Сколько монгольских душ русских, пленённых в Монголию? Сколько православных и святых легло костями в Монголии и увлажили, утучнили своими телами землю монгольскую. Её освятили своими стопами русские князья мученики; такие князья как Св. Александр Невский; её освятили своими молитвами и совершением служб среди монгольской земли и царства священнослужители и такие святители, как Св. Алексей, Митрополит Московский и всея Руси; её запечатлели своими кровьми Святые мученики, князья и простые, страдая и положивши жизнь свою за святую веру православную и за отечество.

Вот почему, лишь только Русь стряхнула с себя монгольское иго, русские воины, служилый народ и простые миряне и духовные двинулись вглубь Азии, идя по следам своих бывших поработителей, ныне побеждённых и отступающих в свои исконные и заветные степи, – шли в середину Азии не только с целью преследования своих поработителей, а и с более важными целями и намерениями: шли отыскать своих, оставшихся в живых, или найти могилу умерших своих предков, дедов, отцов, детей, родственников; шли поклониться на местах страданий и покою святых. Так и установилось сугубо наше общение русских с Монголией и монголами".

Как относиться к тому, что встречаются несовместимые и противоположные оценки и суждения об одном и том же событии, происшествии, факте? Освещение жизни не может не быть многообразным и всяким с разных сторон. Или отвергнуть всё, что не соответствует твоему представлению? Главная роль в истории достанется истории, всё уйдёт в провал вечности...

В знамённых войсках

"Из пленных русских составлялась придворная ханская гвардия; так бывало до 1368 г., до свержения Монгольской династии в Пекине, когда новая династия боялась русских, как приверженцев монгольской. Но ещё в 1544-47 гг., по свидетельству европейских путешественников – португальца Пинто и доктора Бретшнейдера, – русские и в то время жили в китайской провинции Шаньси. Со времени царя Ивана Васильевича Грозного начинается ряд сношений русских государей и вообще русских с Монголией и Китаем: так в 1567 г. посыла-

ется Иван Петров и Бурнаш Ялычев; в 1619-20 гг. отправляют в Монголию и Северный Китай Ивана Перлина; в 1619 г. Ивана Хохлова; в 1654 г. Фёдора Байкова и проч. Грамоты писались в Сибирь, на Восток, Иваном Грозным, Борисом Годуновым, Патриархом Филаретом, царём Михаилом Фёдоровичем, Петром Великим".

"Милосердный Господь в путях Своего благого промышления о народах и царствах попустил нашествие монголов на Россию и владычество их над русскими для блага обоих народов и царств. Русские в то время, вследствие удельно-вечевой системы, разделённые на многие княжества, вели постоянные междуусобицы и истребляли друг друга: родственный народ, православные князья и люди нападали друг на друга, грабили, разоряли (жгли дома, жилища, православные храмы, города, поля и проч.). При таких условиях русские истребили бы друг друга и вера святая была в опасности. Владычество монголов над Россией и русскими уничтожило междуусобицы, объединило и сплотило Россию".

"Монголы забирали и отводили в свой плен не только мирян, но и духовных лиц одиночно, семьями и целыми клирами; русские князья как подчинённые и данники часто ходили в Монголию, к монгольским ханам,…брали с собою и своих духовников, свои причты. Часто сами ханы вызывали русских священнослужителей и даже епископов (как например, Святителя Алексия, Митрополита Московского), помолиться за них русскому истинному Богу". "По свержении монгольского владычества некоторые остались среди монголов ради родственности, привычки или на службе среди монголов, китайцев и других народов, бывших в подчинении монгольских ханов... По Монголии православные русские священники ходили, жили, служили, проповедовали Имя Христово с 1224 г. безостановочно; начались движения торговых караванов, ещё раньше набеги русских казаков и с ними волей-неволей идут, странствуют по Монголии русские священники, иеромонахи; …сопровождая торговые караваны, священники, иеромонахи совершают для торговых людей все требы".

Народы смешиваются, это бесспорно. В результате передаются и приобретаются какие гены, попробуй разберись. Потомки получают от предков благородство или, напротив, теряют что-то. Понимай, как хочешь. Если есть прыть, высчитайте, чего больше стало после смешения: монгольской крови у нас или русской в жилах потомков Чингисхана. Кто кому чем обязан и сколько должен? То, что тебе кажется, стоит высказать, – и уже мнение. Точки зрения передаются и навязываются, в этом их назначение и коварство. Но куда заводят мистиче-

ские зовы, лишённые здравомыслия? Не пойму, по чьей прихоти людскую породу всюду и вечно совершенствовать убогой и могучей Руси. И ещё. Не безупречен вопрос проповедничества и миссионерства, под благовидным предлогом шатания по чужим землям и, с другой стороны, хоть какое обновление идей.

Народы – землепашцы – обживают своё поле, то домоседы. Но и неотвратимо кочуют, и тоже земляне. У кочевников иной склад характера, они непоседы. Таково требование духа, или природные потребности. Зов души и крови – дерзкий порыв землепроходцев, в нём что-то и от любопытства. Контакты, общение, столкновение, войны, перемещения и смешение – как бы обмен веществ. Два призвания в жизни, две тяги у людей: укорениться или сдвинуться, держать или расширяться, хранить или захватить, огородить или перейти границу. Извечны позывы и склонности строить и ломать, растить или собирать. Можно попытаться понять и объяснить противоречие, но не изживаются от этого на Земле споры и соперничество.

"Русский дух издавна витал в Поднебесной империи. Россия и русские хорошо известны в китайских памятниках монгольского периода. Монголы целыми тысячами приводили в Китай пленных россиян, так что в начале XIV столетия последних было очень много в гвардии богдыхана. Но первые русские дружины, лишённые нравственной и религиозной связи с родиной, с течением времени затерялись на дальнем востоке, так что их очень трудно отыскать в настоящее время". "Не живут ли потомки этих русских в Сычуанской провинции, где, по рассказам албазинцев, доныне пребывает очень много их собратий?"[120].

В 1368 году под напором китайской повстанческой армии монголы оставили столицу Поднебесной. После изгнания их из Пекина наступила эпоха воцарения китайской династии Мин. Монголы пока не потерпели окончательного поражения, держались на территории теперешней Внутренней Монголии и Маньчжурии, продолжая борьбу за возвращение земель, занятых минскими войсками. Но в 1388 году последний юаньский император Тогус-Тэмур (1378-1388), обладавший реальной силой, разбит китайскими войсками у озера Буйир-нор, затем убит своими подданными на реке Тола.

Современная история христианства в Китае ведётся со второй половины XVI века. Тогда сюда проторили путь новые христианские миссионеры из Европы. Католики появились в Китае раньше протестантов, в 1552 году. Члены ордена иезуитов Ксавье и затем Риччи

[120]Адоратский Н. Отец Иакинф Бичурин // Православный собеседник. - Казань, 1886. - № 3. - С. 260.

(1582-1610), восстановив миссию, застали в Поднебесной довольно слабые отголоски христианства. "Маттео Риччи приспосабливал христианство к местной религии. Прожив в Китае более 30 лет, он приобрёл влиятельных друзей среди учёных китайцев. Некоторые из них приняли христианство и помогли ему перевести на китайский язык несколько христианских книг" (118, с. 293).

С 1630 года появились многочисленные доминиканские и францисканские миссии, но вскоре папа запретил неблаговидные приспособительные методы миссионеров. В конце XVII в. в Китае уже около 30.000 христиан.

Неудавшаяся попытка русских проникнуть в Китай была предпринята в 1608 году, при царе Василии Шуйском. Воевода В.В. Волынский собрал отряд томских казаков под началом Ивана Белоголова для "разведования" пути в неизведанную Поднебесную, однако поход сорвался из-за проводников: киргизские князьки Номча и Кочубей в пути увлеклись усобицами с другими местными вождями[121].

В 1615 году отправлено первое русское посольство в Монгольскую землю и Китай. Тобольский воевода Куракин дал официальное поручение атаману Василию Тюменцу из Тарского города и Ивану Петровичу Текутьеву, десятнику из Тюменского городка. Выступили из Томска 22 августа 1615 года, путь конного отряда лежал через Абаканский хребет в верховья реки Абакан. Наконец достигли монгольских кочевий у озера Убса-Нур, где русским устроена торжественная встреча: к ним выслали царевичей с пятьюдесятью лучными ратниками <...>, "а есть было баранье мясо, молоко коровье, вино из кумыза – бело, а пьяно, только братина духовая выпить, а человек пьян будет так, что с мёду" [354, 9]. В результате трёхдневных переговоров монгольский правитель алтын-хан дал присягу русскому царю. После такого успеха миссии Тюменца, дальше в Китай не пошли, лишь разведали о нём, что надо.

"Китайское государство стоит на краю "губы морской" и ведёт оживлённую торговлю на огромных судах, "а людей на них плавает по двести-триста человек". В основном Китай – страна равнинная, есть в ней "города великие кирпичные", имеют китайские люди "веру и богомолье свое". Особо отмечался высокий боевой уровень развития китайской военной техники: "бой есть пищальный, и пушки"[122].

31 декабря 1616 года вышел указ Боярской думы, запрещавший сибирским воеводам самочинно направлять свои посольства в Монголию и Китай, что связано не только с намерением московского правительства

[121]Русско-китайские отношения в XVII веке. - М., 1969. - Т. 1. - С. 39-40.
[122]Филюшкин А. Дойти до Поднебесной // Родина. - 2004. - № 10. - С. 9.

наладить контроль над окраинами. После Смуты Москва обеспокоилась своеволием власти на местах, томских и тобольских воевод. В то же время в русской столице не без оснований остерегались англичан, уже давно испытывавших "сибирский путь" в Поднебесную империю по Оби.

В 1617 году в Москве проходили переговоры между Джоном Мериком и боярином Ф.И.Шереметьевым, князем Д.М.Пожарским и дьяком Саввой Романчуковым. Английский посол признал, что британцы много лет безуспешно "ищут пути в Китайское государство и в Восточные Индеи ближнею дорогою". Они уже израсходовали на поиски более 100 тысяч рублей в русских деньгах и "очень надеются на помощь сибирских воевод, которые покажут им путь" (122, с. 10). Россия боялась потерять контроль над будущей торговлей с Китаем и стремилась проникнуть в него до англичан.

9 мая 1618 года из Томска вновь отправляется миссия, с целью разведать путь в Китай. Во главе Иван Петлин, казаки Андрей Мундов и Пётр Кизилов, не дипломаты, а путешественники, разведчики. Полномочий для установления официальных отношений между державами не было. Посланцы пересекли Монголию в северо-западном предгорье Хангайского хребта и перевалили через него, преодолевая трудности. На казаков производят впечатление "неизречённого дива" буддийские монастыри, пускают во все храмы. Иван Петлин опишет посещение ламаистского монастыря Эрдэни-дэу.

"... на храмах стояли ни висть какие звери каменные <...>, а во храмах, как лизешь в храм, противо дверей седят три болвана великие женской пол <...> вызолочены сусальным золотом з головы до ног, а кде высоко в сажень, на зверях на каменных, а звири всякими образы, выкрашены красками. А в руках держат болваны по горшечку с кашею, а перед ними горят свечи неугасимые с салом говяжим <...>, а по сторонам трёх болванов стоят два болвана нагих, как быть человек в теле: не распознаешь издале, что тело или глина – как быть жив. А поют в тех храмах две трубы великие, как затрубят в трубы, да станут бить в бубенцы, да припадут на коленцы, да руками сплетут, да разхватят руки, да ударятца о середу, да на середе лежат с полчаса; а в те поры во храм лести, как поют – страх велик человека возмет: неизреченно диво во храмех" (122, с. 10).

Казаки дивились веротерпимости китайцев. Потрясала изумительная Великая Китайская стена, простиравшаяся "от моря до Бухар". Китайский город Калган поражал изобилием товаров в лавках, овощей и фруктов, великолепными кабаками. Отметили невиданное разнообразие животного мира – попугаи, павлины, обезьяны... и человеческие "карлы". "А

тюрьмы каменные, стоят по дорогам, а за татьбу вешают татей, а за разбой на кол сажают и головы секут, а за проторь руки секут" (122, с. 10).

1 сентября 1618 года сибиряки впервые ступили в столицу Поднебесной империи, поразительных размеров город. В отчёте И.Петлин напишет о Пекине, что "его можно объехать за четыре дня. Улицы были вымощены серым камнем, "дома и лавки серы". Пришельцев впечатлила оборонная мощь китайской столицы: количество башен, орудий на стенах, система караулов, заметят и опишут. 24 октября, пробыв в Пекине около двух месяцев, посольство двинулось обратно на Русь с грамотой от китайского императора Чжу Ицзюня династии Мин, в Москве не прочтут, не нашлось переводчика.

В 1620 году Боярская дума повторила запрет сибирским воеводам на установление официальных контактов с Поднебесной, разрешалось вести разведку. В 1641-1642 годах в городе Синине вёл торговлю тарский казак Емельян Вершинин, который также получил грамоту от китайского императора, – да только в московском Посольском приказе опять не нашлось, кому прочесть, до 1675 года, ещё 33 года, не будет там переводчика с китайского. "Между тем установление дипломатических отношений с могущественным восточным соседом становилось всё более необходимым" (122, с. 11).

И тут вступила в игру маньчжурская династия Цин. В начале XVII века восстали маньчжурские племена, находившиеся под властью китайцев. Хан Нурхаци, организовав народ в "восьмизнамённое войско", в 1616 году начал открытую войну против Китая. Через двадцать лет его преемник Абахай объявил себя императором. Только в 1635 году печать монгольской династии Юань сдана маньчжурскому императору Тайцзуну[123].

В 1644 году крестьянское воинство Ли Цзычэна взяло Пекин, последний император династии Мин повесился. Но вскоре повстанцы разбиты регулярной армией под командованием У Сангуя. Воспользовавшись тем, что китайская династия Мин пала, маньчжуры заняли императорский престол в Пекине. С тех пор, как маньчжуры захватили власть в столице, и вплоть до 1912 года в Поднебесной империи будет править маньчжурская династия. Началась эпоха династии Цин, что в переводе значит "светлый". В конце концов маньчжуры взяли верх, подчинив всю страну к 1683 году.

"В середине XVII века Китай захватили завоеватели маньчжуры, создавшие на его основе мощную многонациональную азиатскую дес-

[123]Мункуев Н.Ц. Вклад Н.Я.Бичурина в изучение истории монгольских завоеваний в Китае (XIII-XIVвв.) // Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. - М.,1977. - Ч. 1. - С. 63.

потию – империю Цин. Маньчжурские правители Китая строили международные связи своей державы на основе идеологических постулатов и практических методов, выработанных китайской цивилизацией в ходе взаимоотношений с "варварами" четырёх сторон света, как именовали в Китае чужеземцев"[124]. Тогда в Поднебесной "насчитывалось, по некоторым сведениям, 150 тысяч китайцев-христиан. Иезуиты были приняты при китайском дворе, где они, впрочем, выполняли обязанности не столько миссионеров, сколько советников по части астрономии и других наук" (118, с. 293).

"Чжунго" – в переводе "Срединное государство". Китайцы издревле затвердили себя центром мироздания, прочие народы, даже о коих богдыхан слыхом не слыхивал, представлялись варварами и его вассалами. Корея признает над собой власть маньчжурской династии Цин, покорятся внутренние и северные монголы, вслед за этим подчинятся китайскому господству Кашгария, Тибет, Бирма. Даннические система действовала на протяжении тысячелетий, и русской стороне предложено "вносить дань", признав верховенство китайского императора над "белым ханом". Русские отвергли с самого начала попытки навязать России статус "вассала" империи Цин.

Внешняя политика Поднебесной нацелена на приобщение других народов к китайской цивилизации. Ханьским мыслителем Цзя разработана теория гуманного превращения "варваров" в "цивилизованных" соседей. Согласно принципу "трёх норм и пяти прельщений" ("сань бяо у эр"), император добивается доверия "варварских" правителей, обеспечивая благами, одаривая одеждой, хорошим жильём и пищей, ублажая театром, музыкой, танцами, женским вниманием, оказывая знаки императорского расположения и внимания. Дружественными словами убеждая, что он ценит их, дабы в итоге, "воздействуя на чувства, победить их сердца" (124, с. 21).

Дипломатия "гуманного обращения с варварами", сочетаясь при необходимости с применением силы, преследовала цель: во избежание угроз вторжения на имперскую территорию предотвратить усиление соседних государств, не допуская возможных политических союзов. "Цинская империя направила в русские пределы четыре миссии: одну – в XVII и три – в XVIII веке" (124, с. 21). Две из них по дороге к волжским калмыкам посетили российские столицы. Только после этого в Пекине постепенно начнут осознавать реальную мощь соседнего государства, испытывая все различные модели межгосударственных отношений.

[124]Мясников В. Три нормы и пять прельщений // Родина. - 2004. - № 10. - С. 21.

На их характере будут сказываться цивилизационные различия, и прорыв в сознании "срединности" свершится не вдруг. Известный правовед Ф.Ф.Мартенс заметил, что "текст или слова трактатов обыкновенно понимались совершенно одинаково как Россией, так и Китаем, исключая случаи ошибок в переводе. Но дух этих международных актов был понимаем различно двумя правительствами по той простой причине, что их нравственные и юридические понятия о международных отношениях были существенно противоположны"[125].

В то время в Европе кончалась тридцатилетняя война, волновалась Украина, стремясь сбросить польское иго, Оттоманская Порта достигла зенита развития, готовясь к захвату Австрии, испанские, английские и голландские бриги бороздили волны мирового океана. И вот тогда маньчжуры на севере своей страны впервые в открытую столкнутся с албазинцами. "К моменту установления связей с Русским государством Китай был мощной феодальной империей, доминировавшей на огромных просторах Восточной Азии. Тысячелетняя культурная традиция сформировала этнос, достаточно устойчивый по отношению к внешним воздействиям, будь то завоевания, культурные или религиозные вторжения, миграционные волны" (124, с. 21).

В 1643-1646 годах Василий Поярков, наступая к Тихому океану, исследовал течение Амура. После этого принято решение обложить местное население податью, приведя его в царское подданство. В 1651 году атаман Ерофей Хабаров на правом берегу в низовье Амура, на месте, где стоял прежде городок даурского князя Албазы, основал острог, и экспедиция, возглавляемая им, подчинила местные племена. На этой почве начнутся столкновения с маньчжурами. 24 марта 1652 года под Ачанским острогом казаки сразили их войско, привыкшее безнаказанно грабить даурских князьков. Местные племена переходят под покровительство Московского царя.

В 1655 году под Усть-Комарским острогом разбита маньчжурская армия под командованием Мингандари, военного министра Цинской империи. С земель, отошедших к России, маньчжуры насильно уводили население в свои владения, оставляя пустые леса. В Приамурье возник клубок противоречий. Для урегулирования пограничных конфликтов в Китай отправлена из Тобольска дипломатическая миссия Фёдора Байкова. Переговоры в Пекине в марте 1656 года провалились, вследствие несовместимости культур и взаимонепонимания сторон. 4 сентября 1656 года официально вернули нетронутые государевы поминки (вещевые подарки) и объявили о высылке.

[125]Мартенс Ф.Ф. Россия и Китай. - СПб., 1881. - С. 34.

Китайцы обвинили русских в агрессии и захвате подвластных им территорий, хотя до этого земли те якобы были ничейными. Вскоре, вслед за дипломатическим провалом последовало и военное поражение русских в дальневосточном регионе. 30 июня 1658 года в Приамурье маньчжурами разгромлен отряд Онуфрия Степанова. 270 казаков попали в засаду и полностью уничтожены маньчжурами. Албазинский острог сожжён, его население угнано в Китай, возделанные земли пропали. На какое-то время положение Московского государства на Дальнем Востоке пошатнулось.

Но уже в 1665 году военная экспедиция Н.Черниговского восстановила власть России в этом районе. "Казачьи отряды буквально сновали вверх и вниз по Амуру, приводя население в подданство далёкому царю Алексею Михайловичу". Маньчжуры избегали открытого военного противостояния, пытаясь решить спорные вопросы путём переговоров. "15-летний цинский император Канси угостил посольство Игнатия Милованова невиданным для них напитком – китайским чаем. Потом он целый час молча рассматривал послов, неподвижно стоявших в ожидании речи монарха, после чего задал единственный на аудиенции вопрос: сколько каждому из них лет? Переговоров опять не получилось..." (122, с. 12).

После неудачи ещё и следующего посольства, под началом Николая Спафария, на деле высланного из Пекина в 1676 году, император Канси вновь задался целью избавиться от незваных гостей на своей территории с помощью военной силы. Летом 1685 года многотысячное маньчжурское войско, при осадных орудиях, обложив крепость, навалится, и на её месте останется пепелище. Защитникам деревянного городища, с тремя пушками, недолго удавалось сдерживать огневую мощь противника, вскоре пали или вынужденно сдались. Албазинский воевода Толбузин выторговал у маньчжуров право вывести в Нерчинск остатки гарнизона, 150 человек.

Маньчжуры предоставили сдавшимся право выбирать: Нерчинск или Пекин. Но угнали всех в столицу Поднебесной. 15-тысячная маньчжурская рать, одержав победу, оставит таёжный край, казаки и проходимцы тут же в тайге, с саблями да топориками, пуще прежнего закрепятся, им пробиваться дальше, встреч лиха. По невнятной причине 45 казаков из поселенцев и защитников поверженной русской крепости предпочли отправиться на чужбину, в полон к богдыхану, согласившись на службу Цинской династии.

По другой версии, Максим Леонтьев входил в отряд российского землепроходца Григория Мыльникова, который летом 1683 года со своими людьми из того же Албазина продвигался в глубь дебрей Приамурья – собрать ясак с местных монголов и тунгусов, заодно защищая интересы

сибирских мехоторговцев. В лесной чаще отряд Мыльникова столкнулся с "богдойскими людьми", или маньчжурами, которые в конце концов и доставили россиян в Пекин, "в гости" к императору Канси.

И тогда тот издал указ, приказав обеспечить русских всем необходимым, чтобы "показать Наше намерение хорошо о них позаботиться". Вот так к концу сентября 1683 года, в то самое время, когда и маньчжуры, и русские с недоверием взирали друг на друга с разных сторон Амура, император Канси и священник Максим Леонтьев создали то, чему позже предстояло стать Российской православной миссией в Пекине"[126].

Так или иначе, "пленённые", с ними о. Максим Леонтьев, прихватив с собою икону чудотворную Николая, в конце 1685 года прибыли в Пекин. Там получили, с правом наследования, подворье в "берестовом урочище" у пекинских ворот Дунчжимэнь.

"По приводе их в Пекин в 1685 году, китайский император дал им разные привилегии: одним деньги на обзаведение и в течение трёх лет одежду, обувь, рис; другим – готовые дома, служителей, и всем полную свободу и равенство в правах пред китайским законом. Некоторые из них были приглашены для маньчжуров в учители русского языка. Из разбойничьего приказа (синбу) албазинцы получили жён. Последняя мера, после льгот, едва ли не была одною из главных причин быстрой нравственной порчи наших казаков. Языческие развращённые жёны внесли полную дисгармонию в их семейную жизнь: суеверие, идолопоклонство и китайские обычаи овладели скоро натурой потомства албазинцев" (120, с. 261).

"В северо-восточном углу города, на т.н. берестовом урочище (хоа-пичан) была поселена в 1685 году колония военнопленных албазинцев. Им была подарена императором находившаяся там буддийская кумирня (Лоча-мяо), которая и была обращена в часовню священником Максимом Леонтьевым, приведённым вместе с албазинцами. В 1696 году она была освящена посланным из Тобольска с антиминсом от митрополита Игнатия священником Григорием и диаконом Лаврентием. Первоначально она называлась никольскою, от можайского образа Святителя Николая, вынесенного из Албазина и чтимого албазинцами доныне" (120, с.248).

Казаков, стремившихся в Нерчинск, верных присяге, включили в особую роту восьмизнамённого войска, охранявшую императорский двор. Их причислили к жёлтому с каймой маньчжурскому знамени, куда "принималась только родовитая маньчжурская молодёжь, тогда как коренные китайцы, как народ покорённый, туда не принима-

[126]Думан Л.И. О труде Н.Я.Бичурина "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена" // Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. - М., 1977. - С. 14.

лись"[127]. В столице служилые переженились на китаянках, и в той обстановке их потомки становятся китайцами. Так что скоро в той "казачьей сотне" не сыскать ни сероглазых, ни русоголовых. Смешанные браки вели к тому, что албазинцы забудут русский язык. Окитаившись, отвлеклись и отошли от христианской веры. Едва ли мерцал слабый лучик воспоминаний о вере предков в грешных душах.

Прошло 40 лет с тех пор, как маньчжуры заняли трон, воцарившись в Пекине, но очаги отпора тлеют. Естественно, богдыхан испытывал больше доверия к чужакам, нежели к собственным подданным. Император Канси отличался веротерпимостью, в голову не приходило связывать казаков со своими богами, тем паче навязывать их. Получив буддийскую кумирню в берестовом урочище и освятив её, отец Максим приспособил молельню под православную часовню. Так священником о. Максимом с горсткой албазинских "волонтёров" положено было начало русской церкви в Китае.

"В те времена, когда плен храбрых защитников Албазина послужил исходной точкой появления православия в Китае"[128], стольным градом российским была Москва, и не было ещё Санкт-Петербурга. Чтобы избавиться от форпостов варварских в Приамурье, богдыхан перешёл к дипломатии. Нерчинский договор 1689 года преследовал главной целью разоружение пограничной территории и снятие напряжения в противостоянии. Россия тогда согласилась бросить приамурские остроги на правом берегу Амура, приобретя и оставив за собой левобережье, также выговорив право посылать торговые караваны в Пекин.

Нерчинский договор, первый между Российским государством и Цинской империей, в общих чертах и крайне нечётко определял пограничную линию и систему торговых и дипломатических отношений между соседними государствами. "Нерчинское соглашение <...> по форме являлось не "договором", а вообще мандатом китайского императора, который всех королей в мире считал своими подданными или вассалами" (124, с. 21). Оно считается "крупным поражением России" на Дальнем Востоке, так как лишал её значительных территорий в Приамурье и фактически блокировал широкий выход к Тихому океану.

Купцы открыли в Пекине и принесли в Россию весть о богдыхановых казаках и часовенке с иконой Николая Чудотворца. В 1696 году по соизволению тобольского митрополита албазинская часовня освящается как церковь Святой Софии. В 1698 году об албазинцах, заброшенных в столицу Китая, доложили Петру, только что восшедшему на московский

[127]Пётр Великий. Меншиков. Воронцовы. Дашкова. Сперанский. - СПб., 1995. - (ЖЗЛ).
[128]Православный Китай в Москве // КБ. - 1913. - № 12. - С. 10.

трон, и в 1700 году издаётся указ учредить православную миссию для духовных нужд казаков, оказавшихся на богдыхановой службе.

"Обеспеченные и сытые, они скоро стали проявлять свою широкую натуру в своеволии и бесчинствах. Три года терпело китайское правительство их выходки, потом стало подвергать их общественным повинностям и наказаниям – отдало в солдаты, составив из них особую русскую роту, ссылало на юг и северо-запад. К XIX столетию албазинцы совершенно окитаились и кроме обличья, да какой-то отваги, русского в них ничего не осталось. Языческие жёны, пища, одежда, помещение, служба, связи, знакомства раскрыли им иной мир, влили в них иной, чуждый дух и постепенно вытеснили родное наследие, принесённое с собою" (120, с. 261-2).

В конце концов сложился тип бездельника, привыкшего к подачкам, не владеющего никаким ремеслом и, кроме службы в императорской гвардии, всякое занятие считающего низким. Непрактичный, необразованный, суеверный, вероломный, лукавый. Не знает, чем заняться, испытывая постоянно несносную скуку, слоняется по улицам, гостиницам и театрам. С преступными наклонностями, больной душой и телом, увлекается азартными играми, курит опиум. Естественно, обеднел до крайности, очутившись в неоплатных долгах у ростовщиков, существо жалкое и опустившееся, становится притчей во языцех у окружающих (120, с. 262).

В отчётах о. Иакинфа в С.-Петербург, как положено, сообщалось о безотрадном положении потомков бывших соотечественников, "малого стада православных албазинцев в 35 человек мужеского пола, из которых едва немногие носили тогда имя христиан, действительно же все уклонились в китайское идолопоклонство" (120, с. 264). В 1820 году крещёных албазинцев значилось там всего 22 человека. По записям иером. Аввакума Честного следует, что в 1831 году албазинцев в Пекине проживало 16 дворов и до 100 человек обоего пола, из них 53 крещёных и 44 некрещёных.

"Китайское правительство препятствовало размножению албазинцев и нередко ссылало их за преступления на юг, в сычуанскую провинцию, а по завоеванию в 1758 году восточного Туркестана – в последний. По преданиям албазинцев, потомки их живут в большом количестве в Сычуане, тогда как в Туркестане они встречаются единицами" (120, с.264-5).

Итак, щедротами императора Канси за гвардейские должности нашим албазинцам достались, кроме жилья и довольствия, ещё участок земли в северо-восточной части столицы, кладбище за городом и старая буддийская молельня, превращённая о. Максимом в церквушку, освящённую во славу и имя Николая Чудотворца. Пройдёт десять лет после пленения и привода в Пекин албазинцев – тобольский митрополит Игнатий в 1695 году направит к пленённым священника, дьякона для освяще-

ния храма в честь Софии Премудрости Божией. На следующий год церковь освятили, и о. Максим прослужит там до самой смерти в 1712 году.

Митрополит Игнатий писал "проповеднику Святого Евангелия в Китайском царстве": "Да не смущается, ниже да оскорбляется душа твоя и всех пленных с тобою о вашем таковом бедствии, ибо воле Божией кто противиться может? А пленение ваше не без пользы китайским жителям, так как свет Христовой Православной веры вами им открывается" (126, с. 14). Однако в начале XVIII в. цинская династия уже строго запретит распространение христианского вероучения. "Спустя столетие в цинской империи находилось лишь около двух десятков иностранных миссионеров. Правда, цинские власти сделали исключение для Русской Православной церкви, державшей в Пекине свою духовную миссию" (118, с. 293).

В 1685 году часть русских пленных приняла китайское подданство, захватив с собой священника Максима Леонтьева. Им в столице империи отвели участок земли, и в 1696 году была выстроена и с разрешения тобольского митрополита освящена там церковь. Итак, переход в 1685 году 45 человек русских во главе с о. Максимом в китайское подданство станет основанием для учреждения в 1712 году с согласия китайского императора православной духовной миссии в Пекине. "Деятельность её была малоудачна. В 1729 году основана новая миссия, но только с 1858 года началась деятельная работа" (119, с. 1319).

"Цель миссии состояла в поддержании православия среди потомков первых русских, принявших китайское подданство, и в распространении христианства путём проповеди на китайском языке, переводов богослужебных и священных книг на китайский язык. Деятельность миссии в этой области была малоуспешна, гораздо сильнее она действовала в качестве посредницы в дипломатических сношениях России с Китаем и до 1863 года находилась в ведении министерства иностранных дел" (119, с.1788-9).

Нас интересует история российско-китайских отношений в их истоках, и потому мы при первой возможности обращаемся к доступным письменным источникам. В том числе к запискам и ранним публикациям, которые свидетельствуют о характере установления и развития на самых первых порах межгосударственных связей двух соседних держав, амбициозных и великих, имперского типа, при судьбоносной встрече и столкновении их в просторах и границах северной Азии и на Дальнем Востоке. И мы убедимся, как сложно складываются с самого начала отношения и непросто устанавливаются контакты разных этносов, проявляясь в политике глухой закрытости, да и сплошь недоверия друг к другу, отчуждённости во взаимонепонимании двух культур.

Вершинский А. Стража императора Китая

"В 1223 году на приазовской речке Калке передовые тумены Чингисхана, ведомые Джебэ и Субудаем, наголову разбили объединённое общей опасностью русско-половецкое войско. Современники не придали битве должного значения. Лишь участники схваток с монголами отмечали, что новый, дотоле неведомый, враг – "пуще" прежних. Для ставки хана сражение и последовавший за ним бросок вверх по Днепру явились, по сути, разведкой боем. 14 годами позже сведения, собранные в этом походе, пригодились внуку Чингисхана – Бату.

Особую ценность представлял вывод, что Русь разделена, что князья враждуют между собой и утратили навык воевать вместе, под единым командованием. С 1237 по 1241 гг. русские земли, за исключением Северо-Западной Руси, поочередно испытали опустошительные удары Батыевых полчищ. На два с лишним века страна, помнящая победоносные походы Святослава и Владимира, попала в унизительную зависимость от потрясшей Европу азийской империи, самая западная часть которой была названа впоследствии Золотой Ордой.

Ранее нашествию монгольских армий подверглись государства на северных территориях утратившего к тому времени былую целостность Китая. Значительная часть их была завоевана к 1215 году; центральные и южные земли, составлявшие империю Сун, – полувеком позже. В 1260 году другой внук Чингисхана – Хубилай – принял титул китайского императора, а новая династия получила наименование Юань. К 1279 году завоевание Китая монголами завершилось, под их властью оказались также земли чжурчжэней (предков маньчжуров) и Корейский полуостров. Походы Хубилая на Японские острова оказались неудачными, и естественной границей монгольских завоеваний стало восточное побережье континента.

От внутренних вод Атлантики (Азов и Чёрное море) до Тихого океана простерлись владения честолюбивых Чингисидов. Прервались традиционные связи между разорёнными странами, взамен устанавливались новые. Номинальным центром Монгольской сверхдержавы считался Каракорум, но реальная власть сосредотачивалась в столицах улусов. Сюда и наезжали – с данью и изъявлением покорности – правители зависимых государств. Иным из русских князей довелось побывать и в сердце империи. Но за Великую Китайскую стену проникли и простолюдины – бывшие подданные многочисленных и недружных Рюриковичей...

За триста лет до первого посольства

Что знали наши пращуры в XII – начале XIII вв. о Китае? Ю.А. Лимонов, исследовавший международные связи Владимиро-Суздальской Руси,

отмечает, что её летописцы были наслышаны о странах весьма отдалённых. Среди них – не только земли Европы, от Венгрии до Британии, не только соседняя Степь (Половецкое поле), но Египет и Эфиопия, Палестина и Сирия, Кипр и Сардиния, Армения и Бактрия, наконец, Индия. "Известным потверждением этого является упоминание о земле русов и о русских товарах в ряде сочинений индийских писателей, географов и историков... Мухаммед Авфиз (XIII в.)... пространно описывает торговый путь по Волге, Волжскую Болгарию и племена славян... Арабский географ XIV в. Шегаб Эддин (Шихаб ад-Дин) также писал, что дорогие льняные одежды, доставляемые из Русской земли, пользовались большим спросом в индийском городе Дели. Это известие подтверждается находками на территории Владимиро-Суздальской Руси"[129].

Доходили до русских земель и изделия китайцев. М.И.Сладковский отмечает, что "китайские шёлковые ткани, парча и другие товары проникали в Россию ещё в X веке через среднеазиатских купцов и в XIII и в XIV вв. вновь получили распространение в русских городах"[130]. Но эпизодическое появление на русском рынке творений китайских умельцев не оставило заметного следа в материальной культуре "домонгольской" Руси. Умалчивают о Китае и письменные источники тех времён. Вряд ли мы ошибёмся, признав, что о существовании Срединного государства, как называют свою страну сами китайцы, мало кто догадывался в ту пору как на Руси, так и западней её. ("География" Птолемея, упоминающая о стране Сине, вплоть до XV века была в Европе практически неизвестна; немногие имели доступ и к трудам современников, скажем, к "Астрономии" ал-Баттани, переведённой в 1140 году с арабского Платоном Тиволийским, – в ней Китай упоминается под именем "Тьема"[131].

Но опосредованное влияние великой восточной державы Европа ощутила и до прихода монголов, охотно бравших в советники просвещённых конфуцианцев. Это воздействие не ограничивалось "многоступенчатым" товарообменом. Духовная культура, сам язык воспринимал незримые токи отдалённой цивилизации. Взять хотя бы укоренившийся на Руси и Западе этноним "татары". Так именовалось лишь одно из монгольских племён, к тому же враждебное Чингисхану.

Но именем "та-та" китайцы называли всех монголов, вкладывая в него примерно такой же смысл, как Западная Европа – в слово "варвары", а Русь – в прозвище "поганые" (то есть язычники). Именно от китайцев – с

---

[129]Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: очерки социал.-полит. истории. - Л., 1987. - С. 182-183.

[130]Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 года). - М., 1974. - С. 43.

[131]Райт Дж.К. Географические представления в эпоху крестовых походов. - М., 1988. - С. 243.

купеческими караванами по Великому шёлковому пути – пришло это имя в Европу. И в дальнейшем так стали называть чуть ли не всё тюркоязычное население огромных пространств Сибири, Урала, Центральной Азии, Поволжья, которое поврозь покоряли, возглавляли и увлекали в поход немногочисленные в сравнении с ним монголы. (Многие русские историки, начиная с В.Н.Татищева и Н.М.Карамзина, применяют названия "монголы" и "татары" как равнозначные, считая "гибридный" этноним "монголо-татары" искусственным и неправомерным.)

...Когда в начале XVII века, приняв наследство распавшейся на несколько ханств Орды, выйдет "приросшая Сибирью" Россия к рубежам "Китайского государства", обе страны воспримут это как первую встречу. Первое посольство во главе с томским казаком Иваном Петлиным; неудачи последующих контактов; стычки; уступки более сильному, а сильней в ту пору была Цинская империя захвативших Китай маньчжуров; первый мирный договор 1689 года; первое торговое представительство. Первые русские общины... Но первые ли?

Перенесёмся в век XIX. Пекин. Российская духовная миссия. Преосвященный Палладий (в миру – П.И.Кафаров) изучает старинные китайские хроники. "Юань ши" – "История династии Юань" – скупа на детали: упоминается лишь самое значительное. Каково же удивление православного миссионера! В архивах времён монгольского владычества им найдена китайская карта XIV века, на которой обозначена Русь. "Алосы" – звучит её имя в огласовке китайских иероглифов. Так транскрибировано монгольское "урус" (или "орос") – в китайском нет звука "р". Но что карта! Палладий обнаружил нечто более важное. Нельзя без волнения читать его записки, опубликованные в 1863 году журналом "Духовная беседа" и перепечатанные впоследствии "Живой стариной"[132].

"Китайцы вообще менее предубеждены против русских, чем против других наций. Нелишне также заметить, что между двумя соседними народами существует связь не только географическая, но также историческая; русский дух издавна витал в Поднебесной империи ... имя русских появилось в Китае в тяжкую для нас эпоху монгольского владычества. Россия и русские известны в китайских памятниках монгольскаго периода под именем ОЛОСЫ, АЛОСЫ, УЛОСЫ, иногда – УЛУСУ. На рукописной карте XIV века, хранящейся в библиотеке Пекинской Академии, АЛОСЫ, как государство, поставлены в северо-западной оконечности Монгольской Империи, после АЛАНЬ-АСЫ (Алань-Азы) и

[132]Палладий (Кафаров П.И.). Русское поселение в Китае в первой половине XIV века // Живая старина. - СПб., 1894. - Вып. 1. - С. 65-67.

КИНЬЧА (Кинчак)... (Аланы, асы, они же "ясы" русских летописей – предки современных осетин; кинчаки, или "кыпчаки" – половцы.)

В ту пору появление Русских в Пекине было следствием обычая монгольских ханов набирать в покорённых ими владениях дружины и включать их в свою пекинскую гвардию. Таким образом составились в Пекине полки: Кинчакский, Асу (из Асов) и Русский... О Русском полке в Пекинской гвардии упоминается впервые под 1330 г., когда взошёл на ханский престол Тутемур (правнук Хубилая Туг Темур, правивший в 1329-1332 гг. под девизом Вэнь-цзун)... Он первым устроил Русский полк или поставил особаго темника 3-й степени над Русским отрядом, который почтил наименованием... охранного полка из Русских, прославляющаго (в смысле доказывающаго всему свету) верноподданность...".

Исследовавший "Юань ши" современник Палладия Э.В.Бретшнейдер предлагает чуть иной перевод: "Вечно верная русская лейб-гвардия"[133]. Надо ли напоминать, какие войска называли в послепетровской России лейб-гвардией. Полк, о котором идёт речь, относился к числу отборных, элитных частей, почему и находился в непосредственном подчинении высшего военного совета в Пекине. Жили военнопоселенцы в лагере на севере от столицы, обрабатывали выделенную им землю площадью "в 130 больших кит. десятин", "и, кроме того, постановлено было, чтобы в тех местах, где они будут стоять лагерем (кочевать), в горах, лесах, при реках и озёрах, они занимались охотой и всю добычу: птиц, зверей и рыбу – доставляли ко двору, причём сказано, что, кто из них не будет охотиться, тот подвергается суду. Где было место поселения Русских – по неопределённым выражениям – на север от столицы, трудно определить; можно только предполагать из дарования им пахотной земли, что оно находится между Великой Стеной и Пекинской равниной...".

В 1331 году статус русского полка повысился – с пожалованием серебрянной печати и включением в число "ближайших ханских", а ряды пополнились 600 "новобранцами". В 1332 году русские, согласно "Юань ши", доставляются в Пекин трижды: всего около 3 тысяч человек, включая 103 подростков. О цене новобранца (или стоимости его доставки?) говорят следующие цифры: некий "князь Джанчи" за команду численностью 170 человек получил 72 дина (фунта) серебра и 5000 динов ассигнациями. "Какие князья, откуда и как Русских доставляли в Пекин, по китайской истории невозможно добраться. Вероятно, это сказание может поясниться историей Золотой Орды..."

---

[133]Бретшнейдер Э.В. Русь и Асы на военной службе в Китае // Живая старина. - СПб., 1894. - Вып. 1. - С. 68.

В заключительных словах Палладия звучит спокойное достоинство гражданина великой державы, стремящейся к миру и согласию с восточным соседом: "...замечателен факт, что Русския православныя колонии ещё в первой половине XIV века пребывали в Китае, а быть может, и в Маньчжурии (вместе с Азами), в странах, где чрез несколько столетий после того суждено было снова повеять русскому духу, но уже с иными правами и с надеждой на плодотворную будущность".

А в ту давнюю пору – годы бесправия земли Русской – оказалась плачевной участь отторгнутых от неё сынов. В результате освободительной борьбы китайского народа к 1368 году "монголы были изгнаны из Китая. Надобно думать, что и русский полк разделил судьбу павшей династии и по удалении из Китая поселился где-нибудь на окраине Монгольской степи или в Маньчжурии...". Отметим проницательность учёного: ему вряд ли было известно свидетельство португальского путешественника Мендиша Питу, который в середине XVI века встречал потомков русских военнопоселенцев в Шаньси – северной провинции Китая, граничившей в ту пору с Монголией. Логично и другое предположение Палладия – о том, что к появлению русских в Пекине причастна Золотая Орда. Многое из её неписанной истории прояснилось благодаря кропотливой работе исследователей. Но откуда и при каких обстоятельствах попали в Китай несколько тысяч отборных русских ратников, по сей день остаётся загадкой. Попробуем приблизиться к её решению.

"Ордынцы" поневоле

Для немалого числа русских людей, попавших в зависимость к монгольским ханам, тяжкой обузой стала необходимость ездить в Орду, жить в ней, работать на неё, проливать кровь за её интересы. Князья доставляли дань ("выход"); за верную службу принимали ярлыки на княжение, за провинность – суровое наказание, вплоть до смертной казни. Без малого два столетия длилось это "хождение в Орду". Первым из русских князей "вынужден был отправиться к Батыю в 1242 году Александр Ярославич, сын великого князя Ярослава Всеволодовича. Одновременно рязанский князь Олег Ингваревич был послан к великому каану, в Монголию..."[134]. Известно, что Александр Невский ездил в Сарай четырежды. Довелось ему побывать и в Каракоруме. По мнению С.М.Соловьева, причиной последней поездки в Орду были волнения на Руси в 1262 году и стремление князя "отмолить людей от беды" (1), то есть, по разделяемой историками версии А.Н.Насонова, остановить усиленный набор среди русских. Монгольская армия традиционно пополнялась за счёт покоренных народов, и наши предки не стали ис-

[134]Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. - М., 1978. - С. 8.

ключением. "Первый набор был проведён среди русских в 1238-1241 годах. В дальнейшем такие наборы проводились неоднократно"[135].

Для более эффективного сбора дани и призыва подданных на службу монголы, великие ценители порядка и дисциплины, организовали в 1257 году перепись населения русских княжеств. Не избежали этой напасти даже новгородцы. Английский славист Джон Феннел отмечает, что "сбор дани и набор рекрутов в татарские войска происходил в Северо-Западной Руси, начиная с переписи 1257 года, но только начиная с 1262 года мы знаем какие-то подробности о причиняемых при этом страданиях и о реакции населения на сборщиков податей...". Татары "разбивали семьи, угоняя людей на службу в монгольские войска или на рынки рабов..."[136]. Тяжким бременем являлась для Руси та "воинская повинность" – ведь рекрутировалась молодёжь, как принято говорить сегодня, наиболее репродуктивная часть населения, что вело к вырождению народа.

Итогом переписи стало народное возмущение и последовавшая затем карательная экспедиция монголов. Берке, наследник Улагчи в Золотой Орде, не мог оставить восстание безнаказанным. В связи с конфликтом с ильханом Персии Хулагу и войной в Закавказье, Берке нуждался в войсках и надеялся на рекрутов из Руси... Войска были посланы, чтобы взять "христиан" (т.е. русских) в плен. "Бе же тогда нужда велика от иноплеменник (т.е. татар), и гоняхуть христиан веляше [вместе] с собою воинствовати" (136, с. 161). Вот и отправился Александр Ярославич в 1262 году в Орду, "дабы отмолити людии от беды тоя" (133, с. 42). Годы, когда Невский являлся великим князем Владимирским (1252-1263), отмечены относительным спокойствием: он умел ладить и с Бату, и с Берке.

Для полноты картины отметим, что перепись 1257 года проводилась по указу всемонгольского хана Менгу, предположительно с участием китайских чиновников, и упоминание о ней попало в "Юань ши". Позднее тезка великого каана – золотоордынский хан Менгу-Тимур – обязал-таки Русь выставить своих ратников. Известно, что в 1277-1278 годах он совершил поход на аланский город Дедяков и что в этой акции были задействованы русские отряды[137].

Монгольские власти предпочитали решать дела с Русью мирным путём – пока та исправно платила дань и поставляла новобранцев. Известный евразиец Л.Н.Гумилев, выдвинувший смелую гипотезу о существовании своеобразного военного союза Руси с Ордой, предположил, что набор рекрутов не был принудительным, да и не мог быть таковым:

---

[135]Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. - М., 1987. - С. 15.

[136]Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200-1304. - М., 1989. - С. 160.

[137]История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. - М., 1988. - С. 195.

"...монголы оставили русским ненужные им лесные территории, русские согласились на присоединение к монгольской армии добровольцев, не уживавшихся с князьями Рюрикова дома и предпочитавших военную карьеру в войсках, руководимых баскаками... Само собой разумеется, что монгольский офицер принимал только добровольцев, потому что находился среди своих солдат один и в противном случае сразу был бы убит. Монголы умели привязывать к себе добровольно подчиняющихся..."[138].

В приведённом отрывке отметим слова "русские согласились". По своей или чужой воле шёл подданный князя в ордынское войско – в любом случае требовалось согласие местных властей. Л.Н.Гумилев даёт оригинальное объяснение причин ухода русских к монголам: решались на это те, кто конфликтовал с официальной идеологией – православием, то есть, будучи крещёным, оставался фактическим язычником и в силу своего инакомыслия не мог сделать карьеру, поступив в княжескую дружину либо став монахом. Монголы же принимали всех. И получали верных исполнителей своей воли, так как "русские, осетины, крещёные половцы – были вынуждены держаться хана, кормившего и защищавшего их. Поэтому они умножили экстерриториальную армию Хубилая и его наследников, покорили им Южный Китай, Бирму и Аннам, героически, хотя и неудачно, сражались в Японии и на Яве..." (138, с. 400).

Вряд ли "диссидентскими" настроениями "призывников" удастся объяснить многотысячные пополнения ордынских войск. Видимо, мотивы тут были самые различные. Одни подчинялись насилию – во время карательных походов монголов. Другие – в мирные годы – и впрямь "эмигрировали" в Орду, не найдя общего языка с "родной" властью. Наконец, третьи шли служить общепризнанному повелителю – "царю", как называли на Руси золотоордынского хана, чтобы избежать более унизительной, с их точки зрения, службы нелегитимному "чужому" князю, силой или хитростью одолевшему их прежнего правителя. Последняя причина представляется нам весьма существенной в контексте событий в 20-е годы XIV века. Но об этом ниже.

Итак, русское население Орды росло. Князья и их свита, купцы и посланники жили здесь порой годами. Взятые в плен ремесленники, завербованные в войско ратники – оставались навсегда. Со временем число крещённых людей (среди них были не только русские) стало столь велико, а влияние православного духовенства на политику Орды в отношении русских княжеств, православной Византии и католического Запада настолько упрочилось, что в 1261 году при хане Берке, который, несмотря на приня-

[138]Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства: легенда о "государстве пресвитера Иоанна". - М., 1970. - С. 398.

тое им мусульманство, проявлял традиционную для монголов веротерпимость, была образована Сарайская православная епископия, ведавшая землями вверх от Сарая по Волге и Дону. Началось и храмовое строительство, о чём говорят, в частности, археологические находки. "Православные церкви или часовни со временем появились, вероятно, во всех городских центрах Золотой Орды, где было русское население" (134, с. 24).

Судить о его размерах трудно – слишком мало фактов. Летописи об этом умалчивают; материальные свидетельства, скажем, нательные кресты да иконки в раскопках – нечасты; документальные – отрывочны. Тем ценнее каждое упоминание о русских – как в Золотой Орде, так и значительно восточней. Представитель Людовика IX монах Гильом Рубрук, совершивший путешествие в Монголию в 1253-1255 годах, отметил, что в столице империи было много христиан: венгры, аланы, русские, грузины, армяне. Среди пленников преобладали ремесленники, прежде всего золотых и серебряных дел мастера, и воины. Но "много" – это сколько? И какова среди них доля русских? Единицы? Десятки? Сотни?

На таком фоне свидетельство о тысячах отборных русских воинов в Китае, за тридевять земель от родных мест, впечатляет. Точное их количество неизвестно, но если пополнение только за два года составило более 3 тысяч, то всего могло быть значительно больше: темник обычно командовал "тьмою", то есть туменом – десятью тысячами. (Что значат для той поры 5-10 тысяч ратников, ясно из следующего сравнения. По оценкам современных исследователей, Батый привёл в Европу от 55 до 65 тысяч воинов. Крупный русский город мог выставить 3-5 тысяч). Сколько же выходцев из России служило ханам, чьи владения лежали ближе к её пределам? И сколько русских городов и весей было для этого обескровлено?

О том, какие масштабы принимало участие иноземных войск в монгольской армии, говорит следующий факт: численность двух корпусов аланской гвардии в Китае достигла в последней трети XIII века 30 тысяч человек (137, с. 207). Известно, что аланы переходили на службу к покорившим их монголам целыми дружинами во главе с князьями. А русские? Могли составить элитную часть в Пекине пленники, то есть люди, взятые насильно и потому ненавидящие своих поработителей? Хорош правитель, который набирает многотысячную личную охрану из враждебно настроенных к нему парней! Логичнее допустить, что это действительно добровольцы. Но своей воли для ухода на чужбину недостаточно, требуется приговор сельской общины либо городской ремесленной "сотни", разрешение боярина или князя. Конечно, отщепенца (то есть отщепившегося от общества – отступника, раскольника, еретика) держать не станут. Наконец, можно сбежать – от непосильной работы, от унижений,

от грозящего наказания. Однако зачем ордынцам, с их железной дисциплиной и круговой порукой, не умеющие или не желающие подчиняться?! Да и не собрать за счёт "инакомыслящих" и беглых большой силы. К массовому же набору, будь он насильственный или "добровольно-принудительный", Русь относилась резко отрицательно – вплоть до уничтожения "призывных комиссий" во главе с баскаками. Лишь силой оружия добивались монголы повиновения.

"За вторую половину XIII века, – указывает В.В.Каргополов, – ордынцы 14 раз вторгались в пределы русских княжеств, а "Дюденева рать" 1293 года по своим масштабам напоминала Батыево нашествие"[139]. Есть и более жёсткая оценка: "Только в последней четверти XIII века монголы совершили на Русь 15 карательных походов" (Чимитдоржиев Ш.Б. Указ. соч. – С. 13). Именно в эти десятилетия русские воины пополнили ханские войска, воевавшие на Дальнем Востоке.

Захватив Сунский Китай во второй половине XIII века, монголы вместе с троном Поднебесной империи получили её историографию. Если у основателей новой династии оставались русские отряды, почему в хрониках нет упоминания о них вплоть до 1330 года? Объяснение может быть одно: таковых отрядов у монголов уже не было. По той простой причине, что иссяк источник их формирования: набеги на Русь, а значит, и массовые наборы среди её населения прекратились. Действительно, с 1297 по 60-е годы XIV века летописи не отмечают татарских походов на русские княжества. За исключением одного – в пору правления хана Узбека (1312-1340), который, по мнению Л.Н.Гумилева, был связан с Юаньским домом не только родственными узами: "Узбек, хан Золотой Орды, как Чингисид, имел в Китае большие земельные владения, с которых получал доход. Зато он поставлял из своего улуса воинов, русских и ясов, в состав императорской гвардии в Пекин" (138, с. 399).

Далека дорога в Китай. Неспешный путь занимал около года.

А с возможными задержками – с комплектованием команд, с передачей рекрутов от одного хана другому – и поболе двух. Что произошло на Руси за два – два с половиной года до 1330-го, то есть в конце 1327-го? Какое событие позволило ордынцам осуществить многотысячный набор русских богатырей для китайского императора? Здесь мы подходим к одному из узловых моментов нашей истории.

Цена "великой тишины"

Конец 1326 года омрачила смерть митрополита Петра, верного союзника московского князя Ивана Калиты. Усыпальницей русского первосвященника стал, согласно его завещанию, строящийся каменный храм.

[139]Каргополов В.В. Конец ордынского ига. - М., 1980. - С. 23.

По митрополичьему совету заложил Иван Данилович в Кремле собор Успения Богоматери. Издаван чтима Богородица на Руси как её заступница, потянется теперь окрестный люд к богатеющей Москве не только практичным умом, но и пылким сердцем. Дальновиден и расторопен князь: уже в начале 1327 года, с помощью сторонников покойного среди духовенства, добился канонизации Петра. Отныне его гробница – главная святыня московского Успенского собора. Вслед за Киевом и Владимиром принимает Москва знамя православной духовности. Под этим стягом объединятся вокруг неё русские земли. Но то будет завтра. А сегодня, 15 августа 1327 года, – престольный праздник, Успение Богоматери. И ничто не предвещает беды...

День спустя, запалив лошадей, прискачут из-под Твери в Москву татарские пастухи-коноводы – единственные, кто избежал смерти от рук разгневанных тверичей.

Восстание жителей Твери вызвали притеснения расквартированного в ней (видимо, в фискально-полицейских целях) ордынского отряда во главе с родственником Узбека воеводой Чол-ханом (Шевкалом, или Щелканом русских летописей). Это о нём сложили в народе песню: У которова денег нет, / У того дитя возьмет; / У которова дитя нет, / У того жену возьмет; / У котораго жены-та нет, / Того самово головой возьмет.

Каплей, переполнившей чашу терпения, стал пустячный случай: попытались татары отнять кобылу у прохожего дьякона, тот позвал земляков на помощь, завязалась драка, ородынцы обнажили мечи... В ответ жители Твери ударили в набат. Возглавил восстание сам князь Александр. Вот как живописует случившееся Н.М.Карамзин: "Сеча была ужасна. От восхода солнечного до тёмного вечера резались на улицах с остервенением необычайным. Уступив превосходству сил, Моголы заключились во дворце: Александр обратил его в пепел, и Шевкал сгорел там с остатком Ханской дружины"[140].

Услыхав страшную новость, Иван Данилович не медлил. Знал, какова будет месть Узбека: за меньшие вины карал тот смертью русских князей. Не станет хан разбирать, кто прав, кто виноват, ответят за несдержанность Александра, за буйный нрав гордячки Твери все, кто попадётся под горячую руку. И едва ли не опережая чёрную весть, поскакал Калита в Сарай, чтобы лично поведать шурину-хану о случившемся и, по примеру деда своего Александра Невского, отмолить отчину "от беды тоя" – от неизбежной карательной экспедиции татар. Да не так-то прост Узбек. Наказывая Тверь, он готов пощадить другие русские земли, но пусть князь Иван, удостоенный чести быть мужем

[140]Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. - М., 1991. - Т. 4. - С. 121.

ханской сестры Кончаки, докажет свою верность и сам возглавит поход на мятежников. Тем более, что это в его интересах: Тверь – давняя и удачливая соперница Москвы, и вожделенный им, Иваном, ярлык на великое княжение Владимирское – у тверского князя...

Впрочем, по собственной инициативе отправился Калита к хану или по вызову, тут в летописях есть разночтения. По версии, принятой Карамзиным, Узбек призвал Ивана Даниловича, "обещал сделать его Великим Князем, и дав ему в помощь 50.000 воинов, предводимых пятью Ханскими Темниками, велел идти на Александра, чтобы казнить Россиян Россиянами. К сему многочисленному войску присоединились ещё суздальцы... Началось бедствие. Тверь, Кашин, Торжек были взяты, опустошены со всеми пригородами; жители истреблены огнём и мечом, другие отведены в неволю" (140, с. 122). Верная хану Москва избежала разорения. Богатый Новгород, по обыкновению своему, откупился. Тверской же князь Александр, не получив приюта у новгородцев, бежал во Псков...

Иные популяризаторы истории всячески стараются обойти этот эпизод. Но трезвомыслящие исследователи признают: жестокий выбор московского князя исторически оправдан. Знаменитые же слова летописи любят цитировать и те, и другие: "... и бысть оттоле тишина велика на 40 лет, и престаша погании воевати Русскую землю и закалати христиан, и отдохнуша и упочинуша христиане от великыя истомы и многыя тягости и от насилиа татарьского"[141].

Да, ценой за великое княжение Иоанна I и его сыновей, за мирные годы Северо-Восточной Руси стало разорение Твери и близлежащих городков. Ценой стали тысячи угнанных (или перешедших на службу "царю Азвяку", лишь бы не подчиниться ненавистному князю-карателю) тверичей. А стража юаньского императора пополнилась рослыми русыми воинами, умеющими охотиться в пекинских дубравах не хуже, нежели в тверских борах...

Но губительный для Твери поход практически не затронул другие княжества, более того, объективно способствовал возвышению Москвы, которая своей гибкой политикой обеспечила русским землям 40-летнюю передышку. Так Орда заложила мину замедленного действия под собственный фундамент – стратегически Калита переиграл Узбека. А поступи Иван иначе, не возьми ситуацию под свой контроль – мстительные и падкие на добычу ордынцы разорили бы "мимоходом" всю Русь: это было время наивысшего могущества их державы. И кто

[141] Тихомиров М.Н. Древняя Москва. XII-XV века; Средневековая Россия на международных путях. XIV-XV века. - М., 1992. - С. 30.

знает, как бы повернулась история нашей родины, какой ценой была бы оплачена её независимость. Думается, гораздо большей.

И вот что можно ответить моралистам, осуждающим великих князей Александра Ярославича и его внука Ивана Даниловича за так называемое "низкопоклонство" перед Ордой. Во многом благодаря взвешенной, осторожной, реалистичной политике Невского, Калиты, его сыновей, на долгие годы прекращались опустошительные набеги татар на Русь, а значит, резко сократился принудительный призыв её населения в ханские войска. Ради этого не жаль было огромной дани. Главное богатство, которое скопила Русь Невского и Калиты, – люди, способные держать меч и щит. И внук Ивана Даниловича – Дмитрий Донской – сумел распорядиться унаследованным и приумноженным достоянием.

Что касается тверских ребят, обязанных под угрозой наказания кормить и охранять юаньского императора, то, похоже, они тяготились этой необходимостью. И выслуживаться не стремились. Уже знакомый нам др Бретшнейдер скептически на сей счёт заметил: "Кажется, ни один из Русских на службе у Монгольских императоров в Китае не играл видной роли. По крайней мере, в биографиях Юан-ши Русские не имеют своих представителей, тогда как многие замечательные государственные люди и полководцы Монгольско-Китайской Империи были из Кинчаков (Половцев), Kaukalis, Аланов и других народностей, подвластных Монголам" (133, с.68). Наверное, прав маститый синолог. Ну да Бог с ней, с чужой династией. Лишь бы родословная Отечества не скудела на славные имена русских людей..." (Техника-молодежи. – 1994. – №4).

Приложение 2

Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695)

"В 1692 году из Москвы в Китай было отправлено посольство во главе с Избрантом Идесом. Одним из его участников был Адам Бранд. Путешествие в Китай, пребывание в Пекине и обратный путь продолжались почти три года". "Большинство историков, занимающихся внешней политикой России, излагают вопрос о посылке Идеса в Китай примерно так. После заключения Нерчинского договора 1689 года остался ряд неурегулированных вопросов: не было получено какого-либо подтверждения ратификации Нерчинского договора со стороны Канси, нерешёнными остались вопросы о границе, беженцах и перебежчиках, торговых сношениях. Таким образом, назрела необходимость посылки посольства, и подходящим для этого оказался бывалый иноземец, торговый человек

Избрант Идес. Такой точки зрения придерживаются историки, следующие за схематическим изложением фактов у Н.Н. Бантыш-Каменского[142]. Существуют и другие точки зрения.

Так, русский историк Б.Г.Курц считал поездку Идеса чисто торговым предприятием, в котором особенно был заинтересован сам Идес. "Поездка эта носила торговый характер, а политическое её значение было случайное и добавочное... При возвращении у Избранта под товарами было 27 верблюдов и 10 лошадей. Кроме того, находились в караване и частные купцы (всего в караване было служилых, торговых, промышленных и работных людей 175 человек), у которых вывозной из Сибири капитал равнялся 14 тыс. рублей, не считая собственных товаров Избранта не менее как на 3 тыс. р., а казённый вывозной капитал (ему было отпущено на 4,4 тыс. рублей с небольшим казённых мехов) был всего 4,4 тысячи рублей. Привоз же из Китая в Сибирь исчислялся: казенных китайских товаров на 12 т. р., а частных товаров – 38 т. р., тоже не считая личных товаров самого Избранта. В этом караване 1693/94 гг. казённый капитал составлял не более пятой части всего оборотного капитала, т.е. государство в этом караване участвовало очень слабо. Однако сама проба после 25-летнего (из-за пограничных недоразумений) перерыва казённой торговли в Пекине (последний казённый караван Аблина был в Пекине в 1669 г.) оказалась удачной, и казна получила, как и от предыдущего каравана Аблина, большую прибыль"[143].

Французский историк Каэн склонен оценивать посольство Идеса как совершенно случайное предприятие. Он считает, что посольство имело значение лишь в той мере, в какой России удалось ближе ознакомиться с маньчжурским двором и его этикетом.

Представление о посольстве Идеса как чисто личном или случайном предприятии привело бы к недооценке истории русско-китайских отношений. В тот период русские неуклонно продолжали освоение Сибири. Маньчжуры были в зените своего могущества. Между обоими государствами неизбежно возникали разного рода недоразумения, требовавшие урегулирования. Можно предположить, что решение отправить в Китай Идеса следовало бы объяснять рядом причин: личной предприимчивостью Идеса, энергией делавшего свои первые шаги на поприще внешних сношений Петра, стремлениями Посольского приказа к урегулированию отношений с соседними странами, в том числе с империей Цин.

---

[142] Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. - Казань, 1882. - С. 64-74.

[143] Курц Б.Г. Торговля России с Китаем в XVII столетии // Новый Восток. - М., 1928. - № 23-24. - С. 335-336. - К сожалению, Б.Г.Курц не дает точного указания, на основании каких именно архивных документов им произведены эти подсчёты.

Ознакомимся теперь с обстоятельствами отправки посольства. Мы уже цитировали челобитную Идеса. В ней он прямо указывает, что из-за действий французов на море и потопления его товаров ему "учинилась многая гибель", а потому просит, чтоб ему позволено было ехать через Сибирь в Китайское царство. Он просит дать ему взаймы из государевой казны 6 тыс. рублей, из которых половину деньгами, а половину соболями и другими мехами. Далее он просит, чтобы пожаловали его "чином купчины и чтоб мне пробыть в том государстве для продажи своих и покупки тамошних товаров пять или шесть месяцев, и о том бы мне дана была к Китайскому хану ваша государственная грамота... и чтоб мне позволено было взять с собой пять или шесть человек иноземцев и несколько русских людей"[144]. Как видим, в челобитной Идеса нет ни слова о политике или дипломатии, и Идес не претендует на них. Ему нужны лишь кредит, товары, охранная грамота.

Ответ был для Идеса несколько неожиданным и сверх меры положительным. Помимо того, что Избранту дали меха и деньги в том количестве, какое он просил, в резолюции сказано, что, "слушав сего челобитья иноземца датские земли торговного человека Елизарья Елизарьева, сына Избранта... указали ево в Китайское государство для своих, великих государей, дел к китайскому хану послать посланным и послать с ним, Елизарьем, свою, великих государей, к китайскому богдыхану грамоту о дружбе и любви" (144, л.28, об.). Избрант просил позволения ехать в Китай торговать, а его послали "для дел великих государей" и дали грамоту "о дружбе и любви". Резолюция датирована 29 января 1692 г., а уже через 6 недель посольство было готово и выехало в трехлетнее путешествие.

Быстрота, с которой было оформлено и отправлено посольство Идеса, свидетельствует, прежде всего, о стремлении правительства Петра к развитию русско-китайских отношений. Предложение Идеса отправить его в Китай облегчало русскому правительству осуществление этой цели. Известную роль в том, что кандидатура Идеса оказалась приемлемой, сыграли предварительная договорённость и хлопоты влиятельных друзей Идеса перед Петром I. Можно предполагать, что ходатайство Идеса нашло решающую поддержку у нескольких лиц: всесильного Франца Лефорта, быть может, у голландского выходца Виниуса, бывшего тогда дьяком Посольского приказа и заведовавшего соболиной казной, и свояка Виниуса, думного дьяка, а после смерти В.В.Голицына единоличного хозяина Посольского приказа Е.И.Украинцева[145].

---

[144] ЦГАДА. - Ф. № 62: Сношения России с Китаем. - Кн. 14. - Л. 1-2.

[145] Белокуров С.А. О посольском приказе. - М., 1906. - С. 114; Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII в. - М., 1946. - С. 200-203.

Одним из объяснений отправки Идеса в качестве посла является то, что посольство не стоило ничего казне, – все средства давались ему взаймы, и предполагалось, что он рассчитается после продажи привезённых из Китая шелков и других товаров.

Помимо предоставленных в виде аванса 6 тыс. рублей было дано на подарки ещё 1200 рублей, из них 500 – как денежный подарок богдыхану, 400 – соболями для раздачи министрам, на 200 – соболей для продажи и на 100 рублей соболей для монгольского хутухты и Очирой-саин-хана (144, л. 29-30, 54 об.).

Нет никаких указаний на то, чтобы Идес получал какое-либо жалованье или хотя бы просил о нём. Между тем, как мы читаем у очень осведомлённого в делах Посольского приказа Котошихина, послам давалось "царское жалованье денежное по окладу их на два года" и подъёмные – "да чем подняться на службу против окладу одного году". Кроме того, послы получали соболей "смотря по чести их и по посольству" и продовольствие – "питья и вина"[146].

Идес же получал всё лишь взаймы. Первый посол Петра за границу был вместе с тем и послом нового типа – это был уже не спесивый боярин, которому по возвращении надо по обычаю дать и "шубы собольи, покрытые золотом или атласом", и "вотчины или на вотчины деньги, тысяч по десяти и по семи... ефимков любских" (См.: 146, с. 44). Те незначительные "поминки" (вещевые подарки), которые Идес вёз богдыхану, а последний, не приняв, вернул, Идес привёз обратно и тотчас по возвращении отдал в Казённый приказ (144, л. 160 об.).

Набор подарков носил скромный и почти случайный характер: несколько янтарных вещей, хрустальное паникадило, мало подходящее для преподношения богдыхану. Правда, и со Спафарием отправили подарков немного, на 800 рублей.

Обычно в Посольском приказе при отправлении посла давали подробный наказ. Такие инструкции получил и Идес. Ему поручалось требовать выдачи перебежчиков (Это было вызвано "сообщениями Сибирских воевод в том, что правительство Канси вопреки договору принимает перебежчиков и не возвращает их"[147]: "...чтоб изменников отдать... великих государей их царских величеств люди онкоцкие и брацкие", чтоб "царского величества людей пленных уволить и отпустить из Китайского государства в сторону царского величества" и "чтоб хан указал в Китайском государстве дать под церковь место". В другом документе предписано было узнать об отношении маньчжуров к заключённому в 1689 году

[146] См.: Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. - СПб., 1854. - С. 38.
[147] Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. - М., 1958. - С. 204.

Нерчинскому договору, "доведаться, приятно ль тот мир его богдыханово высочество держит". Посольский приказ вменяет Идесу в обязанность объяснить цинским министрам, что он не имеет полномочий ни уточнять намеченную по Нерчинскому договору границу, ни даже входить в какое-либо обсуждение таковой; его дело лишь спросить о намерениях цинского правительства, как оно предпочитает ликвидировать вопрос "о той границе недомежеванных земель": путём встречи послов на рубеже, как это было в 1689 году, или же "через обсылку послами ж или посланниками во обоих государствах о том договорить".

Идесу дано было поручение разузнать как можно больше о Китайском государстве. Он должен был "проведать подлинно и достаточно, какие в Китайском государстве узорочные товары делают, а каменье в которых местах добывают или отколе привозят и каким путём, сухим ли или морским, и из которых государств и сколь близко или далеко, и какие товары прибыльнее в Московское государство у них покупать, а из Московского государства к ним в Китайское государство посылать и торг с ними впредь будет ли прочен и чаят ли в торгу нарочитые прибыли". Идес должен был "говорить, чтоб по указу богдыханова высочества позволено ему было гулять в рядах для покупки и смотреть всяких товаров... и не так бы над ними чинили как... Николая Спафария и гонца Никифора Венюкова запирали.... Чтоб ханово высочество указал ему, Елизарью, и людям его в рядах гулять и покупать какие товары понадобятся". Всё, что Идес узнает, он должен был записать в статейном списке.

Далее Идесу было приказано "держать ему, Елизарью, сей наказ у себя в крепком и тайном сохранении, чтоб никто о сём, что в сём наказе написано, кроме его и посольского приказу подьячего, который с ним послан, не ведал" (144, л. 61-63, 68-69).

Из статейного списка Идеса известно, что он был принят богдыханом и косвенно, через переводчика Канси, иезуита Жербийона, узнал об отношении богдыхана к результатам нерчинских переговоров. Это-то и интересовало русское правительство, так как ему ничего не было известно об отношении цинского императора к Нерчинскому трактату. Поскольку в то время ещё не практиковалась ратификация, можно было узнать, приняло ли пекинское правительство Нерчинский договор, лишь путём личного контакта. "Сказал ему, Елизарью, езувит француженин, что богдыхан принял мир с любовию и с великими государи тот мир вельми желает держать нерушим. И впредь царского величества над городами никакого зла не мыслит... " (144, л. 51). Это было, конечно, утешительным сообщением и стоило, быть может, больше, чем дипломатический документ.

Идес оказал русскому правительству важную услугу тем, что привёз успокоительные вести о мирных намерениях Канси. Выяснение настроений цинского правительства в то время было немаловажным делом, поскольку Россия была весьма заинтересована в сохранении мира на своих восточных границах и развитии торговых отношений с соседними странами и, в частности, с Китаем (147, с. 204-205.).

Что касается поручений Посольского приказа, то при попытке выполнить их Идес столкнулся со значительными трудностями, и поэтому, по его свидетельству, "результаты были неутешительные". О размежевании земель по Амуру Идесу ничего не удалось узнать. "О намерении их, куды рубеж хотят розвести, проведать было нельзя, для того что народ подозрительной и обманчивой" (144, л. 53). Не удалось Идесу даже во время путешествия взглянуть, проведена ли граница. "А на рубеже признаки столбов описать было никоторыми делы невозможно, для того что были китайские люди с ним, Елизарьем, с Науна до Нерчинска в дороге и в Нерчинском при бытности ево, Елизарьевой". Обстановка посольства была такова, что Идес не мог получить даже элементарных сведений торгового характера. "А что в Китайском государстве узорочных товаров делают и в которых местах каменье добывают, и о том было проведать невозможно" (144, л. 55 об., 56, 57).

Идес привёз из Китая бумагу своеобразного цинского министерства иностранных дел "Лифаньюаня", датированную 28 февраля 1694 г. Эта бумага написана на китайском и маньчжурском языках. К ней был приложен латинский текст (он утрачен), а с последнего был сделан и сохранился трудночитаемый русский перевод, из которого, однако, следует, что маньчжуры не имеют желания идти навстречу русским предложениям по церковным делам и по вопросам о беженцах и о торговле".

* * *

"По возвращении из Китая как Идес, так и Бранд опубликовали в Западной Европе каждый свои записки о посольстве". "Достаточно ознакомиться хотя бы с первой главой записок, чтобы убедиться, что рассказ Бранда в некоторых отношениях подробнее, обстоятельнее и точнее рассказа Идеса. Тем не менее, и Идес и Бранд дают довольно большой материал по Сибири и Китаю, сообщают о пути и различных способах передвижения в зависимости от времени года: зимой по дорогам, лесам и замерзшим рекам на санях, летом водой, через Даурию и Маньчжурию караваном, верхом на лошадях и на верблюдах.

Длительность пути из Москвы в Китай и обратно (три года) можно объяснить тем, что экспедиция была большая. Неизбежность некоторой посольской помпы, большой груз (экспедиция везла с собой зна-

чительные запасы провианта, подарки, серебро, соболиную казну), необходимость конвоя, потребность в большом и единовременном количестве лошадей, повозок, судов, гребцов – всё это было связано с задержками и затруднениями. Так, посольству понадобилось три с половиной месяца, чтобы добраться от Москвы до Тобольска, тогда как Юрий Крижанич проделал этот же путь за полтора месяца"[148].

Спафарий в 1675 – 1676 гг. ехал из Москвы в Пекин один год два месяца. Измайлов в 1719 – 1720 гг. – один год четыре месяца. В докладе Церковного собора патриарху (1682 г.) говорится, что "для достижения от Тобольска до Даурских, Нерчинских, Албазинских и других дальних мест надобно употребить полтора или два года... "[149].

Экспедиция до Урала двигалась по хорошо известной в то время дороге через Вологду, Великий Устюг, Сольвычегодск, Кайгородок, Соликамск. Сибирь посольство пересекло, пользуясь традиционными путями по течению главных рек или их притоков. Посольство Идеса проделало на телегах короткий путь из Утки в Невьянское, чтобы перевалить из бассейна Волги (с Чусовой) на реку Обь, а затем прошло зимой по сухопутью между бассейнами Оби и Енисея (летом с притока Оби, реки Кеть, на приток Енисея, реку Кемь) напрямик лесом.

Посольство Идеса перевалило на Амур тем путём, который С.В. Бахрушин называет третьим (первый путь – вдоль притока Олекмы, через Тугирский волок, на притоки Амура – был избран Хабаровым, второй – через Алдан на Зею, а именно с Енисея на Нерчу, впадающую в Шилку, приток Амура, – Поярковым). С Енисея путь шёл по Верхней Тунгуске, через пороги до Братска, по Ангаре, затем через Балаганск и Иркутск, к Байкалу. Байкал пересекали в самом узком месте от устья Ангары до устья Селенги. "Действительно Избранд совершил путь от Удинска Селенгою и через Байкал в одни сутки", – замечает С.В. Бахрушин. Далее посольство следовало обычным в последнюю четверть XVII века сухим путём с Селенги к трём Еравнинским озёрам, мимо озера Телимба и на Ингоду, а далее на Шилку, где в 1658 году у впадения Нерчи в Шилку был поставлен Нерчинский острог. Путь этот "сделался официальной дорогой в Китай, которой долгое время велись все дипломатические торговые сношения с этой страной"[150].

---

[148] См.: Белокуров С.А. Ю. Крижанич в России. - М., 1906. - С. 107.

[149] См.: Абрамов Н. Материалы по истории христианского просвещения Сибири // ЖМНП. - 1854. - Январь. - С. 36.

[150] Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI и XVII вв. // Научные труды / С.В.Бахрушин. - М., 1955. - Т. 3, кн. 1. - С. 134. О первых посольствах в Китай см.: Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае: "Роспись" И Петлина и Статейный список Ф. И. Байкова. - М., 1966. - 158 с.

Путешествие Идеса было связано с трудностями, лишениями и жертвами. В условиях бездорожья, пустынности и необжитости громадных пространств Урала, Сибири, Маньчжурии и Монголии приходилось мерзнуть, голодать, прорубать дорогу сквозь леса и принимать меры для борьбы с разбойниками и дикими животными. Но путешествие нельзя, конечно, сравнивать с экспедициями Пояркова, Хабарова или Атласова, когда в иную зиму вымирала половина их состава.

Путь на Пекин, выбранный посольством Идеса, был крайним восточным, через Даурию и Маньчжурию. Этим же путём шёл до Идеса Спафарий и после Идеса – Ланге. Посольства первой половины XVII в. – Петлина (1616 г.) и Байкова (1654 г.) – двигались к Пекину крайним западным путём, через Джунгарию, тогда как посольство Саввы Владиславича-Рагузинского было первым, двинувшимся в Пекин по среднему пути – через Монголию. Выбор пути следует каждый раз искать в политической обстановке в этой части Азии, в отношениях между ханствами Джунгарии и Монголии, сложившимися ко времени путешествия. То, что даурско-маньчжурский путь к концу первой четверти XVIII в. был заброшен и отдано предпочтение центральному (монгольскому), делает более драгоценными сохранившиеся о нём с конца XVII в. свидетельства Идеса и Бранда.

Ценность записок Идеса и Бранда заключается и в том, что авторы их при описании пути от Москвы до Пекина рассказали, пусть не всегда достоверно, иногда с долей вымысла, о тех народах, по землям которых они проезжали. Это коми (зыряне), манси (вогулы), ханты (остяки), эвенки (тунгусы) и др. Как видно из текста, Идес не отличает маньчжуров от китайцев.

Идес и Бранд оставили также описание цинского двора и маньчжурской дипломатии, приёмов, этикета и церемониала при дворе богдыхана, его сановников и наёмных иезуитских советников. Это определённый вклад в литературу о цинском Китае, богатую китайскими энциклопедическими сочинениями и относительно бедную письмами, дневниками и описаниями путешествий. Русские посольские свидетельства важны как для русских, так и для китайских исследователей, занимающихся историей Китая в период господства маньчжуров.

Поскольку познания того и другого автора в русском языке были более чем скромными, а на языках коми или других национальных меньшинств они не знали ни слова, мы можем с полным основанием предположить, что приводимые ими данные были в основном изложением услышанного от их спутников и других встреченных ими в Сибири лиц.

Однако не надо забывать, что как наблюдения самого Идеса, так и полученный им материал преломлялись сквозь призму сознания довольно грубого голштинского купца, жаждавшего наживы и не способного сочувственно относиться к слабым или отсталым народностям. Кроме того, записки прошли довольно бесцеремонную обработку со стороны его амстердамских редакторов и издателей. Отсюда двойственность книги Идеса: факты и наблюдения соответствуют материалу русского посольства (см. Статейный список), в то же время чувствуется высокомерие и встречаются уничижительные оценки.

Сочинения Идеса и Бранда имели определённое общественное значение. Русские послы и до Идеса бывали в Китае, но их статейные списки лежали под замком в Посольском приказе. Спафарий оставил несколько фундаментальных работ, но они были известны в немногих списках. Идес же и Бранд опубликовали свои записки ("Идес был первым, подробно и достоверно описавшим сухопутную дорогу в Китай", – суммировал значение Идеса в истории географии Бекман[151]. "Труд Избранта Идеса, – касаясь этнографической части записок, пишет А.И.Андреев, – является, в сущности, первым этнографическим трудом русского происхождения о большинстве народов Сибири, хотя и написанным на немецком языке, причём для некоторых народов он даёт вообще первое этнографическое описание их"[152].

Перевод записок на европейские языки сделал их известными во многих странах. Они стали памятниками географической и этнографической литературы конца XVII в. и документами русско-китайских дипломатических отношений. Эти записки и предлагаются читателю в переводе на русский язык".

* * *

"Как можно представить себе личность Идеса и Бранда по их запискам? Рукопись Идеса прошла чужую обработку, и поэтому облик автора стал менее чётким. Однако бесспорно то, что это был человек, лишённый каких-либо теоретических знаний и чуждый интеллектуальных интересов, но зато сдержанный, правдивый и достаточно скромный. Идес был религиозным в духе своего времени. Бранд как по первоначальному описанию своего путешествия, так и по последующим изданиям своих записок предстаёт перед нами в несколько другом свете: у него, быть может, более легкий литературный слог, он по тогдашней моде "французит", пересыпает своё сочинение галлицизмами, любит прихвастнуть высокими знакомствами, пишет уни-

[151] Beckmann J. Literatur der дlteren Relsebeschreibungen. - H. Goettingen, 1809. - S. 453.
[152] Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири XVII века. - Л., 1929. - С. 106.

женные посвящения. Но если отбросить всё это, то видно, что и он такой же наблюдательный и ценный свидетель, как и Идес. Насколько можно судить, он и в самом деле вёл дневник, куда записывал вместе со своими собственными наблюдениями сообщённые ему русскими спутниками сведения, о чём свидетельствует обилие и точность имён, дат и пунктов. Идес же, вероятно, ограничился беспорядочными заметками, написанными частью в пути, частью по приезде. Достаточно ознакомиться хотя бы с первой главой записок Бранда и Идеса, чтобы убедиться, что рассказ Бранда в некоторых отношениях подробнее, обстоятельнее и точнее, чем рассказ Идеса. В записках Бранда, в особенности в последующих изданиях их, ценно то, что рассказано о внутренней истории посольства (в том числе о возвращении подарков и исполнении "кэтоу"). Идес же, связанный политическими соображениями и обязанностями по службе, об этом умолчал. Записки Бранда ценны и тем, что они были опубликованы на шесть лет раньше, чем записки Идеса, и совершенно независимо от него.

В научно-критической литературе мнения относительно ценности сочинений Идеса и Бранда расходятся. Голландцы, естественно, отдают предпочтение Идесу, и отсюда идёт традиция недооценки записок Бранда, проникшая также и в немецкую литературу. Работу Идеса ставили выше книги Бранда, может быть, и потому, что книга Идеса в роскошном издании, с великолепной картой и гравюрами амстердамских художников, вышла в Амстердаме под покровительством Витсена, считавшегося первым знатоком в вопросах Северо-Восточной Азии. Но вместе с тем надо отметить, что такой разборчивый читатель, как Лейбниц, высоко ценил работу Бранда и писал, что она "заслуживает повторного чтения" (Это письмо опубликовано уже после смерти Лейбница[153]). Такие крупные русские учёные, как К.М.Бэр, И.Тыжнов, М.П.Алексеев, если не предпочитают Бранда, то считают его необходимым дополнением к Идесу".

"О результатах переговоров Идеса, как пишет Бэр, почти ничего не было известно в течение целого столетия. О них узнали лишь тогда, когда И.И.Голиков ознакомился с подлинными документами переговоров и опубликовал их[154].

* * *

[153] См.: Leipziger Gelehrten-Zeitung. - Leipzig, 1722. - S. 544.

[154] См.: Baer K.M. Peter's des Grossen Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kentnisse. - St. Petersburg, 1872. - S. 18. - Бэр имеет в виду собрание материалов, изданных И.И.Голиковым: Дополнение к деяниям Петра Великого. - М., 1794. - Т. 12. - С. 170-176.

"По возвращении из Китая Идес вынашивал мысль об издании своих путевых записок, а быть может, имел и более широкие издательские планы. В 1700 г. Пётр I в жалованной грамоте, предоставляющей амстердамскому печатнику Ивану Тессингу монопольное право на печатание в Голландии "земных и морских карт, чертежей, листов, портретов, математических, архитектурных и всяких по военной части книг на славянском, латинском и голландском языках, вместе и порознь, и о привозе оных на продажу в Россию", отметил, что составление, печатание в Голландии на славянском и голландском языках и ввоз в Россию таблиц, чертежей и книг, касающихся Сибири и китайских владений, уже ранее "предоставлено голштинцу Елизарию Избранту и за ним остаётся"[155]. Эта грамота гласит: "По нашему же великого государя нашего царского величества указу... дана... грамота нашего царского величества Московского государства жителю, голштейнцу Елизарью Избранту, о печатании в Голландской земле и о вывозе в наше царского величества Московское царствие таблиц с написанием в чертежах и в книгах, Сибирскому нашему царствию и Китайскому владению городам и землям и рекам, под нашим, великого государя, нашего царского величества, именованием на славянском и на голландском языках..." (155, с. 7). Этой жалованной грамоты Избранту в "Полном собрании законов..." нет. Она обнаружена в ЦГАДА. Как видно из неё, желание Идеса опубликовать за свой счёт за границей книгу о путешествии и карту Сибири и Китая было встречено Петром I благожелательно.

"В предисловии к первому изданию своих записок Бранд пишет: "Среди как немецких, так и русских моих спутников нашлось несколько человек, взявших на себя обязанность описать путешествие. Кончилось же дело тем, что они свалили всю работу на меня, не отказывая при этом мне в дружеской помощи". Следы дружеской помощи, в особенности русских спутников Бранда, кое-где отчётливо видны. Если, полагаясь на слух или память, сам Бранд до неузнаваемости искажает Сольвычегодск ("Лоловыдгощ"), то имена некоторых деятелей или лиц (воевод, купцов) написаны безукоризненно правильно. Образованным человеком Бранд так же, как Идес, не был и латыни не знал. Тем не менее, его книга написана литературно, хотя и обильно приправлена модными в то время Галлицизмами.

Между Идесом и Брандом, видимо, не было особенно близких отношений. Бранд упоминает об Идесе хотя и часто, но очень холодно и официально; Идес же совсем не упоминает Бранда. "Перед отъездом из Китая, – повествует Бранд во втором издании своей книги, – просил я господина посла об увольнении, чтобы мог из любознательности путешествовать дальше по Китаю до страны Могола, а оттуда через

[155] См.: Полное собрание законов Российской империи. - СПб, 1830. - Т. 4: 1700-1712. - С. 6-7.

Батавию в Голландию на родину, но счастье мне на этот раз не улыбнулось, так как господин посол, чтобы не отвечать за меня перед его царским величеством, отказался уволить меня, вследствие чего я вынужден был вместе с ним ехать обратно в Россию"[156].

* * *

Избрант как крупный коммерсант занимал видное положение в Немецкой слободе в Москве и входил в её высшие круги, которые, как известно, были близки к царю Петру. 19 декабря 1690 г. Идеса посещает один из полководцев Петра – Патрик Гордон; 9 марта 1691 г. Гордон вместе с царём обедает у Избранта (Posselt M. Tagebuch des Generals Patrick Gordon. – Petersburg, 1851. – Bd. 2. – S. 327, 336.).

Описывая, как крепнут у Петра связи с Немецкой слободой, М.М. Богословский сообщает: "В 1691 г. Пётр, кроме двух ближайших друзей Гордона и Лефорта, бывает ещё у Избранда, Монса, Менезия, Книппера, ван Келлера, Тауберта и др.". 2 марта 1692 г., накануне отъезда Идеса в Китай, Гордон присутствует на данном Идесом банкете[157]. Видная роль Идеса в Немецкой слободе, крупные связи, близость к царю способствовали посылке его с правительственным поручением в Китай, откуда он вернулся в 1695 г. Идес был заинтересован в этой поездке потому, что надеялся поправить свои расстроенные дела.

Торговые дома в Страсбурге и Гамбурге, как известно по сохранившейся переписке, докучали ему требованиями о возвращении долга[158]. Идес уехал в Китай с расстроенным состоянием, не уплатив долгов. Надеясь на крупные прибыли, он обещал всем богатые подарки (158, S. 64). После его отъезда заботу о делах Идеса взял на себя Лефорт. (В 1692 г., через несколько месяцев после отъезда Идеса в Китай, в доме Лефорта отпраздновали свадьбу сестры Идеса Елизаветы с родственником Лефорта, Филиппом Сенебье, приехавшим из Женевы. Таким образом, Идес оказался в свойстве с Лефортом.). Сохранились некоторые письма Лефорта к страсбургскому купцу Пердро, должником которого Идес был. В этих письмах содержатся заверения, что Избрант расплатится, как только вернётся из Китая (См.: 158, S. 66). В 1695 г. Идес вернулся из Китая в Москву. Он не был удачлив, как Головин, которого после Нерчинских переговоров с маньчжурами щедро наградили, но и не пострадал так, как Спафарий, который, возвратившись, подвергся преследованиям и вынужден был опровергать выдвинутые против него обвинения.

---

[156] Brand A. Neu vermehrte Beschreibung seiner grossen chinesischen Reise. - Berlin, 1712. - S. 263, 264.

[157] Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии: в 5 т. - М., 1940. - Т. 1. - С. 135; Posselt M. Tagebuch des Generals Patrick Gordon. - Bd. 2. - S. 369.

[158] Posselt M. Der General und Admiral Franz Lefort. - Fr./M., 1866. - Bd. 2. - S. 67.

В официальных актах не сохранилось никакого упоминания об отношении правительства к миссии Избранта Идеса. Лишь в рукописях по истории России, посланных из Петербурга Вольтеру для составления истории России при Петре, мы находим в перечне событий 1695 г. следующие строки: "Февраль. Его величество принял господина Избранда, который вернулся в Москву со своего посольства в Китай. Разные редкости и отчёты о его переговорах. Путешествовал три года. См. его описание китайского двора, напечатанное на голландском и немецком языках"[159].

В переписке и мемуарах сохранились отклики современников на поездку Идеса в Китай. "1 февраля 1695 г., – отмечает в своём дневнике Патрик Гордон, – вернулся из Китая Елизар Избранд, куда он ездил послом" (См.: 157, Posselt, S. 506). В адресованном в Женеву письме от 1 февраля 1695 г. говорится: "Шурин Сенебье, господин Избранд вернулся из Китая, где он по всему тому, что можно судить, составил себе состояние: люди уверены, что никто из его должников в накладе не останется". Об этом же писал и Лефорт: "Путешествие его [Избранта] было удачным. Пока ещё нельзя точно определить его богатство. Он сказал мне, что постарается удовлетворить всех своих кредиторов. Он, привёз прекрасные драгоценные камни, среди которых есть сапфир ценностью, как говорят, десять тысяч талеров, весом 20 золотников и исключительно хорошего цвета" (См.: 158, S. 67).

Разбогател ли Избрант в результате поездки и насколько, точно определить, конечно, невозможно. Но, как пишет Посселт, "из привезённых из Китая вещей он сделал крупные подарки разным лицам", давал банкеты, на которых каждый раз присутствовал царь (158, S. 68). "20 февраля 1695 г., – отмечает Гордон, – Елизар Избрант прислал мне две штуки китайского шёлку, шесть маленьких чайных чашек с блюдцами и девять глубоких блюдец различной величины и формы; все из фарфора" (См.: 157, Posselt, S. 511). Слухи о богатствах Идеса вызвали в близких к царю кругах желание повторить поездку". (Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695) / АН СССР, Вост. комис. Геогр. о-ва СССР; вступ. ст., пер., коммент. М.И.Казанина. – М.: Гл. ред. Изд-ва вост. лит., 1967. – 404 с.)

[159] Гос. публ. б-ка им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. "Библиотека Вольтера. Рукописи о России". 14, № 114. 1695. Т. 5. С. 2. Ср. "Журнал государя Петра I с 1695 по 1709 г., сочиненный бароном Гизеном": "Сего 1695 году, в 1 день февраля в Москву приехал назад великих государей из китайской земли бывший там посол иноземец Избрант, реляцию о том учинил, и описание того посольства и походе его на голландском языке типом напечатано" (цит. по кн.: Туманский Ф. Собрание разных записок и сочинений... о жизни и деяниях Петра Великого. - СПб., 1782. - Т. 3. - С. 6).

Приложение 3

"Миграционный поток из центральных, северо-восточных районов России и из Сибири в направлении Тихого океана привёл к созданию первых российских поселений на тихоокеанском побережье и в бассейне реки Амур. В России в это время правил царь Алексей Михайлович – отец великого реформатора России Петра I. В соседнем Китае в 20-40-х годах XVII в. полыхало мощное крестьянское восстание, направленное против правления императоров Минской династии (1368-1644). Одновременно с крестьянской войной Северный Китай в эти годы подвергался неоднократным грабительским военным набегам маньчжурской конницы, прорывавшейся в Китай с северо-востока и севера через проходы в Великой китайской стене. Грабя китайские города и села, маньчжуры уводили с собою в свою вотчину (современная провинция Ляонин на Северо-Востоке КНР) захваченных ими служилых людей, военных, ремесленников и земледельцев (подробно о маньчжурах и их исторической родине см.: Новая история Китая. – М., 1972; Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). – М., 1974.).

Не в силах самим подавить восставших крестьян, которые под руководством Ли Цзычэна захватили столицу Минской империи Пекин, китайские феодалы, предводительствуемые генералом У Саньгуем, вступили в сговор с маньчжурами, готовившими очередной набег на Китай. Оказав китайским феодалам помощь в подавлении крестьянского восстания, маньчжуры, однако, не стали восстанавливать правление Минской императорской династии, а провозгласили в Китае маньчжурскую династию Цин.

Постепенно упрочившие власть в Центральном, Восточном и Южном Китае, новые маньчжурские правители огромного Китая, ввиду крайней малочисленности войска по сравнению с населением завоёванной ими страны (300 тыс. против 100 млн), были вынуждены для поддержания своего владычества наряду с созданием военных и полицейских подразделений из числа перешедших на их сторону представителей военного сословия китайских феодалов и чиновников, перевести из своих вотчинных земель в Китай почти всё маньчжурское население, оставив в былой столице – современном городе Шэньяне – лишь небольшой отряд инвалидов для охраны находившихся там гробниц первых императоров династии Цин – основателя династии Нурхаци и его преемника Абахая.

Не ограничившись этим, маньчжуры насильственно переселяли в Китай также все родственные им тунгусо-маньчжурские племена, населявшие таёжные районы Северной Маньчжурии. Для этого цинские власти организовывали военные экспедиции в Приамурье.

В результате такой политики маньчжуров ко времени появления первых русских поселенцев в Приамурье там оставалось крайне малочисленное, затерянное в таёжной глуши население, состоящее в основном из рыбаков и охотников, которое без какого-либо сопротивления приняло подданство русского царя и стало платить ясак (дань) представителям российских властей, основавшим ещё в 1651 г. в верховье Амура на месте одного из поселений местного даурского князя, оставившего город при приближении отряда Хабарова, свою крепость Албазин (в китайской транскрипции – Якса). В 1682 г. Албазин стал административным центром Российского Приамурья – резиденцией воеводы. Русское население Албазинского воеводства насчитывало свыше 2000 крестьянских семей. После укрепления владычества маньчжурской Цинской династии в Центральном и Южном Китае при правлении императора Канси (девиз правления – императора Сюань Е), маньчжуры, стали беспокоиться появлением к северу от их вотчинных земель "краснобородых варваров" (так именовали русских землепроходцев в официальных донесениях властей), зачастую называя их также термином "лоча" (ракшас – демон) из буддийского пантеона, и начали снаряжать в Приамурье военные экспедиции.

В 1671 г. началась первая осада Албазина маньчжурами, перебросившими из южной Маньчжурии по рекам отборное войско, владевшее навыками сражений на воде и осаде крепостей. Неоднократные осады Албазина цинскими войсками не достигали цели, после каждой осады крепость отстраивалась заново, крестьяне возвращались к своим занятиям, и лишь по условиям русско-китайского Нерчинского договора 1689 г. Албазинское воеводство перестало существовать, а крепость была разрушена самими русскими казаками (подробно о российско-китайских отношениях в XVII в. см.: Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т.1. 1608-1683. – М., 1969; Т. 2. 1686-1691. – М., 1972; Новая история Китая. – М., 1972; Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. – М., 1980; Он же. Договорными статьями утвердим: Дипломатическая история русско- китайской границы XVII-XX вв. – М., 1996).

Во время осады Албазина в 1685 г. маньчжуры захватили в плен свыше 100 русских защитников крепости – казаков, крестьян и горожан, многие из которых были тяжело ранены в боях. По повелению Канси, пленные были доставлены в столицу, где император пожелал лично посмотреть на этих храбрецов. Поражённый их военной выучкой и отвагой, он повелел зачислить пленников в императорскую гвардию в качестве "русской сотни", выделив им для проживания и несения гарнизонной службы участок у северо-восточного угла внешней городской стены Пекина. Канси повелел

также дать им в жёны вдов казнённых за те или иные преступления жителей города. Их повенчал по православному чину прибывший с русскими пленниками албазинский священник Максим Леонтьев.

О. Максиму удалось спасти и привезти с собой в Китай чудотворную икону свт. Николая Мирликийского и некоторую церковную утварь из Албазинской церкви. На месте бывшей буддийской кумирни в Пекине он основал небольшую православную часовню, где в течение долгого времени отправлял службу: крестил детей, совершал венчания, отпевал усопших, отмечал церковные праздники. С годами албазинский священник стал стар, немощен, постепенно слеп, и ему требовалась замена. Православные албазинцы через приставов, периодически прибывавших в Пекин с российскими торговыми караванами, обращались к сибирским властям с просьбой прислать им нового священника.

Пётр I, придававший важное значение российско-китайским отношениям, ещё в указе от 18 июня 1700 г. повелел писать к Киевскому митрополиту Варлааму (Ясинскому), чтобы тот "поискал в малороссийских своей области городах и монастырях из архимандритов и игуменов или иных знаменитых иноков добраго и ученаго и благаго непорочнаго жития человека, которому бы в Тобольску быть митрополитом, и мог бы с Божиею помощью исподволь в Китае и в Сибири в слепоте идолослужения и в прочих неверствиях закоснелых человек приводить в познание и служение и поклонение истиннаго живаго Бога и привёл бы с собою добрых учёных не престарелых иноков дву или трёх человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научитись"[160].

Узнав о просьбе русской православной общины в Пекине, Пётр I в 1712 г. повелел направить в Китай не одного, а группу священников, и учредить в Пекине Российскую Духовную Миссию, включив в неё также учеников для изучения китайского, маньчжурского, монгольского и других восточных языков, местных обычаев и китайской культуры.

Договорённость с маньчжурскими правителями Китая об основании Российской Духовной Миссии в Пекине, её месторасположении, статусе, составе, содержании были официально зафиксированы в 5-й статье русско-китайского Кяхтинского трактата 1727 г. Император Канси не только разрешил пребывание в Пекине Российской Духовной Миссии, но и присвоил высокий придворный ранг главе Миссии, архимандриту Иллариону (Лежайскому). Он также присвоил и соответствующие чиновничьи ранги остальным членам Миссии. Он также

[160] Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. - М., 1978. - Т. 1. - С. 50.

повелел взять весь состав Миссии на казённое довольствие и регулярно уплачивать им из казны жалование"[161].

Приложение 4

Албазинцы

"В XVII веке Россия начала осваивать Восточную Сибирь и впервые столкнулась с Китаем. Первые контакты носили характер приграничных вооружённых конфликтов. Самым значительным из них было взятие цинской армией русской крепости Албазин на реке Амур в 1685 году. 45 казаков, захваченных при этом в плен, были переселены в Пекин и положили начало многолетнему присутствию русских в Китае. Хотя китайцы и называли всех этих людей русскими, среди них, вероятно, оказались также крещёные буряты, калмыки и потомки от смешанных браков.

Албазинцев компактно поселили во Внутреннем городе у ворот Дунчжимэнь. Они были причислены маньчжурским императором Сюанье (девиз правления – "Канси") к почётному военному сословию, которое занимало высокое положение в сословной иерархии империи Цин, и зачислены с приличным жалованием в "русскую роту" жёлтого с каймой знамени императорской гвардии. Пленные албазинцы наравне с другими солдатами получили казённые квартиры, деньги на первоначальное обзаведение хозяйством, наделы пахотной земли, холостых казаков женили на китаянках. Для богослужения русским была передана во владение буддийская кумирня Гуаньдимяо (храм Бога войны), которую священник Максим Леонтьев – первый православный священник на китайской земле, обратил в часовню во имя святителя Николая Чудотворца. Там вплоть до 1695 года он совершал богослужения, обслуживая духовные нужды своей паствы.

К этому времени в России узнали о деятельности отца Максима и его усилиях сохранить веру среди албазинцев. Русское правительство обратилось к китайскому императору с просьбой об освобождении пленных или же о разрешении им построить в Пекине русскую церковь. В 1696 году отец Максим совместно с прибывшими из России священнослужителями освятил церковь во имя Святой Софии, однако её так и называли Никольской в честь иконы Николая Чудотворца" (Русская духовная миссия в Пекине // Википедия).

---

[161] Тихвинский С.Л. Предисловие // История Российской Духовной миссии в Китае: Сб. статей / Ред. Дионисий Поздняев. - М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1997.

Глава вторая
Пекинская духовная миссия: XVIII век

Пётр Первый, заняв русский престол, проводит политику, ориентированную на европейские ценности. Но не забывал об исключительно важной роли для всего государственного строительства Сибири и пограничных с ней азиатских территорий. В конце XVII – начале XVIII века он перевёл взор на Восток. И вот задумал направить в Китай православную духовную миссию, преследуя при этом, в первую очередь практические цели, уже трудно сказать, насколько дальновидно. Издавая указ 18 июня 1700 года, русский царь обратился к Киевскому митрополиту Варлааму (Ясинскому).

Предлагалось "найти для митрополичьей кафедры в Тобольске доброго и учёного человека и отобрать нескольких молодых людей для изучения китайского и монгольского языков с целью дальнейшего распространения христианства в Китае. Указ определил и задачи миссии – быть посредницей между Россией и Китаем и поддерживать православие среди русских поселенцев, по возможности привлекая в лоно христианства местное население. Не последней задачей было предоставлять для нужд межгосударственных связей драгоманов – военных или дипломатических переводчиков" (126, 14).

Как бы попутно с религиозным назначением посольства, по замыслу царя, полагалось и другое направление деятельности: указывалось включить в состав миссии "добрых и учёных не престарелых иноков двух или трёх человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языкам и грамоте научиться". Монарх, учреждая православную миссию в Китае, в указе от 18 июня 1700 года, как и в указах 1703, 1706 и 1710 годов, касающихся миссии, напоминал проповедникам, чтобы не упускали случая к обращению подданных Китая в нашу веру.

В задачу миссионеров, по первоначальному замыслу, ставилась забота о поддержании православия отнюдь не только лишь в среде албазинцев. В виду сего отправляемым в Китай учёным инокам вменялось в обязанность "изучение китайского и мунгальского языков и их литературы". Дабы они, "познав их суеверие, могли твёрдыми Св. Евангелия доводами многие души из тёмной сатанинской области привести в свет познания Христа Бога нашего и тамо живущих <…> от прелести всякой идолослужения их отвадити <…> и своим благим житием хана китайского и ближних его людей и вообще их народ привести к тому святому делу"[162].

[162] Иоанн, еп. Современное состояние православной миссии в Китае // КБ. - 1910. - Вып. 7-8. - С. 23.

Касаясь назначения и задач миссионерства в Китае, Пётр I требовал строго: "только, для Бога, поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привесть в злобу"[163]. В свои 26 лет, видно, ещё не умел осознать твёрдо принципа веротерпимости в международных связях. Трудно принять безоговорочно условие взаимного невмешательства в религиозную жизнь друг друга, хотя только на таком подходе и могли бы держаться прочно и в те, и в наши времена российско-китайские отношения.

Пётр Великий прорубит "окно в Европу", однако будущее развитие державы связывал он и с сибирскими просторами. Взирая на Восток, предвидел, что на пути продвижения России в Азию будут обостряться отношения с Китаем, ввиду неизбежности столкновения межгосударственных интересов. Когда ученики поднатореют в восточных языках, пусть нескоро, будут переводить трактаты и грамоты, которыми укрепляются международные связи. К пониманию друг друга стремились оба выдающихся монарха – и Пётр Великий, направив Духовную миссию в застенный Китай, и император Канси, хотя и остерегаясь, всё же впуская её к себе.

"В начале XVIII века цинская династия под страхом сурового наказания запретила проповедь "учения небесного Господа", как окрестили в Китае религию Христа (это название закрепилось в китайском языке за католичеством)" (1, с. 293-294).

Согласия Канси на приём миссии дожидались долго. Пришло оно из Пекина в 1712 году, уже после смерти о. Максима, когда встал вновь вопрос о посылке священника для албазинцев[164]. В состав первой официальной российской духовной миссии входили всего десять человек: архим. Илларион Лежайский, иеромонах Лаврентий, иеродиакон Филипп и семеро иноков-причетников из Тобольской Славяно-русской школы. На исходе лета 1715 года посланники из России отправились в Пекин вместе с возвращающимся маньчжурским посольством к тургут-монголам, стоявшим на Волге ниже Казани.

"Православная миссия в XVIII веке. "Указ Петра I от 18 июня 1700 года поставил вопрос о создании духовной миссии в Пекине. Это было первое распоряжение правительства, в котором говорилось об организации миссии, и где подчёркивалась необходимость изучения российскими подданными местных языков, обычаев и культуры, что отвечало политическим и торговым интересам России в империи Цин. Так, изначально Русская духовная миссия в Пекине должна была стать

[163] Крушинский А. Миссия в Пекине // Родина. - 2002. - № 1. - С. 50.

[164] Русская православная миссия в Китае // Китайский благовестник. - 1916. - № 9-12. - С. 4-12.

центром не только православия, но также исследований Китая русскими учёными. Смерть отца Максима в 1712 году и просьба албазинцев прислать нового священника ускорили решение вопроса об организации миссии. В 1714 году в Пекин был отправлен архимандрит Илларион Лежайский со свитой. Он вёз с собой иконы, церковную утварь, богослужебные книги и митру. В 1716 году миссия прибыла в империю Цин, её члены были торжественно приняты и зачислены на императорскую службу. Им отвели казённые квартиры около албазинской церкви и выдали временное пособие. Кроме единовременного пособия от Трибунала внешних сношений (Лифаньюаня) было также назначено ежемесячное жалованье. Этим актом маньчжурское правительство зачислило прибывших миссионеров на свою службу на тех же основаниях, что и китайских подданных, поскольку православные священники обслуживали нужды гвардейской роты солдат цинских войск, составленной из пленных албазинцев и других русских, оказавшихся в империи Цин. В России православная миссия была поставлена под церковную юрисдикцию сибирских митрополитов, чья резиденция тогда находилась в Тобольске" (Википедия)

Россия и Китай: Становление отношений. Предисловие.

"Пекинская Духовная миссия, с деятельностью которой связаны яркие страницы в истории отечественного китаеведения, обрела своё начало в силу исторической случайности. Казаки, взятые в плен китайскими войсками в 1685 году в сражении при Албазине (на Амуре), были привезены в Пекин и основали там небольшую колонию. Священник, уведённый вместе с ними – о. Максим Леонтьев, духовно окормлял пленных и их потомков на протяжении четверти века.

В 1695 г. Тобольский митрополит Игнатий (1692-1700) направил в Пекин священника и диакона, которые доставили албазинцам необходимые для совершения богослужений антиминс, миро, богослужебные книги и церковную утварь. В сослужении с присланными из Тобольска священнослужителями о. Максим освятил в 1696 г. албазинскую часовню, наименовав её храмом во имя св. Софии Премудрости Божией. В этом храме о. Максим совершал богослужения для албазинцев до самой кончины, последовавшей в 1711 (или 1712) году[165]. Под конец жизни силы о. Максима стали ослабевать, и в 1710 г. албазинцы направили прошение митрополиту Сибирскому Филофею (Лещинскому), чтобы тот ходатайствовал о присылке в Пекин нового священника. Воспитанник Киевской Духовной Академии, родом с Украины, митрополит Филофей был

[165] Краткая история Русской Православной миссии в Китае. - Пекин, 1916. - С. 2.

назначен на Сибирскую кафедру в 1702 году. Суровый сибирский климат подорвал его здоровье, и он, приняв схиму с именем Феодора, в 1711 г. удалился на покой в Тюменский Троицкий монастырь. Поэтому просьбу албазинцев рассмотрел уже новый архиерей – Тобольский митрополит Иоанн (Максимович) (1711-1715), заменивший принявшего по болезни схиму митрополита Филофея (Феодора)"[166]. (Августин (Никитин), архим. ПДМ в XVIII столетии // Миссионер. обозрение. – 2001. – №6. – С.17-18.)

Первая ПДМ (1715-1728)

Её состав: Начальник – Иларион (Лежайский), архим. (1657 – 1717, Пекин). Иеромонах – Лаврентий. Иеродиакон – Филимон. Причетники – Иосиф Афанасьев, Осип (Иосиф) Дьяконов (ум. 1736, Пекин), Петр Якутов (ум. 1737, Пекин), Григорий Смагин, Никанор Клюсов (ум. 1737, Пекин), Андрей Попов, Иларион Якут, Фёдор Колесников (Белка). Ученики (с 1727 г.) – Лука Воейков (ум. 1734, Пекин), Иван Пухарт, Фёдор (Федот) Третьяков, Иван Шестопалов (Яблонцев).

Миссия в середине января 1716 года добирается в столицу Китая. Прибывших миссионеров взяли на государственную службу, причислив как пастырей богдыхановой гвардии к Палате внешних сношений и наделив китайскими чинами, с жалованьем (428 руб. 70 коп. в год на всех) и натуральным довольствием. Сразу после приезда в Поднебесную российская духовная миссия начала приобретать земельные участки в околицах и возле Пекина. К концу XVIII столетия уже имеет их пять на северо-востоке и на юге от столицы, продолжая заниматься дельным капиталовложением и предпринимательской деятельностью и далее (120, с. 265).

Первая духовная миссия пробудет в Срединной империи немногим более двух лет, и вскоре албазинцы, бывшие подданными маньчжурского, а не российского императора, вновь окажутся без пастырского попечительства, оторванными от веры своих предков. После этого китайская сторона по не вполне внятным причинам (очевидно, всё же остерегаясь чуждой идеологии и чужой веры) пять лет тянула с принятием решения о допуске православных священнослужителей в Китайскую империю, прежде чем из Петербурга в Пекин в марте 1721 года, наконец, отправится следующая группа миссионеров.

Начальником духовной миссии в Китай ещё при Петре Великом был назначен епископ Иннокентий Кульчицкий, получивший образование в Киевской духовной академии, впоследствии Святитель Иннокентий Переславский. Но тогда принимающая сторона воспротиви-

[166] Николай (Адоратский), иером. Православная миссия в Китае за 200 лет её существования // Странник. - 1887. - Т. 2. - С. 66.

лась назначению и прибытию в Поднебесную империю православного миссионера в ранге епископа. И на всё это время Иннокентий задержался за Байкалом в Селенге, в Троицком монастыре, испытывая и продвигая православие в бурятской среде.

В 1723 году император Юнг-Гинг, сочтя вмешательство Римской церкви опасным, запретил христианство, начались гонения, и число христиан быстро уменьшилось, из всех орденов остались одни иезуиты. Уничтожение ордена иезуитов подорвёт планы римско-католической иерархии, дело её снова начнёт процветать лишь после Нанкинского договора в 1842 году. Католическая миссия, опираясь на вооруженную силу европейских государств, широко разовьёт деятельность, но это вызовет недовольство местного населения.

По поводу непринятия православного епископа в Пекине из китайской столицы в 1725 году писал Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, русский посланник: "Богдыхан такую превеликую особу никогда принять не повелит: понеже у них великой господин называется их папа или кутухта. И что по ево старанию <...> может быть, паки архимандрит и священники в Пекин приняты будут, а епископ никогда не допустится" (126, с. 15). "Иннокентий был послан миссионером в Китай, который, однако, он принуждён был вскоре покинуть, вследствие происков иезуитов"[167]. Вернее всего, Иннокентий оказался и остался невъездным.

"Кульчицкий Иннокентий (святой), первый епископ иркутский и нерчинский, чудотворец, прославленный российскою церковью, в миру Иван Кульчицкий, родился в 1680 году в Малороссии от древней дворянской фамилии. По окончании полного курса наук в Киевской Академии, он пострижен в монашество в Киево-Печерской Лавре и отправлен вместе с другими в Москву в должности учителя в тамошнюю Славено-греколатинскую академию. Четыре года нёс он училищную службу и, достигнув звания префекта, переведён в Петербург в Александро-Невскую Лавру со званием соборного иеромонаха. По рукоположении бывшего там архим. Феодосия Яновского во епископа новгородского, Иннокентий в 1720 году назначен исправляющим должность наместника Лавры.

Но, когда Пётр I вознамерился учредить в Китае епископию, наравне с римокатолической миссией, Иннокентий 5 марта 1721 года хиротонисан был во епископа переяславского, и в том же году отправлен к посланнику Измайлову в Пекин, на место бывшего там архимандрита. О прибытии его послана была к китайскому правительству предуведомительная грамота. К несчастью, она не застала уже в Пекине Измайлова, пользовавшегося отличным уважением Богдыхана".

---

[167] Дружников Ю. Узник России. - М., 1997. - С. 944.

"Католические миссионеры, поселившиеся там ещё с 1581 года, сильно встревожились таким распоряжением Российского Двора, и начали интриговать. Вследствие сего Мунгальский Тушетухан Очирой-Бату возвратил грамоту селенгинскому начальнику с таким изъяснением, что, по указу богдыханскому, господина Иннокентия Кульчицкого в Пекин пропускать не велено для того, что от сибирского губернатора никакого об нём письма нет и знаку печати, каковые даны Измайлову, не приложено ("Измайлову даны были в Пекине сто сургучных печатей для прикладывания их к паспортам о свободном пропуске купцов русских"[168].

Поэтому Иннокентию повелено было до времени оставаться в Селенгинске, где он и пробыл до 1735 года, а затем, по указу Синода, выехал в Иркутск на житьё в тамошнем Вознесенском монастыре. Здесь он занялся, согласно Высочайшему повелению, учреждением русской и монгольской школы, в которой, кроме обыкновенных предметов учения, была преподаваема и монгольская грамота. Но, к сожалению, она существовала только до тех пор, пока стояла под непосредственным надзором святителя (168, 1807, ч. 1, с. 428).

Со вступлением на престол Екатерины I повелено, для окончательного решения дел с китайской империей, отправить туда полномочным чрезвычайного посланника графа Владиславича-Рагузинского, а также ехать с сим послом и Иннокентию, если не будет со стороны китайцев какого-либо препятствия. Но иезуиты давно уже успели подготовить правительство к решительному отказу; к тому же и царствовавший тогда в Китае Ионг-Чшенг или Юнг-Дженн объявил открытое гонение против своих подданных, осмелившихся принимать веру христианскую.

Но, чтобы не оскорбить посланника могущественной Монархии прямым отказом, иезуиты указали министрам поднебесной империи в самой грамоте русского посольства пункт, на котором они могли основать своё несогласие принять епископа. В листе сибирского губернатора в мунгальский трибунал, доносил Рагузинский 1726 года, епископ Иннокентий назван "духовною особою, великим господином, а из сего китайцы взяли подозрение, будто бы он превеликая особа, и министры их агенту Лангу говорили, что Богдыхан такую превеликую особу никогда принять не повелит, ибо у них великий господин называется их Кутухта, и нам такую превеликую особу, как Иннокентий Кульчицкий, не надобно".

Как бы то ни было, но и в этот раз не состоялось отправление святителя в Китай. 1727 года 15 генваря Иннокентий назначен был викарием тобольского митрополита в Иркутске, с подчинением ему Вознесенского монастыря; и таким образом уроженец юга поставлен был Промыслом

[168] См.: Амвросий (Орнатский). История Российской иерархии. - М., 1810. - Ч. 2. - С.461.

благочестить Евангелие сынам суровой Сибири. Вышнее помазание, щедро излиянное в душу и сердце Угодника Божия, не являлось тщетным; полудикие обитатели дальнего севера убеждались вдохновенною его проповедью и толпами стекались к купели крещения.

Чтоб упрочить дело обращения идолопоклонников, Иннокентий открыл при Вознесенском монастыре училище для детей всякого звания, где преподавал им русский букварь, чтение и пение, толковали заповеди, и учили читать, писать, и переводить по-монгольски. Но с кончиною Святителя эта школа упала и потом совсем уничтожилась. Святой Иннокентий мирно кончил благочестивую жизнь свою 26 ноября 1731 года, и в простой монашеской мантии погребён был в склепе под церковью Тихвинской Божией Матери.

В царствование императора Павла I сенаторы Ржевский и Левашов, ревизовавшие Иркутскую губернию, донесли Государю о нетленно почивающих мощах Святителя Иннокентия; а в 1800 г. Амвросий, митрополит новгородский, объявил Высочайшее повеление о рассмотрении всех обстоятельств, изъясненных в рапорте сенаторов и приложенных при нём сведений от тогдашнего иркутского епископа Вениамина с краткой выпиской о чудесах, происходивших при гробе угодника. По следствию оказалось, что мощи и самая одежда в Бозе почившего пребыли совершенно нетленными, и чудеса, бываемые от них, не подвержены никакому сомнению.

Чрез два года после сего снова произведено доследование, и, как бы во свидетельство несомненного прославления угодника Божия, в том же году, когда сгорел весь монастырь, уцелела одна лишь деревянная церковь, под которой почивали мощи св. Иннокентия. В 1804 году указом св. Синода от 1 декабря, вследствие доклада, Высочайше утверждённого 28 октября, установлено праздновать память святителя Иннокентия 26 ноября. В 1805 году 9 февраля, по облачении мощей в святительские ризы, они были перенесены в соборную Успенскую церковь, где и доныне открыто почивают в серебряной позолочённой раке, источая всем верующим исцеление (168, 1807, ч. 1, с. 428; 1810, ч. 2, с.452-66; 1811, ч. 3, с.580, а также: [Эристов Д.А.]. Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. – СПб., 1836. – С.120-2; Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. 28. – [Ст.] 21, 540. – С.724).

"Лишь одна [миссия] принесла несомненный успех русской стороне, это посольство Саввы Владиславича Рагузинского, заключившее в 1727 году Кяхтинский договор" (124, с. 21).

В 1727 году Высочайше утверждён статус духовной миссии, а в 1728 году в Кяхте будет подписан русско-китайский договор, в котором оговаривается, в частности, положение российской духовной миссии в Китае. Статья 5-я Кяхтинского трактата определила состав миссии: 4 духовных лица (архимандрит, два иеромонаха, иеродиакон), 2 причетника и 4 ученика. Срок пребывания миссии в Пекине десятилетний, миссионеры остаются в Китае до прибытия смены.

Приложение 5

Архим. Иларион (Лежайский) и первая ПДМ (1717-1729)

"История Православной Церкви в Китае начинается с конца XVII в., когда в Пекине появились русские военнопленные из Албазина, покорённого маньчжурами в 1685 г. Пленённые русские казаки и перебежчики были приняты на службу к китайскому императору, однако им было разрешено продолжать исповедовать свою веру. Религиозные обряды совершал первый православный священник Максим Леонтьев, прибывший в Пекин вместе с албазинцами. Как свидетельствуют источники, албазинцы довольно быстро отошли от религиозных канонов. Исследователь истории Российской духовной миссии в Китае В.П.Петров писал, что "очевидно сильно было влияние огромного китайского человеческого моря... Казалось бы, тот факт, что албазинцам было разрешено иметь свою часовню в углу внутреннего Пекина, а также и своё кладбище за стенами города – должно было удерживать их в вере отцов и предков, но оказалось, что влияние китайской жизни, а главное тот факт, что им всем были даны жёны из разбойничьего приказа, всё это привело к тому, что, несмотря на все усилия о. Максима, албазинцы стали постепенно "окитаезироваться"[169].

Как отмечал иеромонах Николай (Адоратский), "языческие жёны албазинцев, хотя и крещёные, внесли в дом своих мужей суеверия и китайских истуканов, перед которыми совершали поклонения. В ближайшем их потомстве явилось открытое равнодушие к вере отцев. Дети их по нескольку времени оставались не окрещенными, несмотря на всевозможные увещания престарелого их пастыря. Мало того, дети самого отца Максима не чужды были некоторых суеверий китайского язычества"[170].

"В отечественной литературе принято считать, что именно религиозное отчуждение албазинцев явилось причиной организации Православной миссии в Пекине. Тем не менее, если проанализировать мате-

[169] Петров В.П. Российская духовная миссия в Китае. - Вашингтон: Виктор Камкин, 1968. - С. 15.
[170] Николай (Адоратский), иером. История Пекинской духовной миссии в первый период её деятельности (1685-1745) // История Российской духовной миссии в Китае. - М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1997. - С. 14-164. - Цитата на с. 56-57.

риалы исторических документов, опубликованных в первом томе "Русско-китайских отношений в XVIII веке", то можно сделать вывод о том, что русских купцов не устраивала албазинская часовня и они хотели бы иметь свой собственный православный храм в Пекине. В данном случае уместно вновь процитировать упомянутый труд иеромонаха Николая (Адоратского): "При некоторых русских караванах, приходивших в Пекин, бывали и священники, но они не оставались там долго и притом не имели дозволения от китайского правительства отправлять открытое богослужение. Русский посланник Избрант <Идес> пробовал в 1693 году ходатайствовать перед китайским правительством о дозволении построить в Пекине российскую церковь иждивением российских государей и для оной отвести место. На это ему пекинский трибунал ответил: "Построение в Китае церквей иноземцам, тем, кои вечно живут в царстве, узаконено, а приезжающим только на время требовать церквей в обычай не положено" (170, с.53). По-видимому, этот категорический отказ китайского правительства послужил причиной поиска других возможностей создания постоянно действующего православного храма в Китае"[171].

"Таким поводом оказалось крайне неудовлетворительное положение дел в албазинской общине (более подробно об албазинцах и отношении российского правительства к ним см.: Петров В.П. Албазинцы в Китае. – Вашингтон: Виктор Камкин, 1956; Pang T.A. The "Russian company" in the Manchu Banner Organization // Central Asiatic Journal. – Wiesbaden, 1999. – No. 43. – Part. 1. – P. 132-139). Последующие действия правительства России, указ Петра I об организации первой Православной миссии в Пекине достаточно подробно освещены в научной литературе (Николай (Адоратский), иером. История Пекинской духовной миссии… – 1997. – С. 58-64; Петров В.П. Российская духовная миссия в Китае. – С. 17-19; Widmer E. The Russian Ecclesiastic mission in Peking during the eighteenth century. – Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 1976. – S. 23-33).

В результате всех проведённых мероприятий митрополит Тобольский и Сибирский Иоанн (Максимович) к 1715 г. сформировал первую Православную миссию из семи причетников (Иосиф Дьяконов, Никанор Клюсов, Петр Якутов, Григорий Смагин, Феодор Колесников, Андрей Попов, Иосиф Афанасьев), иеродиакона Филимона, иеромонаха Лаврентия во главе с архим. Иларионом (Лежайским). В состав миссии вошли также ученики китайского и маньчжурского языков:

[171] Пан Т.А. Архимандрит Иларион (Лежайский) и первая Пекинская духовная миссия (1717-1729 гг.) // Исторический вестник. - М., 2000. - № 2(6). - С. 103.

Лука Воейков, Иван Пухарт, Федор (Федот) Третьяков, Иван Шестопалов (Яблонцев)[172].

К сожалению, исторические архивы России не сохранили достаточных данных о раннем периоде истории Пекинской миссии и большинство сведений о нём мы имеем лишь из воспоминаний членов более поздних миссий или католических миссионеров, находившихся в то время в Китае. Современные авторы объясняют этот факт следующим образом: "Если вспомнить, что момент посылки Лежайского относится к середине 10-х гг. XVIII в., когда в России фактически ещё не было центрального учреждения, ведавшего церковными делами (имеется в виду – Святейший Правительствующий Синод), становится понятным, почему это мероприятие осталось вне поля зрения центра и в фондах центральных учреждений не отразилось. Более того, тобольский митрополит, так же как и сибирский губернатор в гражданских делах, имел огромные права в решении местных церковных вопросов. На то, что вопрос о посылке священника в Пекин мог быть признан в Тобольске местным, указывает практика того времени, когда волей митрополита назначались священники к едущим в Пекин караванам, к посольствам в пограничные районы и деловым посылкам в Ургу и Наун" (160, с. 31). Этим можно объяснить тот факт, что нам известно относительно немного об архим. Иларионе (Лежайском) – главе первой Православной миссии в Пекине. Все работы по истории миссии упоминают лишь основные факты его биографии: Лежайский родился в Чернигове в 1657 г., обучение проходил в Киевской духовной семинарии, был настоятелем Спасского монастыря в Якутске, а затем назначен начальником первой Православной миссии в Китае.

Как ни покажется странным, но до сих пор среди историков не существует единой точки зрения в вопросе о том, когда миссия прибыла в Пекин. Русские архивные источники указывают две даты: 20 апреля 1715 г. и 11 января 1716 г. (160, с. 611-612). Китайские источники дают только год – "54-й год правления Канси", что соответствует периоду с 4 февраля 1715 г. по 23 января 1716 г. Однако везде подчёркивается, что миссия прибыла в Пекин вместе с китайским посольством Тулишеня, возвращающимся из поволжских степей от калмыцкого Аюки-хана. В своих "Записках о чужеземном крае" ("И-юй лу") Тулишень пишет, что он вернулся в столицу в 27-й день 3-го месяца 54-го года правления Канси[173]. Эта дата соответствует 30 апреля 1715

[172] Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. - М.: Наука; Вост. лит., 1977. - С. 358.
[173] См.: Иманиси Сюнцзю. Ко: тю: "И-юй лу": (Исправленное и прокомментированное "И-юй лу"). - Тенри (Япония), 1964. - С. 341.

г. по европейскому календарю, и её мы должны принять за день приезда архим. Илариона и членов его миссии в Пекин.

Как сообщает иеромонах Николай (Адоратский), миссия обеспечена всем необходимым для проведения служб. Более того, на содержание миссии отпущено достаточное количество денег, серебряная посуда, два кафтана и атласная ряса. В Пекине первая миссия принята с особенным вниманием. "Богдыхан зачислил членов её в высшее сословие государства, а именно: архимандрита пожаловал мандарином (т.е. чиновником) 5-й степени, священника с диаконом – мандаринами 7-й степени, а учеников причислил к сословию солдат. Всем членам миссии отведены казённые квартиры подле албазинской церкви и, вероятно, участки земли, а также временное пособие... Сверх того, от трибунала <иностр. дел> определено было производить им ежемесячное жалование..." (170, с. 71-2).

Насколько можно судить по документам, в первое время дела миссии шли довольно успешно. К её членам ежемесячно приезжал посланник китайского императора справиться о здоровье начальника и о нуждах миссии. Архим. Иларион устроил "правильное и стройное богослужение, чем привлекал в православную церковь не только албазинцев, но и других язычествующих жителей Пекина ..." (170, с. 73). Однако вскоре выяснилось, что в миссии не хватает богослужебных книг, а сама жизнь в Китае для её членов представляет значительные трудности. Возможно, для пополнения библиотечного фонда миссии в Россию в 1717 г. были отправлены три члена миссии – Андрей Попов, Феодор Колесников и Иосиф Афанасьев, ни один из них обратно не вернулся. Довольно скоро начались и материальные трудности из-за нерегулярности денежных переводов из России.

Следует сказать, что деятельность членов миссии не ограничивалась работой в русской общине. Одной из задач, поставленных российским императором Петром I перед миссией, был сбор материалов о Китае и помощь в нормализации и поддержании на должном уровне межгосударственных отношений. Безусловно, им пришлось для достижения этой цели активно заняться изучением китайского и маньчжурского языков. Особенно в этом отношении преуспел Иосиф (Осип) Дьяконов, который, выучив маньчжурский язык, служил в китайском Трибунале иностранных дел (Лифаньюане) переводчиком российских грамот, присылаемых в Пекин. Вероятнее всего, он стал первым русским учителем в школе русского языка при Дворцовой канцелярии, открытой в 1725 г.

К сожалению, ни в китайских, ни в русских архивах не сохранилось сведений о личности самого архим. Илариона. Однако в материа-

лах посланника Римского папы в Пекине Маттео Рипы есть любопытные воспоминания о его встречах с начальником Православной миссии и впечатления о её членах: "В Пекине был настоятель и двенадцать священников (sic!), которые были посланы Петром Великим для духовной поддержки русских военнопленных. Поскольку ходило много странных слухов об этих священнослужителях, то я решил лично познакомиться с ними с намерением в дальнейшем написать полный отчёт в Пропаганду <Веры>. Следуя традициям страны, в которой мы находились, я сначала послал настоятелю подарок, а затем стал ждать его самого. Я нашёл его манеры благородными и учтивыми, он был исключительно опрятен в одежде и вещах. Всякий раз, когда он выходил из церкви, на груди его было распятие, а в руках он держал пастораль (имеется в виду – архимандритский посох). Он был схизматик (характерное для католических священников того времени отношение к православным клирикам и мирянам как раскольникам, берущее своё начало со времен XI в.), но при мне он притворялся католиком. Он говорил на латинском достаточно, чтобы его можно было понять, и поскольку он сказал, что один из его священников, который болен, также может говорить на <латинском> языке, то я пошёл навестить его, но единственное, что я мог услышать от него, было intelligit, intelligit. Настоятель сказал, что количество христиан его общины с трудом достигает пятидесяти, и они являлись потомками военнопленных, один из которых ещё жив, но очень стар. Я спросил, правда ли, что он крестил большое количество китайцев. На что он ответил, что крещение ограничилось членами семей военнопленных, и что он не общался с китайцами из-за незнания их языка, и что плачевное состояние его общины требовало всё его внимание... Хотя настоятель был элегантен в одежде, у его подчинённых священнослужителей был потрёпанный и жалкий вид. Я даже видел некоторых из них играющими на улице перед церковью, что для Китая особенно недопустимо и невозможно для хоть немного приличных людей"[174].

Известно, что члены миссии часто предавались пьянству, плохо выполняли свои обязанности, – все эти переживания вконец расстроили здоровье архим. Илариона, особенно после того, как три его подчинённых уехали в Россию. Считается, что он страдал ревматизмом и ездил на горячие источники в 22 верстах от Пекина. Он скончался на обратном пути в Пекин после пребывания на этих источниках.

[174] Memoirs of Father Ripa, during thirteen years' residence at the Court of Peking in the service of the Emperor of China / transl. by F.Prandi. - N. Y., 1846. - P. 102-103.

Различные исторические документы дают разные даты смерти архим. Илариона (Лежайского): в одних указываются 14 октября 1717 г. или 26 апреля 1718 г.[175], в других – 1719 г.[176]. По свидетельствам католических миссионеров, Лежайский был похоронен на русском кладбище к северу от Татарской городской стены, по-видимому, недалеко от могилы Максима Леонтьева – первого русского священника из Албазина. К началу XIX в. от могилы Леонтьева не осталось никаких следов, однако Дунгеон, писавший сразу же после Тяньцзинских событий, докладывал, что нашёл камень с могилы Лежайского, осквернённый китайскими надписями[177]. В настоящий момент на территории бывшего русского кладбища разбит парк и нет никаких сведений о местонахождении этого надгробия, которое, вполне вероятно, разрушено окончательно.

Для нас совершенно неожиданной находкой оказалась информация, обнаруженная в "Сводном каталоге маньчжурских документов, хранящихся в Китае", опубликованном в 1991 г.: в разделе "Эстампы" под № 0401 мы находим название Леласыцзи мубэй, т.е. "Надгробный камень Лежайского". Этот эстамп был снят с камня, установленного на могиле ныне не существующего русского православного кладбища в Пекине. Хранящиеся в Национальной библиотеке в Пекине два листа, каждый размером 173х51 см, являются ныне одними из редких документов на китайском, маньчжурском и церковнославянском языках. На первом листе текст написан на китайском и маньчжурском языках, на втором, отображающем оборотную сторону камня, представлена надпись на церковнославянском языке. Китайский текст слева состоит из трех параллельных строк: Тяньчжуцзяо (в начале XVIII в. термин тянъчжуцзяо, по-видимому, относился к христианской религии в целом. Термин дунчжэнцзяо появился позднее для обозначения православной веры. Русское слово "архимандрит" в обоих текстах транслитерировано (алисиманьдэли/ арисиманьдэри), лишь позднее появится специальный термин сюйшидацыцзи для обозначения этого духовного сана) дашэньфу алисиманьдэли илаливань леласыцзи. Канси ушици нянь ба юэ шици жи – "Христианский священник архимандрит Илаливань Леласыцзи. 17-й день 8-го месяца 57-го года правления Канси" (т.е. 11 сентября 1718 г. по европейскому календарю) (170, с. 106).

Справа от китайской надписи помещены две вертикальные строки на

---

[175] Русско-китайские отношения в XVIII веке. - М., 1990. - Т. 2: 1725-1727 / отв. ред. С.Л. Тихвинский. - С. 561-562.

[176] Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. - Казань: Имп. ун-т, 1882. - С. 84.

[177] Widmer E. The Russian Ecclesiastic mission in Peking during the eighteenth century. - Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 1976. - P. 197.

маньчжурском языке: Тянь цзю гиё да шэнь фу арисиманьдэри илаливань леласги. Элхэ тайфинь и сусай надачи аня чжакунь бяи чжувань дэ гирань синьдам-би – "Христианский священник архимандрит Илаливань Леласги. Тело захоронено 10-го дня 8-го месяца 57-го года Элхэ Тайфинь" (т.е. 3 сентября 1718 г.). Как мы видим, первая строка маньчжурского текста является транслитерацией первой китайской строки, однако немного изменена фамилия погребенного. Странным является несовпадение дней месяца. Более подробную информацию даёт второй эстамп, снятый с оборотной стороны надгробного камня с текстом на церковнославянском языке: "1717го преста//вися раб // Божий священно//архимандрит // Иларион // прозванием // Лежайский ро//дом из Польши // поживе лет // 60 и погребен здесь".

Таким образом, мы можем представить, как выглядел надгробный камень, установленный на могиле архимандрита Илариона (Лежайского) (Илаливань Леласыцзи-Леласги), главы первой Пекинской духовной миссии. Именно эта находка позволяет нам уточнить некоторые даты. В китайском тексте указано число 11 сентября 1718 г., в маньчжурском – 3 сентября 1718 г. В последнем случае добавлены два слова: гирань синьдамби, отсутствующие в китайском тексте и означающие похоронить тело. В силу этого мы вправе предположить, что маньчжурская надпись указывает дату захоронения, а китайская – дату установления надгробия. С другой стороны, церковнославянский текст на оборотной стороне камня чётко указывает год смерти архимандрита как 1717 г., добавляя "когда ему было 60". Поскольку известно, что Лежайский родился в 1657 г., то в 1717 г. ему как раз исполнилось 60 лет. Подводя итог вышесказанному, мы можем устранить некоторые хронологические неточности, встречающиеся в литературе по истории православной миссии в Китае:

1. Днём приезда архим. Илариона и возглавляемой им первой Пекинской духовной миссии в столицу Китая является 30 апреля 1715 г.

2. Находка эстампа с надгробного камня архим. Иллариона позволяет уточнить дату его смерти. Годом его смерти следует считать 1717 г., возможно 14 октября (как указано в одном из русских документов), по дороге с тёплых источников в Туншане недалеко от Пекина[178]. Предание тела земле (или, скорее, освящение могилы) произошло значительно позднее – 3 сентября 1718 г. (что не противоречит китайской обрядовой практике), несколькими днями позже, т.е. 11 сентября 1718 г. на могиле был установлен надгробный камень.

После смерти архим. Илариона (Лежайского) китайское правительство отослало иеродиакона Филимона и Григория Смагина в Россию со-

[178] Pavlovsky M. N. Chinese-Russian relations. - N.Y.: Philos. Library, 1949. - P. 162.

общить Сибирскому ген.-губернатору М.П.Гагарину о кончине главы миссии. Оставшимся четырём членам миссии пришлось испытать на себе все тяготы китайской жизни вплоть до приезда нового состава второй Православной миссии в 1729 г. Именно их непростой и героический труд послужил основой более чем 200-летней деятельности ПДМ в Китае. Т.Пан

Приложение 6

Россия и Китай: становление отношений

"В составе членов миссии за 200-летнее её существование заметны были два направления, или течения, – малороссийское и великорусское... Малороссийское течение преобладало в XVIII столетии" (170, с. 9).

Первая ПДМ (1716-1728 гг.). Архим. Иларион (Лежайский)

Митрополит Иоанн, уроженец Нежина, был питомцем Киевской ДА, как и его предшественник – митрополит Филофей. За недолгие годы пребывания на Тобольской кафедре владыки Иоанна в Китае произошло знаменательное событие: император Шен-Цзу (иначе Канси) (1662-1722) разрешил прислать в Пекин духовную миссию для окормления казаков-албазинцев и их потомков. Узнав об этом, Пётр I повелел митрополиту Иоанну "избрать достойнейших людей для служения в царстве Китайском" – архимандрита, священника и диакона.

Но в 1715 г. митрополит Иоанн (Максимович) скончался, и владыка Филофей (Лещинский) (в схиме Феодор) снова занял Тобольскую кафедру, на которой оставался до 1720 года. (Уволенный потом на покой, он не прекращал миссионерской деятельности вплоть до своей кончины (+1727 г.), обратив в христианство более 40 тысяч "инородцев" (119, с. 2248). Своей неутомимой деятельностью он по праву заслужил титул "апостола Сибири"). Пётр I просил Тобольского архиерея подыскать на должность начальника миссии человека "разумного и покладного". Выбор пал на архим. Илариона (Лежайского), хорошо известного обоим тобольским владыкам – Филофею и Иоанну.

Украинец, родом из Чернигова, воспитанник Киевской ДА, о. Иларион был в штате владыки Иоанна (Максимовича) ещё в его бытность архиепископом Черниговским (1697-1712). Около 1706 г. он переехал в Тобольск в свите митрополита Филофея, когда тот возвращался в Сибирь после путешествия в Москву по делам митрополии. В 1707 г. о. Иларион был послан владыкой Филофеем, в сане иеромонаха, в Пекин к албазинцам. После возвращения из Китая о. Иларион в 1709 г. возведён в сан архимандрита и

стал наместником Якутского Спасского монастыря, а также управителем Киренского и Климского острогов с уездами[179].

В должности начальника Пекинской миссии архимандрит Иларион был утверждён в конце 1718 года. В состав миссии вошли также священник, диакон и семь учеников, взятых для изучения китайского и маньчжурского языков с тем, чтобы потом заниматься переводом грамот, получаемых из России.

Миссия, снабженная иконами, написанными в Киеве, церковной утварью и богослужебными книгами, прибыла в Пекин в конце 1715 или в начале 1716 года. "Она принята была здесь с особым почётом, – отмечал один из отечественных историков. – Богдыхан Канси зачислил членов миссии в высшие сословия. Архимандрита возвёл в мандарины 5-й степени, священника и диакона в мандарины 7-й степени, а учеников причислил к военному сословию, дабы они могли получать соответствующее казённое содержание" (165, с. 3.).

В те годы Пётр I не случайно отдавал предпочтение украинцам в церковной сфере и, конкретно, в устройстве Пекинской миссии. По словам историографа Пекинской миссии иеромонаха Николая (Адоратского), "для выполнения такой важной задачи, взор русского государя обратился от севера на юг – к устойчивым натурам малороссов, закалившихся в своей борьбе с католичеством и владевших тогда относительно большим просвещением" (170, с. 58). Вот ещё несколько слов того же автора: малороссы, "обладая в то время большим сравнительно просвещением, вместе с тем, умели ладить с католиками, что представлялось ему (Петру I – авт.) важным условием для успеха их миссионерской деятельности в Китае, где "езуиты имели гнездо от многих времён"[180].

О деятельности I Пекинской миссии сохранилось мало сведений. Известно, что помимо богослужебных послушаний члены миссии занимались и проповеднической деятельностью. Так, например, в Пекине из числа обращённых в православие был китаец, служивший при албазинской церкви "во псалмочтении" (165, с. 19). Архим. Илариону было суждено недолго прожить в Китае. Непривычный климат и тяжёлые условия жизни сокращали годы многих членов миссии. 26 апреля 1718 г. о. Иларион скончался. Как отмечал историограф Пекинской миссии архим. Софроний (Грибовский) (начальник VIII миссии), "Иларион жил в Пейдзине (Пекине – авт.) 9 месяцев с половиною. Ки-

[179] Мелетий, епископ Рязанский и Зарайский. Православие и устройство церковных дел в Даурии (Забайкалье), Монголии и Китае в XVII и XVIII столетиях. - Рязань, 1901. - С. 95.
[180] Цит. по кн.: Кюнер Н.В. Новейшая история стран Дальнего Востока. Ч. 2, вып. 3. Сношения с Россией. Приложение: "История Пекинской Духовной миссии". - Владивосток, 1910. - С. 68-69.

тайской 9-й луны 17-го дня скончался... Погребён между Аньдынмыньскими и Туньджеумыньскими воротами"[181].

Многие православные миссионеры были похоронены потом в Пекине. Вот что сообщалось о состоянии захоронений в 1807 году, когда произошла смена состава VIII Пекинской миссии: "Кладбище прикащищье (за городом) на пригорке не было ограждено, на нём имелись кресты. В полуверсте оттуда подле дороги находилась могила архимандрита Иллариона (Лежайского). Ограды не было. Ещё далее в версте лежало российское кладбище, обнесённое оградою, с приличными памятниками" (165, с. 77). Впоследствии, в 1876 г., архимандрит Палладий (Кафаров), начальник XV миссии, распорядился перенести прах о. Иллариона на общее православное кладбище (170, с. 73).

После кончины о. Иллариона состав миссии намного уменьшился: 4 ученика уехали из Китая на родину, а в Пекине остался один священник с причтом из 3 человек[182]. Тем не менее, среди албазинцев долго сохранялась добрая память о первом начальнике Пекинской миссии; "архимандрит Иларион до самой кончины, последовавшей в 1718 году, пользовался особой любовью со стороны своей паствы за ревностное исполнение своих пастырских обязанностей, – отмечал один из исследователей. – Он заслужил расположение и самого богдыхана, ежемесячно справлявшегося о его здоровье и о нуждах миссии" (165, с. 3).

Попытка учреждения Пекинской епископии

Епископ Иннокентий (Кульчицкий)

К 1721 году относится попытка учреждения Пекинской епископии, т.е. повышения статуса Пекинской Духовной миссии. В связи с чем возник этот проект? По сообщению члена IV миссии иеромонаха Феодосия (Сморжевского) и начальника VIII миссии архим. Софрония (Грибовского), поводом к этому намерению послужила молва, обнародованная вернувшимся из Пекина иеродиаконом Филимоном. Он сообщал, что китайский император Канси якобы намерен принять крещение и притом по обряду Греко-Российской Церкви (166, с. 77).

Следует отметить, что эта молва не соответствовала реальности. Действительно, император Канси был благосклонен к христианам, но до принятия им православия было далеко[183]. Однако Пётр I повелел

[181] Софроний (Грибовский), архимандрит. Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине // Материалы для истории Российской Духовной миссии в Пекине. - СПб., 1905. - Вып. 1. - С. 16.
[182] Коростовец И. Русская Духовная миссия в Пекине // Русский архив. - 1893. - Кн. 3. - С. 59.
[183] Архангелов С.А. Наши заграничные миссии. - СПб., 1899. - С. 20.

направить "определённого в хинское государство" иеромонаха Иннокентия (Кульчицкого) по возведении его во епископа. Таким образом, выбор снова пал на малоросса, питомца Киевской Духовной Академии.

До своего назначения в "хинское государство" о. Иннокентий занимал должность флотского обер-иеромонаха, проживая в Петербургском Александро-Невском монастыре. А так как по морскому уставу, составленному самим Петром I, на обер-иеромонахе лежала обязанность в течение недели посетить каждый корабль, то можно предположить, что о. Иннокентий был хорошо известен царю.

В марте 1721 г. о. Иннокентий был возведён во епископа Переяславского. 19 апреля того же года владыка Иннокентий со свитой выехал из Петербурга в Иркутск, где должен был ожидать дальнейших распоряжений. Но дело об его отправке в Пекин затянулось; 6 октября 1722 г. он писал в Св. Синод: "Лисы язвины имут на опочинок, я же по сие время не имам где главы приклонити: скитаюся бо со двора во двор и из дому в дом преходящи"[184].

Главным препятствием на пути владыки Иннокентия в Китай стал, как ни странно, его высокий епископский сан. По этому поводу российский посланник сообщал в Петербург о том, что епископа Иннокентия (Кульчицкого) в Китай без указа ханского не пропустили, т.к. "при дворе китайском персона ево, епископа, в великом градусе почитается: понеже он из Сибири писан "великим господином", из чего китайцы взяли ауспицию, что будто он "превеликая особа", добавляя при этом, что "архимандрит и священники в Пекине приняты будут, а епископ никогда не допустится" (184, с. 206).

Дело безнадежно затягивалось; в 1722 г. умер император Канси, а в 1725 г. – всероссийский император Пётр I. Начался новый период в жизни Пекинской миссии и в её отношениях с китайским правительством, которое возглавил император Юн-Чжен. Возникла необходимость подыскать замену владыке Иннокентию, и 4 августа 1725 г. Св. Синод предписал: "Ежели препятствия никакого со стороны китайской не воспоследует… ехать туда (в Пекин) обретающемуся в Сибирской губернии, в Иркутском монастыре, Иннокентию, епископу Переяславскому. А ежели св. архиерея туда не допустят, то ехать оного Иркутского монастыря архимандриту Антонию Платковскому" (165, с. 27). В Китай владыка Иннокентий поехать так и не смог. В 1727 г. он стал правящим архиереем Иркутской епархии и возглавлял её вплоть до своей кончины, которая последовала в 1731 г. Его нетленные мощи были обретены в 1804 г. и

[184] Савваитов П.И. Неудавшееся посольство русского православного епископа в Китай // Странник. - 1873. - Т. 4, ч. 1, отд. 2. - С. 192. - Письмо из Селенгинска.

прославлены многими чудесами. Он был причислен к лику святых, став "небесным покровителем Православной миссии в Китае" Августин (Никитин) (165, с. 29).

Вторая ПДМ (1729-1735)

Начальник – Антоний (Платковский), архим. (ум. 1746). Иеромонахи – Иван (Филимонов), Лаврентий (Уваров), Иосаф/Иосиф (Ивановский) (ум. 1747, Пекин). Ученики – Илларион Россохин (ум. 1761), Герасим Шульгин (ум. 1736, Пекин), Михаил Пономарев (ум. 1738, Пекин), Алексей Владыкин (с 1732 г.), Иван Быков (с 1732 г.).

И только в 1729 году в Китай прибудет новая миссия. Возглавил её архим. Антоний Платковский. В посольском подворье разрешалось жить одному священнику, служившему в церкви Сретения Господня. В 1730 году Никольская часовня до основания разрушена землетрясением, "но вскоре вновь построена и освящена начальником миссии, архим. Антонием Платковским, во имя Успения Богоматери 5 августа 1732 года" (120, с. 248). Она имела форму буддийской кумирни, называлась северным храмом (бэй-тан) и была около 40 футов длины и 15 футов ширины, четвёртую часть её занимала колокольня с 3 колоколами и 2 медными тазами".

Архим. Антоний (в миру Андрей Германович Платковский; 1682 (?) – 15 (26) июля 1746, Переславль-Залесский) – архимандрит Переславского Данилова монастыря, глава Пекинской духовной миссии, один из первых китаеведов России.

"Сын казака, ставшего священником в Киеве. В 1701-10 годы учился в киевских школах. После переезда в 1710 году в Москву к родной тётке Екатерине Борзаковской (монахине, жившей в доме царевны Екатерины Алексеевны) в связи с болезнью в 1712 году был пострижен в монашество с именем Антоний. В 1719 году взят тобольским митрополитом в архидиаконы. Вскоре Антоний возведён в сан архимандрита Иркутского Вознесенского монастыря. В 1721 году им была открыта при монастыре школа, в которой он учил детей монгольскому языку. Антоний первый ознакомил Восточную Сибирь с методическим образованием юношества, открыв в Иркутском монастыре монгольскую школу; составил устав школы, собрал учеников, нашёл учителя и устроил помещение. Изгнал питейные заведения с монастырских земель.

В 1727 году назначен начальником пекинской духовной миссии. Отправившись туда со своими учениками, Антоний вернулся вместе с ними из Селенгинска назад вследствие возникших раздоров. В 1729

году состоялась вторая поездка Антония в Пекин, и на этот раз он прожил там пять лет. В Пекине он продолжал дело обучения детей и хлопотал о печатании лексикона на русском, латинском, китайском и маньчжурском языках; заботился о благоустройстве церкви на посольском дворе, расширил помещения для русских и устроил новый двор для новокрещённых.

6-го ноября 1734 г. он был возвращён в Россию, по доносам в разорении иркутских монастырей и растрате денег, отпущенных на постройку церкви в Пекине. Долго тянулся суд, окончившийся 9-го января 1741 г. таким определением: "Антония следовало бы лишить архимандритского, иеромонашеского и монашеского сана, имение его конфисковать и сослать на неисходное жительство в монастырь, но, по милостивому манифесту 23-го октября 1740 г., вины его отпустить, за воровские же проступки архимандричества и иеромонашества лишить и быть ему простым монахом, с дозволением жить в Троице-Сергиевой лавре".

В 1742 года Антоний был назначен казначеем лавры и представлен Императрице, а в 1744 года снова возведён в сан архимандрита Переславского Данилова монастыря, где и жил до самой кончины".

II Пекинская миссия (1729-1735). Архим. Антоний (Платковский)

Поиск кандидата в сане архимандрита на должность начальника II Пекинской миссии начат был в 1719 году. Получив известие о кончине архим. Илариона (+1718), митрополит Тобольский Феодор (Филофей), снова управляющий в то время Сибирской епархией, писал письмо Тобольскому губернатору кн. Гагарину (4 апреля 1719 г.): "Ваше сиятельство, приимеши по Бозе ревность, с преосвященным Стефаном (Яворским) посоветовав, доложите Его Царскому Величеству и, избрав доброго и мудрого человека, туда, в царство Китайское, пошлете незамедля" (166, с. 76).

Уроженец села Явора на Украине, владыка Стефан был воспитанником Киево-Могилянской Академии. По желанию Петра I он был назначен митрополитом рязанским, а после смерти патриарха Адриана (+1700) – местоблюстителем патриаршего престола. Так что вопрос о назначении начальника II Пекинской миссии был согласован с высшей церковной иерархией, после чего, по указанию митрополита Феодора (Филофея) (Лещинского), архимандрит Антоний (Платковский) был избран в качестве кандидата на поездку в Китай.

Но как раз в это время возник проект об учреждении епископии в Пекине, и владыка Иннокентий (Кульчицкий) невольно отодвинул о. Антония на второй план. Тем не менее архимандрит Антоний был отправлен в Пекин с чрезвычайным посланником Измайловым и нахо-

дился там до 1721 года. По возвращении из Китая о. Антоний дал такой отзыв о православных албазинцах, живших в Пекине: "В церковь Божию ходят и св. таинства и требы церковные соблюдают... Священнический чин в почтении имеют. Суеверию же не точию сами не прилепляются, но жён своих, в язычестве сущих, к благочестию христианскому обращают" (170, с. 83).

Вернувшись в Иркутск, о. Антоний в 1725 г. учредил школу при Вознесенском монастыре, где сам обучал монгольскому языку детей из семей духовенства. (В числе нескольких мальчиков в эту школу был принят Иларион Россохин, будущий китаевед, член II Пекинской миссии.) (Об Иларионе Россохине см. подробнее в кн.: Таранович В.П. Иларион Россохин и его труды по китаеведению // Советское востоковедение. – 1945. – Вып. 3. – С. 225-241.)

Пока тянулось "дело" епископа Иннокентия (Кульчицкого), вакансия начальника Пекинской миссии оставалась свободной, что наносило ущерб миссионерскому делу. Тем временем шла переписка, и в эту проблему был вовлечен уполномоченный российский посланник граф Савва Владиславович (Рагузинский), отправленный Екатериной I в Китай для определения границ между обоими государствами. Он был заинтересован в разрешении этого запутанного дела, и по его ходатайству 30 декабря 1726 г. был издан указ Св. Синода, в котором, в частности, говорилось следующее: " И ежели вместо ево, епископа Иннокентия, за дальностью, из Санкт-Петербурха послать иную духовную особу трудно, то представляет он, граф Владиславович, Вознесенского архимандрита Антония, который при Иркутском живет, и учит несколько детей языку мунгальскому, и бывал в Пекине, и человек трезв и не без ума" (184, с. 206-207).

Наконец, распоряжением Тобольского митрополита Антония (Стаховского) (1721-1740) и епископа Иркутского Иннокентия (Кульчицкого) был определён состав II Пекинской миссии. 18 января 1727 г. последовал очередной указ Св. Синода; начальником миссии был утверждён архимандрит Антоний (Платковский); в число членов миссии был включён иеромонах Иларион (Трус или Трусов) (впоследствии – начальник III Пекинской миссии) (165, с. 31). Св. Синод определил: "Помянутого иркуцкого Вознесенского монастыря архимандрита Антония Платковского и при нём церковных служителей и обучающихся мунгальского языка учеников отправление учинить преосвященному Антонию, митрополиту Тобольскому и Сибирскому" (170, с. 111).

В свою очередь, митрополит Антоний просил преосвященного Иннокентия Иркутского содействовать отправлению миссии, причём

было оговорено множество любопытных подробностей предстоящего путешествия. Например: "О подводах так лучше может быти: дать казённых монастырских коней, только б также не с преизлишеством, чтоб было на чём подняться, которых коней, доехав до Пекина, должен он, архимандрит, возвратить, или, продавши их, а цену за них в монастырь прислать"[185].

В 1728 г. был заключён Кяхтинский договор Китая с Россией, определивший границу и упорядочивший торговые отношения между обеими странами. На основании этого трактата подтверждалось также право пребывания в Пекине православных священников из России, которым китайское правительство, по примеру прошлых лет, обязалось выдавать денежное содержание. По статье 5-й трактата, подворье, переданное членам миссии, должно было и впредь находиться в их распоряжении.

"В этом подворье будет жить один лама (священник), ныне живущий в Пекине, и другие ламы, которые имеют прибыть. Русским не будет препятствий молиться и почитать своего Бога по своему закону" (182, с. 60) – таковы были гарантии со стороны китайских властей. К этому времени в Пекине "в обретающемся для россиян доме построена богдыханским иждивением преизрядная каменная церковь" (165, с. 5). Кроме того, в Пекине ещё была старая албазинская церковь, разрушенная до основания землетрясением в 1730 году и вновь отстроенная албазинцами.

II миссия во главе с архимандритом Антонием прибыла в Пекин 16 июля 1729 года; в её составе были священник, диакон и 6 учеников. Храм, вновь отстроенный албазинцами после землетрясения, в 1732 г. был освящён заново, но уже не в честь Софии Премудрости Божией, а во имя Успения Божией Матери. (В этот день, 15 августа (ст. стиль) празднуется не только Успение Богородицы, но и воздаётся поклонение чтимой иконе Успения Киево-Печерской (1073 г.), а также иконе Софии Премудрости Божией).

В эти годы в Пекине насчитывалось до 50 албазинских дворов (165, с. 5); православная проповедь велась не только среди них, но и среди китайцев, что явствует из донесения архимандрита Антония от 25 марта 1731 г. Начальник миссии сообщал в Св. Синод о том, что 9 китайцев приняли православие, а всех крещёных китайцев мужского пола было 25 человек, и ещё 8 готовились ко крещению (165, с. 33). О дальнейших миссионерских планах о. Антония можно судить на основании того, что он просил прислать в Пекин 500 нательных крестиков (165, с. 33).

---

[185] Николай (Адоратский), иером. Православная Миссия в Китае за 200 лет ея существования: Опыт церковно-исторического исследования по архивным документам. - Казань, 1887. - Вып. 1: История Пекинской Духовной миссии в первый период ее деятельности (1685-1745). - С. 112.

В Пекине о. Антоний хлопотал о печатании лексикона на русском, латинском, китайском и маньчжурском языках (см.: 169, с. 133), заботился о благоукрашении церкви на посольском дворе[186]. Но в последующие годы начальник II миссии стал "выказывать строптивость", вступив в конфликт с некоторыми членами миссии. Архим. Антонию не приходилось выбирать подчинённых, и он, как начальник миссии, должен был нести ответственность за их проступки. Так, например, по сообщению историка, "20 сентября 1730 г. иеродиакон Иоасаф, как мандарин 7-й степени, навеселе забрался в богдыханский дворец, нашумел там в палатах и был обвинен даже в том, что перебил министров, за что отделался суточным только арестом" (170, с. 138).

Ухудшились отношения о. Антония и с представителями российского государства, находившимися в Пекине. По доносу, его обвинили в растрате денег, отпущенных на постройку церкви в Пекине (РБС. – Т. 2. – С. 222). А 6 ноября 1734 г. Св. Синод определил: "Архимандрита и его товарищей (кроме Иоасафа), взяв из Китая, заменить более благонадёжными" (170, с. 139). В том же 1734 г. о. Антоний был вывезен в Петербург – в цепях и под стражей.

В столице о. Антоний был судим, лишён сана и послан под надзор в число братии Троице-Сергиевой лавры. В таком положении он находился здесь несколько лет. Императрица Елизавета Петровна, посетившая лавру в 1742 году, обратила на него особое внимание и спросила у наместника обители – архим.Амвросия (Дубиневича) о поведении опального насельника. Получив о нём хороший отзыв, императрица повелела возвратить ему прежний сан. В 1744 г. по её воле он был снова возведён в сан архимандрита и назначен настоятелем Переяславль-Залесского Данилова монастыря, где и пребывал вплоть до своей кончины (+15 июля 1746 г.) (165, с. 35-36).

"Для Второй миссии было отведено весьма почётное место в центре Пекина на посольском дворе, вблизи от императорского города, правительственных канцелярий и торговых улиц. Прежде здесь останавливались вассальные князья, прибывавшие ко двору. С прибытием российской миссии посольский двор стали называть Наньгуань (Южное подворье) в отличие от Бэйгуань (Северного подворья), где жили албазинцы. На средства, выделенные цинским правительством, на Южном подворье поставили каменный храм во имя Сретения Господня и перенесли в него икону Святого Николая. Церковь обслуживала духовные нужды членов торговых караванов, регулярно прибывавших в Пекин. Храм возводили

[186] Русский биографический словарь. - СПб., 1900. - Т. 2. - С. 223. - Русский биографический словарь - далее - РБС.

китайцы по своей традиционной строительной технологии, он оказался на удивление прочным и устоял даже в страшное землетрясение 1730 года, когда только в Пекине погибло около 75 тысяч человек, а в числе многих других зданий разрушилась и первая часовня албазинцев. Позднее на её месте поставили церковь во имя Успения Богоматери.

Русские миссионеры в отличие от католических не занимались распространением православия среди китайцев и маньчжуров, тем более не участвовали в придворных интригах. Миссия ограничивалась лишь поддержанием веры среди албазинцев, выполняла дипломатические поручения российского правительства, давала пристанище и оказывала помощь русским торговым караванам, её ученики изучали китайский и маньчжурский языки. В силу перечисленных особенностей цинские власти относились к ней лояльно. Православная миссия избежала гонений, предпринятых цинскими властями против христиан" (Википедия).

Приложение 7

"История появления в Китае в начале XVIII в. Российской духовной миссии связана с уникальными обстоятельствами, не похожими на события, окружавшие приход в страну католических или протестантских миссий. Это было "своеобразное учреждение, возникшее в силу исторических случайностей"[187], связанных с пленением цинскими войсками в 1685 г. сотни русских защитников крепости Албазин. Позднейшее попечение российских властей об албазинцах определило главное отличие деятельности православной миссии от миссий из западных стран – на первое место была поставлена задача сохранения веры среди небольшой общины потомков этнических русских, а не проповеди среди китайцев. Содержание миссионерского послания прибывавших на китайскую землю православных и западных священнослужителей также содержало важное отличие.

Католические и протестантские миссионеры должны были убеждать китайцев принять новую для них религию и требовать от них отречения от "суеверий", унаследованных от предков. Православные священники были призваны напоминать албазинцам о необходимости свято хранить христианскую веру предков, одновременно отвращая их от погружения в мир китайской религиозной жизни. Такое узкое определение задачи православной миссии избавляло священников от необходимости полемики с носителями китайской традиции для доказательства им превосходства христианской веры. Однако задача предотвращения "китаизации" албазинцев сходным образом заставляла православных служителей миссии

[187] Веселовский Н.И. Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине. - СПб., 1905. - С. 1.

осмысливать окружавшую их реальность в понятиях "суеверия" и "идолопоклонства", что сближало их оценки с оценками инославных проповедников.

В конце XVIII в. глава Миссии архим. Софроний (Грибовский) сетовал на то, что "дикообразные албазинцы, отстав от своего священника, совершенно следовали своих жён наставлениям и потому стали во всей точности соблюдать китайские обряды, подражая китайцам не только в обычаях, но и в вере ... и потому их дети по руководству своих матерей остались совершенными идолопоклонниками" (186, с. 10). Критика членов русской общины и их потомков за чрезмерную податливость давлению китайских нравов сформировала среди православных священников устойчивый образ нуждающегося в духовном окормлении падшего албазинца: "Нерасчётливый, занятый собой и своим благородством, грубый, необразованный, суеверный, вероломный, лукавый, не знающий, чем избавиться от тяготевших над ним свободного времени и несносной скуки, постоянно слонявшийся по улицам, гостиницам и театрам, куривший подчас опиум, пускавшийся в азартную игру и другие преступные развлечения, больной душой и телом, он скоро очутился в неоплатных долгах у столичных ростовщиков, став в конце концов притчей во языцех" (165, с. 13).

Частые на протяжении XVIII в. неустройства внутри миссии и разногласия среди прибывших из России священников уменьшали эффективность их работы среди албазинцев. Количество крещёных китайцев исчислялось единицами, это были прежде всего местные работники при миссии, желавшие таким образом попрочнее закрепиться на службе"[188].

Третья ПДМ (1736-1743)

Начальник – Иларион (Трусов), архим. (ум. 1741, Пекин). Иеромонахи – Лаврентий (Уваров), Антоний (Льховский), Лаврентий (Бобровников) (ум. 1745, Пекин). Иеродиакон – Иосаф/Иосиф (Ивановский). Причетники – Пётр Иовлев, Пётр Каменский, Яков Иванов (курилец) (ум. 1738, Пекин), Михаил Иванов, Иван Шихарев (ум. 1739, Пекин). Ученики (с 1743 г., они же входили в четвертую духовную миссию) – Алексей Леонтьев (1716-1786), Андрей Канаев (1722 – 1752, Пекин), Никита Чеканов (ум. 1752, Пекин). Пристав – Герасим Лебратовский.

Вскоре после низложения архим. Антония (Платковского) архиепископ Новгородский Феофан (Прокопович) (1725-1736) (Феофан Проко-

[188] Ломанов А. Христианство и китайская культура. - М.: Вост. лит., 2002. - С. 311-312.

пович родился в 1681 г. в Киеве; окончил Киево-Могилянскую Академию) представил императрице Елизавете Петровне доклад, в котором сообщалось о случившемся. 9 сентября 1734 г. государыня повелела назначить начальником Пекинской миссии иеромонаха Илариона (Труса), который в то время, по возвращении из Китая, находился в Петербурге. По происхождению он был украинец, 12 лет служил на Камчатке в звании корабельного иеромонаха, а потом состоял при Тобольском архиерейском доме. По возведении во архимандрита, 14 сентября 1734 г. он назначен настоятелем Иркутского Спасо-Преображенского монастыря и "наказным" архим. Пекинского Сретенского монастыря (165, с. 37).

Перед отправкой в Китай о. Илариону дана синодальная инструкция (от 31 декабря 1734 г., № 1983) относительно его задач в должности начальника миссии. Это была первая инструкция такого рода в истории Пекинской миссии; она состояла из 11 пунктов и была озаглавлена: "О должности и действе архимандрита в содержании себя и прочих ему подручных и вообще в управлении" (165, с.39. Текст инструкции опубликован в кн.: 185, с.149-154). Основное внимание в инструкции обращалось на утверждение в вере паствы (албазинцев); кроме того разрешалось "благорассмотрительно призывать к благочестию и китайцев" (165, с.5).

10 ноября 1736 г. караван с членами III миссии прибыл в Пекин. Это был год начала долгого правления китайского императора Цянь-луна (1736-1796). Архим. Иларион приступил к своим обязанностям начальника миссии, и в том же 1736 году он освятил храм, построенный за несколько лет до этого "богдыханским иждивением". Церковь была освящена в честь Сретения Господня, чтобы престольный праздник (2 февраля ст. ст.) был бы по времени близок к китайскому Новому году (165, с. 33). В храм были переданы иконы, доставленные в Пекин ещё II миссией. Как сообщал впоследствии архим. Софроний (Грибовский), "иконы, привезённые из Тобольска, из коих некоторые написаны были в Киеве, а прочие писали крещёные иезуитами китайцы в Пейдзине" (181, с. 19). (Ранее об этом же писал член IV миссии о. Феодосий (Сморжевский): "Иконы местные из Тобольска привезены, а писаны в Киеве" (Сибирский вестник. – 1823. – Ч. 4. – С. 74).

В 1737 году русское правительство уже настояло на отмене правила зачисления миссионеров на китайскую службу. Но дальнейшая судьба начальника III миссии сложилась так же неблагополучно, как и его предшественника. Правда, причина была иная; о ней впоследствии поведал начальник VIII Пекинской миссии архимандрит Софроний (Грибовский). Вот его горькие слова: "По причине безвременного излишнего в Пейдзине уединения, бесстрашия и необузданности подчинённых, архимандритам

приключается скука, а от скуки рождается великая задумчивость, от коей принуждены они много пить вина, которого излишнее употребление, хотя и в России причиняет немалые болезни и прекращает много пиющего жизнь; но в Пейдзине таковые пагубные следствия предавшемуся излишнему питию вина гораздо скорее случаются, ибо китайское вино российского гораздо вреднее, почему оного по здешнему климату гораздо должно меньше, нежели в России употреблять" (181, с. 22).

Такова теория, объяснявшая причины "чрезмерного усердия к напиткам". А в отношении начальника III миссии далее сообщается, что "архим. Иларион от вышеописанных обстоятельств стал очень много пить вина" (181, с.22). Впрочем, такова была тогда атмосфера пребывания в Пекине. Это видно из предписания ученикам, находившимся при миссии; им наказывалось, чтоб они "живучи в Пекине, не пьянствовали и без учения в праздности дней своих не теряли и никаких бесчиний не делали, а к архимандриту были послушны без всякого прекословия" (185, с.147). А 8-й параграф инструкции, врученной о. Илариону перед отъездом в Китай, гласит: "Иеромонахам и иеродиакону к имеющимся тамо российского народа людем на пиршества отнюдь не ходить и от того весьма их воздерживать, аще ли же по необходимости как у кого быть и случится, то б отнюдь никогда пьяни не были и для того б от хмельных напитков крайнее имели воздержание, воплю, драк, кощунств, безчинств между собою и никем отнюдь же не чинили и тем нарекания и безславия российскому народу не наносили; когда же случится выдти кому в град, то б по улицам трактовали чинно и благообразно, не зазираясь семо и овамо, и без причины не останавливаяся" (185, с.153). "Винная слабость", в конечном счёте, и свела в могилу начальника III миссии.

Архим. Иларион умер 22 апреля 1741 г. и был погребён на русском кладбище в Пекине (165, с.42). Здоровье членов III миссии ухудшалось по разным причинам; так, в прошении иеромонаха Лаврентия об увольнении его из миссии и возвращении в Россию, он жаловался на то, что "от тяжёлого пекинского воздуха впал в немалые болезни и пришёл в беспамятство, отчего стал головою весьма худ" (185, с.159). С приездом в Пекин членов очередной, IV миссии, в её истории был открыта новая страниц" ("Миссионерское обозрение", 2001, № 6).

Приложение 8

Иеромонах Иоанн (Лудищев). Заметки об игумене Лаврентии (Уварове), настоятеле Сретенского монастыря (1744-1757)

"В описании документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, посвящённых Пекинской миссии, в деле № 213 за 1744 год говорится об одном из её членов – иеромонахе Лав-

рентии (Уварове), который 18 марта 1744 года архиепископом Иосифом произведён был в игумены московского Сретенского монастыря"[189].

В материалах архим. Филарета (Петухова) сохранилась составленная им записка, посвящённая историческому обзору пекинских миссий, в которой он писал: "Архим. Антоний (Платковский) (Начальник 2-й духовной миссии в Пекине (1729-1735).), наскучив неприятным для себя пребыванием в Пекине, просил о замене себя и прочих церковно-священнослужителей. Тогда в 1732 г. посланы из Москвы к этой миссии: Чудова монастыря иеромонах Лаврентий (Уваров), иеродиакон Виктор и другой иеромонах из Москвы же Златоустова монастыря Антоний (Лыговский) и четыре церковника. Все они прибыли в Иркутск в 1733 г., а в следующем 1734 г. отправились в Китай, но не были приняты и остались в России. На место архим. Антония 14 сентября 1734 г. ("9 сентября 1734 г. её императорское величество, именным своим указом повелела бывшего при сибирском караване в Пекине тобольского архиерейского дома иеромонаха Иллариона (Трусова) произвести во архимандрита во обретающийся в Иркутской епархии Посольской, что за морем Байкалом, Преображенский монастырь, и отныне быть в том монастыре архимандрии и, по посвящении, отправить его в оный монастырь, а из него в Китайское государство, вместо тамо обретающегося ныне оного архим. Платковского"[190].

В С.-Петербурге был посвящён в архимандрита Илларион (Трусов), бывший прежде того в Китае при архим. Антонии. Архим. Илларион прибыл в Иркутск в 1735 г., а из него с вышеупомянутыми иеромонахами прибыл в 1736 г. в Пекин"[191]. Руководимые архим. Иллариоином (Трусовым), по прибытии в Пекин они должны были освятить новопостроеннную церковь в честь Сретения Господня, "егда она иконостасом и прочим подобающим благолепием совершенно совсем убрана будет" (190, с. 311-312). Освящение храма было совершено 20 декабря 1736 г., во имя Сретения Господня, и при ней был основан Сретенский монастырь.

Архим. Илларион (Трусов) также поручил иеромонаху Лаврентию смотреть за воротами на посольском дворе, чтобы в неположенные часы никто не выходил (190, СПб., 1907, т. 2: 1744-1745 гг., № 543, с. 19). Затем иеромонах Лаврентий служил в старой Никольской церкви города

---

[189] Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. - СПб., 1911. - Т. 23, дело № 213/1744 г. - С. 305-312.

[190] См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедения Российской империи. - СПб., 1898. - Т. 8: 1733-1734 гг. - № 2839. - С. 306.

[191] Две могилы в Покровском миссионерском монастыре в Москве: Ист.-биогр. очерки священноархимандритов о. Филарета и о. Вениамина / сост. Н. Бочаров. - М., 1889. - С. 144-145.

Пекина, освященной ещё в 1696 г. для пленных албазинцев, а иеромонах Антоний (Льховский) состоял при посольской церкви[192].

В 1740 г. между участниками Пекинской миссии возникли настроения, в которых оговаривались некоторые члены миссии, в том числе иеромонах Лаврентий (Уваров), на которого был составлен донос. Это дело рассматривалось Святейшим Синодом вплоть до 1744 г. Следствием чего явилась и болезнь иеромонаха Лаврентия. 7 июля 1740 г. он послал прошение в Синод об увольнении его по болезни от занимаемой должности и о возвращении в Россию. В своём прошении Лаврентий жаловался, что "от тяжёлого пекинского воздуха впал в немалые болезни и пришёл в беспамятство, отчего стал головою весьма худ". Протоколом Святейшего Синода от 23 февраля 1741 г. (дело № 99) было постановлено "отпустить его в Россию и быть ему в послушании у Иркутского епископа, а потом, если захочет, ехать в Москву на своём коште" (192). Так заболевшего иеромонаха Лаврентия (Уварова) вывезли из Пекина в Иркутск, а затем он возвратился в Москву". (Сайт "Православие.ru".)

Четвёртая ПДМ (1744-1755)

Начальник – Гервасий (Ленцовский), архим. (ум. 1769). Иеромонахи – Иоиль (Врублевский), Феодосий (Сморжевский) (ум. 1758), Иосаф/Иосиф (Ивановский) (ум. 1747, Пекин). Причетники – Созонт Карпов, Кирилл Бельский, Кирилл Семёнов, Алексей Смольницкий. Ученики – Ефим Сахновский.

"Линцевский Гервасий, по месту рождения киевлянин, а по происхождению сын священника. По окончании курса в Киевской Академии, Линцевский принял монашеский постриг в Михайловском монастыре. Но тотчас же был вызван оттуда к учительской должности и довольно долго преподавал в Академии синтаксиму и поэзию. Семь лет после этого он был наместником Михайловского монастыря, а в 1742 г. произведён в архимандриты с пожалованием ему наперсного креста и отправлен в Пекин настоятелем миссии. Линцевский прибыл в Китай 27 ноября 1745 г.; 10 лет оставался он там и, заслужив уважение от самих китайцев, возвратился в отечество, где "за труды свои и добропорядочную жизнь", по имянному указу, рукоположен 1757 г. в епископа переяславского; но спустя несколько лет был отрешён от епархии и послан на пребывание в монастырь, где 22 декабря 1769 г. и скончался"[193].

---

[192] Николай (Адоратский), иером. История ПДМ в первый период её деятельности (1685-1745) // История Российской духовной миссии в Китае: сб. ст. - М., 1997. - С. 158.

[193] См.: История Российской иерархии. - М., 1807. - Ч. 1. - С. 211; М., 1810. - Ч. 2. - С. 477-480.

Сморжевский Феодосий. "В 1743 г. он, в звании иеромонаха Киевско-михайловского монастыря, был послан в пекинскую миссию, и по прошествии нескольких лет возвратился оттуда в Петербург вместе с Гервасием Линцевским. За труды свои Сморжевский был пожалован архимандритом Троицкого (ныне женского) монастыря, где в 1758 г. и скончался. Будучи ещё и в Пекине, Сморжевский составил обстоятельную историю российской пекинской миссии и всех бывших там наших миссионеров. Но, к сожалению, это в высшей степени любопытное сочинение не было напечатано (193, ч. 2, с. 478, 480). "Епископ Гервасий (в миру Григорий Линцевский; ок. 1700, село Жиляны (Жуляны) под Киевом – 22 декабря 1769 (2 января 1770) – епископ Русской православной церкви, епископ Переяславский и Борисполь-ский. Родился в 1700 или 1701 г. Сын священника села Жиляны (под Киевом). По окончании в 1727 г. курса в Киевской Академии он в сане иеромонаха был преподавателем в классах синтаксимы, а с сентября 1734 г. пиитики. 16 января 1735 г. он был назначен наместником Киевского Михайловского Златоверхого монастыря. В ведомости за 1737 года сказано, что он "ныне по трудах профессорских наместническое правление содержащий, при добром, трезвенном и не подозрительном обхождении имеется" (Википедия).

Русская духовная миссия в Китае. Когда в 1742 г. возник вопрос о посылке в Китай русской духовной миссии на смену миссии, лишившейся в это время своего начальника архимандрита Иллариона Труса, Киевский архиепископ Рафаил после отказа архим. Платона Левицкого остановил свой выбор на Гервасии. 25 сентября 1742 г. Гервасий возведён в сан архимандрита, и 24 января 1743 г. Синод указал отправить Гервасия в Пекин сроком на 7 лет, не считая времени, нужного для проезда туда и обратно. Миссия состояла из 10 человек (2 иеромонахов, церковников и служителей); к ней были прикомандированы и ученики. Иностранная коллегия между прочими инструкциями запретила Гервасию именоваться архимандритом, "дабы китайцы не причли такой чин в противность трактату" и не выслали Гервасия из Китая.

Выехав из Москвы 23 февраля 1743 г., миссия прибыла в Иркутск 12 октября того же года, но должна была (в Иркутске и потом в Кяхте) дожидаться до 25 августа 1745 г. "казённого каравана", без которого китайцы не пропускали миссионеров в свои владения. С этим караваном миссия прибыла в Пекин 27 ноября 1745 г.

Положение Гервасия в Китае было незавидное: Сретенская посольская церковь отличалась крайним неблаголепием; помещение для духовенства было тесное, холодное зимой и угарное; на "шестисотное

рублевое" жалованье, положенное Гервасию "для безнужного в такой дальности содержания", по свидетельству сведущих людей, можно было только жить, "если вести себя мерно", но отнюдь не так, как в России архимандриты "по чину своему обхождение и довольствие имеют". Много неприятностей пришлось Гервасию вытерпеть в Китае от соотечественников. Директор каравана Лебратовский ещё на пути в Китай "неведомо с какой злобы зачал употреблять способы к его бесчестью" и снабдил его такими служителями, что архимандриту приходилось самому "верблюдов запрягать".

В Пекине, по словам Гервасия, Лебратовский делал ему всевозможные "продерзости, насильства и бесчинства", не дал ему явиться в китайский "трибунал" для представлений "кредитов", и наконец караванные служители по приказу директора избили Гервасия и преданного ему иеродиакона Никона так, что архимандрит "долго после того болел". Не говоря уже о "бесчестии Церкви Святой", Гервасий опасался, что местные "кафолики, к новостям охотники", узнав об этой "комедии", про неё "и в заморские страны газетами пустят". Между начальником миссии и её членами установились самые дурные отношения. По-видимому, члены миссии, засланные на край света почти насильно, "без всякого ко удержанию их отрицания", старались извлечь хоть что-либо приятное из пребывания в "идолаторской" стране, не признавали власти архимандрита, хотели ему "гордость стерти" и вести "свободное и бесстрашное житие", разгуливая по Пекину в китайском платье.

Иеродиакон Иоасаф, рекомендованный Гервасию Синодом в советники, "по давней там бытности и дорогому житию", оказался главным зачинщиком всех "продерзостей" и был уличён в хождении по кабакам, плясании и драках. Лебратовский, "обольщая подарками", вооружил против Гервасия учёных киевлян иеромонахов Иоиля Врублевского и Феодосия Сморжевского, а единственного преданного Гервасию иеродиакона Никона выслал в Россию. Гервасий и его подчинённые не давали Синоду отдыха своими жалобами друг на друга.

Члены миссии особенно старались убедить духовное начальство в том, что Гервасий "отлучил" их от себя "непристойными и противными христианскому Восточной Церкви закону поступками"; они обвиняли его в том, что он "радения о новокрещенных не имел" и членам миссии не даёт указаний "о способах и начатках проповеди", при церковном служении "иное прибавляет, иное убавляет", крестится и благословляет "целою рукою"; находили, между прочим, неприличным, что "Его Преподобие гласом в церкви различным петь изволили".

Гервасий, не имея с кем слово сказать, естественно сблизился с жившими в Пекине иезуитами. Члены миссии подметили, что Гервасий не только в костеле "стал с метаниями креститься пред алтарём", но и вёл с иезуитами откровенные разговоры о тождестве "по субстанции" латинской и греческой литургий и о необходимости исправить юлианский календарь; из этого они выводили заключение, что "от тех разговоров он, архимандрит, униат мерзкий".

Миссия Гервасия осталась безрезультатной, если не считать лингвистических успехов учеников. Даже жившие в Пекине Албазинские казаки враждебно относились к миссии и не давали ей ключей от своей Николаевской церкви. "Новокрещённых же, хотя и есть немало, – писал Гервасий, – но токмо от них прямых христиан двое, которые в церковь и ко мне ходят и по-русскому говорят, я же их и Закону Божию обучаю, а другие крещенные ни в церковь, ни ко мне не являются". С этим согласен и отзыв хорошо знавшего Китай директора каравана 1753 года Владыкина, хотя и оспариваемый историком Китайской миссии епископом Николаем.

"Архимандрит Гервасий, сказал в Синоде Владыкин, состояния доброго, точию устарел и в здравии своём слаб. Он и прочие при нём священнослужители китайского языка не знают, да и знать им не можно, ибо это не малотрудно и не малолетнего пребывания и обучения требует, и потому за незнанием сего языка китайцам проповедь чинить и в православную веру крещение их производить неудобно и невозможно, и для того от тех духовных персон мало и почти никакого в том успеха нет, а, хотя иногда и то редко кто из подлости и крестится, но токмо приемлют крещение ради одного получения одежды, за то даемой, и по продаже одежды в прежнем своём заблуждении остаются".

Уже давно прошло "уреченное время", на которое Гервасий был прислан в Китай, но только 4 июня 1755 года Гервасию удалось выехать из Пекина. 5 сентября 1755 года он прибыл в Кяхту, а в январе 1756 году в Москву. 18 февраля 1757 года он был назначен настоятелем Елецкого Черниговского монастыря, хотя и продолжал писаться "Хинским архимандритом", но прежде выезда его в Чернигов он 20 апреля 1757 года "за труды свои и добропорядочную жизнь" был назначен епископом Переяславским и Бориспольским".

"1745 год является определённым рубежом, отделяющим первый период деятельности Пекинской Духовной миссии от последующего. С этого времени происходили изменения в дипломатических и торговых отношениях России с Китаем, с этого же времени прекратилось более чем на 100 лет снаряжение русских торговых караванов в Китай.

В истории Пекинской миссии второй период связан с началом научной деятельности, которую её члены успешно стали сочетать с дипломатической"[194].

После безвременной кончины архим. Илариона (Трусова) (+1741) предстояло избрать нового начальника Пекинской миссии. О том, как происходил подбор кандидатуры, сообщается в записках архим. Софрония (Грибовского). Он пишет о том, что Св. Синод "с великим рачением начал выбирать достойного мужа в пейдзинского архимандрита, упражнявшегося в философии и богословии. Киево-Печерской Лавры архим. Тимофей был тогда в Москве, почему из Святейшего Синода послан в Печерскую Лавру его, Тимофея архимандрита, наместнику с соборными указ, коим повелено, выбрав в Софийской консистории достойных в пейдзинского архимандрита кандидатов, представить Синоду" (181, с. 24).

Архиепископу Киевскому Рафаилу (Заборовскому) также было повелено принять участие в выборе нового начальника миссии[195], причём рекомендовалось обнадёживать избранных, "чтобы они никакого сумнения и размышления не имели: ибо хотя оное азиатское государство и дальнейшее есть и состоит почти всё в идололаторстве (идолопоклонстве – авт.), обаче народ тамошний, как Св. Синоду известно, весьма незлобивый и приятный и обхождения изрядного, а паче, что слово Божие проповедуется тамо свободно, без всякого страха и запрещения. И к проповедающим слово Божие как сам хан, так и министры его оказывают почтение преизрядное" (170, с. 169). Кандидатом на должность начальника IV Пекинской миссии первоначально был намечен бывший ректор и настоятель Спасского училищного монастыря в Москве архим. Платон (Левицкий), который проживал в то время в Киевской епархии (Там же.). Но вскоре он отказался от этой должности по болезни, и тогда из 7 кандидатур, представленных к рассмотрению, предпочтение было отдано наместнику Киевского Златоверхого монастыря о. Гервасию (Линцевскому) (182, с. 61).

До своего избрания о. Гервасий был "учителем синтаксимы и поэзии" в Киевской Духовной Академии; потом около 7 лет наместником Златоверхого монастыря. 15 марта 1742 г. был издан указ Св. Синода о составе IV Пекинской миссии. Под началом архимандрита Гервасия поступили: иеромонах Иоиль (Врублевский), из того же Златоверхого

[194] Николай (Адоратский), иером. Об источниках истории Пекинской Духовной миссии в первый и второй периоды ее деятельности // Православный собеседник. - 1888. - № 1. - С. 155-156.
[195] О начале торговых и государственных сношений России с Китаем и о Духовной миссии в Пекине // Сибирский вестник. - СПб., 1822. - Ч. 19. - С. 166.

монастыря; иеромонах Феодосий (Сморжевский), из Киево-Софийского монастыря; Алексей Смольницкий (келейник о. Гервасия, впоследствии – причетник); Матфей Стороженко, служитель; Евфимий Сахновский, ученик; а также несколько "великороссов" (165, с. 43).

От Св. Синода начальнику миссии было предписано "всемерно тщатися ко обучению себе тамошнего китайского диалекта" (Там же.). Это было связано с требованием повысить миссионерскую активность, поскольку в прежние годы на этой ниве были скромные результаты. Перед миссией ставилась задача, "чтобы члены её в Пекине обучались неотменно в разглагольствовании с тамошними народы для лучшего в проповеди способа" (170, с. 185). С этой же целью было решено дополнить миссийскую библиотеку; в Пекин было отправлено много книг, в том числе и сочинение митрополита Стефана (Яворского) "О пришествии антихриста" (165, с. 44).

В Иркутск миссия прибыла 12 октября 1743 г. Здесь архим. Гервасий получил немало наставлений и советов от святителя Иннокентия (Неруновича) (1732-1747); впоследствии он находился в подчинении у его преемника – епископа Иоасафа (Хотунцевского) (1748-1753). В начале 1745 г. караван с членами миссии был готов к путешествию в Китай. Начальником над караваном был поставлен Г.К.Либратовский, который во главе "путешествующих" отправился из Иркутска в Пекин. Вот что пишет о нём архим. Софроний (Грибовский): "Герасим Кириллович Либратовский был родом из малороссийского города Козельца, взят в Москву певчим… а оттуду поехал с преосвященным Иннокентием в Пейдзин в числе певчих" (181, с. 24).

Как известно, епископ Иннокентий (Кульчицкий) в Китай допущен не был, и Герасим Либратовский впоследствии состоял при нём в Иркутске, став "всех архиерейских вотчин управителем" до приезда нового епископа – Иннокентия (Неруновича). После долгого и трудного пути члены миссии прибыли в Пекин; 27 ноября 1745 г. они встретились со своими соотечественниками, ожидавшими замены. Как и в прежние приезды, членам миссии оказаны почести: "отряд солдат с распущенным знаменем расставлен на башнях, где гремели медные тазы и деревянные бубны" (170, с. 181).

IV миссия во главе с архим. Гервасием пробыла в Пекине 10 лет (1745-1755). Начальник этой миссии пользовался большим уважением среди китайцев за свою добродетельную жизнь. Историк миссии о. Софроний так отзывается об одном из своих предшественников: "По приезде своём в Пейдзин архим. Гервасий старался с тамошними иезуитами познакомиться, в чём, поелику приехал достаточным, то хорошо и успел.

Вёл себя в Пейдзине трезво и постоянно, умел дарить и получать взаимные подарки" (181, с. 26).

В 1745 г. в Пекин прибыл иеродиакон Иркутского архиерейского дома Никон (Красовский). Он был послан сюда для написания иконостаса Сретенской церкви; окончив свою работу, о. Никон выехал обратно в Иркутск.

Члены IV Пекинской миссии оказались более способными к обучению, нежели их предшественники. Некоторые из них настолько хорошо овладели китайским языком, что впоследствии служили переводчиками. Этому способствовало и то, что ещё 13 октября 1742 г. Св. Синодом было постановлено: "Отдать архим. Гервасию привезённые в Россию с Антонием Платковским китайский лексикон с переводом на латинский диалект, начатую грамматику на 14 листах, в полдесть, да вокабулы по российскому алфабету" (185, с. 188).

Быстрое усвоение разговорного китайского языка было настолько очевидным, что дало основание Св. Синоду "дозволить состоящим в Пекине иеромонахам принимать православных людей на исповедь" (165, с. 46) (имелись в виду албазинцы и немногие православные китайцы (авт.). Китайцы даже предлагали членам IV миссии "учёные должности": астрономов, физиков, математиков, музыкантов, докторов. Но православные миссионеры воздерживались от лестных предложений, избегая брать на себя несвойственные им обязанности.

И ещё об одном аспекте миссионерской деятельности необходимо упомянуть в связи с обзором деятельности IV Пекинской миссии. "По своему воспитанию в южно-русских школах, православные миссионеры этого периода не могли не сближаться с католиками, бывшими в Пекине старожилами в сравнении с русскими, – пишет иеромонах Николай (Адоратский). – Внешнее влияние католиков не могло не повести к заимствованию от них и переводов христианских книг на китайский язык, как то: отрывков из книг Священного Писания и трактатов религиозно- нравственного содержания. Для примера можно указать на труд португальского миссионера Э.Диаца, который перевел в 1636 г. на китайский язык евангельские зачала на воскресные и праздничные дни (Шен-цзин-чжи-цзяо). Эта книжка, перепечатанная в 1739 г., понравилась русским миссионерам, которые, вероятно, с этого периода стали пользоваться ею для объяснения евангелий своим пасомым" (185, с. 190-191).

Среди членов миссии своей образованностью выделялся иеромонах Феодосий (Сморжевский). Будучи ещё иеродиаконом Киево-Софийского монастыря, о. Феодосий преподавал в Киевской ДА; во иеромонахи он был рукоположен в Москве, перед отъездом в Пекин. Интересно, что ему

не хотелось ехать в Китай и в своём прошении от 12 декабря 1742 г. он обращался в Св. Синод уволить его от такой обязанности. Но на эту просьбу последовало решение от 17 января 1743 г.: произвести его во иеромонахи и "отправить в Пекин несомненно" (185, с. 172).

Иеромонаху Феодосию принадлежит честь быть первым автором истории Пекинской Духовной миссии; в своё время известный востоковед Е.Ф.Тимковский так отозвался об этой работе: "Записки о. Сморжевского во многих отношениях любопытные, доказывающие труды и остроумие сего черноризца, в собственноручном подлиннике хранятся в библиотеке Пекинской миссии"[196]. Эта рукопись хранилась в архиве Пекинской миссии до 1840-х гг., но впоследствии она была вывезена из Китая одним из членов XI или XII миссии и с тех пор находилась в частных руках. Выписки из этого труда были опубликованы в издании Н.И.Веселовского "Материалы для истории Российской Духовной миссии в Китае" (СПб., 1905, вып. I, с. 65-71). В конце сочинения рукой автора сделана запись: "Сей труд кончил я грешный иеромонах Феодосий Сморжевский, 1751 года, генваря 22 числа в 36-е лето от рождения своего" (Цит. по кн.: 165, с. 48).

Другое исследование о. Феодосия – "Об иезуитах в Китае" было напечатано в 1822 году на страницах журнала "Сибирский вестник". Этот трактат, состоящий из 100 параграфов, увидел свет благодаря Е.Ф.Тимковскому, который случайно получил рукопись о. Феодосия в Иркутске в 1820 году, перед отъездом в Пекин. Написанное "высоким штилем", это сочинение состоит из двух частей: "Разделение первое" озаглавлено: "Под каким видом впущаются езуиты в Китай, какие имеют там заведения и в чём упражняются" (Сибирский вестник. – 1822. – Ч. 19. – С. 169-252.). "Разделение второе": "Как езуитам удачно есть китайское обращение" (Указ. соч. – С. 253-324).

В 1755 г. исполнилось 10 лет со времени прибытия IV Пекинской миссии в Китай. К этому времени некоторые члены миссии уже скончались; в их числе – иеромонах Иоиль (Врублевский), бывший насельник Киевского Златоверхого монастыря (+21 апреля 1747 г.). К 1755 г. из состава IV миссии оставались в живых: архимандрит Гервасий, иеромонах Феодосий и Алексей Смольницкий (165, с. 49).

По возвращении на родину их судьбы сложились по-разному. О. Феодосий (Сморжевский) был возведён в сан архимандрита и стал настоятелем в Спасо-Севском монастыре, где вскоре и скончался (+1758 г.). Что же касается начальника IV миссии, то по прибытии в Петербург архим. Гервасий был возведён во епископа Переяславского. Его рукоположение

[196] Тимковский Е.Ф. Путешествие в Китай. - СПб., 1824. - Ч. 2. - С. II, 29.

состоялось 27 июля 1757 г. в Петропавловском соборе. В истории Русской Православной Церкви он оставил о себе добрую память как ревностный пастырь. Скончался он в Киеве 22 декабря 1769 года (165).

"С 60-х гг. XVIII в. из-за запрета российским торговым караванам заниматься коммерческой деятельностью в Китае и из-за неоднократных приостановок российско-цинской приграничной торговли значительно сократился поток русских купцов в Китай. Кроме того, многочисленным российским посланникам в империи Цин не удалось добиться у её правительства разрешения на организацию в Пекине светского дипломатического представительства России. В результате духовная миссия превратилась, по сути, в единственный постоянный и наиболее достоверный источник сведений о событиях в Цинской империи" (Википедия).

Пятая ПДМ (1755-1771)

Начальник – Амвросий (Юматов), архим. (ум.1771, Пекин). Иеромонахи – Сильверст (Спицын) (ум. 1773, Пекин), Софроний (Огиевский) (Обресков) (ум. 1770, Пекин), Никифор (Коленовский) (ум. 1775, Пекин), Сергий (ум. 1768, Пекин). Причетники – Стефан Зимин, Илья Иванов, Алексей Данилов (ум. 1772). Пристав – Василий Игумнов.

"Указом от 11 июня 1753 года Синод постановил "объявить членам пятой миссии, снаряжённой в Пекин, что они отправляются в Китай не токмо для священнослужения, но наипаче для подлежащих к проповеди слова Божия по должности их трудов, каковых Св. Церковь со всегда желаемым успехом требует" (162, с.24). В эти годы церковь и другие здания миссии были отремонтированы. В ожидании смены члены этой миссии находились в Китае 17 лет. И почти вся миссия "легла костьми в Пекине за неприсылкой из России новых членов на смену ея" (120, с. 172).

АМВРОСИЙ (Юматов; 1717, Москва – 1.07.1771, Пекин), архим., глава 5-й Пекинской духовной миссии. Образование получил в московской Славяно-греко-латинской академии, в которой учился 10 лет, затем в течение 8 лет преподавал в школе пиитики. Приехав в Пекин с новым составом миссии 26 декабря 1754 г., столкнулся с многочисленными трудностями. По требованию китайских властей был сокращён штат миссии (до 6 человек – в таком количестве допускались по Кяхтинскому договору 1727 в китайскую столицу только светские члены миссии – "ученики", занимавшиеся изучением восточных языков), усилен военный надзор над миссией, особенно при посещении Пекина полномочными представителями России – В.Ф.Братищевым (1757) и И.И.Кропотовым (1763), пытавшимися путём переговоров снять напряжённость, эпизодически возникавшую между двумя империями. За 17 лет пребывания в

столице цинского Китая, сопряжённого с серьёзными материальными затруднениями и сложной обстановкой, А. удалось, помимо крещения более 30 потомков албазинцев, приобщить к Православию 220 маньчжур и китайцев, которым указами богдыхана категорически запрещалось принимать христианскую веру. Активная защита начальником миссии интересов РПЦ и своего Отечества не раз служила поводом для введения местными властями разных ограничений в отношении миссии, для смягчения или отмены которых А., будучи искусным дипломатом, находил соответствующие средства. А. скончался в Пекине, не дождавшись приезда очередной смены российских миссионеров".

"В отличие от предыдущих миссий, возглавлявшихся украинскими архимандритами, начальником V миссии впервые был назначен "великоросс" – о. Амвросий (Юматов). Правда, этому предшествовала обычная процедура: 8 марта 1753 г. Св. Синод принял решение: "Справиться у Киевского митрополита Тимофея насчёт лиц, обучавшихся достаточно латинскому диалекту из игуменов или же из иеромонахов, для посвящения в архимандрита и отправления в Пекин с двумя иеромонахами и одним иеродиаконом, жития честного, постоянного и неподозрительного" (170, с. 199). Но вскоре, 18 марта того же года, был издан синодальный указ, где впервые было рекомендовано назначить начальником миссии великоросса.

Москвич по рождению (р. 1717 г.), о. Амвросий (Юматов) преподавал пиитику в Славяно-греко-латинской Академии. Когда он был возведён во архимандрита и стал подбирать себе помощников, то все 14 человек, включённых в состав очередной миссии, были русские, в том числе и студенты Казанской Духовной семинарии и Московской Славяно-греко-римской Академии.

24 августа 1753 г. путешественники выехали из Москвы; 24 ноября они прибыли в Тобольск, где их радушно встретил митрополит Сибирский Сильвестр (Главатский), который принял гостей на "свой кошт". 28 февраля 1754 года, прибыв в Иркутск, они были приняты епископом Софронием (Кристалевским) (1753-1774), уроженцем Полтавской губернии. В Пекин члены миссии прибыли 23 декабря 1754 г.

В Китае начальник новой миссии продолжил катихизаторскую деятельность своих предшественников. Он открыл в Пекине школу, в которой студенты миссии преподавали китайцам русский язык, а сами обучались китайскому. По словам его биографа, "в 17-летнюю бытность в Пекине архим. Амвросия, было крещено 220 китайцев и манчжур" (165, с. 54). Кроме того, по словам того же автора, о. Амвросий "принёс немалую пользу России участием в разрешении дипломатиче-

ских вопросов" (165, с. 56). Архим. Амвросий скончался 1 июля 1771 г., на 54 году от рождения, за 4 месяца до приезда в Пекин очередной VI миссии" (См.: арх. АВГУСТИН (Никитин). Указ. соч.)

Шестая ПДМ (1771-1781)

Начальник – Николай (Цвет), архим. (ум. 1784). Иеромонахи – Иуст (ум. 1778, Пекин), Иоанн (Протопопов) (ум. 1799), Никифор. Причетники – Пётр Родионов (ум. 1815), Иван Гребешков (ум. 1771, Пекин). Ученики – (с 1772 г.) Фёдор Бакшеев (ум. 1787), Алексей Парышев, Алексей Агафонов (с 1779 г.) (ум. 1794), Яков Коркин (1745 – 1779, Пекин). Алексей (Александр?) Семёнович Агафонов (1746 год – 22 апреля (3 мая) 1792 года, Санкт-Петербург, по другим данным – 1794 год, Кяхта) – один из первых русских синологов.

Путаница с именем. Согласно Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона имя Агафонова – Александр, согласно Русскому биографическому словарю А.А.Половцова и "Словарю русского языка XVIII века" под ред. А.М.Панченко, имя Агафонова – Алексей.

Биография. Уроженец Сибири, принадлежал к духовному сословию. Учился в Тобольской семинарии, и в 1769 г. был отправлен под начальством архим. Николая (Цвета) в составе шестой духовной миссии в Пекине в качестве ученика для изучения китайского и маньчжурского языков, с которых и переводил. Пробыл в Китае с 1771 г. по 1782 г. Совместно с учениками А.Парышевым, Ф.Бакшеевым и Я.Коркиным составил "Журнал секретных действий, намерений, случаев и перемен, бывших в Тайцинском государстве с 1772 по 1782 г.", куда они записывали текущие сведения, полученные от китайских знакомых (преимущественно слухи о жизни императорского двора, известия о восстаниях), а также данные допросов русских перебежчиков, на которых они часто присутствовали в качестве переводчиков. По возвращении в Россию Агафонов вместе с двумя другими членами миссии Ф.Бакшеевым и А.Парышевым был определён переводчиком Коллегии иностранных дел при иркутском г.-губераторе И.В.Якоби. В 1787 г. Агафонов был перемещён в той же должности в Петербург на место умершего Бакшеева. Умер 22 апреля (3 марта) 1792 г. в С.-Петербурге. По другим данным, умер в 1794 г. в Кяхте, занимая должность переводчика.

Творчество. В 1788 г. были изданы переводы Агафонова, большая часть которых была им выполнена ещё в Иркутске. В мастерстве перевода он заметно уступал А.Л.Леонтьеву, вслед за которым обращался преимущественно к произведениям маньчжурских императоров XVI-XVII веков, выдержанным в духе канонов легизма и игравшим важную роль в духовной жизни и политическом сознании Китая второй половины XVIII

века: "Джунчин, или Книга о верности", "Маньчжурского и китайского хана Шунь-Джия книга нужнейших рассуждений, ко благополучию поощряющих", "Маньчжурского и китайского Шунь-Джи-хана книга – полезный и нужный образ к правлению", "Маньчжурского и китайского хана Кан-бия книга придворных политических поучений и нравоучительных рассуждений" (переиздана в 1795 г.)

Переведённый Агафоновым курс сравнительной китайской хронологии ("Краткое хронологическое расписание китайских ханов <...> от начала Китайской империи по 1786 г.") был издан Н.И.Новиковым в 1788 году. Некоторые переводы, приписываемые Агафонову, в действительности принадлежат А.Л.Леонтьеву и И.К.Рассохину.

Литературные труды. "Краткое хронологическое расписание китайских ханов". Пер. с маньчж., (М., 1788). "Государь, друг своих подданных, или Придворные политические поучения и нравоучительные рассуждения хана Кин-Сия" (СПб., 1795) и др. "Уже в миссиях Гервасия, Николая Цвета (1771-81) и Софрония студенты-великороссы Леонтьев (+1786), Агафонов и Липовцев заявили себя переводными трудами с китайского и маньчжурского языков" (120, с. 169).

"Пребывание V миссии в Китае затянулось; она находилась в Пекине на 6 с лишним лет дольше, чем предыдущая. Но ещё в 1767 г., 27 августа, последовал указ Св. Синода о назначении в начальники VI миссии учителя немецкого и французского языков при семинарии Троице-Сергиевой Лавры иеродиакона Николая (Цвета), родом украинца. Его посвятили во иеромонаха 29 августа в Москве, а 8 сентября он был возведён в сан архимандрита. После этого начальник новой миссии начал подбор помощников для поездки в Китай; в основном это были украинцы. В своём рапорте от 8 октября архим. Николай просил включить в состав миссии следующих лиц: Новоспасского монастыря иеромонаха Иуста, Донского монастыря иеродиаконов Иоанникия и Никифора Каленовского, а также Семёна Цвета и Семёна Килевского, "из мещанских детей города Киева", – в качестве псаломщиков (165, с. 59).

Иеродиакон Иоанникий был посвящён во иеромонаха, но пока шли сборы и переписка с Пекином, он скончался (165, с. 60). Кроме того, во время путешествия в Китай выяснилось, что двое псаломщиков, взятых из Киева, оказались неспособными к службе, и на их место были назначены иркутские дьячки – Иван Гребешков и Пётр Родионов (165, с. 61). По прежней практике новая миссия должна была оставаться в подчинении иркутского архиерея, которым тогда был преосвященный Софроний (Кристалевский). 8 ноября 1771 г. члены миссии прибыли в Пекин, и, сменив своих предшественников, продолжили их труды на ниве Христо-

вой. Как сообщал сам о. Николай, по прибытии в Пекин он многое обновил: "исправлял ветхости и вновь нечто поделал" (165). Результаты его миссионерской деятельности были довольно скромными: за 10-летний период он окрестил лишь 24 человека обоего пола. Эта малая активность объяснялась разными причинами; по словам одного из историографов Пекинской миссии, "лишённая независимости и свободы действия, поставленная под опеку церковной власти, удалённой на тысячи миль, принужденная жить и действовать не только среди крайне неблагоприятных местных условий, но и под бдительным оком явных врагов, она развивалась очень медленно"[197].

По истечении срока пребывания в Китае, 13 мая 1782 г. архим. Николай выехал из Пекина; в Москву он прибыл к началу 1783 г. Отсюда, по обету о. Николай отправился в Киево-Печерскую Лавру на богомолье. Здесь он был назначен настоятелем Кириллова (Киевского) монастыря, где и скончался 23 октября 1784 г. (165, с. 62).

Седьмая ПДМ (1781-1794)

Начальник миссии – Иоаким (Шишковский), архим. (ум. 1790/5, Пекин). Иеромонахи – Антоний (Седельников) (ум. 1782, Пекин), Алексей (Боголепов) (ум. 1809). Иеродиакон – Израиль (ум. 1795, Пекин). Причетники – Иван Орлов, Семён Соколовский. Ученики – Егор Салертовский (ум. 1795, Пекин), Антон Владыкин (1757-1812), Иван Филонов (ум. 1790, Пекин), Алексей Попов (ум. 1795, Пекин).

"Иоаким Шишковский (Иван Фёдорович) – архимандрит пекинского Сретенского монастыря. Сын священника, родился около 1750 г. в с. Пятигорце Волынского повета, умер 23 мая 1795 г. 27 марта 1767 г. поступил в Киевскую духовную академию. 8 марта 1780 г. Иоаким, уже из иеромонахов Александроневского монастыря, произведён в архимандрита пекинского Сретенского монастыря и назначен начальником пекинской миссии; в Пекине пробыл с 2 ноября 1781 г. почти по день смерти. В данной ему из Коллегии Иностранных Дел инструкции было приказано не только поддерживать православие среди албазинцев, но также доставлять сведения о намерениях и действиях китайцев; но архимандрит Иоаким не доставил никаких сведений. В 1794 г. он просил Синод вызвать его из Пекина, и просьба его была уважена. В мае 1795 г. он выбыл из Пекина, но, не переехав ещё китайской границы, скоропостижно скончался" ("Русский Архив", 1893 г. № 9, с. 64; дела архива Св. Синода: 1778 г. № 330; 1792 г. № 288; 1795 г. № 297.)

---

[197] Смирнов Е.К. Очерк исторического развития и современного состояния Русской Православной миссии. - СПб., 1904. - С. 83-84.

"VI миссия пробыла в Китае 10 лет, но ещё за год до истечения этого срока начался подбор состава следующей, VII Пекинской миссии. 17/21 февраля последовало определение Св. Синода: начальником VII миссии назначить иеромонаха Петербургского Александро-Невского монастыря Иоакима (Шишковского). Сын священника, будущий миссионер, родился около 1750 г. в с. Пятигорце Волынского повета. С 1767 г. он обучался в Киевской Духовной Академии, но потом, при переходе в старший, "философский класс", он отправился в С.-Петербург, где поступил в Александро-Невский монастырь и был рукоположен во иеромонаха. После назначения о. Иоакима начальником миссии 8 марта 1780 г. был возведён в сан архимандрита Пекинского Сретенского монастыря. Затем, по решению Синода от 23/31 марта 1780 г. о. Иоаким был отправлен в Москву для подготовки миссии через Московскую Синодальную контору.

Ближайшим сотрудником о. Иоакима стал иеромонах Антоний (Седельников), насельник Московского Донского монастыря. На одну из церковнослужительских должностей назначен "Семён Николаев Соколовский, города Новгород-Северского, стародубского полку, новгородской сотни, сына казака Николая Соколовского" (165, с.63-4).

В Иркутск миссия прибыла 5 января 1781 г. Епископ Иркутский и Нерчинский Михаил (Миткевич) (1772-1789) снабдил миссию св. миром и двумя антиминсами, после чего путешественники отправились в Китай. В разгар лета им пришлось прервать свой путь "за изнурением скота и наступившими летними жарами". Миссия прибыла в Пекин 2 ноября 1781 г. К этому времени под духовным попечением миссии находилось "30 человек мужеска пола и 4 – женска". Из их числа 25 потомки албазинцев, остальные – крещеные китайцы из ближайших к Пекину деревень (165, с.74).

Ещё до отправления миссии в Китай начальнику миссии в Коллегии Иностранных дел была вручена инструкция; в ней предписывалось не только поддерживать православие среди албазинцев, но также доставлять сведения о намерениях и действиях китайцев (опубликована в ст.: 181). Но о. Иоаким не придавал особого значения этому, не свойственному прямым задачам миссии, предписанию. Сведения о Китае черпались только из пекинской газеты и от иезуитов, посещавших начальника миссии (165, с. 66). Но это не значит, что уровень знания китайского языка у членов миссии был невысоким, – напротив, учеников миссии не раз вызывали в загородный императорский дворец для перевода иностранных документов (165, с. 65).

В 1794 г. архим. Иоаким составил подробную опись Сретенской и Никольской церквей (согласно описи, в Никольской церкви, среди прочих, имелась икона Божией Матери Черниговская) (170, с.297). Этот документ содержит интересные сведения о положении миссии в конце XVIII столетия. Опись состоит из 59 листов; каталог, приложенный к ней, указывает на полное обеспечение миссии богослужебными книгами (165, с.65). Среди церковных книг имелся интересный рукописный нотный сборник киевских напевов с переложенной на ноты "Историей Иоасафа царевича и учителя его Варлаама" (170, с.175). Кроме того, в составе библиотечных книг были Толковая Псалтирь киевской печати, 1740 г.; Правильник киевской печати, 1739 г.; "Алфавит духовный" киевской печати, 1747 г. и др. (169, с.204). В описи отмечались и утраты; так, на 1794 г. в библиотеке недоставало Акафистника киевской печати 1706 г. и других печатных и рукописных книг, в том числе "Рукописной богословии" (185, с.291).

В том же 1794 г. архим. Иоаким направил в Св. Синод прошение отозвать его из Пекина. Просьба начальника миссии была уважена, и 21 мая 1795 г. он выбыл из Пекина в сопровождении членов миссии (186, СПб., 1892, т.8, с.178). Условия путешествия были нелёгкими, архим. Иоаким ехал на муле и к вечеру путешественники прибыли в город Юйлин, расположенный "на третьей станции от Пекина". Здесь они расположились на отдых и, казалось, ничего не предвещало беды. Но 23 мая в 11 часов утра архим. Иоаким был найден в своей постели мёртвым. Врач-китаец, приглашённый для освидетельствования покойного, поставил туманный диагноз: он определил "внутреннюю болезнь". После этого тело о. Иоакима было погребено у городской стены "с западной стороны, вправо от проезжей дороги, на возвышенном месте".

Во время пребывания в Пекине VII миссии исполнилось 100 лет с того дня, когда пленные албазинцы были доставлены в столицу Китая (1685-1785). За все эти годы скромный очаг православия в Поднебесной империи не угасал благодаря деятельности православных миссионеров. "Они посильно сослужили свою службу Церкви и отечеству, и хотя не оставили после себя выдающихся следов своей миссионерской деятельности в массовом или поголовном обращении азиатов, но и скромная заслуга их должна быть помянута благодарным словом историка" (179, с. 101), – писал епископ Рязанский и Зарайский Мелетий.

А в 1800 году в истории Пекинской миссии произошло ещё одно знаменательное событие – за сто лет до этого, 18 июня 1700 года Пётр I издал свой знаменитый указ, положивший начало Пекинской миссии. Он повелел патриарху Адриану "писать к киевскому митрополиту (Варлааму

(Ясинскому) – авт.), чтобы он поискал в малороссийских своей области городах и монастырях из архимандритов и игуменов или иных знаменитых иноков доброго и учёного и благого жития человека, который мог бы в Китае и в Сибири в слепоте идолослужения и в прочих неверствиях закоснелых человек приводить в познание и служение истинного Живого Бога...". Но этот юбилей пришёлся уже на период пребывания в Китае VIII Пекинской миссии (1794-1807 гг.) под начальством архимандрита Софрония (Грибовского), который по праву считается одним из первых украинских китаеведов" (архим. АВГУСТИН (Никитин). Указ. соч.)

Восьмая ПДМ (1794-1807)

Начальник – Софроний (Грибовский), архим. (ум. 1814). Иеромонахи – Иессей (ум. 1804, Пекин), Варлаам (ум;1802, Пекин). Иеродиакон – Вавила (ум; 1797, Пекин). Причетники – Козьма Карганский, Василий Богородский. Ученики – Павел Каменский (1765-1845), Карп Круглополов, Степан Линовцов (1770 – 1841), Иван Малышев (1770 – 1806, Пекин), Василий Новоселов (с 1791 г.). Пристав – Василий Игумнов.

Большая биографическая энциклопедия: "Софроний Грибовский – архимандрит Сретенского монастыря в Пекине, начальник восьмой миссии, синолог, умер 17 мая 1814 г. Малоросс по происхождению, с низших классов до философского обучался в Киевской ДА, а с 1782 г. переехал в Москву, желая обучаться медицине. Но в том же году он вышел из госпиталя и вступил в Молчановскую Софрониеву пустынь, где постригся в монашество; в 1787 г. опять перешёл в Москву и был принят в число студентов московской славяно-греко-латинской академии.

По окончании в 1790 г. курса, Софроний, в сане иеродиакона, поступил к новопостроенной церкви при Московском университете, занимая также должность университетского преподавателя катехизиса и проповедника. Вследствие назначения, синодским указом от 24 января 1793 г., на должность начальника восьмой миссии, отправляемой в Пекин, 27 января того же года произведён в иеромонаха, а 30-го в архимандрита. 14 мая 1793 г. Софроний выехал из Петербурга в Казань, где нашёл миссию в полном составе, и 29 сентября отправились в дальнейший путь через Иркутск.

Только в конце ноября 1794 г. миссия прибыла в Пекин. Желая несколько поднять влачившую жалкое существование миссию, Софроний, вскоре после приезда, отправил в Петербург проект с предложением следующих мер: устроить школу, по примеру иезуитских школ; назначать к миссии молодых людей, как более способных к изучению китайского языка; устроить библиотеку, увеличить денежные средства миссии и наконец продлить срок её пребывания в Китае до 15-ти лет.

Но этот проект не встретил сочувствия ни в Синоде, ни в коллегии иностранных дел, и только при следующих миссиях большинство предложений Софроний были приведены в исполнение.

В январе 1805 г. окончился семилетний срок пребывания в Пекине восьмой миссии, но она ещё должна была дождаться следующей миссии, которая прибыла в Пекин только в январе 1808 г. В мае того же года, после тринадцатилетнего пребывания в Китае, Софроний отправился со всей миссией в обратный путь и в конце 1809 г. прибыл в Петербург. Представив в Синод найденную им первую грамоту митрополита сибирского Игнатия от 1695 г., а в министерство иностранных дел свои труды, о секретном составлении которых было указано в данных ему инструкциях, Софроний был награждён пенсией и определён в московский Новоспасский монастырь до излечения от болезней, где и окончил свои дни в 1814 г.

Во время пребывания в Пекине Софронием были написаны двенадцать различных сочинений, касающихся, преимущественно, истории Китая и описания быта его жителей. Из них наиболее важные: 1) "Хронологическое описание нынешнего манджуро-китайского государства" и 2) "Повествование о главных народах, обитающих ныне в Китае и о настоящем их правлении"; последнее напечатано в 1861 г. ("Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др.", кн. 1). Сочинения архим. Софрония не имеют научной разработки, как составленные на оснований трудов предшественников и католических миссионеров, не самостоятельны, страдают тяжестью слога, но показывают в авторе большую наблюдательность над окружавшей его средой и обычаями китайцев. Временем архим. Софрония оканчивается первый период пекинской миссии – период её упадка и преобладания малороссов, и начинается второй период – постепенного обновления, начиная с начальника девятой миссии о. Иоакинфа (Бичурина)".

8-я миссия (1793-1808) во главе с архим. Софронием Грибовским формировалась в 1793 году, большинство членов из Казани. Всего 7 человек: иером. Иессей, из казнечеев Семиозерной пустыни; иерод. Вавила, из той же пустыни; иером. Варлаам, казначей из Зилантова монастыря; учитель Карп Круглополов; студент Иван Малышев и дьячки Василий Богородский и Козьма Каргинский из казанской семинарии, где тогда учился Никита Бичурин. В состав миссии учеником зачислен Павел Каменский – сын священника, 1765 года рождения: окончив Московский университет, он преподавал арифметику и

правила гражданской жизни в Петербургском воспитательном доме. Поступил в Коллегию иностранных дел перед отправкой в Пекин[198].

Миссия находилась в Пекине более 14 лет, до 11 мая 1808 г. Она вернулась в Кяхту 6 августа 1808 г., в Петербург добралась в 1809 г. Отчитываясь в Синоде и министерстве иностранных дел, о. Софроний объяснял начальству скромность результатов в распространении православия в Китае. Туда посылались из России монахи из числа неграмотных, "притом немолодые люди, которые по причине слабой памяти были уже не в состоянии, живя в Пекине, научиться китайскому языку, и по причине своего непросвещения подвергались у считающих себя умнее всех на свете китайцев презрению и посмеянию" (120, с. 178).

Действительно, старшими членами миссии были иеромонахи Варлаам и Иессей – "пятидесятилетние старцы". "Что касается младших членов, то Софроний ставил умеренность китайцев в питье вина примером для российских дьячков и учеников, шатавшихся часто пьяными по улицам Пекина и губивших, разумеется, этим свою репутацию и здоровье" (120, с. 178-179). Степана Липовцева и Павла Каменского приняли в Азиатский департамент МИД, переводчиками с китайского и маньчжурского языков.

"Грибовский Софроний родился в Малороссии. Окончив курс философии в Киевской Академии, он в 1782 году перешёл в Москву для изучения медицинских наук и определился в московский госпиталь. Но, заметив в себе нерасположение к врачебному искусству, вышел из госпиталя и поступил в молчанскую Софрониеву пустынь, где и принял монашество. Жажда с познанием, однако ж, не оставила его и по принятии иночества: в 1787 году он опять явился в Москву и поступил в тамошнюю духовную академию для выслушания богословского курса. Через три года Грибовский в звании иеродиакона занимал уже должность законоучителя при московском университете, а в 1793 посвящён в архимандриты и назначен миссионером в Пекин. Пробыв там ровно 13 лет, он возвратился в Россию и по расстроенному здоровью определён был пенсионером в московский Новоспасский монастырь, где и скончался 17 мая 1814 года. Грибовский описал обратное путешествие своё от Пекина до Кяхты, нигде, впрочем, не напечатанное, и собрал довольно замечаний касательно духовных наших миссий в Китае" (195, с. 189, 190).

Российская духовная миссия в Китае за первые сто лет существования (с 1715 по 1808 г.) сменялась восемь раз. Духовные и гражданские лица под разными предлогами стремились избежать назначения в состав

[198] Денисов П.В. Никита Яковлевич Бичурин. Очерк жизни и творческой деятельности учёного-востоковеда. - Чебоксары, 1977. - С. 39.

посольства. Миссии направлялись на десять лет, некоторые продержались в Пекине дольше, тем не менее изучение восточного языка оказалось не под силу монахам первых восьми миссий. "Монахи ехали из послушания, но никак не по собственному желанию. Поездка в Китай в составе миссии рассматривалась ими равносильно ссылке или заточению в монастыре"[199]. Многим под пятьдесят, ни один не выучит ни китайского, ни маньчжурского, ни монгольского, изучением языков не занимались, история и культура Китая не интересовала, никто не напишет о стране проживания ничего заслуживающего внимания.

Архим. Софронием Грибовским, по образованию наполовину киевлянином, наполовину москвичом, заканчивается период преобладания в пекинской миссии начальников-украинцев и с него начинается период россиян. "Вообще малороссам не счастливилось в Пекине, их время (за исключением Амвросия Юматова – москвича) представляет монотонный и плачевный период в жизни и деятельности российской духовной миссии. Они большею частью не добровольно, а из послушания, шли в неведомую страну, потому что в отечестве им не удавалось пристроиться. Такая подневольная жизнь была для многих пыткой. <...> С китайским языком они, без сомнения, знакомились исключительно практически. Кроме произведения архим. Софрония, мало отвечающего своему широкому заглавию и составленного с устных рассказов и на основании личного опыта автора, они не оставили после себя следов своей деятельности и следующим поколениям передали очень немного документов. В деле миссионерском они стояли во всецелой зависимости от сильных уже тогда в Китае католиков, <...> пользуясь переводами их отрывков из книг св. Писания и другими трактатами религиозно-нравственного содержания на китайском языке" (120, с.167-8).

В 1805 г. Синод разбирался в причинах ограниченных успехов пекинской миссии. Митрополит Амвросий Подобедов подготовил докладную записку, предложив "меры для улучшения плачевного положения миссии: очищения её от лежавшей на ней грязи поношения и уничижения, делавшей её притчей во языцех" (120, с.170-1). На первый план выдвигалась потребность улучшения личного состава миссии, для этого предусмотрев увеличение содержания (6500 руб. сер. вместо прежних 3850) и значительные льготы настоятелю и членам миссии. Архимандриту в год 2000 р.с. (вместо 600), иеромонахам по 400, иеродиакону и церковникам по 300, ученикам по 400.

Митр. Амвросий сочинил инструкцию, как вести себя миссионерам в Китае, чтобы содействовать умножению церкви Христовой. Его настав-

[199] Панкратов Б. Н.Я.Бичурин как переводчик // Проблемы Дальнего Востока. - 2002. - № 4. - С. 148.

ления были плодом пастырской практики, деятельного познания христианства и многолетних трудов "в обращении иноверцев к вере православной". К сожалению, заключает Н.Адоратский, "превосходные советы богомудраго архипастыря, не всегда выполнявшиеся и в России, оказались гласом вопиющаго в китайской пустыне, по разным обстоятельствам" (120, с.174). Нетрудно увеличить содержание и дать наставления, сложнее задача "приискания более подготовленных людей для служения в царстве хинском" (Там же).

Глава третья
Пекинская духовная миссия: XIX век

Девятая ПДМ (1807-1821)

Состав 9-й Пекинской духовной миссии: Начальник – архим. Иакинф (Бичурин) (1777 – 1853). Всего 10 человек: два иеромонаха – Серафим и Аркадий; иеродиакон Нектарий, псаломщик, два причетника – Василий Яфицкий, Константин Пальмовский; три студента и один переводчик: Маркел Лавровский (ум. Пекин), Лев Зимайлов, Михаил Сипаков, Евграф Громов (ум. Пекин)[200]. Пристав – Семён Первушин.

"18 июля 1807 года миссия начала свой путь из Иркутска в Пекин. В качестве распорядителя-пристава её сопровождали капитан Семёнов Первушин и казачий сотник Щукин, обладавший "искусством, хотя невеликим, в живописи". Попутно в обязанности поручение вести зарисовки "занимательных картин жизни и быта населения Китая" было новшеством, перед посланцами и посредниками подобные задачи прежде никогда не ставились" (198, с.43). Новая миссия в столице Китая с 10 января 1808 года. Архим. Иакинф принял дела православной миссии в Пекине от архим. Софрония.

По представленной миссией от 1813 года ведомости, христиан значилось: албазинцев 20, крещёных китайцев 8, всего паствы 28 человек. Из Пекина 9-я миссия отправится домой 15 мая 1821 года (201, с. 30).

А католические миссии появились в Китае в XIII столетии, и к началу 20-х годов XIX века имелось уже там 6 епископов, 23 священника, 80 священников из местного населения, 215 тысяч обращённых в христианство, работали специальные семинарии и школы. В отличие от католиков, русская православная миссия не располагала образованными кадрами, находилась в трудных экономических условиях, и имела ничтожный численный состав.

В 1807 г. в Южный Китай приехал 25-летний Роберт Моррисон и принялся за перевод Библии на китайский язык, которым владел ещё плохо. Мешал закон, целью которого было сохранение обособленности Китая. Под угрозой казни китайцам запрещалось обучать иностранцев. Перевод Библии считался преступлением, за которое карали смертью. Миссионер, числясь переводчиком в Ост-Индийской Компании, продолжал тайно трудиться над переводом. Через семь лет после приезда подготовил для печатания Новый Завет (Греческие Писания). Ещё через пять

[200] Из истории Пекинской Духовной Миссии. 9 миссия // КБ. - 1914. - Вып. 11-12. - С. 26.

лет с помощью Вильяма Милна закончил перевод Ветхого Завета (Еврейские Писания). Библия "заговорила" на китайском языке.

Трудная задача стояла перед ориенталистами, переводившими Библию на языки Азии. В начале XIX века Вильям Кэри и Джошуа Маршман приехали в Индию и, овладев её языками, выпустили в свет с помощью печатника Вильяма Уорда переводы частей Библии приблизительно на 40 языках. Дж. Херберт Кейн скажет о Вильяме Кэри: "Он изобрёл красивый, плавный разговорный стиль [бенгальского языка. - И.С.], который заменил старую классическую форму, таким образом язык сделался более понятным и привлекательным для современных читателей".

Адонайрам Джадсон из Соединённых Штатов в Бирме с 1817 г. на протяжении 18 лет занимался переводом Библии на бирманский. Последняя часть труда издана в 1835 г. Пребывание в Бирме дорого обошлось миссионеру. По обвинению в шпионаже почти два года пришлось провести в тюрьме, кишащей комарами. Вскоре после его освобождения от лихорадки умерли жена и дочь. Освоив премудрости восточного языка, проповедник признается: "Когда мы принимаемся за язык, на котором говорит народ на другом краю земли, чей образ мышления отличается от нашего, чьи средства выражения поэтому совершенно для нас новы, а буквы и слова совсем непохожи на буквы и слова любого языка, с которым мы когда-либо сталкивались; когда у нас нет ни словаря, ни переводчика, и мы должны понять хоть что-то на этом языке, прежде чем сможем воспользоваться помощью местного учителя, – вот это труд!"

Тиндаль, Моффат, Джадсон и Моррисон, рискуя жизнью и жертвуя собой, не ради чистой выгоды, переводили Книгу для тех, кого не знали и у которых не всегда была письменность. Верили, что Библия – Божье Слово, и все люди должны приобщиться к нему на своём языке. Подобный дух самопожертвования и бескорыстие, проявленные преданными своему делу переводчиками-ориенталистами, исключительное качество людей, которое всё реже встречается в наши дни[201].

"9-я миссия (1806-1821) во главе с архим. Иакинфом (Бичуриным) завершилась скандалом и разбирательствами по поводу легкомысленного образа жизни её начальника, истратившего на приятное общение с китайцами скудные средства Миссии. Тема оценки миссионерской политики 10-й Миссии при архим. Петре (Каменском) достаточно сложна. С одной стороны, реакцией на открытый и свободный образ жизни Иакинфа стал акцент на отшельнической замкнутости жизни миссионеров, что не способствовало сближению священников с китайцами и постижению

[201] Книга, которая "говорит" на живых языках: Книга для всех. - [Б.м., б.г.]. - С. 11-13.

их характера. С другой стороны, частью "антииакинфовской" реакции стало усиление церковно-миссионерской работы среди православной общины в Пекине. Была поставлена задача перевода на китайский язык православных молитвенных и литургических текстов, и это новое измерение деятельности Миссии вполне сопоставимо с направлением аналогичных усилий католиков или протестантов. Приехавший с Петром иеромонах Вениамин "поселился на северном подворье, в Русской роте, близ Успенской церкви, которую албазинцы стали посещать, а он старался беседовать с ними и добился того, что проповедовал им слово Божие на китайском языке" (188, с. 97).

Требования практики и продвижение западных миссий оказывали прямое влияние на изменение взглядов российских священнослужителей в Китае" (188, с. 312-333).

О 9-й православной миссии в Пекине и её начальнике подробней см. выше, во 2-й скрижали Триптиха – Иакинф Бичурин (с. 165-248).

Десятая ПДМ (1821-1830)

Во главе с архим. Пётром Каменским (в миру Павел) (1765 – 1845). В составе миссии: иеромонахи Вениамин Морачевич, Даниил Сивиллов (1798 – 1871); иеродиакон Алексей Сосницкий (ум. 1843); причетники – Израиль, Николай Вознесенский; студенты – Василий Абрамов, Конрад Крымский (1799 – 1874), Захар Леонтьевский; врач Осип Войцеховский (1793 – 1850). Приставом миссии назначен чиновник МИД Е.Ф. Тимковский, коллежский асессор. Обозный Е.И.Разгильдеев, переводчик А.П. Фролов, с командой в 29 сибирских казаков старшина А.И.Разгильдеев.

За границу отправились 31 августа 1820 года. 1 декабря в пекинском предместье новую миссию встречали Сипаков и Зимайлов, студенты прежней миссии.

"Тайна" Петра (Каменского) и российское китаеведение

"Одной из ключевых фигур в истории российского китаеведения был выдающийся российский миссионер и синолог Павел Иванович Каменский (в монашестве – Пётр). Уже в старой российской историографии не раз подчёркивалась его роль в истории православного миссионерства в Китае. В опубликованном в начале XX в. историческом очерке Е.К.Ножина "Христианство в Китае" отмечалось: "Первого декабря 1820 г. во главе десятой духовной миссии прибыл в Пекин начальник архимандрит Пётр Каменский. Это было начало новой эры в истории молодой китайской православной церкви"[202].

[202] Ножин Е.К. Христианство в Китае // Историческая Летопись. - 1914. - № 1. - С. 20.

Меньше внимания традиционно уделялось его вкладу в дело изучения Китая. Хотя уже П.Е.Скачков отмечал: "Девятнадцатый век начинает второй этап пекинского периода в изучении Китая в России. Начало этому положил Павел Иванович Каменский (1765-1845), находившийся в Пекине с 1794 по 1807 гг. учеником миссии вместе со Степаном Липовцовым"[203]. Тем не менее, в большинстве работ по истории Пекинской миссии имя П.И.Каменского по-прежнему вычёркивается из числа "выдающихся востоковедов, таких как Н.Я.Бичурин, П.И.Кафаров".

В середине XX в. известный советский китаевед П.Е.Скачков писал: "П.И.Каменский по характеру был полной противоположностью И.Бичурину: мягкий по натуре и во второй половине своей жизни глубоко религиозно настроенный. Он был добросовестным и честным человеком, отличался особым трудолюбием и оставил после себя много рукописных трудов, которые при своевременной их публикации могли бы сделать честь русскому китаеведению…" (204).

Крупнейший отечественный востоковед Е.И.Кычанов отмечает: "За всей научной деятельностью Каменского или стоит неблагоприятное стечение обстоятельств, или кроется какая-то тайна. Сложился миф, что он недостаточно знал китайский язык. Но это именно миф, и не только потому, что Каменский, как никто, долго жил в Китае, но и потому, что он оставил в своём научном наследии русско-китайский словарь и разговорники. Именно миссия П.И.Каменского подготовила самое большое число учеников, способных по возвращении из Китая к практической работе с языками"[204].

На самом же деле сохранение "тайны Каменского" до настоящего времени объясняется более прозаически – слабостью изученности творческого наследия этого выдающегося учёного и миссионера. Ещё патриарх российского китаеведения профессор В.П.Васильев отмечал: "…так об архимандрите Петре Каменском, бывшем в Пекине лет семнадцать, с 1790 по 1807 год, студентом, а потом с 1820 по 1830 архимандритом, рассказывают, что он представил целые мешки своих записок, извлечений, переводов. Но кто их читал, и где они теперь?"[205].

Жизненный путь Петра (Каменского) был непростым, а его идеи были поняты и приняты далеко не всеми современниками. П.И. Каменский заявил о себе, как о крупном синологе, будучи ещё учеником

---

[203] Скачков П.Е. Рукописное наследие русских китаеведов и его значение в истории русского китаеведения // И не распалась связь времен…: К 100-летию со дня рождения П.Е.Скачкова. - М., 1993. - С. 41.

[204] История отечественного востоковедения до середины XIX века / отв. ред. Г.Ф.Ким, П.М. Шаститко. - М., 1990. - С. 270.

[205] Васильев В. Воспоминание об И.И.Захарове // ЖМНП. - 1885. - Нояб. - С. 94-110.

VIII Российской духовной миссии в Пекине: "В Пекине, Па-Лао, как звали здесь Каменского, помимо работы в Лифаньюане (Палате внешних сношений), занимался переводами, особенно с маньчжурского, исторических сочинений"[206]. Будучи студентом, П.И.Каменский активно знакомился с различными сторонами жизни китайской столицы. В работе "Заметки о политической и социальной жизни…" он отмечал: "В последние месяцы нашего в Пекине пребывания, любопытство завело нас посмотреть экзамен первых классов принцев крови, производимые на открытом месте"[207].

"В Китае особа нищего неприкосновенна… нищенские старшины управляют ими как пастухи скотом" (207, л. 18 об.); "Осматривал Пекинский университет. Он состоит из храма Конфуцию и другого отделения для преподавания наук" (207, л. 60). В архивном деле "Необработанные материалы Каменского. Подарены в Императорскую Публичную библиотеку 1819 г. декабре автором" (207, д. F XVII 24(3). Хранятся "Переводы с китайского и маньчжурского студента П.Каменского 1806 г.", всего 400 листов текста. По возвращении в Россию П.И.Каменский активно занимался переводом классических текстов. Особенно много сохранилось заметок и выписок из конфуцианского канона[208]. Среди работ П.И.Каменского следует отметить сборники изречений и афоризмов, чем его предшественники не занимались. Более 100 листов текста представляет перевод с маньчжурского 1815 г. "Зерцало китайских добродетелей и пороков, или Тай-шан" (207, д. F III 5).

В 1818 г. П.И.Каменский вместе с С.В.Липовцевым составили каталог китайских и японских книг, которые Академия наук передавала Азиатскому музею. В 1817 г. император Александр I утвердил публикацию китайско-монголо-маньчжуро-русско-латинского словаря переводчика Азиатского департамента МИД П.И.Каменского в литографическом заведении государственной Коллегии иностранных дел. Объём словаря предполагался в 1200 страниц, тираж – 1000 экземпляров, срок издания – 6 лет, сроки издания – с 1818 по 1823 гг. На словарь пришли рецензии от крупнейших востоковедов Европы, таких как Дж.Барроу, Л.-Ж.Дегиня, Ж.-П.-А.Ремюза, Ч.Уилкинс.

В начале XIX в. П.И.Каменский был признан ведущим китаеведом в России, в 1819 г. он был избран чл.-корреспондентом С.- Петербургской Императорской Академии Наук по разряду литературы и древностей Во-

---

[206] Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. - М., 2007.

[207] Российская национальная библиотека. - Отд. рукописей. - Ф. 550: Основное собрание рукописей. - Д. F XVII 24. - Л. 17.

[208] Архивное агентство администрации Красноярского края. - Ф. 805: Г.И.Спасский. - Оп. 1. - Д. 103. - Л. 29.

стока. Он также являлся членом Вольного экономического общества, Вольного общества любителей науки и художеств, Парижского Азиатского общества и Копенгагенского общества северных антиквариев. Особое значение П.И.Каменский, будучи ещё чиновником МИД, уделял вопросам развития Пекинской миссии. В 1815 г. он представил генерал-губернатору Сибири И.Б.Пестелю "Примечания, клонящиеся к усовершенствованию состава в Пекин посылаемых Миссий", а оберпрокурору Св. Синода А.Н.Голицыну – записку "Об усовершенствовании состава в Пекин посылаемых миссий"[209].

В сохранившемся документе "Селение Галерное. Черновые заметки Петра Ивановича Каменского по истории Китая" можно выделить фрагмент для инструкции посольству, отправляемого в Пекин, одобренной императором Александром I (208, л. 4). Помимо этого, в архивных материалах сохранилось много его записей, касающихся благоустройства миссии, указания на ошибки предыдущих миссионеров и проч. (208, д. 98, л. 5-13). Эти замечания легли в основу будущей инструкции для последующих миссий в Пекин. Упущенные возможности и дипломатические неудачи России на Дальнем Востоке в начале XIX в. заставили руководство России самым серьёзным образом подойти к выбору кандидатуры на пост главы Российской духовной миссии в Пекине. В 1818 г. П.И.Каменский, срочно постриженный в монахи и рукоположенный в звание архимандрита, назначен начальником X Российской духовной миссии. Следует отметить, что на тот момент у России не было других учреждений, способных решать весь комплекс задач, стоявших перед страной в Восточной Азии.

И современники, и исследователи неоднократно отмечали, что именно организаторские способности Петра (Каменского), введённые им новые принципы подбора кадров в состав миссии, не просто вдохнули новую жизнь в это учреждение, но, возможно, спасли Российскую духовную миссию в Китае от "преждевременной гибели". Архим. Пётр внёс изменения в систему организации Российской духовной миссии. И собственно в Пекине был образован Совет миссии из трёх человек, функции самого архимандрита были сведены до роли "старшего священника", как он и именовался в официальных китайских документах. О положении дел миссии архим. Пётр (Каменский) писал в своём послании в Св. Синод от 2 февраля 1823 г. следующим образом: "Миссия наша находится в самом цветущем состоянии, все и каждый порознь с неутомимостью

[209] Ипатова А.С. Место Российской духовной миссии в Китае в истории русско-китайских отношений // Востоковедение и мировая культура: К 80-летию академика С.Л.Тихвинского: Сб. ст. - М., 1998. - С. 214-215.

упражняются в предписанных занятиях. Запущенные строения поправлены... Для духовных знание китайского языка необходимо нужно"[210].

Николай (Адоратский) по этому поводу писал следующее: "Отдавшись всецело благоустройству Миссии, архим. Пётр показал себя примерным по жизни монахом, достойным пастырем, искусным политиком и ревностным учёным"[211]. Пётр (Каменский) самым тщательным образом изучил опыт своих предшественников, а также католических миссионеров, который необходимо было использовать для работы в Китае. Находясь в Пекине, архим. Пётр и другие члены миссии постоянно следили за ситуацией в Китае, обращая внимания и докладывая в Петербург о событиях в разных частях страны и по разным проблемам. "Мнение о торговле Российско-Американской компании в Кантоне" (207, д. 26) представляет детальный анализ ситуации по одной из самых актуальных для России проблем в Азии на тот момент.

Конечно же, основным занятием для архим. Петра, как и для других членов миссии, было изучение языков и переводы текстов. Пётр (Каменский) изучал китайский язык, но для него маньчжурский язык был более важен. Интересно его отношение к китайскому языку: "Китайский язык есть сильный губитель человеческих дарований и даже приобретённых знаний. Я, более сорока лет им занимавшись, убил, так сказать, и дарования мои, и посильные знания, а отнюдь ни в какой части не усовершился"[212]. Тем не менее, Пётр (Каменский) говорил о значении научных исследований в деятельности миссии, он писал: "Пекин для учёных миссионеров есть прекрасная школа, рай, а для невежд мучительная неволя"[213].

Круг интересов архимандрита Петра был широк, он единственный из китаеведов своей эпохи занимался вопросами достижений китайского земледелия, интересовался семенами и различными лекарственными препаратами. П.И.Каменский старался выявить культурные особенности китайцев и их страны, что вело к написанию многочисленных заметок и рассуждений. Павел Иванович не делал акцент на классический перевод, он старался выделить нечто особенно важное. Пётр (Каменский) собрал огромную библиотеку китайских книг и прочих редкостей, которые хранятся теперь в разных архивах и библиотеках России.

---

[210] Шаталов О.В. Архимандрит Пётр (Каменский) и десятая Российская православная миссия в Китае // Ист. вестн. - М.; Воронеж, 2000. - № 2. - С. 85.

[211] Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае / Сост. Б.Г.Александров. - М., 2006. - С. 72.

[212] Можаровский А. Архимандрит Пётр Каменский // Рус. старина. - 1896. - Кн. 2, разд. 4. - С. 586.

[213] Ларичев В.Е., Пиков Г.Г., Тюрюмина Л.В. Юаньский проект // Восточная коллекция. - 2006. - № 3 (26). - С. 50.

С личностью архим. Петра (Каменского) и его соратниками связаны становление и последовавший расцвет китаеведческого образования в России. Если основателем Кяхтинского училища китайского языка и принято считать Иакинфа (Бичурина), то нельзя оспорить того факта, что русское правительство пошло на открытие этой школы только потому, что её одобрил возвращавшийся из Пекина архим. Пётр (Каменский), лично принявший экзамены у первых учеников Иакинфа (Бичурина). Только после этого, в ноябре 1832 г. принято официальное решение об открытии училища. Кроме того, лишь после возвращения из Пекина Петра (Каменского) была реализована идея создания университетского китаеведения.

О сотрудничестве основателя казанского востоковедения и будущего ректора Казанского университета О.М.Ковалевского и Петра (Каменского) говорит их переписка: "Высокоблагороднейший господин, милостивый государь Иосиф Михайлович! При настоящей оказии с приятностью хочу повторить пекинское наше сотрудничество, доставившее впоследствии мне значительные выгоды…"[214]. Первыми заведующими кафедрой китайского языка и китайской словесности были именно члены X миссии Петра (Каменского) – Даниил (Сивиллов) и И.М.Войцеховский.

Российское правительство высоко оценило деятельность X миссии, как пишут исследователи: "10-я миссия оправдала возлагавшиеся на неё надежды, а начальник её был дважды удостоен высочайшей аудиенции: при отъезде в Пекин его принял Александр I, а по возвращении – Николай I. Об уважительном отношении к нему и высоких сановных особ говорит тот факт, что ещё по пути в Китай, во время остановки в Иркутске, он был гостем генерал-губернатора Сибири М.М.Сперанского, и тот сделал ему дорогой для архим. Петра подарок: редкое издание латинского подлинника любимой Каменским книги "Подражание Христу" и собственный перевод её на русский язык.

Российское правительство по достоинству оценило заслуги архим. Петра перед Отечеством, наградив его орденом св. Анны 1 степени. Никто из начальников Пекинской миссии не удостаивался такой награды" (120, с. 219). Далее, как писал Николай (Адоратский): "отказавшись от чести быть епископом в Астрахани, архим. Пётр пожелал удалиться на покой в Городецкую Феодоровскую обитель Нижегородской епархии…. В течение 12 лет, проведённых в обители, архим. Пётр в тиши уединения предавался чтению книг и размышлению" (211, с. 75).

---

[214] Хохлов А.Н. Монголист О.М.Ковалевский: путешествие в Пекин (1830-1831) и контакты с Российскими китаеведами // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. - М., 2004. - Вып. 2. - С. 166.

Казалось бы, весь жизненный путь синолога П.И.Каменского хорошо известен, а его труды по достоинству оценены. Но работы, несмотря на "всеобщее признание", так и не были изданы, а потомки уже на протяжении более полутора веков "ставят в вину" Петру (Каменскому) "его недооценку китайской культуры" (213, с.52). Для того чтобы понять подобную ситуацию, надо внимательнее посмотреть на эпоху, сравнить общественные настроения с идеями, защищавшимися в своих трудах Петром (Каменским).

Русское общество к началу XIX в. познакомилось посредством работ европейских и русских синологов с "загадочным" и "романтичным" Китаем. Исследователи отмечают: "Уже в XVIII в., в журналах Н.И.Новикова и Я.П.Козельского, публиковались материалы о Китае, где Китай выступал как положительный пример при обсуждении проблем русской государственности. В этих же журналах появляются и первые переводы китайской классики, как с французского, так и с китайского языков. Последние выполнялись Алексеем Леонтьевым… которые создавали в обществе образ китайской Утопии…

В примечаниях к своим переводам А.Леонтьев знакомил читателя с китайской культурой и её основными мировоззренческими категориями, сближая установки конфуцианства с христианством. Другой китаевед, З.Ф.Леонтьевский, продолжил ту же общегуманитарную линию…"[215]. Работы Иакинфа (Бичурина), поднявшие российскую синологию на самый высокий уровень, имели ту же, привычную для обывателя "общегуманитарную направленность". И далеко не все готовы были принять реалии, тем более что русская культура традиционно ориентирована на жёсткую самокритику и поиск идеалов вовне.

П.И.Каменский, несмотря на общественные настроения одним из первых в мировой науке критически подошёл к китайским текстам, к китайским реалиям. Например, в рукописи "Краткое начертание о предубеждении китайцев к самим себе, ложном мнении их о всех прочих народах и о нынешнем положении Китайского Двора, сочиненное г.г. Каменским и Липовцовым. 1818" можно прочитать: "…древние китайцы… весьма заблудились о сем в своих мнениях и предали потомству своё невежество. Они возмечтали, что одно их государство вмещает в себя всю вселенную…"[216].

В другой работе Пётр (Каменский) писал: "Во всём пространстве учёности в мыслях и суждениях ни на волос от положенной меры укло-

[215] Голыгина К.И., Сорокина В.Ф. Изучение китайской литературы в России. - М., 2004. - С. 3-4.
[216] Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. - Ф. 24: Пекинская миссия. - Оп. 1. - Д. 26. - Л. 19.

нить не может… в сочинениях единообразие мысли, никакой новизны нет вообще. Древние врали, ныне хотя бы и могли улучшить, но ничего не позволяется. Напр., европейские миссионеры вечно /около 3 столетий/ там пребывающие, многое бы могли направить, но, кроме астрономии и других неважных дел, ничего несущие. Около 300 лет учёнейшие европейцы, сколько книг ни издавали, но в их книжных лавках ни одной христианской книги сыскать нельзя. Теперь причины ясны, почему Китай в рассуждении… стоит на одной мере неподвижно" (216, д. 2, л. 73).

Пётр (Каменский) одним из первых в европейской синологии выступил с обоснованной критикой китайской культуры: "Понеже учёность их суха, то и воспитание детей незавидно: сперва мучают их литерами и древнейшими книгами, совсем по сухости и тёмности юношеству и несовместимости и безполезными. Лучшею из учебных книг может… книга из Конфуцианской школы произошедшая, но истиною и та крайне безплодна. Преподаётся история, нелепостями изгаженная; География весь Мир в Китае замыкающая; Политика всю судьбу рода человеческого под одно их правление подклоняющая… Я веду слово моё к тому, что Китай в науках беден. В внутренней отечественной своей политике опытен, но в сношениях с другими народами безумен до бесконечности. Китайский министр при трактовке дел с Иностранным министром, есть прескорбнейший лунатик…" (208, л. 68).

Критиковал Пётр (Каменский) так же труды соотечественников и европейцев. Например, по поводу французского миссионера-иезуита Ж.М.Амьё он писал: "Китайские иезуита Амиота записки, – читаем в одном из его отзывов, – суть тело, не имеющее и признаков души – при всей знатности его учёности, толикие труды поистине не только суть тщетны, но и вредны. Он... не объяснял, но что уже, так сказать, в учёном свете, почти и объяснилось, по крайнему без совестию совершенно затемнить старался. Он писал под именем китайцов, из их пазухи вышедших, такия небылицы, о коих и сам Китай при всей своей древности, никогда не слыхивал. Ежестрочныя пустыя его противоречия, сильны доказать сию истину" (211).

Таким образом, Павел Иванович Каменский (архим. Пётр) не просто был выдающимся российским синологом, он одним из первых в мировой науке критически подошёл к китайской культуре. В условиях, когда российское общество только что познакомилось с Китаем через труды во многом идеализировавших китайскую действительность иезуитов, когда интеллигенция восторженно приняла работы Н.Я.Бичурина, когда многие надеялись, что именно китайский опыт позволит России решить свои проблемы, Пётр (Каменский) выступил

с жёсткой критикой китайской культуры. Это, очевидно, и является ключом к разгадке "тайны Каменского" (Александр Ломанов).

"В инструкции начальнику 10-й духовной миссии о. Петру при отправлении на смену указано: "А как из разных доносов учеников известно, якобы он некоторые принадлежащие пекинскому монастырю дома, значительный доход приносившие, продал сам собою, а сверх того и некоторая церковная утварь тоже растрачена <…>. Равномерно, ежели справедливыми окажутся пронесшиеся сюда сведения, якобы архим. Иакинф растратил и жалованную сумму, и якобы ученики принуждены содержать себя одолжениями от знакомых китайцев <…>. Что же касается до проданных монастырских домов и церковных вещей, то употребить всё Ваше старание выкупить оные. Впрочем, сколь ни велики были бы беспорядки и недостатки, кои могут открыться при сей смене, все они должны быть скрыты от Китайского правительства"[217].

Встретившись с албазинцами, архим. Пётр напомнил им происхождение, и проповедь его произвела "в сердцах их такое действие, что все из бывших у него прежних православных христиан были растроганы и дали ему решительное обещание оставить языческое идолопоклонство и восприять веру своих предков" (120, с. 66-67). Не все вернутся в лоно церкви. 4 января 1821 года состоялся акт приёма иером. Вениамином из ведения прежней миссии земель и домов, принадлежавших миссии. "В это же время были выкуплены заложенные церковные и монастырские вещи и запроданная колокольня. Но проданные колоколенные часы не вернулись назад" (120, с. 66). Вновь открыто училище для албазинских детей, в которое собрали до 10 учеников, и, "чтобы приохотить их к занятиям", миссия, как положено, стала выдавать им по 1,5-3 рубля в месяц (120, с. 67).

Архим. Пётр в Записке № 70, 9 января 1831 года, докладывал начальству: "Российские священники не обучались китайскому языку, албазинцы же совершенно забыли русский, а потому все до единого и погрузились в мрачное идолопоклонство"[218]. Преемник о. Иакинфа перечислил в списке всех православных албазинцев в Пекине, свидетельствуя, что "веры не осталось ничуть", и тут же подчеркнул, что поддержание в албазинцах христианства невозможно без проповеди слова Божия "на внятном им китайском языке, христианские должности объясняющие"[219].

---

[217] Проект инструкции Начальнику новой Пекинской духовной миссии (1831-37) // КБ. - 1912. - № 7. - С. 15.

[218] Изв. Братства Православной Церкви в Китае. - 1906. - Вып. 23-24. - С. 19.

[219] Китайский Благовестник. 1685-1935: Юбил. сб., посвящ. 250-летию со дня основания Рос. православ. миссии в Китае. - Пекин, 1935. - С. 104.

Биографии. "Даниил Сивиллов родился в 1788 году, сын дьячка. По окончании курса в Пензенской духовной семинарии поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию. Из неё "по несродности к врачебным наукам" перемещён в 1819 году в семинарию Александро-Невской лавры. 24 апреля 1819 года назначен в состав отправлявшейся в Пекин духовной миссии; перед отправлением в Китай пострижен в монашество (14 сентября 1819 года) и затем рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. Во время пребывания в Пекине (1819-1831), кроме своих обязанностей по миссии, занимался изучением китайского языка и китайских вероучений, делая переводы на китайский язык книг духовно-религиозного содержания.

По возвращении в 1831 году в Россию, в мае 1832 года, наречён архимандритом московского Златоустовского монастыря. 11 мая 1837 года последовало высочайшее соизволение на учреждение в Казанском университете кафедры китайского языка, одновременно с определением ординарным профессором на неё архим. Даниила, глубоко изучившего китайскую филологию за время 12-летнего пребывания в Пекине в составе духовной миссии. С 11 октября 1838 года ему поручается преподавание китайского языка и в первой казанской гимназии. Уволен из университета 8 апреля 1844 года (преемником его станет И.П.Войцеховский), с назначением настоятелем посольского монастыря в Верхнеудинском округе Иркутской губернии и миссионером для проповеди между инородцами"[220].

"Войцеховский, Иосиф Павлович, родился в 1793 году, сын священника, образование получил в Киевской духовной академии и императорской медико-хирургической академии. По окончании курса со званием лекаря назначен врачом при Пекинской духовной миссии (19 мая 1819 года); выехали в Пекин 26 декабря 1819 года. Возвратился в 1831 году, с миссиею, в Россию и был оставлен в ведомстве азиатского департамента (31 мая 1832 года). В 1834 году, 6 апреля, произведён в штаб-лекари, в 1838-39 годах и. д. врача при Петербургской духовной академии.

8 апреля 1844 года, по рекомендации архим. Аввакума, Иосиф Павлович назначен в Казанский университет и. д. проф. китайского языка, на место уволенного архим. Даниила, с отчислением из ведомства азиатского департамента и с поручением преподавания и языка маньчжурского. В 1847 году он продал университету коллекцию книг и рукописей на китайском и маньчжурском языках. Умер, на службе, 7 ноября 1850 года, от водянки. И.П.Войцеховский усердно трудился над составлением китай-

[220] Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета (1804 - 1904). - Казань, 1904. - Ч. 1. - С. 228.

ско-маньчжурско-русского словаря, рукопись которого (в 3 тт.) ещё при жизни автора приобретена казанским университетом" (220, с.225-6).

Проповедь Российской духовной миссии в Китае

"К началу XIX в. потомки пленённых в конце XVII в. албазинцев слились с миром окружавшей их культуры настолько плотно, что проповедь на русском языке стала для них практически недоступной. Это побуждало православных священников следовать примеру западных миссионеров, проделавших к тому времени большой труд по переводу на китайский язык христианской литературы. Бичурин подготовил краткий катехизис на китайском языке, правда, его потом упрекали в том, что это было извлечение из "католического катехизиса, изданного иезуитами в 1739 г." (165, с.87). Во время 10-й миссии иеромонах Даниил (Сивиллов) перевёл на китайский язык "утренние молитвы, зерцало исповедания веры Димитрия Ростовского, молитвы, читаемые за литургией, стоглавник св. Геннадия" (165, с.99).

Наставник Миссии архим. Пётр приложил немало сил к собиранию для библиотеки миссии имеющихся инославных переводов христианских текстов на китайский язык. При 11-й Миссии иеромонах Феофилакт (Киселевский) перевёл на китайский язык "краткий катехизис Филарета, две проповеди, два руководства Кочетова – "О законе Божием" и "Об обязанностях христианина" (165, с.103).

Одиннадцатая ПДМ (1830-1840)

Начальник – Вениамин (Морачевич), архим. (1830-6). Иеромонахи – Аввакум (Честной) (1801 – 1865), Феофилакт (Киселевский) (1809 – 1840, Пекин). Иеродиакон – Поликарп (Тугаринов). Студенты – Г.М. Розов (1808 – 1853), Курлянцев, А.И.Кованько, Е.И.Сычевский. Врач – П.Е.Кирилов (1801 – 1864). Художник – А.М.Легашев (1798 – 1865). Прикомандированные – ботаник А.А.Бунге, астроном Е.Н.Фус, монголист О.М.Ковалевский. Пристав – полковник М.В.Ладыженский.

Миссия под началом иером. Аввакума Честного (1836-40). "Это была личность замечательная не менее о. Иакинфа, по добрейшему характеру и удивительной учёности. Может быть, он уступал о. Иакинфу в знании китайского языка, но зато он изучил ещё языки маньчжурский, монгольский, тибетский, корейский, кроме европейских и классических языков. Жаль, что он унёс с собой в могилу свою учёность и мало делился ею в литературе. Сочинения о. Иакинфа были изучаемы им ещё в Пекине. По возвращении из Китая в 1841 году, он был, подобно о. Иакинфу, причислен переводчиком к министерству иностранных дел, где и оставался до своей кончины 10 марта 1865 года" (120, с. 311-312).

"Что касается до учёности, то в этой миссии, кроме о. Аввакума, можно указать только на Е.И.Сычевского. Он очень хорошо знал китайский и ещё лучше маньчжурский язык, но он не был достаточно образован по-европейски, так как был родом бурят и, кажется, не окончил курса в Иркутской гимназии. Он служил после в Кяхте и Иркутске, был честен, но горяч, и от этого у него происходили истории"[221].

Министерство иностранных дел России в инструкции 1833 года для Пекинской духовной миссии обозначило цели российской политики. "Первое состоит в сохранении и ускорении дружественных с Китаем связей как с государством, с которым граничим мы на столь значительном протяжении; затем заключается в распространении и развитии торговых наших с китайцами отношений для пользы отечественной промышленности и взаимных выгод". Членам миссии предписывалась предельная осторожность, дабы избежать неудовольствия и подозрений у китайских властей. В те времена Пекинская миссия по части религиозной пропаганды действовала "не шибко", благодаря чему не вызывала у китайцев такого недоверия, как более наступательное католичество.

В "Проекте инструкции Начальнику новой Пекинской духовной миссии (1831 – 37 гг.)" находим сведения о составе миссии, там же читаем о главных обязанностях начальника миссии: "Пекинская Духовная Миссия, по точному смыслу трактата с Китайцами, состоит, кроме Начальника, ещё из трёх духовных лиц и шести светских, или студентов, отправляемых с преимущественною целью изучения разных языков" (217, с.14-5). В числе студентов находился один воспитанник Казанского университета (217, с.15). Главнейшие обязанности – "в поддержании проживающих в Пекине албазинцев в христианской вере, другие в учебной части и до прочих предметов внутреннего и хозяйственного управления" (217, с.16). "Вместо 10-летнего пребывания миссий в Пекине нынешней Миссии определяется только семь лет. Поелику срок сей весьма достаточен, чтобы успеть в языках Маньчжурском и Китайском" (217, с.16). Чтоб до истечения оного срока "никто ни под каким видом и предметом возвращаем в отечество не был".

Далее указывается, чтобы "в числе книг постараться достать Библию, переведённую иезуитами на Маньчжурский и Китайский языки" (217, с.17). Важно "представлять также выписки из Китайских газет с нужными пояснениями" (217, с.23). Следует предупреждение начальнику миссии: "Вы должны быть постоянно верны правилам осторожности. Китайцы должны видеть в Вас только Российского старшего

[221] Хохлов А.Н. Н.Я.Бичурин и его труды о Монголии и Китае первой половины XIX в. // Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. - М., 1977. - С. 23.

священника, а отнюдь не политического агента" (217, с.24). Строгое предписание даётся касательно поведения и внутреннего распорядка: "чтоб стол для всей Миссии, включая и Ваш, был общий, т.е. чтоб никто не имел частного своего стола, но чтоб все в назначенный час являлись к общему столу, подобно семейному порядку" (217, с.17).

По записи иером. Аввакума, в 1831 году всех православных христиан в Пекине значилось 73 человека обоего пола. Имеются метрические записи с 1837 года. И "разницу: 545 – 484 чел. – можно рассматривать, как количество христиан, оставшихся в живых к началу 1837 года; такое заключение вполне правдоподобно, если принять во внимание количество христиан, поименованных в списке архимандрита Петра 1831 года" (218, 1906, вып. 27-28, с.22).

С начала XVIII века Российская духовная миссия занимается приобретением недвижимости. Позднее домовладение и землевладение в Пекине и за его пределами станет заметной статьёй дохода миссии. "Эти дома частью были приобретены миссиею, частью пожертвованы русскими караванными купцами, торговавшими в Пекине. Древнейший документ этого рода – купчая на двор Гаврилы Савина 28 февраля 1716 г., затем купчие иеромонаха Лаврентия 21 ноября 1728 г. и 27 апреля 1734 г. Эти девять домов значатся и в описи о. Аввакума от 1831-1840 гг." (120, с.267). В описи о. Аввакума, кроме того, значатся лавки, принадлежащие миссии. По описи видно, что "миссия в 1831 г. получила доходу с домов, при Успенском храме, 8150 малых чохов в месяц, а в южной части Пекина с 1 дома и 9 лавок около 48 тысяч. Вообще при о. Аввакуме миссия получила доходу с земель, домов и лавок до 2500 рублей серебром в год. При о. Иакинфе эта статья была значительно меньше – вдвое, если не втрое" (120, с.268).

Двенадцатая ПДМ (1840-1849)

Начальник – Поликарп (Тугаринов), архим. Иеромонах – Иннокентий (Немиров) (1818 – 1877). Иеродиаконы – Палладий (Кафаров) (1817 – 1878), Гурий (Карпов) (1812 – 1882). Студенты – И.А. Гошкевич (1814 – 1875), В.В.Горский (1819 – 1847), И.И.Захаров (1814 – 1885). Врач – А.А.Татаринов (1817 – 1876). Художник – К.И.Корсалин (1809 – 1872). Прикомандирован – магистр В.П.Васильев (1818 – 1900). Пристав – Н.И.Любимов (1808 – 1875).

В 1842 году, после приезда миссии архим. Поликарпа, всех православных христиан в Пекине значилось 92 человека (в 22 семействах). В числе членов духовной миссии в 1840 году в Пекин впервые прибыл П.И.Кафаров. Там он успел близко сойтись с Е.И.Сычевским и познакомиться с его переводами.

Члены блестящей по составу 12-й миссии: о. Палладий, В.В. Горский, В.П.Васильев, И.И.Захаров – перед своим отъездом в Пекин получили от о. Иакинфа "не только полезные советы и указания, но и прямые уроки в китайской словесности. Поэтому, если их нельзя назвать учениками его, то, бесспорно, можно считать продолжателями его трудов и энтузиастами, для которых сочинения о. Иакинфа были исходным пунктом в их учёных занятиях" (120, с. 312). Проф. Васильев считал дерзостью разбирать сочинения Иакинфа, настолько авторитет последнего для него непререкаем.

Биография. Васильев, Василий Павлович, родился в 1818 году, в Нижнем Новгороде, в семье одного из местных чиновников. В 1834 году поступил на словесное отделение Казанского университета. Весною 1837 года, по представлению попечителя, состоялась (предложение министра от 7 мая) командировка В.П.Васильева в Китай с очередной духовною миссиею, имеющей быть снаряжённою в Пекин. 16 июня 1837 года В.П. Васильев выпущен из университета со степенью кандидата.

Только 11 мая 1837 года состоялось высочайшее соизволение на учреждение в Казанском университете кафедры китайского языка, одновременно с определением на неё архимандрита московского Златоустовского монастыря Даниила, глубоко изучившего китайскую филологию за время 12-летнего пребывания в Пекине в качестве члена духовной миссии. До отправления в Китай В.П.Васильеву оставалось ещё около 2,5 лет, и молодой ориенталист с успехом воспользовался временем для ознакомления с китайским языком, под руководством архим. Даниила.

Результатом занятий В.П.Васильева явилось выдержанное им испытание на степень магистра и защита (23 декабря 1839 г.) диссертации на тему: "Об основаниях философии буддизма". Утверждённый 29 февраля 1840 г. в степени магистра восточной словесности, В.П. вскоре после этого выехал в далёкое путешествие, которое должно было на 10 лет оторвать его от родины и от его университета. Точно следуя данной ему инструкции, в силу которой он отправлялся на дальний Восток "для изучения китайского, тибетского и санскритского языков и для исследования географий, историй, религии и древностей народов, населяющих восточную Азию (221, с. 222-3).

В 1850 году В.П.Васильев возвратился в Россию, обогатив себя запасом знаний, наблюдений и материалов, которые вскоре выдвинули его в ряды лучших представителей ориенталистики (221, с.224). Уже профессором китайского и маньчжурского языков, последний из могикан славной школы восточной словесности, зародившейся при Ка-

занском университете в 30-50-х годах XIX столетия, в 1855 году он переведён в Петербургский университет (221, с. 223-4).

В.П.Васильев (1818-1900), подобно Н.Я.Бичурину, считал необходимостью для всех членов миссии знание китайского языка и её культуры. Им созданы китайские грамматики, словари, хрестоматии. Пособия издавались литографическим способом. Он нашёл свой порядок следования знаков – иероглифов в словаре, отличный от китайской системы, и публикует труд "Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря", который обогатит российское китаеведение.

Проповедь Российской духовной миссии в Китае

"По словам современника (1885 г.), "некоторые наши синологи из членов Миссии (как о. Палладий и о. Аввакум) вполне основательно настаивали на том, что Священные Книги на китайский язык переводить не надо. Однако насущная потребность иметь эти книги невольно заставляла забыть такие трудности, совсем подчас не преодолимые и только уменьшаемые глубоким знанием китайского языка и литературы, особенно когда перевод и распространение Священного Писания католическими и протестантскими миссионерами производятся так деятельно в Китае, и сам о. Палладий под конец уступил необходимости и принял участие в переводах"[222].

При 12-й Миссии обязанности миссионерской работы нёс на себе иеромонах Гурий (Карпов). "Из трудов его по языку нужно упомянуть просмотр прежних переводов огласительных христианских книг и новые переводы на китайский язык: Соборное послание св. Апостола Иакова, Последование ко св. Причащению, Священная История с прибавлением краткой Церковной истории, последование Всенощного бдения и Литургии Златоуста, Краткие жития святых за год и Краткая История Ветхого Завета в виде руководства для школьников" (165, с.120).

Письма архимандрита Поликарпа[223].

"Члены Российской духовной миссии в Пекине, из стен которой вышло большинство русских китаеведов, оставили после себя обширную переписку, относящуюся к пекинскому периоду их жизни. В середине XIX в. почтовая связь между С.-Петербургом и Пекинской миссией была строго регламентирована – всего 4 раза в год. Из Петербурга в Пекин и обратно почта направлялась одновременно во второй половине (не позд-

[222] Ивановский А. Богослужебные книги православной Церкви на китайском языке // Христианское чтение. - 1885. - №3-4. - С. 490.

[223] Ипатова А.С. Письма архимандрита Поликарпа (Из истории Росскийской духовной миссии в Пекине) // Проблемы Дальнего Востока. - М, 1991. - №2. - С. 91-97.

нее 20 числа) февраля, мая, августа и ноября. Однако, судя по датам донесений и писем, эти сроки нередко сдвигались вплоть до последних чисел означенных месяцев. Сверх этого по 4 раза в год в Пекин отправлялась почта из Иркутска (канцелярии ген.-губернатора Восточной Сибири) и Кяхты (от Троицко-Савского пограничного начальника и городских властей) в январе, апреле, июле и октябре и из Пекина в эти города.

Всякий раз наряду с официальной корреспонденцией – донесениями в Азиатский департамент МИД и Канцелярию Синода, отчётами о работе, деловыми бумагами в различные научные ведомства России, научными трудами – из Пекина отправлялись и частные письма. Ещё в 1727 г. Кяхтинский договор, официально закрепивший статус Пекинской миссии, определил 10-летний срок пребывания в Китае каждого очередного её состава. Часто он бывал продолжительнее, к тому же многие из членов миссии по нескольку раз выезжали в Китай. И нетрудно понять, сколь важной для них была эта переписка. Эпистолярное творчество членов духовной миссии – наименее выявленный и освоенный пласт многогранного наследия отечественных китаеведов.

Многое осело в домашних архивах и безвозвратно исчезло, тем не менее, значительная часть приватной переписки уцелела и хранится в различных архивах, прежде всего в Архиве внешней политики России (АВПР) МИД СССР и Центральном государственном историческом архиве СССР (ЦГИА), бывшем ЛОЦИА, ЦГИАЛ.

Интерес русских и советских китаеведов к эпистолярному наследию своих предшественников, равно как и к их дневниковым записям в Пекине, наблюдался всегда. Однако справедливости ради следует признать, что интерес этот проявляли и проявляют лишь отдельные историки, энтузиасты, поборники всестороннего, комплексного изучения отечественного китаеведения, русско-китайских отношений.

Особая заслуга в изучении и популяризации этих своеобразных исторических источников, несомненно, принадлежит П.Е.Скачкову, его ученику, коллеге и последователю В.С.Мясникову, а также А.Н.Хохлову, досконально обследовавшему фонды не только центральных, но и многих республиканских и местных архивов и музеев. П.Е.Скачков опубликовал письма Н.Я.Бичурина, В.С.Мясникова, возрождая эту традицию, – письма врача 11-й миссии Порфирия Евдокимовича Кирилова к известному сибирскому купцу и собирателю редкостей Василию Николаевичу Баснину.

Продолжая эту серию находок и публикаций, обратимся к частным письмам главы 12-й миссии П.Тугаринова к Н.И.Любимову, в те годы вице-директору Азиатского департамента МИД России.

Поликарп Тугаринов – каков он? В китаеведческой литературе сложился малопривлекательный образ начальника 12-й миссии, в значительной степени, видимо, под влиянием характеристик, данных ему академиком В.П.Васильевым, который молодым магистром-востоковедом был прикомандирован к 12-й миссии и работал в Пекине под началом Тугаринова. 10 лет спустя по возвращении из Китая В.П.Васильев вспоминал: "Никому из архимандритов Азиатский департамент не давал такого доверия и власти, а Поликарп всё ещё боялся, что у него её отнимут, и на всяком шагу её отыскивал. Будучи умным и нельзя сказать, что необразованным человеком, не имея ни тени монашеского ханжества, он, тем не менее, был несносен по своему взбалмошному раздражительному характеру и капризам. То он вдруг ласков, и вдруг чрез несколько минут смотрел на того же человека, как на лакея. У него были расставлены наперед вопросы, кого преследовать и кому покровительствовать"[224]. Позже в письме к П.С.Попову В.П. Васильев писал о Тугаринове, что тот "жесток до самодурства" (172, с. 205).

Вместе с тем не следует забывать и объективно непростые условия десятилетнего совместного проживания небольшой (7-10 человек) группы людей вдали от России в крайне непривычных для европейца условиях, и климатических, и бытовых. Размещались они в двух отстоявших друг от друга на расстоянии восьми вёрст русских подворьях – Южном (Наньгуань) и Северном (Бэйгуань). Вели весьма замкнутый образ жизни, жили почти изолированно от местного населения.

Исключение составляли китайцы-учителя, чиновники Палаты внешних сношений (Лифанюаня), китайский пристав миссии, потомки албазинцев да небольшой круг знакомых пекинцев. В Пекине находились почти безвыездно. Однообразно, в трудах, учении и молитвах, проходили дни и годы. Приятное оживление и разнообразие вносили поездки в буддийские монастыри близ китайской столицы, походы ботаников и врачей за образцами местной флоры в близлежащие горы.

На таком отнюдь не радужном фоне особенно остро проявились несходство жизненных позиций, сложные противоречивые характеры В.П. Васильева и П.Тугаринова. Всё это, вместе взятое, видимо, породило устойчивую нетерпимость во взаимоотношениях этих двух членов миссии, один из которых, хотя и номинально, находился в подчинении у другого.

В целом же известные китаеведам сведения о П.Тугаринове крайне скупы и в основном, что вполне объяснимо, ограничиваются его пекинским и предпекинским периодами жизни. Не установлена даже дата его смерти. Сын ярославского священника, Пётр Андреевич Ту-

[224] Цит. по: П И.Кафаров и его вклад в отечественное китаеведение. — М., 1977. — Ч. 1. — С. 16.

гаринов родился в 1799 г. В августе 1827 г. по окончании Ярославской семинарии поступил в Петербургскую духовную академию. В ноябре 1829 г. студентом высшего класса он принял монашество и в январе 1830 г. зачислен в состав 11-й миссии иеродиаконом.

По приезде в Пекин сразу же занялся изучением восточных языков – китайского, маньчжурского и тибетского. В свидетельстве, выданном ему Советом миссии в октябре 1835 г., говорится, что он занимался "китайским языком <...> с успехом превосходным, маньчжурским – очень успешно и тибетским – хорошо". В Пекине Тугаринов увлекся изучением буддизма. В 1833 г., после того как ему удалось приобрести уникальное собрание буддийских книг на китайском языке "Ганчжур" и "Данчжур", он занялся переводами отдельных сюжетов из буддийских трактатов.

Из-за тяжёлой болезни Тугаринов был вынужден раньше срока вернуться в Россию, где продолжил учёбу в Петербургской духовной академии. В 1839 г. окончил её, получил учёную степень магистра богословия, был назначен начальником 12-й миссии и посвящён в сан архимандрита. Получив назначение, П.А.Тугаринов быстро занялся подбором людей, прежде всего тех, которых знал лично по учёбе в академии. Состав без преувеличения оказался поистине уникальным. Помимо лиц духовного звания, таких, как иеромонах Иннокентий Немцов, Палладий Кафаров и Гурий Карпов, в 12-ю миссию вошли также студенты И.А.Гошкевич, В.В.Горский (умер в Пекине в 1847 г.) и И.И.Захаров, врач А.А.Татаринов, художник К.И.Корсалин и прикомандированный к миссии востоковед В.П.Васильев.

Большинство из них стало китаеведами и оставило заметный след в отечественной и мировой науке, в истории дипломатии России на Востоке. И это определенная заслуга П.Тугаринова, сделавшего столь удачный выбор. Вскоре по прибытии в Китай многие из них под влиянием П.Тугаринова, имевшего некоторый опыт в переводе буддийских сочинений, увлеклись буддологией. Этому способствовало и такое немаловажное обстоятельство, как наличие в библиотеке миссии упомянутой нами коллекции буддийских книг, которую П.Тугаринов, уезжая в Россию, вынужден был продать библиотеке Пекинской миссии за 30 фунтов серебра, тем укрепив превосходную источниковую базу для научных изысканий в стенах миссии.

Регулярно докладывая в Азиатский департамент о научных занятиях членов миссии и особо выделяя труды П.Кафарова и В.Горского, архимандрит Поликарп высоко оценивал их успехи, способности и необыкновенное трудолюбие. В научном китаеведении сам П.Тугаринов не оставил сколько-нибудь заметного следа. В "Библиографии Китая" П.Е.

Скачкова нет ни одного упоминания имени П.Тугаринова, нет его и среди авторов дошедших до нас неопубликованных работ в подробнейшем своде "Рукописного наследия русских китаеведов".

Дипломатическая деятельность П.Тугаринова была весьма насыщенной и плодотворной. На него было возложено ответственное задание – всемерно способствовать расширению русско-китайских торговых связей. В период пребывания 12-й миссии в Китае произошли события, круто изменившие его историческое развитие. Поражение Цинской империи в первой опиумной войне 1840-1842 гг. и подписание неравноправного Нанкинского договора с Англией и дополнительного Хумэньского соглашения повлекли за собою целую серию подобных договоров Китая с другими странами.

Это означало крах изоляционистской внешней политики Цинов и насильственное открытие страны для иностранных товаров, а затем и иностранного капитала. Английские изделия всё увереннее заполняли китайский рынок, вытесняя российские товары традиционного ассортимента кяхтинской торговли. Это весьма беспокоило Петербург, и министерство иностранных дел поручило миссии максимально полно информировать его о торговой ситуации в Китае. П.Тугаринов с этим заданием справился и, видимо, успешно. Успешно завершил он и начатые Н.И.Любимовым, длившиеся не один год трудные переговоры с цинскими властями о сокращении сроков пребывания в Пекине каждого состава миссии до 6 лет.

Таким представляется нам начальник 12-й миссии П.Тугаринов, автор писем, о которых речь пойдёт далее. Адресат П.Тугаринова, Николай Иванович Любимов, человек, бесспорно, интересный, деятельность которого заслуживает серьёзного специального изучения. С его именем связан немаловажный период русско-китайских отношений. В жизни Н.И.Любимова были и благочестивое детство и отрочество (происходил он из духовного сословия), и университетская юность, и блестящая карьера дипломата-востоковеда, а затем петербургского сановника. В 1828 г. в возрасте 20 лет он закончил Московский университет и поступил на службу в министерство иностранных дел. В начале 1829 г. утверждён в чине коллежского секретаря, в октябре 1830 г. назначен начальником 1-го стола 2-го отделения Азиатского департамента, в апреле 1833 г. произведён в коллежские асессоры, с 1836 г. – начальник 2-го отделения. В апреле 1840 г. по предложению МИД Николай Иванович Любимов назначен приставом для сопровождения в Китай 12-й миссии и возвращения на родину 11-й миссии. Должность эта была весьма ответственной. Приставами

назначались (постоянно – с 1794 г.) либо чиновники МИД, уже имевшие определённый опыт дипломатической службы, либо военные в ранге подполковника или полковника.

Тогда и познакомился Любимов с Тугариновым. Они провели вместе более года (по июнь 1841 г.). Пребывание Н.И.Любимова в Пекине было весьма плодотворным не только в деле знакомства с Китаем, но и в решении практических вопросов. В апреле 1843 г. статский советник Н.И. Любимов был назначен вице-директором Азиатского департамента. В его дипломатической деятельности была и своего рода детективная страница. Между Россией и Китаем не существовало официальной договорённости о торговле в Западном Китае вплоть до Тарбагатайского (Кульджинского) договора 1851 г., и она носила полулегальный характер. Посредниками выступали жители Средней Азии. Однако со временем русские купцы, переодевшись в среднеазиатский костюм и заручившись письмами от своих среднеазиатских посредников к местным китайским властям, сами стали торговать в Западном Китае.

В 1845-1846 гг., облачившись в среднеазиатский наряд, Н.И.Любимов нелегально совершил поездку в китайские города Чугучак и Кульджу под именем фридрихсгамского купца 2-й гильдии Николая Иванова Хорошева. Цель поездки – выявление возможностей расширения русско-китайских торговых связей в Западном Китае. Во время этой поездки Н.И. Любимов в беседе с чугучакским амбанем обратился к нему с вопросом: "Могут ли русские приезжать в Чугучак в своём национальном платье?" Ответ был категорически отрицательным: "Торговля там со стороны китайского правительства позволена андижанцам (кокандцам и ташкентцам), и поэтому русские должны приезжать в азиатском наряде"[225].

По возвращении Н.И.Любимову был пожалован чин действительного статского советника. После договора 1851 г. о торговле в Кульдже и Чугучаке, учреждении там консульств и открытии факторий Н.И. Любимов был назначен директором Азиатского департамента (1852). В 1856 г., после поражения в Крымской войне, в МИД была проведена основательная смена дипломатических кадров, и Н.И.Любимов переведён в Сенат. Остаток дней своих он провёл вдали от России. Скончался в 1875 г. в швейцарском городе Гаисе, был быстро забыт современниками, практически не вспоминали о нём и востоковеды последующих поколений.

Это дало основание Н.И.Веселовскому с горечью констатировать, что Н.И.Любимов, "имевший некогда значительное влияние на политическую деятельность России на Востоке, мало кому известен. Он не оставил никаких печатных трудов, хотя имел большой запас интерес-

[225] Архив внешней политики России. - Ф. Главный архив, II-3, 1846. - Д. 5. - Л. 152.

ных материалов, собранных им путём личных наблюдений в странах Восточной и Средней Азии и полученных от ориенталистов, с которыми находился в дружеских отношениях. Никто не потрудился написать его биографию и указать его заслуги перед государством"[226]. Сказанное более 80 лет назад и сегодня остаётся, к сожалению, в силе.

Накопленные за 30-летнюю службу в МИД материалы (принадлежащие перу Н.И.Любимова рукописные подлинники, черновики документов, обширные и краткие научно-практические записки, отчёты, проекты документов и рекомендации, дневники путешествий, все его записные книжки) хранились в личном архиве Любимова, который он, покидая Россию, взял с собою. Казалось бы, архив Любимова был обречён на исчезновение. Так оно и случилось бы; если бы не энергичные действия М.Б.Аничковой, вдовы друга Николая Ивановича, бывшего российского посланника в Персии Н.А.Аничкова. Она знала о существовании этого архива, и поиски привели её в Швейцарию. Здесь на чердаке дома, где жил Н.И.Любимов, она обнаружила его архив. Он хранится теперь в ЦГИА в фонде "Канцелярия Синода" (89 ед. хр.).

Особый интерес для характеристики Любимова представляют собою записи-размышления, которые он делал для себя перед отъездом из Петербурга. "Способен ли Китай обновиться? Не от того ли неподвижность Китая, что он, так сказать, отрезан от остального движущегося человечества?" – таков был главнейший вопрос его размышлений. "Отчего Китай так давно живёт, какие особенные причины этой необыкновенной жизненности и долговечности? Сколько народов прошло и государств совершенно исчезло, а он всё существует со времён гораздо предшествовавших христианству! И существует почти без религии, без чистых нравов, без всего, что составляет силу и крепость народа и даёт ему долгожитие[227]. "Практическим ориенталистом" назвал Н.И.Веселовский Н.И.Любимова.

В домашнем архиве Н.И.Любимова среди многочисленных и различных по характеру и назначению бумаг были обнаружены мною частные письма П.Тугаринова. Всего десять писем. Первое и второе из них датированы 2 марта и 8 июня 1841 г., когда Н.И.Любимов был ещё в Пекине, и адресованы не ему, а другому вице-директору Азиатского департамента. Вероятно, они попали к Любимову вместе с прочими бумагами его предшественника. Последнее письмо П. Тугаринова к Н.И.Любимову датировано 10 сентября 1849 г. и написано незадолго до отъезда 12-й миссии из Пекина.

---

[226] Живая старина. - СПб., 1908. – Вып. II-IV.

[227] Центральный государственный архив. - Ф. 796. - Оп. 448. - Ед. хр. 33. - Л. 51—52 об., 54.

Письма от 2 марта и 8 июня 1841 г., посвящённые событиям первой опиумной войны, носят преимущественно описательный характер, изобилуют зарисовками курьёзных сценок, занимательными сюжетами из китайской жизни, связанными с войной, и не содержат сколько-нибудь серьёзного анализа и глубоких суждений о ситуации в стране. Причины такого подхода вполне объяснимы. Краткий срок пребывания 12-й миссии в Китае, значительная удалённость от театра военных действий, скудость официальной информации. "Не знаю, что делается на Юге Китая, – признаётся П.Тугаринов, – а жители Пекина с некоторого времени вздохнули, и наиболее от того, что в Тяньцзянском заливе ничего особенного не происходит" (л.15).

И далее переходит к описанию заинтересовавших его эпизодов. "Представляю Вам ещё курьёзную штучку – английский пароход, нарисованный китайским художником, картина, которая в своём роде не имеет себе подобной и в числе многих экземпляров ходит теперь по рукам. Пекинцы рассказывают, что сия страшная махина срисована была в то самое время, как сидела на мели в Тяньцзинском заливе (видно, недалеко была она от берега). Всего живописнее в ней трубы: из одной, сказано, что идёт белый дым, а из другой чёрный дым, и чтобы никто в этом не сомневался, сделана над каждою трубою Китайская надпись.

Здесь ещё могла бы быть нарисована удивительная картина: отъезд Дзяньдзюня (главнокомандующего) на войну. Я удостоился видеть это особенной прелести зрелище: дзяньдзюнь был несом на носилках; весь штат его, кто в повозках, кто на лошадях, прислуги насчитал, разных чиновников человек с 50. Даже при нашем приставе, который с ним отправился, до 10 человек служителей, из коих один вёз лук, другой стрелы, третий тюфяк, подушки и т.д. У нас, когда кто получит повеление ехать, – сел да полетел, а здесь – так нет погоди, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Дзяньдзюнь, напр., собирался на войну ровно 20 дней, а провезут его, т.е. пронесут, – ровно 30 дней, и это ещё потому, что должен делать по две станции в сутки согласно с высочайшим повелением".

Однако наряду с развлекательным материалом в этом же письме есть и весьма меткая характеристика цинского правительства: "Главное же, о чём хлопочет здешнее правительство, это то, чтобы иметь, по китайскому выражению, перед народом лицо (по-русски это значит – врать всякую чепуху и петушиться, хотя на сердце совсем другое). От этого и выходит, что печатается одно, а предписывается иногда совсем другое и наоборот" (л. 16, 15 об.).

Письма П.Тугаринова, адресованные непосредственно Любимову, содержательнее первых двух. Центральная тема их – социально-экономическое положение Китая, которое адресант характеризовал как кризисное. К этому кризису, резюмирует автор писем, привели страну первая опиумная война и кабальные условия Нанкинского договора. С чувством сострадания пишет Тугаринов о тяжелейшем положении простого народа, вызванном стихийными бедствиями и тяготами дополнительного налогового обложения для покрытия расходов на войну, а затем на уплату Англии контрибуции, о критических ситуациях, возникавших при сборе налогов, о состоянии торговли, в том числе и иностранной.

Изменениям конъюнктуры на китайском рынке глава миссии отводит значительное место в своих письмах, учитывая особый интерес своего адресата к этой проблеме. Судя по архивным материалам, Н.И. Любимов в 40-50-е годы тщательно изучал внешнеторговую ситуацию в Китае, выявляя возможности реализации товаров России на китайском рынке, разрабатывал рекомендации о путях и методах расширения русско-китайских торговых связей, причём не только за счёт увеличения объёма и ассортимента, улучшения качества российских товаров, но и путём расширения географии самой торговли.

В архиве Н.И.Любимова хранятся копии и черновики его донесений о кяхтинской торговле, записки о торговле иностранцев в Китае, об участии Российско-американской компании в чайной торговле, о торговле с западными городами Китая через Семипалатинск (50-е годы) и другие материалы. Нет необходимости объяснять, как были важны для Любимова каждое новое добротное свидетельство, живая иллюстрация.

В письме от 10 марта 1846 г. Тугаринов пишет Н.И.Любимову: "Китай умирает с голоду, потому что англичане повытаскали из него всё серебро. Как всегда, куча явилась всяких проектов и соображений для поправления зла, между которыми самый главный тот, что вместо серебра хотят выехать на чохах. (Чох – медная разменная монета, курс которой менялся в зависимости от курса серебряной денежной единицы лана, или ляна. Лян – слиток серебра весом в 37,301 г; соответствующая мера веса.) Но зло неисцелимо, потому что неисцелима причина его – курение опиума. Пока всё ещё спокойно, исключая некоторых дебоширств, бывших в прошлом году при сборе оброка, местных и скоро подавленных. Но что будет и что должно быть дальше? Торговля в застое, народ в бедности и недоимках и правительство, угрожаемое опасностью совершенного банкротства. И впереди всё то же: опиум, опиум и опиум. Есть от чего прийти в отчаяние. ...Прошлым летом, – продолжает глава миссии, – они (англичане. – А.И.) были в Корее; но по совету и настоянию Китайского

Правительства там натянули им нос. Из этого, однако же, Вы увидите, что они странствуют по белу свету со своими неистощимыми и неугомонными замыслами и под предлогом разных предложений всё высматривают. И само собой разумеется, что, если Китай не даст им сильного отпора, они будут, не знаю только скоро ли, и в Шаньдуне, и в Тяньцзине, и в Корее. Торговля – их недуг". Так писал Тугаринов за 10 лет до начала второй опиумной войны (л. 125-126).

Мысль о предстоящей новой войне неоднократно высказывается им. В письме от 26 июля 1846 г. о. Поликарп возвращается к теме иностранной торговли: "В Китае совершенно всё по-старому и новостей особенно важных и замечательных нет <...> В торговле всё та же старина. Опиум идёт во главе всего и прелесть как идёт, по отзывам всех, теперь это самый лучший товар, совершенно не имеющий застоя. Притом он и подешевел ужасно. В Пекине, за Цяньмэнем уже открыто множество гостиниц для исключительной затяжки этим зельем. Затем идут бумажные изделия, стекла, зажигательные спички и больше ровно ничего. Английских сукон нет ни лоскута, в буквальном смысле. Я говорю о Пекине. О юге мне ничего не известно. Зато торговля бумажными изделиями возросла у европейцев до изумительной степени. Пекин завален ими, и тогда как всё китайское с году на год дорожает, они, напротив, к удовольствию китайцев непрестанно дешевеют. Теперь их развозят даже по деревням. Можете угадывать, какой должны они иметь сбыт: не то что наши сукна" (л. 134, об. 135).

В письме от 15 марта 1847 г. Тугаринов снова обращается к теме иностранной торговли: "Голод и дороговизна серебра, возвысившегося почти до 4100 чох. за лану, совершенно парализовали в нынешнем году пекинскую торговлю. Но торговля европейскими изделиями цветёт на славу. Вследствие разных льгот, данных в конце прошлого года купцам из Шанхая <...>, в Пекин столько навезено европейских товаров, что не знают, куда с ними деваться, и продают за бесценок. Мы увидали в числе их даже английские сукна, в значительном количестве и весьма хорошие, как всё английское. С наступающего года разрешено казённый хлеб из Шанхая и прилегающих к нему мест доставлять в Пекин морем. Нет сомнения, что эта мера, уже постоянная, ещё больше облегчит тамошним купцам привоз европейских товаров и даст торговле ими движение небывалое. Вообще европейская торговля благоденствует в Китае" (л. 149 об.).

Тема, постоянно присутствующая в письмах, – кризисное состояние китайской экономики, и как следствие её – бедственное положение народа. В письме от 26 июля 1846 г. глава миссии сообщает: "Китайское правительство неутомимо занимается доправкой денег со всякой души, под-

лежащей его ведению. Но всё как-то идёт плохо и распадается. Соляные откупа совершенно падают, а эта статья дохода в Китае весьма важная. Она одна доставляла ежегодно казне до 80 млн. ассигнаций. Сбор поземельных доходов тоже становится труден и бедные чжисяни (уездные начальники) целыми десятками летят под суд за слабое усердие к пользам казны. В таможнях то же настроение, и недочёты по ним считаются просто сотнями тысяч. Серебро снова начинает дорожать, и не дальше как на последних двух днях <...>, слышно, поднялось весьма много. Что же будет, когда придут в Тяньцзинь суда с опиумом и наступит время взноса податей? Все говорят, и этому очень можно поверить, что к концу осени оно поднимется выше 4000 за лану. Вы, верно, помните, что во время нашего приезда в Китай лана менялась только по 3 тыс. чох., и все говорили, что эта цена ужасная. Значит, за 6 лет на каждую лану прибыла четвертая часть. Есть чем опечалиться китайскому правительству и порадоваться чужим" (л. 135-135 об.).

В письме от 15 марта 1847 г. Тугаринов снова возвращается к этой теме: "В Китае почти повсеместный голод, инде от засухи, в других местах от лишних дождей, но больше от первой, и преимущественно в Северном Китае. В одну Хэнаньскую Губернию отправлено в пособие жителям больше 2-х миллионов рублей (так в тексте. – А. И.) серебром. От грабежей и разбоев дороги сделались почти непроходимыми (л. 149 об.).

В последнем письме, написанном из Пекина 10 сентября 1849 г., архимандрит сообщает, что, "по рассказам людей, читающих китайские газеты, Китай и в нынешнем году постигло наводнение в тех же самых местах и губерниях, что и прежде" (л. 158).

В заключение ещё об одной важной теме, проходящей через все пекинские письма Тугаринова, – о народных волнениях, бунтах, смуте. Так же, как в одном из писем Тугаринов предсказал вторую опиумную войну за 10 лет до её начала, он, внимательно следя за вспышками народных волнений и недовольства положением дел в стране, предсказал и крестьянскую войну тайпинов. "Не хочу пророчествовать, – писал он 26 июля 1846 г. Любимову, – и боюсь сделать это невпопад. Но в Китае готовится что-нибудь важное. Уже в прошлых годах осенью были в разных местах бунты, и весьма порядочные. Вероятно, что они повторятся и ныне при сборе оброка и будут повторяться до тех пор, пока весь Китай не взбунтуется" (л. 135 об.).

Приведёнными выше выдержками отнюдь не исчерпывается познавательная, научная ценность этих писем. Даже фрагментарное знакомство с этой корреспонденцией даёт вполне объективное представление о её характере.

Научная ценность. Велика ли она у такого рода приватной информации, личных размышлений и оценок? И нужны ли они современному исследователю, вооруженному многочисленными официальными документами, в том числе дипломатической перепиской, научными справочниками, энциклопедиями, фундаментальными монографиями и обобщающими трудами, словом, всем тем, что накопило мировое китаеведение почти за 150 лет, отделяющих нас от того времени?

Ответ может быть только утвердительным. Живые свидетельства очевидцев, тех, кто имел уникальную по тем временам возможность видеть Китай и события, происходящие в нём, одновременно и изнутри, и вместе с тем в качестве и с позиций представителей другой страны, отстраненно, как бы извне, – сами по себе уникальны, так как позволяют почувствовать атмосферу жизни китайского общества, что особенно важно в такие переломные периоды истории, какими были для Китая 40-е годы XIX в.".

Приложение 9

ПДМ и русско-китайская торговля в 30-50 гг. XIX в.

В настоящее время церковь в колониях, как известно, выступает в роли агента и проводника интересов финансового капитала, являясь одним из орудий в борьбе с национально-освободительным движением колониальных рабочих и крестьян. Задача служить орудием капиталистических интересов в колониальных и полуколониальных странах поставлена была впервые перед церковью в эпоху господства торгового капитала.

Если проследить деятельность русских православных миссионеров в Китае 30-40-х годов прошлого столетия, то нетрудно будет убедиться в том, что эти миссионеры, посылавшиеся в Китай с 1728 г. целой организацией, насчитывавшей в своем составе 10 монахов и известной под названием Пекинской духовной миссии, по сути дела представляли из себя коммерческую агентуру русского торгового капитала.

Появившаяся в февральской книжке 1930 г. журнала "Атеист" статья т. Барановского "Пекинская духовная миссия" затрагивает, главным образом, политическую роль миссии в. Китае, рисует её, как проводника политических директив правительства Николая I и Александра II, и автор ограничивается лишь упоминанием о том, что на миссии лежали обязанности собирать информацию торгово-экономического характера. На этой стороне деятельности миссии я и хотел бы остановиться, используя документы, отложившиеся в Петербургском главном архиве м. ин. дел и хранящиеся в Архиве революции и внешней политики.

Чтобы помочь русскому торговому капиталу укрепиться на китайском рынке, царское правительство обязывает миссионеров достав-

лять сведения о политическом положении Китая, об его экономике, – в частности, о положении сельского хозяйства и ремёсл, – о потребительских вкусах китайцев, о торговых путях внутреннего Китая, о конкуренции европейского капитала и проч. Всё это прикрывалось официальной обязанностью монахов распространять христианство. Облегчить всю эту поповскую работу ради барышей русских купцов можно было при помощи знакомства и связей с влиятельными китайскими чиновниками, близкими к правительству, почему такие знакомства поощрялись из Петербурга, посылавшего крупные суммы миссионерам для подкупа и взяток.

Информация, которую давали относительно экономики Китая русские миссионеры в Пекине, несколько приоткрывает завесу русско-китайских торговых отношений в 30-х и 40-х годах прошлого столетия, чрезвычайно скудно освещенных в русской экономической литературе, а главным образом, 1) позволяет судить о том, насколько ценна была эта информация для торгового капитала, и 2) свидетельствует о неплохом уменье монахов разбираться в экономике русско-китайских отношений.

Поручения Пекинской миссии приобретали тем большее значение для русской торговли с Китаем, что условия последней были весьма своеобразны. В первую половину XIX столетия доступ в Китай русским купеческим караванам был затруднен, торговля была пограничной и носила меновой характер: ежегодно на 1-2 месяца съезжались в русском таможенном пункте Кяхте китайские и русские купцы, причем особо избранной купеческой комиссией составлялись правила, по которым устанавливались на каждый товар цены и обязательный обмен его на чай с запрещением покупать или продавать что-либо на деньги.

Как выполняли свои обязанности члены Пекинской миссии? Вполне естественно, что деятельность их связывалась с основным вопросом русской торговли с Китаем через Кяхту, с импортом чая. Из переписки министерства ин. дел с министром финансов Николая I Канкриным видно, что Пекинская миссия в 40-х годах даёт сведения о пути, по которому следует чай в Кяхту. Путь этот идёт из южнокитайской провинции Фу-цзянь (близ острова Формозы), по внутренним её рекам до Шанхая, оттуда морем до Тянь-цзиня, здесь происходила перегрузка чая на мелкие суда, идущие вверх по р. Байхэ до г. Тянь-Чжо, откуда чай идёт караванным путём через г. Калган в Кяхту.

В начале 50-х годов этот морской путь, по донесениям архим. Палладия, заменяется целиком сухопутным: китайские купцы предпочитают доставлять чай в г. Калган и затем Кяхту караванным путём, так как китайские власти, – по-видимому, не без влияния Англии, – стесняют торговлю

по прежнему пути непомерно высокими таможенными пошлинами, а сухопутный путь позволяет обходить внутренние таможенные заставы.

Так как китайцы тщательно старались оберегать перед европейцами свои коммерческие тайны, то такие сведения, как информация о путях тайных караванов, облегчали кяхтинскому купечеству выяснение себестоимости доставляемого в Кяхту чая, а, следовательно, борьбу за более выгодный обмен русских изделий. С другой стороны, кяхтинское купечество не теряло надежды добиться у Китая разрешения на самостоятельную торговлю русским караванам внутри страны, и сведения о путях были весьма кстати. В других случаях миссия считает своей обязанностью предупредить о неблагоприятных перспективах кяхтинские торговли, отмечая влияние крестьянских движений юга Китая на сокращение (застой) чайной торговли (разграбления чайных фирм на юге Китая, нападения восставших на чайные караваны). Такое предупреждение русское купечество получило от Пекинской духовной миссии в начале 1853 г., года значительного сокращения кяхтинской чайной торговли.

Вот, например, донесение архимандрита Палладия (писанное симпатическими чернилами). "Пекин, 25/11 1853 г. По слухам из Калгана, неблагоприятное влияние современных беспокойств в Китае на торговые обороты делается всё более и более ощутительным. Китайские купцы, торгующие на Кяхте, понесли убыток на два миллион лан (4 310 000 руб. сер.) по случаю разорения инсургентами торговой слободы Ханькоу и ограбления тамошних торговых домов, на которые купцы имели векселя. Из 200 000 ящиков чая, заказанных для Кяхты, доселе прибыла в Калган половина; о следовании же остальных партий чая ничего положительного неизвестно. Полагают даже, что, по случаю беспокойств на юге Китая, редкие из купцов в нынешнем году решатся сделать заказы чая в Фу-Цзянь, и потому к будущей [?] едва ли можно ожидать привоза новых чаев. Наведённый мятежниками страх на всё пространство, прилегающее к низовью великого Цзяна, делает то, что транспорты уже перестали ходить через Хочуанскую провинцию... Маловероятно, чтобы шансийские купцы решили в столь смутное время рисковать своими капиталами...".

Особенное внимание Пекинская миссия в 30-х и 40-х годах уделяет вопросам сбыта в Китае изделий русской промышленности, пролагая ей через кяхтинских купцов новые пути на восток. Вот что пишет в своём донесении ст. иеромонах Пекинской духовной миссии Вениамин Морачевич 3/VII 1836 г. (№ 13): "Судя по дорогим ценам зеркал, сюда из Кантона доставляемых, весьма было бы также выгодно отпускать в Китай и от нас оные... Полуаршинные... весьма идут к здешним туалетам... Про-

порция в них вышины и ширины предпочитается квадратная"... Что сбыт русских мелких зеркал оказался осуществимым, об этом свидетельствуют следующие данные мин. ин. дел за период 1843-48 гг: в 1843 г. через Кяхту в Китай было продано зеркал на 9 555 руб., а в 1847 г. на 32 640 руб., т.е. сбыт увеличился, примерно, в 3 раза.

Из донесения начальника Пекинской миссии архим. Поликарпа от 2/VII 1843 г. видно, что миссию занимает вопрос о возможности сбыта в Китай бумажных изделий русской промышленности, ситцев и миткаля.

"Они [образцы ситцев, присланные министерством ин. дел в миссию], – пишет архим. Поликарп, – вполне удовлетворительны достоинством и шириной ткани и в последнем отношении представляют даже значительное преимущество перед английскими. Цвета же и рисунки ниже требований китайцев". Вместе с тем Поликарп сообщает, что европейцы в Китае – в частности, англичане – продают китайцам ситцы, отличающиеся непрочностью, но зато дешевизной, а главное – изяществом рисунка, выдержанном в китайском вкусе. Вот почему, по мнению Поликарпа, "потребность Китая в русском ситце всегда будет составлять предмет второстепенный... Главное место в торговле с ним бумажными изделиями должны занимать миткали крашеные и некрашеные, потому что употребление их китайцами, несомненно, обширнее".

Эти замечания Поликарпа вполне оправдываются статистикой сбыта бумажных изделий в Китай, какой располагало министерство ин. дел. Достаточно указать на то, что десять лет спустя, в 1852 г., ситцы составляли ничтожный процент в общем сбыте наших бумажных изделий в Китай, всего 0,002 процента (13 845 р.); 70 процентов этого сбыта составлял вельвет, род полубархата, и никакие попытки правительства усилить экспорт ситца в Китай путём назначения (в 1845 г.) вывозной премии (по 6 рублей с пуда) не в состоянии были преодолеть английской конкуренции.

Иная картина с миткалем. Вот цифровые данные о росте сбыта русского [165] миткаля в Китай в 40-х годах: в 1843 г. продано на 1 475 руб., в 1844 г. – на 2 217 р., в 1845 г. – на 5 091 р., в 1846 г. – на 14 560 р., в 1847 г. – на 46 567 р.

Наряду с выяснением возможности сбыта русских товаров на китайском рынке, святые отцы следили за движением местных цен, и, напр., кризисы сбыта, падение цен, были предметом их особенного внимания. Здесь характерно, что методы, которые рекомендует духовная миссия для борьбы с кризисом сбыта, свидетельствуют о том, что миссионеры смотрели на Китай как на колонию для отечественного торгового капитала. В упомянутом выше донесении от 3/VII 1836 г.

иеромонах Морачевич сообщает: "Неизвестно, от случившихся ли в течение 5-ти последних лет частых и сильных в Китае и даже в России неурожаев или от совместничества [т.е. конкуренции] европейской торговли с нашей, но цены здесь на мануфактурные иностранные произведения упадают"... Несколько далее он говорит: "Китайский аршин нашего плису с трудом продаётся по 2 чина серебра; им завалены все большие и малые лавки; сукна наши, коих аршин стоит около 6 чин серебра, с трудом... находят себе покупателей по 3 чина".

Длительный характер указываемых автором донесения причин кризиса заслуживает того, чтобы на них остановиться. Глубокие пережитки феодального строя в тогдашнем Китае, засилье помещиков, закабалённость китайского крестьянина (малоземелье, кабальная аренда, налоги), климатические условия – были основными причинами, которые создавали длительный сельскохозяйственный кризис, периодические голодовки китайского крестьянства, а отсюда и кризис сбыта.

Не без основания Морачевич пытается связать экономику России 30-х годов с усиленным движением русской мануфактуры на китайский рынок, повлиявший, известным образом, на цены. М.Н.Покровский относительно 20 годов XIX в. говорит следующее: "Крепостная Россия, с насильственно задерживаемыми в деревне натурально-хозяйственными порядками, не могла представлять собой рынка для столь бурно развивавшейся промышленности, – уже в конце 20-х годов внутренний рынок считался исчерпанным". Внутренний кризис сбыта обострялся неурожаями первой половины 30-х годов, о которых упоминает Морачевич. Так, проф. Рожков для знаменитой Прохоровской мануфактуры насчитывает в первой половине 30-х годов 3 кризисных и вместе с тем неурожайных года: 1831/32, 1832/33 и 1835/36; причем для кризиса сбыта он считает неурожай конечной причиной.

Какие же методы рекомендует иеромонах Вениамин Морачевич для борьбы с кризисом? "Для поддержания выгоднейшего сбыта на Кяхте наших фабричных произведений весьма полезно было бы умерять их отпуск...".

Пролагая дорогу на китайский рынок русской фабрике, следя за движением цен на этом рынке, Пекинская миссия в половине 40-х годов предупреждает правительство об угрозе, которая в недалеком будущем может вырасти со стороны иностранного капитала в Китае, – в частности, со стороны английского, открывшего себе двери в Китай со времени Нанкинского договора (1842 г.). Поликарп (начальник миссии) отмечает, что успешный сбыт в Северном Китае нашего основного товара, туда ввозившегося, русских грубых сукон, драдедама, основанный, главным

образом, на относительной дешевизне в 40-х годах русской шерсти по сравнению с западно-европейской, может быть временным, и поэтому предлагает русской промышленности новый рынок сбыта – Западный Китай, менее доступный англичанам и более близкий к России. Как известно, торговля с Западным Китаем завязывается в 50-х годах.

Что касается английской конкуренции на китайском рынке, то она ярко сказалась в качестве одной из причин упадка кяхтинской торговли со второй половины 60-х годов, правда, не в том виде, в каком рисовал себе её архим. Поликарп: кантонский чай, доставляемый англичанами морем, начинает вытеснять в России своей дешевизной кяхтинский чай, а это было одним из важнейших обстоятельств, повлекших за собой сужение торговых оборотов России с Китаем через Кяхту (следовательно, уменьшение сбыта русской мануфактуры), – и за 10-летие 1869-80 гг. этот сбыт сократился больше чем в 2 раза.

Всё сказанное выше ещё раз подтверждает всю лживость мнений буржуазных историков Пекинской духовной миссии об её аполитичности, в частности, несостоятельность утверждения исследователя миссии иеромонаха Николая (автора 2-томного труда "История Пекинской духовной миссии" (Казань, 1887), который пишет, что миссия "не вмешивалась в политику, не интриговала при дворе богдыхана, не увлекалась и меркантильными целями" (стр. 12). Царское правительство, затрачивая средства на содержание миссии и поддержание её деятельности, знало, что делало это не впустую: в лице миссии оно имело неплохо организованную, под мантией религии, систему не только политического, но и экономического шпионажа в стране, доступ в которую иностранцам в 30-х и 40-х годах представлял ещё большие трудности.

Охвостье Пекинской духовной миссии, безвозвратно выброшенное Октябрьской революцией за границу, продолжает свои старые традиции верного слуги капитала, являясь орудием антисоветской травли и агитации в руках иностранного империализма. (Красный архив. – 1932. – №4 (53). – С. 162-168. – Подпись: Г.Л.).

Приложение 10

Судьба Иосифа Антоновича Гошкевича (1814-1875) – это увлекательная книга. Сын белорусского священника, учителя церковноприходской школы, он воспитывался в Минской духовной семинарии, а по её окончании, в 1835 г., поступил в С.-Петербургскую ДА (СПбДА). Здесь проявил себя как активный помощник протоиерея Павского (1787-1863) по литографированному изданию перевода ветхозаветных книг с древнееврейского языка на русский. Иосиф Гошкевич закончил СПбДА в 1839

году; своё кандидатское сочинение написал на тему "Историческое обозрение таинства покаяния".

По окончании Петербургской ДА Иосиф Гошкевич направлен в Китай, где десять лет (1839-1848) прослужил в составе Русской православной миссии (пекинская миссия была основана в 1715 г. по указу Петра I). Одарённый лингвистическими способностями, он изучил в Пекине несколько восточных языков – китайский, маньчжурский, корейский, монгольский[228]. Неоднократно пересекались пути Иосифа Гошкевича и выдающегося знатока дальневосточной культуры о. Аввакума (Честного). Дмитрий Честной окончил С.-Петербургскую ДА в 1829 году и принял постриг и имя Аввакум, решив отправиться в Пекин миссионером-иеромонахом (по другим данным, это имело место 19 ноября[229]). В 1835 году о. Аввакум был назначен начальником Пекинской миссии (186, СПб., 1896, т.1, с.22).

На этом посту он должен был исполнять и дипломатические обязанности – осуществлять посредничество при переговорах с китайскими чиновниками, перевод на китайский язык официальных бумаг, сбор сведений о китайских властях, их действиях и намерениях. Во главе миссии о. Аввакум оставался до самого конца своего 10-летнего пребывания в Пекине – до 1840 г. И когда Иосиф Гошкевич прибыл в Пекин в составе 12-й миссии, он вряд ли предполагал, что ему ещё не раз предстоит встретиться с о. Аввакумом, да ещё при необычных обстоятельствах.

Иосиф Гошкевич приступил к своим обязанностям в Пекине. К этому времени Пекинская миссия расширила круг своей деятельности. К первоначальному чисто пастырскому служению её членов добавились также научные послушания – изучение Китая, его языков, истории и религий. До 1863 г. члены миссии исполняли также и дипломатические функции, посредничая при сношениях русского правительства с Китаем. (Только с указанного года в Пекине была учреждена отдельная от духовной дипломатическая русская миссия.)

Помимо своих основных дел Гошкевич вёл в Пекине астрономические и метеорологические наблюдения; отчёты о них посылались и Главную физическую обсерваторию (Пулково) (228, с.26). Его перу принадлежат несколько статей, опубликованных в "Трудах членов Российской духовной миссии в Пекине" (Т. 1-3, СПб., 1852-1857).

По истечении положенного срока службы в Китае Гошкевича как редкого по тем временам знатока восточных языков пригласили в Министерство иностранных дел. Его зачислили чиновником по особым пору-

[228] Иванова Г.Д. Русские в Японии XIX - начала XX в. - М., 1993. - С. 25.

[229] Госархив Тверской области (ГАТО). - Ф.103. - Оп. 1. - Ед. хр. 2643. - Л.19 об.

чениям в Азиатский департамент. В 1852 г., когда в Петербурге формировалась экспедиция к берегам Японии, Гошкевич был прикомандирован к её начальнику, вице-адмиралу Е.В.Путятину (1804-1883), драгоманом, т.е. переводчиком и советником. В качестве переводчика китайского языка в состав этой же экспедиции был включен и о. Аввакум. Во время экспедиции на фрегате "Паллада" он исполнял также обязанности священнослужителя.

Это путешествие вошло не только в историю русско-японских связей, но и в историю отечественной литературы. "Фрегат Паллада" – одно из самых известных произведений И.А.Гончарова (1811-1891), также принимавшего участие в этом плавании. Личный состав фрегата "Паллада" под командой капитан-лейтенанта Ивана Семёновича Унковского при выходе из Кронштадта (7.10.1852) насчитывал 486 человек (Некоторые подробности о плавании фрегата "Паллада" можно найти в "Рассказах" об И.С.Унковском, командире "Паллады", в ж.: Рус. архив. – 1887. – Т. 2; 1889. – Т. 3).

Имена о. Аввакума, И.А.Гончарова и И.А.Гошкевича в списке членов экипажа стоят рядом: "Санкт-Петербургской епархии Троицко-Александровской Лавры архимандрит Аввакум, столоначальник Департамента внешней торговли коллежский асессор Иван Гончаров, Министерства иностранных дел Азиатского департамента коллежский асессор Иосиф Гошкевич"[230].

Главной целью экспедиции была миссия генерал-адъютанта Е.В. Путятина в Японию. Как и предыдущие, эта миссия имела целью открытие японских портов, заключение договоров о дружбе и торговле, а также решение вопроса о границе между Японией и Россией. 1850-1860 годы были для Японии временем выхода из длительной самоизоляции. Наряду с опасением, что иностранцы проникают в Японию с колонизаторскими намерениями, среди наиболее прогрессивной части населения возрастала жажда познания большого мира, усиливалось тяготение к контактам с иностранцами. Мыслящие японцы понимали, что сохранить свою независимость они могут лишь в том случае, если, овладев достижениями Запада, ликвидируют свою отсталость.

Экспедиции под андреевским флагом предстояла сложная задача – установить дипломатические и торговые связи со страной, которая два с половиной века ограждала себя от внешних контактов. Фрегат "Паллада" вышел из Кронштадта, взяв курс на Лондон, далее следовал через остров Мадейра, обогнул южную оконечность Африки. В пути к нему примкнуло

[230] Цит. по кн.: Ляцкий Е. Гончаров. Жизнь, личность, творчество. - СПб., 1912. - С. 310.

ещё несколько судов русского флота. В августе 1853 г. корабли экспедиции Е.В.Путятина бросили якорь на рейде Нагасаки (228, с. 26-27).

Переговоры с японскими властями приняли затяжной, изнурительный характер. Приходилось безрезультатно отчаливать от берегов Японии и вновь возвращаться. Русские пережили землетрясение, гибель фрегата "Диана", построили в бухте Хэда новое судно. Прошло почти три года после ухода из Балтики, пока удалось достичь поставленной цели. В 1855 г. был заключён так называемый Симодский трактат, положивший начало официальным межгосударственным отношениям. После долгих проволочек японское правительство вынуждено было дать Путятину письменное подтверждение права наибольшего благоприятствования для России. В том случае, если Япония откроет свои порты для какого-либо из иностранных государств, Россия будет допущена к торговле раньше, чем другие страны; это касалось и прочих привилегий. (Первый русско-японский договор об установлении мирных дружеских отношений был подписан 26 января 1855 г.)

Заход "Паллады" в Шанхай дал Гошкевичу возможность пополнить свою библиотеку книгами по истории Китая. Об этом о. Аввакум сообщает в записи от 28.11.1853: "После завтрака ходили с Гошкевичем к английским миссионерам Медгурсту и прочим. Набрали книг, изданных ими, на английском и китайском языках. Были у Медгурста в комнате. Он занимался с китайцем поправкою Нового Завета, им переведённого. Были в училище и госпитале. После обеда ходили в китайское предместье"[231].

Сведения о Медгорсте можно найти и у Гончарова. "Медгорст – один из самых деятельных миссионеров: он живёт 30 лет в Китае и беспрерывно подвизается на поприще распространения христианства; он переводит европейские книги на китайский язык, ездит с места на место. Он теперь живёт в Шанхае",– сообщал русский писатель, отмечая при этом: "Наши синологи были у него и приобрели много изданных им книг, довольно редких в Европе. Некоторые он им подарил"[232]. Библиотеки обоих китаеведов пополнялись после каждого посещения города.

А тем временем обстановка в мире накалялась. На Ближнем Востоке столкнулись интересы России и Франции. Внешний повод незначительный: спор греческих монахов с католическими из-за Вифлеемской пещеры. Греки обратились за помощью к русскому императору Николаю I, и он объявил себя покровителем православия в Святой Земле. Католики – к

[231] Аввакум (Честной), архим. Дневник кругосветного плавания на фрегате "Паллада" (1853 год); Письма из Китая (1857-1858 гг.) / Твер. гос. ун-т. - Тверь, 1998. - С. 72. - (Твер. лит. архив; вып. 2).
[232] Гончаров И.А. Фрегат "Паллада": Очерки путешествия: в 2 т. - Л., 1986. - Т. 2. - С. 337-338.

Франции, которая, в коалиции с Великобританией и Турцией, выступила против России. Так началась Крымская война (1853-55 гг.), о чём члены экипажа "Паллады" узнали с большим запозданием. "В последнее наше пребывание в Шанхае, в декабре 1853 г., и в Нагасаки, в январе 1854 г., до нас ещё не дошло известие об окончательном разрыве с Турцией и Англией; мы знали только из запоздавших газет и писем, что близко к тому и больше пока ничего" (232, с.566).

С началом Крымской войны Тихоокеанский регион также стал небезопасен для плавания. 17 мая 1854 г. на "Палладе" было получено известие о начале войны и высочайшее повеление следовать в залив Де Кастри[233]. По пути на родину фрегат зашёл на один из островов архипелага Рюкю ("Ликейские острова"). Но даже в этой глуши российские китаеведы встретили старых друзей. "Гошкевич и отец Аввакум отыскали между ликейцами одного знакомого, с которым виделись лет 12 назад в Пекине, и разменялись подарками, – пишет Гончаров. – Вот стечение обстоятельств! "Вы подарили мне графин", – сказал ликеец о. Аввакуму. Последний вспомнил, что это действительно так было" (232, с. 389).

Среди других товарищей по плаванию Гончаров многократно упоминает Гошкевича, отмечая его виртуозность как переводчика-универсала. Так, при попутном посещении островов Рюкю писатель наблюдал его общение с тамошними жителями, "ликейцами", наречия которых, естественно, не знал никто из русских. Писатель характеризует Иосифа Антоновича как мягкого, доброго человека: "невозмутимо покоен в душе и со всеми всегда одинаков..." (228, с. 27-28).

От архипелага Рюкю курс был взят на Корею. Любознательные корейцы поднимались на борт "Паллады" во время её захода в местные гавани. Верования тамошних жителей представляли собой причудливую смесь буддизма, конфуцианства, даосизма и местных племенных культов. В пантеоне их божеств всегда находилось местечко для нового объекта поклонения. И.А.Гончаров приводит в своих записках любопытное наблюдение на этот счёт. "4 апреля (1854 г.) Корейцы увидели образ Спасителя в каюте; и когда на вопрос их "кто это?" успели кое-как отвечать им, они встали с мест своих и начали низко и благоговейно кланяться образу... Разговор шёл по-китайски, письменно, через отца Аввакума и Гошкевича.

"Сколько вам лет?" – спрашивали они кого-нибудь из наших. "Лет 30-40", – отвечали им. "Помилуйте, – заговорили они, – мы думали, вам лет 60 или 70". Это исключительно восточный комплимент. "Вам

[233] См. Отчёт о плавании фрегата "Паллада" // Морской сборник. - 1855. - № 1.

должно быть лет 80, вы мне годитесь в отцы и в деды" – сказать так значит польстить" (232, с.463-4).

По прибытии в российское Приморье о. Аввакуму вместе с некоторыми другими членами экспедиции было разрешено возвратиться в С.-Петербург сухим путём через Сибирь. Так закончилось двухлетнее путешествие русского миссионера на фрегате "Паллада". Он покинул Дальний Восток, но память о нём жива здесь и сегодня: одна из маленьких речек названа в его честь Аввакумовкой...

Иначе сложилась судьба Иосифа Гошкевича. Когда экспедиция Путятина возвращалась из Японии на родину, уже шла Крымская война. Натолкнувшись на английский военный патруль в Охотском море, русские моряки попали в плен. И.А.Гошкевич наряду с другими был переправлен в Гонконг – тогдашнее владение Англии. Из эпизодов пребывания в гонконгском плену примечательно выступление Гошкевича в тамошнем Азиатском научном обществе (1856 г.). По просьбе коллег-востоковедов он сделал доклад о Китае, о культурной работе Российской духовной миссии в Пекине, где некогда служил. В 1857 г. участники экспедиции смогли вернуться в Россию (228, с. 28-29). Так завершилась "китайская часть" биографии И.А.Гошкевича, а вскоре начался её "японский период"...

Японский язык Гошкевич начал изучать во время плавания на "Палладе". Вначале он пользовался для этой цели китайскими пособиями, позже, на стоянке в бухте Симода, сама судьба послала ему великолепного учителя. Матросы подобрали в воде молодого человека, который вплавь пробирался на русское судно. Японец по имени Татибана Кумэдзо попросил убежища: ему грозила смертная казнь за принадлежность к тайной христианской общине. Евфимий Васильевич Путятин, набожный христианин, взял единоверца под свою защиту. Местные власти требовали выдачи своего подданного, но в конце концов отступились благодаря твёрдости адмирала.

Татибана оказался довольно образованным, сведущим в восточной медицине человеком; его определили помощником к корабельному врачу. Кроме Гошкевича, с его незаурядным предшествующим опытом общения, Татибану поначалу никто не понимал, так что возникла естественная необходимость обучения. Польза получилась обоюдной, каждодневный контакт вскоре помог Гошкевичу свободно заговорить по-японски (228, с.28).

Примечательна судьба этого японца-христианина. Татибана Косай (Кумэдзо, 1821-85 гг.) – самурай из клана Какэгава. В Петербурге, куда Татибана прибыл вместе с Гошкевичем из гонконгского плена, он

принял православие и взял себе имя Владимир Иосифович (почитая названым отцом Иосифа Антоновича) и фамилию Яматов – от старинного названия Японии "Ямато". Женился на русской женщине, от которой имел двух сыновей. Служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел переводчиком, несколько лет (1870-74) преподавал в Петербургском университете. На родину вернулся после 19-летнего отсутствия, где скончался в возрасте 65 лет[234].

Во время пребывания в С.-Петербурге Гошкевич предпринял издание японско-русского словаря, содержащего 10 тысяч лексических единиц. Он был напечатан в 1857 г. под названием "Японско-русский словарь, составленный И.Гошкевичем при пособии японца Тацибана-но Коосай" (СПб., 1857). В предисловии, датированном 28 августа 1857 г., Гошкевич сообщал о технических трудностях, с которыми столкнулся при издании словаря в Петербурге: "Печатание японского словаря встретило важные затруднения: полного японского шрифта, и в особенности китайского, служащего необходимым дополнением к нему, здесь нет; изготовление того и другого сопряжено было с большими издержками и потребовало бы много времени; а потому прибегли к особому способу печатания, состоявшему в соединении действия типографии и литографии: русский текст, предварительно набранный и проверенный, отпечатывался чернилами, употребляемыми в литографии, и в оставленные пробелы вписывались японские и китайские слова; а затем все вместе переводилось на камень и окончательно печаталось в литографии. Японские слова для соблюдения однообразия и большей уютности поставлены не перпендикулярно к русским, как бы следовало, но по направлению русских строк"[235].

Словарь удостоился Демидовской премии Императорской академии наук с вручением золотой медали. Для середины XIX века словарь был подлинным достижением; он способствовал изучению японского языка не только в России, но и в странах Европы. "Отечественные записки" напечатали по случаю его появления рецензию за подписью "Н.И.Б-ин". Рецензент отмечал, что "учёное знакомство с Японией стало редкостью в Европе" и что "русская наука не могла оставаться безмолвной там, где дело шло о близком нашем соседе". Далее он указывал на "три преимущества", которые помогли Гошкевичу в этой работе: десятилетнее жительство в Пекине, пребывание в Японии и содействие "природного японца". Отмечалось, что словарь "очень полон и, конечно, принесёт большую пользу при усиливающихся отношениях с Японией" (Отече-

[234] Бабинцев А.А. Из истории русского японоведения // Японская филология. - М., 1968. - С. 124-125.

[235] Японско-русский словарь. - СПб., 1857. - С. XVII.

ственные записки. – 1857. – № 12. – С. 67-69). (Один из редких экземпляров словаря – с собственноручными пометками И.А.Гошкевича – хранится в Петербургском филиале Института востоковедения. Как памятник японского языка первой половины XIX в. и как веха в развитии лексикографии словарь не утратил значения по сию пору).

Согласно Симодскому трактату 1855 г., было решено открыть российское консульство на о-ве Хоккайдо, наиболее близком к дальневосточным границам России. На должность консула, по существу первого русского посла в Японии, был назначен И.А.Гошкевич. Консул и его сотрудники прибыли в порт Хакодате 5 ноября 1858 г. Первоначальный штат, доставленный на клипере "Джигит", состоял из пятнадцати человек. Власти объявили русским правила, которые им надлежало соблюдать в городе и на рейде. Разместили их для начала во флигеле буддийского храма Дзицугедзи. Консул и врач с семьями поселились в помещениях этой "кумирни", остальным же пришлось временно остаться на доставившем их корабле. Вскоре выяснилось, что жить в храме невозможно: ветер свистел во всех щелях, днём хлипкое здание сотрясалось от боя ритуальных гонгов и барабанов, по ночам в нём хозяйничали крысы. Стало очевидно, что необходимо строить собственный дом.

Власти Хакодате собирались отвести чужеземцам место подальше, за чертой города. Лишь по настоянию И.А.Гошкевича удалось приобрести земельный участок в центральном районе Мотомати – у подножия горы Гагюдзан. Уже к 1860 г. на береговом откосе поднялся двухэтажный особняк, ставший украшением города. Одной из первых забот консульства явилось устройство лазарета. Первоначально врачи (после Альбрехта там работали Зеленский, Матвеев) лечили только свою колонию и заходивших в порт Хакодате российских моряков. Чтобы принимать японцев, понадобилось специальное разрешение правительства. По получении санкции из Эдо от жаждущих исцеления не стало отбоя – тем более что лечение и лекарства были бесплатными. В 1862 г. русские врачи вели не только амбулаторное лечение, но и госпитализировали до ста человек в год (228, с. 30-31).

Важной областью деятельности консульства стало обучение местных жителей русскому языку. За распространение грамоты взялись люди, имевшие образование и соответствующие склонности. Существенный вклад в это начинание внёс Иван Махов, который составил элементарный букварь. Его небольшая книжечка (20 стр.) имела заглавие: "Русского чиновника подарок японским детям. Русская азбука. Росия-но ироха" (228, с.31). Над букварём И.Махов трудился пять месяцев; его размножили ксилографическим способом. Сохранилось имя мастера, который вы-

резал доски: Цунэки Дзюкити. Отпечатано было 500 экземпляров, предназначенных для бесплатной раздачи в Хакодате, Эдо, Киото, Нагасаки. В подарок губернатору Хакодате букварь переплели особенно нарядно. Высокий чиновник оценил сувенир по достоинству: "Превосходно, поистине превосходно! Весьма любопытная вещь и отлично сделана, я восхищён!" Одна книжка предназначалась главе государства, её отпечатали на разноцветной почтовой бумаге (228, с.32). (Букварь И.Махова хранится в Институте востоковедения РАН в Санкт-Петербурге. Обложка имеющегося экземпляра украшена – довольно неожиданно – изображением Эчмиадзинского монастыря. Поскольку книжки делались вручную, отделка каждой из них имела, по-видимому, свои особенности – в зависимости от наличия иллюстрированного материала, а иногда сообразуясь с адресатом, которому конкретный ксилограф предназначался).

В 1858 г. между Россией и Японией был подписан второй, так называемый Эдоский договор о торговле и мореплавании. Смысл многих статей Симодского трактата 1855 г. существенно расширялся. Русские дипломаты не ограничивались более в своём передвижении тридцативерстной полосой вокруг открытых портов, появилась возможность ездить более свободно. Устанавливалась связь на уровне послов. Для ратификации этого договора И.А.Гошкевич ездил в Эдо – в резиденцию верховного правителя, сёгуна. От Хакодате до столицы консул (вместе с супругой и госпожой Альбрехт) проследовал морским путём.

Обратный же их путь оказался по тем временам весьма необычным для иностранцев: они проследовали через весь центральный остров Хонсю по суше, лишь в бухте Саи (у пролива Цугару) их взял на борт русский клипер. В знак особого расположения сёгуна к ним была приставлена многочисленная свита, 24 дня сменяющиеся слуги несли их в паланкинах. Тем временем, как стало известно русским позднее, националисты из клана Сэндай готовили на консула покушение; спасло его лишь благоприятное стечение обстоятельств (228, с. 35-36).

Если до 1858 г. российское общество имело весьма отдалённое представление о дальневосточных соседях, то с обоснованием И.А.Гошкевича и его сотрудников в Хакодате разносторонняя информация стала поступать из первых рук. Консульство в Хакодате являлось в 1858-1865 гг. единственным официальным представительством России. Через него осуществлялись не только все дипломатические, но и культурные связи; И.А.Гошкевич, по существу, исполнял функции посла. Именно тогда были заложены основы всех дальнейших отношений "со столь замечательным государством", как называл Японию адмирал-дипломат Е.В. Путятин. Благодаря просветительской деятельности служащих консульства

самым распространённым из иностранных языков на Хоккайдо стал тогда русский. В условиях настороженного отношения к иностранцам русские дипломаты своим тактичным поведением и полезными для населения делами сумели внушить японцам уважение к России.

Русских уважали за бескорыстие, за стремление понять местные обычаи и культуру. Город Хакодате, насчитывавший в ту пору всего 6 тыс. населения, заметно оживился под влиянием благотворных контактов. От той поры остались и сохраняются памятники архитектуры: белокаменная церковь Христа Спасителя и двухэтажное здание консульства – ныне перестроенное, оно используется в качестве молодёжного клуба (228, с. 42-43). Служащие хакодатского консульства способствовали техническому просвещению японцев. И.А.Гошкевич сообщал: "...мы устраиваем модель ветряной мельницы, до сих пор ещё неизвестной в Японии". С одного из российских судов был снят и подарен для освещения местной гавани прожектор, познакомились японцы и с барометром. С именем Гошкевича связывают приобщение жителей Хакодате к фотографическому искусству. Консул увлекался "светописью", бывшей тогда ещё в диковинку, и охотно показывал желающим свой фотоаппарат (228, с. 34-35).

Сам И.А.Гошкевич снискал расположение своей образованностью, знанием языков, своими учёными занятиями. Простой в обращении, искренний человек, он всемерно старался наладить добрые отношения с японцами. Его отчёты, посылаемые в Петербург, выражали волю поддерживать добрососедство на Дальнем Востоке (см., например, "Северная пчела", 15.10.1859). Обстановка продолжала оставаться напряжённой. 4 марта 1864 г. он сообщал, что сёгун намерен снова закрыть страну для иностранцев. Тем более ценной была его миролюбивая позиция, о которой тогдашний министр иностранных дел Горчаков писал: "Достаточно заметить, что Хакодате – порт есть единственный, в котором не совершилось ни одного из тех ужасных злодеяний, которыми ознаменовалась жизнь в европейских факториях других портов...".

Первый российский консул вернулся в Петербург в 1865 году. Два года прослужил на прежнем месте – в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Затем по состоянию здоровья вышел в отставку. Купил небольшую усадьбу "Мали" под Вильно, где и провёл последние годы. До конца своих дней продолжал учёные занятия. Скончался И.А.Гошкевич в 1875 году. Его исследование "О корнях японского языка" было опубликовав посмертно (228, с. 43-44).

Библиотека И.А.Гошкевича хранится в Институте востоковедения РАН (Петербургский филиал). Она была куплена у И.И.Гошкевича,

сына консула, в 1910 г. В ней насчитывается 1346 японских ксилографов и старопечатных книг, 47 листов географических карт. Собранные письменные памятники свидетельствуют о разносторонних интересах учёного-дипломата; они касаются вопросов географии, этнографии, истории, языка, причём не только японцев, но и народов сопредельных стран – Китая, Кореи. Материалы, привезённые И.А.Гошкевичем в Петербург, явились первым крупным собранием японской литературы, поступившей в Азиатский музей (предшественник Института востоковедения). Поступила она ещё до того, как в Академии наук началось регулярное изучение японской культуры (228, с. 24).

Память о первом русском консуле в Японии сохраняется и до сего дня. Имя И.А.Гошкевича, который заложил основу дружбы, взаимного познания народов России и Японии, увековечено на географической карте мира: в его честь назван залив в Японском море. Чтят своего земляка и в Белоруссии. В 1968 году в Минске вышел роман, принадлежащий перу В.Гузанова и озаглавленный: "Одиссей с Белой Руси"[236].

Список печатных трудов И.А.Гошкевича: 1. Способ приготовления туши, белил и румян у китайцев // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. – СПб., 1852. – Т. 1. 2. Китайские счёты и производство на них четырёх арифметических действий // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. – СПб., 1853. – Т. 2. 3. О разведении шань яо (картофель) // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. – СПб., 1857. 4. Японско-русский словарь, составленный И.Гошкевичем при пособии японца Тацибана-но Коосай. – СПб., 1857. 5. О шелководстве // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. – СПб., 1857. – Т. 3. 6. Императорское или благовонное пшено (скороспелое) // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. – СПб., 1857. – Т. 3. 7. О корнях японского языка. – Вильно, 1899. 8. Хонкон. Из записок русского путешественника // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. – СПб., 1857. – Т. 3. 9. Извлечение из письма русского консула в Японии от 1 февраля 1959 г. // Северная пчела. – 1859. – 13 окт. 10. Извлечение из письма русского консула в Японии // Морской сборник. – 1859. – № 10. – С. 139-140. 11. Из письма русского консула в Японии // Северная пчела. – 1861. – № 58. – с. 44.

"Специфику российско-китайских отношений определяло различие в системах ценностных ориентиров двух цивилизаций. Во внешней политике Китай во главу угла ставил политические интересы, Россия стремилась обеспечить экономические связи с Цинской импе-

[236] См также: Грицкевич В. П. Путешествия наших земляков. - Минск, 1968; Грицкевич В. П. Беловолосый консул: [И.А.Гошкевич] // Неман. - 1973. - № 1. - С. 179-183.

рией. <...> Внешнеэкономические связи рассматривались в цинском Китае как милость для сопредельных народов, как форма, в которой они могли получать дары китайской цивилизации. "Чужеземные варвары испытывают чувство благодарности за высочайшую гуманность, дозволяющую им получать выгоду от торговли без ущемления в правах по сравнению с людьми из внутренних земель (Застенного Китая. – В.М.)", – докладывал императору главный управляющий морской таможней провинции Гуандун в декабре 1805 года в связи с прибытием в Гуанчжоу русских кораблей "Надежда" и "Нева" под командованием И.Ф.Крузенштерна и Ю.Ф.Лисянского[237].

Заинтересованность самой китайской цивилизации в товарном обмене практически отсутствовала. Торговля считалась "низким" делом. Поэтому сложилась система рынков на границах империи, где разрешалась торговля с "варварами", а также допускалось прибытие торговых караванов в Пекин, как правило, они сопровождали посольства. Численность персонала этих караванов была установлена в 200 человек. Цинское правительство не разрешало купцам своей страны покидать пределы империи. Вместе с тем торговля была эффективным орудием китайского двора в контактах с иностранцами, так как позволяла имперской элите руководить "варварами", играя на их стремлении к получению прибыли.

Крупный сановник Ци Ин докладывал императору Дао Гуану (1821-1850): "Торговля жизненно необходима для иностранных государств. Поэтому искусство императорского двора при осуществлении руководства, направленного на сдерживание этих государств, состоит в том, чтобы ко всему относиться беспристрастно и, не применяя жестоких мер, сохранять основные принципы, насколько это возможно" (Банно Масатака).

Цинское правительство умело эксплуатировало заинтересованность русской стороны в торгово-экономических связях. Добиваясь политических целей, оно вводило запреты на торговлю с Россией. Например, в XVIII веке такие перерывы, длившиеся иногда по много лет, повторялись одиннадцать раз. <...>

Китайская же политическая культура практически исключала равенство в отношениях Поднебесной с любой страной мира. Китай стремился придать всем государствам, вступавшим в контакты с Китаем, статус вассалов империи. Своеобразная данническая система

[237] Воскресенский А.Д. Китайские хроники о пребывании И.Ф.Крузенштерна и Ю.Ф.Лисянского в Гуанчжоу // И не распалась связь времён...: К 100-летию со дня рождения П.Е.Скачкова. - М. 1993. - С. 151-163.

действовала на протяжении тысячелетий и имела особые, хорошо разработанные институты. Россия не стала исключением" (124, с. 19-20).

"Вторая модель – модель равносторонних связей двух империй – падает на вторую половину XIX века и простирается до 1917 года. Это период заката феодализма в обеих странах, становления капиталистических отношений, эпоха крушения Цинской и Российской империй, реформ и революций, политического и экономического кризиса и в России, и в Китае, превращения Китая в полуколонию западных держав. Хотя Россия выступает на стороне Запада, её политика существенно отлична от политических курсов колониальных держав. Оба государства стремятся к равносторонним отношениям" (124, с. 22).

Августин (НИКИТИН), миссионер, дипломат, востоковед

Тринадцатая ПДМ (1850-1858)

Начальник – Палладий (Кафаров), архим. Иеромонахи – Елисей/Евлампий (Иванов) (род. 1822), Пётр/Павел (Цветков) (ум. 1855, Пекин). Иеродиакон – Михаил/Илларион (Оводов) (1827-1857, Пекин). Студенты – М.Д.Храповицкий (1816-1860), Н.И.Успенский (ум. 1851, Пекин), Н.И.Нечаев (ум. 1854, Пекин), Константин Андрианович Скачков. Врач – С.И.Базилевский (1822-1878). Художник – И.И. Чмутов (1817-1865). Пристав – Е.П. Ковалевский (1809-1868).

В 1850 году православных христиан в Китае 118 человек обоего пола.

Как считал Н.Адоратский, "о. Палладий по учёности не уступал о. Иакинфу, в характере даже превосходил его" (120, с.312-3). Архим. Палладий уделял массу времени и направлял усилия, занимаясь созданием нового китайско-русского словаря. Иером. Исайя (Пешкин) занялся обустройством миссии на новом месте и активной проповедью христианства. Именно последний выступил сторонником перевода обрядовых книг на китайский язык, обратил в православие несколько китайских семейств, в том числе за пределами Пекина, в деревне Дуньдиньань, где позже построена церковь. О. Палладий работал над составлением словаря больше 14 лет, смерть прервала труд, который будет продолжен П.С.Поповым, старшим драгоманом дипломатической миссии в Пекине.

Русская духовная миссия долгое время служила единственным русским учреждением при сношении двух великих держав. Под крышей Духовной миссии Россия фактически держала дипломатическое представительство почти полтора века. В значительной мере благодаря Православной миссии взаимоотношения двух империй складывались как "особые", и Россия после "второй опиумной" войны (1858 г.), хорошо ли плохо ли, исполняла роль посредницы в примирении сторон, как и в конце XIX века, после проигранной Китаем войны с Японией. Лишь в середине XIX

столетия европейские страны вырвут, в конце концов, согласие "Срединной империи" на открытие посольств в Пекине.

С 1712 по 1860 г. в Пекине находилось 13 миссий. Вплоть до 1858 г. членам духовной миссии сохранялось содержание от китайского правительства, отменённое 10-ю статьёй Тяньцзинского договора. Тогда для миссионеров добились права свободного выезда и приезда, когда и куда угодно. Тяньцзинским трактатом 1 июня 1858 г., заключённым между Россией и Китаем, китайское правительство обязалось "дозволять православным миссионерам распространять христианство в Китае и не препятствовать им проникать из всех открытых мест внутрь Империи" (162, с.24). Была разрешена проповедь христианства во внутренних областях Китая.

Между прочим, у России в эти годы своя беда и головная боль. Крымская война 1853-1856 гг. – один из наиболее острых этапов в осуществлении Россией южного направления своей внешней политики и в процессе её участия в решении восточного вопроса. В войне участвовали: с одной стороны – Россия, с другой – Османская империя, Англия, Франция и Сардинское королевство. Войну вызвал комплекс международных причин, все её участники имели свои интересы.

Российская империя стремилась к пересмотру режима черноморских проливов; усилению влияния на Балканском полуострове. 20 октября 1853 г. Николай I подпишет Манифест о начале войны с Турцией. Россия вступит в Восточную войну. По словам Тютчева, "это война кретинов с негодяями". Учитывая, что ради амбиций одних там гибнут другие, такое высказывание поэта считаем удачным.

27 августа 1855 г. французские войска, овладев южной частью Севастополя, захватили господствующую над городом высоту – Малахов курган. И поражение России стало неизбежным. Неудача подорвёт здоровье Николая I, и в результате царь умирает 2 марта (18 февраля) 1855 г. В С.-Петербурге на престол взошёл Александр II.

Россия стремилась восстановить частично утраченное в 40-е годы XIX в. влияние на Ближнем Востоке и Балканах, обеспечить более благоприятный судоходный режим Черноморских проливов для русских военных и торговых кораблей, нарушенный Лондонскими конвенциями 1840 и 1841 г. А по итогам Парижского мира, в 1856 г. Россия утратит право иметь флот и крепости на Чёрном море, и потеряет Южную Молдавию.

"Фактическое равенство в отношениях цинская сторона признала (и то относительно) лишь после поражения империи в борьбе с западными державами – Англией, Францией, США. Эти державы путём колониальных войн начали вовлекать Китай в мировые политические

и хозяйственные связи. Многие российские политические деятели рассматривали оба государства как естественных союзников в противостоянии натиску капиталистических держав Запада.

Сближение России и Китая предопределило мирное решение вопросов размежевания ничейных территорий и установление договорного режима на смежных границах. В 1858 г. был заключён Айгуньский договор, установивший русско-китайскую границу по реке Амур, а в 1860 г. – Пекинский дополнительный договор, которым был определён последний участок дальневосточной русско-китайской границы – от устья реки Уссури до моря (в двадцати китайских ли выше впадения реки Тумынцзян в море). На основе Пекинского трактата в 1864 г. был заключён Чугучакский протокол, установивший русско-китайскую границу в Центральной и Средней Азии. Окончательное оформление границы на западном участке было произведено С.-Петербургским договором 1881 г." (124, с.22).

"В 1858 г. граф Путятин поднял вопрос о договорном закреплении свободы проповеди православия в Китае. Испытывая тревогу по поводу распространения в этой стране британцами и французами протестантской и католической веры, он заключил, что России также следовало бы создать в Китае свой духовный форпост ещё до того, как время будет упущено и все китайцы будут обращены в западную веру западными миссионерами. Тогдашний глава 13-й Миссии архим. Палладий (Кафаров) отреагировал на эти призывы без энтузиазма, указывая на отсутствие у России возможностей для широкомасштабного прозелитизма в Китае, а также на различие политико- дипломатических интересов России и стран Запада.

Помимо дипломатически мотивированных призывов "обождать того времени, когда политический горизонт Востока прояснится", в письме Палладия[238] можно найти примечательные, миссионерски мотивированные оценки китайской культуры. О конфуцианстве было сказано, что оно "выше всего ставит политическую мораль", "лишено начал спиритуализма и вместе с тем впадает в грубые суеверия", "внедряет глубокий эгоизм", а "относительно высокие правила его нравственной философии развили в нём горделивое самосознание и спесь и утвердили его в самообольщении".

Назвав обращения в христианство из касты конфуцианцев "трудными и непрочными", Палладий предупредил, что китайское правительство в нынешнем виде никогда не примирится с христианством,

[238] См. Палладий (Кафаров), архим. Некоторые соображения по поводу предполагаемого учреждения православной проповеднической Миссии в Китае // КБ. - 1915. - Вып. 9-12. - С. 44.

так что и для православных, ещё не навлекших на себя в Китае больших подозрений, дело без борьбы не обойдется. "В самом деле, может ли быть мир и общение между животворною верою нашею и застоем конфуцианства; между христианским просвещением и ветхими основами правительственной системы отживающего Китая? Рано или поздно конфуцианство, этот пан Восточной Азии, должен пасть перед силою Креста, вместе с язычеством, как по явлении Спасителя, по свидетельству предания, пал пан классического мира" (238, с. 39).

Дав краткую характеристику буддизму и народным религиям Китая, затронув при этом также астрологию и геомантию ("геогномию"), Палладий заключил, что "упадок жреческого класса, опустение и разрушение капищ и пустой формализм, господствующий в нравах китайцев", свидетельствуют как о шаткости основ язычества в Китае, так и о том, что "не трудно будет низвергнуть его окончательно". Вместе с тем личные наблюдения за религиозной практикой простых китайцев дали ему возможность заключить, что "религиозный инстинкт, глубоко врождённый человеку, не погас и в этой заброшенной на край Азии нации, он только искажён и извращён временем и особностью Китая". Подобно ранним иезуитским миссионерам во главе с Маттео Риччи, Палладий считал возможным, очистив народные предания и верования от суеверий, найти в китайской древности идею единого Божества, "сознание потребности исправления натуры павшей и ограниченной", а также следы перенесённых когда-то на китайскую почву библейских преданий. Вместе с тем он предостерегал от увлечений "мнимыми подобиями и сходством", что встречалось ранее у католиков.

Не считая возможным для планируемой Православно- проповеднической миссии в Пекине брать за образец деятельность католических миссионеров (последние были обвинены Палладием в том, что сообщают китайцам лишь формы веры, развивают обрядную набожность и делают паству "нелюдимой", отчуждая её от прежнего круга общения), Палладий предложил ряд направлений по её развитию. Им было указано на необходимость изучения миссионерами разговорного китайского языка для проведения духовных объяснений и письменного – для перевода и составления книг догматического, нравственного и полемического содержания. Палладий поддержал идею подготовки православных катехизаторов из молодых китайцев, а также призвал дополнить план открытия при Миссии школы и больницы предварительным обучением медицине всех миссионеров, готовящихся к службе на Востоке.

Можно сделать вывод, что в середине XIX в. представления православных миссионеров о судьбе китайской культуры или о методах проповеди среди китайцев во многом пересекались с представлениями действовавших в Китае инославных проповедников. Отмежевываясь от крайностей католической проповеди и призывая к политической осторожности, вслед за современниками из числа западных миссионеров Палладий всё же разделил широко распространившуюся в те годы концепцию замещения конфуцианства христианством" (188, с. 317-318).

Приложение 11

Константин Андрианович Скачков (1821-1883)

Материал из статьи Скачкова П.Е. – См.: Биографический очерк)

Среди прикомандированных к миссии Палладия Кафарова (1849 г.) был и 27-летний Константин Андрианович Скачков.

В письме к директору Азиатского департамента Г.Л.Синявину К.А.Скачков рассказывает о своей жизни полнее, чем его биографы (Веселовский Н. К.А.Скачков // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1883. – Ч. 22. – Июнь. – С.98-103; Черкас А. // Русский биографический словарь. – СПб., 1904. – Т. 18. – С.544-45; Дигаров З. Русский китаевед К.А.Скачков // Дружба. – 1956. – 28 апр.

"Из формулярного о службе моей списка (видно), что я именуюсь мещанским сыном. Нисколько не огорчаясь таким званием, напротив, было время, что я даже тщеславился им, опережая в университетском образовании своих товарищей-аристократов, я воспользуюсь настоящим случаем, чтобы рассказать о своей родословной. Нашим родоначальником был боярин Кучка, владетель Москвы. Мой предок бежал в Литву с князем Курбским после ссоры их с князем Иоанном Васильевичем Грозным. Из опасения быть пойманным в Литве предок назвался Качка (утка), впоследствии род Качки переселился в Россию, кажется, в Калугу. Их было два брата, одного звали Семён или Сергей, не знаю верно, другого имя неизвестно. Этот неизвестный Качка обесславил себя разбойничьими наездами, вследствие чего старший брат, гнушаясь фамилией наездника, прибавил к своей фамилии первую букву своего имени и стал Скачка"[239].

Дед К.А.Скачкова переселился в Петербург, где на подрядах нажил миллионы, отец же эти миллионы прокутил и оставил сына Константина без средств и в "унизительном" звании мещанина. Благодаря дяде, который выиграл процесс по старому долгу отца Скачкова, Константин разбогател. "Меня прочили в фабриканты, отдав учиться в Технологический

[239] Государственная библиотека СССР им. В.И.Ленина. - Рукописный отдел. - Ф. 273. - Шифр 2875. - Л. 215.

институт. Через 5 лет учения, за год до окончания курса, я убежал оттуда на университетскую лекцию, откуда меня вывели" (239, л. 216).

Шестнадцати лет Скачков поступил в университет, но, не окончив его, перешёл в Ришельевский лицей (где получил сельскохозяйственное образование). Здесь он был одним из лучших учеников известного астронома, позже – акад. А.Н.Савича (1810-1883) (В статье "Судьба астрономии в Китае" ("Журн. М-ва нар. просвещения", 1874, ч. 173, № 5, с. 10) Скачков пишет: "Благодаря счастью я был учеником знаменитого астронома Делина и известного профессора и акад. А.Н.Савича"). Это послужило несколько лет спустя поводом к поездке в Китай.

В 1844 г., окончив Ришельевский лицей, К.А.Скачков поступил чиновником в вологодскую палату министерства государственных имуществ, а в 1845 г. был назначен помощником управляющего Северной учебной фермой. Через два года, в 1847 г., он перешёл в канцелярию петербургского губернского правления. Ничего общего с Китаем на этой службе не было. В 1848 г. К.А.Скачков согласился поехать в Пекин для работы в обсерватории при духовной миссии Палладия Кафарова.

"В университете, потом в Ришельевском лицее, а затем на службе в министерстве государственных имуществ, – пишет Скачков, – везде меня держали на последнем плане за то только, как откровенно объясняло моё начальство, что я мещанский сын. Только министерство иностранных дел не обратило внимания на моё звание. А замечательней всего то, что в Пекине-то, в кругу товарищей-семинаристов, на меня часто смотрели как на плебея, нисколько не церемонясь, уверяли меня, что звание дьячка, пономаря почетней мещанского. Я смеялся над такими школьными выходками" (239, л. 216). Перед отъездом в Китай Скачков не раз беседовал с Бичуриным. Доказательством этого служит строка в одной из статей К.А.Скачкова: "Не могу не вспомнить и любимого выражения моего наставника, знаменитого Иакинфа Бичурина, он говаривал: "Китай есть земля неприступная". К.А.Скачков замечает тут же: "Верное ещё лет сорок тому назад, ныне это выражение стало анахронизмом" (Рус. вестн. – 1881. – № 11. – С. 371).

Приехав в Пекин, К.А.Скачков энергично принялся за организацию магнитно-метеорологической обсерватории[240] и стал вести астрономические наблюдения. Одновременно он начал изучать китайский язык. Все китаисты, вышедшие из пекинской миссии, изучали китайский и маньчжурский языки при почти полном отсутствии пособий и словарей. Это был большой, напряжённый труд в течение долгих лет.

[240] См.: Струве О.В. Обзор деятельности Николаевской Главной обсерватории. - СПб., 1865. - С. 74.

Почти все изучавшие китайский и маньчжурский языки составляли сами или переписывали рукописные словари своих русских предшественников или западноевропейских миссионеров. (В архиве Института востоковедения Академии наук СССР хранятся 32 словаря: русско-маньчжурские, маньчжуро-русские, китайско-латинские, латино-китайские, китайско-французские и других языков, составленные или переписанные русскими китаеведами. Описание части этих словарей, сделанное К.А.Скачковым при описании библиотеки Азиатского музея, находится в Рукописном отделе Государственной библиотеки имени В.И.Ленина, фонд 273, шифр 2886.)

В своих записках Феофилакт Киселевский пишет: "Мы должны по крайней мере восемь лет рыться в китайских лексиконах, чтобы иметь возможность на девятом году заготовить перевод с китайского языка" (239, шифр 2892, с.186). Антон Владыкин в своих записях в 1796 г. отмечает: "Ученики, посылаемые в Пекин, будучи нимало не научены языкам – китайскому и маньчжурскому, принуждены бывают года два и три только упражняться в затверживании вокабул и литер, к тому же казённые учителя, не получая никакой награды, бывают ленивы и не откровенны" (239, шифр 2892, л. 123 об.). Эта напряжённая, требовавшая большой усидчивости и терпения работа протекала в плохих бытовых условиях. Аввакум Честной в рапорте азиатскому департаменту писал: "Студентские комнаты узки и тесны, неудачны для занятий с учителями, зимою опасны для здоровья. Нельзя прислониться ни к одной стене – иначе сырость и холод проникнут во все кости, и ревматизм, здесь столь обыкновенный, – неизбежен... В зимнее время ноги постоянно страждут от жару, а плечи и спина – от сырости и холода" (239, шифр 2888/1, л. 161 об.). Питание было плохое: "Штатного столового оклада недостаточно"(Там же).

Тяжёлые условия приводили к тому, что немалая часть миссионеров не выдерживала такого искуса и бросала занятия, а ученики нередко оставались на пекинском кладбище (Так, в 1730 г. из шести учеников умерли трое: Войеков, Шульгин и Пономарев (26 лет); в 1755 г. – Коняев (33 лет); в 1779 г. – Коркин (34 лет); из миссии 1781 г. – Филонов и Попов; в 1795 г. – Сарлатовский (37 лет); в 1801 г. – Лавровский и Громов; в 1806 г. – Малышев (36 лет) и Горский (23 лет). Синодик этот касается только учеников миссии). Это были все люди, не достигшие и сорока лет.

Ко всем тяготам быта и трудностям в изучении китайского и маньчжурского языков прибавлялось ещё и отсутствие хороших учителей. В рукописях Феофилакта Киселевского, относящихся к тридцатым годам XIX в., есть любопытные записи об учителях, "нанимаемых для миссио-

неров": "Солдат сюцай (низшая учёная степень) Энь нанят в начале мая, в половине того же месяца с бесчестием отставлен... Крестьянин сюцай Ван с половины мая 1833 г. в конце августа отставлен за пьянство... Чортхэ лама, учитель тибетского языка с января 1833 г., в конце декабря того же года оставил нас, как раков на мели... Солдат сюцай Чэн нанят с сентября 1833 г., получал 4 ланы в месяц. Учитель китайского языка – один из лучших, но такая шельма, которая беспрестанно отпусками и неявками к сроку причиняет множество беспокойства и досады. Он ходил только по 1836 г. и отставлен" (239, шифр 2892, л. 202-203 об.).

Все эти трудности самостоятельного изучения китайского языка должен был преодолеть и К.А.Скачков. Ему пришлось пройти такую же тяжёлую школу, как и его предшественникам. Положение К.А.Скачкова облегчалось некоторой самостоятельностью: он заведовал обсерваторией; но это же заведование требовало особых трудов. Скачков называет своего учителя "профессор Гао". Гао получал не 4 лана в месяц, как остальные сюцай, а 5 лан и 8 чи (только за утренние занятия); он приходил ежедневно по утрам, а другой сяньшэн – вечером. Даже уезжая в 1851 г. в горы на 78 дней в отпуск, Скачков взял с собой сяньшэна Шэня.

"Занятия обходились дорого, но [я] не отягощался в расходах при помощи доброго архим. Палладия, который сочувствовал моим занятиям и всегда находил для меня деньги" (239, шифр 2875, л. 169 об.). Уже через два года после начала занятий Скачков убедился, что достигнуты некоторые успехи. 27 сентября 1851 г. он записал: "Благодаря Шэнь сяньшэну да, пожалуй, и моему терпению, мои занятия китайским языком принесли малую толику пользы. Сегодня ровно 2 года, как я приехал, и результат от занятий оказался даже лучший, чем я предполагал. Мало того, что я довольно бегло стал говорить по-китайски, но слегка понимаю и то, что читаю" (239, шифр 2875, л. 2 об.).

В конце 1853 г. он подвёл в дневнике итоги годовой работы: "Написал и перевёл немало. Об сельском хозяйстве написано 104 листа. Этого журнала... 76 листов; по части технологии – 12 листов; переводы: "Каогу" ("Археология". – Видимо, Скачков имеет в виду какую-то часть книги, название которой начинается с "каогу") – 34 листа; "Кайпи" (Полное название: "Кайпи лишу туншу" – "Исчисление лет, начиная с создания мира") – 10 листов; история астрономии Ханьской династии (не оконченная за непониманием Лю Ли) – 24 листа; пространно "Гуцзин миюань" – 22 листа; "Цзю хуан хуо мин" ("Книга о спасении от бедствий и о процветании народа") – 22 листа; "Сю ча цзин" ("Продолжение книги о чае", до половины пока переведённый) – 24 листа. Кроме того, для Купфера (А.Я.Купфер (1799-

1865), академик, зав. метеорологической обсерваторией АН. Ему Скачков посылал отчёты по обсерватории) вычислений – 231 лист и разной переписки 40 листов. Всего 599 листов" (239, шифр 2876, л. 526).

Исключительное трудолюбие Скачкова помогло ему добиться серьёзных результатов. В конце 1854 г. он записал: "Я занимаюсь 17 часов в сутки, значительные успехи в китайском языке. Только с этого года я стал переводить без пособия китайца".

После того как Скачкову стало доступно хотя бы с помощью сяньшэна чтение китайской книги, он начал усиленно заниматься изучением сельского хозяйства Китая. Переводя рекомендованное ему Бичуриным "Шоуши тункао" ("Всеобщее исследование о периодах и временах года" (в связи с сельским хозяйством), он убедился, что эта книга не даёт всех тех сведений о китайском сельском хозяйстве, которые он ожидал здесь встретить. Разочарованный Скачков пишет: "Но плохо я сделал, взявшись перевести все томы "Шоуши тункао" (Сборник по предметам сельского хозяйства). Это громадный труд, а пользы от него немного... Согрешил же почтенный отец Иакинф Бичурин, посоветовав мне только и держаться этой книги при моих занятиях. И откуда он взял рассказ, оказавшийся басней, что богдыхан Канси, достойный современник Петра I, приказал во всех уездах Китая публично прочитывать несколько раз в год эту книгу для научения земледельцев уму-разуму? Нелегко эту книгу, всего в 24 толстых тетрадях, прочесть даже один раз в год" (240, шифр 2875, л. 2-3 об.). Поэтому Скачков привлёк полностью или частями ещё несколько книг, касающихся и сельского хозяйства: "Шаншу яодянь" (Глава из "Шуцзина"), "Шаншу юйгун" (Глава из "Шуцзина"), "Гулян чжуань" ("Комментарии на Чунцю") и др.

Примерно одна пятая рукописей Скачкова (около 2 тыс. листов, хранящихся в Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В.И.Ленина) посвящена китайскому сельскому хозяйству. Скачков переводил из китайских книг описания растений, посадки, посева, обработки земли, снятия урожая зерновых и технических культур и овощей и т.д. Записи касаются также цветоводства и плодоводства. Скачков подробно описывал различные виды цветов и плодовых деревьев, виды сельскохозяйственных орудий, а иногда и зарисовывал их на полях. Кроме того, он нанимал художников-китайцев, которые зарисовывали образцы разных культур.

Не довольствуясь книгами, Скачков стремился изучать Китай среди народа. В одной статье он писал: "Если бы европеец, приехавший в Китай с целью изучать китайцев, заимствовал бы материалы не от лукавых

слуг, неучей-матросов, а заставил бы себя просидеть по нескольку часов в продолжение нескольких дней в чайной и притом не в барском чайном ресторане, а в описываемой нами простой городской или загородной – всё равно, то, конечно, он вернее узнал бы китайцев. Чайная эта... "живая энциклопедия китайских уличных нравов"[241]. Скачков не удовлетворялся знакомствами с "барами", как он называл китайских чиновников. "От китайских бар я извлекаю себе пользу в других моих занятиях, а для практического изучения китайского сельского хозяйства я давно уже чувствовал необходимость сблизиться с здешними бедняками и с здешними арендаторами ферм" (239, шифр 2875, л. 57 об.).

Для продолжения занятий по сельскому хозяйству Скачков уехал в деревню. Здесь он вёл дневник, озаглавленный: "Деревенский быт. Списан с натуры в деревне Вэньцюань, в местности Шиво" (239, шифр 2881, л. 1065-1278). Скачков записывал всё, что видел и слышал: поговорки и пословицы, обычаи, приёмы сельскохозяйственных работ, религиозные обряды, характер аренды земли, условия и порядок заклада и найма домов, подати, годовой бюджет крестьянской семьи. В 1853 г. он сам провёл опытные посевы. В этом году было назначено к посеву: "Овощей разных – 60 сортов, 23 сорта гуа (тыквенных), 26 разных видов гороха, зерновых хлебных 16 сортов, риса – 20, гаоляна – 22, лекарственных – 7, аптечных корней – 17, плодовых деревьев – 26, полевых цветов – 90, садовых – 41" (239, шифр 2882, л. 4). Он не только наблюдал за сельскохозяйственными работами, но и сам работал на полях: "Первый раз пахал китайской сохой; устал я, но не потому, чтобы соха была тяжела, а потому, что взялся за соху по-русски, после приноровился – шёл весьма свободно" (Там же).

После того как Скачков овладел китайским языком настолько свободно, что мог беседовать с крестьянами, он познакомился с одним арендатором на ферме Еррсань близ Пекина и стал его "самым коротким приятелем" (239, шифр 2875, л. 58 об.). "Мой компаньон, или, точнее выражаясь, мой нареченный профессор, руководитель в китайском сельском хозяйстве, по прозванию Вэй Чжан, будет работать со мной в моём опытном поле... лучшим справочным руководителем в таком занятии, к которому я был подготовлен уже в России (в Ришельевском лицее и на работе в Вологодской учебной ферме), с которым я познакомился уже по китайским книгам, которое (сельское хозяйство) решительно может быть образцом для рационального хозяйства

[241] Скачков К.А. Загородный Ча-гуань на Пекинском канале // Рус. худож. листок. - 1858. - № 35. - С. 7. - Изображение чайной Чмутова.

не в одной России, а тоже и в Западной Европе, и о чём по сие время в Европе никто не писал, никто не заикнулся даже, кроме нашего деда – синолога Бичурина, издавшего тощий перевод архимандрита Вениамина из книги "Шоуши тункао"[242].

Эта книга, по словам Скачкова, издана случайно: "И.Бичурин увидел у бывшего члена миссии Вениамина [Морачевича] рукопись – выписки из книги "Шоуши тункао". Вениамин боялся "говорить с публикой" и не публиковал своих работ, и "рукопись перешла в опытные руки о. Иакинфа и была издана под его строгой редакцией... Я видел в исходе 1840 г. рукопись о. Вениамина, в которой редкая страница оставалась без поправок; предисловие написано самим издателем" (239, шифр 2875, л. 267), которою любознательный хозяин только залакомливается узнать, что за сельское хозяйство в Китае, не разжевывая из нея ничего точного" (239, шифр 2875, л. 58-58 об).

Приведённых записей из дневников К.А.Скачкова вполне достаточно, чтобы показать, как серьёзно и последовательно изучал он сельское хозяйство Китая. Опубликованные им статьи по сельскому хозяйству имеют особую ценность, а рукописное наследство на эту тему заслуживает изучения и, по возможности, опубликования.

Труды Скачкова по сельскому хозяйству обратили на себя внимание даже равнодушных царских чиновников. В предисловии редакции к его статье "О деревьях, на которых китайцы разводят диких шелковичных червей", было сказано: "Скачков оказал нашему отечеству столько же заслуг в отношении к ознакомлению нас с китайскими полезными растениями, как никто из бывших до него в Китае... Его неусыпным трудам обязаны мы распространению в России китайского мусю (вид люцерны) (Medicago sativa) и множества огородных и садовых растений, которые он присылал в громадном количестве в Россию в департамент сельского хозяйства, в различные общества сельского хозяйства и частным любителям" (Журнал сельского хозяйства. – 1862. – Т. 3, № 7. – С. 33). За распространение полезных растений Московский комитет акклиматизации в 1861 г. наградил Скачкова серебряной медалью, а в 1862 г. Парижское общество по акклиматизации – также медалью.

Серьёзно Скачков интересовался и китайским шелководством (шелководству уделено более 1000 стр. записей) (239, шифр 2883, л. 2). В 1856 г. он писал Л.Г.Синявину: "Ради пользы для русской промышленности выписал две породы диких шелкопрядов – ясеневого и дубового. Чтобы научиться, как обходиться с этими шелкопрядами, я выписал

[242] [Бичурин Н. (Иакинф)]. Земледелие в Китае, с семидесятые двумя чертежами разных земледельческих орудий. - СПб., 1844. - XII, 100 с.

опытного шелковода из той же Шаньдунской губернии. Тогда сад в пекинском северном подворье превратился в шелководную плантацию" (239, шифр 2875, л. 210 об.). В ответ на поданную Скачковым в Комитет шелководства Московского общества сельского хозяйства "Записку о китайских шелковых червях, диких и домашних, разводимых К.Скачковым в 1856 году", директор комитета С.Фасегов просил прислать 1000 коконов в Москву из тех пород, какие признает нужными Скачков. Однако эти попытки помочь отечественному шелководству пропали даром.

В письме к Синявину Скачков сообщал, что он "отправил в Петербург, в Департамент сельского хозяйства, коконы и статью о способе ухода за шелкопрядом, описания ясеня и дуба, рисунки шелкопряда, семена деревьев и образчики материи из их сырца, а в 1857 г. в Петербурге удостоверился, что дикие шелкопряды попали в худые руки" (239, шифр 2875, л. 211). Скачкова даже упрекнули, зачем он послал коконы диких шелкопрядов. "Я считал, что всё посланное мною будет золотым подарком, что такие дикие шелкопряды, в первый раз попавшие в Европу чрез Россию, принесут честь русскому имени, что со временем Россия поделится ими с Западной Европой" (Там же, л. 210). Полезное начинание Скачкова натолкнулось на чиновничий бюрократизм. Даже его статья появилась в печати только в 1862 г.

В 1858 г., когда Скачков был в Париже, он там встретил аббата Перни, который привёз из Китая 50 коконов дикого дубового шелкопряда. Парижское общество акклиматизации вывело бабочек и яички, сделало описание этой новой в Европе породы шелкопрядов и назвало её именем Перни. "В этом же году я увидел в наших учёных журналах два перевода статей Перни" (Там же, л. 212), – с сожалением констатировал Скачков в дневнике. "Написал статью о диких шелкопрядах. Теперь я оканчиваю её своим предисловием, в котором доказываю, что не французский, а русский синолог прежде всего сделал для Европы открытие о диких шелкопрядах, и рассказываю о всех мытарствах моего труда по редакциям русских учёных обществ, которые, забывая о своём назначении, приносить пользу России, увлеклись учёным шиком, непростительной модой в подражании только французских фраз" (Там же).

Когда Вольное экономическое общество заказало Скачкову альбом иллюстраций сельскохозяйственных культур и орудий, он с помощью двух китайских художников этот заказ выполнил и привёз около 700 рисунков. В Петербурге, Париже и Лондоне этим альбомом восхищались, а Вольное экономическое общество не приняло заказа, ссылаясь

на то, что он был сделан "прежним составом общества, а не настоящим, которое нуждается в деньгах" (Там же, л. 212 об.).

Это общество заказало фунт жэньшэня, возглавлявший миссию Палладий Кафаров предусмотрительно отговорил Скачкова от этой покупки, которая обошлась бы в два фунта золота. "Впоследствии в Петербурге я удостоверился, – писал Скачков, – что Общество писало ко мне о жэньшэне ради одного шика и отказалось бы от этих корней, предоставив мне самому питаться ими" (Там же). В 50-х гг. Скачков стал широко известен как специалист по сельскому хозяйству Китая. Он избран чл.-корр. Вольного экономического общ-ва (1851 г.), чл.-корр. Кавказского общ-ва сельского хозяйства (1857 г), членом Российского общ-ва садоводства в Петербурге (1859 г.), Азиатского парижского общ-ва (1858 г.), Комитета акклиматизации Московского общ-ва сельского хозяйства (1859 г.) и Казанского экономического общ-ва (1860 г).

Кроме сельского хозяйства, Скачков старательно изучал китайскую кустарную промышленность. Его интересовали производство кирпича, горшечное производство, окраска материй (описана 51 краска) и многие другие технологические процессы. В его дневниках, в разделах "Китайская технология" (386 л.) и "Китайская энциклопедия" (535 л.), можно найти ответы почти на все вопросы о технологии китайского производства середины XIX в.

Изучая производство, Скачков ходил на заводики. Хозяева, опасаясь раскрыть свои секреты, рассказывали ему чушь, но Скачков записывал только то, что было проверено им несколько раз. В рукописи "Обычаи в Китае" (323 стр.), начатой в январе 1854 г., Скачков описал свадебные обряды, обряд похорон, одежду китайцев и т.д. Сведения об обычаях можно найти и в других местах его рукописей.

Главным занятием Скачкова в Пекине была работа в обсерватории, требовавшая регулярных наблюдений и записей. Свои наблюдения он отправлял с каждой почтой акад. Купферу, возглавлявшему метеорологическую обсерваторию АН. Отчёт о магнитных наблюдениях Скачкова опубликован английским учёным Сабином в брошюре "On the solardiurnal variation of the Magnetic declination at Pekin". В фонде Скачкова хранятся два рукописных тома "Материалов для изучения китайской астрономии" (615 л.). Здесь переводы из "Ули тункао", части "Хоу ханьлюли чжися", "Боудяньхой", из "Шицзи" ("Лю-шу"), "Тянь юаньлили" (7-й цзюань "Каогу") и др. источников. Переводить китайские книги по астрономии было очень трудно. Корреспондент Скачкова синолог-француз Станислав Жюльен писал, что он, Жюльен, с большей охотой переведёт десятки страниц из китайских классиков, чем несколько строк из их аст-

рономии[243]. В списке своих переводов К.А.Скачков около "Истории астрономии Ханьской династии" написал в скобках: "Неоконченная за непониманием".

Все эти многообразные занятия не отвлекали Скачкова от политической и экономической жизни Китая, народ которого он полюбил. В пекинский период жизни Скачкова в Китае происходило антифеодальное патриотическое движение – тайпинское восстание, которое охватило громадную часть страны и многомиллионные массы населения. Это событие не прошло мимо Скачкова. В дневниках, один из которых получил позже название "Мой политический журнал", он регулярно записывал сведения об "инсургентах". В рецензии (Рус. вестн. – 1875. – Январь. – С. 5-67; Февраль. – С. 450-520) на книгу М.И.Венюкова "Очерки современного Китая" Скачков писал: "Восстание тайпинов началось, продолжалось и покончилось в наше пребывание в Китае. Во весь период сего восстания мы имели терпение писать довольно подробный политический дневник, в который внесены сведения о нём из богдыхановских указов и из официальных реляций, из толков в народе и в сферах высшего общества в Пекине за и против восстания, из виденного нами лично и из многих подлинных прокламаций из лагерей тайпинов..." (Рус. вестн. – 1875. – Февраль. – С. 512, 513). Возражая Венюкову, Скачков продолжал: "Иноземцы, а не сами китайцы – силы англичан, французов, да ещё североамериканцев, а не богдыханское войско разогнали тайпинов, разгромив их нанкинское седалище" (Там же. – С. 514).

Записи о тайпинах находятся не только в "Моём политическом журнале". Их можно найти и в рукописи "Мои статьи", в "Сборнике официальных документов" и в папках под другими названиями. Записи эти расположены между другими материалами, не относящимися к "инсургентам". Всего они составляют около 250-300 страниц и имеют большую ценность, как свидетельства очевидца, жившего в Пекине в 1851-56 гг. Скачков регулярно переводил императорские указы, записывал свои разговоры с разными лицами: "Я воспользовался множеством случаев, чтобы об этом поговорить с маньчжурскими солдатами", – пишет он (239, шифр 2876, с.20).

В "Моём политическом журнале" (Скачков вёл его с января 1854 г. по май 1856 г.) записи о тайпинах есть почти на каждой странице. Скачков пишет о том, что схвачен брат инсургента, подсыпавший яд в колодцы богачей, о появлении тайпинов-одиночек в Пекине, о покушении на императора, о тяжёлом финансовом и экономическом положении в стране и

[243] Скачков К.А. Судьба астрономии и Китае // Журн. М-ва нар. просвещения. - 1874. - Ч. 173. - Май. - С. 12.

т.д. Эти записи свидетельствуют, как день за днём росло недовольство народа маньчжурской династией, как росло сочувствие тайпинам, но усиливался террор маньчжурских властей. Личное отношение Скачкова к тайпинам выражено в следующих словах: "Я ей-ей нисколько не боюсь будущих историй, напротив, необыкновенно интересуюсь быть свидетелем осады Пекина и взятия его... Всякий китаец понимает, что китайское правительство будет более уместнее, чем маньчжурское" (239, шифр 2876, с. 295). Размышляя о возможных последствиях взятия Пекина тайпинами, Скачков приходит к выводу: "Для народа страдания мимолётны, ибо, собственно говоря, весь народ гол, потери незаметны, а быть может, за сим открывается для них перспектива радостей, спокойствия при новой династии" (Там же).

Скачков правильно оценивал обстановку в Китае и не идеализировал её (как это бывало иногда у Бичурина): "В этой стране деспотизм гнетёт везде на всех китайских мелочах, [так] что тут не смеют проронить ни одного лишнего слова против маньчжурского правительства" (Там же, шифр 2875, л. 86), – записывает он в дневнике. Много гневных строчек посвятил Скачков торговле опиумом, которую Англия вела в Китае. Он прекрасно понимал, что китайцы "на иноземцев смотрят как на тунеядные поросли в их стране, от которых они рано или поздно освободятся. Для них это не более как вопрос времени" (Рус. вестн. – 1875. – Январь. – С. 9). Глубокая вера в могучие силы китайского народа чувствуется и в таких словах Скачкова: "Благодаря тому, что мы знаем из истории Китая, можно ручаться за его будущность едва ли не больше, чем за будущность какой-либо другой страны" (Там же, с. 7). В это время Скачков уделял много внимания составлению китайско-русского словаря.

Ему пришлось даже прервать почти на четыре месяца обработку обсерваторских наблюдений. "С 15 июня по 4 октября перерыв, – пишет он. – Лексикон, который уже сделан на половину труда, переведя 240 стр. из Мориссона, да на стр. 200 подобрав своих фраз, всего в итоге 16500 фраз, которые научили меня немало. Я оставил все дневные свои журналы, т.е. этот газетный и сельскохозяйственный, даже обсерваторные наблюдения не вычисляю с 15 июня, как-то после придётся покорпеть за этими дурацкими цифрами" (239, шифр 2876, л.526). Продолжал он эти занятия над словарём и в Петербурге: "Возвратившись в Петербург, я просидел за окончанием своего китайско-русского фразеологического словаря. Я приготовил его к печати, узнав в Академии, что гр. Путятин везёт из Кантона китайский шрифт" (239, шифр 2875, л.123 об.). Однако шрифт так и не был привезён, и Скачков увёз словарь в Китай (Недавно стало известно, что в Китае Скачков оставил словарь для напечатания одному

ханькоускому купцу; потом словарь попал к бывшему царскому консулу Островерхову, к его дочери и к какому-то белогвардейцу, который увёз рукопись в Америку).

В 1857 г. Скачков сильно заболел. По настоянию начальника миссии Кафарова и врача Базилевского он возвратился в Петербург и был назначен переводчиком 8-го класса при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. В том же году он выехал в Париж, где не раз встречался с известным синологом Жюльеном (1799 – 1873), путешественником-миссионером Гюком (1813 – 1860), с востоковедами Потье (1801 – 1875) и Био (1803 – 1868), много читал и работал.

В дневнике от 14 января 1858 г. он записывает: "Жюльен просил меня сделать ему китайский перевод в 3 строки, которые он не понимал; я исполнил его желание тотчас же" (239, шифр 2875, л. 93). 21 марта: "Долго спорил с Жюльеном. Плохо он знает Китай" (Там же, л. 95 об.). По рекомендации Жюльена, Потье и Био Скачков был избран членом Азиатского общества (Societe Asiatique).

В марте 1859 г. Скачков против своего желания был назначен русским консулом в Чугучаке. С этого времени он стал дипломатическом чиновником, и это наложило на него отпечаток. Служебные обязанности оставляли ему мало времени для самостоятельной работы. Постепенно записи в дневниках о политической и экономической жизни Китая стали случайными и, наконец, совсем прекратились. Всё же он подбирал материалы о положении в Синьцзяне, а также собрал ценную коллекцию китайских рукописей по истории Синьцзяна. В Чугучаке Скачков начал писать о русско-китайской торговле. И.Ф.Бабков, проводивший в Синьцзяне по Пекинскому договору границу между Россией и Китаем, встречался в Чугучаке со Скачковым и так описывает своё впечатление о нём: "Мне принесли большую пользу и частые беседы с уважаемым Константином Андриановичем в долгие осенние вечера. К.А.Скачков не только прекрасно владел литературным языком, что можно видеть из его сочинений о Китае, но обладал также дарованием толково и обстоятельно объяснять и рассказывать. Я испытывал большое удовольствие, слушая его занимательные и интересные рассказы о Китае"[244].

Всё общество Скачкова в Чугучаке состояло из секретаря, священника и причетника. Оно очень тяготило его. В 1863 г. Скачков вернулся в Петербург и был снова зачислен переводчиком в азиатский департамент; к 1864 г. он предложил министерству народного просвещения приобрести у него библиотеку на китайском языке. (Дело Архива конференции

[244] Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859-1875. - СПб., 1912. - С. 127.

№ 366 "О предложении г-на Скачкова о покупке от него китайской библиотеки. Начато 25 ноября 1864 г. Кончено 31 мая 1867 г.". Архив АН. СССР. – Ф. 2. – Оп. 1 (1864). – № 23). Характеризуя эту библиотеку, В.П.Васильев писал в Академию наук: "Библиотека, им составленная, одно из редких собраний, когда-либо доступных частному лицу..." (239, шифр 2875, л. 8). В ней "находятся сотни редких сочинений, брошюр, рукописей, планов, карт и альбомов, из которых многие никогда, может быть, не встретятся в другом месте" (Там же). Так как министерство не нашло возможным купить библиотеку "по причинам затруднительного финансового положения", К.А.Скачков был согласен рассрочить, уплату на шесть или даже восемь лет (Там же). Акад. М.И.Броссе рекомендовал приобрести библиотеку для Азиатского музея, но непременный секретарь академии ответил, что, "к сожалению, академия не имеет в своём распоряжении достаточных денежных средств". Так библиотека Скачкова и не попала в Академию наук. В конце концов иркутский купец Родионов купил её и пожертвовал Румянцевскому музею. Это не было меценатством, так как Родионову в награду был обещан орден. Так библиотека оказалась в Румянцевском музее. Сейчас она находится в фондах Государственной библиотеки им. В.И.Ленина.

В феврале 1865 г. по просьбе акад. Броссе Академия наук отпустила 1000 рублей на составление каталога китайских книг Азиатского музея. Выполнение этой работы поручили Скачкову (Дело Архива конференции № 248 "Об изготовлении г. Скачковым каталога китайских книг Азиатского музея. Начато 9 февраля 1865. Кончено 24 марта 1865"). Каталог окончен не был (В рукописном фонде К.А.Скачкова сохранились карточки каталога китайских книг Азиатского музея. Наиболее интересны описания рукописных словарей (см. шифр 2886), по всей вероятности, потому, что в 1866 г. Скачкова пригласили в С.-Петербургский университет преподавать "практические упражнения в китайском языке" в помощь В.П.Васильеву. Его преподавание в университете длилось всего год.

В Петербурге Скачков участвовал в работе Русского географического общества, членом ревизионной комиссии которого он состоял с 1863 г. Здесь он прочитал доклад "О заслугах венецианца Марко Поло по распространению географических познаний об Азии". (Опубликовано краткое изложение: Изв. Имп. рус. геогр. о-ва. – 1865. – Т.1, № 10. – С. 149-151; Статья // Там же. – № 11-12. – С. 207-226; О географических познаниях китайцев // Там же. – 1866. – Т. 2. – С. 105-120). В 1865 и 1866 гг. Скачков читал в Вольном экономическом обществе курс лекций о сельском хозяйстве Китая. Они были опубликованы в 1867 г. в журнале "Сельское хозяйство и лесоводство". Третьему

Международному съезду ориенталистов Скачков представил доклад "Исторический обзор военной организации в Китае с древних времён до воцарения маньчжурской династии"[245]. В 1865 г. Скачкова избрали членом Русского археологического общества и в том же году – членом "Societe d'Ethnographie Oriental et American".

Скачков внимательно следил за развитием русского китаеведения. Прослушав в Географическом обществе доклад А.К.Гейнса "О восстании мусульманского населения, или дунгеней, в Западном Китае" (опубликован в журн.: Изв. Имп. рус. геогр. о-ва. – 1866. – Т. 2. – С. 75-96), он, хорошо знакомый с событиями в Китае, писал: "Я полагаю, что дунгане восстали против маньчжуров не вследствие их религиозного фанатизма [как доказывал Гейнс], а вследствие той же самой причины, по которой против маньчжурской власти восстают уже 15-й год китайцы во всех губерниях пространной их империи – всеобщего среди китайцев недовольства на привилегии маньчжуров и на их корыстолюбие. Восстанию дунгеней предшествовали частые бунты во многих городах в Западном Китае; и бунты в Синаньфу и в Хочжоу, где находится саларская община, доказали дунгенам все бессилие маньчжуров... Подстрекателями к бунтам дунганей были, да, вероятно, есть и по сию пору агенты китайской инсуррекции, или партии так называемых в Европе тайпинов, их возбудительные прокламации встречались на стенах Чугучака уже в 1859 г." (239, шифр 2875, л. 258 об.)

Читая новую литературу о Китае, Скачков неизменно отзывается о ней в дневнике: "Прочитал путешествие Пржевальского, – записывает он 20 января 1875 г. – Интерес большой, но было бы интересней, если бы он лучше научно приготовился к столь помпезной экспедиции. Огромный недостаток в его незнании местных языков. Он вёл знакомство со зверями да с птицами, а не с людьми" (Там же, л. 56). Это было правильное замечание. Н.М.Пржевальский путешествовал без квалифицированных переводчиков, чем и объясняется недостаток в его трудах экономических сведений, о социальных условиях жизни народов тех районов, где проходили экспедиции. Развивавшаяся торговля с Китаем (русские купцы обосновались в самом центре страны – в Ханькоу) требовала посредника в отношениях русского купечества и китайцев. Выбор пал на Скачкова. В 1867 г. он уехал консулом в Тяньцзии, а в 1870 г. был назначен консулом в открытых китайских портах; на этом посту он оставался до 1879 г. Он не раз возвращался в Россию в отпуск, в 1874 г. посетил Западную Европу (Вена, Венеция, Рим, Париж), в 1879 г. вернулся в Шанхай. В Париже в 1874 г. он по

[245] Труды III Международного съезда ориенталистов. - СПб., 1879. - Т. 1. - С. 257-290.

поручению В.П.Васильева вёл переговоры с владельцем китайской типографии Марселином Леграндом о покупке китайского шрифта.

В письме к В.П.Васильеву К.А.Скачков сообщал, что за 4238 "цельных нередких знаков" и прибавлений ключевых знаков, из которых можно составить 22-25 тысяч иероглифов, Легранд просит 19 000 франков. "Кто из наших синологов не желает, чтобы иметь в Петербурге китайскую типографию?" (239, шифр 2875, л. 101), – пишет Скачков и продолжает: "Прошу вас употребить всё своё старание на то, чтобы в Петербурге была приобретена китайская типография каким-либо ведомством..." (Там же). Но старания Васильева успехом не увенчались. В том же письме Скачков отмечает: "В Париже синологи смотрят на нас, русских синологов, как на лучших... Но никто в Европе нас не знает, думают только, что мы крепки в китайском языке – но ничего не пишем. Они отчасти правы – мало мы пишем..." (Там же). В апреле 1874 г. Скачков познакомился с И.С.Тургеневым. В дневнике он пишет: "Зашёл ко мне Спасский, он довёл меня до И.С.Тургенева, который обрадовался увидеться со мной. С него Репин снимает портрет для Третьяковской [галереи]. Тургенев взялся мне устроить издавать здесь мои труды" (Там же, л. 54 об.). 5/17 апреля: "Я у Тургенева. Он всё приготовил, что обещал. Издатель лучший Maisson euve или Frank, переводчика Dorand пришлёт ко мне. Дал мне свой московский адрес".

Ещё находясь на службе в Чугучаке, Скачков хотел уйти в отставку, но его смущало, что тогда уже ему "не бывать другой раз в Китае, в портовых городах, чтобы вполне обнять свои исследования о китайской торговле и промышленности, что меня преимущественно занимает" (Там же, л. 218 об.). Однако, хотя ему удалось побывать "другой раз в Китае, в портовых городах", он почти ничего не написал об этом ни в печатных трудах, ни в дневниках. Не сбылась и его мечта написать "более или менее полное, но вполне точное и практическое руководство к китайскому сельскому хозяйству" (Там же). Также не удалось Скачкову полностью опубликовать все свои записи о тайпинах, о промышленности и сельском хозяйстве, об обычаях и другие. В сноске статьи в "Очерках Китая" Скачков отметил: "Наши обязательные занятия, не прерывающиеся почти три десятилетия, не дают нам досуга сделать для издания редакцию этому дневнику, равно как и многим другим нашим трудам о Китае" (Рус. вестн. – 1875. – № 2. – С. 513). "В Пекине у нас было введено в обыкновение не заботиться о приведении в порядок своих трудов, а учиться и учиться, пользуясь таким редким случаем в изучении китайского языка, – писал он. – Приведение в порядок и переписку начисто статей мы всегда откладывали впредь к времени сборов в Россию. Но

мои сборы были ранними и неожиданными вследствие не мнимой, а действительной и опасной болезни. За полгода до отъезда из Пекина я сильно болел, не вставал с постели" (239, шифр 2875, л. 213).

После того как Скачкову был дан чин действительного статского советника-генерала, круг его знакомых изменился. В дневниках всё чаще встречаются фамилии князей, именитых людей. Его мировоззрение всё более правеет, взгляды на положение в Китае уже мало отличаются от официальных. Любопытно остановиться на отношении Скачкова к активизации политики царизма в отношении Китая. Как известно, по Тяньцзинскому русско-китайскому трактату 1858 г. Россия получила право торговать в открытых портах. До конца XIX в. политика России по отношению к Китаю отличалась от английской и французской тем, что Россия никогда не воевала с Китаем, и захватнические поползновения русских правящих кругов были поэтому мало заметны. Скачков считал, что все успехи России были достигнуты исключительно дипломатическим путём. "Мы всегда, – пишет он, – сохраняли традиционную дружбу с Китаем, никогда не воевав с ним" (Там же, л. 208).

В суждениях о Тяньцзинском договоре Скачков колеблется: "Одно из двух: мы были случайными умиротворителями; или же мы рыцарски отказались от благодарностей, довольствуясь приобретёнными степями, не нуждаясь в свободе торговать в Китае, не опасаясь тягости, когда наше влияние на Китай останется далеко позади английского" (Там же). Скачков остался недоволен и Пекинским договором, главным образом той частью, которая касалась торговли. "Я не принадлежу к сторонникам нашего дополнительного договора с Китаем, о котором так много говорят и пишут", – записывает он в дневнике (Там же, л. 206 об.). Он считал, что были учтены выгоды одних только кяхтинских купцов и что надо было "вместо Урги вписать в договор город Урумчи, который составляет средоточение всей обширной торговли Западного Китая; а при значительной отдалённости его от портовых городов и от главных китайских рек мы редко встречались бы там с англичанами" (Там же, л. 207).

Как человек, хорошо изучивший условия торговли в Китае, он понимал, что "после нового дебюта англо-французов в Китае, когда они угрожали даже Пекину, разорив дворец Юаньминюань (Летний императорский дворец, находившийся под Пекином и представлявший исключительную ценность как по архитектурным достоинствам, так и по богатству коллекций. Разграблен и сожжён англо-французскими войсками в 1860 г.), когда они ещё более разорили и без того безденежную империю, когда при нынешнем просторе английским миткалям проникать во внутренние рынки Китая, китайская-то промышленность будет ещё более

подавлена" (Там же, л. 206, запись 1861 г.). В 1875 г. Скачков не оставлял мысли о том, чтобы "искрестить все те пути в Китае, где он не бывал"; "а побывать можно, и допустят меня до возможности окончательно вникнуть в те вопросы и ответы о Китае, которых набирается во мне множество. Написать: Китай и китайцы, каковы они были и есть. Это огромная задача и программа, и писать это возможно только в условии освободить себя от предвзятой системы" (Там же, л. 55 об.). Однако эта программа осталась неосуществленной.

Скачков до конца жизни был практическим работником. Своё ученье в Пекине он начал не с "Сы-шу", как обычно начинали русские, изучавшие там китайский язык, а с перевода книг по сельскому хозяйству, кустарной промышленности и т.д. Его статьи о торговле с Китаем отличались конкретностью и были весьма полезны русским купцам[246]. Скачков интересовался и китайской философией. Он сделал перевод "Истории китайской философии Сэ Тун", но на этом его занятия философией закончились.

Интересовала его также художественная литература Китая. В рукописях сохранился его перевод "Чжоучао лэгочжи". С большим уважением Скачков относился к народу Китая, к его истории и науке. В небольшой записке "За что осуждать китайцев", которая осталась неопубликованной, он писал, что "главная черта при суждении о китайцах – это заглазная и невежественная ирония о них, но ведь есть же в китайцах те качества, которые требуют уважения к ним"; и далее пишет, что "они заслуживают уважения" (239, л. 114-114 об.). Свои взгляды на Китай, его культуру и народ К.А.Скачков высказал в упомянутых "Очерках Китая". Он писал, что Великий канал – образец гидротехники, мраморные арки мостов, шлюзы, водопроводы, созданные китайским народом, не разрушаются столетиями. Китайская система ирригации – лучшая в свете, китайские мануфактурные, фарфоровые, литейные, столярные, резные и мозаичные изделия, книгопечатание и рисовальное искусство "заставляют удивляться все образованные нации на обоих полушариях"[247].

Хотя Скачков и утверждал, что китайцы ещё в глубокой древности заимствовали астрономические знания у халдеев, а впоследствии пользовались руководством греков, индийцев, арабов и европейцев,

---

[246] [Скачков К.А.] Записка К.А.Скачкова о нуждах в деле русской торговли в Китае. - [М., 1875]. - 34 с.; О торговле русских в Чугучаке // Вестник промышленности. - 1860. - № 6. - С. 217- 245; Наши торговые дела в Китае. - СПб., 1863. - 44 с.; О значении для русской торговли нового договора России с Китаем // Рус. вестн. - 1881. - № 11. - С. 361-371; Положение торговли в Чугучаке // Промышленность. - 1861. - Т. 3, № 18. - С. 615-625.

[247] Очерки Китая // Рус. вестн. - 1875. - № 1. - С. 61.

он считал необходимым изучать китайские письменные памятники астрономии, т.к. знание их "может представить весьма солидный вклад в науку. Оно, несомненно, доставит много драгоценных страниц для истории астрономии, она щедро дополнит и подтвердит то, что мы знаем из отрывочных известий египтян, греков, индийцев и арабов" (243, с. 31). Скачков видел на практике превосходство китайской науки. Например, занимаясь энтомологией, он отметил, что в изучении внутреннего характера насекомых китайцы ушли далеко. "Некоторые виды пауков (всегдашние и сильные враги скорпионов) употребляются в лекарствах как противоядие от укусов скорпионом"[248].

Любопытно его мнение о китайской науке в целом: "Китайское воззрение на науку есть их собственное создание, ни от кого не заимствованное... Кроме интереса в новизне, в их содержании, оно ещё интересно, скажу более, оно необыкновенно поучительно и потому ещё, что приводит изучающего науку по-китайски иным путём, часто даже путями прямо противоположными с нашими к тем же самым истинам, к тем же самым аксиомам... к которым и мы привыкли приходить как к конечным результатам, изучая науку по европейскому способу воззрения"[249].

В 1879 г. К.А.Скачков навсегда покинул Китай. По возвращении в Россию он назначен драгоманом азиатского департамента министерства иностранных дел. 26 марта 1883 г. Скачков умер. В последние годы жизни в Петербурге он написал три статьи: "О значении для русской торговли нового договора России с Китаем" (Рус. вестн. – 1881. – № 11. – С. 361-371.), "О морской доставке чая из Китая" (Голос. – 1882. – 25 окт. (6 нояб.) и "Национальная китайская кухня" (Вестн. Европы. – 1883. – Т. 4, кн. 7. – С. 69-94.). Последняя из названных статей вышла в свет уже после его смерти. В примечании редакции к ней сказано: "В людях, знавших его лично, он оставил наилучшую память достоинствами своего глубоко честного и правдивого характера" (Вестн. Европы. – 1883. – Т. 4, кн. 7. – С. 69.).

Скачков был прогрессивным деятелем русского китаеведения, как Бичурин, Васильев, Кафаров и многие другие. Все они внесли большой вклад в науку, помогали своими трудами установлению дружеского отношения русского народа к китайскому. Все рукописи Скачкова (на китайском и маньчжурском языках), а также хранившиеся у него рукописи других китаистов – Аввакума Честного, Даниила Сивиллова, Стефана Базилевского, Феофилакта Киселевского и других – в 1884 г. по-

[248] О познаниях китайцев в энтомологии // Труды Русского энтомологического общества. - 1865. - Т. 3, № 2. - С. 51.

[249] О географических познаниях китайцев // Изв. Имп. рус. геогр. о-ва. - 1866. - Т. 2, № 4. - С. 105.

жертвованы его вдовой, Каролиной Фоминишной, в Румянцевский музей .... Рукописное наследство К.А.Скачкова огромно. В приложении к работе: Dudgon J. Historical Sketch of the ecclesiastical, political and commercial relations Russia with China. – Pekin, 1872. – P.21-2 названы 65 работ К.А.Скачкова, их описание следует опубликовать....

Приложение 12

Хисамутдинов А.А. Terra incognita, или Хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку

"Архим. Палладий Кафаров (17(29).9.1817, Чистополь, ныне республика Татарстан, – 6(18).12.1878, Марсель), в миру Пётр Иванович, выдающийся синолог, сын священника, учился в казанской семинарии; с первого курса С.-Петербургской духовной академии пострижен в монахи и отправился в Китай с 12-й духовной миссией, под начальством архим. Поликарпа Тугаринова. В Китае Кафаров в первый раз оставался с 1840 по 1847 год, изучая китайский язык и литературу. Создал одну из основных транскрипционных систем для китайского языка, которая получила название палладиевой системы. Рукоположенный в иеромонахи и назначенный начальником 13-й миссии, он в 1849 г. вторично прибыл в Китай, где оставался до 1859 г.; после того был настоятелем церкви русского посольства в Риме. В 1864 г. он снова стал во главе китайской миссии; совершил, по предложению географического общества, экспедицию в Уссурийский край для этнографических и археологических исследований (1870 – 71). Умер на обратном пути в Россию.

Для специалистов по алтаистике имя архим. Палладия известно прежде всего тем, что именно он нашёл и сделал первый краткий перевод на русский язык "Старинного китайского сказания о Чингис-хане", которое позже получило широкую известность как "Сокровенное сказание монголов" – первый крупный литературный памятник монгольского языка, имеющий огромную ценность для филологов, историков, этнографов, фольклористов.

Помимо исследования Уссурийского края ему было поручено провести археологические и этнографические исследования 1870-1871 (частично отчёт об экспедиции в Приморье был опубликован Ф.Ф.Буссе в газете "Дальний Восток", но целиком он не был опубликован и ныне хранится в Русском Географическом обществе). 5 апреля 1871 г. на шхуне "Восток" путешественник отправился на юг Приморья, в залив Посьет. Проходя мимо мыса Гамова, Палладий написал: "Мыс назван так в память офицера генерального штаба Гамова, принадлежащего к плеяде наших учёных тружеников, которые с лишениями и разными затруднениями научно исследовали неведомый край Приморской области; непростительно было бы

не увековечить имена их наряду с призрачными Босфорами и Золотыми Рогами; мы могли бы обойтись и без Улиссов, Диомидов и Патроклов, когда у нас есть свои Улиссы науки и самопожертвования".

Можно, конечно, поспорить с архим. Палладием насчёт географических наименований, но он, по себе знавший, насколько труден и тернист путь учёного и путешественника, несомненно прав, поднимая вопрос об увековечивании имён всех тех людей, которые внесли свой вклад в освоение Приморья. И лишь в одном ошибался он: тот мыс был назван не в честь участника Уссурийской экспедиции офицера Гамова, а в честь его однофамильца, гардемарина с фрегата "Паллады" Дмитрия Гамова, увидевшего мыс первым. 7 апреля "Восток" бросил якорь в Посьете. П.К.Кафаров провёл там несколько дней, занимаясь исследованиями окрестностей. "Я очень сожалел, – писал Палладий, – что не застал в живых прежнего начальника поста Дьяченко, который провёл здесь много лет и изучил страну в совершенстве; он был одним из немногих оставшихся в живых сподвижников графа Муравьева-Амурского, до сих пор любящих вспоминать об эпических временах приобретения Золотого Руна на Крайнем Востоке. По пути в Находку Палладий посетил Славянку, тогда совсем небольшой пост".

Четырнадцатая ПДМ (1858-1864)

Начальник – Гурий (Григорий Карпов), архим. Иеромонахи – Александр (Кульчицкий) (1823?-1888), Исайя (Поликин) (1833-1871, Пекин), Антоний (Люцернов). Студенты – А.Ф.Попов (1828-1870, Пекин), К.Павлинов, Д.А.Пещуров (1837-1903), Н.Мраморнов. Врач – П.А.Корниевский (1833-1878). Художник – Л.С.Игорев (1823-1880). Пристав – П.Н.Перовский (1818-1865).

"В 1858 году православных христиан в Китае насчитывалось 150 душ. По приезде в Пекин архим. Гурий Карпов занялся переводом священных книг. В 1859 году он перевёл Евангелие.

Благодаря продолжительному изучению китайского языка (о. Гурий был ещё в миссии архим. Поликарпа – 1840-49) он основательно овладел литературным наречием и потому пересмотрел и исправил все переводы священных книг, выполненных предшественниками, "часть коих им была издана в Пекине, будучи вырезана на деревянных досках. Владея в то же время разговорным китайским языком, о. Гурий лично вёл проповеднические беседы в церкви и школе, и им оставлены сборники проповедей, большею частью толкование Евангелия" (164, с. 7).

В 1863 году пекинская миссия переходит из ведомства Министерства иностранных дел в ведение Св. Синода и, наконец, "получает большую,

чем прежде, возможность сосредоточивать свою деятельность в одной нравственно-религиозной сфере" (120, с. 169). Духовные учебные заведения России, прежде всего Славяно-греко-латинская академия в Москве, гордились именами архим. Амвросия Юматова, наставника митрополита Платона, о. Иакинфа, Петра, Палладия, Аввакума, Исайи и др., гласно именуя их "как даровитых и полезных деятелей на почве синологии и на поприще проповедования православия в Китае" (120, с. 170).

Похоже, "за 200 лет пребывания своего в Пекине пленные русские албазинцы совершенно утратили язык, обычаи, костюм и облик своих предков; всё это они приняли китайское". Что касается того, что они "удержали лишь одну веру православную" (218, вып. 20-21, с. 10), то такое продолжение мифа для православия хотя и привлекательно, но весьма опрометчиво и спорно. За первые 150 лет существования Пекинской миссии численность паствы православной церкви в Китае не возрастала. Казалось бы, удивительный и несравненный в истории мировой религиозно-просветительской деятельности отрицательный результат. На деле же он вовсе не случаен и фактически объясняется тем, что обе страны с самого начала договорились и придерживались изначальной договорной установки религиозного невмешательства во внутренние дела друг друга.

"Албазинцы, совершенно окитаевшиеся, переженившиеся на китаянках, почти, безусловно, забывшие родной русский язык, как известно, сохранили, однако, православие и понемножку передавали его китайцам, пока не наступили лучшие времена, когда наше правительство сняло, наконец, своё запрещение проповедовать веру в Китае" (128, с. 10-11). Попробуйте сегодня определить, для кого же это были "лучшие времена" и в чём именно "лучшие"? О том, что ещё до середины XIX века "с духовных лиц, отправлявшихся в Пекинскую Миссию, отбиралась форменная подписка в том, что они не будут проповедовать православие никому, кроме потомков албазинцев" (Там же), если и вспоминать, то уж вовсе не "к стыду нашего прошлого".

"Христианские миссионеры вновь получили доступ в Китай после 1860 года. С тех пор наибольшую активность проявляли протестанты из Англии и Америки – они составляли около трёх четвертей всех миссионеров, действовавших в Китае. Среди католических стран наибольшее содействие миссионерам оказывала Франция. Всего к началу XX в. в цинской империи насчитывалось около 900 католических миссионеров и 700 тыс. китайцев католиков, а также 3,5 тыс. протестантских миссионеров и около 100 тыс. китайцев-протестантов. Имелись также 32 православные церкви и 5,5 тыс. китайцев, исповедовавших православие" (118, с. 293-294). Статистике как верить?

В 1861 году открыли Российскую дипломатическую миссию в Пекине, но ещё до 1863 года духовная миссия останется под началом министерства иностранных дел. Единое учреждение, разросшись, распадётся на две отдельные посольские организации, миссию дипломатическую и духовную[250]. "Первые русские казаки-албазинцы, взятые в плен, были поселены в этой местности в 1685 году; с тех пор потомки их проживают по большей части здесь; здесь была воздвигнута часовня, в которой первый священник начал совершать богослужения; с 1729 по 1861 Духовная Миссия проживала в посольском подворье, но в 1861 году по учреждении дипломатической миссии Духовная Миссия основалась на настоящем месте" (200, с. 24).

По занимаемой территории старая Российская православная миссия в Пекине окажется самым большим посольством в мире и спустя время благодаря этому попадёт в Книгу рекордов Гинесса".

Когда Гурий сам встал во главе 14-й Миссии, им был "сделан полный перевод Нового Завета, который и напечатан им в Пекине китайским способом, т.е. гравированными деревянными досками, которые и хранились долгое время в библиотеке Миссии. Им же переведены: Псалтирь, Требник, Служебник, Пространный катехизис, разговор между испытующим и уверенным, Священная история Ветхого и Нового Завета с краткою церковною историей и др." (165, с. 140).

Приложение 13

Православная энциклопедия (под ред. Патриарха РПЦ Кирилла)

ГУРИЙ (Карпов Григорий Платонович; 1814, Саратов – 17.03.1882, Симферополь), архиеп. Таврический и Симферопольский. Родился в семье священника, служившего в Троицком соборе Саратова. Обучался в Саратовском ДУ, в 1836 г. окончил Саратовскую ДС. В июле того же года назначен преподавателем латинского языка в Саратовском уездном ДУ и зачислен в саратовский Преображенский монастырь. В 1837 г. тяжело заболел и дал обет посвятить жизнь Богу и принять монашество. В том же году поступил в СПбДА. 12 июля 1838 г. принял монашеский постриг, 4 авг. рукоположен во диакона, 20 нояб. 1839 г. – во иерея. Изучил в академии несколько древних и новых языков. В 1839 г., не окончив полного академического курса, был зачислен в 12-ю Пекинскую духовную миссию. 15 дек. того же года, после досрочной сдачи экзаменов, утвержден в степени канд. богословия. Прибыл в Пекин вместе с др. членами миссии 4 окт. 1840 г. Работал с востоковедами иеродиак. Палладием (Кафаровым), В.П.Васильевым, В.В.Горским. Гурий был назначен казначеем, управ-

[250] См.: Изв. Братства Православной Церкви в Китае. - 1904. - Вып. 1. - С. 3-4.

ляющим албазинской школой в Пекине, служил в пекинской церкви в честь Успения Пресвятой Богородицы. Старался примером праведной жизни и проповедями поддерживать православных албазинцев, живущих в языческом окружении.

В дек. 1850 г. вернулся в Россию. 21 февр. 1851 г. возведён в сан архимандрита. 12 окт. того же года по представлению Новгородского и С.- Петербургского митр. Никанора (Клементьевского) назначен на должность смотрителя Александро-Невского ДУ. В 1855 г. получил степень магистра богословия за сочинение "О богоучреждённости епископского сана", направленное против реформатского учения (опубл.: СПб., 1876). 25 авг. 1856 г. Г. был назначен начальником 14-й Пекинской духовной миссии и настоятелем пекинского в честь Успения Пресв. Богородицы мужского монастыря. В течение 5 месяцев готовил членов миссии к поездке, преподавал им китайский язык. Миссионеры достигли Пекина только 28 сент. 1858 г. 14-я миссия работала в условиях неблагоприятной политической обстановки в Китае. В то же время по условиям Тяньцзиньского трактата, подписанного между Россией и Китаем 1 июня 1858 г., была впервые разрешена проповедь среди местного нехристианского населения. Дипломатические способности Г. и активные проповеднические труды способствовали успеху миссии. Он сам регулярно вёл катехизические беседы. Несколько сот китайцев приняли крещение, в деревне Дундинань около Пекина было открыто ДУ, а в 1862 г. возведён храм. В 1865 г. был построен дом начальника миссии. Прекрасно зная китайский язык и пользуясь влиянием в китайских кругах, Г. помогал послу России в Китае гр. Н.П. Игнатьеву во время переговоров с китайским правительством, способствовал прекращению англо-франко-китайской войны в 1860 г., подписанию между Россией и Китаем Пекинского договора 2 нояб. 1860 г.

Во время службы в миссиях Г. активно занимался переводами. Он исправил существовавшие переводы на китайский язык огласительных книг, сделал новые переводы Псалтири, НЗ, литургии свт. Иоанна Златоуста, последования ко Св. Причащению, последования всенощного бдения, требника, катехизиса, Свящ. истории с прибавлением краткой церковной истории, кратких житий святых и др. В этой многолетней работе ему помогали китайцы. Г. стремился использовать классический китайский язык, о переводе НЗ член миссии иером. Алексий (Виноградов) писал: "По признанию европейских синологов, труд этот относится к разряду классических, ибо исполнен в высшем стиле китайских учёных" (Алексий (Виноградов), иером. Кит. б-ка и учёные труды членов имп. Рос. духовной и дипломатической миссии в г. Пекине или Бэй-Цзине (в Китае). СПб., 1889. С. 25), но высокий стиль перевода был доступен

только образованным китайцам. Святейший Синод дал благословение на издание, но рекомендовал внести поправки архим. Аввакума (Честного), ориентированные на большую доступность текста для простых людей. Г. критически относился к этим поправкам, считая неправильным вносить в текст разговорные элементы. Издание было осуществлено в 1864 г. в Пекине, в 1884 г. там же вышло 2-е издание, значительно переработанное архим. Флавианом (Городецким; впоследствии митрополит Киевский). В 1865 г. был опубликован составленный Г. на китайском языке "Указатель чтений из Евангелия и Апостола". На основании анализа китайских источников Г. создал исследование "Обеты буддистов и обряд возложения их у китайцев", которое стало вкладом в европейскую синологию. Составил поучения к новообращенным, которые назвал "Беседами сельского священника с прихожанами". Ему также принадлежат очерки с описанием жизни миссии (1863) "Письма из Пекина об успехах Православия в Китае". Г. уделял большое внимание пополнению библиотеки миссии.

В сентябре 1865 г. Г. был назначен настоятелем Симонова Нового московского в честь Успения Пресв. Богородицы мужского монастыря. В начале 1866 г. переведён на должность настоятеля посольской церкви в Риме. Его келейником стал иеродиак. Флавиан (Городецкий). 5 июля 1866 г. в Троицком соборе Александро-Невской лавры в С.-Петербурге состоялась хиротония Г. во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. Из-за тяжёлой болезни Казанского архиеп. Афанасия (Соколова) Г. фактически управлял епархией. Занимался реставрацией и украшением соборного храма в казанском в честь Преображения Господня мужском монастыре. Основал и возглавил Гурия Казанского свт. братство в 1867 г., оставался его членом до кончины. Занимался миссионерством среди татар вместе с Н.И.Ильминским.

28 ноября 1867 г. Г. был назначен на Таврическую и Симферопольскую кафедру, 21 апр. 1881 г. возведён в сан архиепископа, много трудился, поднимая и укрепляя молодую епархию. При кафедральном Александро-Невском соборе в Симферополе 1 сент. 1868 г. была открыта причетническая школа, готовившая псаломщиков для приходов епархии, а 23 ноября того же года учреждено братство св. Александра Невского, руководителем которого избрали Г. В 1869 г. началась перестройка кафедрального собора, по ходатайству Г. на это были выделены средства Синодом. Добился разрешения на открытие семинарии в Симферополе, создал комиссию для поиска средств на её строительство и содержание. Открытие состоялось 19 августа 1873 г., тогда же Г. освятил семинарскую церковь Трёх святителей. В 1878 г. провёл реконструкцию женского епархиального училища, построил новые корпуса, на свои средства

устроил церковь при училище. В 1879 г. были выстроены здания духовной консистории, в 1880 г. – мужское ДУ, в 1881 г. – епархиального свечного завода. Было построено множество церквей в епархии: за время пребывания Г. на кафедре их численность выросла со 120 до 268. Заботился и о духовенстве, приобретал для клириков жилые дома.

Г. активно занимался миссионерской деятельностью. Направлял самых образованных и опытных священников в районы, где было много старообрядцев и сектантов. По настоянию Г. в семинарии была открыта кафедра по изучению старообрядчества. Опубликовал полемическую работу с опровержением взглядов молокан, монографию "О скопческом учении, по последним о нём известиям". Интересовался русской и зарубежной религиозной литературой, критиковал Ф.У. Фаррара за явные неточности в описании евангельской истории. Г. рекомендовал зав. церковными библиотеками, какую литературу нужно приобретать. Впоследствии завещал свою богатейшую библиотеку Таврической ДС. Передал в археологический музей при КДА греческое Евангелие XI в., принадлежавшее Балаклавскому во имя вмч. Георгия Победоносца мужскому монастырю. С 1868/69 г. в епархии стали выходить "Таврические епархиальные ведомости".

Г. отличался трудолюбием, скромностью, милосердием и снисходительностью. В 1873 г. сделал крупное денежное пожертвование в пользу голодающих крестьян Самарской губернии и призвал духовенство Таврической епархии последовать его примеру. Награждён орденами св. Анны 3-й (1844), 2-й (1860) и 1-й (1867) степени, св. Владимира 4-й (1850), 3-й (1865) и 2-й (1876) степени. Состоял почётным членом Церковно-археологического общества при КДА.

Похоронен, согласно завещанию, в Александро-Невском соборе в Симферополе. К 1930 г. собор был разрушен, останки архиерея перенесены на кладбище около современной ул. Севастопольской. По свидетельству очевидцев, они были нетленными. В 1985 г. по благословению Симферопольского архиеп. Леонтия (Гудимова) останки были перенесены на кладбище около церкви во имя Всех святых.

"Положение кардинальным образом изменилось после подписания в 1858 г. серии Тяньцзиньских договоров Китая с западными странами, согласно которым в Пекине открывались дипломатические представительства различных государств, в том числе и России. (Текст русско-китайского Тяньцзиньского договора от 1 июня 1858 г. см.: Русско-китайские отношения. 1689-1916: Офиц. док. – М., 1958. – С. 30-34. Текст англо-китайского Тяньцзиньского договора от 1 июня 1858 г., во 2-й и 3-й статьях которого содержится подробное разъяснение относительно

возможности назначения дипломатических представителей Англии в Китае и условии их пребывания там, см.: Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925). – М., 1927. – С. 58-61.) С учреждением в столице Китая Российской Дипломатической Миссии от Духовной Миссии отошла ее важнейшая функция – дипломатическая. Однако полное разграничение сфер деятельности состоялось лишь в 1864 г., когда произошла очередная смена состава Пекинской Миссии.

Вопросы разграничения сфер деятельности Духовной и Дипломатической миссий, равно как и реорганизации первой из них, обсуждались и решались на самом высоком государственном уровне: Министерством иностранных дел и Министерством юстиции России, Синодом, Государственным Советом, императором. В основу положены Предположения, разработанные Азиатским департаментом МИД от 24 июля 1863 г. за N 2306 "О преобразовании Пекинской Духовной Миссии и назначении в состав Миссии Дипломатической врача и трех студентов (jeunes de langues)" (РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 463, л. 2-15).

Кратко осветив историю Российской Духовной Миссии в Пекине, ее деятельность на протяжении 150 лет, Азиатский департамент сосредоточился на детальной разработке ее нового статуса, функций, состава, финансов. Этот документ, составленный по предварительному согласованию с Синодом, был представлен на рассмотрение в Государственный Совет. В 16 пунктах Предположений было подробно расписано все, что касалось организации жизнедеятельности этих двух миссий.

Согласно пункту 1-му Предположений, "Духовная Миссия, утрачивая свое прежнее учено-политическое значение и состоя только из духовных лиц, принимает характер исключительно духовный и представляется потому в полное заведование и распоряжение духовного ведомства, и все духовные члены ея отчисляются от состава Миссии Дипломатической". Таким образом, согласно документу, от Духовной Миссии отходили две функции, которые на протяжении 150 лет ее существования составляли важнейшее содержание всей деятельности Миссии.

Пункт 2-й сохранял за Духовной Миссией лишь ее Северное подворье (Бэйгуань), Южное (Наньгуань) отходило к Дипломатической Миссии. (По соседству с российской Дипломатической Миссией расположились также дипломатические представительства других государств, и это место вскоре стал называться Посольским кварталом на ул. Дунцзяоминьсян. Русская православная церковь, остававшаяся в Посольском квартале, – памятник архитектуры и зодчества XVIII в. – самое раннее из иностранных зданий в Пекине. Построенная в 1728 г., она выдержала не

одно землетрясение, в том числе и очень сильное в 1730 г. Разрушена в 1991 г.) В соответствии с этим "Храм Сретения Господня – при Южном подворье – из первоклассного Ставропигиального монастыря переименовывается в церковь при Посольстве, храм же Успения Божией Матери – при Северном подворье, – в первоклассный монастырь". Этот пункт фактически закреплял уже сложившуюся ситуацию: в июне 1861 г. архимандрит Гурий переехал в Бэйгуань.

Отныне штат Миссии определялся численностью в 6 человек: начальник, три иеромонаха, священник и катехизатор, причем двое последних могли быть из числа китайцев. (Прежде численность членов Миссии колебалась от 10 до 13 человек вместе со светскими лицами и прикомандированными учеными.) Врач и трое студентов из Духовой Миссии переводились в Дипломатическую, должности художника и еще одного студента упразднялись. В обязанности врача входило и лечение членов Духовной Миссии. Высказывалась вполне аргументированно мысль о назначении Начальником Миссии не архимандрита, а епископа, чтобы для посвящения в сан священников лиц из числа потомков албазинцев или китайцев, не отправлять их в Россию, а совершать рукоположение на месте, в Пекине. Хотя это предложение серьезно обсуждалось, но в то время не было реализовано, так как с повышением уровня представительства требовалось увеличение штата и размеров финансирования до 14560 руб. ежегодно, плюс дополнительное ассигнование на постройку ризницы и пополнения церковной утвари.

Вдвое сократилось по сравнению с прежним финансирование Миссии – с 17750 руб. до 8875 руб. в год. Сверх того, согласно ст. 10 русско-китайского Тяньцзиньского договора, китайское правительство освобождалось от содержания Миссии. (На содержание Российской Духовной Миссии поначалу отпускались из Иркутска меха, поступавшие от сбора ясака. Члены Миссии сами должны были продавать их в Пекине китайским купцам. Лишь с 1819 г. Миссия стала получать ежегодное содержание в размере 17750 руб. Эта сумма оставалась неизменной вплоть до 1864 г. По возвращении в Россию члены Миссии получали пожизненную пенсию, если представляли полноценные научные труды (РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 463, л. 3 об. – 4). Сверх того ещё с XVIII в. Миссия получала содержание от китайского правительства, равное 855 руб. 50 коп. серебром на всех ее членов и по 24 пуда риса на каждого из них в год. Размеры содержания также оставались неизменными.)

В ведении Начальника Духовной Миссии оставались все земли, дома и другая недвижимость. Доход от этой собственности шел на нужды самой Миссии. Изменялся и порядок смены состава Духовной

Миссии в соответствии с той же ст. 10 договора: прежний срок пребывания в Китае общий и единовременный для всех членов Миссии (10 лет, а затем 6 лет) отменялся.

Теперь, по усмотрению Синода, священнослужители могли оставаться в Китае на неопределенное время. Не возбранялось и желание остаться в Китае в качестве миссионеров на всю жизнь. Отменялось и существовавшее ранее право членов Миссии на получение пенсий по возвращении в Россию. Вместе с тем Синоду предоставлялось право "ходатайствовать о награждении пожизненным пособием из сумм Государственного Казначейства тех из миссионеров, которые, возвратившись в Отечество по истечении не менее десяти лет, при болезненном состоянии или старости, за примерную жизнь и полезные труды будут признаны достойными". (РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 463, л. 8 об.)

Особого внимания заслуживает пункт 11, определявший взаимоотношения и субординацию двух Российских Миссий в Китае – Духовной и Дипломатической: "11. Духовная Миссия во всех тех случаях, где действия и распоряжения Начальника оной будут соприкасаться с Государственными постановлениями страны или политическими отношениями России и Китая, должна обращаться к Министру Резиденту, как единственному представителю русских интересов, имеющему ближайшие сношения с Китайским Правительством. Отношения Начальника Миссии к Министру-Резиденту будут в подробности определены инструкциею от Святейшего Синода". (Там же, л. 8 об.-9.) В письме на имя государственного секретаря от того же 24 июля 1863 г. Министерство иностранных дел сообщало, что по предложению Синода, размер пожизненного пособия для наиболее достойных членов Миссии по их возвращении должен составить 1/3 от назначенного им нового жалования.

Предложения МИД рассматривались в Государственном Совете. В результате обсуждения было принято "Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, предложенное Правительствующему Сенату Управляющим Министерства Юстиции от 21 ноября. – О преобразовании Пекинской Миссии и назначении в состав Миссии Дипломатической врача и трех студентов". Этот документ практически повторил все основные положения, сформулированные МИД, с некоторыми дополнениями. Так, на одного из членов Духовной Миссии возлагалась обязанность "исправлять церковную службу при Миссии Дипломатической". Согласно мнению Госсовета, Начальником Миссии оставался архимандрит. В связи с этим был включен специальный пункт, предоставлявший МИД по соглашению с Синодом по мере необходимости запрашивать допол-

нительные к смете средства для отправки в Россию для посвящения в сан албазинцев или китайцев-христиан.

Государственный Совет предложил следующий состав Духовной Миссии и размеры ее содержания по отдельным статьям расходов. Штат Духовной Миссии в Пекине. (Там же, л. 35 об.)

1 января 1864 г. последовал указ Государя Александра II, завершивший официальное закрепление нового статуса Пекинской Миссии. В 1875 г. по представлению российского посланника в Китае штат Духовной Миссии был увеличен, увеличены и ассигнования на её деятельность. В конце 1876 г. Государственный Совет утвердил сумму ежегодного содержания Миссии в размере 15000 руб, выделив также единовременное ассигнование на ремонт зданий в сумме 16500 руб. (Краткая история Русской Православной Миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 г. двухсотлетнего юбилея её существования. Пекин, 1916. С. 157-158.) (Ипатова А.С. Российская Духовная Миссия в Китае: век двадцатый // История Российской Духовой Миссии в Китае. Сборник статей. – М., 1997. – С. 281-317.)

Пятнадцатая ПДМ (1865-1878)

Начальник – Палладий (Кафаров), архим. Иеромонахи – Сергий (Артамонов), Исаия (Поликин) (1833-1871), Геронтий (Левицкий), студент П.С.Попов.

"Во второй раз возглавит архимандрит Палладий Кафаров. Всего он провёл в Китае 33 года, всё это время занимаясь ежедневно китайским языком, в знании которого превзошёл всех своих предшественников. Его работы, связанные с исследованием буддизма и история Китая, переведены на европейские языки. Главным трудом о. Палладия считается "Полный китайско-русский фонетический словарь", в нём 11868 главнейших иероглифов (в алфавитном порядке), издан в 1889 году.

Во время прибытия 15-й духовной миссии, в 1865 году, число всех православных простиралось до 365 душ. В 1866 году разрешили вести церковную службу на китайском языке. К концу 1875 года потомков албазинцев показано 139 человек, христиан из китайцев и маньчжур 319 человек, а всего 458 душ. "Затем в 70-х годах при о. Палладии их много было вычеркнуто и оставлено только 400 человек. Этой цифры миссия держится и доныне [1885 год. – И.С.]" (120, с. 68).

"В столь ответственный момент реорганизации Духовной Миссии в высшей степени было важно сделать правильный выбор при назначении Начальника новой, 15-й Миссии. Выбор пал на архим. Палладия (Кафарова), который был вызван из Рима, где служил настоятелем церкви Российского посольства. И он согласился вторично возглавить Пекинскую

Миссию. Лучшей кандидатуры трудно было бы найти. Это был представитель православного духовенства, за плечами которого 15 лет, проведенных в Пекине в составе 12-й и Начальником 13-й миссий, признанный в мировой науке ученый-китаевед, дипломат-практик.

О. Палладий оправдал возложенные на него надежды. Плавно, с минимальными издержками осуществил он перестройку жизнедеятельности Миссии, сохраняя вместе с тем лучшие ее традиции, прежде всего, продолжение и развитие научного изучения Китая. За неполных 14 лет пребывания в Пекине в качестве главы 15-й Миссии архим. Палладию удалось усилиями малочисленного штата сохранить старейшую школу российского китаеведения. Именно в это время в стенах Пекинской Миссии создавался его "Китайско-русский словарь". Энциклопедические знания и научный авторитет влад. Палладия – ученого и в эти годы были востребованы Отечеством, о чем говорит его участие в научной экспедиции Русского географического общества в Южно-Уссурийском крае в 1869-1870 гг. в качестве ее руководителя.

Не менее полезным был и дипломатический опыт арх. Палладия, накопленный им в бытность Начальника 13-й Миссии (1850-1858), его блестящее знание восточных языков и самого Китая. Все это особенно важно было в самом начале деятельности официального дипломатического представительства России в Китае.

Но за всеми этими делами Начальник 15-й Миссии не забывал о новом главном направлении ее деятельности – миссионерстве. Первоочередное внимание было обращено на перевод богословских сочинений и богослужебных текстов на китайский язык, так как церковная служба, по-прежнему, совершалась только на старославянском языке, почти непонятном для потомков албазинцев и тем более для китайцев. Члены Миссии занялись уточнением и редактированием переводов, которые были сделаны их предшественниками, начиная с первых миссий. Им помогали китайцы, в их числе учитель-конфуцианец, имевший ученую степень "цзюйжэнь" (эта степень давалась в цинском Китае лицам, выдержавшим экзамен в провинциальном центре), Лун Юань, который уже в течение многих лет занимался вместе с членами Миссии сверкой переводов.

Архим. Палладий, заботясь о подготовке священнослужителей из местного населения, обратил внимание на способного мальчика по имени Цзи Чунь. Воспитание и обучение его о. Палладий доверил Лун Юаню. Покидая Миссию, он поручил своему преемнику архимандриту Флавиану подготовить юношу к принятию сана священнослужителя. В 20 лет Цзи Чунь стал катехизатором, а в 1882 г. в возрасте 27 лет

принял посвящение в сан священника от рук Начальника Японской Миссии, равноапостольного Николая (Касаткина) в 1882 г. Митрофан Цзи стал первым православным священником из китайцев и в том же году начал богослужение на китайском языке...

Архим. Палладий (Кафаров) (1817-1878) – известный русский востоковед, провел в Китае в общей сложности около 30 лет. Происходил он из духовного сословия, окончил Духовное училище, затем Казанскую Семинарию и Петербургскую Духовную Академию. В 1839 г. был включен в состав 12-й Миссии и пробыл в Пекине с 1840 по 1847 гг. Затем по рекомендации Начальника Миссии архимандрита Поликарпа (Тугаринова) был отозван в Петербург как кандидат на должность Начальника следующей Миссии. В 1848 г. возведен в сан архимандрита и назначен Начальником 13-й Миссии (1850-1858). Вторично возглавил Миссию (15-ю) в 1865-1878 гг. В 1878 г. серьезно заболел в Пекине и по совету врачей срочно выехал в Россию морским путем через Европу. Но, не доехав до России, 6 декабря 1878 г. скончался в Марселе от разрыва сердца. Похоронен в Ницце" (А.С.Ипатова, 1997).

Шестнадцатая ПДМ (1879 – 1884)

Начальник – Флавиан (Городецкий), архим. Иеромонахи – Николай (Адоратский), Алексий (Виноградов).

"Из письма Высокопреосвященнейшего Флавиана, митрополита киевского и галицкого, в "Китайский благовестник", вып 2, за 1912 год, от 15 февраля, можно узнать важные подробности миссионерского служения в Китае, куда он прибыл морем в середине марта 1874 года.

"По распоряжению начальника Миссии архим. Палладия, – пишет Флавиан, – я начал изучать китайский язык, сначала под руководством учителя Павла Ши, а потом под руководством учителя Луна (язычника), весьма учёного и опытного, много лет служившего при Миссии и работавшего с покойным архиепископом Гурием при переводе Нового Завета и других духовно-нравственных книг на китайский язык, а также и с покойным иеромонахом Исаиею. По некотором ознакомлении с китайским языком о. Палладий указал мне заниматься, при содействии Луна, переводом некоторых мест из богослужебных книг и поручил составить краткий комментарий на Св. Евангелие"[251].

"В 1877 году ... Кроме того мне поручено было исполнение обязанностей ризничного при Миссийской церкви, заведование библиотекою, ведение письмоводства и обучение нескольких китайских мальчиков русскому чтению и письму. Неоднократно я был посылаем

[251] Из письма Высокопреосв. Флавиана, митрополита киевского и галицкого // КБ. - 1912. - Вып. 2. - С. 2.

в города Тяньцзинь и Калган для совершения треб у проживающих там русских купцов" (251, с. 2). "В половине 1878 года архим. Палладий тяжело заболел... 2 октября он уехал, передав мне управление Миссией и материалы неоконченного им большого китайско-русского словаря... Он поручал мне, в случае его смерти, озаботиться окончанием его труда, для чего и дал мне надлежащие указания" (Там же).

"2 января 1879 года Св. Синоду благоугодно было назначить меня начальником Пекинской духовной миссии, с возведением в сан архимандрита" (251, с. 3).

"...сделав, таким образом, всю черновую работу, я не решился приступить к дальнейшему окончанию словаря, сознавая, что для этого слишком недостаточно моих скромных познаний в китайском языке и упросил взять эту работу, лучшего тогда знатока китайского языка, первого драгомана нашей дипломатической миссии П.С.Попова, который, глубоко чтя память приснопамятного архимандрита Палладия, изъявил своё согласие и чрез несколько лет благополучно окончил и издал этот словарь" (Там же).

"Когда я прибыл в Пекин, богослужение в этом храме совершалось всецело на церковнославянском языке и никакой проповеди не было. Я находил такое положение совершенно ненормальным и признавал необходимым для блага паствы и пользы миссии установить и то и другое на, родном пастве, китайском языке" (Там же).

"Управляя Миссиею, во время годичной командировки арх. Палладия в Уссурийский край, иеромонах Исаия ввёл свои переводы [церковное песнопение. – И.С.] в церковное употребление. Переводы эти были сделаны на простонародный язык (су-хуа)... Архимандрит был ярым противником простонародного языка в богослужении, находя его слишком вульгарным и несоответствующим величию и важности священнослужения. Он рекомендовал употреблять для этой цели книжный, но упрощённый язык (вэнь-хуа), на который и сделаны были впоследствии все вышедшие под моим руководством переводы.

Решив ввесть богослужения на китайском языке, я признал нужным изготовить для сего главнейшие богослужебные книги. При помощи учителя Луна, а после его смерти, катехизатора и впоследствии священника Митрофана Цзи, катехизатора Павла Вана и некоторых других, были исправлены, переработаны и дополнены сделанные иеромонахом Исаиею переводы: часослова, малого требника и служебника, причём последний почти весь переведён вновь. Затем сделаны новые переводы воскресных служб Октоиха 8-ми гласов, служб всех двунадесятых праздников, служб страстной и пасхальной седмиц и чинопоследование панихиды. Кроме богослужебных книг, переведены и некоторые духовно-

нравственные книги, как "Указание пути в царство небесное" и другие, а также составлена книжка "Объяснение богослужения Православной Церкви". ... я с ним (Митрофаном Цзи) отправился в Японию к Преосвященному Николаю, который и рукоположил первого китайского священника Митрофана Цзи 29 июня 1882 года в церкви Духовной Миссии в Токио" (251, с. 4).

"По возвращении из Японии о. Митрофана в храме Пекинской духовной миссии было установлено всё богослужение на китайском языке, которое и совершалось до моего отъезда из Пекина" (251, с. 5). "В 1883 году ... чувствуя утомление... я оставался ещё в Пекине до прибытия моего преемника архимандрита Амфилохия и выехал из Пекина через Монголию, 10 мая 1884 года" (Там же).

"Перед моим отъездом из Пекина мною были напечатаны все сделанные под моим руководством переводы богослужебных и других духовно-нравственных книг. Хотя я вполне сознавал тогда и теперь сознаю, что переводы мои были крайне неудовлетворительны, неправильны, исполнены многих грубых ошибок, но я решился их напечатать, чтобы они не исчезли бесследно в рукописи, как исчезли, к сожалению, труды многих моих предшественников, среди которых были отличные знатоки китайского языка и переводы которых должны были иметь большую ценность, а также и для того, чтобы они послужили хотя бы слабым фундаментом для последующих трудов более деятельных и талантливых моих преемников" (Там же).

Об архим. Палладии напечатано (П.С.Поповым) в предисловии к Китайско-русскому словарю (Там же). И его большей частью занимала исследовательская и проповедническая деятельность. Позднее иеромонахи Алексей Виноградов и Николай Адоратский опубликовали 20 томов его прежних и новых переводов. Им было собрано и издано на китайском языке всё, что сделано предшественниками по переводам богослужебных книг, всего около 40 названий. Богослужения уже ведутся и на китайском языке. Флавиан умер митрополитом киевским в 1915 году.

А.Н.Хохлов. Николай Адоратский (1849-1896) – миссионер и историограф Пекинской духовной миссии[252].

"Исследователям истории Пекинской духовной (православной) миссии хорошо известна книга "Православная миссия в Китае за 200 лет её существования", изданная в двух выпусках в Казани в 1887 г. Гораздо менее известна биография автора этой книги – иеромонаха (впоследствии епископа) Николая Адоратского (в мире Петра Степа-

[252] Хохлов А.Н. Николай Адоратский (1849-1896) - историограф Пекинской духовной миссии // Общество и государство в Китае. - М., 2002.

новича Адоратского). Хотя до выхода её в свет он заявил о себе как плодовитый и серьёзный автор, опубликовавший более 10 научных статей, в отечественной литературе сохранилось очень мало сведений, касающихся его жизненного пути, причём разбросанные по разным газетам, они нуждаются в тщательной проверке.

Между тем решению этой проблемы могут оказать существенную и неоценимую помощь архивные материалы, которые позволяют не только устранить имеющиеся в русской периодике неточности в изложении его биографии, но и полнее представить благородный облик Николая Адоратского как неутомимого миссионера и добросовестного учёного, внесшего серьёзный вклад в изучение истории Пекинской духовной миссии, начиная со времени появления в столице цинского Китая первых россиян – пленных албазинцев (в 1685 г.) и священнослужителей (в 1715 или 1716 г.), и кончая началом XIX в., связанного с отправлением в Пекин с миссией доброй воли посольства во главе с графом Ю.А.Головкиным.

Николай Адоратский родился 15 сентября 1849 г. (по ст. стилю) в семье протоиерея Стефана Ивановича Адоратского в Казани, где прошли его детские и юношеские годы, связанные с его учёбой в различных духовных заведениях (с 1860 по 1874 г.). По окончании полного курса обучения на историческом отделении Казанской Духовной Академии и представления дипломного сочинения на тему: "Характер сношений между восточною и западною церквями от патриарха Фотия до Михаила Керуллария", ему 2 июня 1874 г. была присуждена степень кандидата богословия с правом соискания степени магистра в случае подготовки диссертации.

Уже в период обучения в Казанской духовной академии проявились его недюжинные способности к овладению иностранными языками (особенно немецким) и к самостоятельной научной работе, связанной с изучением истории христианской церкви. Об его огромном трудолюбии позволяет судить, например, рецензия преподавателя Казанской ДА Ф.Д. Курганова на его дипломное сочинение. Как отмечал рецензент, в этой работе "автор поставил себе задачею вести как бы летопись и помещать целиком [в качестве иллюстраций к ней] разные документы, относящиеся к истории сношений между церквями". Отмечая достоинства сочинения студента III курса Петра Адоратского, рецензент, прежде всего, указывал на "любовь автора к труду", т. к. "автор многое перечитал и много потрудился над разработкой своей темы", при этом "собранный материал он поместил не без плана и не совсем механически"[253].

2 декабря 1874 г. молодого кандидата богословия определили на вакансию псаломщика при российской посольской церкви в Вене, где

[253] См.: Национальный архив Республики Татарстан. - Ф. 10. - Оп. 2. - Д. 253.

П.Адоратский, помимо выполнения своих церковных обязанностей и работы в канцелярии российского посольства, занимался изучением книжных фондов городских библиотек. По возвращении в Россию его 23 ноября 1881 г. зачислили на иеромонашескую должность при ПДМ.

Потеряв сначала жену, а затем отца в 1882 г., он 10 января 1882 г. принял монашеский постриг с именем Николай, после чего 24 января стал иеродиаконом, а 28 января – иеромонахом с получением из Кабинета Его Величества наперсного (миссионерского) креста. Приехав в Пекин 8 ноября 1882 г., молодой миссионер сразу активно включился в просветительскую деятельность Пекинской духовной миссии. За усердное прилежание, проявленное при переводах на китайский язык православной литературы, Св. Синод 5 апреля 1884 г. удостоил его набедренником.

Во время пребывания в Китае Николай Адоратский совершил поездку из Пекина в Ханькоу, где 26 апреля 1885 г. освятил православную церковь, построенную на денежные пожертвования местных россиян, главным образом чаеторговцев, имевших здесь, как и в других городах Китая, собственные либо взятые в аренду фабрики, занимавшиеся производством преимущественно плиточного чая, экспортируемого в Россию. Постоянные служебные разъезды в условиях жаркого и влажного климата, непривычного для многих европейцев, серьёзно подорвали его здоровье, и 20 ноября 1885 г. Св. Синод разрешил ему вернуться на родину.

Вначале он находился в ведении Казанского епархиального начальства, а затем 16 августа 1886 г. его назначили смотрителем Херсонского духовного училища. Свободное от церковной службы время Николай Адоратский использовал для своих научных занятий, связанных с поисками материалов, в том числе архивных, для задуманной им истории ПДМ, в стенах которой ему довелось провести несколько памятных для него лет.

В июле 1887 г. Николай Адоратский, будучи смотрителем Херсонского духовного училища, представил Совету Казанской духовной академии диссертацию на соискание степени магистра под названием: "История Пекинской духовной миссии в первый и второй периоды её деятельности (1685-1808)". К этому времени им помимо книги в двух выпусках было опубликовано более десятка журнальных и газетных статей, в которых детально рассматривались проблемы христианской церкви в европейских странах и России, а также отдельные сюжеты из истории ПДМ, в том числе тесно связанные с развитием российской синологии.

Решением Совета Казанской духовной академии диссертация иеромонаха Николая Адоратского была передана на предварительный отзыв

проф. П.В.Знаменскому. Высказав ряд критических замечаний, рецензент в целом высоко оценил этот фундаментальный труд, основанный на тщательном изучении оригинальных работ (в том числе рукописных) своих предшественников и скрупулезной проработке огромного документального материала, осевшего в ведомственных архивах Российской империи.

Особое внимание П.В.Знаменский уделил анализу краткого введения к диссертации, дав ему следующую оценку: "Сочинение своё о Пекинской миссии автор предваряет общим синтетическим очерком состояния этой миссии с древнейших (? – А.Х.) времён до настоящего времени. Очерк этот представляет собою прекрасное введение к самой истории миссии, в которой намечены все главнейшие фазы её исторического развития, существенные черты её характера сравнительно с характером других христианских миссий в китайской империи, отношения к ней китайского правительства, и её главные заслуги и для православной церкви, и для русского государства, его торговых и дипломатических сношений с Китаем, и, наконец, для русской науки – синологии" (253, оп. 1. 1887 г., д. 8096, л. 3).

Указав на некоторые недостатки в изложении исторического материала и, в частности, чрезмерную краткость отдельных сюжетов, оставляющую у читателя определённую неудовлетворенность полученной информацией, рецензент вместе с тем признавал необычайно широкий круг его познаний, основанных на изучении исторических документов и личных наблюдениях. "Автор, – писал он, – так много знает по своему предмету, так много сообщает нового, вдаётся в такие близко знакомые ему подробности из жизни Пекинской миссии, что рецензент невольно становится в отношении к нему требователен и всякий пробел в его рассказе склонен ставить ему в укор... Во всём том, что он написал, видна громадная эрудиция; видно, что его работа была плодом долгого и упорного изучения источников и пособий" (Там же, л.7).

Защита диссертации, представленной Н.Адоратским в виде книги в двух выпусках, состоялась 7 января 1888 г. и прошла успешно для её автора. Что касается пожелания, высказанного в отзыве проф. П.В. Знаменского, о том, чтобы "почтенный автор не заканчивал своей работы представленными выпусками, а продолжал её и далее", то оно было принято Н.Адоратским как желанное напутствие к его дальнейшим поискам материалов о ПДМ. К сожалению, новый творческий замысел ему реализовать не удалось из-за постоянного нездоровья и новых многотрудных обязанностей, связанных с его избранием церковным иерархом. После более двухлетней службы в качестве ректора Ставропольской семинарии

в сане архимандрита его 11 марта 1890 г. удостоили звания епископа Новомиргородского и викария Херсонской епархии.

8 июня 1891 г. Св. Синод назначил молодого архиерея епископом Алеутским и Аляскинским, однако из-за болезни Николай Адоратский не смог поехать в Америку. Состоя (с 7 сентября 1891 г.) епископом Балтским в течение четырёх лет, он, 22 октября 1895 г. став главой епархии, отправился в Оренбург, где на посту епископа Оренбургского и Уральского закончил свой жизненный путь, главный смысл которого он видел в верном служении животворным идеалам православия в России и за её пределами. Умер Николай Адоратский 29 октября 1896 г. в Оренбурге, где и нашёл вечный покой в стенах Казанского кафедрального собора, оставив по себе добрую память как миссионер-подвижник и как серьёзный исследователь церковной истории".

"Научная деятельность двух последующих миссий не была столь яркой и плодотворной. Наиболее заметный вклад в науку внесли два члена 16-й и 17-й миссий – иеромонахи Николай (Адоратский), автор публикуемой в настоящем сборнике книги, и Алексий (Виноградов). (О жизни и деятельности иеромонаха Алексия см.: Чигринский М.Ф. Иеромонах Алексий (Виноградов) в Отпиной пустыне // Православие на Дальнем Востоке. – С. 54-62.) Все усилия крайне малочисленного состава этих двух миссий (иногда она сокращалась до двух человек) были направлены на создание базы для миссионерской деятельности, перевод на китайский язык богословских и богослужебных книг, организацию китайского церковного хора. В эти годы при Миссии наряду с мужской была открыта и женская школа. Однако не только малочисленность Миссии, но отсутствие необходимых средств мешали активизации миссионерской деятельности". (А.С.Ипатова, 1997).

Семнадцатая ПДМ (1884-1896)

Начальник – Амфилохий (Лутовинов), архим. Иеромонахи – Амфилохий (Шипунов), Алексий (Виноградов), Платон (Грузов), Николай (Дробязгин). Священник Николай Шастин.

Проповедь Российской духовной миссии в Китае

"Во второй половине XIX в. деятельность Российской духовной миссии в Китае обретала всё больше черт, хотя бы внешне сближавших её с западными миссиями. Осенью 1861 г. православные священники впервые вынесли свою деятельность за пределы Пекина и открыли православное училище в деревне Дундинъань, где стали обучаться семеро детей. Однако это расширение сферы деятельности не

было сигналом о начале прозелитизма среди китайцев – в Дундинъань было десять жителей с российскими православными корнями.

В июне 1882 г. в Японии был рукоположен в сан священника первый православный китаец Митрофан Цзи, бывший катехизатор и учитель школы. После этого во времена 16-й Миссии архимандрит Флавиан (Городецкий) перевёл практику богослужения со славянского на китайский язык. Большой прогресс наблюдался и в переводческой работе – иеромонах Исайя (Поликин) в 1860 – 1868 гг. составил русско-китайский словарь богословских и церковных речений (свыше 3,3 тыс. лексических единиц), в 1883 -1884 гг. сотрудники Миссии осуществили перевод полных воскресных служб Октоиха" (188, с. 313-314).

В "Православном Собеседнике" за 1887 год помещено исследование члена миссии Н.Адоратского (впоследствии епископ оренбургский) "История Пекинской духовной миссии", с литературой вопроса. Духовная миссия, помимо двух пекинских церквей, владела к тому времени ещё церковью в деревне потомков албазинцев, где служил священник из китайцев, и церквами в Калгане и Ханькоу. На средства министерства иностранных дел члены миссии издали 4 тома научных трудов (СПб., 1852 – 66). И при миссии уже имелась магнитная и метеорологическая обсерватория, позднее обращённая в метеорологическую станцию.

В 1884 году были изданы на китайском языке богослужебные книги в 20 томах, в 1889 году издан "Китайско-русский словарь" архим. Палладия. В 1888 году китайцы позволили отпечатать китайско-русский словарь П.И.Кафарова и П.С.Попова, император Александр III выделил кредит на издание словаря.

"К началу XX в. православные миссионеры имели три перевода Нового Завета на китайский язык. Вместе с тем в православных переводах сказывалось желание переводчиков как можно ближе придерживаться церковнославянского текста, что привело к введению ими собственной терминологии, отличающейся от использованной западными миссиями. Помимо неоправданного введения транскрипций имён и географических названий из славянской Библии православные тексты выделялись использованием необычного написания имени Иисуса Христа как Иисусы Хэлисытосы, разительно отличавшегося от уже известного китайцам Есу Цзиду (Отметим, что в раннем иезуитском катехизисе Тянъчжуцзяо яо было использовано написание Есу Цилисыду, максимально приближенное к принятому латинскому имени). По аналогии с развитием католического христианского лексикона можно предположить, что в случае нормального развития богослужебной практики китайского православия в XX в. соче-

тание Иисусы Хэлисытосы было бы заменено либо на общепринятое Есу Цзиду, либо на какое-то более удобное сокращенное написание).

Появление необычных имён и названий можно, по-видимому, объяснить преднамеренным желанием миссионеров сохранить в своих переводах связь с русским Православием, что должно было помочь албазинцам обретать через китайские тексты духовную связь с исторической родиной. Можно предположить, что ориентация на духовное окормление албазинцев обусловила малое внимание православных миссионеров к волновавшему их коллег терминологическому спору, который сводился к различиям в трактовке китайской традиционной культуры. В XIX в. православные переводы повсеместно использовали "католическое" именование Тянъчжу, построенная в Дундинъань православная часовня была снабжена табличкой Чунбай Тянъчжу шэнсо (Священное место поклонения Небесному Господу). В первое десятилетие XX в. для именования Бога в православных текстах стало широко использоваться "протестантское" имя Шанди" (188, с. 315-317).

Приложение 14

Дацышен В.Г. К проблеме причин и целей российской экспансии в Маньчжурии в конце XIX в.

До середины 90-х гг. Маньчжурия (Северо-Восточный Китай) находилась вне сферы интересов Российской империи. В экономическом отношении этот регион был интересен России лишь как источник товаров народного потребления. Россия не обладала ни экономическим потенциалом, ни политическими рычагами, ни культурно-интеллектуальными возможностями для проникновения в Маньчжурию. В интересах России, озабоченной проблемами освоения Русского Приамурья, было сохранение стабильности в приграничном регионе. Этим обуславливалось полное отсутствие российских учреждений и представительств в Маньчжурии. Показательно, первое русское консульство в Маньчжурии было учреждено лишь в мае 1899 г.

Японо-китайская война 1894-1895 гг. создала условия для разрушения старой стабильной системы российско-китайских отношений. В китайской историографии существует точка зрения, что Россия подталкивала Японию к войне с Китаем, однако она не подтверждается фактами. Возможно, поводом к появлению данной концепции было то, что Россия была против китайской оккупации Кореи, а определённые симпатии российской общественности в начале конфликта были на стороне Японии, как "более слабой", как тогда казалось, стороны в конфликте. Однако с самого начала Россия выступала за мирное разрешение конфликта путём

взаимных уступок. Китайская дипломатия предприняла активные шаги для втягивания России в данные события. Уже в июне 1894 г. Ли Хунчжан во время личной встречи с посланником А.П.Кассини в Тяньцзине предложил России выступить посредником в разрешении японо-китайского конфликта. Российская дипломатия во главе с Н.К.Гирсом с санкции царя Александра III предприняла ряд действий по предотвращению военного конфликта на Корейском полуострове, но вскоре Особое совещание, собранное в Петербурге через несколько дней после начала войны, пришло к заключению, что активное вмешательство России в китайско-японскую войну не отвечает интересам государства.

Война с Японией нанесла удар по стабильности, привела к росту антииностранных настроений в Китае, что затронуло и русские интересы. Военные действия на Дальнем Востоке стали серьёзным препятствием кяхтинской чайной торговли. Для снятия напряжённости, например в Калгане (Чжанцзякоу), был издан указ о том, что русские помогают Китаю. Военные действия в Маньчжурии дестабилизировали обстановку на границе, уход китайских войск из приграничных районов и ухудшение экономической и политической ситуации привели к всплеску хунхузничества (бандитизма). Все это вынуждало Россию активизировать свои действия в Китае.

Главной причиной, подтолкнувшей Россию к отходу от традиционной сдержанности в отношении своих восточных соседей, явилась катастрофическая ситуация, в которой неожиданно оказалась Цинская империя. Один из руководителей МИД В.Н.Ламздорф отметил в своём дневнике: "Телеграмма от графа Кассини, нашего посланника в Китае, датированная... 3 (15) февраля, рисует положение в самых мрачных красках. В недалеком будущем можно предвидеть свержение династии, общий развал империи и избиение иностранцев, если не удастся без промедления справиться с последствиями войны" [Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. – М., 1991, с. 140]. Китайская дипломатия также не оставляла попыток использовать Россию для противодействия Японии. В феврале 1895 г. в Петербург прибыло чрезвычайное посольство во главе с Вэн Тунхэ. Перед отъездом на мирные переговоры в Японию Ли Хунчжан пытался договориться с российским посланником о вмешательстве России в ход переговоров.

Весной 1895 г. очередное Особое совещание в Петербурге приняло новый курс, предложенный С.Ю.Витте. Через шесть дней после подписания Симоносекского договора, дипломатический представитель России, наряду со своими коллегами из Франции и Германии, вручили японскому правительству ноты, с предложением отказаться от Ляодуна. Эти события привели к усилению русского военного присутствия на Дальнем

Востоке, в начале 1895 г. туда дополнительно была направлена эскадра Средиземного моря.

Международный кризис на Дальнем Востоке, связанный с условиями Симоносекского договора, не явился непосредственной причиной русской экспансии в Маньчжурии. К концу XIX в. не появилось объективных предпосылок к началу русского проникновения в регион. Традиционное представление о том, что Россия была инициатором ультиматума трёх держав Японии, не подтверждается документами. Интересы России в сохранении статус-кво в Маньчжурии совпали с необходимостью совместных действий с дружественными державами Германией и Францией, имевших объективные потребности расширения колониальной экспансии на Дальнем Востоке. Выступление держав было предопределено развитием капитализма в континентальной Европе. Оно диктовалось потребностями роста финансового капитала Франции и Германии.

Новая международная ситуация на Дальнем Востоке совпала со сменой главных действующих лиц российской политики, олицетворявших старый курс. Во время войны умер император Александр III Миротворец. В марте 1895 г. Н.К.Гирса на посту министра иностранных дел сменил князь А.Б.Лобанов-Ростовский. Председатель Комитета министров Н.Х. Бунге умер летом 1895 г. Сам С.Ю. Витте так охарактеризовал ситуацию в руководстве страны: "Только что назначенный министром иностранных дел князь Лобанов-Ростовский тоже не имел никакого понятия о делах Дальнего Востока... В то время вопросами Дальнего Востока занимался исключительно я. Государь император желал вообще распространить влияние России на Дальний Восток... в то время у него никакой определенной программы не сложилось, было лишь только стихийное желание двинуться на Дальний Восток и завладеть тамошними странами" [Витте С.Ю. Избранные воспоминания. – М., 1991, с. 327-328]. Новый министр иностранных дел писал в мае 1895 г.: "Совершенно очевидно, что после всего сделанного нами для Китая мы желаем предоставить ему возможность скорее освободить свою территорию от присутствия японцев, а для этого облегчить ему получение займа. ...Для наших будущих планов не менее важно поставить Китай в какую-либо зависимость от нас и не дать Англии распространить на эту страну своё влияние" [Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. – М., 1991, с. 176].

Данный документ показывает, что министр иностранных дел и, очевидно, в его лице часть российского руководства в ситуации необходимости сохранения и укрепления позиций в регионе, на самом деле взяли курс на глобальное противостояние и борьбу за гегемонию на пространствах разваливающейся Цинской империи.

Новая ситуация в русско-китайских отношениях была использована для усиления влияния в Пекине связанных с Россией финансовых кругов Запада. Важнейшим вопросом в международных отношениях в 1895 г. стала борьба за предоставление займа Китаю для выплаты контрибуции Японии. По этому поводу А.Б.Лобанов-Ростовский писал: "Единственное, чего мы хотим, – это чтобы Китай в связи со своими займами не стал в какую-либо зависимость от Европы и чтобы мы не получили непосредственно у наших границ второго Египта или даже второй Турции" (Там же, с. 187). По воспоминаниям В.Н.Ламздорфа, вопрос о займе решался келейно С.Ю.Витте с А.Б.Лобановым без привлечения специалистов и ответственных лиц.

В интригах вокруг займа приняло участие и китайское правительство. Деньги для займа в 400 млн. франков предоставил синдикат крупнейших французских банкирских домов, при участии русских банков. В конце 1895 г. удалось решить вопрос с учреждением российского банка для работы в Китае. Учредителями "акционерного Общества, с целью производства торговых операций в странах Восточной Азии, под наименованием "Русско-китайский банк", стали публицист Э.Э.Ухтомский, член правления "Лионского кредита" Рене Брис, а также И.Л.Гольдштанд, Р. Готтингер, Э.Денорманди, Э.Нетцлин, А.Ротштейн, Я.Штерн. Показательно, в 1896 г. отделения банка были открыты в разных регионах, но таковых ещё не было в Маньчжурии.

Поражение Китая в войне с Японией и первые успехи новой политики России на Дальнем Востоке создали благоприятную ситуацию для воплощения в жизнь старой идеи получения железнодорожной концессии на территории Цинской империи. Китай в конце XIX в. представлял благоприятную почву для роста капитала, но лишь сильное государство, как Российская империя, создавало гарантии защиты вложенного в экономику Китая международного капитала. Идея строительства "русской" железной дороги на территории Китая зрела давно. В записке С.Ю.Витте членам особого совещания по проблемам строительства Сибирской железной дороги в ноябре 1892 г. "упоминалось также, хотя и вскользь, о возможности сооружения от Сибирской линии ветви в китайские пределы, причём выражалась надежда, что постройка такой ветви едва ли встретит препятствия уже в ближайшем будущем. Таким образом, мысль о спрямлении Сибирской магистрали и направлении ея к Жёлтому морю составляла, собственно говоря, неотъемлемую часть общаго плана, предположенного Министерством Финансов" [Министерство финансов. Ч. 2. – СПб., 1902, с. 288].

Все, кто хоть немного был знаком с Китаем и кто был призван защищать государственные интересы, выступали против проведения Транссиба по территории Цинской империи. Но поражение Китая увеличило число сторонников строительства железной дороги через Маньчжурию, более того, сами китайцы активно провоцировали русское руководство на этот шаг. В августе 1895 г. консул Ю.А.Рединг сообщил из Шанхая о планах Китая построить железную дорогу в Маньчжурии. В ноябре он писал директору Азиатского департамента МИД Д.А. Капнисту: "Касательно Ляодунского Полуострова и Порт-Артура – Шанхайские и Гонконгские газеты в последнее время начали высказываться ясно в пользу занятия этих мест Россией, которая, разумеется, будет стараться провести Сибирскую железную дорогу в этом направлении, и сказанные газеты объясняют своим читателям, что постройка дороги в этом направлении послужит в общую пользу всего человечества. В этом отношении мнение Шанхайской публики совершенно согласуется с мнением газет" [АВПРИ. Фонд: 143 (Китайский стол), оп. 491, д. 354, л. 73].

В ноябре 1895 г. посланник А.П.Кассини сообщал в Петербург: "Последний пункт франко-китайской конвенции предусматривает, что французские дороги могут быть продолжены в глубь территории Китая... Уступка, сделанная Франции, способна прямо заинтересовать нас, если мы намечаем проведение нашей железной дороги через Маньчжурию" [Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. – М., 1991, с. 315]. На этой телеграмме Николай II сделал пометку: "Я думаю, что теперь именно время на переговоры с Китаем для получения концессий на постройку через Маньчжурию жел дор из Забайкалья прямо во Владивосток" [Там же, с. 315]. 21 ноября 1895 г. царь поручил посланнику А.П.Кассини приступить к переговорам относительно проведения дороги через китайскую территорию.

Против строительства железной дороги в Маньчжурии активно выступили директор Азиатского департамента МИД Д.А.Капнист и Приамурский генерал-губернатор С.М.Духовской. Они утверждали, что намеченная С.Ю.Витте дорога могла эксплуатироваться лишь при условии аннексии данной территории. Адмирал Н.М.Чихачёв вообще обвинил С.Ю.Витте в предательстве национальных интересов: "Маньчжурский проект" принесёт выгоду внешней политике Германии и Франции в Китае, а России – разорение и страдание" [Зуев В.Ф. История проекта строительства Амуро-Николаевской железной дороги //Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. – Хабаровск, 1998, с. 25].

Китайское руководство, осознав опасность российской экспансии, или желая выторговать себе новые преимущества, не согласилось с

русскими предложениями. Переговоры А.П.Кассини оказались безуспешными, для осуществления данного проекта требовался неординарный ход. В своих мемуарах С.Ю.Витте подробно описал, как он ради получения концессии организовал подписание секретного военного договора с Китаем. Весной 1896 г. качестве представителя Цинской империи на коронацию Николая II после недолгих дипломатических игр был направлен Ли Хунчжан.

Китайский представитель по настоянию С.Ю.Витте, вопреки предполагаемому протоколу, прибыл до коронации в Петербург и имел частную встречу с Николаем II. 22 мая (3 июня) 1896 г. русско-китайский секретный союзный договор был подписан, причём столь серьёзный документ готовился и подписывался, согласно воспоминаниям того же С.Ю.Витте, небрежно. "Договор о союзе, заключенный Россией и Китаем" стал уникальным документом, это был первый секретный договор, заключенный Цинской империей с иностранным государством. Но для обеих сторон данный документ был разменной монетой в дипломатической игре, об этом говорит и тот факт, что секретный договор очень быстро стал известен мировой общественности, 16 (28) октября 1896 г. шанхайская газета "North China Daily News" опубликовала "The Cassini Convention".

Несмотря на интервью генерального консула П.А.Дмитриевского в "The Shanghai Daily Press" с опровержением информации о заключении секретного русско-китайского договора, в других газетах в Китае так же были напечатаны материалы о договоре. П.А.Дмитриевский отмечал: "Любопытно, что конвенция напечатана была здесь вскоре по прибытии в Пекин Ли Хунчжана" [АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол), д. 354, л. 95]. 27 августа (8 сентября) 1896 г. в Берлине посланник Сюй Цзинчен подписал с Русско-китайским банком контракт на постройку и эксплуатацию КВЖД, вскоре это соглашение было ратифицировано в Пекине.

Соединение Забайкалья с Владивостоком было не единственной и, очевидно, не главной целью новой железной дороги. Ещё на переговорах с Ли Хунчжаном С.Ю.Витте поднял вопрос о строительстве железной дороги к портам Ляодуна. 5 августа 1896 г. известный публицист А.Суворин записал в своём дневнике: "Сидел вчера вечером у С.Ю.Витте... Говорили о разных разностях. Почти кончено дело с Китаем, Сибирская дорога прямо пройдёт на Владивосток и оттуда к Жёлтому морю" [Суворин А. Дневник. – М., 1992, с. 137].

В мае 1897 г. поверенный в делах в Китае А.И.Павлов писал из Пекина М.Н.Муравьеву: "Князь Ухтомский конфиденциально сообщил мне, что имеет в виду осторожно позондировать почву, дабы убедиться,

насколько Китайское Правительство склонно было бы теперь же приступить к переговорам относительно постройки той же русскою компаниею южной ветки по направлению к Та-лян-вану" [АВПРИ. Ф. 148 (Тихоокеанский стол), д. 59, л. 30]. Торжественная церемония начала строительства КВЖД состоялась лишь через год после получения права на это, в августе 1897 г. Показательно, место торжественной закладки дороги осталось в стороне от линии КВЖД. Все вопросы были сняты и начались широкомасштабные строительные работы лишь весной 1898 г., только после получения концессии на Южную ветку КВЖД до Порт-Артура.

Версия о том, что КВЖД предназначалась для завоевания рынков сбыта русских товаров активно пропагандировалась, но документы говорят, что даже в тот период никто в это не верил. Например, в 1898 г. пограничный комиссар Б.Л.Громбчевский сообщал, что инженер С.П.Кербедз видел только стратегическое значение дороги, считая, что это предприятие не сможет конкурировать с морскими перевозками, а Маньчжурия никогда не станет рынком сбыта для русских товаров [РГИА ДВ. Ф. 702 (Канцелярия Приамурского генерал-губернатора), оп. 1, д. 310, л. 8]. Абсурдность идеи строительства стратегической линии по территории чужого государства не требует доказательства, если не иметь в виду цели захвата территории, по которой строится дорога. Однако именно Общество КВЖД наиболее последовательно выступало против присоединения какой-либо части Маньчжурии к Российской империи, что позволяет отбросить идею о стратегическом значении дороги для России. Очевидно, приобретение концессии на строительство железной дороги и учреждение Общества КВЖД не связывалось с какими-либо интересами России и диктовалось потребностями развития финансового и промышленного капитала Запада. КВЖД стало оптимальным вариантом для финансовых групп Европы, в первую очередь Франции, для вложения капитала.

Китайские рабочие под охраной русского штыка обеспечивали рост капитала, а на случай непредвиденных обстоятельств, прибыль гарантировал русский крестьянин своими налогами в российскую казну. Немаловажным фактором явилось и то, что предприятие за границей создавало условия для воровства и финансовых махинаций. Несомненно, КВЖД задумывалось и осуществлялось как сомнительное предприятие, не имеющее отношения к государственным интересам России.

Органичной составляющей российской экспансии в Маньчжурии стало приобретение портов на Ляодуне. Впервые слухи о том, что Россия планирует захватить Порт-Артур, появились в правительственных кругах Англии и Франции в 1895 г., в связи с борьбой русского руководства за предоставление китайского займа. В октябре 1895 г. газета "Таймс" пере-

дала сообщение из Гонконга, что "Благодаря недавно заключённому договору между Россией и Китаем первая получает право якорной стоянки флота в Порт-Артуре..." [Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. – М., 1991, с. 270]. В ноябре 1895 г. консул Ю.А.Рединг писал из Шанхая Д.А.Капнисту: "Касательно Ляодунского Полуострова и Порт-Артура – Шанхайские и Гонконгские газеты в последнее время начали высказываться ясно в пользу занятия этих мест Россией" [АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол), д. 354, л. 73]. В мае 1897 г. в шанхайской газете "Шэн-бао" опубликована статья, в которой говорилось, что китайское правительство разрешило России провести железную дорогу до Ляодуна и уступило для стоянки русских судов Люйшунькоу и Цзяочжоу [АВПРИ. Ф. 148 (Тихоокеанский стол), д. 59, л. 45]. Распространяемые слухи о скором занятии русскими Порт-Артура, имеющие своей целью противостояния дальневосточной политики России, наоборот, подготовили мировое общественное мнение к неизбежности такового занятия.

Руководство России не планировало в то время захвата или приобретения Порт-Артура, но нельзя говорить и о полной беспочвенности подобных слухов, реальный ход событий подталкивал именно к этому. Китай, пытаясь приобрести в лице России союзника для борьбы с Японией, рассчитывал, в случае необходимости, "расплатиться" с ней своими портами. В ноябре 1895 г. китайский посланник сообщил российскому министру иностранных дел А.Б.Лобанову-Ростовскому, что "китайское правительство, движимое чувствами особенной благодарности к России, разрешило нашей эскадре в Тихом океане перезимовать в Чжу-цу (несколько южнее Вэйхайвэйского полуострова), хотя это не открытый порт..." [Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. – М., 1991, с. 320]. В секретном договоре 1896 г. говорилось: "Во время военных действий все порты Китая будут, в случае необходимости, открыты для русских военных судов..." [Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917. – М., 1952, с. 293]. Китай, используя свои порты в политической игре с Россией, надеялся, что другие державы не позволят русским выиграть в этой игре.

В руководстве России в конце XIX в. рассматривался вопрос о приобретении порта для Тихоокеанской эскадры, но о Порт-Артуре вопрос не поднимался. Осенью 1897 г. командующий Тихоокеанской эскадрой Ф.В.Дубасов рекомендовал Петербургу выбрать в качестве базы для флота порт Мозампо, но 29 ноября (* Даты даны по Юлианскому календарю (старому стилю), принятому в то время в России) он получил предписание: "...согласно Высочайшей воле, немедленно... отправьте в порт Артур с Контр-Адмиралом Реуновым отряд из крейсера и лодок... Сохраняйте поручение в строжайшем секрете даже от командиров ... Офи-

циально назначьте посылку отряда в какой-нибудь другой порт" [РГА ВМФ, ф. 650, оп. 1, д. 171, л. 10]. Неожиданное решение русского руководства было связано с событиями, произошедшими на Дальнем Востоке осенью 1897 г., когда Германия, воспользовавшись в качестве предлога убийством двух немецких миссионеров, ввела свои военные корабли в бухту Цзяочжоу и выдвинула требования уступки Китаем ей этого порта.

Германское руководство давно уже пыталось договориться с Россией о совместных действиях по приобретению портов в Китае. Ещё в апреле 1895 г. кайзер Вильгельм II писал русскому царю: "Я ... надеюсь, что как я охотно помогу тебе уладить вопрос о возможных территориальных аннексиях для России, так и ты благосклонно отнесёшься к тому, чтобы Германия приобрела порт где-нибудь, где это не "стеснит" тебя" [Переписка Вильгельма II с Николаем II. – М.; Пг., 1923, с. 7]. Очевидно, договориться немцам о совместных действиях не удалось, но понимания и определённой поддержки своих планов со стороны России они добились. В октябре 1897 г. в ответ на телеграмму Вильгельма II: "Надеюсь, что согласно нашим личным переговорам в Петергоффе, ты одобришь переход моей эскадры в Кио-Чау...", Николай II ответил нейтрально: "Не могу одобрить или не одобрить твоего распоряжения..." [Там же, с. 21]. Инициатива в занятии Порт-Артура исходила от нового министра иностранных дел М.Н.Муравьева. В докладной записке от 11 ноября 1897 г. он предложил царю воспользоваться моментом и занять Даляньвань или какой-нибудь другой порт, по выбору Морского министерства. Но Морское министерство было против занятия любого китайского порта...

Особое совещание из руководителей заинтересованных ведомств не поддержало этого предложения. Идею немедленного приобретения китайского порта для русского флота разделял лишь военный министр П.С.Ванновский, против Порт-Артура на особом совещании выступил Управляющий Морским министерством П.П.Тыртов, считавший, что флот пока вообще не нуждается в новых базах. Против захватов в Китае был директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Д.А.Капнист. Показательно, сам Ф.В.Дубасов ещё 28 декабря спрашивал у Павлова: "В данном случае я неизбежно должен допустить: или что мы сами, неисполнением принятых на себя обязательств, даём Китайскому правительству основания поступать с нами одинаковым образом... или что Китайское правительство держится своего двусмысленного образа действий вследствие полной беззащитности и страха перед угрозами Англии" [РГА ВМФ, ф. 650, оп. 1, д. 171, л. 36 об.]

Адмирал ставил вопрос, имеет ли Россия возможности защищать Китай и собирается ли она это делать. "Наконец, если мы не несём по отно-

шению Китая никаких обязательств и выговорили себе особые права, пользуясь только его слабостью, то я не вижу, почему бы и всякий другой, так же, как и мы, чувствующий себя сильнее Китая, не потребовал от него таких же прав..." [Там же, ф. 650, оп. 1, д. 171, л. 36 об.]. Особое совещание в Петербурге высказалось против приобретения Порт-Артура, но спустя несколько дней русские военные корабли по указанию Николая II вошли в этот порт. Занятие русскими кораблями рейда китайского порта отнюдь не являлось доказательством намерения захватить этот порт. Одной из главных задач русского флота на Тихом океане была демонстрация силы в случае политических осложнений в регионе.

В ноябре 1897 г. русские военные корабли были отправлены в Порт-Артур именно с целью демонстрации силы на случай осложнений, которые могли возникнуть из-за захвата Германией Цзяочжоу. Именно так восприняла приход русского отряда и китайская сторона, тем более это соответствовало духу русско-китайского союзного договора.

Не успели русские корабли подойти к Порт-Артуру, как ситуация вокруг этого порта и всего Ляодуна стала резко меняться. Ли Хунчжан, верный тактике сложных дипломатических маневров, обратился лично к С.Ю.Витте с просьбой о займе в 100 млн. рублей для второго взноса по японской контрибуции. Министр финансов сразу же выдвинул условия: "выдать, одновременно с подписанием условий займа, правлению общества КВжд концессию на сооружение ж/д ветви от магистрали КВжд до той гавани, которая для сего будет избрана правлением общества на берегу Жёлтого моря к востоку от порта Инцзы" [Глинский Б.Б. Пролог Русско-японской войны. – СПб., 1916, с. 47]. Кроме того, С.Ю.Витте требовал предоставить место для устройства порта Добровольного флота. С этого момента начинается собственно борьба за захват портов на Ляодуне, именно позиция С.Ю.Витте подтолкнула Россию на приобретение территорий на юге Маньчжурии. Занятие Порт-Артура диктовалось не потребностями русского флота и необходимостью защиты русских интересов на Дальнем Востоке. Международный капитал, вложенный в экономику Северо-Восточного Китая, нуждался в защите своих интересов, для чего и требовались порты подальше от русских границ.

Китайское руководство, видя, что "дипломатические игры" зашли слишком далеко, в декабре 1897 г. потребовало у российского посланника А.И.Павлова письменного подтверждения отсутствия намерений удерживать Порт-Артур и Далянь. В ответ русская сторона заявила, что китайские требования оскорбительны и русские войска уйдут с Ляодуна тогда, когда позволят политические обстоятельства. Долгое время сохранялась неопределенность позиции российского правительства, в том чис-

ле дипломатического ведомства. Русский военный агент докладывал из Тяньцзиня вышестоящему начальству, что был в полном неведении относительно политики России в отношении портов, не имел конкретных указаний поверенный в Пекине А.И.Павлов [РГИА ДВ. Фю 702 (Канцелярия Приамурского генерал-губернатора), оп. 7, д. 39, л. 39]. В январе 1898 г. С.Ю.Витте поставил перед английским послом в России вопрос: "что скажет Англия, если русская оккупация Порт-Артура окажется перманентной" [Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. – М.-Л., 1947, с. 63].

Руководство Китая во главе с Ли Хунчжаном с начала 1898 г. предпринимало попытки не допустить утверждения России в портах юга Ляодуна. Попытались китайцы сыграть на русско-британских противоречиях, требования С.Ю.Витте были немедленно доведены до английского посланника, англичане предлагали пойти на уступки в вопросе о Черноморских проливах. Китайская сторона отказалась от русского займа и подписала соглашение с Гонконг-Шанхайским банком. Но в феврале 1898 г. российские дипломаты в Европе и в Китае пришли к выводу об отсутствии опасности военного столкновения из-за портов.

Особое совещание, собранное в Петербурге под руководством великого князя Алексея Александровича для обсуждения дальневосточных проблем, в феврале 1898 г. высказалось за приобретение южного Ляодуна. Были выработаны определённые требования к Китаю, в центре которых стоял вопрос об аренде территории на юге Ляодуна, порты определялись конечной точкой КВЖД. 11 февраля министр иностранных дел М.Н.Муравьёв направил посланнику в Китае А.И.Павлову телеграмму, в которой говорилось, что "Его Величеству Государю Императору благоугодно было бесповоротно решить добиться благоприятного для нас результата" в переговорах о портах [РГА ВМФ. Ф. 9 (Дубасов Ф,В.), 650 (Эскадра Тихого океана); ф.9, оп. 1, д. 108, л. 104 об.]. После получения известия о том, что китайцы подписали соглашение о займе с английским банком, 19 февраля русский посланник вручил руководству Китая новые требования.

Китайская сторона попыталась что-то предпринять, обратились за содействием к Англии и Японии, срочно отправили в Петербург опытного дипломата Сюй Цзинчена. Ли Хунчжан предлагал А.И.Павлову лично съездить в Порт-Артур и убедиться в непригодности его для русского флота. Усилили давление на императора реформаторы, Кан Ювэй направил императору меморандум с призывом отвергнуть требования России, он совместно с цензорами Ян Шэньсю и Чэнь Цичжаном предлагал Гуансюю заключить союз с Англией и Японией. Но руководство Китая взя-

ло курс на затягивание переговоров, а после требований русской стороны о незамедлительном ответе на предъявленные требования китайские министры приступили к обсуждению условий передачи портов России.

При всех видимых военных приготовлениях российское руководство сделало всё, чтобы обойтись без военного захвата портов, дипломаты прибегли к испытанному средству – взяткам. 28 февраля посланник А.И. Павлов сообщал: "...в моё распоряжение уже представлены денежные средства на выдачу пособия китайским властям Порт-Артура и Даляньваня, дабы привлечь их на нашу сторону... Полагаю чиновникам категории Гу, Ли, Хо практичнее всего определить теперь ежемесячно от 100 до 200 лан со дня прихода наших судов в Порт-Артур и обещать единовременно более крупную сумму в несколько тысяч лан" [Там же, ф. 9, оп. 1, д. 108, л. 131]. Особо оговаривалась возможность дать взятку генералам Сун и Ма, но по причине сомнения в подкупности этих генералов, рекомендовалось вести дела с ними через посредников. Генералу Сун Цину было объявлено, чтобы он оставил Порт-Артур к началу высадки русского десанта, договоренность об этом была достигнута 14 марта. Командующий Тихоокеанской эскадрой издал приказ, в котором говорилось: "По Высочайшему повелению, вверенная мне эскадра и стоящий при ней отряд из сухопутных войск, должны занять принадлежащую ныне Китайскому государству Порт-Артур и порт Талиенван" [Там же, ф. 9, оп. 1, д. 108, л. 191-192].

15 марта 1898 г. в Пекине была подписана "Конвенция между Россией и Китаем о Ляодунском полуострове", по условиям которой, вся арендуемая территория переходила на 25 лет в "полное и исключительное пользование русского правительства". В 8 часов утра 16 марта на Золотой горе Порт-Артура, великим князем Кириллом Владимировичем был поднят Андреевский флаг. Граница арендованной территории была определена в "Дополнительном протоколе", подписанном 25 апреля 1898 г. Процесс определения русских владений завершился 25 апреля 1899 г., когда были подписаны "Дополнения к протоколу разграничений территорий". После этого окончательно оформилась территория новой колонии Российской империи, получившей официальное название "Русская Квантунская область". На территории области находилось 4 города: Цзиньчжоу, Порт-Артур, Бицзыво и Даляньвань, а также около 1500 сельских населенных пунктов. Её площадь вместе с островами составила до 3-х тыс. кв. верст, население около 300 тыс. человек. В "русской Квантунской области" начали действовать государственные институты, принятые в России, а вскоре Порт-Артур стал административным центром российских земель, расположенных восточнее Байкала.

Занятие Порт-Артура само по себе было бессмысленным, бесполезным, вредным и опасным, в мире не могли найти рационального объяснения этому, довольствуясь тезисами о "извечной агрессивности России" или "загадочности и жертвенности русской души". Сложно даже понять, как при том экономическом и военном потенциале Россия не только выиграла борьбу за Ляодун, но и даже решилась на неё. Но при детальном рассмотрении хода событий на Дальнем Востоке видно, что занятие Порт-Артура явилось естественным и необходимым звеном в дальневосточной политике России со времён событий Японо-китайской войны.

Приобретение южного Ляодуна не явилось результатом заранее рассчитанных и целенаправленных действий, реальный процесс борьбы за порты был уже в разгаре, когда правительство решилось его поддержать и выработать конкретный план действий. Занятие Порт-Артура не было и необдуманной реакцией на какое-либо событие, напр., на захват немцами Цзяочжоу. События конца 1897 – начала 1898 года были обусловлены получением концессии на КВЖД, а появление русской Квантунской области явилось результатом конкретных событий в Китае в это время, результатом совокупности факторов, спровоцировавших руководство России и предоставивших ей возможность сделать такое приобретение.

В конце XIX в. Россия приобрела в Северо-Восточном Китае огромную колонию – концессию КВЖД и арендованную Квантунскую область, ставшей первой "заморской" колонией "классического типа". Исходной точкой для этого стало изменение баланса сил на Дальнем Востоке вследствие поражения Цинской империи от Японии. Важную роль в этом процессе играли проблемы, постепенно развивавшиеся в русско-китайских отношениях, а также смена власти в высшем руководстве Российской империи.

Вмешательство России в итоги Японо-китайской войны сами по себе не разрушали стабильности, а отчасти восстанавливали баланс сил. Но данный шаг создал благоприятную ситуацию для проникновения финансового капитала Запада в Маньчжурию. Самый известный портартурский журналист Дмитрий Янчевецкий отметил факт отсутствия интересов собственно русского капитала к новым российским колониям, он писал: "Именитые русские торговые города, как Петербург, Москва, Нижний, Саратов, Ростов, Иркутск, Варшава, в создании первой русской колонии в Китае не принимали никакого участия, об открытии незамерзающего порта в Маньчжурии никогда не просили и были, поэтому, совершенно равнодушны к тем капиталам, которые в Порт-Артуре и Дальнем сыпались иностранцам и разным выходцам из Владивостока и Одессы" [Янчевецкий. Гроза с Востока. – 1907, с. 37-38].

"Упорно настаивал на необходимости срочного возвращения Ляодуна Китаю военный министр А.Н.Куропаткин, доказывающий, что у России нет объективных причин идти на конфликт со странами Востока, а позволить себе это в условиях возрастающей угрозы с Запада нельзя. В 1903 г. он заявил: "Нам выгоднее отдать японцам Южнокитайскую железную дорогу, даже Порт-Артур, чем рисковать войной" [Епанчин Н.А. На службе трёх императоров. Воспоминания. – М., 1996, с. 307]. Однако инерция государственной машины России и отсутствие самостоятельной, отвечающей национальным интересам, внешней политики, привели к закономерному провалу "колониальной авантюры" в Маньчжурии и кризису 1905 г.

Таким образом, колониальная экспансия Россией в Северо-Восточном Китае не была обусловлена ни экономическими, ни геополитическими интересами Российской империи. В ситуации обострения межимпериалистических противоречий на Дальнем Востоке в конце XIX в. стоявшая у власти в стране группировка во главе с царем Николаем II и министром финансов С.Ю.Витте выступила проводником интересов французского капитала, искавшего выход из ситуации финансового застоя в Европе. Под гарантии русских налогоплательщиков посредством займов французский капитал был вложен в развитие японской экономики, ориентированной на подготовку к войне с Россией, и в экономику Маньчжурии.

Геополитические "сдвиги" российской политики были спровоцированы в первую очередь Германией, так же имевшей большое влияние на российскую элиту. Показательно, факт полного отсутствия "русского интереса" к колониальной экспансии в Маньчжурии невольно был зафиксирован в сочиненной в 1898 г. казачьей песне: "Белый Царь, Наш Царь Державный / Больше жизни дорог нам! / Слава Руси православной, Слава верным казакам! / На французском пароходе / Держим мы далёкий путь, / Чтоб в Маньчжурьи на свободе / Свою удаль развернуть. / …Англичане прозевали, / А японцы смотрят так: / Вот как будто увидали / Здоровенный наш кулак. / Немец, хвост поджавши, ахнет, / А кореец тот струхнет. / А китаец так зачахнет, / Когда поезд наш пройдёт…" [Сибирский архив, 1914, № 10, с. 454].

(Материалы семинара "Азия в России/Россия в Азии", 18-19 марта 2006 г., Центр славянских исследований при Университете Хоккайдо)

Глава четвёртая

Пекинская духовная миссия: XX век

Восемнадцатая ПДМ (1896-1931)

Начальник – Иннокентий (Фигуровский), архим., с 1902 г. – еп. Переяславский, с 1918 – Пекинский, с 1921 – архиеп., с 1922 – архиеп. Пекинский и Китайский, с 1928 – митр.

Иеромонахи – Авраамий (Часовников), Симон (Виноградов), Неофит (Осипов) и Пимен (Сипягин). Священник – Николай Петрович Шастин. Диакон – Нил Милютин, Василий Иванович Скрижалин. Иеродиакон – Симон. Псаломщик – Илларион Туркевич. Послушники – Григорий Александрович Свечников, Эраст Дмитриевич Пашутин, Фёдор Филиппович Хайдуков, Степан Иванович Чернаволенко, Иван Родионович Скляднев и Фотий Григорьевич Швидкий. Студенты – Иван Пшемыслович Врублевский, В.М.Алексеев, А.И.Иванов. Врач – Владимир Викторович Корсаков (при посольстве) (р. 1854).

"В отношениях между двумя странами сложилась благоприятная ситуация, и в 1896 году был подписан русско-китайский союзный договор. Огромную роль в размывании этнокультурного барьера в конце XIX столетия сыграли взаимные волны эмиграции. Познание друг друга скреплялось совместным трудом и общей бедностью, ностальгией по Отечеству и стремлением принести в него всё лучшее, что черпалось в соседней стране" (124, с. 22).

"Если на рубеже XIX – XX вв. христианство представало для многих реформаторов и революционеров Китая как символ западной цивилизации, то очень скоро здесь поняли, что на Западе существуют учения, враждебные христианству, и что заимствование западной науки и техники даже предполагает отвержение христианства. С 20-х годов революционное движение в Китае открыло для себя возможность не признавать ни христианства, ни конфуцианства".

"Привилегии и амбиции христианских миссионеров вызывали активное противодействие традиционной китайской элиты. Вплоть до начала XX в. среди перешедших в христианство китайцев почти не было учёных людей, а симпатизировавшие христианству сторонники реформ, как правило, скрывали свои контакты с миссионерами. Появление миссионеров, покровительства которых многие искали из корыстных соображений, часто обостряло конфликты и трения в китайском обществе. Существовал даже термин "рисовые христиане": так называли тех, кто принял христианство в надежде обеспечить себя пропитанием.

Деятельность миссионеров неизменно наталкивалась на глухое недовольство и открытое сопротивление широких слоёв общества.

Восстание ихэтуаней – лишь один, самый известный пример из нескольких сотен антимиссионерских выступлений в старом Китае. Народная поговорка тех времён гласила: "Одним христианином больше – одним китайцем меньше" (118, с. 293-294).

До лета 1900 года власти защищали иностранные миссии в Пекине. Потом положение изменится. Когда восстание ихэтуаней прокатилось по Пекину, члены миссии покинут Северное подворье, архим. Иннокентий с подопечными, оставив Бэйгуань, укрылись в российском посольстве. Китайское правительство выделило для охраны десять копейщиков, но уже 11 июня здание Миссии было полностью сожжено боксёрами. Во время погрома подворье Миссии разрушено, сожжены церкви, пропала ризница и церковная утварь, уничтожены архивы и библиотека, разграблена типография, исчезли шрифты и наборы богослужебных книг.

Во время восстания в 1900 году русская миссия спасалась в зданиях английского посольства. Мятежники сожгли русские церкви в Калгане, Дундиньане, Пейтахо, в Пекине северное подворье, из имущества не удалось ничего спасти; особенно важна потеря типографии, где погибло до 30.000 китайских значков и досок с текстом богослужебных книг и некоторые ценные труды архимандрита Палладия и о. Исайи. Паства потеряла из тысячи до трёхсот убитыми, и многие отреклись от христианской веры. Православные албазинцы и китайцы зверски замучены; жертвам вскрывали животы, отрубали головы, заживо сжигали. "Учительница школы миссии Ия Вэнь была мучима дважды. В первый раз боксёры изрубили её и полуживую забросали землёй. Когда она очнулась, её стоны услышал сторож (язычник) и перенёс её в свою будку. Но спустя некоторое время боксёры вновь схватили её и на этот раз замучили до смерти. В обоих случаях Ия Вэнь радостно исповедовала Христа перед своими мучителями"[254].

Среди мучеников иерей Митрофан, первый священник-китаец, рукоположенный в Японии епископом Николаем. "В семействе отца Митрофана были жена Татиана из фамилии Ли и три сына: старший Исайя, второй Сергей – теперь он протоиерей, и третий Иван. 10 июня вечером Татиана спаслась от боксёров при помощи невесты своего сына Исайи, но на другой день, 11 числа утром, вместе с другими, всего 19 человек... казнена была через отсечение головы. Исайя, 23-х лет, служил в артиллерии. 7 июня боксёры казнили его через отсечение головы на большой улице около ворот Пин-цзэ-мэнь, так как раньше известно было, что он христианин.

[254] Дубровская Д. Ворота в империю Цин. Российская православная миссия // Родина. - 2004. - №10. - С. 18.

...Ивану было тогда 8 лет. 10 июня вечером, когда убили его отца, боксёры разрубили ему плечи и отрубили пальцы на ногах; нос и уши были отрезаны. Невесте брата его Исайи удалось спасти его от смерти, и она спрятала его в отхожем месте. На вопрос людей, больно ли ему, он отвечал, что страдать за Христа не больно. Мальчишки издевались над ним... Иван просил у соседей воды, но они не только не дали ему, но и прогнали... Один старик выражал о нём сожаление, говоря: "Чем виноват мальчик? Вина родителей, что он стал последователем дьявола". Другие поднимали его на смех и поносили или просто бросали ему презрительные усмешки. Так он ведён был, как агнец, на заклание" (Там же).

Вот что об ихэтуанях писал протоиерей Сергий Чан, чудом спасшийся от погрома: "Это было сообщество, имевшее общинное устройство и прельщавшее народ своим учением о сверхъестественных силах в целях возвышения Китая и уничтожения иностранцев. ... Иностранцы именовались бесами, крещёные китайцы – исчадиями их, а некрещёные, но имевшие с ними общение, – вторыми исчадиями; на боксёров же смотрели как на воинство небесное" (Там же, с.442).

ИХЭТУАНИ

Можно ли понять войну, революцию, восстание, отчего и что значит стихия бунта? Взрыв возмущения и народное движение воспринимают противоречиво и предвзято, с разных сторон объясняют то с сочувствием, то с неприятием. Возможно и взвешенное, относительно трезвое отношение к происшествиям. Чтобы понять, что происходило в Китае на стыке XIX и XX веков, надо видеть события в развитии и в более широком обзоре.

В 1898–1901 гг. Китай потрясают массовые волнения и голодные бунты. Восстание вспыхнуло в провинции Шаньдун. 1 ноября 1897 г. убиты немецкие миссионеры, и это стало предлогом для высадки десанта в Циндао. Германия захватила порт на Бухайском заливе и принудила Пекин сдать в аренду порт Цзяочжоу и земли вокруг на 99 лет, предоставить права на строительство железных дорог и разработку природных богатств в провинции Шаньдун. В период раздела империалистическими державами Китая на "сферы влияния" Циндао стал центром арендной территории Германии в провинции Шаньдун, оторгнутой от Китая по германо-китайскому соглашению 1898 г. Немцы превратили Циндао в крупный океанский порт и первоклассную крепость, базу германского военного флота. Они действуют решительно, глядя на них, следуют примеру другие. Англия навязала Китаю соглашение об аренде Вэйхайвэй, порта и бухты. Франция утвердила сферу влияния в провинциях Гуандун, Гуанси и Юньнань.

Япония и Россия, соперничая между собой, не прочь захватить Маньчжурию на северо-востоке Китайской империи.

Маньчжурское правительство, заключая кабальные договоры с державами, открывает двери для проникновения в Китай иностранцев. Разного рода дельцы, военные и гражданские, врачи, инженеры и техники, служители культа, промышленные и коммерческие предприниматели и авантюристы хлынули в страну поживиться за счёт китайского населения, которое окрестит их "заморскими дьяволами". У известного богоборца были основания написать: "Могли ли китайцы не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хвалёной цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции в 1856 г.), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства? Эту политику грабежа давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы, а теперь к ней присоединилось и русское самодержавное правительство"[i]. Прямо сказано в 1900 г.

В 1899 г. после затопления обширных районов в бассейне Хуанхэ погибло 200 тысяч человек. Сельскохозяйственные провинции Северного Китая несколько лет страдают от страшной засухи. Спасаясь от голодной смерти, крестьяне вынуждены есть кору деревьев и коренья. Неурожай, наводнение, засуха, голод и нищета, все беды связываются с гневом богов и приписываются коварству нечистой силы инородцев. Стихийные бедствия, сильный разлив Хуанхэ и наводнение 1898 г., неурожай в провинциях по течению Янцзы, от этого голод – всё от чужестранцев.

В марте-апреле 1899 г. толпы голодающих из мест наводнения противодействуют немцам в постройке железной дороги. В ответ те вводят военный отряд в город Ичжоу, что вызывает волнение местного населения. Бесчинства начались в провинциях Чжили, Шаньси, вскоре и в Маньчжурии, где строилась чужая КВЖД. Центром восстания стал Тяньзин, промышленный город и морской порт, там сосредоточен иностранный капитал. На всём пути между Тяньцзинем и Пекином восставшие рушили железнодорожное полотно, крушили паровозы и вагоны, предавали огню станционные постройки, рвали телеграфные и телефонные провода. Чтобы отвести от себя гнев обездоленных крестьян, правители-маньчжуры манипулировали общественным мнением. Они колебались, решая дилемму: бороться с ихэтуанями или поддерживать их?

В такой обстановке оживляется деятельность тайных обществ и объединений. Самым влиятельным среди них стало народное движение Ихэтуань ("кулак во имя справедливости и гармонии"). Восставшие ихэтуани вину за несчастья, выпавшие на долю китайца, возлагают на иностранцев и церкви. В массовом сознании пробуждается инстинкт ксенофобии, и не случайно движение "боксёров". Уязвлённый дух ханьцев звал к борьбе, не на жизнь, на смерть, для избавления страны от лиха и дьявольского наваждения. В народе оживают антихристианские настроения.

Из Европы и Америки наехало миссионеров для проповеди "язычникам" Библии. Едва ли не в каждой провинции обосновались, католические и протестантские пастыри, создавались школы, приюты, больницы, местные жители приобщались к чужой вере. Христиане создали в Китае "огромную сеть школ, устроили прекрасно оборудованные госпитали, организовали многочисленные убежища для немощных людей, детей сирот, и вообще сделали и делают всё, чтобы привлечь симпатии населения на свою сторону. Сторонники конфуционизма пожелали противопоставить именно этой силе свою" (Ленин В.И. ПСС. – Т. 4. – С. 379-380.).

Русский китаевед В.П.Васильев в конце XIX в. заметил: "Считая тысячелетиями своё мировое значение, презирая всё остальное человечество, как не могущее проникнуться его великими принципами, Китай вдруг был выбит из своей проторённой колеи. Не по доброй воле вступил он в сношения с другими народами, открыл иностранцам свободный доступ в свои гавани; скрепя сердце, увидел он себя поставленным в необходимость учиться у тех, которых он считал такими невеждами" (Сидихменов В.Я. Маньчжурские правители Китая. – М., 1985. – С. 184). "Миссионеры строили церкви и старались привлечь туда массы верующих. Однако китайцы находились под влиянием конфуцианства, буддизма и даосизма, верили в многочисленных духов. Заставить их отказаться от поклонения душам усопших предков, от жертвоприношений духам и уверовать в одного иностранного бога было делом весьма трудным", – заключит китайский историк Фань Вэньлань (Фань Вэньлань. Новая история Китая. – М., 1955).

Проповедникам удавалось обратить в свою веру маргиналов, бедняков, дошедших до крайнего обнищания, и преступников, ищущих способ уклониться от наказания, отдельных тиранов и властителей, отчуждённых от народа. Миссионеры побуждали паству отрекаться от родительских верований и традиционных "трёх религий", что настораживало китайцев, настраивая против чужого ревнивого бога. Насе-

ление страны с предубеждением относилось к чужой религии и к принятию христианства, религиозные организации и проповедники из Европы тщатся завоевать доверие местных жителей, открывая школы, организуя приюты для немощных и сирот, оборудуя госпитали. Верующих христиан среди китайцев относительно мало, хотя таковые оказывались под покровительством церковников и пользовались защитой иностранных посольств. Европейцев, противников китайских обычаев, подозревают во враждебности, корысти и грубом расчёте.

Китайцы признали роль европейцев в создании материальной культуры, но духовность свою ставили выше. В 1899 г. американский проповедник Грэйвс писал: "Китайцы не могли не видеть превосходства западных народов в военных кораблях, заходящих в их порты; лучшее вооружение и современную выучку войск; комфорт и роскошь в местах проживания иностранных купцов, прекрасные дороги, освещённые улицы и водопровод в Гонконге и Шанхае" (Сидихменов В.Я. Указ. соч. – С. 184). Но "это всего лишь чистая материальная цивилизация, которая проявляется в грубой силе, а в интеллектуальном отношении европейцы не могут идти ни в какое сравнение с китайскими мудрецами, с их знаниями добродетели, с их утончёнными рассуждениями".

Среди населения городов и сёл распространяются воззвания, подобные следующим: "Протестантская и католическая религии разрушили и уничтожили буддизм. Их приверженцы оскорбили наши божества и священные места, ни во что не ставят законы Будды. Они разгневали небо, поэтому не выпадает благодатный дождь. Восемь миллионов духовных воинов будут посланы небом, чтобы очистить нашу землю от иностранцев. И тогда пойдёт благодатный дождь". "Как только убьёшь иностранного дьявола, с неба прольётся обильный дождь" (Там же. – С. 178). Молодых крестьян призывали уничтожать иностранцев и своих, перешедших в чужую веру. Отсталый крестьянин в такое лихолетье и сам считал иноземцев заморскими дьяволами.

Ихэтуани подпоясывались красными кушаками, на голове красные повязки или жёлтые кушаки и жёлтые повязки. Отряды "красных" и "жёлтых" вооружены мечами и копьями. На знамёнах: "Поддержим династию Цин, уничтожим иностранцев", "Отряды справедливости и гармонии осуществляют веления неба" (Там же. – С. 176-177). Мистика, талисманы и амулеты, заклинания и медитация, религиозная гимнастика и гипноз – набор оборонных средств духоборства, основной стержень сознания бунтующей массы. "Боксёрское восстание, – писал дипломат И.Я.Коростовец, – подобно многим народным движениям в Китае, также заключало в себе элемент сверхъестественного. Провоз-

гласив своим девизом защиту империи и уничтожение иностранцев, боксёрские вожди стали привлекать последователей обещанием бессмертия и неуязвимости. Установилось мнение, что настоящий боксёр не мог умереть, а в случае смерти должен воскреснуть. Этот элемент сверхъестественности, магической силы стал привлекать в ряды боксёров простолюдинов не только из городской, но и из деревенской среды, вообще более склонной к суевериям" (Там же. – С. 177).

Молодые крестьяне, чтобы стать ихэтуанями, проходили "курс обучения": заучивали заклинания, обереги от огня вражеских ружей и пушек, исполняли упражнения, приводящие в транс. Им внушали: "кто знает семь-восемь слов, может противостоять 10 тысячам человек, а знающий 16-17 слов может легко разрушить дома иностранцев". Они верили в то, что "обученный" становился неуязвимым для пуль и снарядов, обретая бессмертие. Девушек учили медитации, чудодейственной гимнастике и самоусыплению. В трансе они произносили непонятные слова, якобы имевшие пророческое значение. Женщины в отрядах распевали песни: "Не причёсывайте волос – отрубим головы чужеземцам. Не бинтуйте ног – убьём чужеземцев и посмеёмся". В Пекине и других городах дети на улицах прорицали будущее, таинственные предсказания "божьих посланцев" волновали суеверных китайцев. Вожди ихэтуаней пользовались детской доверчивостью и большей открытостью для внушения. Особенная сила духа приписывалась девочкам, в красных одеяниях с красными фонарями ехали они на осликах впереди отрядов ихэтуаней, первыми падая от пуль, жертвы фанатизма и массового психоза.

Борьба ихэтуаней против агрессии сводилась к разрушению и уничтожению всего чуждого – иностранных книг, религии, товаров, специалистов, всевозможной техники и орудий производства. Железные дороги, железнодорожные составы, паровозы ("огненные телеги"), телеграфные линии, телефонные провода, современные строения рассматриваются не иначе, как наваждение и самочинство дьявольской воли. Злая сила нарушила покой добрых духов на их земле. Надо избавиться от европейской дьявольщины, заодно истребить иностранцев как пособников. Один вид европейца и предметов с отпечатком иной культуры вызывал неистовство. Только уничтожив абсолютное зло, продукт и самого дьявола, можно успокоиться.

Не обеляя колонизаторов и миссионеров, признаем, ихэтуани на своём пути истребляли христиан, независимо от возраста и пола, не щадя ни соотечественников, ни иных, превращали их жилища в пепелище. В июне 1900 г. один из ихэтуаней похвалялся перед соратника-

ми в Тяньцзине: "Мы казнили японского переводчика из японского посольства. Мы его схватили, отрезали ему нос, уши, губы, пальцы; искололи тело, а из кожи на его спине вырезали себе пояса; из груди вырвали его сердце" (Там же. – С. 185). Речь о секретаре японского посольства Сугияма, убитого 11 июня 1900 г. в Пекине. Иностранные миссионеры, жившие в глубинке провинций Шаньдун, Шэньси и Шаньси, были истреблены. Детей убивали на глазах матерей, тех мучили и обезглавливали. Убитых выбрасывали за городские стены, головы выставлялись в храмах.

Бесчеловечности нет оправдания, хотя жестокости есть объяснение. Там свои причины: социальный гнёт, борьба за существование, голод, отчаянная нищета, моральное унижение – на этой почве взрастало и взращивалось озлобление. Древний китайский мыслитель Мэнцзы (III в. до н.э.) объяснял ожесточённость народа условиями жизни: "В урожайные годы большая часть молодёжи бывает доброй, а в голодные – злой. Такая разница происходит не от тех природных качеств, которыми наградило их небо. А случается так оттого, что бедствия от голода погружают их сердца во зло" (Там же. – С. 186). Схвачена природа ожесточения: полуголодное существование озлобляет людей.

В апреле 1900 г. в Пекине распространился слух, что ночью в одном из храмов недалеко от императорских дворцов поразительный голос призывал к действиям: "Я, божество невидимого мира Юй Хуан. Слушайте меня! Рвите провода, передающие слова на расстоянии! Разрушайте железные дороги! Отрубайте головы иностранным дьяволам! В день, когда вы уничтожите иностранных дьяволов, пойдёт дождь, прекратится засуха и вы будете свободными!" (Там же. – С. 182). На обывателей, склонных к суевериям, "откровение" оказывало эмоциональное воздействие. Телеграфные провода в Пекине порваны, на рабочих, чинивших вагоны и паровозы, напала чернь, железнодорожное полотно разрушено, из рук в руки передавались листовки с призывами к выступлению.

В мае 1900 г. ихэтуани, вооружённые мечами, копьями и допотопными пушками, захватили столицу. Правительственные войска по сути настроены против иностранцев. После вступления в город отрядов ихэтуаней начался погром. Громили христианские храмы, осадили посольский квартал и дипломатические миссии в Пекине и в Тяньцзине. Восставшие казнили чиновников-деспотов, рушили здания учреждений. 28 мая ихэтуани сожгли станцию Фэнтай вблизи Пекина, спустя день порвали вдоль городской стены электрические провода,

прекратив снабжение электроэнергией трамвайных линий, повредили вагоны, многие из них сожжены, убили водителей и кондукторов трамваев. 4 июня прервали телеграфную связь между Пекином и Тяньцзинем. 7 июня убиты два английских миссионера. Это привело к противостоянию, обострились отношения между Китаем и державами.

Над иностранными дипломатами в Пекине нависла угроза. Около 900 европейцев и американцев и 3 тысячи китайцев-христиан находились под защитой 525 иностранных солдат и офицеров. Понеся потери от огнестрельного оружия иностранцев, окопавшихся в посольских помещениях, ихэтуани злобу возмещали на христианах. Летом 1900 г. Православная духовная миссия в Пекине "в первый раз подверглась гонению со стороны китайских язычников", церкви и здания миссии разрушены, едва ли не полностью православные китайцы (албазинцы) насмерть замучены (См. ИБПЦК. – 1904. – Вып. 1. – С. 3-11).

Осада посольского квартала длилась 56 дней, с 20 июня до 14 августа 1900 г. В конце концов одному смельчаку удалось вырваться из окружения и сообщить в Тяньцзинь о бедственном положении иностранцев в Пекине: "Мы находимся в смертельной опасности. 30 тысяч войск атакуют нас. У нас осталось продовольствия лишь на три дня. Если не подоспеет помощь, нет надежды на спасение. Итальянская, голландская и американская миссии сожжены, британское посольство тоже частично сожжено" (Сидихменов В.Я. Указ. соч. – С. 191). Убийство в Пекине германского посланника Кеттлера и секретаря японского посольства Сугиямы приводит к открытому конфликту Китая с державами.

Для спасения дипломатов в Пекин направляется двухтысячный отряд: 915 англичан, 450 немцев, 358 французов, 312 русских, 154 японца, 112 американцев, 40 итальянцев, 25 австрийцев – под началом командующего британской Тихоокеанской эскадрой вице-адмирала Сеймура. Состав с войском отправился из Тяньцзиня 10 июня 1900 г., следом четыре состава с оборудованием для ремонта железнодорожного полотна и с продовольствием. Скоро экспедиция убедилась, восстание поддерживается населением городов и сёл. Стало ясно, для подавления народного движения придётся нанести по нему чудовищный удар. Разыгрались трагические события с вовлечением значительных сил. Увидев угрозу своим интересам, империалисты бросили против ихэтуаней 40-тысячную союзную армию Англии, Франции, России, Германии, США, Италии, Японии, Австро-Венгрии, обрушившись на безоружный народ мощью военной техники. Коалиция войск восьми стран выступила против стихии бунта китайских ихэтуаней.

События стремительно развивались. 17 июня 1900 г. войска держав овладели фортами Дагу. В Старом городе Тяньцзиня развернулись кровопролитные сражения между войсками союзников и безоружными ихэтуанями. Пошли в ход все виды холодного оружия: штыки, приклады, ножи. Уличные бои озаряются пламенем пожаров, обезумевшая толпа с криками и воплями мечется с улицы на улицу, дети, мужчины, женщины охвачены паникой, многих затопчут насмерть. "Трупы убитых покрывали все улицы города. Не осталось ни одного целого здания", – писал очевидец (Там же. – С. 200).

Русская концессия в Тяньцзине, гранича с итальянской и бельгийской, занимала обширное пространство на левом берегу Бэй-хэ, плотно застроена в районе вокзала, улицы носили названия Московская, Петербургская и т.п., далее, вниз по реке Бэй-хэ, следовал дачный район. На противоположной стороне располагались дружно японская, французская, британская и германская концессии (Хисамутдинов А. Тяньцзиньская ветвь эмиграции // ПДВ. – 1999. – № 2. – С. 119). Когда коалиция войск Германии, Японии, Англии, США, Франции, России, Италии и Австро-Венгрии подавляли восстание ихэтуаней, в ходе мощной бомбардировки городу Тяньцзиню нанесены большие разрушения (Там же. – С. 118). При подавлении ихэтуаньского восстания в боевых действиях участвовали русские войска. Трудно представить масштабы битв и участия наших земляков в тех сражениях. Погибших солдан хоронили в братской могиле в Русском парке. В Британской концессии имелись мемориальные бронзовые доски в честь погибших солдат, на трёх из них имена более 150 русских воинов из следующих соединений: 16-го, 12-го и 2-го Восточно-Сибирских стрелковых полков, крейсеров "Россия", "Дмитрий Донской", "Наварин", канонерских лодок "Кореец", "Маньчжур", "Сивуч" и "Гиляк".

Д.Г.Янчевецкий, наблюдавший военные действия коалиции, безусловно, знал, что в одном из районов г. Порт-Артура, на полуострове Тигровый хвост, наряду с российскими морскими учреждениями и предприятиями располагалась китайская Минная школа и база миноносцев, оставшаяся в ведении китайского флота, как и что, что "летом 1900 г. китайские офицеры и курсанты были арестованы и отправлены на каторгу на Сахалин" (Дацышен. Указ. соч. – С. 155). Шла настоящая война.

Через три года старший брат писателя В.Г.Яна (Янчевецкого) издаст книгу "У стен недвижного Китая", честный взгляд на события и работу иностранных войск при подавлении восстания. "В китайцах не уважали никаких человеческих прав. Установился какой-то средневековый взгляд, что с китайцами можно всё делать. Их считали за ка-

кую-то жалкую тварь, которую можно и должно безнаказанно преследовать, насиловать и даже можно убивать, если они осмеляться сопротивляться". В книге разговор раненного русского офицера с начальником госпиталя в осаждённом Тяньцзине. Медик жаловался, китайцы обстреливают госпиталь Красного Креста, нарушая международное право и законы войны.

"Неужели вы думаете, доктор, – отвечает офицер, – что китайцы что-нибудь поймут из вашей галантности? Цивилизованные европейцы столько лет не признавали основных человеческих прав за китайцами, не уважали ни их национальных чувств, ни религиозных, ни политических, грубо издевались над их самыми священными обычаями и законами, отнимали и расхищали у них всё, что только могли, – и вы хотите, чтобы в такое разнузданное и беззаконное время, называемое войной, китайцы верили, что мы будем признавать какие-то законы и права, которые мы постоянно нарушали" (Сидихменов В.Я. Указ. соч. – С. 186). Автор оценил обстановку в осаждённом и под обстрелом Тяньцзине, объяснив ненависть китайцев к иностранцам.

Свидетель бойни о гибели русских солдат пишет волнительно: "Что же это? Первая жертва? Первая капля невинной крови? Что же это такое? Настоящая война с регулярными войсками, с ружьями, с пушками, ранеными и убитыми? Жестокость и кровопролитие, не знающие ни жалости, ни снисхождения. Но чем виноват этот солдатик, которого за тридевять земель пригнали из родной деревни, везли по жарким южным морям, держали в суровом Порт-Артуре и прислали сюда усмирять мятежников, которых он в глаза не видел и о которых слышал разве только в сказках? Что он сделал боксёрам и что они сделали ему? Чувствуют ли в деревне его батька и матка, что их родимый уже сложил свою буйную головушку и лежит раскинувшись на горячем китайском песке, не приласканный и не оплаканный" (Там же. – С. 200). По новым меркам, слезливый журнализм, так теперь не оплакивают жертву на поле брани.

14 июля 1900 г. взят Тяньцзинь, войска подавили народный бунт. Попытка Цыси расправиться с иностранцами с помощью ихэтуаней закончилась крахом. Массы ихэтуаней, взбунтовавшиеся против угнетения, бедности и присутствия в стране чужеземцев, понеся неисчислимые жертвы, разгромлены военной силой ведущих мировых держав. Вторжение тех было актом империализма, произвола и агрессии. Оно вызвало в стране взрыв патриотических чувств и сопротивление. Правители сознавали угрозу положению, видя покушение на великодержавные амбиции, и не хотели терять или делиться привилегиями.

Влияние иностранцев и проникновение иностранного капитала подрывали монополию владычества и господства на территории. Потому правящая элита отравляет людей ядом вражды и ненависти ко всему новому и чужому. Маньчжурские и китайские властители использовали в корыстных целях ихэтуаней, приверженцев мистических идей. Цыси относилась к подданным цинично, в конце концов отношение к народу вылилось в предательство: сперва травили на "чужаков", затем "бунтовщиков" подло бросили и оставили для расправы.

14 августа союзные войска ворвутся в столицу. Утром того дня, перед захватом Пекина иностранными войсками, вдовствующая императрица Цыси и император Гуансюй бежали в Сиань, маньчжурские войска сложат оружие. Ихэтуани одни продолжали оказывать сопротивление оккупантам и тысячами гибли под огнём артиллерии агрессоров. Свидетель противостояния оценил действия правителей: "благоразумные и осторожные члены маньчжурского правительства при всей своей фанатичной ненависти к иностранцам понимали, какой ответственности и возмездию они подвергают Китай и его династию, если в самом деле было бы совершено истребление членов иностранных посольств в Пекине" (Там же. – С. 202). Чтобы дать частичный выброс ярости ихэтуаней и солдат, охваченных чувством мести и настроенных на расправу с иностранцами, вместе с тем избежать катастрофы, решено было вооружать восставших устаревшим оружием, предоставляя им допотопные ружья и чугунные пушки.

Массовое движение ихэтуаней, сокрушённое военной силой держав, с разных сторон воспринималось и оценивалось предвзято. Церковники склонны видеть в событиях низменные побуждения язычников, объявив восставших разбойниками, погибших страдальцев причислив к лику святомучеников. Список "за веру православную избиенных ихэтуанями" насчитывает 222 китайца (См.: ИБПЦК. – 1904. – Вып. 6. – С. 3-11). Показателен пассаж: "После чтения евангелия священником миссии о. Сергием произнесена на китайском языке проповедь воспоминания памяти 222 христиан, принявших мученический венец за исповедание Христа от рук озверелых боксёров в 1900 г., в том числе и их духовного настоятеля, достопочитаемого иерея о. Митрофана, убиенного с молитвой в устах на пороге своего дома, в котором укрылись более 20 беззащитных женщин с малютками на руках, не дрогнули каменные сердца и не пощадила озверевшая толпа никого, и пал он, как пастырь добрый, душу свою положивший за овец своих, пронзенный в грудь, исколотый самодельными копьями гнусных изуверов, ворвавшихся в комнаты; после жестоких мучений все женщины были

перебиты вместе с малютками, которых кололи копьями и рассекали на части на глазах матерей, а вокруг слышались душу раздирающие вопли женщин и детей, там также мучили и жгли христиан вместе с домами их". Бог с вами: "и произрастила богатую ниву из 11 человек, оставшихся в живых, ныне православных христиан более двух тысяч человек" (Владимир, иподъякон. Праздник Всех Святых Мучеников и торжество православных христиан в Китае в 1913 году // КБ. – 1913. – Вып. 6. – С. 5-6). Святая наивность?

Конечно, боксёры озверелые, толпа озверевшая и изуверы гнусные, с каменными сердцами, не щадили ни беззащитных деток, ни стариков и женщин. "В июне поднялось страшное боксёрское восстание… 215 были убиты …оставшиеся (75 чел.) сумели выехать в г. Тяньцзинь, где они и оставались" (КБ. – 1914. – Вып. 1. – С. 11). Сколько лет церковь вспоминает те события, уточняя число убиенных православных христиан в Пекине: "Во время боксёрского восстания подворье Миссии было разрушено; православные албазинцы и китайцы (215) замучены; останки их покоятся в склепе, над которым построен храм во имя Всех Св. Мучеников" (КБ. – 1914. – Вып. 9. – С. 24). Позже ещё дополнят: "Сгорела ценная библиотека, основанная арх. Петром (Каменский, 1820 – 30) и пополненная редкими рукописями по буддизму о. Палладием (Кафаров, 1849 – 59, 64 – 78)" (КБ. – 1916. – Вып. 9. – С. 10). Жаль библиотеку и древности, уничтоженные в бунте против засилья чужеземства, когда в безумстве столкнулись интересы и инстинкты, там в форме расизма развернулась борьба культур и цивилизаций. В том же ключе до наших дней церковники освещают события вековой давности. "Во время антихристианского восстания "ихэтуаней" в 1900 г. в Китае были замучены 222 православных христианина-китайца во главе с первым священником из китайцев – иереем Митрофаном Цзи Чунем" (Новокрещеных Л. Русская православная церковь и эмиграция в Харбине // НСМ. – 1998. – № 59. – С. 4).

Русский взгляд на "боксёров" отличается от точки зрения китайцев, их понимания собственной судьбы и событий в стране. Сделаем поправку на социальную позицию и угол зрения в отношении к восстанию ихэтуаней. Белые и красные империалисты к своей выгоде спекулируют, толкуя факты и оценивая случившееся. Ихэтуани обвинили Сюй Цзинчэня в сговоре с русскими и расправились с ним за предательство национальных интересов. Зато русские кавэжединцы через 25 лет в его честь установили памятник в Харбине, для Управляющего дорогой Остроумова Сюй остался добрым сановником. Мнения расходятся диаметрально.

Восстание ихэтуаней распространилось на Маньчжурию.

В том краю для первых русских людей 1900 г. стал большим испытанием из-за страшного бедствия – "боксёрского восстания". Присутствие русских в Мукденской провинции вызывало недовольство местного населения, чуждавшегося инородцев, это скажется на их взаимоотношениях во время боксёрского восстания. Как в воду глядел Ли Хунчжан, в своё время остерегавший против движения на юг, во избежание недоразумений. В одном историческом очерке подчёркивалось, что "волна народного бунта, направленного против европейцеев, докатилась до Маньчжурии из провинций Южного Китая" (Как возникло и развивалось Харбинское железнодорожное собрание // ВХЖДС. – 1914. – № 1. – с. 7).

В конце мая 1900 г. в Маньчжурию, на территорию пролегания КВЖД, распространилось из Северного Китая движение ихэтуаней. Боксёрское восстание там подавлено казаками и войсками генерала В.В.Сахарова. "В это время погибло немало строителей КВЖД и разрушено многое из того, что было уже построено ими" (Тыкоцкий Г.Б. Краткий исторический очерк о КВЖД // РА. – 2001. – № 6. – С. 43), – сокрушается хроникёр, непритязательно повторяя чьи-то слова. Общие и пустые "немало", "многое" – слова прикрытия, по возможности избегают употреблять в серьёзном обозрении. Сколько это "немало" погибших и "много" разрушений, назвать бы. Заодно сравнить с жертвами и другой стороны, и там люди, пусть иной национальности.

О тех жертвах молчит история КВЖД.

"В Маньчжурии, благодаря мудрой политике Главного Инженера, местное население относилось к строителям скорее доброжелательно, нежели враждебно, что и спасло жизнь пионеров и сохранило большое русское дело". "В июне 1900 г. стало очевидным, что линии Китайской дороги и русским людям, растянутым посёлками на протяжении тысячи вёрст этой длинной нити, угрожает неминуемая опасность" (Как возникло и развивалось Харбинское железнодорожное собрание // ВХЖДС. – 1914. – № 1. – С. 7). Так оно и было в самом деле.

Это даст повод к оккупации Маньчжурии русскими войсками. 7 июля 1900 г. власти Благовещенска предъявят требование о допуске русских войск на территорию Маньчжурии для охраны КВЖД. После отказа цицикарского военного губернатора Шоу Шаня, 13 июля русские переправляются через Амур, сжигают Айгунь, расправляются с его жителями и спешат дальше на юг. Представьте операцию зачистки. (Ходя, Амур вода холодная?" – долго после событий не будет большего оскорбления для китайца). "Правое, т.е. китайское, побережье Амура, что против Благовещенска, в войне 1900-1 г. было сплошь предано огню и мечу. Полоса земли в 40-50 вёрст длины и от 5 до 10

вёрст ширины с многочисленными селениями и городом Айхунем были, как известно, опустошены. До 1906 г. от города Айхуня оставалась лишь одна башня" (Гребенщиков А.В. Очерк заселения китайского Приамурья // ВА. – 1911. – № 7. – С. 43). Деталь редкой правдивости и откровенности. Одновременно навстречу частям с севера вдоль линии КВЖД продвигаются русские войска из Порт-Артура. К середине октября воинские части занимают Харбин, Гирин, Мукден, Инкоу, Цзиньчжоу, Цицикар и иные поселения. Восстание ихэтуаней закончилось разгромом.

"В июне 1900 г. ихэтуани вступили в Пекин. Войска Германии, Японии, Англии, США, Франции, царской России, Италии и Австро-Венгрии подавили восстание (названное иностранцами боксёрским)" (СЭС). 19 августа 1900 г. Цыси издала указ, по которому Ли Хунчжану предписывалось вступить в ответственные переговоры с державами, разгромившими ихэтуаней и взявшими верх в стране. После падения Пекина трон возлагает сложную миссию замирения на опытного политика. 7 сентября 1901 г. представители маньчжурского правительства Ли Хунчжан и князь Цин (И Куан), также посланники 11 государств – Германии, Австрии, Бельгии, Испании, США, Франции, Англии, Италии, Японии, Голландии и России – подписали Заключительный протокол из 12 статей, предусматривающих обязательства:

Статья 1 (а). Направить в Берлин искупительную миссию во главе с князем императорской крови для выражения сожаления императора Китая и китайского правительства по поводу убийства германского посланника барона Кеттлера. б). Соорудить на месте, где было совершено убийство, мемориальный монумент, соответствующий рангу покойного. На монументе сделать на латинском, немецком и китайском языках надпись, выражающую сожаление императора Китая по поводу убийства.

Статья 2 (а). Строжайше наказать лиц, сообразно вине каждого, в соответствии с императорским указом от 25 сентября 1900 г., а также тех, которые будут определены представителями держав. б). Приостановить государственные экзамены в течении пяти лет в местах, где совершалось убийство иностранцев или они подвергались жестокому обращению.

Статья 3. Китайское правительство направляет в Японию искупительную миссию для выражения соболезнования по поводу убийства секретаря японского посольства Сугияма.

Статья 4. Китайское правительство устанавливает искупительные памятники на всех иностранных кладбищах, которые были осквернены или разрушены.

Статья 5. Согласно условиям, определённым державами, запрещается ввоз оружия, а также материалов, которые могут быть использованы для производства оружия и боевых припасов.

Статья 6 (а). Справедливо вознаградить сотрудников провинциальной администрации, общественных организаций и отдельных лиц, а также тех китайцев, которые в последних событиях пострадали лично или понесли убытки в имуществе, находясь на службе у иностранцев. б). Китай выплачивает державам контрибуции в размере 450 миллионов лянов в течение 39 лет.

Статья 7. Каждая держава сохраняет за собой право иметь постоянную охрану своего посольства, а на территории посольского квартала устанавливается система обороны. Китайцы не имеют права проживать на территории посольского квартала.

Статья 8. Форты Дагу и другие форты, препятствующие свободному сообщению между Пекином и побережьем, подлежат полному разрушению.

Статья 9. Право на военную оккупацию некоторых пунктов определяется соглашением между державами с целью поддержания коммуникаций между Пекином и морским побережьем.

Статья 10 (а). Китайское правительство в течение двух лет во всех административных центрах вывешивает для всеобщего обозрения императорские указы о запрещении на неопределённый срок под страхом смертной казни участия в антииностранных обществах. В городах, где совершалось убийство иностранцев или они подвергались жестокому обращению, будут временно приостановлены государственные экзамены… в). Все наместники, губернаторы, провинциальные и местные чиновники обязаны нести ответственность за порядок в соответствии с их юридическими правами. Где бы не произошло антииностранное выступление или нарушение Заключительного протокола, если это не будет немедленно пресечено и виновные не будут наказаны, то официальные лица будут уволены со службы без права занять новый пост или получить хороший отзыв.

Статья 11. Правительство Китая обязуется внести поправки в договоры, касающиеся торговли и мореплавания в интересах держав, а также обязуются провести работы на реках Бэйхэ и Хуанхэ для облегчения судоходства между Тяньцзинем и Шанхаем.

Статья 12. Правительство Китая осуществит реформы в области отношений с иностранцами, упразднит дворцовые церемонии (челобитье) при приёме иностранных представителей по форме, которая будет предложена державами.

Заключительный протокол даёт привилегии и усиливает позиции иностранцев в Китае. Седьмая статья Боксёрского протокола, подписанного Китаем с иностранными государствами 7 сентября 1901 г., устанавливала статус экстерриториальности Посольского квартала. "Китай обязался уплатить иностранным государствам в течение сорока лет (до 1940 г.) контрибуцию в размере 450 млн. лян с начислением на сумму обязательств 4 процентов годовых, что увеличивало общую сумму обязательств Китая до 982 млн. лян; каждое иностранное посольство получило право содержать национальную военную охрану, и общая численность иностранной военной охраны была установлена в количестве 2101 человек при 30 орудиях и 30 пулемётах; Китая обязался поступления от таможенных пошлин и соляного (основного) и других налогов передавать иностранцам в обеспечение выплаты контрибуции" (Сладковский М.И. Указ. соч. – С. 235).

Если восстание подавлено, назовут бунтом; если восставшие берут верх – революцией. Ихэтуани не дотянули: не хватило силёнок, не было предпосылок. Китайцы – с ними весь род людской – понесли великий урон. Ихэтуани – для нас оселок, на котором проверяется по существу нутряное "вероисповедание" и мировоззрение человека, как он способен относиться к идее и действительной свободе. Одни признают свободу личности (сословий, народов) лишь для себя, отрицая либерализм как принцип для всех, как всеобщее право отстаивать национальные, корпоративные и личные интересы.

Историки отмечены односторонностью и предвзятостью в какой-то мере. Отражая версию харбинских старожилов, участников трагедии, их видение конфликта, Г.В.Мелихов в очерке об ихэтуанях знакомит нас с полными драматизма событиями в Маньчжурии лета 1900 г., передав напряжение и накал обстановки противостояния и неприятия китайским окружением строительства КВЖД в полосе отчуждения, подозрительно-чуждой для местного населения. Конфликтная ситуация с противоположных сторон освещается и видится неодинаково: тот, кто добьётся чего или получит что, и тот, кто теряет и пострадает в конфликте, в итоге по-разному отнесутся к случившемуся. Каждый по-своему толкует факт, происшествие, событие. Мнения и "крайности" задетых сторон, при учёте их, приходится взвешивать на объективность (7 сентября 1925 г. по случаю 25-летия подписания "Боксёрского протокола" газета "Новая шанхайская жизнь" опубликовала статью "День национального позора", разоблачая грабительскую сущность документа, вынудившего Китай уже 25 лет выплачивать непосильную контрибуцию. Сложное и небесспорное, по сути справед-

ливое заключение, хотя бунтовщиков можно, если очень надо, называть разбойниками и террористами).

"Движение ихэтуаней, объективно направленное против империалистического гнёта, при всех его недостатках и отрицательных чертах, было справедливой борьбой китайских народных масс, а героизм и патриотизм повстанцев заслуживают глубокого уважения" (Калюжная Н.М. Восстание ихэтуаней (1898 – 1901). Советская версия той трагической истории в основном совпадает с китайским толкованием ихэтуаньского восстания как народного антиимпериалистического движения в Китае в 1899 – 1901 гг., начатое тайным обществом Ихэцюань ("Кулак во имя справедливости и согласия"), позже переименованное в Ихэтуань ("Отряды справедливости и согласия").

Естественно, китайцы относятся к ихэтуаням с большим пиететом, не то, что европейские "дьяволы". "Не так давно Пекин "обменялся любезностями" с Ватиканом по случаю канонизации 120 китайских католических святых. Кто-то из официальных лиц МИД КНР по этому поводу заявил, что и сегодня, если бы повторилось такое восстание, действия "ихэтуаней" были бы признаны достойным гражданским актом верных сынов Родины" (Поздняев Д. Три дня в Трёхречье // НСМ. – 2001. – № 86. – С. 2.) И там же ещё: "Полчаса уходит на изучение моих книг. Говорят о секте "Фалуньгун". "Что означает слово "мученики?" – "Это то же самое, что и святые". Таможенники, посовещавшись, выносят вердикт: "Вы можете забрать все Ваши книги, за исключением журнала "Китайский благовестник", в котором говорится о мучениках восстания ихэтуаней". На мой вопрос "почему?" таможенник строго отвечает, что "в этом журнале положительно пишется о людях, слишком смело выступавших против антиимпериалистического движения в Китае". "Но ведь эти люди не боролись против китайского коммунизма!" – "В Китае коммунизм был всегда". Так посрамлённым оказалось моё знание китайской истории"). Наши церковники зациклились на одном: "убиение мучеников".

Нужно ли церкви печься, чтобы все на свете кочевники, оленеводы, охотники, звероловы, рыболовы, птицеловы и прочие племена в чужих краях шли по пути христианской цивилизации. Откуда любовь просвещать других, будто сами не убоги, всё постигли, усвоили, живём благочинно, по-божески. Азиаты без подсказки справлялись со своей нравственностью: "где мало или совсем нет европейцев, там китайцы другие: добрые, совестливые и не рассчитывающие на чужую собственность, там добрая почва для проповеди слова Божия", – писал С.С. из Вэйхуйфу 30 сентября 1906 г. (ИБПЦК. – 1906. – Вып. 38-39. – С. 13).

Не всякому проповеднику и государственнику доступна идея культурного многообразия и равноправия народов, никак не понять религиозной свободы, просто не даётся признание Бога достоянием личности. Какой смысл в миссионерстве, если не во вспомоществовании колонизации? Так ли, что "для миссии безразлично, будет ли знать инородец русский язык или нет, переменит ли он свой образ жизни или нет, но важно то, чтобы он и при своём образе жизни, то есть живя в юрте, нося свою национальную одежду, занимаясь охотой и рыболовством, всегда был христианином, жил по-христиански и вообще по-Божьи" (ИБПЦК. – 1906. – Вып. 31. – С. 10). Вы всерьёз?.

Церковь не справлялась с задачей духовного просвещения и нравственного совершенствования собственного народа, и не тайна, что "религиозно-нравственное состояние православной паствы Маньчжурии производило тяжёлое и удручающее впечатление" (ИБПЦК. – 1905. – Вып. 13-14. – С. 4). "Такие важные пункты, как, например, Харбин, переполнены указанными заведениями (речь шла о кабаках, увеселительных заведениях, кафешантанах и других непотребных домах) при совершенном почти отсутствии церквей. Поэтому повсюду замечается разгул и разврат во всех их видах, и народ в свободное от занятий время отвлекается от церкви и наполняет собой ненужные места" (Там же. – С. 5). Тем не менее церковники занималось проповедью и распространением веры среди инородцев на территории их стран, шагая в ногу с государством в завоевании чужого пространства и душ, слава Богу, не сильно преуспевая в том.

В беспокойном промысле колонизации не идеализировать строителей, путейцев, военнослужащих и другую публику. В суровом братстве (не святые на иконостасе) божьи слуги заметят "разврат, незаконные сожития, пьянство, кутежи, непосещение церкви, непричащение Святых Тайнств и небытие у исповеди целыми годами – явления, которые можно было встретить даже в лучшем дальнинском круге" (Там же. – С. 7). Дело житейское. Велики издержки крупномасштабного казнократства. В самом деле, "как-то странно, что потрачено 30 миллионов на устройство порта и города, но ничего не было сделано для сохранности того, на что потрачены капиталы". Осело на счету генералов, строителей-градоначальников, лихих защитников русской Маньчжурии и Квантуна от "боксёров", героев расправ над населением.

В 1900 и 1901 гг. отмечались вновь вспышки газетных призывов к присоединению китайских территорий. Анализ печати и общественных настроений в России на рубеже веков приводит к выводу, что "идеи территориальных приобретений в Корее и Маньчжурии, идея

участия в разделе Китая и даже план превентивного нападения на Японию носились в воздухе" (Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке // (1888-1903 гг.) // Красный архив, № 3 (52). 1932. – С. 50).

Свои взгляды на отношения с Китаем Д.И.Менделеев выразил в книге 1905 г. "Заветные мысли". Учёный полагал, что было бы лучше, если бы Россия не занимала Маньчжурии, вызвав тем самым "невольной горечи у китайцев". "К сожалению, теперь, познакомившись с иностранцами китайцы утрачивают свою вежливость и выдержку…они быстро перенимают от "западных чертей" отрицательные черты: грубость, нахальство, самомнение, лживость, пьянство, коммерческую недобросовестность и т.д. Большой грех в этом отношении лежит на юге – на португальцах, в центре – на немцах и японцах, и на севере – на подонках наших "культуртрегеров", вследствие малого знакомства с ними считающихся в Китае представителями русской народности" (Шкуркин П. Примечания // ВА. – 1917. – № 41. – С. 44). "Белые – это "заморские черти". У китайцев ненависть к белым завоевателям. В таких условиях разжечь националистическую ненависть немудрено" (Владимиров П.И. Особый район Китая. 1942-1945. – М., 1977. – С. 252).

Известный исследователь Азии Н.М.Пржевальский был одержимым экспансионистом. Уверенный в особенной значимости Европы, он идеолог насильственной "цивилизации" застойного Востока. "Штуцерная пуля и нарезная пушка приносят здесь те начатки цивилизации, которые иным путём, вероятно, ещё долго не попали бы в окаменевший строй среднеазиатских ханств". Заодно он поддерживал политику расширения Российской империи за счёт землевладений других народов. Согласно верованиям в силу европейского культуртрегерства, русский путешественник убеждал, что колониальные порядки приобщают население отсталых земель к высшим ценностям, освобождая его от прозябания во тьме и нищете, и "наше правление в Китае принесёт сюда лучшую жизнь" (Цит. по кн.: Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Неизвестный Пржевальский //Ариавата. – 1997. – № 1. – С. 219). По его мнению, отношения с Китаем должны строиться не на основе договоров, но с позиции силы. Наметив столь сомнительную перспективу жизни страны, он разработал план наступательных действий, включая расчленение и захват государства, не страшась численности китайской армии, ибо "один волк заставляет бежать тысячное стадо баранов" (Там же. – С. 275). "Волей-неволей нам придётся свести здесь давние счёты и осязательно доказать нашему заносчивому соседу, что русский дух и русская отвага равно сильны – как в сердце Великой России, так и на далёком востоке Азии", – вещал амбициозный воин (Там же, сс. 535-6). Он призывал,

ради спасения от китайского ига и приобщения к цивилизации, идти навстречу нацменьшинствам, стремящимся из Китая вырваться в лоно Российской империи.

Экспансионистский евроцентризм и насаждение европейских ценностей силой оружия среди варваров для их же блага не были, собственно, открытием Пржевальского. Подобные представления – достаточно вспомнить Р.Киплинга – характерны для имперской идеологии периода колониальных захватов. Учёный натуралист, которым двигало "сильное чувство цивилизатора", был империалистом в классической европейской упаковке XIX века. Чтобы Россия не отстала от других в обеспечении собственных интересов, он стремился поставить её в ряд с прогрессивной Европой (Лукин А. Русские учёные-востоковеды о Китае // ПДВ. – 1998. – № 6. – С. 110).

В российских СМИ время от времени публиковались статьи доморощенных шовинистов, поддерживавших политику захвата Маньчжурии и призывавших к разделу Китая. "Новости" 28 января 1895 г. писали: "Теперь-то и представляется вполне удобный случай разом и без хлопот покончить с Китаем, разделив его между главными заинтересованными европейскими державами" (Цит. по кн.: Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. – М., 1977. – С. 46-47).

Проф. Ф.Ф.Мартенс, в отличие от Пржевальского, считал, российская деятельность в Китае не должна уподобляться политике европейских держав: "Для последних Китай есть *колония*, которую нужно эксплуатировать всеми средствами. Для России же Китай есть великое *государство*, которое имеет полное право на самостоятельную жизнь. Россия не может согласиться смотреть на китайцев, как на короля Макоко на берегах реки Конго. Нужно, чтоб европейские державы отказались от такого ошибочного взгляда на сплочённую Китайскую империю, народ которой составляет целую треть всего человеческого рода" (Записка Ф.Ф.Мартенса "Европа и Китай" // Красный архив. – 1927. – Т. 1 (20). – С. 185). Политика европейских держав спровоцировала совершенно новую "народную" войну против иностранцев. Победа в этой войне ещё возможна, однако "не разрешит нынешнего кризиса, ибо она не будет окончательною победою над Китаем", так как "никакие победы над китайскими войсками не в состоянии будут уничтожить нацию в 430 милл. людей и вырвать с корнем сорокавековую цивилизацию" (Там же, сс. 175-6). России не нужно участвовать в разделе Китая (Лукин А. Русские учёные-востоковеды о Китае // ПДВ. – 1998. – № 6. – С. 103).

В 1900 г., в разгар восстания ихэтуаней, Мартенс вновь обращается к китайской теме, на сей раз в записке "Европа и Китай", направ-

ленной в министерство иностранных дел, развивает критику западной политики в Китае, перечисляя прежние европейские грехи, к которым прибавились ещё территориальные захваты. "В виду таких обстоятельств странно удивляться, если китайскому народу европейская цивилизация представляется произведением ада и христианская религия – удобным средством в руках "заморских чертей" для уничтожения порядка, благосостояния, добрых нравов и многовековой культуры китайцев" (Записка Ф.Ф.Мартенса "Европа и Китай" // Красный архив. – 1927. – Т. 1 (20). – С. 180-181). По мнению проф. Ф.Ф.Мартенса, "Цивилизованные народы не должны никогда упускать из виду, что они – непрошенные гости в Срединной империи, что они силою взломали запоры, за которыми китайцы думали сохранить святость своих традиций, власть своего правительства, чистоту своих обычаев и неприкосновенность своих национальных идеалов. Надо же признать, что народ в 440 миллионов душ имеет неотъемлемое право жить у себя, как ему захочется" (Мартенс Ф.Ф. Россия и Китай. – СПб., 1881. – С. 82). История, тем не менее, идёт своим ходом, не ведая ни объективности, ни справедливости.

Указом Священного синода за № 2874, от 22 апреля 1902 года, все 222 убиенных за православие будут причислены к лику святых, останки захоронены в склепе, над которым будет построен храм во имя Всех Святых Мучеников.

Российские священнослужители вернулись из Шанхая, в котором спасались после освобождения международными войсками. Восстановлен на месте разрушенного подворья великолепный (с 1864 года) Успенский монастырь. Учреждена община, открыта школа для девочек, началась созидательная деятельность. Миссия по-прежнему владела Сретенской церковью при дипломатическом представительстве, церквами в Урге, Ханькоу, Пэйтахо, на станции Маньчжурия и в Харбине; появились новые миссионерские отделения – Таинское, Хайларское, Тяньцзинское с вагоном- церковью, Юнбинфуское с церковью и школой для мальчиков, молитвенный дом и мужская школа в Пекине на 30-40 мальчиков при кирпичном заводе.

"Во время боксёрского восстания 1900 года погибло 35 европейских католических миссионеров и много туземцев-католиков. До восстания католиков насчитывалось 763.000 с 945 миссионерами, а после восстания – 720 тысяч с 910 миссионерами. Протестантская миссия появилась в Китае в 1842 году, и число протестантов дошло в 1900 году до 200 тысяч. Во время восстания 1900 года протестантская миссия пострадала ещё больше католической. Более виновата католическая миссия и нехристианская политика захватов европейских государств" (119, с. 1318).

"После подавления восстания ихэтуаней деятельность христиан в Китае приняла ещё более широкий размах. К 1917 году в стране находилось уже 1,5 тыс. католических миссионеров и почти 6 тыс. протестантских. Быстрыми темпами росла численность христианской общины. В начале 20-х годов насчитывалось около 2 млн. китайцев- католиков, число же протестантов на 1948 год составляло почти 1 млн. человек. Появилась обширная сеть миссионерских учебных заведений, больниц, приютов" (118, с. 295). Протестантских общин в Китае до 40, с 1800 миссионерами и с 2080 школами.

В 1902 г. новый начальник миссии архим. Иннокентий назначен епископом в Китай с наименованием "Переяславский", учреждены новые штаты и оклады; при епископе 2 иеромонаха или священника, 1 иеродиакон и 2 причетника, при миссии – 3 иеромонаха, 1 священник, 1 катехизатор и 3 учителя китайского языка, на содержание отпускается около 20.000 рублей. На месте разрушенного подворья восстановлен Успенский монастырь, построены церковь во имя Успения, трапезная, корпус для братского общежития, школа, дом и церковь во имя св. Иннокентия иркутского для епископа, на месте погребения китайских мучеников христиан церковь Всех Святых, приют, метеорологическая станция; на кладбище выстроена церковь во имя св. Серафима Саровского.

В подворье живут: настоятель монах, архимандрит, 78 иеромонахов, 2 иеродиакона, 4 монаха, 4 рясофорных, 12 послушников, 3 священника и 3 диакона из китайцев. На монастырском дворе находится также школа для девочек, принадлежащая ведению миссии, а также Сретенская церковь при дипломатической миссии, церкви в других крупных городах Китая, миссионерские отделения с церквами и школами для мальчиков и девочек, молитвенный дом и школа в Пекине при заводе и пекинское подворье с воскресной школой в Петербурге.

Епископ Иннокентий, начальник Пекинской духовной миссии, в 1902 году писал: "Миссия прожила 200 лет своей жизнью и, может быть, проживёт ещё столько же, а русское влияние на китайской территории не может быть долговечно"[255]. Трезвый взгляд человека, непосредственно связанного с той жизнью, хотя и тот прогноз не вполне оправдался. Китайцы, умный и норовистый народ, быстрее разобрались и самостоятельно распутали чужие узы, духовные и экономические. Каким образом?

По инициативе о. Иннокентия уже в 1904 году в Харбине учреждено "Братство Православной Церкви в Китае" с отделениями на станциях Ханьдаохэцзы, Маньчжурия, Пограничная и в Цицикаре. Члены братства обязывались строго соблюдать все церковные поста-

[255] О подворьях Миссии // КБ. - 1908. - Вып. 20. - С. 4-5.

новления, вести истинно христианскую жизнь в постоянных молитвах и собеседовании. В 1904 году братство начало издавать журнал "Известия Братства Православной церкви в Китае", дающий сведения о деятельности миссии и школ. Министерство финансов учредило до 10 т.н. церквей-школ, где преподавание поручалось учителю, а священники учили только Закону Божию (119, с. 1318-1320).

*Православная миссия в XX веке. "Относительно спокойное течение жизни было нарушено в 1900 году восстанием боксёров, которые совершали нападения на членов иностранных посольств. В Пекине были сожжены христианские храмы, массово уничтожались крещёные китайцы (см. Китайские новомученики). Повстанцы осадили посольский квартал. Северное подворье русской миссии было разграблено и разрушено. Начальник миссии архимандрит Иннокентий (Фигуровский) с братией и несколькими прихожанами успел укрыться на территории Российской дипломатической миссии, где провёл два месяца. После подавления мятежа отец Иннокентий нашёл приют в одном из уголков буддийского храма Юнхэгун, открыл в нём временную церковь и своим присутствием предотвратил разграбление Юнхэгуна иностранными солдатами.

В июле 1901 года, после боксёрского разгрома миссии, обер-прокурор Синода Константин Победоносцев предлагал закрыть миссию, но предложение не было принято. Спустя всего несколько лет после полного разорения территория Миссии была восстановлена и располагала собственными хорошо оборудованными механическими мастерскими, пекарней, мыловарней, литейной мастерской, котельной, типографией, переплётными мастерскими, метеостанцией, баней, мельницей, молочной фермой, фруктовыми садами и огородами. Особую гордость составляла пасека, дававшая в год до 80 пудов отличного меда. В Западных горах, неподалеку от деревни Мэньтоуцунь, миссия купила заброшенную кумирню с участком земли и устроила там Крестовоздвиженский скит. В окрестностях Пекина и даже в соседних провинциях у неё имелись многочисленные фермы и станы..." (Википедия).

Приложение 15

Дацышен В.Г. Епископ Иннокентий (Фигуровский). Начало нового этапа в истории Российской Духовной Миссии в Пекине

Православие в Китае насчитывает более чем трехвековую историю. Русские миссионеры внесли огромный вклад в распространение христианства в Срединном государстве, они были первопроходцами отечественного и мирового китаеведения, способствовали развитию российско-китайских отношений. Но среди многих известных и выдающихся

членов Духовной Миссии и деятелей Русской Православной церкви в Китае, несомненно, выделяется личность митрополита Пекинского и Китайского Иннокентия (Фигуровского). Благодаря подвигу сына сельского священника из глухой сибирской деревушки удалось воплотить в жизнь мечту Петра I и потребность русского общества, выполнить миссию Свт. Иннокентия Иркутского – донести Православие народам Китая и заложить основы Китайской Православной церкви.

Иван Аполлонович Фигуровский родился 22 февраля 1863 г. в семье священника Кирико-Иулитинской церкви села Пановского Аполлона Иосифовича Фигуровского и жены его Матроны Гавриловны. 24 февраля он был крещён и наречён именем в честь Иоанна Крестителя. Крестными у Ивана Фигуровского стали Енисейский мещанин Степан Андреевич Кочнев и крестьянка деревни Ковригиной Еловской волости Евдокия Николаевна Зубкова. Старинное сибирское село Пановское расположено на правом берегу Ангары, в 46 верстах от Кежемского волостного правления. В то время оно было центром прихода, открытого ещё в 1787 г. В семье священника Аполлона Кирико-Иулитинской церкви было несколько детей.

Все без исключения Фигуровские были яркими личностями и внесли свой посильный вклад в развитие Православной церкви. Так, в истории Енисейской епархии навсегда остались имена старшего брата Ивана Фигуровского, Василия Аполлоновича, и племянников Александра Васильевича и Ивана Васильевича. Кандидат богословия Иван Васильевич Фигуровский был активным участником Поместного Собора Русской Православной Церкви в Москве в 1917-1918 гг.

Ко времени рождения Ивана Фигуровского его родители были уже немолодыми, матушке исполнилось 40 лет. В 1879 г., когда Иван Аполлонович учился в Томской духовной семинарии, Матрона Гавриловна овдовела. Позднее матушка Матрона постриглась в монашество и перебралась к сыну в Пекин, где она, всеми почитаемая инокиня Манефа, умерла в 1911 г. Младший брат Ивана Аполлоновича – Павел Аполлонович Фигуровский в 1883 г. окончил Красноярское духовное училище. Он состоял в качестве послушника при Архиерейском доме и в 1885 г. был назначен на место псаломщика Красноярского кафедрального собора. В дальнейшем Павел Аполлонович Фигуровский связал свою судьбу с Китаем, служил в Порт-Артуре, в Харбине, в Пекине и Шанхае.

Начальное образование Иван Фигуровский получил в Красноярском духовном училище. В 1878 г., после окончания училища, он поступил в Томскую духовную семинарию. В 1882 г., при переходе в 5-й класс, Иван Аполлонович уволился по прошению из Томской духовной семинарии и

вернулся в Енисейскую губернию. В 1883 г. И.А.Фигуровский был определён на должность псаломщика к Балахтинской Введенской церкви Ачинского округа. В документах церкви впервые его подпись появляется под "Обыском брачным" от 24 апреля 1883 г. Вскоре, 11 ноября 1883 г., Иван Аполлонович женился на старшей дочери настоятеля Введенской церкви П.А.Симонова, 18-летней Анне Петровне. Тесть Ивана Аполлоновича был в числе самых уважаемых и авторитетных священнослужителей Енисейской епархии, многие годы он был благочинным в своём округе. Но через несколько лет П.А.Симонов заболел и вскоре умер, отпевал его в кафедральном соборе сам епископ Енисейский.

В 1884 г. Иван Аполлонович Фигуровский был рукоположен в священники в Дербинской Святого Пророка Илии церкви и возглавил небольшой приход, расположенный в горах на берегу Енисея недалеко от Красноярска. В феврале 1885 г. он был перемещён из Дербинского в Верхне-Кужебарский Покровский приход. Иван Аполлонович, волею судеб и церковного начальства, попал на самый край русской земли, далее села Верхне-Кужебарского до самой границы с Китаем не было русских селений. Верхне-Кужебарскую Покровскую церковь построили в 1854 г. переселенцы из Орловской губернии, русские переселенцы и составляли всё население прихода. Иван Аполлонович оказался на границе с Китаем, но в тот период о миссионерской работе среди населения соседней империи речи ещё не шло.

В "Отчёте Красноярского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1901 г." отмечалось: "...иногда заходят китайские подданные – язычники Сойоты; но миссия христианской проповеди по отношению к ним не имеет никаких плодов". На крайнем юге Енисейской губернии Иван Аполлонович Фигуровский работал недолго, в начале 1886 г. "Енисейские епархиальные ведомости" сообщили, что 19 декабря 1885 г. "Священник села Кужебарского, Минусинского округа, Иоанн Фигуровский... отчислен от занимаемой должности по прошению".

С 1886 г. начинается новый этап жизни Ивана Аполлоновича, он покинул Сибирь и уехал учиться в столицу. В мае 1886 г. священник И.А. Фигуровский был принят в число воспитанников 4-го класса в духовную семинарию в Петербурге, которую окончил в 1888 г. Затем, в 1888 – 1892 гг., Иван Фигуровский был студентом Петербургской духовной академии, в этот период, в 1890 г., он был пострижен в монахи и принял имя Иннокентий. В 1892 г. иеромонах Иннокентий получил степень кандидата богословия и был назначен на должность смотрителя Александро-Невского духовного училища. В 1894 г. он рукоположен в сан архиманд-

рита и стал ректором духовной семинарии в Петербурге. Вскоре Иннокентий стал настоятелем второклассного монастыря и в 1895 г. назначен в миссионерский Покровский монастырь в Москве.

28 сентября 1896 года "По указу Его Императорского Величества, Святейший Правительствующий Синод имели суждение..." "...уволить архим. Амфилохия, по прошению, от должности Начальника Пекинской Духовной Миссии, назначить на его место, в сию должность, настоятеля Московского Покровского миссионерского монастыря архим. Иннокентия". Перед новым главой Духовной Миссии в Пекине не ставились какие-либо специальные задачи. Архим. Иннокентий должен был, как и все его предшественники, проехать через Сибирь и Монголию, сменить начальника 17-й Миссии Амфилохия Лутовина и взять под свою опеку немногочисленную православную китайскую общину, несколько сотен человек. В октябре 1896 г. Синод даже успел принять решение о выдаче 2009 руб. 72 коп. на проезд от Москвы до Кяхты и 300 руб. на проезд от Кяхты до Пекина. Однако о. Иннокентий поехал в Китай другим путём, тем, что следовали на Дальний Восток христианские миссионеры начиная с раннего средневековья.

Перед отъездом в Китай о. Иннокентий посетил бывшего главу 16-й Миссии вл. Флавиана. По совету обер-прокурора Синода архим. Иннокентий по дороге в Китай посетил Западную Европу, познакомился с работой нескольких миссионерских учреждений в Лондоне, в Оксфорде посетил единственный протестантский миссионерский монастырь. В Париже он ознакомился с работой миссионерской семинарии, готовившей специалистов для работы на Дальнем Востоке, в Риме осмотрел монастырь траппистов (молчальников). На Афоне о. Иннокентий надеялся найти подвижников, готовых отправиться на Дальний Восток с Православной миссией, но среди местных монахов не нашлось желающих поехать в Китай. Последней остановкой Начальника Миссии на пути к новому месту службы стало посещение Святой Земли в Палестине. Весной 1897 г. архим. Иннокентий прибыл в Китай, по дороге он посетил Шанхай и 1 марта 1897 г. приехал в Тяньцзинь, откуда проследовал в Пекин.

В конце XIX в. Российская Духовная Миссия в Пекине переживала не лучшие времена. По штату, утверждённому в 1876 г., в составе Миссии был архимандрит, 3 иеромонаха, священник, катехизатор и 3 ученика китайского языка. 16-ю Духовную Миссию (1878-1884) возглавлял архим. Флавиан (Городецкий). "В короткий период начальствования этого иерарха деятельность наших миссионеров имела характер преимущественно учено-издательский". Миссия была не просто малочисленной, но в некоторые периоды в Пекине оставался из

миссионеров лишь один архимандрит Флавиан. Большим достижением Миссии было начало православного богослужения в Пекине на китайском языке. В 1882 г. первый китаец, Митрофан Цзи, был рукоположен святителем Николаем Японским в священники.

Во главе 17-й Миссии (1884-1896) находился архим. Амфилохий (Лутовин). В этот период деятельность Миссии сводится до минимума, число её членов временами сокращалось до 2-х человек. Из достижений этого периода следует отметить расширение географии деятельности Миссии, открытие новых церквей и приходов. Состояние Российской Духовной Миссии в Пекине к концу XIX в. было таковым, что она не могла в полной мере даже обслуживать духовные потребность немногочисленного русского населения в Китае. Консул в Фучжоу Н.А.Попов жаловался посланнику в 1895 г., что за прошедшие 13 лет Духовная Миссия лишь дважды командировала своего члена, иеромонаха Амфилохия в этот порт. Не было постоянного священника даже в Тяньцзине. С трудом решались проблемы с обеспечением священнослужителями уже построенных церквей. В консульскую церковь в Урге постоянный штат был назначен лишь в 1892 г. из клира Забайкальской епархии, в ведение Пекинской Духовной Миссии эта церковь была передана ещё позже. В построенную в 1885 г. православную церковь в Ханькоу постоянный священник был назначен также лишь в 1892 г., однако вследствие скандала он вскоре покинул приход, а на его место с зачислением в состав Духовной Миссии прибыл священник Н.П.Шастин из Урги, в будущем ставший выдающимся миссионером.

В 1894 г. православный храм, вмещавший до 80 человек и имевший флигеля для священника и сторожа, был построен в Калгане. Церковь была передана в ведение Православной Российской Миссии в Пекине, но так и не получила своего священника, до разрушения в 1900 г. туда иногда приезжал иеромонах из Пекина. В других регионах Китая, где имелось русское население, православных церквей и священников не было, даже в Синьцзяне. Ещё в 1899 г. обращение к председателю Миссионерского общества митрополиту Московскому с просьбой о выделении денег на постройку церкви в Кульдже и командировании туда иеромонаха осталось без удовлетворения.

До конца XIX в. Российская Духовная Миссия не занималась активной миссионерской деятельностью в Китае. Сами миссионеры не верили в возможность широкого распространения православия и христианства вообще в китайском обществе. Об этом свидетельствует замечание Начальника отряда судов в Тихом океане А.Б.Асланбегова:

"На вопрос мой, когда Китай сделается христианским государством, О. Флавиан ответил: "Никогда". Я на это не могу согласиться...".

Отсутствие у Духовной Миссии в Пекине возможности, средств и желания активно заниматься миссионерской деятельностью в Китае привело к тому, что к конце XIX в. на огромной территории Центральной и Восточной Азии, среди различных народов, стоявших на разных ступенях общественного развития, не велось никакой православной миссионерской работы. В Китае было менее 500 православных китайцев, большая часть из которых придерживалась христианства не благодаря трудам миссионеров, а в силу традиций или служебных обязанностей. Таким образом, Иннокентий в Пекине мог воспользоваться огромным интеллектуальным багажом, накопленным миссионерами в изучении Китая, но Миссия не имела богатых традиций миссионерской работы, лишь первый опыт службы на китайском языке и работы китайского священника и катехизаторов.

С первых же дней своей службы в Пекине архим. Иннокентий принялся за дело. 22 марта 1897 г. Иннокентий принял капиталы Пекинской Миссии, хранящиеся в Пекинской конторе Гонконг- Шанхайского банка – 14 674 лан, документы на земли и имущество Миссии. В первую очередь он с помощью купца и подвижника русского дела в Китае А.Д.Старцева, открыл типографию и переплётную мастерскую. Иннокентий Фигуровский понимал, что без печатного слова активная проповедь невозможна, а серьёзная работа требует знания китайской культуры и обобщения всего опыта российских и зарубежных миссионеров и учёных.

Глава Миссии сразу же приступил к изучению китайского языка и организовал работу по составлению словарей и переводу на китайский язык богослужебной литературы. Позднее "Китайский Благовестник" отмечал: "Начальник Миссии, бывающий за службами так же ежедневно утром и вечером, изучив китайский язык, ныне закончил издание монументального полного Русско-Китайского словаря".

Вскоре новому Начальнику Миссии предстояло тяжёлое испытание: архим. Иннокентий серьёзно заболел. Более двух месяцев он провёл в госпитале и в санатории на территории Японии, откуда вернулся лишь в октябре 1897 г. Испытание придало Иннокентию новые силы, и он с ещё большей энергией занялся миссионерской работой. В 1898 г. в Пекин приехали единомышленники и будущие надежные помощники Начальника Миссии, иеромонах Авраамий (Часовников) и диакон В.Скрижалин. Достаточно сказать, что Авраамий, ставший на долгие годы "правой рукой" Иннокентия, был выпускником Императорской Академии Художеств и

Петербургского Археологического института, и перед приездом в Пекин окончил в Казани Миссионерские курсы по монгольскому отделению.

В 1898 г. архим. Иннокентий купил несколько участков земли под будущие миссионерские учреждения. На берегу моря около города Юнпинфу Миссия купила две десятины земли, на пожертвования купца Батуева. Вл. Иннокентий устроил скит около Бэйтайхэ (Пэйтайхо), в местечке Цзиньшань-цзуи. В течение лета-осени 1898 г. там была построена церковь, ставшая на многие годы центром миссионерской работы в северной части столичной провинции Чжили. Летом 1898 г. Миссия приобрела в вечную аренду участок земли близ дачного европейского посёлка Кулинь в провинции Цзянси, около Ханькоу. За неимением сил, это приобретение использовалось лишь в материальных целях, земля сдавалась в аренду участками под условие экстерриториальности, распоряжался недвижимостью консул А.С.Вахович.

Первые годы службы о. Иннокентия (Фигуровского) в Пекине пришлись на самое тяжёлое для христианства в Китае время. Ещё накануне, во время войны Китая с Японией, возникла угроза для русских в столичном районе Цинской империи. В ноябре 1894 г. был поставлен вопрос о возможном выезде посланника из Пекина, А.П.Кассини обратился к С.П.Тыртову с просьбой приготовить десант из 25 – 30 матросов для охраны российской дипломатической миссии в Пекине. Во время войны в Калгане стали распространяться слухи о том, что виновницей войны является Россия, около русских домов стали собираться толпы и угрожать русским расправой.

Антирусские волнения в Калгане прекратились лишь после присланного из Пекина императорского указа, говорящего о том, что русские помогают Китаю, и объявляющего о наказании тех, кто распространяет ложные слухи. В 1895 г. советник министра иностранных дел В.Н.Ламздорф отметил в своём дневнике: "Телеграмма от графа Кассини, нашего посланника в Китае, датированная ... 3 (15) февраля, рисует положение в самых мрачных красках. В недалеком будущем можно предвидеть свержение династии, общий развал империи и избиение иностранцев".

В 1897 г., когда о. Иннокентий прибыл в Пекин, напряжённость спала и сложилась благоприятная ситуация для развития русско-китайских отношений. Союзный договор и пакет двухсторонних соглашений вызвали взаимодействие двух народов и культур. В Китай ехали работать специалисты, значительно оживился интерес китайцев к русской культуре, русские инженеры и техники появились в Маньчжурии и Синьцзяне, военные инструкторы в Чжили, китайские студенты впервые приехали в Петербург. Пиком подъёма русско-китайского сближения стал пышный

приём в Пекине русской делегации во главе с Э.Э.Ухтомским в мае 1897 г. Благоприятный период продолжался недолго. К началу 1898 г. двухсторонние отношения ухудшились из-за Порт-Артура, а бесконечные уступки Китая западным державам вызвали рост антииностранных настроений. В 1898 г. в руководстве Цинской империи разразился кризис, различные группировки попытались провести в жизнь свои рецепты избавления страны от "заморских дьяволов". Инициатива в управлении Китаем на некоторое время перешла в руки молодого императора Гуансюя, принявшего сторону реформаторов и попытавшегося освободиться от опеки старой императрицы Цыси.

Группировка реформаторов придерживалась антирусских настроений, планировался даже перенос столицы Китая в район Шанхая. В сентябре 1898 г. обе дворцовые группировки выступили против иностранного вмешательства, но под предлогом защиты страны от европейцев начали эскалацию военного противостояния, чем и ускорили развязку. Императрица Цыси вернула себе всю полноту власти и поддержала консерваторов, но это, вопреки ожиданиям, привело к росту антирусских настроений в руководстве Китая, что подтвердилось начавшимися кадровыми перестановками в провинции Чжили. Россия не вмешивалась в борьбу в руководстве Китая. Российский поверенный в делах в Пекине А.И. Павлов впервые сообщил в МИД о реформах Гуансюя лишь в конце лета, через 3 месяца после их начала. Но в китайском обществе события, происходившие при Дворе, были восприняты как происки иностранцев. В сентябре 1898 г., на следующий день после казни шести активных сторонников реформ, в Пекине произошли антииностранные выступления, поддержанные войсками генерала Дун Фусяна.

Державы ответили на это отправкой военных кораблей на рейд крепости Дагу, в конце сентября 1898 г. на берег были высажены европейские десанты, в том числе русский отряд, численностью около ста человек, английский и немецкий. Численность русского отряда составляла около 100 человек. 1 октября русские моряки и казаки под командованием лейтенанта А.Н.Неёлова и сотника В.Г.Раткевича заняли посты в Пекине. Покинул китайскую столицу русский десант только 22 марта 1899 г., после того как были выведены войска Дун Фусяна и прекратились антирусские провокации.

Временное затишье в Пекине не означало стабилизации ситуации в Китае. В это время в соседней провинции Шаньдун началось антихристианское движение ихэтуаней (боксеров), а в Маньчжурии развернулись антирусские выступления. Весной 1900 г. движение ихэтуаней распространилось в столичную провинцию Чжили и переросло в

массовое восстание против христиан и иностранцев. В Пекине появилось множество листовок, объявивших: "Ныне небо, прогневавшись на учение Иисуса за то, что оно оскорбляет духов, уничтожает святое (конфуцианское) учение и не почитает буддизма, убрало дождь и послало 8 000 000 небесных воинов для уничтожения иностранцев".

Все усилия иностранных держав заставить власти Китая принять эффективные меры против восставших и самостоятельно остановить развитие восстания не привели к успеху. В мае восстание охватило всю столичную провинцию, 23 мая ихэтуани стали входить в Пекин и объединяться с регулярными войсками, отец наследника цинского престола призвал народ к уничтожению иностранцев, а 4 июня 1900 г. иностранные войска развернули боевые действия против вооруженных сил Цинской империи.

Архим. Иннокентий до последнего, несмотря на опасность для жизни, поддерживал свою китайскую паству. Весной 1900 г. он посетил отдалённый миссионерский стан в Бэйтайхэ. В конце мая, когда уже были жертвы не только среди китайских христиан, но европейских миссионеров, Иннокентий выезжал в деревню Дундинань, расположенную в 50 верстах от Пекина. О. Архимандрит посетил семьи крестьян, провёл службу в местной церкви, он не смог спасти свою православную паству от расправы религиозных фанатиков, но сделал всё от него зависящее, чтобы поддержать их дух в трагическое для христиан время. До последнего Иннокентий отказывался покинуть Духовную Миссию и перейти под охрану русского отряда на территорию посольства.

Врач В.В.Корсаков вспоминал: "... утром 26-го мая русский посланник в Пекине М.Н.Гирс лично отправился к архимандриту о. Иннокентию и убеждал его оставить Миссию... После долгих убеждений о. архимандрит согласился...". Архим. Иннокентий, получив гарантии китайских властей сохранности Духовной Миссии, взяв с собой лишь ценную церковную утварь и образ Свт. Николая, вместе с иеромонахом Авраамием и диаконом В.И.Скрижалиным переехал в Российскую дипломатическую миссию.

Лето 1900 г. стало тяжелейшим испытанием для Вл. Иннокентия, на его глазах уничтожалось всё, что было создано трудами его и его предшественников. Подворье Российской Духовной Миссии с библиотекой, богадельней и школами было уничтожено вечером 31 мая, по свидетельству очевидцев, в его разграблении приняли участие китайские солдаты, оставленные властями для охраны российского имущества. Вскоре было сожжено русское кладбище, памятники разрушены, могилы разрыты и кости почивших выброшены из могил. В 1900 г. полностью были разру-

шены церкви в Дундинане, Бейтайхэ и Калгане. Восставшие в мае – июле 1900 г. замучили до смерти 222 православных китайца, среди которых был и первый китайский священник Митрофан Цзи.

Архим. Иннокентий вместе с другими членами Духовной Миссии, иеромонахами Николаем Шастиным и Авраамием Часовниковым, дьяконом В.И.Скрижалиным и др., а также китайцами христианами пережил двухмесячную осаду дипломатического квартала. Посольский квартал обороняли объединённые силы иностранцев численностью около 450 человек, они защищали от расправы более тысячи гражданских лиц иностранцев и более трёх тысяч китайских христиан. Большая часть гражданских лиц, в том числе и русские укрылась в английском посольстве, но архим. Иннокентий остался с русским отрядом. Российское посольство летом 1900 г. оборонял отряд в составе 74 моряков, 7 казаков посольского конвоя и около 10 волонтёров.

В течение июня осаждённые вели тяжёлые бои, был момент, когда русское посольство даже было оставлено, затем вновь возвращено, защитники несли потери. Госпиталь для раненых был устроен в английском посольстве, но первая помощь во время боя на территории русской Миссии оказывалась архим. Иннокентием. Благодаря его умению и мужеству большая часть раненых была спасена и вернулась в строй. Не меньшее значение для защитников миссии имела и духовная поддержка. О том, сколь тяжела была психологическая нагрузка для людей, оказавшихся в ситуации, говорят многие факты. Так во время осады посольского квартала потерял рассудок норвежский миссионер, выбежал к китайцам и пропал без вести служащий Русско-китайского банка. Всего за время осады в русском отряде погибло 5 человек, двое умерло и до 19 человек было ранено.

1 августа 1900 г. русские войска под командованием генерала Н.П. Линевича совместно с союзниками штурмом взяли Пекин. Поскольку Цинский двор покинул китайскую столицу, то руководство России приняло решение временно перевести дипломатическую миссию в Тяньцзинь и вывести войска. К середине октября из русских войск в Пекине осталась лишь рота стрелков и 10 казаков. Российские власти не считали возможным разрешить православным миссионерам остаться в китайской столице, Российская Духовная Миссия по распоряжению посланника в сентябре выехала в Тяньцзинь. Вместе с о. Иннокентием из Пекина без средств к существованию выехало 70 православных китайцев. Однако испытания не сломили вл. Иннокентия. Несмотря на потери и настроения в руководстве России он не отказался от своей Миссии. В Тяньцзине осенью 1900 г. миссионеры купили двор в китай-

ском городе, 16 комнат и участок земли, на котором возвели постройки. Вскоре там была открыта школа для китайских детей.

Влиятельные силы в руководстве России не желали рисковать своими материальными и политическими интересами в Китае из-за Православной Миссии. Из Петербурга пришёл приказ выехать из Китая в Порт-Артур или в Сибирь. Однако архим. Иннокентий не выполнил этого приказа, православные миссионеры не покинули свою паству в Пекине и Тяньцзине. Сам Начальник Духовной Миссии для продолжения миссионерской деятельности решил переехать на юг Китая. В октябре 1900 г. архим. Иннокентий с двумя китайскими сиротами отправился в Шанхай, где приобрёл участок земли и дом. В марте 1901 г. начался набор китайцев в православную школу в Шанхае. Так, в трудное для христианства и православного миссионерства в Китае время архим. Иннокентий заложил новый центр Православной церкви в Китае. Это признают и подтверждают современные китайские историки.

В это время судьба Российской Духовной Миссии в Пекине решалась в Петербурге. Архим. Иннокентий в июле 1901 г. был вызван в Россию для решения вопроса о полном прекращении Православной миссионерской деятельности в Китае. Прежде чем покинуть Китай Начальник Миссии вернулся в Чжили, школа в Шанхае была оставлена на попечение диакона Сергия Чана. В Пекине о. Иннокентий купил вокруг Северного подворья для Миссии 36 фанз и княжеский дом. Миссия в Пекине была оставлена на попечение иеромонаха Авраамия, вл. Иннокентий же успел перед отъездом съездил в Бэй-тайхэ, где его стараниями началось восстановление разрушенного храма.

В Петербурге Иннокентию пришлось проделать большую работу, однако ему удалось переломить настроения властей. От вопроса закрытия Миссии вновь вернулись к старой проблеме – необходимости открытия в Китае епископской кафедры. Прежде дважды поднимался вопрос о создании епископской кафедры в Пекине, в начале XVIII в. и в 1861 г.

В 1721 г. на место епископа в Пекине был назначен вл. Иннокентий (Кульчицкий), наречённый и рукоположенный во епископа Переславского. Но первому епископу так и не удалось добраться до Пекина, кафедру в Китае открыть не удалось. В 1863 г. вновь было принято решение об открытии кафедры, но не нашлось средств, а возможно, не оказалось человека, способного воплотить это решение в жизнь. В январе 1902 г. в Петербурге вновь приступили к рассмотрению предложения "поручить управление церковными делами в Маньчжурии и вообще в Китае Начальнику нашей Духовной Миссии в Пекине с возведением его в сан Епископа".

6 апреля 1902 г. царским указом Начальник Духовной Миссии в Пекине получал сан епископа с присвоением наименования "Переславский", в соответствии с наименованием первого епископа, назначенного в Китай в 1721 г. Ежегодное содержание Миссии было увеличено на тысячу с небольшим рублей и определено в 16 800 руб. 3 июня 1902 г. в Александро-Невской лавре о. Иннокентий (Фигуровский) был возведён в сан епископа Переславского. К началу июля 1902 г. вл. Иннокентию удалось сформировать окончательный состав Миссии в количестве 34 человек, в числе которых было четверо с академическим образованием, а также 10 послушников, мастеровые и проч. Вместе с епископом Иннокентием в Китай отправились иеромонахи Симон, Неофит и Пимен, диакон Нил Милютин, иеродиакон Симон, псаломщик Илларион Туркевич и другие.

8 июля 1902 г. члены Миссии, выехали из Петербурга на восток по железной дороге в двух специально предоставленных для них вагонах. Вскоре газеты родной для Иннокентия Енисейской губернии сообщили: "Проездом из Петербурга в Пекин 21 с. июля в Красноярске останавливался Начальник Пекинской Духовной Миссии преосвященный Иннокентий". По железной дороге Миссия доехала до Порт-Артура и 13 августа прибыла в Пекин. Епископ Иннокентий вместе со своими соратниками поселился недалеко от развалин подворья Российской Духовной Миссии в Пекине.

"К 1916 году число православных китайцев достигло 5587 человек, причём в 1915 году было крещено 583. По отчёту за 1916 год, Миссия в своём ведении имела: 2 монастыря в Пекине и один скит близ Пекина, 5 подворий (в России), 19 церквей, 3 часовни и 5 кладбищ, семинарию в Пекине, 18 мужских и 3 женских школы, богадельню.

После 1917 года, в Гражданскую войну и последующие десятилетия, православная миссия в Пекине давала временный приют и заработок многим русским беженцам. Некоторые из них постриглись в монахи и остались в Успенском монастыре, большинство же находило здесь короткую передышку на пути в эмиграцию". (Википедия)

"Революция и гражданская война, терзавшие Россию несколько лет подряд, выплеснули за границы страны несколько миллионов беженцев. Россия буквально взорвалась выпущенными переселенцами. Такого грандиозного "исхода" граждан страны в чужие пределы история ещё не знала. Северные, южные и дальневосточные порты России вынесли в мир огромную волну эмигрантов, рассеявшихся по всему свету. Прокатившийся через Сибирь многосоттысячный поток беженцев затопил

Манчжурию, Китай, Корею и Японию. Только в Китае, по некоторым данным, в изгнании оказалось около 400 тысяч русских людей.

Очутившись в новой, неизвестной, чуждой среде, русские беженцы не встретили здесь ни сострадания, ни понимания. Пока невзгоды их сохраняли ещё печать новизны, они возбуждали интерес и любопытство китайцев, не более того. Впрочем, как свидетельствуют очевидцы тех событий, и это быстро проходило, уступая место равнодушию, если не раздражению и враждебности. Отдельные отрадные исключения только подтверждали это печальное правило, а после того, как в 1921 году советское правительство лишило эмигрантов российского гражданства, ко всем прочим бедам русского расселения добавилась ещё полная юридическая беззащитность.

Лишившись Родины и оказавшись в чуждом "желтолицем" Китае, эмигранты страшной ценой платили за своё право на безопасную жизнь после лишений и ужасов революции и гражданской войны. Утеря родных корней и тоска по своей обезображенной Родине означали для многих из них медленную духовную смерть. Боль утрат и взаимные обиды порождали в эмигрантской среде противоречия и недоразумения, горячие споры и взаимные обвинения, но всё это бурление касалось большей частью вопросов сиюминутнополитических, партийногрупповых. От окончательного раскола, опустошения на чужбине спасало вероисповедное и мировоззренческое единство изгнанников, большинство из которых были верующими. Русская православная церковь, сформировавшая свой клир из числа архиереев и священников, стала единственной силой, помогавшей выжить, она оставалась главным свободным носителем традиционного русского самосознания, хранительницей отечественной духовной культуры и русских национальных традиций. Она объединяла и сплачивала невольных изгнанников, утешала, вдохновляла, поддерживала и благословляла.

Для лишённых Родины людей православная церковь осталась, по сути, единственной зримой и осязаемой частицей русской культуры, оплотом русского духа за рубежом, она разделила с изгнанниками их участь. Эту миссию трудно переоценить. В тяжёлые моменты своей жизни в переполненных приходах Шанхая, Харбина, Дайрена и других городов Манчжурии православные беженцы обращались к Богу, молились за лучшую свою участь, за родных и близких, за благополучие несчастной своей России. Кафедральные соборы и простые приходы в русских колониях были как бы духовными оазисами, островками прежней православной России спокойной, неторопливой, гостеприимной и хозяйственной. Здесь русские люди, потерявшие царя и изгнанные за

пределы Отечества, бережно сберегали православную веру, нашу духовность. Храмы стали для эмигрантов центрами их духовного единения. Они приходили сюда и окунались в атмосферу России.

Только в Харбине насчитывалось 25 православных храмов и приходов. Когда в Москве снесли Иверскую часовню, в Харбине освятили её копию. Когда в Москве взорвали храм Христа Спасителя, в Харбине был построен самый большой храм Благовещенский. Харбин был единственным местом в мире, где всем городом отметили 950-летие Крещения Руси…

В Харбине образовался и мужской православный монастырь. Интересна история его создания. Его основали бежавшие от большевиков после гражданской войны монахи известного на всем Дальнем Востоке Шмаковского монастыря. В 1923 году оказавшиеся на чужбине монахи объединились под началом архим. Ювеналия с мыслью создать монастырь в Харбине.

Первое время монахи снимали небольшой дом в пригороде Харбина, в Новом Модягоу. В начале 1924 года архим. Ювеналий обратился в Земельный отдел КВЖД с просьбой выделить участок под строительство монастыря. Начальник Земельного отдела КВЖД Н.Л. Гондатти пошёл навстречу бедствующим монахам и выделил им 1700 кв. сажень. 17 августа 1924 года состоялась торжественная закладка монастыря в честь Казанской иконы Божьей матери, и уже 20 декабря года состоялось торжественное освящение здания монастыря. Весной 1925 года приступили к постройке двухэтажного братского корпуса, 27 октября того же года он был построен. На следующий год монахи-строители воздвигли над церковью величественную колокольню. Строились и хозяйственные помещения, больница.

В 1928 году стала работать собственная монастырская типография, где печаталась разнообразная религиозная литература. Ежемесячно выходил религиозно-нравственный журнал "Хлеб небесный", пользовавшийся особым спросом у православных эмигрантов. Становление монастыря было нелёгким. Журнал "Хлеб небесный" писал: "Да, надо сознаться, что устроение здесь, на чужбине, монастыря, да и вообще вся жизнь здесь монастырская сопряжена с большими материальными затруднениями и тяжёлыми скорбями. Всё время приходилось, да и теперь приходится, обращаться к добрым людям за помощью. Но это ведь не так легко, так как просят помощи и многие другие: то на построение храма, то на какое-нибудь благотворительное учреждение"[256] (КБ. – 2000. – №1).

[256] Кочубей О.И., Печерица В.Ф. Из истории русской церковной эмиграции в Китае // Дальний Восток и вопросы истории, культуры и экономики. - Владивосток, 1997. - Вып. 2. - С. 25-35.

Русак В.С. Православие в Китае в XX веке[257]:

"Среди православных священнослужителей, оказавшихся в Китае после революции 1917 года и осевших поначалу в Харбине, были архиепископ Мефодий (Герасимов), архиепископ Мелетий (Заборовский), бывший Забайкальский, находившийся в подчинении Пекинской епархии и возглавлявший приходы этой епархии в Маньчжурии, и епископ Камчатский Нестор (Анисимов), имевший две церкви при Доме Милосердия и пользовавшийся самостоятельностью, т.е. подчинявшийся непосредственно Заграничному Синоду, так как имел на это самостоятельное положение, благословение Владивостокского епархиального архиерея, архиепископа Евсевия (впоследствии митрополита Крутицкого, ближайшего помощника патриарха Тихона), в те времена, когда Церковь в Маньчжурии была частью Владивостокской епархии.

Впоследствии были посвящены в архиерейский сан в качестве викариев Харбинского митрополита протоиерей Николай Вознесенский (отец будущего главы Зарубежной Церкви митрополита Филарета), ставший епископом Димитрием Хайларским, и архимандрит Ювеналий, ставший епископом Цицикарским. И, наконец, уже во время войны протоиерей Леонид Викторов был рукоположен во епископа с именем Никандр. Сюда же, в Маньчжурию, после революции прибыло и много полковых священников, служивших в русской императорской армии.

Число русских жителей Маньчжурии, обслуживавших Китайско- Восточную железную дорогу (КВЖД), значительно увеличилось за счёт прилива эмигрантов из восточных частей России, особенно из Сибири. По некоторым оценкам, сразу после революции в Китай эмигрировали около 500 тысяч человек. На 1922 год только в Маньчжурии проживало около 300 тысяч русских. В конце этого года, когда пало последнее белое правительство генерала Дитерихса во Владивостоке, сюда переместились остатки Белой Армии и часть населения Приморья. В то же приблизительно время и несколько позднее произошло массовое переселение в Маньчжурию забайкальских казаков, осевших в области Трехречья. О приблизительном количество русских, проживавших в Маньчжурии после этих событий, можно лишь предполагать.

В каждом городе, в каждом сколько-нибудь крупном посёлке были построены православные храмы. К 1930 году в Маньчжурии было свыше 80 православных храмов. В одном Харбине их было 26. Первые годы после революции Церковь пользовалась здесь всяческой поддержкой со стороны администрации КВЖД, вдоль которой в основном и проживали

[257] Русак В.С. Православие в Китае в XX веке // Макарьевские чтения: материалы восьмой междунар. конф. (21-23 нояб. 2009 г.) / В.Г.Бабин. - Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009. - С. 294-319.

русские. Вся жизнь в Маньчжурии, особенно в Харбине, была пропитана церковностью. Многочисленные храмы во все праздничные дни неизменно были переполнены. На Великий Пост прекращались все общественные увеселения. Даже некоторые кинематографы закрывались на весь Пост, а на первую неделю Поста и на Страстную закрывались многие. Столь большой процент русского населения соблюдал посты, что китайские лавочники приходили к священникам, спрашивая их, когда начинается тот или иной пост, чтобы в связи с этим больше или меньше заказывать мясных и молочных продуктов у оптовиков.

В апреле 1920 года Пекин пережил грандиозное волнующее событие: сюда были доставлены тела алапаевских мучеников: Великого Князя Сергея Михайловича, Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны, Князя Игоря Константиновича, Князя Константина Константиновича младшего, Князя Иоанна Константиновича, Графа Владимира Павловича Палей и монахини сестры Варвары. Гробы были встречены крестным ходом и перенесены в церковь Серафима Саровского на кладбище Духовной Миссии. После совершения заупокойного богослужения их поместили в одном из склепов, устроенных на деньги атамана Г.М.Семёнова под амвоном церкви на территории кладбища. В ноябре 1920 года тела Елизаветы Фёдоровны и её келейницы инокини Варвары были вывезены в Иерусалим, а тело князя Владимира Палея, по желанию его родных, похоронили на кладбище Духовной Миссии.

В 1920 году управлявший КВЖД генерал Д.Хорват передал власть над дорогой Русско-Азиатскому Банку, владевшему большинством акций железной дороги. В свою очередь, в этом Банке большинство акций принадлежало французам, и, таким образом, на некоторое время русские владения в Маньчжурии оказались отчасти под протекторатом Франции. Русско-Азиатский Банк назначил управляющим КВЖД энергичного и талантливого инженера Б.Остроумова. При нём Русская Маньчжурия и Православная Церковь в Маньчжурии пережила короткий, но яркий период расцвета.

Стремление к упорядочению церковной жизни в условиях оторванности от Московской церковной власти привело к образованию в 1921 году Пекинской, во главе с начальником Духовной Миссии архиепископом Иннокентием (Фигуровским), и Харбинской епархий, во главе с митрополитом Мефодием (Герасимовым), находившихся в ведении Зарубежного Архиерейского Синода. С самого начала, с момента образования этих епархий, между их епархиальными архиереями возникли трения по вопросу о первенстве и главенстве.

Уже на первом Епархиальном Собрании Харбинской епархии в 1922 году было возбуждено ходатайство перед зарубежным Архиерейским Синодом временно открытую Харбинскую епархию утвердить постоянной. Но ходатайство было отклонено Архиерейским Синодом в виду того, что образование самостоятельной Харбинской епархии было опротестовано Владивостокским епископом Михаилом и Архиепископом Пекинским Иннокентием. Архиепископ Иннокентий сам претендовал на полное подчинение ему Харбинской епархии.

И в дальнейшем, как пишет известный историк и архивист А.В. Попов, русская жизнь в Китае характеризовалась бесконечными тяжбами и взаимными обвинениями между клириками Пекинской Духовной Миссии и Харбинской епархии. В частности, митрополит Мефодий в своих письмах в Архиерейский Синод РПЦ за границей неоднократно обвинял Архиепископа Иннокентия в неправославии и уклонении его в католичество, в признании им ошибочного католического учения о приматстве апостола Петра, на котором католическая теология построила своё учение о папском всевластии (непогрешимости).

Архиепископ Иннокентий должен знать, что говорит, – писал митрополит Мефодий в зарубежный Архиерейский Синод в 1926 году, – если он так говорит, то ему приличнее быть в рядах епископов – послушников папы, а не в рядах православных епископов... Имеет ли после этого Архиепископ Иннокентий даже нравственное право домогаться какого-то главенства над другими епископами. Харбинская епархия вступила уже в четвёртый год своего существования и, действуя при самых стеснённых условиях, достигла степени благоустройства прежних нормальных епархий, а посему бывшим с 24 февраля по 1 марта 1926 года третьим Епархиальным Собранием вновь постановлено ходатайствовать перед Заграничным Архиерейским Синодом об утверждении Харбинской епархии постоянной.

Представляя о вышеизложенном, беру смелость просить Архиерейский Синод: 1) признать домогательство Архиепископа Иннокентия совершенно ничтожным, не имеющим никакой силы, вносящим только смуту и нестроения в жизнь епархии, как это показал вопрос о Трехречьи, которым Архиепископ Иннокентий заинтересовался только после того, как предположил там заарендовать землю и устроить доходную статью для Пекина. 2) Подтвердить полную самостоятельность Харбинской епархии вне всякой зависимости от Пекинскаго Архиепископа, как якобы главы епископов (не существующих) народа (невернаго) китайскаго. Такое подтверждение придаст большую устойчивость порядку епархиальной жизни и больший авторитет

епархиальной власти. Вашего святейшества (? – В.Р.) нижайший послушник Мефодий, Архиепископ Харбинский и Маньчжурский.

Эти взаимные претензии привели впоследствии к образованию двух самостоятельных церковных центров – Экзархата в Харбине и Миссии в Пекине. С канонической точки зрения образование обоих этих епархий невозможно признать законным. Ярче всего это можно проиллюстрировать многочисленными нарушениями при создании Харбинской епархии.

Храмы на территории Северо-Восточного Китая с 1907 года находились в ведении Владивостокско-Приморской епархии. К 1921 году связи между Владивостоком и Харбином оставались достаточно активными, более того, советская власть на Дальнем Востоке к этому времени окончательно ещё не утвердилась. На момент провозглашения Харбинской епархии правящий архиерей, Преосвященный епископ Владивостокский Михаил, находился в Харбине, однако архиереи, принимавшие участие в учреждении Харбинской епархии, не сочли необходимым не только пригласить его на своё собрание, но даже и не поставили его в известность о фактическом отчуждении от Владивостокской епархии нескольких её благочиний.

Известна также позиция митрополита Токийского Сергия (Тихомирова), не нашедшего достаточных причин к перемене юрисдикционной принадлежности Православной Церкви в Японии. Его примеру последовал и начальник Русской Духовной Миссии в Сеуле (ему это, правда, было сделать проще в силу фактической колонизации Кореи Японией). В 1922 году Российская Православная Церковь Китая окончательно порвала связи с московской церковной властью и перешла в ведение Синода Православной Церкви за границей (находившегося в Сербии).

В 1924 году китайское правительство, следуя в русле европейской политики, признало советское правительство, в мае было подписано китайско-советское соглашение и установлены дипломатические отношения между Китаем и СССР. В этом соглашении содержался пункт, согласно которому имущество Российской Православной Церкви в Китае подлежало передаче советскому правительству. Это соглашение встретило яростное сопротивление со стороны православной общины Китая во главе с епископом Иннокентием (Фигуровским). Православная община в Китае вообще была против этого соглашения, не говоря уже о пункте, лишавшем её всего имущества. Она упорно жила надеждой на реставрацию царского строя в России и поддерживала войну Японии против Китая.

В соответствии с этим соглашением, советскому правительству были переданы все права по управлению Китайско-Восточной железной

дорогой. В Харбин был прислан советский председатель Правления дороги Д.Серебряков, впоследствии казнённый Сталиным. Появился комсомол (по-харбински – отмол), пионеры. Появились советские газеты и журналы. Началась всесторонняя коммунистическая пропаганда. Часть русских учебных заведений перешла в руки Советов.

Церковь не только лишилась поддержки железнодорожной администрации, но и стала подвергаться жестоким нападкам, как официальным, в виде всевозможных судебных преследований, так и в виде хулиганских выходок комсомольцев.

В значительной мере благодаря архиепископу Иннокентию пункт китайско-советского соглашения в части имущества (о передаче советскому правительству имущества православной общины Китая) не был во всей полноте реализован в жизни. По его инициативе Православная Миссия в Пекине разорвала отношения с Православной Церковью в СССР и официально переименовала себя в Китайскую Православную Церковь, учредив в Пекине Митрополию во главе с архиепископом Иннокентием. В состав Митрополии вошли Пекинская, Тяньцзиньская, Шанхайская, Харбинская и Синьцзянская епархии. Это позволило архиепископу Иннокентию заявить, что Православная Церковь в Китае не имеет никакого отношения ни к Российской Православной Церкви, ни к Советскому Союзу, ни к советскому правительству, и тем самым отстоять церковное достояние.

В 1928 году митрополит Сергий (Страгородский) обратился к архиепископу Пекинскому Иннокентию с письмом, в котором потребовал отчёта о состоянии церковных дел, однако владыка Иннокентий ответа не дал, опасаясь, что Московская церковная власть постарается разрушить Православную Церковь за рубежом и отобрать храмы в Китае в угоду властям СССР. Следует сказать, что опасения эти не были беспочвенными – советские дипломаты предпринимали неоднократные попытки захвата церковной собственности в Китае, однако правительство Китая, надо отдать ему должное, не признало атеистические власти правопреемником Российской Империи в вопросе владения церковным имуществом.

Окончательно церковный раскол между Церковью в Китае и Московской Патриархией оформился в 1928 году, когда ни один из архиереев на территории Китая не счёл возможным подчиниться Указу Временного Московского Священного Синода, отстранявшего от церковного служения клириков, не давших подписку о лояльности СССР. Фактически этот указ спровоцировал углубление церковного раскола на Дальнем Востоке.

Церковная жизнь в Китае в 20-30 годы характеризуется, как уже было сказано выше, постоянными конфликтами между правящими архиереями

Харбинской и Пекинской епархий. В условиях удалённости от Архиерейского Зарубежного Синода их правящие архиереи претендовали на первенство в пределах Восточной Азии. Споры между ними касались также и границ епархий, принадлежности приходов, расположенных вдоль КВЖД, а также статуса и порядка открытия Подворий Пекинской Миссии на территории Харбинской епархии. К особенностям церковной жизни можно отнести существование в Харбине Подворья Камчатской епархии во главе с архиепископом Нестором (Анисимовым), сохранившим свой прежний титул и не посчитавшим возможным принять предложение возглавить одно из викариатств Харбинской епархии.

Долгое время в Шанхае существовал приход, не подчинявшийся ни правящему Пекинскому архиерею, ни зарубежному Синоду, ни московской церковной власти, а считавший себя под омофором митрополита Евлогия. В ответ на просьбы из Шанхая митрополит Евлогий рекомендовал церковной общине по вопросам юрисдикционным обращаться к митрополиту Сергию, однако письма шанхайских прихожан в Москву оставались безответными, в связи с чем община Свято- Николаевского прихода в Шанхае в результате перешла в ведение владыки Евлогия. В 1930 году Синод Зарубежной Церкви возвёл архиепископа Иннокентия в сан митрополита, но в следующем году митрополит Иннокентий скончался" (258).

Девятнадцатая ПДМ (1931-1933)

Начальник – Симон (Виноградов), епископ / архиепископ. Симон (Виноградов) (1876-1933), архиепископ Пекинский и Китайский. В миру Виноградов Сергей Андреевич.

Родился в 1876 году во Владимире-на-Клязьме в семье священника Андрея Виноградова. В четыре года лишился матери, а в шесть лет – отца. Он, младший из четырёх детей, остался с бабушкой. С отроческих лет мечтал о монашестве. Блестяще закончил духовное училище и духовную семинарию во Владимире.

В 1898 году поступил в Казанскую духовную академию. Будучи студентом первого курса, 7 мая 1899 года пострижен в монашество ректором епископом Антонием (Храповицким) и через два дня был им же рукоположен во иеродиакона. Учась в академии, отец Симон окормлялся духовно у преподобного Гавриила Седмиозерского, у которого также окормлялись многие будущие зарубежные святители, выпускники Казанской академии, архиепископ Тихон Сан-Францисский, святитель Иона Ханькоуский и митрополит Мелетий Харбинский. Такому окормлению всячески способствовал ректор владыка Антоний.

В 1901 году отец Симон стал иеромонахом. В 1902 году окончил духовную академию со степенью кандидата богословия и с 16 мая 1902 года стал членом духовной миссии в Китае, сразу же после подавления Боксерского восстания. Восстановление миссии легло на его плечи. Некоторое время он служил на подворье Миссии в Харбине, затем был назначен помощником начальника Миссии владыки Иннокентия в Пекине. 15 августа 1907 года возведен в сан архимандрита.

С появлением в Китае русских эмигрантов служение миссии приняло иной характер. Владыка Симон проявлял особую заботу о беженцах, многие из которых были далеки от Церкви. Это было трудное служение: перенеся ледовый поход и все тяготы беженской жизни, многие семьи рушились прямо на глазах. Владыка Иннокентий категорически не допускал разводов, а число заявлений катастрофически быстро росло. Нужен был пастырский подход, и бремя нелёгких решений легло главным образом на отца Симона.

Памяти архиепископа Симона (Виноградова)

"В следующем году исполнится 60 лет со времени кончины дальневосточного учителя благочестия и чистоты – Высокопреосвященного Симона, архиепископа Пекинского и Китайского, начальника Русской Духовной Миссии в Пекине.

Первый святитель, назначенный возглавлять пекинскую миссию, был святитель Иннокентий Переяславский, позже Иркутский, чтимый в Сибири чудотворец, который так и не доехал до Пекина, ибо в грамоте на имя китайского правительства миссионер был неосторожно назван "великим господином", что являлось и титулом китайского богдыхана. По этой причине святитель Христов не был пущен в пределы Китая. До Боксерского восстания в 1900 г., когда миссия была уничтожена восставшими, Русскую Духовную Миссию возглавляли архимандриты. В 1902 г. архим. Иннокентия (Фигуровского) возвели в сан епископа, с титулом Переяславского в честь первого архиерея, избранного возглавлять миссию в Пекине.

В 1918 г. эту кафедру переименовали в Пекинскую и Китайскую. Преемником митрополита Иннокентия был Преосвященный Симон (Виноградов). Преосвященный Симон (в миру Сергей) происходил из духовной семьи. С отроческих лет в нём горело стремление к уединённой, аскетической жизни и служению Святой Церкви. Окончив Владимирскую семинарию, он поступает в Казанскую духовную академию. В то время её ректором был епископ Антоний (Храповицкий), будущий основатель Русской Зарубежной Церкви и её первый по счёту Первоиерарх.

Вот что писал митрополит Антоний в своих воспоминаниях о блаженно-почившем иерархе-миссионере:

"Преосвященного архиепископа Симона я знал как студента Казанской академии, в которой он учился с 1898 по 1902 год. Тогда ещё все товарищи его любили за его смиренный и кроткий нрав, который он сохранил до самой кончины, воспитанный с детства в благочестивой семье своего отца – ключаря кафедрального собора во Владимире – протоиерея Виноградова. Владыка Симон со своим мягким характером прослужил на суровой чужбине более 30 лет и скончался 58 лет, сократив свой век тяжкими трудами в изучении китайского языка и в проповеди Христовой веры; язык он изучил сравнительно скоро, но ещё скорее приобрёл общее уважение и любовь как русских, так и китайцев...

Со своей стороны считаю долгом заявить, что я никак не могу привыкнуть к мысли о том, что Преосвященный Симон был уже пожилым человеком, почти стариком, ибо благодаря своей кристально чистой душе он мне представлялся до последнего времени молодым студентом-монахом. В бытность его иеродиаконом, товарищи по академии называли его "мамой", чем обозначали его участливое, доброе отношение ко всем им" (из полного собрания сочинений Блаженнейшего митрополита Киевского и Галицкого Антония).

Будучи студентом академии, Сергей был пострижен в монашество с именем Симона, и в том же году, в день перенесения мощей святителя Николая, рукоположен во иеродиакона. В 1901 г. его рукоположили во иеромонахи. Окончив академию в 1902 г. со степенью кандидата богословия, иеромонах Симон назначается членом Русской Духовной Миссии в Пекине. В день Успения Божией Матери 1907 г. иеромонаха Симона возвели в сан архимандрита. В 1922 г. возложением рук архиерейских совершилась его хиротония во епископа Шанхайского, викария Пекинской епархии.

И вот, приняв евангельское иго, новохиротонисанный епископ Симон приступает к усерднейшему архипастырскому труду на ниве Божией. Его Преосвященству были присущи благоснисходительность в отношении ближних, строгость к себе, рвение к подвигам; обладая даром слова, он умел зажигать сердца пасомых добрым своим словом о свете Христовой истины.

Летом 1931 г. в Бозе почил митрополит Пекинский и Китайский Иннокентий. На его место Ариерейским Синодом Русской Зарубежной Церкви назначен Преосвященный Симон с возведением в сан архиепископа. И тут миссионер-архипастырь продолжал привлекать

людей своим благочестивым нравом, исполняя слова Давидовы: "Научу беззаконныя путём Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся".

В феврале 1933 г., в Шанхае, Преосвященный Симон преставился от воспаления лёгких. Весть о кончине его вызвала глубокую скорбь и плач сподвижников-иерархов, паствы и многих знавших его. Тело святителя погребли в склепе церкви святых мучеников, рядом с местом упокоения митрополита Иннокентия и многочисленных мучеников боксерских.

Вечная память этому многосветлому светильнику, а нам да даст Господь "узреть его в благодати Божией между праведниками, в месте светле и прохладне" (святитель Димитрий Ростовский)". Протоиерей Серафим Ган.

Архиеп. Симон (Виноградов)

17 сентября 1922 года по определению Зарубежного Архиерейского Синода он был хиротонисан в Харбине во епископа Шанхайского, первого викария Пекинской епархии.

12 мая 1926 года приезжает в Шанхай. Под его руководством появились здесь школы, больницы, здание миссии и т.д. 28 июня 1931 года, со смертью митрополита Иннокентия (Фигуровского), владыка Симон был назначен Зарубежным Синодом руководителем миссии с возведением в сан архиепископа.

Только два года правил владыка Пекинской кафедрой, но за короткое время своего правления начал сооружение величественного Шанхайского собора. Благодаря ему в Пекине появился журнал "Православный Благовестник". В середине февраля 1933 года, совершая закладку Шанхайского собора, владыка Симон простудился. Болезнь прогрессировала, и 24 февраля 1933 года он тихо скончался.

Подвижник и аскет, прекрасный проповедник. Кончина его была оплакиваема народом. В "Православной Руси" в 1950-60-х годах печатались воспоминания шанхайцев, где упоминались случаи чудесных исцелений по молитвам владыки. Свидетельства о нём также сохранились в воспоминаниях архим. Константина (Зайцева).

Воспоминания современников

Архим. Константин (Зайцев):

Жизнь владыки Симона была воедино слита с жизнью Св. Церкви. Богослужений он никогда не пропускал, даже когда недомогал. В церковь приходил всегда до начала службы, по окончании которой клал ещё много земных поклонов иконам. Во время службы владыка весь

уходил в молитву, стараясь не пропустить ни одного слова из того, что поётся и читается. Мы никогда не видели, чтобы во время службы владыка отвлекался чем-нибудь посторонним. Нам он строго запрещал разговаривать в церкви и сам первый показывал пример, как исполнять это правило. Владыка очень чуток был ко всему, что не соответствовало духу молитвы, духу церковности. Крайне сдержанный в своих суждениях вообще, в этой области он был судьею строгим и неподкупным.

Владыка был одарен глубоким и тонким художественным вкусом (он очень умело скрывал это) и всегда умел различать художественно-прекрасное от прекрасного духовно. Иконы и напевы, в которых благоговейная молитвенность сочеталась с художественным совершенством, приводила владыку в умиление. Но очень часто бывало, что он запрещал освящать икону, несмотря на её художественное совершенство, или не разрешал исполнять чуждые духу молитвы песнопения. Только слух раздражают и молиться мешают, говорил он про них.

Как-то раз владыка служил св. Литургию. Пришло время приобщаться. Владыка причастился Пречистого Тела Господня и взял уже в руки Св. Чашу. В это время певчие запели какой-то бравурный концерт. После секунды колебания владыка поставил Св. Чашу снова на Престол и молча стал ожидать конца концерта. Певчие пели довольно долго. Наконец кончили. Только тогда Владыка, помолившись, приобщился. А после службы со скорбью говорил: "Вот такое запели, что я и приобщиться не могу, а должен был ждать, пока они кончат".

Церковная активность православных в Китае[258]:

"В 1934 году в Харбине при большом стечении народа был открыт Богословский факультет имени святого князя Владимира на базе существовавших с 1928 года Высших Пастырско-Богословских курсов. Они были основаны главным образом трудами и стараниями протоиерея Николая Вознесенского. Он же стал и деканом этих курсов. Кстати, Харбинские Богословские курсы, как высшее духовное учебное заведение, были сразу же признаны Архиерейским Синодом, постановившим выдавать оканчивающим их почётные значки, довольно явственно напоминавшие старые русские академические значки. По этому поводу один старый протоиерей-академик как-то сострил: К чему теперь академические значки, если их носят и харбинские дьячки. Но если серьёзно, то уровень этих курсов был достаточно высоким.

[258] Церковная активность православных в Китае // Миссия Русской Церкви за рубежом. - Режим доступа: http://www.regels.org/Rusak.Russian-Church-3.htm.

Ещё в 1920 году в Харбине было 4 средних учебных заведения. В 1930 году их было 20. К этому времени здесь было создано 6 высших учебных заведений: Политехнический институт, Юридический факультет, Богословские курсы, выросшие в Богословский факультет, Восточно-Коммерческий институт, Педагогический институт и Институт ХСМЛ. В октябре 1927 года Харбинская епархия организовала при Иверском храме музыкальные классы под руководством педагога из киевской консерватории Б.Поповой. В качестве преподавателей этих музыкальных классов приглашались музыканты из числа беженцев-россиян, проживавших в Харбине. Сначала там были открыты три класса: фортепьянный, скрипичный и сольного пения, затем были добавлены ещё четыре класса: виолончели, вокально-хоровой, духовной музыки и хоровых дирижеров. Вплоть до 1941 года было произведено шесть выпусков, обучение прошло в общей сложности свыше 900 человек.

В школы, открытые епархиями в других местах Китая, принимались и дети верующих с китайским гражданством, что внесло определённый полезный вклад с точки зрения миссионерства и изучения культуры и искусства Китая. Здесь же, в Харбине, находился Казанско-Богородицкий монастырь, возглавлявшийся архимандритом, впоследствии епископом, Ювеналием. Иноческое братство Казанского монастыря достигало иногда 30 человек. При этом монастыре была организована не только типография, но благотворительная, в значительной степени бесплатная, прекрасно оборудованная больница. Настоятельница Богородице-Владимирского женского монастыря игуменья Руфина приобрела в своё время особенную известность среди японцев, предсказав японской Императрице рождение у неё наследника престола, будущего принца Акихито.

Дом Милосердия архиепископа Нестора занимал особое место в церковной жизни Харбина. При нём, при Доме и архиепископе, церковная благотворительность и интенсивность церковной жизни получили наивысшее развитие. Сначала владыкой Нестором был создан в наёмном помещении дом для тихопомешанных, который через несколько лет, когда по распоряжению городских властей умалишённые были отправлены в созданную тогда городскую психиатрическую лечебницу, был превращён в убежище для престарелых.

Затем, собрав необходимые средства среди русского населения, епископ Нестор в 1928-29 гг. построил собственный дом и церковь при нём на приобретённом участке земли в харбинском пригороде Модягоу. Сюда он перевёл убежище для престарелых и здесь же через короткое время открыл приют для сирот-девочек, а когда оказалось,

что существующий приют для мальчиков Русский Дом не может вместить всех желающих, открыл и приют для мальчиков.

При Доме Милосердия пышным цветом, как говорят, расцвела церковная жизнь. Получила своё начало активная монашеская община. В 1929 году здесь был пострижен в монашество В.Львов, кстати, сын последнего обер-прокурора, принявший имя Нафанаила (впоследствии архиепископ в Европе). Через некоторое время к нему присоединился Ю. Вознесенский, ставший иеромонахом Филаретом (впоследствии митрополит, глава Зарубежной Церкви). На следующий год из Приморья от гонений большевиков бежали священник Василий Быстров (впоследствии архим. Иннокентий, настоятель монастыря в Могопаке, США) и рясофорный послушник Андрей, ставший вскоре иеромонахом Климентом.

К этой иноческой дружине скоро присоединился блестящий, талантливый и одухотворенный юноша Кирилл Иогель, ставший иеромонахом Мефодием. Он умер в юных летах, едва достигнув 30-летнего возраста, но его вдохновенные проповеди печатались до недавнего времени в журналах Православная Русь и Православный Путь. Впоследствии к этим инокам присоединились иеромонах Иона, иеромонах Серафим, англичанин игумен Николай Гиббс (бывший воспитатель Наследника Цесаревича), монах Гермоген, монах Фома Ли, китаец, заведовавший свечным заводом при Доме Милосердия.

При девичьем приюте была создана швейная мастерская. Девочки также работали в иконописной мастерской, возглавляемой бежавшей из Приморья игуменьей Олимпиадой и её помощницами, монахиней Стефанидой и монахиней Варварой. При приюте мальчиков существовала столярная мастерская и, кроме того, мальчики работали в типографии Дома Милосердия, где печатались богослужебные книги гражданским шрифтом (за неимением церковнославянского), различные духовные издания, ежемесячный журнал. Дети и юноши в Маньчжурии были объединены в различные молодёжные организации под духовным окормлением русских православных пастырей. Из них можно назвать скаутов, разведчиков, братьев костра (юношеская организация при ХСМЛ).

В среде скаутов старшего возраста было создано научно-исследовательское общество имени Н.М.Пржевальского. Совместно с более давним и пользовавшимся государственной поддержкой научным Обществом Изучения Маньчжурского Края пржевальцы вели интересные научные работы, устраивали серьёзные научные экспедиции в район Трехречья. В рамках этой деятельности был организован Музей Общества Изучения Маньчжурского Края (позднее экспозиция Музея была

вывезена в США и сейчас находится в Golden Museum в Сан-Франциско).

В 30-х годах Харбин посетили знаменитые палеонтологи Тейяр-де-Шарден и аббат Брейль. Они, ознакомившись с работой Общества пржевальцев, с тем, что масштабная экспедиция в совершенно дотоле не исследованные области Малого Хингана была организована при государственной субсидии всего в 400 долларов, шутя говорили: "Пожалуйста, не пишите об этом в Европу. Наши экспедиции обходятся в десятки тысяч долларов, и обычно этого всё-таки не хватает". Конечно, возможность организации экспедиций за такие мизерные средства объясняется тем, что принимавшие в них участие юные энтузиасты сами оплачивали все связанные с экспедицией расходы.

Среди российских православных эмигрантов было много высококвалифицированных инженеров, преподавателей, музыкантов, театральных деятелей, литераторов, сыгравших роль своеобразного моста в китайско-российском культурном обмене. Невозможно отрицать, что Российская Православная Церковь в процессе своей миссионерской деятельности в Китае внесла немалый вклад в дело китайско-российского культурного обмена. Некоторые из православных священнослужителей наряду со своей миссионерской деятельностью проводили весьма глубокие исследования китайского общества и культуры и написали много трудов, касающихся Китая" (259).

"В 1935 году архимандрит Ювеналий был посвящён в сан епископа Синьцзянского. Но он не выехал к новому месту службы, а продолжал работать в монастыре. Затем непродолжительное время служил в Пекине и Шанхае, а в мае 1940 года вновь вернулся в Харбин на должность настоятеля Казанского и Богородицкого мужского монастыря и вновь устраиваемого монастыря в Трехречье. Ему было присвоено положение второго викария Харбинской иерархии.

По воскресеньям и праздничным дням толпы русских эмигрантов шли в церковь не только отдать дань традиции, попытаться при помощи религии отвлечь себя хотя бы на время от реальностей мира, но и для того, чтобы узнать последние новости, может быть, попросить о помощи, сговориться о встрече, послушать песнопение и т.д. Под сводами соборов, обладавших прекрасной акустикой звучали хоровые произведения Д.Бортнянского, П.Сиснекова, А.Гречанинова и других русских композиторов, писавших духовную музыку.

Каждый год в октябре месяце в Свято-Николаевском соборе и других храмах пели полную литургию П.И.Чайковского, отмечая этим памятную дату, годовщину смерти великого русского композитора. Духовная

музыка, хоровое пение, которое звучало в православных храмах, сыграли огромную роль в сохранении национальных корней у эмигрантов. Регулярными были молебны, которые устраивались в честь церковных праздников. Особенно привлекали православных эмигрантов молебны, которые проходили в Дни русской культуры и были традиционными.

Много православного народа собирали церковные службы в знаменитом храме на Соборной площади Харбина. Об одном из торжественных молебнов в этом храме в день святых православной церкви Кирилла и Мефодия вспоминает Галина Логинова (урожденная Морозова). "Благодатная, духовная возвышенность атмосферы молебна, чёткий строй юношей из учебной команды, подтянутых, в белых гимнастерках с жёлтыми с чёрной каймой погонами на плечах, с белыми бескозырками с жёлтым околышком и чёрной полоской понизу на согнутой руке (бело-жёлто-чёрный), цвета императорского штандарта, – всё это произвело на меня огромное влияние".

Русских православных храмов, соборов, небольших церквей в Манчжурии, Трехречье, Шанхае, Харбине, Тяньцзине и других местах, где расселились наши соотечественники, было много. Кроме Харбина, несколько православных храмов функционировало в Шанхае, Дайрене, Мукдене, Тяньцзине. Величием и красотой поражали современников Свято-Николаевский храм и Кафедральный собор Божьей Матери в Шанхае. Кроме того, в городах Манчжурии и в Шанхае действовали костелы, синагоги, мечети, которые собирали немало россиян, представителей других конфессий.

В Китае, в Манчжурии, осели не только отдельные представители духовенства, но и целые церковные организации. Союзы, Советы, такие как: Союз ревнителей православия, во главе с А.А.Бобрыкиным, Иона-Предтеческого братства во главе с В.Н.Костюковичем, Приходских церковных советов во главе с П.Макавеевым, Центрального Военномусульманского братства (С.Сабирхузин), Военного православного духовенства (протоиерей А.Русецкий), мусульманского военного духовенства (Салимгиреев), общество старообрядцев (И.Кудин) и другие. Главным духовным лицом русской православной церкви в Манчжурии был Мефодий, архиепископ Харбинский и Маньчжурский.

В 1934 году в Харбине при большом стечении народу был открыт Институт Святого Владимира, во главе которого стал правящий архиепископ Мелетий, а правление этого духовного учебного заведения возглавил епископ Дмитрий. Здесь же в Харбине работала духовная семинария. К сожалению, многие из перечисленных храмов, а также духовных учебных заведений русской православной церкви в Китае

были разрушены в годы Второй мировой войны, и особенно в период так называемой "Великой пролетарской культурной революции".

Поражал современников величественный храм-памятник из серого гранита во имя Христа Спасителя, в Мукдене, построенный по проекту Великого Князя Петра Николаевича. Он был заложен 8 сентября 1911 г., а строительство было закончено в 1912 году. Пожертвования собирались по всей России. На каждой стороне храма была установлена мраморная доска: "Храм Христа Спасителя сооружён повелением Его Императорского Величества Государя императора Николая Александровича для увековечивания памяти доблестных воинов, положивших жизнь свою за Веру, Царя и Отечество в Русско-Японскую войну 1904-1905 гг.".

На внутренних сторонах храма висели пять больших мраморных досок с перечислением войсковых частей русской армии, участвовавших в боевых действиях под Ляояном, на реке Шахе, под Санделу и Мукденом, на пятой доске имелись сведения о потерях в этих операциях. В храме было два серебряных венка, возложенных на братскую могилу: от российской императорской армии и флота...

Большую подвижническую и благотворительную деятельность осуществляли священники Иверской церкви в Харбине, под руководством протоиерея Николая Вознесенского. Для бедных эмигрантов здесь в 1933 году была открыта народная столовая, где устраивались бесплатные обеды, кружечные сборы, лотереи, концерты, спектакли. Здесь же был организован приход для престарелых, больных, а также детей. Дети в приюте обучались ведению хозяйства. В программе обучения обязательным был Закон Божий. О размахе благотворительности священнослужителей Иверской церкви говорит тот факт, что с 1933 по 1942 год народной столовой этой церкви было отпущено 856054 дешёвых и бесплатных обедов для малоимущих эмигрантов.

...Большую подвижническую работу по укреплению морального духа эмигрантов играла Духовная миссия в Китае. После революции для Духовной миссии, лишённой материальной поддержки из России, настали тяжёлые дни. Тем не менее, она продолжала существовать и возглавлять многочисленные русские общины в Китае вплоть до прихода к власти китайских коммунистов в 1949 году. История Российской Духовной миссии в Китае, начиная с "боксерского" восстания 1900 года и до 1949 года называется "епископским" периодом.

Если до XX столетия главы миссии были в сане архимандрита, то с начала этого столетия миссия возглавлялась людьми в епископском сане. Первым главой миссии в сане епископа стал отец Иннокентий, провед-

ший длительное время на посту начальника Восемнадцатой миссии. После 1917 года началась самостоятельная трудная жизнь миссии…" (257).

Русак В.С. Православие в Китае в XX веке (258):

"На место митрополита Иннокентия был назначен епископ Шанхайский Симон с возведением его в сан митрополита. Но управлять ему пришлось недолго. Ранней весной следующего года он скончался, и архиепископом Пекинской Митрополии стал епископ Шанхайский Виктор (Святин). При митрополите Викторе часовня на братской могиле русских воинов была преобразована в большой Храм Покрова Пресвятой Богородицы. При нём открылась русская школа, русская больница, было благоустроено русское кладбище.

Ещё более осложнилось положение православных в начале 30-х годов. Японцы, которые захватили Маньчжурию в 1932-33 гг., создали марионеточное государство Маньчжу-Го с формальным главой бывшим китайским императором Пу-и. Три провинции Северо-Восточного Китая фактически превратились в японскую колонию. С целью снискать покровительство японских властей, Православная Церковь на этих территориях активно поддерживала японскую политику.

Посредством православной общины прояпонская власть стала активно организовывать в своих целях эмигрировавшие в Китай белогвардейские силы, создав Антикоммунистический комитет российских эмигрантов. Пекинский митрополит Виктор послал уведомления всем православным епархиям и церквам с призывом, чтобы все православные прихожане поддерживали Антикоммунистический комитет и создавали местные Антикоммунистические комитеты. К различным собраниям, устраивавшимся этим комитетом, он часто обращался с приветствиями, сам на них выступал, одобряя японскую войну против Китая.

В новых условиях, когда большевики не могли управлять КВЖД, советская власть решила продать японцам Китайско-Восточную железную дорогу со всем её колоссальным имуществом за смехотворно малую цену в 13 миллионов. Знатоки утверждали, что средний железнодорожный дом (удобнейшие квартиры, с отоплением, в большинстве – с тёплыми уборными и ваннами, с садами и огородами) обошёлся японцам в 30 центов.

Японцы стали деятельно выкорчевывать всё русское. Над Церковью был установлен строжайший контроль. С каждым годом гнёт японцев над русским населением Маньчжурии становился всё тяжелее, всё нестерпимее. Перед войной они требовали от русского насе-

ления, особенно от учащейся молодёжи, молитвенного поклонения перед синтоистской богиней Аматерасу.

Требования властей Маньчжоу-Го о поклонении богине Аматерасу привели ко внутреннему конфликту между архиепископом Камчатским Нестором (Анисимовым) и харбинскими архиереями, занимавшими жёсткую позицию, декларировавшую недопустимость поклонений. Под давлением японских властей харбинские архиереи пошли на компромиссное соглашение, которое владыка Нестор, первоначально занимавший более умеренную позицию, подписать отказался.

Во время войны столкновение православного духовенства с японскими властями чуть не привело к кровавой развязке. Остановило это столкновение лишь вторжение советских войск, захвативших весь Северо-Восток Китая. Но православной церковной и общественной русской жизни в Харбине, этому почти на 30 лет дополнительно сохранившемуся уголку прежней Православной Руси, пришел конец. Встал безальтернативный вопрос о воссоединении с Москвой" (258).

Двадцатая ПДМ (1933-1956)

Виктор (Святин), епископ. Пекинский и Китайский, с 1938 года – архиепископ, митрополит.

"Митрополит Виктор (в миру Леонид Викторович Святин; 2 (14) августа 1893, станица Карагайская, Верхнеуральский уезд, Оренбургская губерния – 18 сентября 1966, Краснодар) -- епископ Русской православной церкви, митрополит Краснодарский и Кубанский. Родился в семье диакона Виктора Евграфовича Святина. В 1915 году с отличием окончил Оренбургскую духовную семинарию и поступил в Казанскую духовную академию, но в 1916 году со второго курса академии он был мобилизован и направлен в Тифлис в Михайловское военное училище. После начала революции он вернулся домой в Верхнеуральск, где был снова мобилизован и направлен в штаб генерала Белова в Белорецк. Со штабом генерала Белова отступал до границы с Китаем.

Армия на границе была распущена. Леонид Святин намеревался вернуться домой, но на границе его, больного сыпным тифом, нашёл дядя, родной брат его матери -- генерал Гервасий Петрович Жуков, который с семьёй ехал дальше в Китай. Он предложил Леониду поехать с ним в Китай. Узнав о том, что в Пекине существует Российская духовная миссия и при ней есть монастырь, он покидает Ханькоу и в начале 1921 года становится послушником Успенского монастыря

в Пекине. 20 июня 1921 года пострижен в монахи в Пекинском Успенском монастыре с именем Виктор.

Начальник миссии Иннокентий (Фигуровский) отправил монаха Виктора во Владивосток на учёбу в Восточный институт, который он также не смог окончить из-за событий на Дальнем Востоке. Весной 1922 года он возвращается в Китай. Его назначают настоятелем Покровской церкви в Тяньцзине. Здесь Виктор (Святин) прослужил десять лет. В 1929 году возведён в сан архимандрита.

Новый начальник Русской духовной миссии в Пекине Симон (Виноградов) командирует архим. Виктора в Югославию, где 21 октября 1932 года была совершена хиротония его во епископа Шанхайского. В марте 1933 года умирает архиепископ Симон, и начальником Миссии, двадцатым по счёту, становится епископ Виктор, вплоть до вынужденного закрытия Миссии в 1956 году.

В сентябре 1938 года возведён в сан архиепископа. В 1945 году перешёл в Московский Патриархат. 25 июля 1946 года награждён правом ношения креста на клобуке. 17 августа 1950 года назначен Патриаршим Экзархом Восточного Экзархата Московской патриархии. В 1955 году переехал из Китая в Советский Союз. С 31 мая 1956 года -- архиепископ Краснодарский и Кубанский. В 1961 году был возведён в сан митрополита. Скончался 18 сентября 1966 года в Краснодаре" (Википедия).

Кепинг О.В. Последний начальник Российской духовной миссии в Китае -- архиепископ Виктор[259].

"Этот доклад написан младшей сестрой Архиепископа Виктора, Ольгой Викторовной Кепинг, специально для научной сессии, посвящённой Российской Духовной Миссии в Китае, которая была проведена 26-27 февраля 1991 г. Ленинградским Университетом совместно с Ленинградской Духовной Академией. Из-за преклонного возраста О.В.Кепинг сама не могла присутствовать на сессии, и доклад был зачитан мной. В марте 1991 г. текст доклада был сдан в предполагавшийся для публикации сборник докладов сессии.

В конце 1991 г., будучи в командировке в Нидерландах, в библиотеке Лейденского Университета я обнаружила книгу "Поэма без предмета" Валерия Перелешина, живущего в Бразилии русского поэта, который стал известен в России в 1989 г. после публикации его стихов в журнале "Огонёк". "Поэма без предмета" – автобиографическое произведение

[259] Кепинг О.В. Последний начальник Российской духовной миссии в Китае - архиепископ Виктор / публ. Ксении Кепинг // Православие.ru. - Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/40562.htm. - Опубл. по кн. "Ксения Кепинг. Последние работы и документы". СПб. 2003 г. В полном виде доклад опубликован в сборнике "Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссиив Китае". (СПб., 1993).

(опубликована в США в г. Хилкок в 1989 г.). В.Перелешин долгое время жил в Пекине в Российской духовной миссии и хорошо знал архиепископа Виктора. В поэме много хороших слов сказано об архиепископе Викторе, к которому автор относится с нескрываемой симпатией. И я взяла на себя смелость дополнить текст доклада своей матери тремя выдержками из поэмы В.Перелешина.

Митрополит Виктор (в миру Леонид Викторович Святин) родился 2 августа (ст. стиля) 1893 г. в станице Карагайской Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. Его отец – Виктор Евграфович Святин, учитель, впоследствии священник Свято-Николаевского собора города Верхнеуральска. Мать – Мария Петровна, была дочерью атамана Карагайской станицы, войскового старшины Петра Степановича Жукова. Мать Леонида Викторовича умерла рано, оставив пятерых детей. Детей воспитывала бабушка, Мария Федоровна Святина (мать отца).

В 1915 г. Леонид Викторович с отличием окончил Оренбургскую духовную семинарию и поступил в Казанскую духовную академию, но в 1916 г. со второго курса академии он был мобилизован и направлен в Тифлис в Михайловское военное училище. Однако началась революция, и он вернулся домой в Верхнеуральск, где был снова мобилизован и направлен в штаб ген. Белова в Белорецк, где он и прослужил до отступления. Со штабом же ген. Белова он отступал до границы с Китаем. Положение русской армии на границе было тяжёлым – голодные, раздетые, разутые люди, среди которых началась эпидемия сыпного тифа.

Заболел тифом и Леонид Викторович. Как известно, армия на границе была распущена и желающие вернулись домой. Хотел вернуться домой и Леонид Викторович, но случай резко изменил его жизнь. Здесь на границе его, больного тифом, нашёл дядя, родной брат его матери – генерал Жуков, Гервасий Петрович, который с семьёй ехал дальше в Китай. Он предложил Леониду Викторовичу поехать с ним в Китай. И Леонид Викторович вместе с семьёй Жуковых едет в Ханькоу – город на юге Китая.

Десятки тысяч русских, выброшенных революцией в Китай (по некоторым данным их было двести тысяч человек), начинали жизнь в незнакомых условиях Китая – чужая речь, непонятная культура. В это время именно русская православная церковь, имеющая двухсотлетние корни в Китае, оказалась тем центром, который объединял всех, оказывая по мере сил и возможностей различную помощь в обустройстве жизни в новой стране.

Леонид Викторович с детских лет стремился к монашеской жизни и просил у отца благословения вступить на этот путь, ещё учась в ду-

ховной академии, однако отец не дал ему благословения, посоветовав проверить себя и сделать этот шаг в более зрелом возрасте. Узнав о том, что в Пекине существует Российская духовная миссия и при ней есть монастырь, он покидает Ханькоу и в начале 1921 г. становится послушником Успенского монастыря в Пекине.

То, что он увидел на тероритории Российской духовной миссии, так называемом Бэйгуане (по-китайски это значит "северное подворье"), поразило его. Это была старая Россия с церквами, монастырями, послушниками в скуфейках, монахами в клобуках, но главное после всего пережитого – покой, тишина, которые нарушались только колокольным звоном во время церковных служб. Главой миссии в это время был епископ Иннокентий (Фигуровский), личность незаурядная – именно он восстановил Миссию после того, как она была сожжена дотла во время боксерского восстания.

20 июня 1921 г. Леонид Викторович был пострижен в монахи в Пекинском Успенском монастыре с именем Виктор (это имя его отца). 24 июня он был рукоположен в сан иеродиакона и 27 июня – в сан иеромонаха. Было ему тогда 27 лет, и с тех пор никогда и ни при каких условиях он не снимал монашеской рясы. Он всегда был верен монашескому обету нестяжания: никогда не имея имущества, он всё раздавал нуждающимся. В последние годы жизни, уже в СССР, он отказался от половины своего жалованья, посчитав его слишком высоким, и всё, что получал, посылал в различные города Советского Союза тем, кому нужна была его помощь. Помогал он и жене генерала Жукова, Парасковье Михайловне, которая, вернувшись в 1947 г. из Китая в СССР, последние годы жизни провела в Вологде (умерла далеко за 90).

Епископ Иннокентий, сразу же поняв душевное устройство молодого монаха, видел в нём своего преемника на посту начальника Миссии – ведь в условиях того времени невозможно было рассчитывать на приезд следующей Миссии из России – и готовил его к этому. Он отправил монаха Виктора во Владивосток на учёбу в Восточный Институт – для работы в Миссии было необходимо знание китайского языка. Однако и на этот раз отец Виктор не смог закончить учение. Политические события на Дальнем Востоке заставили его вернуться в Китай, и весной 1922 г. он был назначен настоятелем Покровской церкви в Тяньцзине, городе, расположенном на расстоянии двух часов езды поездом от Пекина; здесь он прослужил десять лет.

Будучи в самое тяжёлое для русской эмиграции время – начальные годы её жизни в Китае – настоятелем храма (пока единственного в Тяньцзине, позже будут открыты ещё несколько), он смог полностью

проявить свои пастырские устремления и недюжинные организаторские способности. Как и в других странах русского рассеяния, церковь была тем центром, который собирал вокруг себя всех русских, и священник становился, как бы мы сейчас сказали, "неформальным лидером". Власти менялись, а церковь – своя, знакомая и родная, оставалась неизменной. Так случилось и в Китае.

Именно при отце Викторе часовня на братской могиле русских воинов преобразовалась в большой Храм Покрова Пресвятой Богородицы. При нём открылась русская школа, русская больница, было благоустроено русское кладбище. К нему шли не только православные, но и относящиеся к другим конфессиям, для него не было "ни эллина, ни иудея", и для каждого он находил слова утешения. В Тяньцзине он пользовался необычайной любовью и уважением не только своих прихожан, но и представителей других вероисповеданий многоликого Тяньцзина.

Он занимал здесь квартиру из трёх комнат в полуподвальном помещении, которую русские прозвали "отель Виктор": в двух комнатах постоянно жили офицеры – всем он предоставлял бесплатно кров и хлеб (готовил на всех его повар, русский солдат Миша). Некоторые жили здесь подолгу, другие – до устройства на работу. Но такой образ жизни был не по средствам – у него появились долги. В результате епископ Иннокентий перестал выплачивать ему жалованье (оно шло на уплату долгов) и выдавал только деньги на пропитание.

В 1929 г. его возводят в сан архимандрита. В 1931 г. умирает епископ Иннокентий, ставший к этому времени уже митрополитом, и начальником Миссии становится архиепископ Симон (Виноградов), который командирует архим. Виктора в Югославию, где 21 октября 1932 г. была совершена хиротония его во епископа шанхайского. В Югославию архим. Виктор был откомандирован потому, что Российская Духовная Миссия в Китае в это время подчинялась Святейшему Синоду Российской Православной церкви за границей. Однако ранней весной 1933 г. умирает и архиепископ Симон, и начальником Миссии, двадцатым по счёту, становится епископ Виктор, пробывший на этом посту 23 года, вплоть до закрытия Миссии в 1956 г.

"Архиепископ Виктор (Святин), / сын дьякона, казак простой, / был скромен, ласков и приятен, / и той светился добротой, / которая не ждёт отплаты. // Заметив робкие заплаты / на локте продранном моём / под верхним – будто бы – тряпьём, / в покой он удалялся смежный, // в шкапу копался платяном / и возвращался с полотном / или рубашкой

белоснежной и говорил: / "А это Вам, неношеный мадаполам". (В.Перелешин. Поэма без предмета[260])

К этому времени, т.е. к 1933 г., Миссия уже преодолела тот кризис, в который попала в 1917 году: "С момента русской революции Миссия лишилась притока средств из России и, предоставленная сама себе, пережила тяжёлый финансовый кризис, вызвавший необходимость полной реорганизации её хозяйства и перевода её на начала самоокупаемости. Расходы Миссии, несмотря на экономию и сокращение деятельности, всё же были огромны, ибо на средства Миссии содержались некоторые семьи албазинцев и православных китайцев... Материальное положение Миссии упрочилось (к 1935 г.) в связи с улучшением положения русской эмиграции на Дальнем Востоке".

Епископ Виктор, будучи начальником Миссии, имел возможность развить широкую миссионерскую деятельность. В 1937 г. епископа Виктора возводят в сан архиепископа. Однако очень скоро (в 1937 г.) Китай был захвачен японцами, и жизнь русских в условиях оккупации стала намного тяжелее. Ситуация осложнилась после нападения Германии на СССР. Война с Германией вызвала патриотический подъём среди русских, и многие, особенно те, кто участвовал в первой мировой войне, испытывали комплекс вины от невозможности помочь Родине в трудный для неё час. Тоска по оставленной Родине, мысль о возвращении в Россию не оставляли его никогда. Я помню мешочек с русской землей, хранившийся у него в сейфе в его покоях в Бэйгуане – кроме этого, в сейфе у него ничего не было.

Он был уверен, что русские люди рано или поздно вернутся в Россию. Ещё в 1935 г. он писал: "Они (русские – О.К.) были вынуждены отойти за границу, унося с собой из Родины только тяжёлую скорбь о потерянном и честное русское имя да великое сокровище – святую православную веру... " – И далее: "Когда изгнанники, дети и внуки их вернутся в своё воскресшее отечество и снова начнут строить величие его, вспомнят они о дружбе Великого Китая и сумеют ответить на неё верной русской дружбой".

Политическое положение в Китае было очень неустойчивым: шла гражданская война. Русская эмиграция разделилась на две части – одни собирались вернуться на Родину (в течение 1947 г. было осуществлено несколько репатриаций из различных городов Китая), другие уезжали в Австралию, Америку, Бразилию, Аргентину и другие страны. В русской православной церкви также произошёл раскол.

---

[260] Перелишин В. Поэма без предмета / Под ред. и с предисл. С. Карлинского. — Холиок: Нью Ингланд Паблишинг К°, 1989.

"Не смог я уцелеть на стыке / непримиримых двух начал... / Решенья старшего Владыки / никто не опротестовал: / и баричи и разночинцы, / и русские и албазинцы, / все подписали протокол, / а дальше начался раскол, / нагрянула беда лихая. / Казалось бы, не интриган, / а вдруг назначен Иоанн, / архиепископом Шанхая, / а Виктор и его права? / Их признаёт одна Москва. / Который же из них изменник: / Полковник или генерал? / Но, тех событий современник, / Я сердцем Виктора избрал" (В. Перелешин. Поэма без предмета).

9 октября 1946 г. на рассвете в своих покоях в Шанхае был арестован архиепископ Виктор. Журнал Российской Духовной Миссии в Китае "Китайский Благовестник" писал: "Весть об этом событии всколыхнула весь многонациональный Шанхай, не говоря уже о русской колонии, остро переживавшей заточение своего духовного Главы... В газетах стали публиковаться письма с выражением симпатии православным христианам и самому Архипастырю".

Через пять дней только после вмешательства представителей советского консульства Владыка Виктор был освобождён. Однако несмотря на краткий срок заключения, в результате потрясения он перенёс микроинсульт – на некоторое время у него была нарушена речь.

"Подвластный ПАКу[261], полупленным / архиепископ жил, / и он в те дни преступником военным /в газетах был провозглашён. / Нашлось на нём немало пятен, / и с перепугу Виктор (Святин) / вернулся в подданство Москвы / (а как бы поступили вы?). / В Шанхае был он арестован, / среди немытых душ и тел / три дня несчастный просидел / и вышел, сломан и оплеван, / а из тюрьмы его извёл / советский – сталинский – посол" (В.Перелешин. Поэма без предмета).

Владыка Виктор ясно осознавал необходимость новой, присланной из России Миссии: русская молодёжь уезжала из Китая, священнослужители были стариками, и он с тревогой думал о том, что же ждёт Миссию впереди. Во второй половине 1940-х гг. он шлёт целый ряд рапортов Патриарху Алексию, в которых настойчиво просит прислать новую, двадцать первую миссию.

Я люблю Миссию, знаю её ценность для Св. Православной Русской Церкви и Родины и горячо верю в её светлое будущее. Слушая сообщения радио Советского Союза и знакомясь по газетам и книгам с постановкой хозяйства в Советской России, я крепко осознал, что советский человек сдвинет всю жизнь нашей дорогой Российской Духовной Миссии в Китае с мёртвой точки, выведет её из состояния мучительной прострации на спасительные пути возрождения и расцвета

[261] ПАК - пекинский антикоммунистический комитет.

и даст ей то положение, которое она должна занимать среди других Инословных Миссий по достоинству Св. Православной Русской Церкви и нашего Великого Русского Народа. Всё будет зависеть от движущей живой силы – кадров Миссии.

Этот вопрос самый деловой, серьёзнейший вопрос. Здесь среди местного русского населения почти нет подходящих людей для большой организационной работы. Уставшие и больные душевно, эти люди не дадут должного горения и одушевления делу, а приехавшие с Родины будут более авторитетны и для местного китайского населения. Вот почему я раньше писал и просил и теперь снова почтительнейше подтверждаю, что в Китай нужно послать из Советского Союза новую 21 Российскую Духовную Миссию <... > В продолжение трёхпяти лет Миссия в экономическом отношении должна встать на собственные ноги и вернуть Патриархии всё, что было и будет затрачено.

Потенциальные возможности у Миссии огромны, но в данный момент, в силу чисто исторических обстоятельств и событий, экономическое положение Миссии плачевно. Земельные участки и другое недвижимое имущество Миссии не используется должным образом, предприятия не оправдывают себя, здания за недостатком капитального ремонта разрушаются, небольшое число людей, обслуживающих Миссию, бедствует. Не хватает материальных средств, не хватает рабочих рук, нет должного хозяйственного руководства. Необходимы героические усилия со стороны самой Миссии, необходима забота и помощь Родины.

Но Москва двадцать первую Миссию в Пекин не прислала.

Архиепископ Виктор получил приказ Патриархии упразднить Миссию, и в 1956 г. вернулся на Родину, где получил назначение в Краснодарскую епархию. Здесь он прожил ровно десять лет. В 1961 г. был возведён в сан митрополита. В августе 1966 г. его не стало. Официальное заключение о смерти – инфаркт лёгких.

Русак В.С. Православие в Китае в XX веке (258):

"Воссоединение Харбинской епархии произошло в 1945 г. Нельзя, однако, считать, что лишь политические мотивы имели решающее значение в выборе китайских архиереев. Он в принципе основывался на канонических нормах, но был также продиктован и патриотизмом. Ещё до известного Обращения Патриарха Алексия к архипастырям и клиру карловацкой ориентации, 26 июня 1945 г., русскими епископами епархий, находившихся на территории Китая и состоявших в ведении Карловацкого Синода, был направлен Патриарху приветственный адрес, в котором они поздравляли его с восшествием на престол, одновременно испрашивая благословение на возвращение под омофор Патриарха Московского.

"Наша Дальневосточная Православная Церковь за границей, – говорилось в этом Обращении, – и, в частности, Харбинская епархия, в течение всего своего существования с 1922 г., по милости Божией пользовалась тишиной и миром во внутренней своей жизни; Церковь умножалась, приходы устроялись, насаждались рассадники духовного просвещения – Богословский факультет и духовная семинария, и вся жизнь текла по указаниям Соборного определения 1917-1918 гг. и по заветам Патриарха Тихона.

Но каждый из нас в эти долгие годы переживал великую душевную тяжесть, будучи оторван прошедшими событиями от нашей святой Матери родной Российской Православной Церкви. В настоящее время благодаря великой милости Господней снова радостью забились сердца наши, ибо, почитая себя верными сынами святой Матери нашей Русской Православной Церкви (мы всегда в храмах наших поминали православное епископство Церкви Российския и богохранимую страну Российскую), мы снова имеем возможность возносить в молитвах наших имя первосвятителя Церкви Российской – Святейшего отца нашего Алексия, Патриарха Московского и всея Руси, законного преемника Святейшего Патриарха Тихона, избранного Собором 1917-18 гг.

Всем этим великую радость и милость послал нам Господь, ибо не оставил нас сирых – воздвиг нам отца, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, поминаемого ныне нами в наших молитвах в храмах наших за богослужением. Смиренно припадая к стопам Вашего Святейшества и испрашивая Вашего Первосвятительского благословения, усердно молим Ваше Святейшество раскрыть нам объятия отца, принять нас под высокую руку Вашего Первосвятительского окормления".

Под обращением стояли подписи митрополита Харбинского и Маньчжурского Мелетия (Заборовского), архиепископа Хайларского Димитрия (Вознесенского) и епископа Цицикарского Ювеналия (Килина). В октябре 1945 года в Харбин направилась делегация Русской Православной Церкви во главе с епископом Ростовским Елевферием (Воронцовым) для переговоров с архипастырями китайских епархий. В результате этих переговоров был подписан Акт о воссоединении митрополита Мелетия, архиепископа Нестора, архиепископа Димитрия и епископа Ювеналия с Матерью Русской Православной Церковью.

Определением Московского Синода от 27 декабря 1945 г. за N 31 было утверждено воссоединение с 26.10.45 архиепископов, епископов и архимандритов, клира и мирян Харбинской епархии с Русской Православной Церковью. В пределах Китая и Кореи был образован единый митрополичий округ с присвоением митрополиту титула Харбин-

ский и Восточно-Азиатский. Временно управляющим митрополичим округом был назначен архиепископ Нестор.

После войны, в 1946 году, и архиепископ Виктор достиг взаимопонимания с правительством СССР и с Московской Патриархией, объявил о разрыве с Синодом зарубежной Православной Церкви. Московская Патриархия начала выплачивать средства на содержание Пекинской митрополии. Вслед за этим значительное число российских эмигрантов, включая духовенство, приняли советское гражданство и стали возвращаться в СССР. А значительное число российских эмигрантов вместе с духовенством переселилось в Европу, Северную Америку, Австралию.

Патриаршим указом от 11 июня 1946 г. за N 664 митрополичий округ был преобразован в Восточно-Азиатский Экзархат (округ, объединяющий несколько епархий и пользующийся определённой самостоятельностью). Патриаршим Экзархом был назначен архиепископ Нестор с возведением его в сан митрополита Харбинского и Маньчжурского. Российская Духовная Миссия в Китае состояла в непосредственном ведении Московской Патриархии. 22 октября 1946 г. Священный Синод постановил утвердить в должности Начальника Российской Духовной Миссии в Китае архиепископа Пекинского Виктора (Святина) и считать его находящимся по епархиальным делам в юрисдикции Экзархата, а по делам Миссии – в подчинении лично Экзарха. Этим же определением Пекинская епархия и её шанхайское викариатство были утверждены в составе Восточно-Азиатского Экзархата.

Деятельность Высокопреосвященного владыки Нестора на посту главы Экзархата была необычайно многосторонней. Достаточно упомянуть о том, что даже сама Московская Патриархия в те годы часто пользовалась печатными изданиями Харбинской епархии. В Пекине издавался Китайский Благовестник, в Харбине Хлеб Небесный. В Экзархате владыка Нестор всемерно поддерживал традиции церковной благотворительности.

После перехода в юрисдикцию Московской Патриархии дальневосточных архиереев вместе с большинством духовенства и паствы, в Китае в ведении Карловацкого Синода остался только архиепископ Шанхайский Иоанн (Максимович) с горсткой приходов. Владыка Иоанн в течение года колебался, склоняясь одно время к тому, чтобы последовать примеру своих собратьев, вёл переговоры с Московской Патриархией через советское консульство в Шанхае, пытался убедить свою паству перейти в юрисдикцию Патриархии, но в конце концов всё-таки остался в ведении зарубежного Синода и впоследствии выехал из Китая через Филиппины в Соединенные Штаты.

Примечательно, что незадолго до этого юристконсульт Пекинской Миссии Шанхайский епископ Иоанн (Максимович) 31 июля 1945 года сам рекомендовал своему правящему архиерею архиепископу Виктору (Святину) принять юрисдикцию Московского Патриархата, мотивируя свой взгляд тем, что связь с Москвой восстановлена, а условий для независимости Пекинской епархии нет. Владыка Иоанн рекомендовал также возносить имя Святейшего Патриарха Алексия за богослужениями во всех храмах Пекинской епархии ещё до получения ответа из Москвы, однако сохранял и возношение имени Председателя Заграничного Синода митрополита Анастасия.

Политические события последующего времени, опять же, стали причиной нового раскола уже в Шанхае. Владыка Иоанн (Максимович) принял решение не прерывать отношений с Зарубежным Синодом. Основанием тому послужило давление советских дипломатов, настаивавших на необходимости принятия вместе с юрисдикцией Московского Патриархата и гражданства СССР.

Для владыки Иоанна обладание советским паспортом вовсе не было выражением патриотизма. Более того, патриотизм вообще нельзя рассматривать как ценность, выходящую за рамки временного земного бытия, Евангелие и церковная история свидетельствуют о том, что патриотизм не является абсолютной ценностью перед лицом Правды Божией. Владыка Иоанн выдвигал в качестве непреложного условия для принятия юрисдикции Московского Патриархата невмешательство светских властей в церковные дела. К сожалению, советские власти создали такие идеологические условия, при которых многие эмигранты в Китае не сочли возможным подчиниться законной церковной власти.

Можно говорить о канонической уязвимости такой позиции с точки зрения безусловного приоритета вечных ценностей над временными, но очевидно и то, что политическое вмешательство советской власти в церковную жизнь спровоцировало новый раскол. В пределах Китая он сохранялся до начала 1949 года – юг Китая, находившийся до этого времени под властью гоминьдановского правительства в Нанкине, в церковном отношении был подчинён архиепископу Иоанну Шанхайскому, которого Зарубежный Синод назначил и Начальником Русской Духовной Миссии в Китае с пребыванием в Шанхае. На севере же Китая, в Пекине, церковное управление было сосредоточено в руках архиепископа Виктора (Святина), также Начальника Русской Духовной Миссии, но в Пекине. С отъездом владыки Иоанна из Шанхая и с объединением страны, а также с образованием КНР церковный раскол был изжит.

Интересен, однако, пример того, как один из храмов (в Циндао) в течение года одновременно использовался сторонниками обеих церковных групп. Подобное положение дел имело место и в Гонконге, где настоятель Петропавловского прихода признавал юрисдикцию Московской церковной власти, а прихожане относили себя в большей степени к ведению Зарубежного Синода.

После капитуляции Японии в Китае началась гражданская война между сторонниками гоминьдановского правительства и китайскими коммунистами. Было прервано железнодорожное и телеграфное сообщение между Пекином и Шанхаем. Положение осложнялось и тем, что Шанхайский епископ Иоанн (Максимович) оставался в ведении Зарубежного Синода. Гоминьдановское правительство, враждебно относившееся к Начальнику Миссии владыке Виктору, принявшему советское гражданство, покровительствовало владыке Иоанну, признавая его законным представителем интересов Православной Церкви в Китае и Начальником Китайской Православной Духовной Миссии.

Владыка Иоанн предпринимал все возможные меры к перерегистрации и переоформлению церковного имущества. Бэйгуань – Северное подворье Миссии в Пекине – предполагалось сделать китайской собственностью. Интересы владыки Виктора в Китае защищали представители советских властей. Для того, чтобы сохранить за архиепископом Виктором имущественные права на территории Миссии в Пекине, использованы были документы, подписанные китайской и советской сторонами 31 мая 1924 г. – в них говорилось, что Бэйгуань является собственностью СССР. Курьёз заключается в том, что в своё время начальник 18-й Духовной Миссии митрополит Иннокентий (Фигуровский) сохранил Бэйгуань за Миссией лишь потому, что ему удалось оспорить этот документ и доказать китайским властям, что правопреемником Церкви на владение имуществом не может являться атеистическое советское государство.

Через двадцать лет начальнику 20-й Миссии для сохранения Бэйгуаня пришлось доказывать обратное, фактически безвозмездно отдавая советским властям церковные земли. Положение Миссии в гоминьдановском Китае осложнялось и враждебным отношением к ней со стороны инославных миссионеров – все они видели в Миссии советское учреждение в Китае. Впрочем, именно так её называли иногда и русские архиереи. Миссия владела обширным хозяйством, правда, нуждавшемся в восстановлении. Местное русское духовенство в большинстве своём мечтало о возвращении в Россию, часть стремилась эмигрировать. Массовая эмиграция началась после провозглашения в 1949 г. Китайской Народной Республики.

К осени 1948 г. в Шанхае проживало 8000 участников Белого Движения. Многие из них стремились покинуть Китай из опасения коммунистических репрессий. 4 мая 1949 г. отбыл на Филиппины и архиепископ Шанхайский Иоанн (Максимович) со своей паствой и клиром. Большая часть епархиального имущества была вывезена, документы Совета Миссии частично уничтожены.

Православная Церковь в Китае и Российская Духовная Миссия стояли перед новыми задачами – перехода от епархиальной и приходской деятельности к миссионерскому служению среди населения Китая. Первым вопросом для церковных властей было выяснение правового положения Миссии в Китае при новом государственном строе и формальное закрепление за нею недвижимого имущества. Владыка Виктор предлагал определить деятельность Миссии пятью основными направлениями: миссионерским (проповедь Православия среди китайского населения), монастырским, культурным, хозяйственным и благотворительным.

Намечалось установить живую связь с духовными школами в России, организовать богословские занятия в Пекине для китайских священников, открыть вновь миссионерские станы, закрытые ещё при митрополите Иннокентии с началом русской эмиграции в Китай, основать в Пекине, Тяньцзине и Шанхае духовные училища, а также создать миссию по переводам богослужебной литературы на китайский язык.

Культурно-просветительная деятельность должна была состоять в открытии низших русских образовательных школ, издании российско-китайской периодики, проведении разнообразных лекций и курсов, открытии новых библиотек в миссионерских станах и на приходах. Однако главной задачей Начальник Миссии видел восстановление её материального фундамента. 13 июня 1948 г. в кафедральном соборе Харбина духовенство епархии служило молебен о собирающемся в путешествие – в Москву на Совещание Глав и Представителей Православных Церквей – Экзархе, митрополите Несторе.

Рано утром на следующий день, в понедельник 14 июня, Экзарх был задержан китайскими властями. Одновременно с ним были задержаны секретарь Епархиального совета Е.Н.Сумароков, секретарь владыки Нестора священник Василий Герасимов и монахиня Зинаида (Бридди). Генеральное Консульство СССР в Харбине было информировано о том, что митрополиту Нестору инкриминируются деяния политического характера и что заключённые не подлежат освобождению и депортируются в СССР. В должности Управляющего Экзархатом временно на место митрополита Нестора был утверждён Никандр, епископ Цицикарский" (259).

"К моменту образования КНР в Китае насчитывалось около 3 млн. католиков, более 700 тыс. протестантов и около 70 тыс. православных. Власти КНР запретили миссионерскую деятельность в стране и отрезали христианские общины Китая от иностранных церквей. Официальные католические организации КНР откололись от Римской католической церкви. Были созданы "Патриотические ассоциации" христиан, которые провозгласили своей целью "воспитывать любовь к родине и уважение к государственным законам". Китайские христианские священники подчёркивают солидарность их паствы с народом Китая. В годы "культурной революции" все христианские церкви в стране были закрыты, а многие разрушены. Тем не менее, в последние десятилетия наблюдается быстрый численный рост христианской общины Китая, особенно протестантской. В настоящее время численность китайцев-протестантов приближается к 3 млн. человек" (118, 295-296).

"...Русская эмиграция в Китае с благодарностью отзывалась о многих православных священниках, которые разделили участь изгнанников. Имена десятков отцов церкви, к сожалению, не дошли до нас, следы их теряются в 1945 году, когда многие священники были арестованы советскими органами и вывезены в СССР, другие расселились в Австралии, США и других странах мира. Тем ценнее для нас те крупицы информации об этих поистине мужественных и преданных служителях церкви, которые дошли до нас" (257).

"После образования Китайской Народной Республики в 1949 году остатки русской колонии в Пекине быстро таяли. В 1950 году новым патриаршим Экзархом был назначен архиепископ Виктор. 24 января 1950 г. Патриарх Алексий I в ответ на рапорт владыки Виктора потребовал переменить взгляд на Миссию как на доходное предприятие или как на какое-то феодальное княжество. Надо в короткий срок (скажем, менее чем в десять лет) при помощи Божией создать Китайскую Православную Церковь, с архипастырями-китайцами, священниками и монахами-китайцами, с миссионерами-китайцами, и, главное, с многочисленной паствой-китайцами.

Патриарх писал о необходимом на то время минимуме – подготовке священнослужителей и завершении перевода богослужебной литературы. Он направил письмо Председателю по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г.Карпову с просьбой выяснить в МИДе СССР отношение правительства КНР к правовому статусу Миссии в части её миссионерской и хозяйственной деятельности.

Владыка Виктор предлагал упразднить сложившееся в церковной жизни в Китае двоевластие, объединив Экзархат с центром в Харбине

с Миссией в Пекине. Предлагалось также перевести Совет Миссии из Шанхая в Пекин. Владыка предложил проект нового Положения о Миссии. Главной её задачей определялась миссионерская деятельность, избегающая излишней ревности к ложному прозелитизму.

В июле 1950 г. указом Святейшего Патриарха N 1170 архиепископ Пекинский Виктор (Святин) был назначен Патриаршим Экзархом Восточно-Азиатского Экзархата и Начальником 20-й Российской Духовной Миссии в Китае. Резиденция Экзарха располагалась в Пекине. Епископ Цицикарский Никандр назначался заместителем Начальника Миссии с резиденцией в Харбине.

В составе Экзархата были учреждены епархии: Пекинская (храмы в Пекине, Ханькоу, Гонконге), Харбинская, Шанхайская (храмы в Шанхае и прилегающих районах), Тяньцзиньская (храмы в Тяньцзине и Циндао, до назначения правящего архиерея управлялась Экзархом), Синьцзянская (до назначения правящего архиерея оставалась в ведении Московской Патриархии). Тем же указом делопроизводство Восточно-Азиатского Экзархата, Российской Духовной Миссии в Китае и Совета Миссии в Шанхае были объединены в резиденции Миссии в Пекине. Совет Миссии был преобразован в Экзарший Совет в статусе Епископского Совета. До вступления в силу Положения о Восточно-Азиатском Экзархате при Экзархате учреждалось Временное Управление, включавшее в себя миссионерский, административный, хозяйственный и общий отделы.

Архиепископ Виктор полагал, что в Китае фактически невозможна открытая миссионерская работа – об этом красноречиво свидетельствовала история всех христианских миссий. Переходили обычно в Православие китайцы, которые своей работой были связаны с Миссией – рабочие и служащие фермы, типографии и т.д. Начальник Миссии полагал, что через участие в экономической деятельности Миссии к ним придёт вера. На ниве миссионерского служения предстояла большая работа по переводу на китайский язык богослужебной литературы: переводы XIX века, выполненные на старом литературном языке вэньяне, для многих были недоступны.

Большие проблемы для Миссии создало обложение её имущества чрезмерными налогами. Части имущества, особенно земельного фонда, предстояло перейти во владение китайских государственных органов. Аграрная реформа должна была отобрать у Миссии все земли, не оговоренные советско-китайским договором 1924 г., и возвратить их потом на правах аренды. При всех новых сложностях, прежде всего, необходимо было воспитать китайских священников, монахов и архиереев. На одном из заседаний Синода по Китаю в июле 1950 г. в Москве было принято решение

поставить первого православного с китайским гражданством – Ду Жуньчэня (протоиерея Феодора Ду) – во епископа Тяньцзиньского. 23 июля он был пострижен в Троице-Сергиевой Лавре и принял имя Симеона. 30 июля в Богоявленском соборе состоялась его епископская хиротония.

Осенью 1950 г. владыка Виктор рукоположил нескольких китайцев во пресвитеры: Иоанна Ду, Михаила Ли, Никиту Ли, Аникиту Вана, Иоанна Ло. Во диаконы были рукоположены Фалалей Мао, Пинна Ду, Николай Чжан и Антоний Шуан. Первым шагом на пути к созданию китайского клира должна была стать Катехизаторская школа в Пекине. Заведовал ею архим. Василий (Шуан). В её состав входили, помимо кандидатов в священнослужители, все священники и диаконы Миссии. Одновременно в Пекине была открыта Женская школа прикладных знаний. Ею заведовала китаянка игумения Фива.

Кроме миссийских школ Пекина, существовал также Лицей благоверного князя Александра Невского в Харбине – среднее учебное заведение. При храме в Ханькоу была открыта средняя школа для китайских детей; близ этого города располагались несколько селений, в которых проживало до 2000 православных китайцев. Служил в Ханькоу ревностный миссионер – священник Никита Ду. В Пекине учреждена была переводческая комиссия, в состав которой входили шесть китайских священнослужителей и два мирянина-переписчика. Комиссия должна была заняться переводами богослужебной литературы на современный китайский язык.

Положительное отношение китайского духовенства к идее строительства Китайской Церкви у некоторых из них было смешано с шовинистическими и националистическим настроениями. В частности, владыка Симеон (Ду), переведённый в Шанхай, старался посеять среди китайского духовенства недоверие к Экзарху. Он убедил своего родственника, священника Иоанна Ду, настоятеля тяньцзиньского Свято-Иннокентьевского миссионерского храма, в том, что Начальник Миссии будто бы выхлопотал для этого храма особое патриаршее пособие, но удерживает его у себя.

Между епископом Симеоном и частью русского духовенства Шанхая возник конфликт на почве личной неприязни. Владыка Симеон продолжал жаловаться на своё тяжёлое положение Патриарху, митрополиту Пражскому Дорофею (он участвовал в хиротонии епископа Симеона), другим высоким лицам. Во многом его позиция тормозила миссионерскую работу в Шанхайской епархии, само же китайское духовенство в своём большинстве стремилось к созданию независимой Китайской Церкви и усердно работало на миссионерской ниве.

Владыка Виктор провёл в Экзархате административную реформу: было создано Управление при Экзархе, в которое входили три русских и три китайских священнослужителя. Он всячески старался привлекать китайское духовенство к управлению Экзархатом: в Ревизионную комиссию входили два китайца и один русский, во главе Высшей начальной школы Миссии был поставлен тайский священник Гермоген Тан, должность кафедрального протоиерея занимал о. Михаил Мин, духовником был назначен архим. Василий (Шуан), экономом Миссии стал священник Леонид Лю, свечным заводом заведовал диакон Николай Чжан. Начальник Миссии старался снискать расположение со стороны государственных властей для получения их согласия на регистрацию епархиального управления и приходов. Ради этого ему пришлось безвозмездно отдать китайским властям земельные участки Миссии в Бадаханьгоу, Калгане, Дундинани, Бэйдайхэ, Лаошани и провинции Цзянси. Архиепископ Виктор полагал, что для успешного развития миссионерской работы необходим и второй китайский епископ. В своем рапорте Патриарху от 16 февраля 1951 г. он представил к хиротонии во епископа духовника Миссии архим. Василия (Шуана). В Шанхае при кафедральном соборе удалось основать Китайское православное братство. Там действовала Катехизаторская школа. При епархиальном совете работали курсы русского и китайского языков, при Свято-Андреевском храме изучали русский язык до ста китайских учеников. Было начато осуществление плана создания Китайской Церкви, в Маньчжурии учреждён Миссионерский попечительский совет при подворье Миссии в Харбине.

Предполагалось начать переговоры с китайскими католиками, заявившими о своей независимости от Папы Римского, а также с протестантами об объединении в союз, возглавляемый Патриархом Московским и всея Руси. Власти КНР предпринимали попытки противодействия деятельности Русской Духовной Миссии ещё в 1951 г. Так, летом этого года иконы Миссии были изъяты под предлогом передачи их в музей, как якобы достояния КНР. Милостию Божией иконы были возвращены. В отношении религиозных объединений был провозглашён принцип трёх самостоятельностей: самоуправления, самофинансирования и самоорганизации. Власти довольно отрицательно относились ко всякому иностранному религиозному присутствию. Начальник Миссии определил новую религиозную политику Китая, как курс на национализацию христианства.

В силу трудностей с получением разрешений на поездки иностранных граждан по Китаю, почти отсутствовала живая связь между епархиями и приходами Экзархата. В 1951 году не был разрешён выпуск жур-

нала Миссии "Китайский благовестник", выходивший в течение 48 лет. Прекратили существование типография Миссии и переплётная мастерская. Городские власти Пекина обязали насельников Миссии принимать участие в общественно-полезных работах на территории города.

Внутренняя жизнь Экзархата помимо прочего осложнялась и действиями Шанхайского епископа – преосвященного Симеона Ду. Владыка Симеон ...оказался неспокойным человеком: он прилагал усилия, чтобы посеять смуту в умы и сердца священнослужителей и верующих людей, присваивая себе права и обязанности, которые не были даны ему высшей Церковной властью, ни его положением правящего епископа своей епархии. Он считал, что прежде дарования Китайской Церкви статуса автокефалии необходимо открытие автономной епархии, во главе которой должен быть именно он, епископ Симеон. Он просил разрешить ему открыть подворья Китайской Православной Церкви в пределах Пекинской, Харбинской, Тяньцзинской и Синьцзянской епархий. Не дожидаясь ответа из Москвы, владыка Симеон разослал всем православным китайцам в пределах этих епархий анкеты, в которых просил высказать их мнение о его проекте создания Автокефальной Церкви в Китае.

Объективных оснований к тому, чтобы епископ Симеон возглавил Православную Церковь в Китае, не было. Шанхайская епархия, так же как и Пекинская, стояла перед проблемами материального порядка. В 1952 г. денежный приход епархии сократился на 60 процентов – в основном из-за отъезда русского населения из Шанхая. К началу 1953 г. европейцев в Шанхае оставалось около 2500 человек, к концу года не более одной тысячи, из них православных – не более 300 человек.

Владыка Симеон предлагал закрыть все храмы, оставив открытым только кафедральный собор. Была закрыта катехизаторская школа. К лету 1954 года в Шанхае оставалось около 200 человек русских, китайская же паства не насчитывала и 70 человек. Единственным источником существования епархии служило очень незначительное пособие от Патриархии. В этих условиях Владыка Виктор обратился к Патриарху Алексию I с просьбой о реорганизации церковного управления в Китае: об упразднении Российской Духовной Миссии и переходе на Экзархат по образцу Экзархатов Западной Европы и Америки. 30 июля 1954 г. Священный Синод под председательством Патриарха постановил упразднить Российскую Духовную Миссию в Китае, оставив все православные храмы в Китае в ведении Экзархата Московской Патриархии в Восточной Азии.

Переговоры архиепископа Виктора в Москве 12-27 июня 1954 г. и дальнейшие изменения в общественной жизни КНР привели к приня-

тию в Москве решения об упразднении Восточно-Азиатского Экзархата. Архиепископу Виктору было предложено через посольство СССР в КНР ознакомиться с мнением китайского правительства о дальнейших формах управления Китайской Православной Церковью.

Упразднение Экзархата привело к тому, что всё недвижимое имущество Экзархата подлежало передаче китайскому правительству. Недвижимость Экзархата в Пекине – Северное подворье Миссии (Бэйгуань) – со всеми постройками и имуществом было передано в собственность Советского государства (в 1956-59 гг. здесь возвели новый комплекс советского Посольства). Южное подворье, равно как всё имущество и здания Православной Церкви, было передано китайскому правительству. Это ограбление явилось прямым следствием ликвидации Восточно-Азиатского Экзархата Московской Патриархии в КНР.

Передача 73 храмов, часовен, молитвенных домов и монастырей могла быть воспринята как насилие над совестью верующих и поругание святынь. Для решения всех возникших вопросов в Китай были командированы преосвященный Илларион, епископ Мукачевский и Ужгородский, и протоиерей Николай Наумов. Делегация Патриархии прибыла в Пекин в августе 1955 г. Ей, прежде всего, предстояло разобраться в вопросах того юридического статуса, которые имел Экзархат. Положение об Экзархате так и не было утверждено в Москве. Но разбираться было уже поздно. Церковная жизнь в Китае умирала. Кто мог, уезжал. Харбинский епископ, преосвященный Никандр, русское духовенство Экзархата были извещены о том, что все желающие выехать в СССР должны обращаться в советские консульства для получения въездных виз. Начальнику Миссии предложено по завершении реорганизации церковного управления в КНР приехать в СССР.

Епархии Экзархата фактически жили автономной жизнью, часто даже не извещая центр Экзархата о важнейших вопросах церковной деятельности. Противодействие епископов Экзарху препятствовало осуществлению планов по переходу к автокефальной форме управления Церковью в Китае. 11 октября 1955 г. архиепископ Виктор разослал преосвященным Никандру и Симеону официальное письмо, в котором говорилось: 1. Всё недвижимое церковное имущество Восточно-Азиатского Экзархата..., состоящее в земельных участках с имеющимися на них сооружениям и постройками, подлежит передаче Китайскому Правительству через представителей Церкви. <...>

5. Церковная деятельность православных храмов и часовен, независимо от проведения указанных мероприятий, не прекращается, а потому Вам надлежит обеспечить непрерывность действующего в Вашей епар-

хии порядка совершения богослужений и отправления церковных треб. Московская Патриархия полагала, что добровольная передача недвижимости без компенсаций будет нормальным прецедентом разрешения вопроса об иностранном миссионерском имуществе в КНР. В последующем, впрочем, надежды на лояльность по отношению к Православию со стороны китайских властей в связи с этим благородным жестом не оправдались.

30 октября в Шанхае по благословению епископа Симеона вышел очередной номер Церковного листка, в котором владыка опубликовал все полученные им из Москвы директивы по реорганизации церковного управления. Впоследствии преосвященный Симеон опубликовал в Церковном листке своё, отличное от видения высших церковных властей, мнение о путях реформ церковной жизни в Китае. Владыка Симеон, отказавшись взять публично обратно своё мнение, просил об увольнении его на покой. Владыка Виктор, впрочем, полагал, что удовлетворять прошение епископа Симеона об отставке нецелесообразно, и оно так и не было благословлено.

Все эти действия сделали невозможным назначение преосвященного Симеона на пост главы Китайской Церкви. Находившаяся в Пекине делегация Патриархии и Экзарх 23 октября 1955 года обратились к архимандриту Василию (Шуану) с просьбой согласиться на хиротонию в сан епископа. Архимандрит Василий согласился. Ему предлагалось возглавить Китайскую Православную Церковь. 29 октября 1955 г. Экзарх был приглашён в Отдел по делам религий при Центральном народном правительстве КНР, где ему было сообщено, что отныне ведать церковными делами будет не иностранный отдел, а отдел по делам религий и что все назначения и переводы священнослужителей должны согласовываться с ним. Как иностранное религиозное учреждение, Экзархат был поставлен перед необходимостью ликвидации своих учебно-воспитательных учреждений и подсобных предприятий.

Преосвященный Никандр по распоряжению Патриархии покинул Харбин 27 февраля 1956 г. Десятки храмов, расположенных вдоль железнодорожной линии, были закрыты, прихожане, на чьё попечение было оставлено имущество, покидали Китай. В 1955 году в соответствии с китайско-советским соглашением представители двух церквей провели совещание в Шанхае, в результате которого Московская патриархия согласилась с независимостью и самостоятельностью православной общины в Китае.

24 апреля 1956 г. начальник отдела по делам религий при Госсовете КНР Хэ Чэнсян дал согласие на назначение архимандрита Василия (Шу-

ана) епископом Пекинским. Он должен был также временно исполнять обязанности главы Китайской Православной Церкви. Архиепископу Виктору было предложено сдать ему все церковные дела и имущество Пекинской епархии. В отделе по делам религий было высказано мнение о желательности сохранения православного центра в КНР в Пекине. Было обещано построить новый храм и жилые помещения для священнослужителей и православных китайцев – бывших насельников Бэйгуаня.

30 марта многомиллионное недвижимое имущество Русской Православной Церкви в Китае было безвозмездно передано государственным властям КНР. Движимое имущество подлежало передаче в собственность Китайской Православной Церкви через назначенных китайских священников. Подсобные предприятия Экзархата были переданы советскому посольству, как и вся территория Бэйгуаня с его старинными храмами. В ноябре 1956 года Патриарх и Священный Синод определили образовать Китайскую Автономную Православную Церковь. В мае 1957 года в Москве была совершена хиротония архим. Василия (Шуана) во епископа Пекинского, который и получил от священноначалия полномочия архипастырского окормления Китайской Автономной Церкви. После учреждения Автономной Китайской Православной Церкви, почти все духовенство, имевшее советское гражданство, вернулось на Родину. А вскоре православные в Китае пережили нечто ещё более трагичное, чем они пережили в послереволюционные годы в России.

В ходе массового коммунистического террора, названного культурной революцией, Православная Церковь в Китае была разгромлена. Епископ Василий скончался 3 января 1962 года. Часть православных священников и мирян выехала на рубеже 50-60-х годов в Австралию, Соединенные Штаты и другие страны, немногие вернулись на родину в Россию. Оставшиеся же в самом Китае православные русские люди почти все были репрессированы, и многие из них погибли. Последний русский архиерей, архиепископ Виктор, выехал из Пекина 24 мая 1956 г. и пересек границу КНР 26 мая" (258).

Закрытие миссии и последующая судьба её объектов

"После образования Китайской Народной Республики в 1949 году остатки русской колонии в Пекине быстро растаяли. В 1955 году было принято решение о закрытии миссии, так как средств на её содержание не было, а православных прихожан в городе почти не оставалось. Северное подворье со всеми постройками и имуществом было передано в собственность Советского государства, в 1956-59 гг. здесь возвели новый комплекс Посольства. Южное подворье было передано китайскому правительству, равно как все имущество и здания право-

славной церкви в связи с ликвидацией Восточно-Азиатского экзархата Московской патриархии в КНР. В настоящее время на его территории располагается муниципальный парк.

На территории Посольства сохранились в сильно изменённом виде архиерейские покои (павильон китайской архитектуры, часть некогда расположенной здесь усадьбы князя Люй, называемый теперь Красной фанзой), здание бывшей библиотеки (в настоящее время – консульский отдел) и отдельные фрагменты хозяйственных построек. В 2009 году была восстановлена и вновь освящена Церковь Успения – одно из немногих культовых сооружений, сохранившихся со времен Миссии, использовавшееся в советское время как гараж. Небольшой сквер перед Красной фанзой украшает, пожалуй, самая старая реликвия Бэйгуаня – большая железная курильница-треножница, изготовленная в XVII веке при императоре Сюанье и принадлежавшая, возможно, кумирне, отданной албазинцам под часовню" (Википедия).

История распространения и положение православия в Китае

"На данный момент о распространении православного вероучения среди жителей Китая можно говорить лишь относительно, хотя его история в Китае, судя по всему, началась ещё в первые века нашей эры. А представители русской православной традиции на территории Китая присутствуют как минимум с ордынских времён, когда русские служили в гарнизоне одной из ордынских столиц – Ханбалыка, будущего Пекина. С XVII века присутствие православных, пусть и в незначительном количестве становится постоянным, преимущественно в пограничных регионах империи – в виде военнопленных, послов и купцов.

Современная история православия в Китае началась в конце XVII века, когда пленённые в 1684 году китайской армией казаки крепости Албазин во главе со священником Максимом Леонтьевым были увезены в Пекин и основали там русскую общину. Для их окормления, а также для развития российско-китайский отношений в Пекине в 1712 году была основана Русская духовная миссия".

Русская духовная миссия в Пекине. "Церковно-политическое представительство Российской церкви и государства, действовавшее в Пекине в XVII-XX веках. Деятельность Миссии была организована в соответствии с внутри- и внешнеполитическими интересами и задачами России. Она играла важную роль в установлении и поддержании российско-китайских отношений, была центром научного изучения Китая и подготовки первых русских синологов. Из-за отсутствия дипломатических отношений между обоими государствами служители

миссии в течение длительного времени являлись неофициальными представителями российского правительства в Китае" (Википедия).

Православная миссия в 19 в.

колыбель российской синологии

"В задачи членов ПДМ входило изучение маньчжурского, китайского и монгольского языков, а также истории, культуры и религии Китая. В число светских членов миссии назначались молодые люди из числа студентов высших учебных заведений и ДА. Занятия между студентами распределялись согласно с их предварительными знаниями, желанием и способностями; они изучали медицину, математику, литературу и философию, систему Конфуция, историю, географию, статистику и юриспруденцию китайского государства.

Пекинская миссия дала России первых видных учёных-китаистов: Рассохин И.К. (1707-1761), Леонтьев А.Л. (1716-1786), Бичурин И.Я. (1777-1853), Ковалевский О.М. (1800-1878), Войцеховский И.П. (1793-1850), Захаров И.И. (1814-1885), Кафаров П.И. (1817-1878), Васильев В.П. (1818-1900). Научное наследие этих подвижников и ныне представляет собой настоящую сокровищницу российского китаеведения. Так, например, описание Пекина, составленное начальником девятой миссии архим. Иакинфом (Бичуриным), по существу легло в основу всех последующих европейских путеводителей по столице империи Цин.

О. Иакинф был главой девятой духовной миссии с 1808 по 1820 год. Она была одной из самых блестящих во всей истории миссии. В миссионерской области её деятельность была довольно слабой, но её ученики и сам Бичурин оставили заметный след в мировой синологии. Он быстро изучил язык, завёл многочисленные знакомства, что дало ему бесценное знание обычаев и нравов страны. Четырнадцать лет жизни в Пекине стали этапом подготовки к его научной и литературной деятельности. Бичурин создал множество трудов по географии, истории, литературе Китая и соседних стран, составил несколько словарей. Его труды были признаны Российской академией наук и Парижским азиатским обществом".

По мнению Дж. Вонга (1998), в 50-е годы XIX в. церковная деятельность русской миссии была прикрытием дипломатической.

После подписания в 1858 году серии Тяньцзиньских договоров империи Цин с западными странами положение Миссии изменилось. В Пекине открылись дипломатические представительства западных государств, в том числе и России. В 1861 году в Пекин прибыл первый постоянно аккредитованный российский посланник в ранге министра-резидента Л.Ф. Баллюзек, и в столице империи Цин была учреждена постоянно действующая Российская дипломатическая миссия, которой была передана от духовной миссии её дипломатическая и значительная часть образовательных функций. Духовная миссия превратилась в учреждение с исключительно рели-

гиозными (миссионерскими) функциями и перешла из ведения МИД в духовное ведомство. Штат миссии сократился.

Цинское правительство, признавая, что христианское учение способствует водворению порядка и согласия между людьми, обязалось не преследовать своих подданных за приверженность христианской вере. Такая политика цинского правительства позволила развить религиозную деятельность миссии, которая с этого момента занялась проповедью православия среди китайцев. На китайский язык были переведены и изданы множество богослужебных книг. В конце XIX века в Тяньцзине, Фучжоу и Ханькоу были открыты русские концессии.

10 марта 1862 года в деревне Дун-дин, что в 53 километрах к востоку от Пекина, была совершена первая литургия в особо устроенном помещении, а в 1863 году в российской прессе сообщалось, что там же русскими купцами, торгующими в Китае, было решено построить православную церковь на деньги, пожертвованные крещёными китайцами. С 1864 года Миссия утратила дипломатический характер, став исключительно религиозно-просветительской" (Википедия).

Приложение 16

Ипатова А.С. Российская Духовная Миссия в Китае: век 20-й

"Стоял июнь 1935 г. Прекрасная летняя погода, какая бывает только в Пекине и только в июне, в преддверии изнурительного футяня…

А здесь, в Северном подворье (Бэйгуань), резиденции Российской Духовной Миссии, царит торжественно-праздничная атмосфера. Небывалое скопление людей, словно "весь Пекин" съехался сюда. Над разноликой, разноязычной нарядной людской толпой, заполнившей тенистые аллеи старинного парка, над белым маревом цветущих акаций, устремляясь ввысь, плывёт колокольный звон. Ему вторит торжественное песнопение архиерейского хора. Пекинская Миссия празднует своё 250-летие.

Словно эхо минувших столетий, вобравшее в себя все созданное, пережитое и выстраданное в стенах Пекинской Миссии, звучат под сводами Успенского собора благодарные слова Начальника Миссии архиепископа Пекинского и Китайского Виктора, произнесённые им при открытии торжественного акта 23 июня:

"Трудами многих поколений строилась Миссия, молитвами святых подвижников освящено её прошлое; Святитель Иоанн, митрополит Тобольский, Святитель Иннокентий, епископ Иркутский, принимали непосредственное участие в ея возникновении и развитии; много знаменитых учёных, много выдающихся политиков воспитала она в тиши своих стен; свидетельницей великих событий в истории Китая была она и не только свидетельницей. О многом рассказывает её 250-летняя история..." (КБ.

1685-1935: Юбил. сб., посвящ. 250-летию со дня основания Рос. православ. миссии в Китае. – Пекин, 1935. – С. 13.)

Пекинская Миссия была не единственной, но самой ранней по времени основания из зарубежных миссий Русской Православной Церкви. (Кроме Пекинской Миссии, у Русской Православной Церкви было ещё четыре миссии: в Иерусалиме (1847), Урмии (Персия) (1898), Японии (1871) и Сеуле (Корея, 1897). Вместе с тем Российская Духовная Миссия в Пекине была уникальным российским учреждением за рубежом, не только представлявшим в цинском Китае Русскую Православную Церковь, но и на протяжении 150 лет – с 1715 по 1864 г. – выступавшим в качестве неофициального дипломатического представительства России в Китае.

В те годы, особенно в XIX в., дипломатические функции составляли главное содержание её деятельности. Неоценим вклад Пекинской Миссии и в развитие отечественного китаеведения, которое зародилось и сформировалось как комплексное изучение Китая именно в её стенах. Созданная для духовного окормления пленных албазинских казаков, уведённых цинскими войсками в 1685 г. в Пекин, Миссия в тот период, следуя инструкциям Петербурга, крайне мало уделяла внимания распространению православия среди китайцев, как правило, ограничиваясь паствой из албазинцев и их потомков. <...>

"Наибольшего размаха миссионерская деятельность достигла во время 18-й Миссии и связана с именем её Начальника архимандрита, а затем епископа и митрополита Иннокентия (Фигуровского). С его именем связана целая эпоха в истории Пекинской Миссии: он возглавлял её на протяжении 35-и предельно насыщенных бурными событиями лет в истории России и Китая – с октября 1896 по июнь 1931 г.

Архим. Иннокентий, в миру Иоанн Аполлонович Фигуровский, родился 23 февраля 1863 г. в семье священника Енисейской епархии. Учился в Томской Духовной Семинарии, но в 1882 г. уволился, служил в течение двух лет псаломщиком, а в 1884 г. был рукоположен в сан священника и двумя годами позже поступил в Петербургскую Духовню Семинарию. В 1888-1892 гг. – студент Петербургской ДА. В 1890 г. был пострижен в монахи с именем Иннокентий. В 1892 г. по окончании Академии получил степень кандидата богословия и назначение смотрителем Александро-Невского Духовного училища. В 1894 г. был возведен в сан архимандрита и переведён на должность ректора Петербургской духовной Семинарии. В 1895 г. получил назначение в миссионерский Покровский монастырь в Москве. Но вскоре, 3 октября 1896 г., был назначен Начальником 18-й Миссии в Пекине.

По признанию многих современников, вл. Иннокентий во всех отношениях был фигурой колоритной. "Трибун по умению внушать свои мысли, учёный по знаниям и богатырь по внешнему виду, он сразу же умел располагать к себе слушателей", – писал о нём вскоре после его смерти один из выпускников Владивостокского Восточного института, проходивший в 1916 г. стажировку в Пекинской Миссии. (КБ. – 1935. – С. 60.) В 1896 г., получив назначение, архим. Иннокентий посетил бывшего Начальника 16-й Миссии архиепископа Флавиана, чтобы воспользоваться его советами и опытом. Затем, по указанию обер-прокурора Синода К.П.Победоносцева, отправился в Пекин не накатанным почти за 200 лет предыдущими миссиями маршрутом – через Сибирь и монгольские степи, –а выехал сначала в Западную Европу, чтобы познакомиться с постановкой миссионерского дела у своих западных коллег. Он посетил Лондон, Оксфорд, Париж, Рим. Побывал на Афоне, где безуспешно пытался найти среди монахов желающих служить в Пекинской Миссии. Дальнейший путь его лежал через Суэц, Аден, Коломбо, Индию и далее на восток к берегам Китая.

В Пекин глава 18-й Миссии прибыл 1 марта 1897 г. Человек деятельный, полный всевозможных планов и проектов о. Иннокентий, не покушаясь на научные традиции Миссии, сразу же приступил к преобразованиям, расширению и упорядочению её деятельности, к перестройке Бэйгуаня. Всем этим ему пришлось заниматься до конца своих дней. Выгодно обменяв в Русско-китайском банке русские серебряные рубли на местную валюту, открыл типографию с наборным шрифтом. В школах Миссии ввёл преподавание русского языка. Занялся изучением китайского и английского языков. И весьма успешно.

Много времени и сил уделял о. Иннокентий миссионерству. Обозначились два направления в этой деятельности. Все предшествующие годы духовное окормление Миссии распространялось главным образом на потомков албазинцев. Теперь, в конце XIX в., в Китае уже сложились центры компактного проживания российских подданных, занятых, в частности, на строительстве железных дорог. Глава Миссии сам выезжал в эти места и был потрясён ужасающими условиями жизни своих соотечественников. Улучшение их жизни и духовное окормление их стали важнейшими задачами Миссии на этом этапе.

Наряду с этим расширилась проповедь православия среди китайцев. По данным отчёта Начальника Миссии за 1898 г., к концу этого года она имела 5 церквей (и 5 священнослужителей), её паства состояла из 120 русских, живших в Пекине, Тяньцзине и Калгане, и 458 китайцев. Православие вышло за пределы городских стен Пекина.

Волна антимиссионерских выступлений, прокатившаяся по Китаю в последней трети XIX в., не коснулась Российской Духовной Миссии. К ней китайцы сохраняли традиционно доброжелательное отношение. И лишь восстание ихэтуаней ("боксерское восстание") не обошло её стороной. Когда в начале июня 1900 г. отряды повстанцев стали приближаться к Пекину, китайские власти, заверив членов Миссии, что им нечего опасаться, взяли охрану Бэйгуаня на себя, выделив для этого с десяток вооруженных копьями стражников. Тем не менее, по настоянию российского посланника М.Н.Гирса, все члены Миссии 9 июня (27 мая) покинули Северное подворье и перебрались в Посольский квартал, взяв с собой только самое ценное из церковной утвари, уместившееся на четырёх подводах, да главную реликвию Миссии – икону Святителя Николая Мирликийского из албазинской церкви, принесённую в 1685 г. пленными казаками с собою в Китай.

Вступив в Пекин 11 июня, повстанцы всё накопившееся у них недовольство, протест, как и в других местах, выплеснули против всего иностранного и, в первую очередь, против иностранных духовных миссий, миссионеров и китайцев-христиан. 13 июня, спустя 2 дня после занятия столицы, отрядами ихэтуаней были сожжены 8 христианских храмов, поджоги продолжались и в последующее время. (См.: Калюжная Н.М. Восстание ихэтуаней (1898-1901). – М., 1978. – С. 199-206.) Трагическая судьба постигла и Бэйгуань, за одну ночь превратив его в руины и дымящиеся развалины, что не сгорело, было разграблено и порушено. Никто из членов Миссии не пострадал. Но и укрывшись за высокими стенами Посольского квартала, они вместе с дипломатическим корпусом и другими иностранцами подверглись 56-дневной осаде.

1 августа 1900, на второй день после снятия осады, когда ещё на улицах Пекина гремели выстрелы, вл. Иннокентий отправился в Бэйгуань, на месте которого обнаружил лишь развалины. В пламени пожара погибла уникальнейшая библиотека, терпеливо и целенаправленно собиравшаяся стараниями и энтузиазмом членов 18 миссий. Сгорел ценнейший архив, хранивший свидетельства почти 200-летней деятельности Миссии. Погибла новая типография с уже готовыми к напечатанию книгами, среди которых было немало трудов архим. Палладия.

Побывав на пепелище, вл. Иннокентий не вернулся в Посольский квартал, а нашёл приют в расположенном поблизости от Северного подворья ламаистском монастыре Юнхэгун, одна из кумирен которого была превращена в православную церковь. Китайские монахи отвели ему императорские апартаменты. Сюда же стали стекаться и уцелевшие семьи китайцев-христиан. По словам очевидцев, в те дни вл. Иннокентий

спас китайскую святыню Юнхэгун от разграбления, преградив дорогу в монастырь отряду германских войск. Выйдя навстречу к непрошенным гостям, архимандрит заявил, что он – глава Российской Духовной Миссии в Китае, что временно живёт здесь и что не позволит кому бы то ни было причинить вред монастырю и его обитателям. Внушительный вид, решительная речь, да и просто присутствие европейца сыграли свою роль. Любители лёгкой наживы быстро ретировались.

Китайские власти высоко оценили этот благородный поступок русского священника и в знак благодарности подарили Российской Духовной Миссии дворец опального гуна (князя) с принадлежавшими ему постройками и весьма обширной территорией, прилегавшей к Северному подворью. (Архиепископ Мелетий. Великий путь Пекинской Духовной Миссии // КБ. – 1935. – С. 46. Другие авторы считают, что дворец был куплен Миссией.) И впоследствии здесь располагались апартаменты Начальника Миссии. Этот комплекс домов традиционной китайской постройки сохранился по сей день на территории нашего Посольства и вошёл в обиход под названием "красная фанза".

Приближалась осень, члены Миссии стали обустраиваться. Начальник Миссии купил несколько десятков полуразрушенных домишек вблизи Северного подворья для семей китайцев-христиан, оставшихся без крова. Вскоре, разбирая завалы, обнаружили зверски убитых 222 православных китайцев; их тела были сброшены в колодец Миссии. Погибших похоронили на территории подворья. Вскоре на этом месте выстроили храм Всех святых мучеников в память об убиенных.

Разрушениям подверглись православные храмы и в других городах. Ущреб, понесённый Миссии, был настолько велик, что под вопросом было её дальнейшее существование. Однако в 1902 г. Синод принял постановление об учреждении для Китая самостоятельной епископии, возложив на неё задачу активизации миссионерской деятельности. Архим. Иннокентий был возведён в сан епископа Переяславского (а затем и митрополита).

По возвращении из России епископ Иннокентий с удвоенной энергией взялся за восстановление и расширение Миссии. На средства, полученные из России, а также за счёт компенсации китайских властей за ущерб, причинённый Миссии в 1900 г., ему удалось существенно расширить территорию Северного подворья и построить заново, либо отремонтировать: дворец опального гуна с прилегавшими к нему постройками, в одной половине которого была устроена домовая церковь во имя святителя Иннокентия Иркутского (освящена в 1902 г.), в другой размещены архиерейские покои; выстроены Успенская церковь (1903), братский

корпус для братии мужского монастыря с необходимыми службами, колокольня, храм Всех святых мучеников, а над ним в верхнем этаже вновь отстроена церковь Свт Николая, корпус для женской общины, типография, канцелярия, живописная мастерская, мыловарня, жилые помещения для белого духовенства, школы, склады, кирпичный завод, пасека, устроен скотный двор, территория Миссии обнесена каменной оградой. Было восстановлено русское кладбище за воротами Аньдинмэнь, расширено и обнесено оградой, там построен храм во имя преп. Серафима Саровского и устроена богодельня для убогих и нищих, причём не только православных, но и для всех нуждающихся. За воротами Дунчжимэнь было построено здание для школы и проповеднического зала. В 1915 г. на территории Миссии было выстроено новое здание библиотеки.

Строительство велось постоянно. Именно для этих целей и понадобился кирпичный завод, который не только обеспечивал всё миссийское строительство, но и сверх того приносил некоторый доход от продажи кирпича. В окрестностях Пекина располагалась метеорологическая станция Миссии. В те же годы были построены литография, механическая, гальванопластическая мастерские, переплётная, мастерская рукодельных изделий, ткацкая мастерская, промышленное бюро. (Краткая история Русской Православной Миссии в Китае. – С. 8-9.)

Были заложены, восстановлены или построены провославные храмы, церкви и часовни в других городах Китая, в том числе в Шанхае, Порт-Артуре, Тяньцзине, Юнпинфу, дер. Дундинъань. Подлинным украшением Харбина стал Свято-Николаевский собор, отстроенный вместо деревянной церкви Свт. Николая – первой православной церкви в Харбине, и видимо, во всем Северо-Восточном Китае. "Жемчужиной Харбина" называли его местные жители, считали самой дорогой достопримечательностью города. Храм был разрушен в годы так называемой культурной революции, но о нём вспоминают харбинцы и по сей день. (Об этом свидетельствуют публикации в харбинской прессе и научных журналах. См. напр.: Гао Я. Харбин дунчжэнцзяо хуэй (Харбинское православное общество) // Сюэси юй тансо. – 1982. – N 9. – С. 33-34; Шэ Цзюэ. Ха дэ дунчжэнцзяо тан (Харбинский православный храм) // Ха бао. – 1985. – 11 февр. И др.)

А в С.-Петербурге тем временем в течение года трудились писцы, восстанавливая в столичных архивах сгоревший архив Миссии, копируя документы Пекинской Миссии, а также всё, имевшее к ней отношение.

Вместе с вернувшимся из России в августе 1902 г. епископом Иннокентием прибыло и пополнение Миссии: 5 иеромонахов, 1 священник, 1 иеродиакон, 1 диакон, 11 послушников, 2 техника и 2 художника и ещё

11 мастеровых. Это было существенное пополнение. Монашествующие и послушники составили братию Успенского мужского монастыря, настоятелем которого стал сам Начальник Миссии, наместником – возведённый в сан архимандрита о. Авраамий, служивший в Миссии с 1898 г.

С течением времени состав Миссии постоянно менялся, одни выбывали, другие вливались. Так, по данным на 1 января 1914 г., Миссия состояла из Начальника, 2 архимандритов, 1 игумена, 2 иеромонахов, 5 священников, 8 иеродиаконов, 1 диакона, 6 монахов, 7 послушников, 3 псаломщиков – всего 19 священнослужителей и 16 человек, не имеющих священного сана. Кроме того, в Миссии работали 33 китайца, 24 из них в качестве учителей и катехизаторов (в том числе 1 албазинец), и 9 – служащих.

В 1903 г. приехали из России 5 монахинь во главе с монахиней Евпраксией, которая стала настоятельницей женской общины, а затем монастыря. К ним вскоре присоединилось несколько сестёр. К 1914 г. в состав Миссии входило более 80 человек: 35 русских и 46 китайцев. (ПДМ в 1902-1913 гг. // КБ. – 1914. – Вып. 1-2. – С. 13-14.)

За первые десять лет возрождения Миссии удалось многого достичь на миссионерской ниве, чему способствовал как новый статус её Начальника, так и его несомненный талант организатора, руководителя, обладавшего к тому же и неиссякаемой энергией, упорством в достижении поставленной цели, а главная цель заключалась для него в распространении православия в китайском обществе. Этому способствовало и расширение состава священослужителей Миссии, хотя он ни в какое сравнение не шёл с численностью западных христианских проповедников, хлынувших в те годы в Китай.

Но даже располагая такими немногочисленными силами и скромными финансовыми средствами, владыка Иннокентий сумел значительно расширить географию православных храмов, церквей, станов, которые несли православие населению Китая.

По данным "Отчёта о состоянии ПДМ за 1914 год", в её ведении состояли: Первоклассный Успенский мужской монастырь в Пекине, Крестовоздвиженский скит близ Пекина в горах Сишань (Западные горы), женский монастырь в Пекине, 5 подворий (в Петербурге, Москве, Харбине, Дальнем, на станции Маньчжурия); 19 церквей (в Пекине, Шанхае, Ханькоу, Тяньцзине, Юнпинфу, Бэйдайхэ, Лувэйшане, Дундинъане, Харбине, Дальнем, станции Маньчжурия, а также в Петербурге в посёлке Отрадное под Петербургом и в Москве; 3 часовни и 5 кладбищ; миссионерские станы – в провинции Чжили – 14, в Хубэе – 12, в Хэнани – 4, Цзянсу – 1, в Монголии – 1, а всего в 32 пунктах, 1 семинария в Пекине, 17 мужских и 3 женские

школы, богадельня близ Пекина за воротами Аньдинмэнь, где жили постоянно 16 человек и выдавалась еда для 67 человек. (Краткая история Русской Православной Миссии в Китае. – С. 8-9.)

Продолжала расширяться просветительская деятельность Миссии. В 1914 г. общая численность учащихся в школах Миссии (учеников и учениц) превышало 500 человек. Школы – мужские и женские, средние и начальные – функционировали в Пекине (несколько школ), Тяньцзине, в городах и сельской местности, провинций Чжили, Хубэй, Хэнань. Только в 1913 г. были открыты 4 новые школы. Большинство преподавателей составляли китайцы, прошедшие курс обучения в школах Миссии и семинарии. Из 24 преподавателей только трое были русскими. 72 ученика и 22 ученицы полностью находились на иждивении Миссии и ещё 11 учениц получали питание от Миссии. Среди учащихся немалый процент составляли взрослые рабочие и работницы. (Там же. – С. 9.)

Начальник Миссии, стремясь к экономической самостоятельности, старался сделать её материально независимой. С этой целью он открыл несколько магазинов, где работали в основном православные китайцы. В условиях хронического перепроизводства рабочих рук в Китае это было мерой и гуманной, и дальновидной. Старожилы Пекина, да и наши дипломаты, находившиеся в китайской столице в конце 40-х – начале 50-х годов, хорошо помнят торговые лавочки Миссии в Центре Пекина и в других частях города.

Доход от этих предприятий шёл на расширение религиозно-просветительской деятельности. С 1903 по 1917 г. Миссия приобрела и частично получила в дар от китайцев участки земли в разных районах Китая. Открывала там станы, школы, благотворительные заведения.

Возобновилось издание научных трудов прежних членов Миссии, прежде всего о. Иакинфа (Бичурина), а также иеромонахов Исайи (Поликина) и Александра, занимавшихся изучением религиозных вероучений в Китае и др. Были вновь напечатаны 4 тома "Трудов членов Российской Духовной Миссии в Пекине". Изданные в 1852, 1853, 1857 и 1866 гг., они в начале XX в., став библиографической редкостью, не утратили своего научного значения.

В 1909 г. в типографии Успенского монастыря отпечатан "Полный китайско-русский словарь" под редакцией епископа Иннокентия в 2-х томах большого формата. Словарь содержит 16845 иероглифов и 150 тыс. их сочетаний из произведений китайских классиков и разговорной речи. (Полный китайско-русский словарь, составленный по словарям Чжайльса, архим. Палладия (и П.С.Попова) и другим, под ред. епископа Иннокентия. – Пекин, 1909. – Т. 1-2.) Однако, по общему мнению китае-

ведов, этот словарь не только не превзошёл знаменитый словарь Палладия, но и серьёзно уступает ему прежде всего из-за недостаточной эрудиции и добросовестности помощников вл. Иннокентия, которым тот доверял составление карточек. Сам же он был постоянно и предельно занят.

Однако размах хозяйственной и миссионерской работы не заслонял собою не только научно-издательскую, но и благотворительно-патриотическую деятельность, особенно в трудные, драматические для Отечества периоды.

Так было во время русско-японской войны 1904-1905 гг. В Харбине 23 февраля 1904 г. по инициативе Начальника Миссии епископа Иннокентия на его квартире состоялось совещание. Обсуждался вопрос о тяжёлом положении раненых и их семей, оставшихся без поддержки. Для организации такой помощи было решено учредить "Братство Православной Церкви в Китае", при нём Комитет "для попечения о больных и раненых, и нуждающихся воинах, и их семей". Возглавил "Братство" сам Начальник Миссии. Тут же был избран строительный комитет для строительства барака для больницы. Затем 11 марта был утвержден устав "Братства". Помимо благотворительной деятельности, которая не ограничивалась лишь помощью русским воинам, а распространялась и на местное население, особенно православных китайцев, в задачи "Братства" входили: организация жизнедеятельности православной общины в Китае, объединение всех православных христиан, живущих в пределах этой страны, и борьба с нравственными пороками, прежде всго курением опиума, что было особенно актуальным для китайского общества.

На тех же уставных началах вскоре было открыто Пекинское отделение "Братства", однако его деятельность довольно быстро заглохла.

Одновременно было решено издавать печатный орган "Братства" – журнал "Известия Братства Православной Церкви в Китае". Это был самый ранний по времени основания русский журнал, издававшийся в Китае. Первый номер вышел 25 марта 1904 г. Журнал открывался "Воззванием епископа Иннокентия", в котором были сформулированы задачи "Братства". В 1907 г. в связи с переходом православных церквей, расположенных на территории Маньчжурии, в ведение Владивостокской епархии (в ведении Пекинской Миссии там остались лишь подворья в Харбине, Дальнем и на станции Маньчжурия на КВЖД), указом Синода Миссия получила разрешение выпускать журнал в Пекине, переименовав его в "Китайский благовестник". Помимо текущей информации в журнале публиковались и серьёзные научные статьи по миссионерству в Китае, по истории страны, истории её религий и философии, и т.п. "Китайский благовестник" печатался в типографии Успенского монастыря. (Тридца-

типятилетие Китайского благовестника // КБ. – 1939. – Вып. 3-4. – С. 1-3; ПДМ за 1902-1913 гг. // Там же. – 1914. – Вып. 1-2. – С. 16, 22.)

Узнав о вступлении России в первую мировую войну, члены Миссии приняли решение отчислять с 1 сентября 1914 г. на больных и раненых российских воинов и сирот погибших воинов по 5% своего содержания, а из содержания китайцев – по 3%. (Краткая история Русской Православной Миссии в Китае. – С. 9.) Это был период наивысшего расцвета Миссии, её благополучия. Годовой бюджет её вырос до 100 тыс. рублей золотом. К 1917 г. капитал Миссии приближался к 1 млн. рублей и весь был помещён в русские военные займы. К этому времени Миссия имела 2 монастыря (мужской и женский), 22 стана, 21 школу, 1 семинарию и богадельню. (КБ. – 1935. – С. 29), а также храмы и церкви в разных городах Китая. Открытые в России подворья приносили Миссии ощутимый доход.

Наступил 1917 г., год двух революций в России, повлекших за собою кардинальные перемены в стране, которые не могли не откликнуться в далёком Пекине на судьбе Российской Духовной Миссии, радикально изменив статус, направление, задачи и цели её деятельности. Это – особая страница в истории Пекинской Миссии.

Разрушились связи с Отечеством, прекратилось поступление средств из России. С падением курса рубля и аннулированием военных займов Миссия лишилась значительной части своих доходов. Вместе с тем широкий размах её разносторонней деятельности невозможно было быстро и безболезненно остановить. Миссия была обременена огромными долгами, для погашения которых пришлось продать имущество в Дальнем. Ценой огромных усилий епископу Иннокентию удалось избежать банкротства, значительно сократив деятельность Миссии и перейдя на самоокупаемость. Десять лет, вплоть до 1927 г., шла борьба за выживание Миссии.

В 1919-1921 гг. на Миссию обрушилось новое испытание – мощный поток беженцев и эмигрантов из Советской России. Поток был, действительно, мощным. Численность российской эмиграции в Китае, по данным различных источников, колебалась от 300 тыс. до 500 тыс. человек. (Существуют и другие данные о численности российской эмиграции в Китае. Так, в монографии П.Е.Ковалевского речь идёт о 200 тыс. русских в полосе отчуждения КВЖД. – См.: Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: история и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). – Париж, 1971. – С. 13.) Многие из них голодные и больные, всё потерявшие, искали и находили кров и приют в Миссии. Сама крайне нуждавшаяся, она не отказывала им в посильной помощи.

Хотя российская диаспора в Китае отличалась социальной пестротой, но всё же было очевидным преобладание военных, научной и творческой интеллигенции, не имевших ни крупных вкладов в иностранных банках, ни какой-либо недвижимости или иной собственности в Китае, равно как и иных источников доходов. Единственным средством их выживания был труд. Поэтому помощь Миссии, особенно в первое время была крайне важна и необходима для них. И Миссия по мере своих сил и возможностей заботилась о своих соотечественниках.

В эти годы Российской Духовной Миссии в Пекине довелось приютить не только беженцев из России, но и гробы, с останками восьми "алапаевских узников", шестеро из которых были родственниками царской семьи. Это: великий князь Сергей Михайлович, генерал-инспектор артиллерии, трое сыновей великого князя Константина Константиновича (Иоанн, Константин, Игорь), а также Владимир Палей, сын великого князя Павла Александровича от морганатического брака, великая княгиня Елизавета Фёдоровна, родная сестра жены Николая II, её келейница инокиня Варвара и секретарь великого князя Сергея Михайловича Фёдор Ремиз. Все они были заживо погребены в заброшенной шахте рудника под Алопаевском 18 июля 1918 г. С приходом белых их тела были извлечены из шахты и захоронены, но при отступлении войск Колчака гробы с их останками были вывезены в Китай. В апреле 1920 г. они прибыли в Пекин и были временно помещены в склепе храма Всех святых мучеников; после сооружения склепа при храме прп. Серафима Саровского на русском кладбище были перенесены туда. Но прежде, в ноябре 1920 г., останки преподобномучениц Елизаветы и Варвары по желанию родственников великой княгини были отправлены через Тяньцзинь в Иерусалим, где установлены в православном храме.

Ещё сложнее оказалась участь остальных шести останков, которые в 1938 г. в разгар японской агрессии в Китае и в связи с антирусской кампанией, развернутой японскими властями, вероятно, в целях большей безопасности снова были помещены в склепе храма Всех святых мучеников, где и находились до середины 50-х годов. Когда на территории Бэйгуаня началось строительство комплекса зданий Посольства СССР в КНР, останки "алапаевцев" снова были возвращены на русское кладбище.

Начальник Российской Духовной Миссии в Пекине не принял Октябрьской революции. Он, а вместе с ним и другие церковные иерархи, волею судьбы оказавшиеся в Китае (преимущественно на территории Маньчжурии), в начале 1921 г. признали себя подчинёнными не-

задолго до этого образованному Церковному Управлению Заграницей. Пекинская Миссия вошла в состав Русской Зарубежной Церкви.

А вскоре Российская Духовная Миссия в Пекине чуть было не лишилась всей своей собственности. Дело в том, что одной из Деклараций, подписанной одновременно с советско-китайским 31 мая 1924 г. "Соглашением об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой" и посвященной Миссии, было заявлено обеими сторонами, что "в отношении сооружений и земельной собственности русских православных миссий подразумевается, что таковые принадлежат правительству Союза ССР". Судьба их решалась следующим образом: "Что касается сооружений и имуществ русской православной миссии, принадлежащих правительству Союза ССР и находящихся в Пекине и Поташу, то Китайское правительство примет меры для возможно немедленной передачи их, в соответствии с законами и правилами, существующими в Китае, в отношении имуществ, находящихся в нём, как только правительство Союза ССР укажет лицо китайской национальности или соответствующую организацию.

До того же правительство Китайской Республики примет меры к охране указанных выше сооружений и имуществ и освобождению их от всех лиц, ныне в них проживающих". Далее в Декларации говорилось, что она "будет иметь ту же самую силу и значение, как и Генеральная декларация, включённая в Соглашение об общих принципах". (Советско-китайские отношения. 1917-1957: Сб. док. – М., 1959. – С. 86.) Но владыке Иннокентию удалось доказать, что вся собственность Миссии как переданная ей или приобретенная ею принадлежит церкви, а не является собственностью Российского государства. (КБ. – 1935. – С. 30.)

Непросто складывались отношения и с эмигрантами, которые считали, что Миссия должна прекратить проповедническую деятельность среди местного населения, а всецело сосредоточиться на их интересах. Владыке Иннокентию трудно было отказаться от дела своей жизни – миссионерства, размах которого и без того был уже существенно сокращён из-за критического финансового положения самой Миссии (в 1919 г. были закрыты православные станы на территории Китая)" (А.С.Ипатова).

XIX миссия (1931-1933). "После смерти в 1931 г. Начальника 18-й и краткой, всего двухлетней, деятельности главы 19-й Миссии, владыки Симона (1931-1933), наступает особый период в истории Миссии. На смену хаотической, полной неопределённости и ощущения непродолжительности, временности зарубежной жизни для российской эмиграции приходит осознание невозможности их скорого возвращения на Родину" (А.С.Ипатова, 1997).

XX миссия. Этот период в истории Миссии связан с именем владыки Виктора – первого Начальника Миссии из среды эмигрантов. Он вступил в должность Начальника 20-й Миссии в 1933 г. Синтезировав опыт своих предшественников с собственным, новый Начальник очень тактично провёл реогранизацию, ориентируясь на эмигрантские кадры. Работа с эмигрантами остаётся важнейшим направлением деятельности Миссии. Постепенно – этот процесс начался ещё при Иннокентии и Симоне – Пекинская Миссия становится цементирующим центром жизнедеятельности обширной русской колонии в Китае, центром церковно-общественного строительства.

Жизнь российских эмигрантов в Китае совпала с периодом революционных бурь и национально-освободительной войны против японских завоевателей, что не могло не сказаться и на их судьбе. Так, в начале 30-х годов, после японской оккупации Северо-Востока Китая и образования там государства Маньчжоуго, значительная часть русских вынуждена была подняться с уже обжитых мест и перебраться в центральные районы, преимущественно в Шанхай.

Случилось так, что в Шанхае ко времени массового приезда туда русских (около 50 тыс. человек) не было ни одной православной церкви. Построенная в начале века церковь была разрушена в 1927 г., а новой так и не успели выстроить. Ещё Владыка Симон был крайне озабочен этим, но денег в скудном бюджете Миссии на строительство нового храма не было.

Поначалу русские устроили церкви во временных бараках, но затем постепенно, буквально по крохам собрали необходимые средства. Так в Шанхае, на территории французской концессии, где поселились русские, они выстроили два великолепных храма, памятника русского церковного зодчества, построенные по проектам русских архитекторов. Один из них Свято-Николаевский храм-памятник был сооружён по проекту архитектора А.И.Ярона, другой – кафедральный собор во имя иконы Божьей Матери "Споручницы грешных" – по чертежам и проекту архитектора Я.Л.Лихоноса. (Петров В. Русский Шанхай // ПДВ. – 1992. – N 1-3. – С. 168.) После назначения владыки Симона Начальником 19-й Миссии, Шанхайским викарием стал епископ Иоанн (Максимович).

Владыка Виктор, как и его авторитетнейшие предшественники – митрополит Иннокентий и архиепископ Симон – стремился к сохранению и приумножению лучших традиций Российской Духовной Миссии в Китае. К числу наиболее торжественных и массовых мероприятий такого

рода, организованных Миссией в те годы, следует отнести упоминавшееся выше празднование 250-летнего юбилея Пекинской Миссии.

Для подготовки и проведения торжеств, был создан юбилейный комитет во главе с почётным председателем епископом Виктором. 15 мая 1935 г., в преддверии и в связи с празднованием юбилея, он обратился с посланием к верующим православным сынам великого китайского народа: "Чистая и мирная деятельность православной миссии никогда не нарушала законов и интересов Китайского государства; это много способствовало тому, что на протяжении многовековой истории мир между двумя великими соседними народами не нарушался", – писал вл. Виктор.

В духе традиций добрососедства и доброжелательности он обратился с призывом к китайцам, своим современникам, со следующими словами: "Наряду с русскими детьми в наших школах могут учиться и ваши дети; двери госпиталей открыты и для ваших больных; приюты – для ваших детей; убежища – для ваших старцев" (КБ. – 1935. – С. 10, 12.)

Торжества состоялись 21-23 июня 1935 г., кульминацией которых стал торжественный акт в Успенском соборе. Ровно в 5 часов вечера под колокольный звон в сопровождении многочисленного духовенства из покоев Начальника Миссии вышли владыка Виктор и епископ Ювеналий в лиловых епископских мантиях, в дорогих, имеющих большую историческую ценность митрах, и проследовали в Успенский собор, где отслужили благодарственный молебен. Затем здесь же, в соборе, под председательством владыки Виктора было открыто торжественное заседание, посвящённое 250-летию Российской Духовной Миссии в Пекине. Председательствующий обратился со вступительным словом к участникам заседания, в котором проследил историю Миссии с момента её основания, оттенив наиболее важные события и аспекты её деятельности: "И в мирные спокойные времена, – подчеркнул он, – не много таких учреждений, которые переживают не только поколения, но и целые эпохи, которые могут праздновать двухсотпятидесятилетний юбилей". (Подробнее об этом: Ипатова А.С. Празднование 250-летия Российской Духовной Миссии в Китае (1935 г.) // Православие на Дальнем Востоке. – С. 74-84.)

Докладчик выделил пять периодов в истории Миссии. Первый период – 1685-1728 гг., от прибытия албазинцев в Пекин до принятия Кяхтинского договора, официально закрепившего статус Российской Миссии в Пекине, – вл. Виктор охарактеризовал как время внедрения "пришедших албазинцев в китайский быт". Следующий период 1728-1861 гг. он определил как период установления и развития традиций научной и дипломатической деятельности Миссии. Учреждение в 1861 г. в Пекине Российской Дипломатической Миссии и отделение дипломатических функций

от Духовной Миссии явилось ещё одной рубежной вехой в её истории. Деятельность Миссии в 1861-1900 гг. сконцентрировалась на научном изучении Китая. По словам владыки Виктора, малый штат и весьма незначительный бюджет не позволяли ей расширить миссионерскую деятельность. Разрушение в 1900 г. Бэйгуаня послужило своего рода водоразделом в деятельности Миссии. Её возрождение в 1902 г. началось с учреждения православной епископии в Китае. Четвёртый период охватывает всего 15 лет – с 1902 по 1917 гг. – и отмечен небывалым расширением миссионерской и торгово-экономической сфер деятельности Миссии. И, наконец, пятый – эмигрантский период, начавшийся после 1917 г., характерен превращением Миссии в церковно-общественный центр многочисленной русской колонии в Китае и на Дальнем Востоке.

Владыка Виктор отдал должное начальникам всех 19-ти предшествовавших миссий, отметив индивидуальный вклад каждого из них. После вступительного слова Начальника Миссии были зачитаны многочисленные приветствия и поздравления.

Юбилейные мероприятия прошли в те дни и в других городах Китая, где действовали православные церкви: Шанхае, Тяньцзине, Харбине, Хайларе и др. Все они, как и в Пекине, завершались торжественными заседаниями, на которых выступило немало докладчиков. При всём разнообразии тематики докладов их объединяло стремление дать оценку историческому опыту деятельности Миссии, как обобщённому, так и отдельным её аспектам.

К 250-летию Миссии харбинское подворье приурочило издание юбилейного сборника "Сияние православия". В том же, 1935 г., по завершении торжеств Миссия выпустила ещё один юбилейный сборник "Китайский благовестник. 1685-1935", куда вошли многие юбилейные доклады, статьи, воспоминания, информация о праздновании юбилея в Пекине, Хайларе, Тяньцзяне, Харбине, приветствия и поздравления, поступившие в адрес Миссии, лист о награждениях и повышениях по службе, многочисленные портреты, иллюстрации. Оба сборника уже давно стали библиографической редкостью. Материалы, содержащиеся в них, можно в значительной части приравнять к источникам. Помимо научного, информативного значения они живо, в прямом смысле по горячим следам, воспроизводят атмосферу юбилейных торжеств, атмосферу жизни многоликой и многочисленной русской колонии в Китае и подводят к пониманию той роли, которую играла Миссия в общественной и частной судьбе русских эмигрантов на Дальнем Востоке. Возможно, что та самая публицистика без разбора толкает и кое-кого из нас к таким выводам.

Столь торжественное и широкое празднование 250-летия Миссии устроено не только во имя исторической памяти, но в неменьшей степени для самих участников торжеств, для их самоутверждения, осознания ими причастности к одной из уникальных страниц истории России, для ощущения своей связи с Родиной. Видимо, с учётом этого психологического фактора владыка Виктор задумал и провёл юбилейные торжества, ещё раз подтвердив тем самым роль Миссии как цементирующего центра в церковно-общественном строительстве русской диаспоры в Китае.

Несомненно, что в 20-40-х годах XX в. главной заботой Российской Духовной Миссии в Китае были русские. Но как бы ни была она занята делами своих соотечественников, как бы последние ни требовали от Миссии прекращения миссионерской деятельности среди местного населения, владыка Виктор, подобно начальникам 18-й и 19-й миссий, не отказался от проповеди православия в Китае.

Так, в юбилейном сборнике "Китайский благовестник. 1685-1935" в разделе "Миссионерская деятельность Миссии" говорится о том, что она ведётся интенсивно, преимущественно силами китайских священнослужителей, в частности в Тунчжоу, в провинциях Жэхэ, Чжэцзян, где снова открылись православные станы, что в Шанхае "Китайское Православное Братство" ведёт большую миссионерскую и культурно-просветительскую работу. В основу устава "Братства" было положено: "соблюдение вероучения, увеличение православия и устройство школ для сего". "Братство" ратовало за единство русских и китайцев "под сенью Православной Церкви" (КБ: Юбил. сб. – 1935. – С. 119-120.) В 40-х годах происходит дальнейшее развитие и расширение миссионерской деятельности Пекинской Миссии.

При архиепископе Викторе миссионерская деятельность, действительно, расширилась, были "открыты приходы, церкви и молитвенные дома: в Пекине, Калгане, Чифу, Гирине, на Дамбе, в Гонконге, Кантоне, Макао, построены храм и дом священника в Маниле, женский монастырь и храм при нём в Какакаши около Дайрена, Св. Пантелеймоновская санатория с храмом в горах Лаошань, перестроен капитально городской храм и выстроен дом для священника в Циндао, построен большой дом на миссийском участке в Хайларе и Св. Покровский храм в Тяньцзине, закончена постройка и освящена Св. Благовещенская церковь на миссийском подворье в Харбине, …открыт молитвенный дом на Вэйсайде в Шанхае, земля под собором и архиерейским домом и столовой для неимущих приобретена и записана на Начальника и других членов Миссии, всё имущество Православного Братства в Шанхае передано в полную

собственность Российской Духовной Миссии в Китае". (Российская Духовная Миссия в Китае (краткий исторический очерк) // КБ. – 1946. – Ноябрь. – С. 22. – Подпись: М.И.М. – Приводится по тексту, опубликованному в воспоминаниях. – Кепинг О.В. // Цит. соч. С. 94.)

Вместе с тем конец 30-х – 40-е годы были очень трудными и крайне сложными для самой Миссии, и особенно для её Начальника. Общее напряжение, вызванное накалившейся до предела международной обстановкой, перешедшей вскоре во вторую мировую войну, в которую втянуты Советский Союз и Китай, и на территории которых разворачивались военные действия, тяжёлое внутреннее положение в Китае не могли не сказаться негативно и на судьбе Миссии.

Всё это дополнялось и осложнением собственных проблем. С началом Великой Отечественной войны в среде российской эмиграции произошёл раскол на два противостоявших друг другу лагеря: тех, кто молился за победу родного Отечества, и тех, кто желал поражения советскому государству. Миссия как центр церковно-общественной жизни русской диаспоры не могла быть в стороне от этого. Владыка Виктор, как настоящий патриот, ратовал за победоносный для Советского Союза исход войны. Но вместе с тем, как известно, и японские власти, зная, каким авторитетом Начальник Миссии пользовался у русской колонии и православных китайцев, склоняли его к сотрудничеству с ними и даже записали владыку Виктора вопреки его желанию председателем Антикоминтерновского союза Северного Китая. Сложно, а порою драматически складывались отношения Начальника 20-й Миссии с японскими и гоминьдановскими властями, которых привлекало солидное имущество Миссии, недвижимость, в том числе и земельная собственность в разных районах Китая. Согласно рапорту владыки Виктора на имя Патриарха Алексия I, датированному в "канун праздника Введение во Храм Пресвятой Богородицы 1949 года", один перечень недвижимого имущества Миссии в различных районах Китая и за его пределами занял несколько страниц текста. Только в Пекине и его окрестностях Миссия имела: 17 га земли, на которых располагалась резиденция Миссии – Бэйгуань, трёхэтажный дом на ул. Хадамэнь (д. N 185), православное кладбище за воротами Аньдимэнь, близ Пекина в горах Сишань, Крестовоздвиженский скит, в 200 верстах от Пекина в дер. Дундинань участок земли, на котором размещались храм и жилые помещения, в местечке Бадаханьгоу также в 200 верстах от Пекина Миссии принадлежал обширный участок богатой лесом и полезными ископаемыми земли. Миссия также владела имуществом в других городах страны: Тяньцзине, Калгане, Циндао,

Ханькоу, Шанхае, Бэйдайхэ, а также вне Китая – в Маниле, Гонконге, Корее. (По воспоминаниям: Кепинг О.В. // Цит. соч. С. 96-97.)

Владыка Виктор даже побывал в гоминьдановских застенках по ложному обвинению в сотрудничестве с японскими оккупационными властями, откуда его вызволили советские дипломаты. (Об этом периоде жизни владыки см. воспоминания С.Л.Тихвинского и воспоминания младшей сестры владыки: О.В.Кепинг. // Цит. соч. С. 91-2.)

Отстаивая и приумножая собственность Миссии, владыка Виктор иногда был вынужден понемногу её продавать, так как в довершение ко всем трудностям и невзгодам тех лет Миссия испытывала временами ощутимую нехватку финансов.

В результате японской оккупации нарушены связи Миссии с Харбинской епархией и другими очагами православия на обширной территории Китая. Во второй половине 40-х годов ко всем этим бедам добавился и церковный раскол: часть духовенства пошла за Начальником Миссии и вернулась под власть Московской Патриархии, другая, во главе с епископом Шанхайским Иоанном, продолжала подчиняться Русской Зарубежной Церкви.

Наступил 1949 год, год победы народной революции в Китае и образования КНР. Решением народных властей нового Китая в 1954 г. Пекинская Миссия, в числе всех других иностранных духовных учреждений на территории Китая была закрыта, а в 1956 г. Владыка Виктор покинул Пекин. Дописана последняя страница в истории Российской Духовной Миссии в Пекине. Многое в ней хорошо и подробно исследовано. Это прежде всего относится к научной деятельности членов Миссии. (Больше всего в этой области сделано П.Е.Скачковым, особенно в его энциклопедическом труде "Очерки истории русского китаеведения" (М., 1977), изданном уже после его смерти В.С.Мясниковым.) Но многое ещё только предстоит изучить. И это в первую очередь касается XX века" (В сокращ. Ипатова А.С. Указ. соч. // История Российской Духовой Миссии в Китае. – М., 1997. – С. 281-317.)

Приложение 17

История Российской Духовной миссии в Китае[262]:

"Существование в столице Китая – городе Пекине – на протяжении двух с половиной столетий Российской Духовной Миссии (1715-1954) – знаменательное явление в истории российско-китайских дипломатических отношений и уникальное явление в истории международных отношений в Центральной и Восточной Азии XVII – первой

[262]Тихвинский С.Л. Предисловие // История Российской Духовной миссии в Китае: Сб. ст. / Ред. Дионисий Поздняев. - М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1997.

половины XIX вв. (до 1861 г. Миссия в ряде случаев выполняла дипломатические функции).

Прозорливое решение великого реформатора России Петра I было претворено в жизнь на деле многими членами Российской Духовной Миссии в Пекине, периодически сменявшими друг друга в течение 200 с лишним лет. Российская и мировая наука через труды членов Пекинской Миссии смогла ознакомиться не только с языковыми и культурными особенностями китайцев, маньчжуров, монголов, уйгуров, тибетцев и других народов, населявших Цинскую империю (а впоследствии республиканский Китай), но и перевести на европейские языки многочисленные фундаментальные труды по китайской истории, философии, религии, литературе.

Гордость российской и мировой науки по сей день составляют сочинения и переводы о. Иакинфа (Бичурина), архим. Палладия (Кафарова), И.Россохина, А.Л.Владыкина, А.Леонтьева, архим. Петра (Каменского), Ант. Владыкина, С.Липовцева, З.Леонтьевского, К. Крымского, архим. Гурия (Карпова), И.Гошкевича, В.Горского, И.Захарова, А.Татаринова, М.Храповицкого, К.Скачкова, П.Попова, К.Павлинова, Д.Пещурова, иером. Николая (Адоратского), иером. Алексия (Виноградова), митр. Иннокентия (Фигуровского) и др. Среди прикомандированных к Пекинской Миссии в разное время были такие известные учёные, как будущий академик востоковед В.П.Васильев, монголист О.М.Ковалевский, ботаник А.А.Бунге, астроном Е.Н.Фус.

Не все члены Миссии, однако, выдерживали длительный отрыв от Родины, непривычные климат и быт, материальные трудности, связанные с нерегулярным поступлением денег из России. Многие из них так и не вернулись на Родину, скончавшись в Китае. Другие порой не отличались благочестием.

Настоящий сборник посвящён истории длительного периода существования в Китае Российской Духовной Миссии – с 1715 по 1954 гг., деятельности отдельных её начальников и наиболее видных членов от 1-й до последней 20-й Миссии.

Исходя из того, что наиболее полное описание первых Миссий было сделано членом 16-й и 17-й миссий иером. Николаем (Адоратским) в книге "Православная Миссия в Китае за 200 лет ея существования: Опыт церковно-исторического исследования по архивным документам". Вып. 1-2 (Казань, 1887), уже давно ставшей библиографической редкостью, составители сочли целесообразным включить в настоящее издание первую часть этого труда – "История Пекинской Духовной Миссии в первый период ея деятельности (1685-1745)".

В 1997 г. исполняется 220 лет со дня рождения Начальника 9-й Миссии о. Иакинфа (Бичурина), выдающегося российского востоковеда. Часть статей сборника посвящена его научному подвигу, признанию Российской Академией наук его огромных заслуг перед отечественной и мировой наукой. На архивных материалах детально прослежена также история отправления 9-й Миссии в Китай. Несколько статей рассказывают о Пекинской Миссии в XX в., особом периоде в её истории и вместе с тем наименее изученном.

Читатель найдёт в статьях сборника свидетельства духовной пастырской деятельности членов Российской Православной Миссии в различных районах Китая, а также очерк современного китайского ученого Юэ Фэна о роли православия в изучении и популяризации китайской культуры. В качестве приложения к этой статье в сборнике дан текст Постановления Госсовета КНР от 31 января 1994 года "О регулировании религиозной деятельности иностранных граждан на территории КНР", № 144, из которого видно отношение правительства КНР к религиозной деятельности иностранцев на территории КНР в настоящее время.

Авторы и составители сборника выражают надежду, что данный труд, знакомя читателей с богатейшими давними традициями российско-китайских духовных и культурных связей, будет способствовать дальнейшему росту взаимопонимания между нашими народами-соседями и государствами-соседями – Россией и Китаем, имеющими самую протяжённую в мире общую сухопутную границу, длиною свыше 4000 км, и богатую, более чем 350-летнюю, историю взаимных духовных, культурных, торговых и политических контактов" (263).

Всякий раз отбор подходящих лиц для отправки в очередную командировку за границу доставлял Синоду и Коллегии иностранных дел известные затруднения. При назначении членов миссии не избежать промашек: не все подходят к такой службе, соответствуя требованиям то по своим способностям, то по деловым или нравственным качествам, то по состоянию здоровья. И некоторые, не выдержав климата, умерли в Пекине, кто-то спился, случались другие грехопадения, включая самоубийства. Приходится признать, первоначально поставленной цели поддержания русской веры среди потомков "пленных" албазинцев миссия достигала в слабой степени.

Деятельность Пекинской миссии в роли посредницы в дипломатических делах, в общем, была достаточно успешной. Качество посредничества в межгосударственных сношениях России с Китаем зависело от подготовки переводчиков с восточных языков (посольских драгоманов). Не все ученики Православной миссии в должной мере овладевали

маньчжурским и китайским языками, оправдывая тем возлагавшиеся на них надежды. Из научавшихся в Пекине с 1729 по 1808 год вышли такие знатоки китайского и маньчжурского языков, как Илларион Россохин, Алексей Владыкин, Алексей Леонтьев, Алексей Агафонов, Степан Липовцев. Именно они в конце XVIII – начале XIX века обозначили уровень русского востоковедения (198, с. 40).

В составе 20 миссий (с 1715 по 1954 год) были и подвижники, преуспевшие *пусть не* в проповеди христианства, но в постижении нравов, культуры, политики и истории Китая, других стран Центральной Азии и Дальнего Востока, как и в овладении ими восточных языков. Китаистам известны труды архимандритов Иакинфа Бичурина, Пётра Каменского, Даниила Сивиллова, Аввакума Честного, Палладия Кафарова. В числе первых учёных ориенталистов в российских университетах "миссионеры" В.П.Васильев, О.П.Войцеховский, И.П.Захаров, Д.А.Пещуров, К.А. Скачков и др." (Тихвинский С.Л. Предисловие.) Много чего случайного.

– Есть ещё всякая пузатая мелочишка. И в то же время нет чего-то важного. Ради чего стоило ввязываться "в тему". – Чего именно? – Существенного и масштабного. Так какие же выводы следует делать нам, теперешним, из той прошлой истории? – Избавиться, прежде всего, от фальши империализма, внутреннего чувства восхищения силой покорения слабых народов (сидит глубоко в человеке и в человечестве – желание быть первым и главнее других), без чего тоже нельзя.

– Ибо иначе, в противном случае, ведь соседи сожрут тебя. То есть всё не так и просто в жизни… Вечная нравственная проблема, неразрешимая: сопротивление – или непротивление злу?– И всё же этот ключевой вопрос (вовсе не альтернатива) всё-таки останется открытым. Потому что антиномия – вечное противоречие, оттого и неисчерпаемое до конца. Однако всё равно, постоянно балансируя на грани, приходится искать оптимальный выход, полагаясь на здравый смысл.

В заключение, к этой хронике ПДМ д**о**лжно у нас самих найтись какое-то, хоть бы и в первом приближении, своё объяснение именно такого, всё же бесславного и печального для православия, завершения истории противостояния и смертной борьбы двух великих империй Евразии на протяжении нескольких столетий. Познать и понять весь драматизм взаимоотношений разных культур в недавнем прошлом, чтобы наконец-то поумнеть и стать мудрей в будущем, хоть на капельку. Ради всеобщего мира и братства на своей единственной Земле.

Лев Толстой и китайцы-философы древности

Третья скрижаль Триптиха, понятно, противоречивая и спорная, не может оставаться без принципиальной оценки истории ПДМ, с учётом самой безжалостной позиции со стороны такого морального авторитета века, каким был для нас великий писатель Лев Толстой. "Китайское послание" задумано им в связи с серьёзными политическими событиями в Китае. И что же там у них случилось и творилось?

Возникшие в Китае "Общества Большого Кулака" – ихэтуань, члены которых именовались "боксёрами", подняли восстание с целью освобождения Китая от вмешательства в их жизнь чужестранцев. В мае 1900 г. начались столкновения боксёров с европейцами. Когда было убито несколько миссионеров и китайцев-христиан, европейские посольства вызвали в Пекин гарнизон из трехсот сорока матросов-европейцев. В ответ отряды боксёров, поддерживаемые чиновными лицами, осадили посольский квартал. Официально война не была объявлена и дипломатические сношения продолжались, "повстанцы" получали оружие от правительства, регулярные войска братались с боксёрами и переходили на их сторону.

4/16 июня европейцы бомбардировали и захватили китайскую крепость Таку, а 7/20 июня китайцами убит германский посланник барон фон-Кеттелер, известный своими издевательствами над верованиями и обычаями китайцев. В тот же день китайские войска и боксёры начали обстреливать европейский квартал. На выручку европейцам подошли к Пекину японские и русские войска, и 2/14 августа, после ожесточённого боя, осаждённые европейцы будут освобождены войсками под командованием генерала Линевича. После этого европейцы принялись "водворять порядок" и "усмирять боксёров", проявляя при этом жёсткость и жестокость.

А местное русское начальство, сверх всего, предписало мирному китайскому населению Благовещенска оставить город в двадцать четыре часа. Всех китайцев согнали на берег Амура, где не было никаких средств переправы, – и под угрозой немедленной расправы те пытались вплавь перебираться на противоположную сторону реки. Тут произошло грандиозное "потопление китайцев", русские отстреливали плывущих китайцев. Погибло от трёх до семи тысяч человек, и лишь немногие счастливчики достигли китайского берега.

Непрошеное вмешательство воинственных держав в чуждые дела закрытого китайского мира Толстой воспринял как проявление колонизаторских уродств европейской цивилизации. Тем сильнее привлекают его внимание древние восточные ценности. В статье "Прогресс и

определение образования" он напишет: "Нам известен Китай, имеющий 200 миллионов жителей, опровергающий всю нашу теорию прогресса, и мы ни на минуту не сомневаемся, что прогресс есть общий закон всего человечества, и что мы, верующие в прогресс, правы, а не верующие в него виноваты, и с пушками и ружьями идём внушать китайцам идею прогресса" (ПСС, 1936, т. 8, с. 332).

Толстой с негодованием следил за событиями в Китае и ещё в статье "Не убий" (8 августа 1900) упомянул "ужасную по своей несправедливости, жестокости и несообразности с проектом мира, китайскую бойню". В письме к В.Г.Черткову от 2(?) октября 1900 г. он писал: "Нынче, читая о наказаниях китайцев во имя христианства, ужасно захотелось написать послание китайцам, в котором сказать им, что те христиане, которых они знают и которые их мучают, – самозванцы и клевещут на Христа, а что христиане любили бы и помогали бы им и любят и готовы помогать им и т.п..." (см. Толстой Л.Н. ПСС, т. 88).

Действительно, в октябре-ноябре (?) 1900 г. он неоднократно пытается набросать "послание китайцам" ("Христиане – китайскому народу"), но ни один из набросков не был закончен и отделан. В одном из них, обращаясь к китайцам, Толстой пишет: "Среди вас совершают теперь величайшие злодейства вооружённые люди, называющие себя христианами. Не верьте им: люди эти не христиане, а шайка самых ужасных, бессовестных разбойников, не переставая грабивших и грабящих, мучающих, развращающих и губящих телесно и душевно весь рабочий народ – 9/10 населения в Европе и Америке, и теперь желающих захватить и вас ограбить, покорить, а главное – развратить, потому что без развращения тех народов, которых они мучают, эта небольшая шайка разбойников не могла бы властвовать над миллионами..." (Наброски "Послания китайцам" // см. там же, в т. 34. Ещё см. письмо к В.Г.Черткову от 15 октября 1900 г. // в т. 88).

Из дневниковых записей Л.Н.Толстого

Своего рода сведения от тебя самому себе, но им можно доверять.

1900 г., 29 октября, Л.Н.Толстой делает запись в своём дневнике: "Обдумывал Китайское послание"* (*См. Л.Н.Толстой. ПСС, т.54, с. 52-53 и др.)

30 октября, уже на другой день: "Начал утром писать послание китайцам. Мало и плохо написал начало".

7 ноября: "Думал о трёх статьях: 1) Письмо Китайцам, 2) О том, что всё на убийстве, и 3) что у нас quasi христиан нет никакой религии"*. *Не трудно понять, что те статьи задуманы в связи с нападением европейских держав на Китай. В своём обращении к китайскому

народу, которое он тогда только обдумывал, Толстой объявил, западный мир держится на убийстве, а у европейских христианских правительств нет и тени христианского человеколюбия.

12 ноября. "…Ничего не пишу, занимаюсь Конфуцием, и очень хорошо. Черпаю духовную силу. Хочу записать как я понимаю теперь "Великое Учение" и "Учение середины"*.

*"Сущность китайскаго учения такая: Истинное (Великое) учение научает людей высшему добру, обновлению людей и пребыванию в этом состоянии. Чтобы обладать высшимъ благом нужно 1) чтобы было благоустройство во всем народе; – для того, чтобы было благоустройство во всем народе, нужно 2) чтобы было благоустройство в семье. Для того, чтобы было благоустройство в семье, нужно 3) чтобы было благоустройство в самом себе. Для того, чтобы было благоустройство в самом себе, нужно 4) чтобы сердце было исправлено. ("Ибо где будет сокровище ваше, там будет и сердце ваше"). Для того, чтобы сердце было исправлено, нужна 5) сознательность мысли. Для того, чтобы была сознательность мысли, нужна 6) высшая степень знания. Для того, чтобы было знание, 7) нужно изучение самого себя".

"Все вещи имеютъ корень и его последствия; все дела имеют конец и начало. Знать чтò самое важное, чтò должно быть первым и чтò последним, есть то, чему учитъ истинное учение. <(Когда ясно определена главная цель, к которой должно стремиться, можно, откинув другие ничтожные цели, достигнуть спокойствия и постоянства. Достигнув спокойствия и постоянства, можно ясно обдумать предмет. Ясно обдумав предмет, можно достигнуть цели).>

Усовершенствование человека есть начало всего. Если корень в пренебрежении, то не может быть хорошо то, чтò должно вырасти из него. <Чтобы обладать благом, человеку надо изучать законы неба (волю пославшего его); чтобы обновляться, надо не переставая каждый день исправлять себя: признавать свои ошибки и стараться вновь не впадать в них; чтобы оставаться в том, чтò он считает благом, надо иметь искренние цельные недвойственные мысли. Птица знает, где оставаться. Как же не будет знать этого человек?>"

13 ноября. "Конфуция учение о том, чтобы быть особенно внимательным к себе, когда один, всё ещё приносит плоды".

14 ноября. "Занимаюсь Конфуцием, и всё другое кажется ничтожным".

8 декабря. "В китайском учении Середины сказано, что для 1) блага всех нужно 2) благоустройство государства. Для благоустройства государства – 3) благоустройство семьи. Для благоустройства

семьи – 4) улучшение человека. Для улучшения человека нужно 5) исправление сердца (т.е. желаний). Для исправления сердца нужно 6) один говорит: sincerity, другой: veracity of intention. Я бы сказал: единство цели. Для достижения единства цели нужно: истинное знание. Для истинного знания нужно различение вещей, т.е. добра и зла. Я бы изменил первые два положения так: Для 1) блага нужно 2) добрые отношения с людьми. Для добрых отношений с людьми нужно, чтобы 3) ты сам был хорош. Для того, чтобы ты был хорош, нужно 4) чтоб ты очистил своё сердце. Для того, чтобы ты очистил своё сердце, нужно 5) чтобы у тебя была определённая цель в жизни. Для того, чтобы у тебя была определённая цель жизни, нужно 6) чтобы ты был просвещён. Для того, чтобы ты был просвещён, нужно 7) чтобы ты знал что̀ хорошо и что̀ дурно".

1902 г., 22 января [Гаспра.] "Почти всё время был болен, т.е. приближался к смерти. И довольно хорошо жил. За это время написал письмо Государю и послал через Николая Михайловича. И письмо, и он нынче в Петербурге. Не знаю, передаст ли".

1909 г., 8 апреля. "Вчера занимался тоже Конфуцием. Кажется, можно написать". Об этом же запишет 11 апреля и в следующие дни.

5 мая Толстой отмечает, что готовит книжки о Конфуции и Лаоцзы для издательства "Посредник". Но затем эта работа временно прерывается. В августе Толстой вернётся к ней.

24 августа. "Вечером читал Конфуция и говорил много и хорошо с Иваном Ивановичем об изданиях…"

30 сентября. "Был Буланже, говорил с ним о Конфуции"*. *Наряду с своей работой Толстой помогает П.А.Буланже выпустить вторую книжку о китайском мыслителе.

Письмо Л.Н.Толстого Николаю II

1902 г. Января 16. Гаспра

Любезный брат!

Такое обращение я счёл наиболее уместным потому, что обращаюсь к вам в этом письме не столько как к царю, сколько как к человеку – брату. Кроме того ещё и потому, что пишу вам как бы с того света, находясь в ожидании близкой смерти.

Мне не хотелось умереть, не сказав вам того, что я думаю о вашей теперешней деятельности и о том, какою она могла бы быть, какое большое благо она могла бы принести миллионам людей и вам и какое большое зло она может принести людям и вам, если будет продолжаться в том же направлении, в котором идёт теперь.

Треть России находится в положении усиленной охраны, то есть вне закона. Армия полицейских – явных и тайных – всё увеличивается. Тюрьмы, места ссылки и каторги переполнены, сверх сотен тысяч уголовных, политическими, к которым причисляют теперь и рабочих. Цензура дошла до нелепостей запрещений, до которых она не доходила в худшее время 40-ых годов. Религиозные гонения никогда не были столь часты и жестоки, как теперь, и становятся всё жёсточе и жёсточе и чаще. Везде в городах и фабричных центрах сосредоточены войска и высылаются с боевыми патронами против народа. Во многих местах уже были братоубийственные кровопролития, и везде готовятся и неизбежно будут новые и ещё более жестокие.

И как результат всей этой напряжённой и жестокой деятельности правительства, земледельческий народ – те 100 миллионов, на которых зиждется могущество России, – несмотря на непомерно возрастающий государственный бюджет или, скорее, вследствие этого возрастания, нищает с каждым годом, так что голод стал нормальным явлением. И таким же явлением стало всеобщее недовольство правительством всех сословий и враждебное отношение к нему.

И причина всего этого, до очевидности ясная, одна: та, что помощники ваши уверяют вас, что, останавливая всякое движение жизни в народе, они этим обеспечивают благоденствие этого народа и ваше спокойствие и безопасность. Но ведь скорее можно остановить течение реки, чем установленное богом всегдашнее движение вперёд человечества. Понятно, что люди, которым выгоден такой порядок вещей и которые в глубине души своей говорят: "apres nous le deluge" [после нас хоть потоп (фр.)], могут и должны уверять вас в этом; но удивительно, как вы, свободный, ни в чём не нуждающийся человек, и человек разумный и добрый, можете верить им и, следуя их ужасным советам, делать или допускать делать столько зла ради такого неисполнимого намерения, как остановка вечного движения человечества от зла к добру, от мрака к свету.

Ведь вы не можете не знать того, что с тех пор как нам известна жизнь людей, формы жизни этой, как экономические и общественные, так религиозные и политические, постоянно изменялись, переходя от более грубых, жестоких и неразумных к более мягким, человечным и разумным.

Ваши советники говорят вам, что это неправда, что русскому народу как было свойственно когда-то православие и самодержавие, так оно свойственно ему и теперь и будет свойственно до конца дней и что поэтому для блага русского народа надо во что бы то ни стало

поддерживать эти две связанные между собой формы: религиозного верования и политического устройства. Но ведь это двойная неправда. Во-первых, никак нельзя сказать, чтобы православие, которое когда-то было свойственно русскому народу, было свойственно ему и теперь. Из отчётов обер-прокурора Синода вы можете видеть, что наиболее духовно развитые люди народа, несмотря на все невыгоды и опасности, которым они подвергаются, отступая от православия, с каждым годом всё больше и больше переходят в так называемые секты. Во-вторых, если справедливо то, что народу свойственно православие, то незачем так усиленно поддерживать эту форму верования и с такою жестокостью преследовать тех, которые отрицают её.

Что же касается самодержавия, то оно точно так же если и было свойственно русскому народу, когда народ этот ещё верил, что царь – непогрешимый земной бог и сам один управляет народом, то далеко уже несвойственно ему теперь, когда все знают или, как только немного образовываются, узнают, во-первых, то, что хороший царь есть только "un heureux hasard" [счастливая случайность (фр.)], а что цари могут быть и бывали и изверги и безумцы, как Иоанн IV или Павел, а во-вторых, то, что, какой бы он ни был хороший, никак не может управлять сам 130-миллионным народом, а управляют народом приближённые царя, заботящиеся больше всего о своём положении, а не о благе народа. Вы скажете: царь может выбирать себе в помощники людей бескорыстных и хороших. К несчастью, царь не может этого делать потому, что он знает только несколько десятков людей, случайно или разными происками приблизившихся к нему и старательно загораживающих от него всех тех, которые могли бы заместить их. Так что царь выбирает не из тех тысяч живых, энергичных, истинно просвещённых, честных людей, которые рвутся к общественному делу, а только из тех, про которых говорил Бомарше: "Mediocre et rampant et on parvient a tout" ["Будь ничтожен и подобострастен и всего достигнешь" (фр.)]. И если многие русские люди готовы повиноваться царю, они не могут без чувства оскорбления повиноваться людям своего круга, которых они презирают и которые так часто именем царя управляют народом.

Вас, вероятно, приводит в заблуждение о любви народа к самодержавию и его представителю – царю то, что везде при встречах вас в Москве и других городах толпы народа с криками "ура" бегут за вами. Не верьте тому, чтобы это было выражением преданности вам, – это толпа любопытных, которая побежит точно так же за всяким непривычным зрелищем. Часто же эти люди, которых вы принимаете за

выразителей народной любви к вам, суть не что иное, как полицией собранная и подстроенная толпа, долженствующая изображать преданный вам народ, как это, например, было с вашим дедом в Харькове, когда собор был полон народа, но весь народ состоял из переодетых городовых.

Если бы вы могли, так же как я, походить во время царского проезда по линии крестьян, расставленных позади войск, вдоль всей железной дороги, и послушать, что говорят эти крестьяне: старосты, сотские, десятские, сгоняемые с соседних деревень и на холоду и в слякоти без вознаграждения с своим хлебом по нескольку дней дожидающиеся проезда, вы бы услыхали от самых настоящих представителей народа, простых крестьян, сплошь по всей линии речи, совершенно несогласные с любовью к самодержавию и его представителю. Если лет 50 тому назад при Николае I ещё стоял высоко престиж царской власти, то за последние 30 лет он, не переставая, падал и упал в последнее время так, что во всех сословиях никто уже не стесняется смело осуждать не только распоряжения правительства, но самого царя и даже бранить его и смеяться над ним.

Самодержавие есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в центральной Африке, отделённой от всего мира, но не требованиям русского народа, который всё более и более просвещается общим всему миру просвещением. И потому поддерживать эту форму правления и связанное с нею православие можно только, как это и делается теперь, посредством всякого насилия: усиленной охраны, административных ссылок, казней, религиозных гонений, запрещения книг, газет, извращения воспитания и вообще всякого рода дурных и жестоких дел.

И таковы были до сих пор дела вашего царствования. Начиная с вашего возбудившего негодование всего русского общества ответа тверской депутации, где вы самые законные желания людей назвали "бессмысленными мечтаниями"[4], – все ваши распоряжения о Финляндии[5], о китайских захватах[6], ваш проект Гаагской конференции, сопровождаемый усилением войск[7], ваше ослабление самоуправления и усиление административного произвола, ваша поддержка гонений за веру, ваше согласие на утверждение винной монополии, то есть торговли от правительства ядом, отравляющим народ, и, наконец, ваше упорство в удержании телесного наказания, несмотря на все представления, которые делаются вам об отмене этой позорящей русский народ бессмысленной и совершенно бесполезной меры, – всё это поступки, которые вы не могли бы сделать, если бы не задались, по со-

вету ваших легкомысленных помощников, невозможной целью – не только остановить жизнь народа, но вернуть его к прежнему, пережитому состоянию.

[[4]Николай II в речи перед представителями от земства и дворянства, предостерёг от "бессмысленных мечтаний об участии в делах внутреннего самоуправления", заявив, что будет "охранять начала самодержавия". [5]Царское правительство проводило политику русификации Финляндии. В 1900 г. русский язык объявлен официальным языком; 29 июня введён новый закон, по которому финны должны отбывать воинскую повинность в русской армии. [6]Имеется в виду интервенция Германии, США, Англии, Франции, Японии, Италии, Австро-Венгрии, царской России в Китае 1900-1901 гг. для подавления "боксерского" восстания. [7]В 1899 г. созвана мирная конференция в Гааге. Тогда царизм вёл подготовку к войне на Дальнем Востоке].

Мерами насилия можно угнетать народ, но нельзя управлять им. Единственное средство в наше время, чтобы действительно управлять народом, только в том, чтобы, став во главе движения народа от зла к добру, от мрака к свету, вести его к достижению ближайших к этому движению целей. Для того же, чтобы быть в состоянии сделать это, нужно прежде всего дать народу возможность высказать свои желания и нужды и, выслушав эти желания и нужды, исполнить те из них, которые будут отвечать требованиям не одного класса или сословия, а большинству его, массе рабочего народа.

И те желания, которые выскажет теперь русский народ, если ему будет дана возможность это сделать, по моему мнению, будут следующие:

Прежде всего рабочий народ скажет, что желает избавиться от тех исключительных законов, которые ставят его в положение пария, не пользующегося правами всех остальных граждан; потом скажет, что он хочет свободы передвижения, свободы обучения и свободы исповедания веры, свойственной его духовным потребностям; и, главное, весь 100-миллионный народ в один голос скажет, что он желает свободы пользования землёй, то есть уничтожения права земельной собственности.

И вот это-то уничтожение права земельной собственности и есть, по моему мнению, та ближайшая цель, достижение которой должно сделать в наше время своей задачей русское правительство.

В каждый период жизни человечества есть соответствующая времени ближайшая ступень осуществления лучших форм жизни, к которой оно стремится. Пятьдесят лет тому назад такой ближайшей ступенью было для России уничтожение рабства. В наше время такая ступень есть освобождение рабочих масс от того меньшинства, которое властвует над ними, – то, что называется рабочим вопросом.

В Западной Европе достижение этой цели считается возможным через передачу заводов и фабрик в общее пользование рабочих. Верно

ли, или неверно такое разрешение вопроса и достижимо ли оно или нет для западных народов, – оно, очевидно, неприменимо к России, какова она теперь. В России, где огромная часть населения живёт на земле и находится в полной зависимости от крупных землевладельцев, освобождение рабочих, очевидно, не может быть достигнуто переходом фабрик и заводов в общее пользование. Для русского народа такое освобождение может быть достигнуто только уничтожением земельной собственности и признанием земли общим достоянием, – тем самым, что уже с давних пор составляет задушевное желание русского народа и осуществление чего он всё ещё ожидает от русского правительства.

Знаю я, что эти мысли мои будут приняты вашими советниками как верх легкомыслия и непрактичности человека, не постигающего всей трудности государственного управления, в особенности же мысль о признании земли общей народной собственностью; но знаю я и то, что для того, чтобы не быть вынужденным совершать всё более и более жестокие насилия над народом, есть только одно средство, а именно: сделать своей задачей такую цель, которая стояла бы впереди желаний народа. И, не дожидаясь того, чтобы накатывающийся воз бил по коленкам, – самому везти его, то есть идти в первых рядах осуществления лучших форм жизни. А такой целью может быть для России только уничтожение земельной собственности. Только тогда правительство может, не делая, как теперь, недостойных и вынужденных уступок фабричным рабочим или учащейся молодёжи, без страха за своё существование быть руководителем своего народа и действительно управлять им.

Советники ваши скажут вам, что освобождение земли от права собственности есть фантазия и неисполнимое дело. По их мнению, заставить 130-миллионный живой народ перестать жить или проявлять признаки жизни и втиснуть его назад в ту скорлупу, из которой он давно вырос, – это не фантазия и не только не неисполнимо, но самое мудрое и практическое дело. Но ведь стоит только серьёзно подумать для того, чтобы понять, что действительно неисполнимо, хотя оно и делается, и что, напротив, не только исполнимо, но своевременно и необходимо, хотя оно и не начиналось.

Я лично думаю, что в наше время земельная собственность есть столь же вопиющая и очевидная несправедливость, какою было крепостное право 50 лет тому назад. Думаю, что уничтожение её поставит русский народ на высокую степень независимости, благоденствия и довольства. Думаю тоже, что эта мера, несомненно, уничтожит всё

то социалистическое и революционное раздражение, которое теперь разгорается среди рабочих и грозит величайшей опасностью и народу и правительству. Но я могу ошибаться, и решение этого вопроса в ту или другую сторону может быть дано опять-таки только самим народом, если он будет иметь возможность высказаться.

Так что, во всяком случае, первое дело, которое теперь предстоит правительству, это уничтожение того гнета, который мешает народу высказать свои желания и нужды. Нельзя делать добро человеку, которому мы завяжем рот, чтобы не слыхать того, чего он желает для своего блага. Только узнав желания и нужды всего народа или большинства его, можно управлять народом и сделать ему добро.

Любезный брат, у вас только одна жизнь в этом мире, и вы можете мучительно потратить её на тщетные попытки остановки установленного богом движения человечества от зла к добру, мрака к свету и можете, вникнув в нужды и желания народа и посвятив свою жизнь исполнению их, спокойно и радостно провести её в служении богу и людям.

Как ни велика ваша ответственность за те годы вашего царствования, во время которых вы можете сделать много доброго и много злого, но ещё больше ваша ответственность перед богом за вашу жизнь здесь, от которой зависит ваша вечная жизнь и которую бог дал вам не для того, чтобы предписывать всякого рода злые дела или хотя участвовать в них и допускать их, а для того, чтобы исполнять его волю. Воля же его в том, чтобы делать не зло, а добро людям.

Подумайте об этом не перед людьми, а перед богом и сделайте то, что вам скажет бог, то есть ваша совесть. И не смущайтесь теми препятствиями, которые вы встретите, если вступите на новый путь жизни. Препятствия эти уничтожатся сами собой, и вы не заметите их, если только то, что вы будете делать не для славы людской, а для своей души, то есть для бога.

Простите меня, если я нечаянно оскорбил или огорчил вас тем, что написал в этом письме. Руководило мною только желание блага русскому народу и вам. Достиг ли я этого – решит будущее, которого я, по всем вероятиям, не увижу. Я сделал то, что считал своим долгом.

Истинно желающий вам истинного блага брат ваш Лев Толстой.

16 января 1902

Ещё в конце февраля 1884 года Толстой писал В.Г.Черткову: "Я сижу дома в жару, с сильнейшим насморком, и читаю Конфуция второй день. Трудно представить себе, что это за необычайная нравственная высота". То была книга "The life and teaching of Confucius"

("Жизнь и учение Конфуция") – первый том труда Джемса Легга "The Chinese Classics" ("Китайские классики"). И в марте 1884 года снова напишет Черткову об этой книге: "Очень много почерпнул хорошего, полезного и радостного для себя. Хочу поделиться с другими".

В том же письме Толстой приводит следующее переведённое им изречение китайской мудрости: "Возобновляй сам себя каждый день с начала, и опять с начала, и всегда с начала. Мне это очень нравится". К этому времени относятся первые работы Толстого об учении китайского мыслителя – незавершённые статьи "Книги Конфуция" и "Великое учение". О философии Конфуция он делает ряд записей и в своём дневнике. А открыв для себя учение Лао-цзы, Толстой тут же попытается изложить его в статье, а затем и в книге.

Несколько раз возвращался он к замыслу книги о Конфуции. В 1886 году, перечитав Конфуция и натолкнувшись в его рассуждениях о бесконечности познания на сравнение поисков истины с течением воды, Толстой взялся даже написать рассказ на эту тему, но дальше начала не пошло. Тот набросок в автографе: "Течение воды". "Однажды ученики Конфуцы застали его у реки. Учитель сидел на берегу и пристально смотрел на воду, как она бежала. Ученики удивились и спросили: "Учитель, какая польза смотреть на то, как текут воды? Это дело самое обыкновенное, оно всегда было и будет".

Конфуцый сказал: "Вы правду говорите: это дело самое обыкновенное, оно всегда было и будет, и всякий понимает его. Но не всякий понимает то, как подобно течение воды учению. Я глядел на воду и думал об этом. Воды текут без остановки, текут они днём, текут они ночью, текут до тех пор, пока не сольются все вместе в большом океане. Так и истинное учение отцов, дедов и прадедов наших от начала мира текло без остановки до нас. Будем же и мы делать так, чтобы истинное учение текло дальше, будем делать так, чтобы передать его тем, которые будут жить после нас, чтобы и те по нашему примеру передали его своим потомкам, и так до конца веков".

Судя по этому началу, основной мыслью рассказа должна была стать идея бесконечности поисков истины. Истина необъятна, безгранична, и никто не может сказать, что познал её. Поиски истины радостны, ибо это бесконечный процесс познания и уразумения жизни. Они подобны течению воды. Множество ручейков, сливаясь, образуют реки, моря и океаны; множество усилий в поисках истины, сливаясь, ведут к безбрежному океану человеческого знания...

Готовя сборник изречений "Мысли мудрых людей на каждый день" в 1903 году, Толстой отберёт в него 36 высказываний Лао-цзы

по изданию П.Каруса, переведя с английского и уточнив стилистику, сделает их доступнее и яснее для своих читателей. И в следующие сборники – "Круг чтения", "На каждый день", "Для души", "Путь жизни" – наш писатель продолжает включать афоризмы древнекитайского мудреца, подвергая их собственноручной обработке. Вот один из них: "Человек, стоящий на цыпочках, не может долго стоять (…) Кто доволен самим собой, тот не может прославить себя. Кто хвастается, тот не может иметь заслуги. Кто гордится, тот не может возвыситься. Перед судом разума такие люди подобны отбросам пищи и вызывают отвращение собой. Поэтому тот, кто имеет разум, не полагается на них".

В 1909 году Толстой вернётся к мысли о переиздании афоризмов из книги "Дао дэ цзин". Поскольку та философия непроста для восприятия малограмотными людьми, Лев Николаевич составит из своих переводов небольшую книжку избранных изречений китайского мудреца для широкого круга русских читателей. Она выйдет в свет в издательстве "Посредник" уже за несколько месяцев до смерти писателя. Отобранные им 64 изречения Лао-цзы лаконичны и тщательно отшлифованы. В заметке "О сущности учения Лао-Тзе" им даётся толкование и оценка китайского мышления.

Толстой серьёзно вникал в истоки восточной философии, и не только Лао-цзы. В то же время много внимания уделял он Конфуцию (551-479 до н.э.), которого изучил по лучшим для своего времени источникам, переводам русским и западноевропейским. Учение выдающегося мыслителя древнего Китая касалось этики, выдвигая на первый план проблемы личного поведения и нравственности. Видимо, именно потому оно особенно и заинтересовало Льва Николаевича.

Русского писателя привлекла "срединная" философия Кун-цзы, её идеология. Концепт середины в основании всеобщей стабильности и постоянства, отражая чувство страха у конфуцианцев перед резкими политическими переменами, возведён древним философом в основной принцип гражданского поведения в мире. Поиски равновесия и "среднего пути" трактуются как высшее проявление людской мудрости, закон приспособления человека к жизни, обстоятельствам и времени.

Примечательны многие выдержки из записок Л.Н.Толстого: "Человек не должен отдавать предпочтения ни отжившей старине, ни нарождающемуся новому. Не следует отставать в движении, забегать вперёд, отклоняться в сторону. Всякое однобокое развитие вредно. Прав народ в своём стремлении к лучшей жизни, но есть смысл и в том, что властители держат его в повиновении. И те и другие должны избегать крайностей, идти средним путём, который и есть мудрое вы-

ражение постоянства бытия, жизни без катаклизмов и потрясений". И в 1900 году, когда в Китае шла война, Толстой вернётся к мысли об издании в России китайских философов. В его дневнике этого времени выписки из Конфуция перемежаются с грустными размышлениями о разбое великих держав в Китае и раздумьями о судьбах человеческой цивилизации. <…>

Последующие обращения Толстого к Конфуцию были также связаны со стремлением распространить его учение в России и во всём мире. В 1908 году Толстой поддержал намерение своего знакомого П.А.Буланже написать брошюру о Конфуции. Она вышла в свет с включением статьи Толстого "Изложение китайского учения" в издательстве "Посредник" под заглавием "Жизнь и учение Конфуция".

До этого, в 1888 году Толстой в беседе с английским социологом Уильямом Стэдом развивал идею создания Всемирной философской библиотеки, которая популяризировала бы учения Конфуция, Лао-цзы и других мыслителей древности. У.Стэд так передаёт мысль Толстого: "Он питает глубокое уважение к китайцам – Конфуцию, Менциусу (Мэн-цзы – К.Г.) и Лао-цзы. Их следовало бы издавать едва ли не в числе первых, так же как и книгу, излагающую сущность буддизма".

В упоминавшиеся сборники для чтения писатель включил наряду с высказываниями других мыслителей 60 изречений Конфуция, взятых им из перевода, выполненного Д.П.Кониси, причём ни одно изречение не попало в сборники Толстого в том виде, в каком было взято: писатель сличил их с другими переводами и придал им необходимую краткость, ясность и афористичность.

В 1909 году Толстой вновь читал и перечитывал Конфуция с целью написать о нём. <…>

В 1910 году, незадолго до смерти Толстого, новая книга П.А. Буланже вышла в свет. Лев Николаевич принял в подготовке её к изданию самое активное участие. Философия китайского мыслителя освещена в ней с позиции толстовства. Специалисты считают, что это ценный труд о великом философе древности.

Л.Н.Толстой, конечно, был знаком и с философией Мэн-цзы (372-289 гг. до н.э.). Этот философ, последователь Конфуция, в своё время развил и укрепил этику конфуцианства. Считая вслед за Конфуцием, что путь к счастью лежит через гуманность и покорность, достигаемые совершенствованием личности, Мэн-цзы провозгласил любовь и добро основами человеческой природы. В каждом человеке, по его утверждению, заложены четыре этических начала: гуманность, долг, мудрость и покорность. Эти начала проявляются в свойственных че-

ловеческой природе четырёх чувствах: правды, сострадания, стыда и скромности. И следует развивать эти ценности в себе, дабы они восторжествовали в человеке, особенно гуманность и чувство долга.

Толстой не интересовался общими воззрениями Мэн-цзы, не углублялся в его метафизические построения. Единственное, что его интересовало, – это идея нравственного самосовершенствования, которую он понимал, как обычно, в соответствии с собственными взглядами. Вот как писатель изложил мораль Мэн-цзы в "Круге чтения":

"Во всех людях есть чувство милосердия, стыда и ненависти к пороку. Каждый может посредством самовоспитания взрастить эти чувства или дать им завянуть. Чувства эти составляют часть самого человека, так же как и члены его тела. И чувства эти, так же как и члены тела, могут быть воспитаны. На горе Никоншау растут прекрасные деревья. Когда их стволы срезаны, вырастают постоянно новые побеги; если пустить по ним скотину, то гора сделается голой. Оголение горы не свойственно ей. Так же и развращение души: если мы допустим низкие страсти поедать благородные побеги милосердия, стыда, ненависти к пороку в нашем сердце, разве мы скажем вследствие этого, что всех этих чувств нет в сердце человека? Знать закон неба – значит развивать высшее свойство нашей природы".

Толстой всё же не прошёл мимо консервативных сторон мышления Мэн-цзы. Он уловил их в одном наиболее близком ему пункте – в вопросе о всеобщей любви. Этот вопрос был предметом спора между Мэн-цзы и великим китайским философом Мо Ди (противник Конфуция, обосновывавший идею равенства всех людей) о всеобщей любви.

В одном из фрагментов толстовского "Круга чтения" сказано: "Среди китайских мудрецов был один, Ми-Ти (Мо-цзы), который предлагал правителям внушать людям не уважение к силе, к богатству, власти, храбрости, а к любви. Он говорил: "Воспитывают людей так, чтобы они ценили богатство, славу, – и они оценят их. Воспитывайте их так, чтобы они любили любовь, – и они будут любить любовь". Мен-дзе, ученик Конфуция, не соглашался с ним и опровергал его, и учение Ми-Ти не восторжествовало".

В этой записи несколько упрощённо изложена суть полемики о всеобщей любви. "Круг чтения" был рассчитан на неподготовленного читателя, и видно, что Толстой не всё одобрял в философии Мэн-цзы. Недаром он причислит его к тем китайским мудрецам, которые внушили людям "уважение к силе и богатству". Писатель стоял на стороне Мо Ди, с философией которого он познакомился ещё в 1884 го-

ду. Понятно, почему этика Мо-цзы привлечёт приверженность Толстого.

Основой этического учения Мо Ди провозгласил принцип цзянь ай (всеобщей любви), противопоставив его конфуцианскому принципу жэнь, который трактовался как безусловный долг низших подчиняться высшим. В противовес конфуцианцам он утверждал, что все люди равны и должны пользоваться одинаковыми правами и благами.

Русский писатель сразу выделил центральную мысль того этического учения – идею равенства и всеобщей любви. Занятый изучением других мыслителей Востока, тогда он не стал сразу углубляться в детали заинтересовавшего его учения. Вернувшись к нему в 1890 году, Толстой решит ознакомить с учением Мо Ди широкие круги читателей и для этого он ищет себе помощника.

15 марта 1890 года, обращаясь к В.Г.Черткову, сообщит тому: "Хорошая очень предстоит работа знающему по-английски… Это вот что: в китайских книгах, английских, забыл переводчика, которые были у меня и теперь у вас*, есть учение о любви Ми-ти. Помните? В учении Менция и Конфуция (в особенности Менция) есть опровержение этого учения. Так вот перевести всё это и составить книгу, в которой показать, что учение любви – как самое удобное (утилитарное) учение – предлагалось ещё вот когда и у китайцев и очень плохо опровергнуто и имело большую силу, – учение земное, утилитарное, без понятия об Отце и, главное, о жизни, то есть о жизни вечной. Очень бы хорошо было". (*Имеет в виду Дж. Легга "The Chinese Classics".)

Толстой не раз обращается к учению незаурядного Мо Ди, ощущая в себе желание написать и опубликовать труд о великом китайце древности. 5 ноября 1893 года снова пишет В.Г.Черткову: "Я пересматривал Лаодзе и теперь стал читать Legge, том, где Mih Te (Мо Ди. – К.Г.), и мне хочется составить книгу о китайской мудрости, рассуждение о том, что природа человеческая добрая и природа человеческая злая, и что люди должны быть эгоисты, индивидуалисты, или должны быть любящими. Всё это мне очень, очень интересно и важно и хочется это сделать всем доступным и об этом написать". Но с работой так и не справится – этот замысел остался неосуществлённым.

До конца Толстой выступает против публикации многочисленных псевдонаучных теорий, замусоривших книжные рынки России, и он противопоставит им труды мыслителей древности, вспомнив опять же китайца. В 1909 году П.А.Буланже по совету Толстого пишет книгу об учении Мо Ди, которая будет издана под редакцией Льва Николаеви-

ча. Тогда тот с горечью скажет: "Как странно звучит в наши времена, когда заговоришь о братстве, что должны быть братские отношения. Это нам при нашей жизни чуждо". Будто сегодня сказано…

Библиографическая справка

ЛАО-ЦЗЫ ("старый ребёнок"), легендарный основатель философского даосизма в Китае, живший будто бы в конце 7 в. до н. э., которому приписывается "Даодэцзин" ("Книга о пути и добродетели"). Л.-ц. был обожествлён в первых веках н.э., в период становления религиозного даосизма. Согласно мифам, он был зачат без отца от солнечной энергии, аккумулированной в пятицветной жемчужине, проглоченной его матерью Сюань-мяо-юйнюй, пробыл в её утробе 81 год и вышел из левого подреберья. Он был рождён под сливовым деревом – отсюда его фамилия Ли ("слива"). Через 9 дней он уже имел рост 9 чи (ок. 3 м) и все внешние признаки святого. В даосских трактатах Л.-ц. рассматривался как глава всех бессмертных, рождённый вместе с небом и землей. Ему приписывались магические способности, в том числе смена облика (появление в городе Чэнду на овечьем базаре в облике чёрного барана). Прожив чуть ли не 200 лет, Л.-ц. верхом на чёрном быке отправился на запад. Проезжая пограничную заставу, он передал её начальнику книгу "Даодэцзин". В период соперничества с буддизмом (5-6 вв.) появилась легенда о том, что уехавший на запад Л.-ц. прибыл в Индию, чудесным образом оплодотворил спящую мать принца Гаутамы и таким образом стал отцом Будды. Официальный культ Л.-ц. известен со 2 в., особо почитался при династии Тан, императоры которой, носившие фамилию Ли, считали его своим прародителем. В поздней народной мифологии он почитался как глава заклинателей, а также как покровитель кузнецов, серебряных и золотых дел мастеров, точильщиков, изготовителей пиал и палочек для еды. Часто изображался в виде старца верхом на быке. Б.Л.Рифтин.

СУНЬ-ЦЗЫ (Сунь У, Чжан цин) (6–5 вв. до н.э.) – древнекитайский полководец, стратег, теоретик военного искусства, основоположник "школы военной философии" (бин цзя). Уроженец "срединного" царства Ци, прославившийся победоносными боевыми действиями во главе войска "варварского" царства У (за что получил прозвище Воинственный). Считается автором древнейшего в мире и главного в Китае военно-философского трактата "Сунь-цзы". А.И. Кобзев

КУН-ЦЗЫ или Кун Фу-цзы – "почтенный учитель" (551-479 до н. э.) – древнекитайский мыслитель, основатель конфуцианства. Политические и этические воззрения Конфуция изложены в книге "Лунь юй" ("Беседы и изречения"), составленной его учениками. Трактуя

государство как большую семью (где власть императора уподобляется власти отца, а отношения правящих и подданных – семейным отношениям старших и младших), Конфуций выступал за аристократическую концепцию правления, предполагающую полное отчуждение населения от участия в управлении государством. Основная добродетель подданных, по Конфуцию, состоит в преданности правителю, в послушании и почтительности ко всем "старшим", в соблюдении ритуала. Идеи Конфуция стали основой религиозно-этического учения – конфуцианства.

МО ДИ, также Мо-цзы (жил ок. 480- 400 до Р. Х.) – великий кит. ученый, специалист в области социальной этики; ярый противник Конфуция, превосходящий его по богатству и глубине мысли. Простоту и умеренность (воздержание) трактовал в христ. смысле, как всеобщую любовь ко всем людям без различий. Его учение содержит социалистические элементы, однако не в современном (коммунистическом) толковании.

МЭН-ЦЗЫ (Mencius, Mengzi, Meng-tzu) (ок. 372-289 до н.э.), кит. философ; по популярности в Китае уступал лишь Конфуцию, чьё учение усердно отстаивал. Доказывал, что присущие человеку добродетели могут проявиться лишь в подобающих условиях. На ярких примерах М. демонстрировал, что правитель, заботящийся о благоденствии гос-ва, будет пользоваться любовью подданных и "вся Поднебесная" станет ему повиноваться. Считал обоснованным протест против деспотического правления . Подобно Конфуцию, вёл жизнь придворного, но не имел высокой гос. должности. Его учение вошло в кит. классич. наследие.

И откуда они такие, те китайцы?

Трезвые и резвые, предприимчивые и расчётливые, трудолюбивые и смышлённые, культурные и сплочёные, почитают старших. По-своему, и разные, конечно.

Загадка нескоро раскроется…

У китайских философов свой стиль логики, проследовательно-исчерпывающего мышления (стратегемного). Оно отличается своей незаурядной практичностью, или прагматичностью. Это не отвлечённая заумь и чистая литературность. Толстой всё это почувствовал и уловил, имея к тому предрасположенность, – усвоив этот стиль творчески. В своей и европейской литературе не находил, не было. А на Востоке обнаружит в своё время, тогда ещё был жив Бичурин.

Китаеведы поняли, всерьёз утверждая уже: "Это народ, в первую очередь умеющий стратегически мыслить, составлять долгосрочные

планы как на государственном, так и на личностном уровне, умеющий просчитывать ситуацию на достаточное количество ходов вперёд и употребляющий стратагемные ловушки для достижения успеха. Стратагемность постепенно станет чертой национального характера, особенностью национальной психологии. И это не означает, что китайцы – это нация ловких интриганов, хитрецов и обманщиков. Нет".

Давно надо было повернуть взор на культурный Восток, расширяя тем горизонт обозрения и фронт своего мировидения. В Китае история письменности – философии, науки, литературы – насчитывает не одно тысячелетие, аж до девяти, причём археология иероглифики успешно продолжается. В раскопках находят предметные знаки фактически для реконструкции истоков древнейшей цивилизации, свидетельствуя о высокой осмысленности коммунальных связей прадавнего общества. Они значительно старше нас по возрасту и несравненны по мудрости.

Письменные жанры стратегического плана

Стратагемность – элемент политической культуры традиционного китайского общества, его дипломатии. Стратагема была связана с приёмами военной и дипломатической борьбы, зародившись в древности, в китайском царстве Ци (IV в. до н.э.). По-китайски, чжимоу – или стратегический план с целью достижения успеха в военных кампаниях. Порой в ней предусмотрена какая-то ловушка для противника. Понятие "чжимоу" означает одновременно и сообразительность, и изобретательность, и находчивость (См.: Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., "Наука", 1980).

Китайские полководцы издревле использовали свои стратагемы. Огромное влияние на становление идеологии стратагемности оказал военный мыслитель Сунь-цзы, он же Сунь Бинь. Автор трактата "О военном искусстве" считается первым выдающимся полководцем, который стремился облекать свои планы в форму письменных разработок. И когда это было…

Стратагемы представляют собой планы, нацеленные на решение важных внешнеполитических задач, рассчитанные на долгий период и отвечающие государственным интересам нации. Они разрабатывались учителями и наставниками правителей в целях оснащения международной дипломатии и в искусстве управления гражданским обществом. То есть в тех сферах, которые нуждаются в строго стратагемном промысле политика.

В дипломатии понятие стратагемности раскрывается как сумма целенаправленных дипломатических и военных мероприятий, рассчитанных на реализацию долговременного стратегического плана, обес-

печивающего решение кардинальных задач внешней политики государства. Будучи нацеленной на реализацию стратегического плана, стратагемная дипломатия черпала средства и методы не в принципах, нормах и обычаях международного права, а в теории военного искусства, носящей тотальный характер и утверждающей, что цель оправдывает средства.

Важно знать, в Древнем Китае уже за несколько столетий до нашей эры выработка стратегических планов – стратагем – вошла в практику, став своего рода искусством, и обогащалась многими поколениями. Составлением стратагем постоянно занимались профессионалы, придворные учёные и философы, предлагая свои секретные планы правителям царств или феодалам, которые оплачивали им интеллектуальную услугу.

Знание древних стратагем, составление хитроумных планов станет традицией, не только политической жизни, касающейся дипломатии или войны. Со временем продуманный во всех деталях бытовой план сравнивали с классическим наследием великих стратегов. Умение составлять стратагемы свидетельствовало о способностях человека, наличие плана вселяло в исполнителей уверенность в успехе дела. И в Китае до сих пор уважительно относятся к стратегии и вырабатываемым стратегами планам.

Стратагема в чём-то отдалённо перекликается с тем, что мы привыкли у себя называть алгоритмом, так же определяя оптимальный порядок в той или иной последовательности, расчёт целесообразных и планомерных действий. Но она предполагает при решении сверхсложных задач противостояния ещё и понимание психических черт и особенностей противника, против которого нацелен план борьбы и победы. Важно как умение рассчитать каждый последующий шаг, так и предусмотреть все последствия от столкновения.

Стратагемность – сплав стратегии с искусством ставить скрытые от противника уловки (западни). Политик ограничен в возможностях, будучи обязанным учитывать обстановку, и он не может сделать более того, что позволят обстоятельства. Стратагемность раскрывает способности игрока просчитывать ходы в политической игре, и самому задавать их, исходя из особенностей ситуации и качеств соперника. И она служит образцом активной политической прозорливости.

Рассекреченные стратегема и стратагемность

Стратагемность – это школа психологического противоборства, которой присущи свои законы и требования. Давая рекомендации своим читателям, Сунь-цзы впервые описал определённый стереотип

поведения, который можно назвать азбукой стратагемщика. "Если ты и можешь что-нибудь, – наставлял великий стратег, – показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него всё полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нём гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нём самомнение; если его силы свежи, утоми его; если его ряды дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов, выступай, когда он не ожидает".

Одним из главных достоинств совершенного человека, согласно конфуцианскому учению, являлось такое качество, как "минь" – ум, смышленность, способности. Владение искусством составлять стратагемы было свидетельством высокой одарённости. Девизом стратагемного образа действий являются слова Сунь-цзы: "Сначала будь как невинная девушка – и противник откроет свою дверь. Потом же будь как вырвавшийся заяц – и противник не успеет принять мер к защите".

"Непобедимость заключена в самом тебе, возможность победы заключена в противнике" – принцип самого Сунь-цзы лежит в основе восточных боевых единоборств ушу, каратэ, тэквандо. Стратагемность была и до сих пор остаётся серьёзным оружием китайских политиков, военных, дипломатов. Благодаря устной традиции, историческим хроникам и художественным произведениям эффективность применения стратагем была очевидной и для широкой публики.

Стратагемы когда-то стали секретным национальным достоянием. Прагматичный китайский ум классифицировал стратагемы по видам, разработал методику применения их в зависимости от ситуации, и им создан своеобразный "Трактат о 36 стратагемах". Арсенал долго будет закрыт от чужестранцев. В целях предотвращения утечки информации явится запрет на вывоз книг из страны. И никто из чинов не смеет нарушить императорский указ. "Банк данных" о стратагемах засекречен.

Сами же иностранцы, даже после знакомства с трактатом Сунь-цзы и применения его в военных академиях в качестве учебного пособия, не подозревали о широте использования стратагем на всех уровнях. Известно ведь, что "когда в голове нет идеи, то глаза не видят фактов". Тем более никто из них до поры до времени не мог понять, не имели понятия, как та самая стратагемность вдруг станет важной чертой национальной характера (психологии) китайца.

Этим объясняется длительное "молчание" синологии по этой проблеме. Попытки же специалистов смежных дисциплин сориентироваться в древних традициях Востока привели их к заключению, что "самые ранние сценарные психоаналитики были в Древней Индии. Они строили свои предсказания в основном на астрологических идеях. Об этом любопытно говорится в "Памчатантре" (Берн Э. Указ. соч., с. 193.).

Только в конце XIX в. европейские гроссмейстеры научились строить основанные на оценке реального положения на доске прогностические планы. В своё время Э.Ласкер осознает, как важно и трудно было в мировых шахматах выйти на оптимальный план активного проведения партии, сознательно заранее обосновав его для себя. "Прошло много времени, по меньшей мере тысяча лет, прежде чем шахматный мир понял значение плана" (Ласкер Э. Учебник шахматной игры. Изд. 6-е. М., 1980, с. 193).

Эмануил Ласкер – второй чемпион мира, 27 лет (1894-1921 гг.) первый шахматист. И всё же есть опережающая время особенность в общих принципах той шахматной философии, как и в его оригинальном изложении (заглавная идея: "Здравый смысл в шахматной игре"). Вот бы политикам научиться тому, что кроется в тех же шахматах.

Что же произошло? Как "рассекретили" стратагемность? Нет, тысячелетнюю тайну стратагем не вывозили из Китая, подобно коконам шелкопряда в выдолбленном посохе странствующего монаха. Просто, как часто бывает в науке, возросшее количество отдельных данных привело к качественному скачку в приращении знания.

Российская и западноевропейская науки пришли к открытию стратагемности уже в XX веке. Китаевед Мясников В.С., в конце 50-х – первой половине 70-х годов, изучая полный свод дипломатических документов китайской стороны, относящихся к взаимоотношениям империи Цин с Русским государством в XVII веке, обнаружил некоторую закономерность формирования той документации, соответственно и поведения китайских чиновиков.

"Какая-то скрытая пружина, даже не просто пружина, а целостный и точно действующий механизм способствовал реализации внешней политики империи на её северных рубежах. Знакомство с источником, носившим весьма примечательное название: "Стратегические планы усмирения русских", – приоткрыло тайну этого механизма. Этот источник показал, как император вынашивал, составлял и в течение более чем двух десятилетий реализовывал стратагему, нацеленную на вытеснение русских из Приамурья" (Мясников В.С. Русско-китайские отношения в XVII в. Документы и материалы. Т.1. М.,1969; т. 2. М., 1972).

В Китае мастерство написания стратагем издавна ценилось исключительно высоко. Высшие сановники в совершенстве владели им, излагая свои проекты императору. И в императорских указах, отмечавших государственных деятелей, способности к составлению стратагем выделялись особо. Так не скоро чужестранцы раскроют содержательную модель стратагемы, являющуюся "синтезом результатов оценки ситуации и специфического приёма, выработанного теорией для аналогичной обстановки" (Мясников В.С. Традиционная китайская дипломатия и реализация Цинской империей стратегических планов в отношении Русского государства в XVII веке. М,, 1977, с. 15-16).

Россия сегодня, как и другие сверхдержавы (империи), в той или иной мере уже усвоила и сама испытала китайский опыт государственной расчётливости (стратагемности), а вот мы пока по тем или иным причинам никак не способны прийти к разумным выводам – видно, что чужого чураемось. А без политического проектирования, в результате преступной политической близорукости, страна и дальше продолжает всё отставать от других, проигрывая существенно. В то же время ведь первостепенной обязанностью государственных мужей и у нас являются ответственность и предусмотрительность.

И после публикации книг Харро фон Зенгера, в частности, их перевода на русский язык, открываются новые перспективы для овладения знаниями о тайном оружии и древнем искусстве китайцев, реальные возможности предоставляются уже и всем народам вне пределов Срединного государства. Говорят, что идеологией стратагемности так заинтересовались специалисты во всем мире, что всё это похоже уже на своего рода бум.

Из трёх столетий миссионерства в Пекине – реально всего там пять полустолетий, от начала 18-го до середины 20-го века (1715 – 1955). Обратившись к книгам и другим источникам, пытались сами разобраться и что-то понять в той истории. В частности, и что же именно преследовали наши отцы, и какие тогда жили люди в той Азии, кто на своей родине, а кто на чужбине, как те же послы. Чем занимались там те "проводники" православия: чего хотели, к чему стремились – и чего достигают в результате, и к какому придут концу.

Насколько же успешно они справлялись со своими служебными и миссионерскими обязанностями? И как оценить всё то, что там было и тогда происходило в рамках того самого проповедничества в Пекине, под названием Российская духовная миссия? Какие, в конце концов, последствия всего того религиозного начинания и предприятия, контакта и общения? Обо всём том речь шла в последнем очерке, нашей третьей скрижали[1]…[1]"Скрижали – две каменные плиты, на которых

выбито было десятословие, десять заповедей. В связи с ними в Библии впервые упоминается о письменности; отсюда старые экзегеты выводили предположение, что тут Бог впервые открыл людям искусство…" (Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона).

Послесловие

1. Уже давным-давно меня интересовала деятельность и судьба православной духовной миссии в Китае. И был повод задуматься... Крещён был в 1935 г. в Харбине, в старой Благовещенской церкви, напротив нашего двора, на Полицейской улице, в районе Пристани. Тогда она входила в состав подворий ПДМ, единственная в том городе. В годы культурной революции китайские хунвейбины сметут обе церкви, старую и новую, в том подворье. И вовсе не сразу явится ко мне осознание важности лишь трезвой оценки исторических фактов.

Не всякая версия (мнение) устраивает нас, их множество и всё накапливаются. И следует иметь в виду, что история (hystory) в языке и нашем понимании не такое простое слово и понятие (мысль), как кажется порой кому-то. Во-первых, название процесса развития некоего явления (действительности), и в то же время ещё и научная дисциплина, историография, уже вторичное, отражение фактов жизни в речи, в текстовой форме, затверженная жанром письменности.

То есть история для нас – с одной стороны, сам феномен, предмет, развивающееся явление, некая часть жизни, и в то же время описание того отражения в человеческом сознании (самого процесса осознания того предмета). В слове эти смежные грани понимания произвольно как сводятся, так и разводятся, часто очень разноречиво и спорно. Сравним: само лицо (являемое, со шрамами) и в зеркале отражение, или портрет, фото, т.е. как предмет и как его образ, память.

Итак, в нашем представлении на саму ту 250-летнюю историю ПДМ наслаивается ещё и историография, описание, различные точки зрения, а за ними политические интересы. Сразу оба плана восприятия органично связаны между собой, даже спаяны, слиты в одно целое подчас. А у кого-то, бывает, вовсе не одно и то же, порой концепт расслаивается, в нём различают параллельные срезы, и всё-таки разные: линии наблюдения и осознания, осмысления и представления.

Как и то, что автономно было и есть в действительности, – и то, что отдельно отражено в сознании, кажется, видится, представляется, вспоминается, воссоздаётся. Правда, обременённое этими "знаниями", представлениями и образами, сознание многих наших современников

постоянно влияет и, сказываясь больше, нежели надо, вмешивается в саму первооснову жизни и сам исторический процесс. Реальный мир и виртуальные мифы. И трудно бывает переубедить людей в чём-то.

Разное, но связано: само дело делать и разговоры вести, обсуждая.

Вокруг нас разные церкви и секты, школы, учителя, воспитатели, проповедники, агитаторы и пропагандисты, СМИ, книги, их авторы – все навязывают свои мысли, в том числе странные и очень сомнительные. Сравним: библиотеки (книгохранилища) и библиографию. Книги самых разных авторов (как и биобиблиографию) читатели как-то прочитают – и по-своему что-то понимают и принимают, осваивая и впитывая в себя.

У книг есть авторы, такие разные те сочинители. Все сочинения (творчество) – другая и особая реальность (не знаю, какая по счёту), и тоже, очевидно, непростая и явно иного рода, как бы отражение, там своя структура, форма и содержание, и назначение текстов. Разбираться в этом вопросе стилистики, самой сущности письменности, или литературы, цитаты, изложений, их интерпретаций, пояснений разных смыслов – дело и занятие философов и филологии.

Всё-таки не историк, но меня интересует, как там складывалась некогда ПДМ. Лингвисты тоже занимаются разными и литературными текстами, изложением, языком и речью, а через них фактически проникают и в содержание (факты). Иначе говоря, и меня тоже занимает библиография и историография Миссии, то, что в них о той миссии (затее) написано и собрано в своё время зачем-то, столь важного и нужного именно теперь для нас, как оказывается.

Наши знания, взгляды, как и высказывания разных лиц (цитаты) о современном положении в Срединном государстве и тем более о давней истории Китая, безусловно, противоречивы. Причём это постоянно, как прежде, так и теперь, и неизбежно в будущем. Чего явно не хватает в историографии ПДМ, так объективно-трезвого внешнего взгляда на небесспорный предмет со стороны гражданской и протестантской оппозиции к идеологии царизма и православной церкви.

Почти всегда (или часто) господствует официальная точка зрения, согласованная и строгая, в ней политика и некая воля (команда), и наряду с нею неофициальная, несколько более свободная, развязная и шаткая оппозиция (отклонение). Вместе с этим и научно-ненаучная теория (какая-либо наука). Историческое летописание тоже пропитано мифологией, разнообразными вымыслами и всякими предрассудками, без них не обойтись в нашем приходе или сознании.

Читать и понимать такие тексты непросто, как окажется. Почти все слова необыкновенны по многозначности и глубокой связности (зависимости от контекста и времени). Едва ли не каждое слово языка в письменности представляет собой нечто похожее на сложнейший подземный лабиринт, целый материк, с невероятными и вовсе не случайными пустотами и разворотами, проходами-переходами, которые целиком никак не связать, не описать и не представить.

В бездне закрытого мира суровых запретов и исключительных тайн на подступах к древу познания – человеку позволены многие вольности и допустимо разное шатание, кроме подлости и зазнайства. И отсюда то самое сплетение идей в поиске таинственного начала и запредельного конца пути, и смешанное "понимание – непонимание". Не было и нет выхода из тоннеля. Как кроты, мы только роем и проникаем куда-то дальше, вроде как заблудившись в кромешной тьме.

И слава тихому продвижению, удачному случаю, исключительно своеобразию и таинственности поиска! Слово и письмо – высокий дар, он прямо с небес, от Бога. Писать нужно, не забывая заповедей. Они тесно связаны: Слово, Логос и Дао, Заповедь, Письменность, Библия. И тут же всплывает биография и история. А в текстах Наклонение и Стиль. Потом концепция связей и отношений, своё содержание. И уже вторичные события и факты – некие случайности в этой жизни…

2. По сути у нашего предмета, контента и темы, выходит, три разных плоскости-плана, и потому трёхгранная книга. "Триптих" – это цельность жанровая. Мы исходили из такого догматического разумения, что биография – тоже история, а история – биографии личностей, не в последнюю очередь. Понятия неразрывно связаны, подобно тому, как гражданин и народ, а сама жизнь и как явление, и в представлении (феномен и осознание).

В своё время именно в столицу Китая Пекин запросился Пушкин, отчаявшись в конце концов. Государь не выпустит, такая то история. А могло быть иначе, но тогда уже сослагательное наклонение. У Льва Толстого был шанс поехать в Китай, его приглашали туда поработать военным инструктором, учить артиллеристов. Подумал – и откажется, не те планы. Монах Иакинф хотел и отправился, прослужив в Пекинской миссии 15 лет, не против бы остаться и дольше, но – ему нельзя.

Такова логика и пояснение к объединению трёх разных жанровых картин в повествовании (двух биографий и целой истории миссии), под одним общим переплётом в трилогии. Как пирамида. И в самой жизни всё продолжается и, сложно связываясь, ещё и переплетается.

Книга вначале о гениальном Поэте (не первая и не последняя). Тут же следом и не менее великий учёный-востоковед, жизнеописание и биобиблиография. Как-то они встретились случайно в новой столице бывшей Российской империи. По-разному складывались жизни в том царстве, некоторое время шедшие параллельными курсами, не в одной связке. Впоследствии разойдутся их истории, совершенно такие личные, своеобразные и отдельные. Нам разбираться.

И пусть каждый из нас в нужный час по-своему и пристально присматривается к тем образам и равняется прямо на ту незаурядную и нечестивую парочку… Люди и мысли, как правило, такие разные и всё же они подобные. И поэт, и монах оба талантливы, свободны и вольнолюбивы, и вместе с тем, видно, они отличились в какой-то мере сочувствием к просвещённому цесаризму, а в конце концов и гласной поддержкой российского ура-патриотизма (и гнусного империализма).

А мне лично пришлось написать в заключение некое обобщение. Книга-то на главную тему по харбинистике, о недавней истории Желтороссии (и у нас ныне Новороссия): в конечном счёте об исторической расплате за прегрешения на старой ветке. Там варварский ход империи, и с того начался бесславный конец и сокрушительный развал: русско-японская война, первая русская революция, поражение в 1-й мировой, в довершение 17-й год, с гражданской… И понеслось.

КВжд – грязная имперская затея. В авантюре всегда таится риск разоблачения и проигрыша…. И в конце концов, в средней перспективе, все уже проигрывают Китаю. Оказывается, что такой не по зубам варварам: и не глупей, а мудрей, настойчивее пришельцев, постоит за себя, стратагемней, программней сознание, да им всё то важней, нежели евразийцам. Народ тот своеобразный, разумный, трудолюбив безмерно. И сплочённее. Во всяком случае нежели у соседа, это точно.

ПДМ и КВжд, и все договоры всегда, – лишь способ достижения, но не цель сама по себе. Притом дело то нечестивое, и порочное, и ущербное в самом замысле. Китай ведь – культурней, историчней, чем северные соседи, был и остаётся. Самим "варварам" не понять этого. И потому уже обречены на поражение. Что же делать? России пришлось искать противника проще, и опять плясать от печки…

В целом же перед нами здесь сложный складень. Это книга из трёх частей, в каждой из них свои разделы. И во всей той истории и биографике целая цепь, сериал временн**ы**х отрезков из неких последовательностей событий и поступков личностей. Общий исторический срез времени – два с половиной столетия пребывания Православной

духовной миссии в столице Китая. И какие же, в конце концов, последствия? Мы видим…

3. У филологов свой особый предмет, то есть собственно интерес, хоть и в разной мере, в самых разных сферах и науках, коих ныне чрезвычайно много в мире. Поскольку науки традиционно строятся, появляются, реализуясь, сохраняются, распространяются и постоянно развиваются в письменных текстах. Вся письменность, хранитель, коллектор и источник разных и научных знаний (информации), – всё-таки сто**и**т и держится на письменной основе и норме литературного языка, будучи в форме неких записей и текстов.

И есть какая-то тайна высшего предначертания и предназначения у всей нашей культуры и письменности. Вечное время и небо у нас такое. Наше сегодня последовательно, продолжаясь, вытекает из вчера – и прошлое тесно связано с настоящим и будущим. Время постоянно течёт – и наша жизнь (мы с ней или в ней) протекает во времени, в её особенном измерении, пока вот ещё историческом. А там… кто знает. Сказанным ещё раз поклонимся диалектике как самому общему принципу и подходу в понимании глубоких проблем жизни и собственного мышления (осознания). Естественно, в доступной мере.

4. Главной идеей и связующим мотивом всей трилогии являются такие современные дива, как древний Китай и китайцы. Великая страна и люди, у которых со дня своего рождения провёл автор целых 20 лет, всю первую четверть своей жизни, успев вполне сформироваться там. Закончив школу, поступил в вуз. Поработал ещё в китайской школе и в Харбинском институте иностранных языков учителем русского языка. "Русский с китайцем – братья на век". Воспевалось…

Обычный китаец для нас, взять лавочника, или вот мы живём в одном доме – сосед справа учитель, слева певец оперы, ниже полицейский чин – и ни одного недоразумения не вспомнить. Разумные и расчётливые. Говорят, что китайцы злопамятны, национальная черта и особенность. Унижений и обид не забывают. Так. Всепрощенчества, во всяком случае, не примут. И правильно поступают, рационально и опять расчётливо. Для них более привычно и объяснимо.

Чтобы узнать человека, с ним пуд соли съесть. А ежели китайца и японца, то больше. С теми даже сложней, люди-иероглифы (закрытый Восток). Но суть даже не в языке. Мы и самих себя тоже не знаем как следует. Только отдельные черты характера и бессистемно. А что ещё и как там всё сложено-упаковано и упрятано в глубине? Хороший-

плохой, добрый-злой, умный-глупый, патриот-нет, образованный, надёжный, продажный…

5. Автор "Триптиха" по специальности – филолог, языковед и учитель словесности. Это сказалось на подходе к предмету описания, на стиле его изложения и всём содержании этой книги.

Попробуем разобраться в вопросе предназначения письменности и словесности в культуре. Для этого перечислим сами себе, что мы, каждый из нас, в своей жизни пишем и читаем, о чём, зачем и как. И что даёт детализация и перечень возможных уточнений такого ряда основополагающих свойств и измерений в учебно-образовательной и ментальной подготовке граждан всей страны и общества. Как же мы все ныне живём и учимся, возможно ли в принципе, хоть в какой-то мере, сэкономить средства на гуманитарном образовании и самообразовании нации?

Сколько своего времени мы все уделяем полноценной умственной работе с книгами (текстами), размышляя специально, солидарно и всё вглубь, как для самообразования, так и ради усовершенствования жизни, труда, быта и самой личности, при посредстве письменных источников, и собственно в своём письме и чтении. То есть насколько разумно и умело в целом используется словесность (связные тексты) и вся сеть интернета и разных книгохранилищ – старых библиотек.

Это ведь едва ли не всё то самое главное, что нужно для развития современной культуры жизнелюбия, для согласования и гармонизации связей в деятельности всего нашего сообщества, начиная с активной его части. И, действительно, в какой мере значима и ценностна у нас ментальная составляющая жизнедеятельности (производительности) каждого субъекта, ежели измерять её по самым строгим и серьёзным международным критериям.

Тот, кто пишет какой значимый и содержательный текст своими словами, – то тем самым он уже писатель. Правда, и пусть они разные и всякие писаки: включая и пасквилянты, доносчики, жалобщики… Не одни лишь поэты и прозаики, те литераторы. И если кто пишет картины или портреты, то художник. Музыку напишет – композитор. И читать мысли, если захотеть очень, тоже научимся рано или поздно. Станем жить тогда сообща и более содержательно, или полноценно.

В историографии на первом плане события, и они не обходятся без поступков. Разные случайности, естественно, опускаются – как неформатные. Именно те отходы от жизни, прошлой и текущей, тут же подберут для себя разного рода художники, сочинители и мыслители. А мне, и другим любознательным читателям книг, подавай под-

ноготную звонких происшествий, разоблачения и объяснения покрытого тайной поведения тех или иных актёров истории, их противоречивую и небесспорную мотивировку всякого рода низостей и подвигов, поползновений черни и власти, и иных героев нашего времени.

Историограф же всегда останется хроникёром, в первую очередь, и потому он никак не учит, не гадает и особенно не объясняет событий. Другое дело та художественная литература, которая за людей стоит. Всякие записки и письма, если сам пишу, то только как сведения и некое свидетельство о былом и прошлом как бы в настоящем. Чтобы просто удержать что-то в памяти. И уж никак история той нашей общей жизни не есть пустое развлечение, но для такого автора, как я, какое-то отвлечение (и увлечение) на отходе, в старости.

6. И ещё о том, как складывалась из частей книга, в конечном счёте названная "Триптихом". Выучившись и отработав в университете 43 года, перед уходом на пенсию занялся харбинистикой. И тогда по случаю юбилея Поэта отправил свои харбинистические опусы редактору Омской газеты. Те воспоминания "Мой Пушкин" станут толчком к исследованию малозаметного китайского следа в биографии Александра Сергеевича. А к той великой восточной цивилизации прямо причастен отец Иакинф. Именно знакомство с ним сказалось на пожелании Пушкина поехать в далёкую страну, дабы убраться из своей.

В Пекине тогда Русская духовная миссия выполняла дипломатическую роль в межгосударственных связях двух соседних империй. И логично вслед за пушкинской прочесть удивительную биографию начальника 9-й миссии – это вторая часть трилогии. А в третьей части уже стараемся понять и исследовать в истории российско-китайских взаимоотношений роль нашей церкви и науки, прежде всего гуманитарных знаний, ориенталистики.

Пекинская духовная миссия – для самих нас довольно печальная история, а в русско-китайских отношениях просто трагическая. И, как ни странно, разбираясь в международном столкновении интересов и морали двух империй (остром конфликте), и в данном случае стою не на стороне своих (православия), а болею за китайцев-язычников. Мне очень важно было вникнуть в суть вещей, природу и безнравственность всех тех самых миссионеров.

Такова жизнь – и таковы они, люди. Думаю также и о ПДМ, тоже история, и вовсе не добродеяний и милосердия, а завоевания и захвата, коварства, как всегда это было. Уже теперь продолжается всё та же стратегия и политика, замешенная на вечном обмане (нынче называют ложь информационной войной – важнее и красивей).

7. Стратегическая мысль в основе всего на свете – и ПДМ тоже. В самом изначальном замысле и предназначении ПДМ в Пекине заложены три основополагающих плана и направления деятельности: сперва ориентации на миссионерство и якобы религиозную проповедь православия среди албазинцев и китайцев; вместе с тем и на государственную разведку и дипломатию (связь), это, безусловно, в качестве не явной, а тщательно скрываемой, главной функциональной задачи посольства; и уже позднее обозначится сугубо практический и научный интерес в востоковедении (российской ориенталистики), ибо без системного и исторического изучения и знания духовности и материальной культуры местного населения (народов) нельзя обойтись, для чего потребуется освоение языков Востока и письменности Срединной империи.

7. До тех пор пока в подавляющем большинстве своём окружающие, все свои люди, будут относиться по-свойски и простодушно вообще к безнравственности, и обману в частности, терпимо и привычно, как к необходимому и полезному в быту, не только в семейной жизни, нарушая заповеди и нормы этики и в публичной политике, и в общественной среде и отношениях, – мы будем жить привычно, как живём, низко, бездарно и похотливо.

И придётся терпеть гнусные последствия первозданной лжи, способной разрастаться бесконечно, если с ней не бороться сообща, причём всеми силами и с упорством. Массовая ложь у нас – дьявольское наваждение, её не проведёшь иначе, нежели прямотой и искренностью (чистым сердцем). Только где их взять?

Самим жуликам ложь не вывести, им – смешно – не справиться с ней. Сколько бы те не "занимались" и не старались. Не их парафия, одна только видимость – очередной самообман в обществе. И вовсе не для того они существуют, чтобы заниматься нравственной установкой и воспитывать наших детей и взрослых. Их дело – дурить людей, где можно и нельзя, и уж никак не облагораживать нацию. А есть ли у нас какая серьёзная наука и философия среди той массы и изобилия их, которая занимается этим предметом, чрезвычайно важным для понимания и общественного развития, преобразования и санации, оздоровления и лечения. Разных религиозных учений, как оказывается, уже мало, не хватает нам, их явно недостаточно.

Жульничество и обман в нашем мире, в своей среде, оказывается, это и наша тема, языковедческая. Нужно просмотреть тексты (речь) и словари (язык) с содержательной (и континической) точки) зрения, накопленного опыта и ресурсов полученного в истории знания по той

или иной теме. Что мы все, сообща и в разных поколениях, освоили и продолжили, оставив после себя в общем сознании (и памяти), относительно той самой правды и неправды, на протяжении целого ряда веков в своей культуре?

Надобно признать, что едва ли не все мы так или иначе, если и не законченные жулики, то в какой-то мере и хотя бы порой, бывает, всё-таки лгуны и обманщики. Столь разнообразна в проявлениях та самая ложь, что мы даже и не представляем себе её коварства и многоликости… К тому же ещё, очень даже немногие из нас умеют и склонны признавать свои собственные грехи и ошибки, не будучи с детства воспитаны и приучены к альтруизму, к чувству покаяния, самоосознания и рефлексии.

8. Георгий Коваленко (УПЦ МП) пытается как-то "заговорить" поставленный перед ним трудный вопрос о роли священства его конфессии МП (и Патриарха Кирилла) в нашей войне. "Заговаривать" – практика. "Наша миссия не политическая, а сугубо духовная". Ну, конечно, это как и у главы вашей церкви Гундяева? Православие всегда было великодержавно, урапатриотично и сверх меры политизовано, таким и остаётся нынче. Провальная 250-летняя история ПДМ в Китае, имперская затея, о том ярко свидетельствует всему свету. Но нас, странно, никак не научит.

Русский язык не виноват. Мы так говорим, разбираем, спорим, недопонимая друг друга. И такая фраза: "На весь народ можно или нельзя воздействовать?" – Можно, конечно. – Нет, нельзя. – Кто знает? – И да, и нет. – Как сказать… (Выберите из ответов самый адекватный. Что это значит, разберитесь сами.)

Мы все – пленники своего времени. И земля (почва и территория), по которой ходишь, пространство и среда жизни, где приживёшься, не может не влиять на человека, так или иначе сказываясь на психологии, развитии и судьбе, кем станет и будет в конце концов. Страны разные – население и культуры тоже своеобразны и неповторимы. Различия в чём-то – есть и нужны зачем-то. Какие мы и какие они, что отличает? Если наблюдать и думать, то можно что-то понять. Если настроиться и постараться.

О чём и как думают они и мы? Что можно узнать и понять об особенностях и отличиях? И чему учит прошлая история взаимоотношений? В первую очередь, нужно знать факты: и что некогда уже было там у нас на самом деле? Гуляют мифы, и никаких знаний. Это ведь неправильно. А потом уже и субъективные мнения, пожалуйста…

Сегодня в интернете ставят вопрос: не вредит ли обращение к инцидентам, подобно Благовещенской бойне 1900 г., интересам страны и нынешнего поколения? Отвечают ли потомки за то, что делали предки? Если да – как? Бывают ли народы плохие и виноватые? И должны ли вечно нести историческую вину перед другими? Вплоть до юридических последствий? Каков смысл коллективной ответственности? Возможно ли понять то, что произошло когда-то? И открыть тех, кто причастен прямо или косвенно? Как извлечь уроки? Покаяние – обязанность перед другими или личная рефлексия? Мнения расходятся.

"Я намедни общался с русским профессиональным переводчиком китайского языка. Так вот он говорит, что "китайцы про эту расправу знают, помнят, и, при случае, припомнят". "Они могут хранить обиду в своём сердце – очень долго! жутко злопамятны! Не приведи Господь узнать нам всю ту ненависть, которую могут в себе носить представители этой нации..."

"На обратном пути в Хэйхэ мы делаем остановку возле развалин старинного города Айгунь… На месте бывшей крепости построено ультрасовременное здание – исторический музей. Водитель говорит, что для русских вход сюда закрыт, но француженку должны пустить. С правой стороны вестибюля вход: за тяжёлой гардиной красного бархата слышны крики, выстрелы, трагический голос диктора. Служитель впускает меня в тёмный зал, в глубине которого светится громадное панорамное полотно – Благовещенск 1900 года, в разгар Боксёрского восстания. На переднем плане – макет: игрушечные казаки изгоняют китайцев с русского берега Амура; горящие дома, валяющиеся трупы, тонущие в реке женщины и дети. Не надо знать китайский, и без комментатора понятно, что происходит".

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К «ТРИПТИХУ»

Абахай, имп., 255, 287
Аблин С., 275
Абрамов В., 340
Абрамов Н.А., 280
Аввакум (Честный), архим. – см.: Честный Д.С.
Августин (Никитин), архим. – см.: Никитин Д.Е.
Авраамий (Часовников), архим. – см.: Часовников В.В.
Агафонов А.С., 329, 330, 534
Адоратский Н. (П.С.), еп., 165, 172, 177, 180, 183, 224, 233, 240, 252, 294, 298, 299, 301, 306, 312, 318, 322, 325, 337, 344, 345, 370, 382, 416, 418–423, 532, 562
Адоратский С.И., 419
Адриан, патриарх, 310, 333
Азвяк, царь, 273
Акихито, принц, 485
Аксёнов Е.Н., 158
Александр II, имп., 243, 383, 365, 414
Александр, иеромонах, 521
Александр (Кульчицкий), иером., 405
Александр Михайлович, кн., 272, 273
Александр Невский, вел. кн., 250, 267, 268, 272, 274
Александр I, имп. 10, 12, 15, 25, 44, 79, 84, 101, 131, 169, 170, 181, 183, 342, 343, 345
Александр III, имп., 423, 425, 426
Александр Ярославич, кн., 267, 268, 274
Александров Б.Г., 344
Алексеев В.М., 242, 438
Алексеев М.П., 80, 91, 181, 283
Алексеевский А.М. (Аполлос), архим., 169, 170
Алексей Александрович, вел. кн., 434
Алексей (Боголепов), иеромонах, 331
Алексей Михайлович, царь, 258
Алексей, митроп., св., 250
Алексий (Виноградов А.Н.), иером., 408, 416, 418, 422, 532
Алексий I, патриарх, 251, 497–499, 504, 508, 530
Альбрехт (уроженная Ленстрем), 378
Альбрехт М.П., 377
Амвросий (Амбросий) (Подобедов), митроп. – см.: Подобедов А.И.
Амвросий (Дубиневич), архим. – см.: Дубневич (Дубиневич) (Амвросий)
Амвросий (Орнатский А.А.), митроп. – см.: Орнатский А.А.
Амвросий (Юматов), архим., 170, 297, 327, 328, 337, 406
Амфилохий (Лутовинов, Лутовин), архим. – см.: Лутовинов А.
Амфилохий (Шипунов), иером., 422
Амьё Ж.М., 347
Анакреон, 144
Анастасевич В.Г., 235
Анастасий (Грибановский А.А.), митроп. – см.: Грибановский А.А.
Андреев А.И., 282
Андреев Д.Л., 110, 111
Андреев И.М., 122
Аникита Вана, 506
Анисимов Н.А. (Нестор), митроп. – см.: Нестор (Анисимов Н.А.)
Аничков Н.А., 360
Аничкова М.Б., 360
Анненков П.В., 9, 44, 46–48, 50, 51, 58, 59, 61, 77
Антоний (Льховский, Лыговский), иером. – см.: Льховский А.
Антоний (Люцернов), иером., 405
Антоний (Платковский А.Г.), архим. – см.: Платковский А.Г.
Антоний (Седельников), иером., 331, 332

Антоний (Стаховский А.Г.), митроп. – см.: Стаховский А.Г.
Антоний (Храповицкий А.П.), митроп. – см.: Храповицкий А.П.
Антоний Шуан, диакон, 506
Аполлос (Алексеевский А.М.), архим. – см.: Алексеевский А.М.
Арина Родионовна, 134
Аристотель, 147
Аркадий, иеромонах, 169, 183, 338
Архангелов С.А., 307
Асланбегов А.Б., 465
Атласов В.В., 281
Афанасий (Соколов А.Г.), архиеп., 409
Афанасьев И., 294, 299, 301
Ахматова А.А., 101
Аюка-хан, 300
Бабин В.Г., 475
Бабинцев А.А., 376
Бабков И.Ф., 397
Багрянский В.И. (Вениамин), еп., 168
Базилевский С.И., 382, 397, 403
Базунов В.Ф., 227
Байер Т.З., 210
Байков Ф.И., 251, 257, 280, 281
Байрон Дж. Г., 33, 101, 109, 120, 124, 133, 139, 144
Баллюзек Л.Ф., 513
Банно Масатака, 381
Бантыш-Каменский Д.Н., 61, 303
Бантыш-Каменский Н.Н., 275
Барановский М.И., 365
Барков И.С., 123
Барон Брамбеус (псевд.) – см.: Сенковский О.И.
Барроу Дж., 342
Бартенёв П.И., 10, 124
Бартольд В.В., 241
Баснин В.Н., 355
Батуев М., 467
Батый (Бату) Саин-хан, 263, 268, 270
Батюшков К.Н., 67, 216, 217
Бахрушин С.В., 280
Бачинин В.А., 110
Бекман Дж., 282
Белинский В.Г., 126, 218, 221, 222, 228, 229, 241
Белкин Д.И., 153, 190
Белов, генерал, 491, 493
Белоголов И., 253
Белокуров С.А., 276, 280
Белый А. (Б.Н.Бугаев), 207
Бельский К., 319
Бенкендорф А.Х., 12, 4, 15, 17, 18, 19, 23, 50, 56, 78, 87, 88, 89, 91–93, 95, 107–109, 120, 140, 156, 217
Берке, хан, 268, 269
Берн Э., 555
Бернштам А.Н., 165, 241
Бестужев А.А., 184
Бестужев Н.А., 200, 214
Био Э.К., 397
Бируков А.С., 120, 235
Бичурин Н.Я., 40–42, 81, 90, 91, 93–95, 97, 98, 161, 163–246, 252, 255, 259, 261, 335, 336, 338–341, 345–348, 350–355, 382, 387, 390, 392, 396, 403, 406, 513, 521–534, 559, 563
Блай Дж. Д., 97
Блудов Д.Н., 194
Бобрыкин А.А., 488
Богородский В., 334, 335
Богословский М.М., 285
Богоявленский С.К., 276
Бомарше П.-О.К. де, 540
Борзаковская Е., 309
Бортнянский Д.С., 487
Бочаров Н., 318
Бранд А., 274, 279, 281–284, 286
Братищев В.Ф., 327
Брейль А., 487
Бретшнейдер Э.В., 231, 250, 266, 274
Брис Р., 427
Броглио С.Ф., гр., 67
Брокгауз Ф.А., 556
Броневский В.Б., 204
Броссе М.И., 188, 231, 398
Брюллов К.П., 99

Будда, 62
Буланже П.А., 538, 547, 549
Булгаков А.Я., 82
Булгарин Ф.В., 56, 100, 109
Бунге А.А., 350, 426, 532
Бунин И.А., 161
Бурсов Б.И., 27
Буссе Ф.Ф., 404
Бутурлин Д.П., 97
Быков И., 309
Быстров В., архим. – см.: Иннокентий (Быстров)
Бэр К.М., 283
Бюрнуф Э., 200
Вавила, иеродиакон, 334
Вальховский В.Д., 6
Ван Бо-хэу, 197
Ван П., 417
Ванифатьев П.Д., 172
Ванновский П.С., 432
Варвара, монахиня, 476, 486, 524
Варлаам (Ясинский), митроп., 289, 291, 333
Варлаам, иером., 334–336
Варо Ф., 173, 210
Василий (Шуан), архим., 506, 507, 510, 511
Василий Герасимов, священник, 503
Васильев В.П., 173, 179, 229, 242, 243, 249, 341, 352, 353, 354, 356, 357, 398, 400, 403, 407, 442, 513, 532, 534
Васильева В.П., 231, 353, 356, 400
Васильчиков А.С., 10
Вахович А.С., 467
Вельтман А.Ф., 18, 78
Венелин Ю.И., 188
Вениамин (Багрянский), еп. – см.: Багрянский В.И.
Вениамин Морачевич, архим., – см.: Морачевич М.
Венюков М.В., 395
Венюков Н., 278
Вересаев В.В., 87, 125, 132
Вернадский В.И., 26
Вершинин Е., 255
Вершинский А., 263
Веселовский Н.И., 241, 243, 314, 326, 360, 386
Вигель Ф.Ф., 6, 9, 11, 81, 95
Видок Э.Ф., 56
Виктор (Святин Л.В.), митроп., 490–511, 514, 526–531
Виктор, иеродиакон, 318
Вильгельм II, имп., 432
Виниус А.Д., 276
Виноградов С.А. – см.: Симон (Виноградов С.А.), архиеп.
Виргилий, 140, 144, 149
Вирсавия, 114
Вирст Ф.Х., 189
Витсен К.Я., 283
Витте С.Ю., 425–429, 433, 434, 437
Владимир, иподьякон, 450
Владимир, кн., 263
Владимиров П.И., 457
Владиславич-Рагузинский Л.В., 281, 296
Владиславич-Рагузинский С.Л., 295
Владыкин Алексей Л., 309, 322, 331, 388, 532, 534
Владыкин Ант., 331, 338, 532
Воейков Л., 294, 300, 388
Воейкова А.А., 83
Вознесенский Н.Ф., архиеп., 340, 475, 483, 484, 489, 499
Войцеховский О.(И.)П., 222, 340, 345, 349, 513, 534
Волконская З.А., кн., 13, 184, 190
Волконская М.Н., 13
Волынский В.В., 253
Вольтер (Аруэ Ф.-М.), 7, 24, 140, 143, 286
Вольховский В.Д., 123
Вонг Дж., 513
Воронцов М.С., 11, 28, 45, 54, 82, 105, 121, 132
Воронцова Е.К., 81, 82

Воронцовы, 121, 260
Воскресенский А.Д., 381
Восторгов И.И., 137
Врублевский И.П., иером., 319, 321, 323, 326, 438
Всеволожский Н.В., 124
Вульф А.Н., 55, 83, 84
Вульфы Н.И., П.А. (Осипова-Вульф), Е.Н., Алексей Н., Анна Н., 55
Вяземская В.Ф., 54, 81, 82, 89
Вяземский П.А., 13, 16, 27, 70, 79, 88, 89, 117, 120, 147, 217, 222
Г.Л., 370
Гавриил Седмиозерский, 480
Гагарин М.П., 304, 310
Гамов Д.И., 405
Гамов П.А., 404
Ганнибал (Ганибал) А., 4, 106
Ганнибал О.А., 107
Ганнибалы, 107
Гао Я., 519
Гаутама, 550
Гейнс А.К., 399
Георгиевский С.М., 243
Георгий Победоносец, 410
Гераклит, 151
Герасимов В. – см.: Василий Герасимов, свящ.
Герасимов М.Л. – см.: Мефодий Герасимов, митроп.
Гервасий (Линцевский, Ленцовский), архим., 319–326, 330
Гермоген Тан, свящ., 507
Гермоген, монах, 486
Геронтий (Левицкий), иеромонах 414
Герцен А.И., 25, 222, 242
Гершензон М.О., 120
Гете И. В. фон, 8, 33, 144, 147
Гетчинсон (Хатчинсон) У., 112, 130, 132
Гиббс Н., игумен, 486
Гизен Ф., 286
Гиренок Ф.И., 161
Гирс М.Н., 469, 517
Гирс Н.К., 425, 426
Глемон Б. де, 173
Глинка Ф.Н., 9, 10, 125
Глинский Б.Б., 433
Гнедич Н.И., 10, 27, 216
Гоголь Н.В., 36, 55
Годунов Б.Ф., 110, 117, 251
Голиков И.И., 283
Голицын В.В., 276
Голицын А.Н., 9, 170, 181, 182, 343
Головкин Ю.А., гр., 81, 169, 170, 419
Гольдштанд И.Л., 427
Голыгина К.И., 346
Голяховский П.Ф., 180
Гомер, 144, 149
Гонзальвес Дж. А., 173, 209, 210
Гончаров И.А., 106, 222, 372–374
Гончарова (Пушкина) Н.Н., 16, 55, 95, 98, 104, 106–108
Гончарова Н.И., 104
Гончаровы, 95
Гораций, 144, 149
Горбачёва З.И., 173
Горбунов-Посадов И.И., 538
Гордон П., 285, 286
Горский В.В., 352, 353, 357, 388, 407, 532
Горчаков А.М., 43, 123, 379
Готтингер Р., 427
Гошкевич И.А., 352, 357, 370–380, 532
Гребенщиков А.В., 452
Гребешков И., 329, 330
Гречанинов А.Т., 487
Грибановский А.А. (Анастасий), митроп., 124, 128, 501
Грибовский С., архим. 172, 306, 307, 314, 316, 323, 324, 330, 334–337
Грибоедов А.С., 8, 96
Григорий, свящ., 259
Григорьев П.Г., 165, 241
Гримм Э.Д., 411
Грицкевич В.П., 380
Грозный И.В., царь, 152, 250, 251, 386
Грозье Ж.-Б., 173

Громбчевский Б.Л., 430
Громов Е., 169, 172, 174, 175, 178, 338, 388
Грумм-Гржимайло Г.Е., 241
Гуансюй, имп., 449
Губер П.К., 103, 156
Гузанов В.Г., 380
Гумилёв Л.Н., 177, 268, 269, 271
Гундяев В.М. – см.: Кирилл, патриарх
Гурий (Карпов Г.П.), архим., 352, 354, 357, 405, 407–410, 412, 416, 532
Гуюк, хан, 196
Гюк Э.Р., 397
Давид, миссионер, 220
Давид, царь, 114, 138, 142, 147, 483
Давыдовы А.Л., 28
Давыдов В.Л., 120
Давыдов Д.В., 120
Давыдов П.Л., 28
Данзас К.К., 44, 123
Даниил (Сивиллов), архим. – см.: Сивиллов Д.П.
Данилов А., 327
Данилов Я., 164
Данилова А.С., 164, 165
Данилова М.Я., 164
Данилова Т.Я., 164
Данте А., 33
Дантес Ж.Ш., 18, 30, 100, 104, 105, 107, 113
Дацышен В.Г., 342, 424, 447, 461
Дашкова Е.Р., 121, 260
Дегиня Л.-Ж., 342
Делин (Дёллен В.К.), 387
Дельвиг А.А., 6, 78, 117, 122, 123, 197, 199, 222
Демидова Н.Ф., 280
Денисов П.В., 93, 97, 164, 335
Денорманди Э., 427
Джадсон А., 339
Джанчи, кн., 266
Джебэ, 263
Дземешкевич Л.К., 156
Диац Э., 325
Дибич И.И., 88
Димитрий (Вознесенский), архиеп. – см.: Вознесенский Н.Ф.
Дитерихс М.К., 475
Дмитриевский П.А., 429
Дмитрий Донской, кн., 274
Дмитрий, епископ, 488
Долгорукие, кн., 5
Дорофей, митроп., 506
Достоевский Ф.М., 32, 73, 128, 129, 134–136, 146, 149, 151
Дружников Ю.И., 66, 67, 70, 71, 73–75, 77, 295
Дубасов Ф.В., 431, 432, 434
Дубневич (Дубиневич) (Амвросий), архим., 313
Дубровская Д., 439
Ду Жуньчэнь – см.: Симон Ду, протоиерей
Думан Л.И., 259
Дун Фусян, 468
Духовской С.М., 428
Дыдыцкая П.В., 132
Дьяконов О.(И.), 294, 299, 301
Дэ-мин (Дэмин) Ч., 229
Дюгальд Ж.-Б., 173
Евдокия Преподобная, 138
Евсевий (Крутицкий), митроп., 475
Егоров Б.Ф., 65
Екатерина I, имп. 296
Екатерина II, имп. 15
Екатерина Алексеевна, царевна, 309
Елагин Н.В., 235
Елевферий (Воронцов В.А.), еп., 499
Елизавета Петровна, имп., 313, 315
Елизавета Фёдоровна, вел. кн., 476, 524
Елизарьев Е., 276, 278, 279, 284
Елисей/Евлампий (Иванов), иером., 382
Епанчин Н.А., 437
Ермакова И.А., 161
Ермолов А.П., 13, 14
Ефрем Сирин, святой, 114
Ефремов П.А., 140

Ефрон И.А., 556
Железнов М.И., 99
Жербийон Ж.Ф., 278
Жуков Г.П., 491, 493
Жуков П.С., 493
Жукова П.М., 494
Жуковский В.А., 9, 18, 19, 28, 83, 84, 105, 112, 122, 131, 216, 239
Жюльен С., 394
Жюльен Ф., 397
Заборовский М.В., митроп. – см.: Мелетий (Заборовский М.В.)
Зайцев К.И., 122, 128
Закревский А.А., 105
Захаров И.И., 341, 352, 353, 357, 513, 532, 534
Зеленский М.С., 377
Зенгер Х. фон, 556
Зимайлов Л., 169, 183, 338, 340
Зимин С., 327
Зинаида (Бридди), монахиня, 503
Знаменский П.В., 236, 420, 421
Зотов Р.М., 222
Зубкова Е.Н., 462
Зуев В.Ф., 428
Зюкин, консул, 160
И.В.С., 95
Иакинф, о. – см.: Бичурин Н.Я.
Иаков, библ. герой, 106
Иван Данилович, кн., 274
Иван (Филимонов), иеромонах, 309
Иванов А., 176
Иванов А.И., 438
Иванов И., 327
Иванов М., 315
Иванов Я., 315
Иванова Г.Д., 371
Ивановский А.А., 88, 354
Ивановский А.О., 243
Ивановский И., иеродиакон, 315, 319
Игнатий, митроп., 259, 261, 262, 293, 335
Игнатьев Н.П., 408
Игорев Л.С., 405
Игорь Константинович, кн., 476, 524
Игумнов В., 327, 334
Игумнов Н.М., 203, 209
Идес Е., 285
Идес И., 274–286, 299
Иессей, иером., 334–336
Избрант (Избранд) Е., 274–276, 282, 284–286, 299
Измайлов Л.В., 280, 295, 296
Израиль, иеродиакон, 331, 340
Иисус Христос, 114, 142, 147, 188, 251, 291, 292, 345, 379, 423, 439, 440, 449, 474, 489, 536
Илаливань Леласыцзи-Леласги – см.: Илларион Лежайский
Илларион, еп. Мукачевский и Ужгородский, 509
Илларион (Иларион) Лежайский, архим., 289, 292–294, 298–307, 310, 311
Илларион (Оводов М.), иеродиакон – см.: Оводов М.
Илларион (Иларион) (Трус или Трусов), архим., 311, 315–318, 320, 323
Илличевский А.Д., 122
Ильин И.А., 150
Ильминский Н.И., 409
Иманиси Сюнцзю, 300
Инзов И.Н., 9, 10, 28, 132, 133
Иннокентий (Быстров), архим., 486
Иннокентий, игумен, 184
Иннокентий (Кульчицкий И.), еп. – см.: Кульчицкий И.
Иннокентий (Немиров), архим., 352
Иннокентий (Немцов), иером., 357
Иннокентий (Нерунович), еп., 324
Иннокентий Переславский, святитель, 294
Иннокентий (Фигуровский И.А.), архим. – см.: Фигуровский И.А.
Иностранцев К.А., 241
Иоаким (Шишковский), архим. – см.: Шишковский И.Ф.
Иоанн Ду, 506

Иоанн, еп., 291
Иоанн Златоуст, архиеп., св., 408
Иоанн Константинович, кн., 476, 524
Иоанн Креститель, 462
Иоанн Ло, 506
Иоанн (Лудищев), иером., 317
Иоанн (Максимович М.Б.), митроп., св., 128, 294, 299, 305, 500–503, 514, 526, 531
Иоанн I Данилович Калита, вел. кн., 271–274
Иоанн, пресвитер, 269
Иоанн (Протопопов), иером., 329
Иоанн IV Васильевич Грозный, царь, 540
Иоанникий, иеродиакон, 330
Иоасаф (Данилов Я.), иером. 165
Иоасаф, иеродиакон, 313, 321
Иоасаф (Хотунцевский или Хотунцевич), еп., 324
Иовлев П., 315
Иоиль (Врублевский), иером., 319, 323, 326
Иона (Покровский В.), иером., 480, 486
Иона, старец, 135
Ионг-Чшенг, имп., 296
Иосаф/Иосиф (Ивановский), иеродиакон, 309, 319
Иосиф, библ. герой, 106
Ипатова А.С., 343, 354, 414, 416, 422, 514, 525–527, 531
Ипсиланти А.К., 79, 120
Ипсиланти Д.К., 120
Ириней, архим., 132
Исайя (Пешкин), иером., 382
Исайя (Исаия) (Поликин), иером., 405, 406, 414, 417, 423, 521
Исайя, пророк, 115
Иуст, иером., 329, 330
Каверин П.П., 123
Казанин М.И., 286
Казем-Бек А.К., 222, 234
Какэгава, 375
Калита И.Д. – см.: Иоанн I
Калюжная Н.М., 455, 517
Каменский П.И. (Петр), архим., – см.: Петр (Каменский П.И.)
Кан Ювэй, 434
Канаев А., 315
Канси, имп., 258–261, 274, 277–279, 288–290, 292, 300, 303, 305–308, 390
Кантакузин Г., 120
Капнист Д.А., 428, 431, 432
Каподистрия И., 81
Карамзин Н.М., 9, 10, 33, 66, 86, 136, 249, 265, 272, 273
Карамзины, 217
Карганский (Каргинский) К., 334, 335
Каргополов В.В., 271
Карлинский С.А., 496
Карпов Г.Г., 504
Карпов Г.П. – см.: Гурий (Карпов Г.П.)
Карпов С., 319
Карсунская Т.Л., 167, 218
Карсунский А.В., 166, 167, 168, 218, 220
Карус П., 546
Касаткин И.Д. – см.: Николай Японский, архиеп.
Кассини А.П., гр., 425, 428, 467
Катенин П.А., 67, 68
Кафаров П.И. (Палладий), архим., 223, 224, 236, 242, 249, 265–267, 307, 341, 352–354, 356, 357, 366, 367, 382–387, 389, 394, 397, 403–407, 414–417, 423, 439, 450, 513, 517, 522, 532, 534
Качка С. – см.: Скачка С.
Качка, род, 386
Каэн К., 275
Кейн Дж. Х., 339
Келлер Я.В. ван, 285
Кепинг О.В., 492, 530, 531
Керн А.П., 54
Кеттелер В.Э. фон, 535
Кизилов П., 254
Килевский С., 330

Килин И.К. – см.: Ювеналий (Килин), еп.
Ким Г.Ф., 341
Киплинг Р., 458
Кирилл Владимирович, кн., 435
Кирилл (Гундяев В.М.), патриарх, 565
Кирилов П.Е., 350, 355
Кирхгоф А.Ф., 134
Киселев И.С., 180
Киселёв П.Д., 45
Киселевский Ф., 350, 388, 403
Китаева А., 107
Клапрот Г.-Ю. фон, 183, 193, 241
Климент, иером., 486
Клюсов Н., 294, 299
Книппер Т., 285
Ковалевский Е.П., 382
Ковалевский О.М., 194, 222, 229, 231, 345, 350, 513, 532
Ковалевский П.Е., 523
Коваленко Г.(Ю.)И., протоиерей, 565
Кованько А.И., 228, 350
Козельский Я.П., 346
Колесников (Белка) Ф., 294, 299, 301
Колчак А.В., 524
Комовский С.Д., 6
Кониси Д.П., 547
Константин (Зайцев К.И.), архим., 483
Константин Константинович младший, кн., 476
Константин Константинович, вел. кн., 524
Константин Павлович, вел. кн., 88
Конфуций, 78, 156, 173, 188, 242, 342, 513, 537, 538, 544–551
Кончака, 273
Коняев, 388
Корзинкин А.С., 180
Коркин Я., 329, 388
Корниевский П.А., 405
Коростовец И.Я., 307, 443
Корсаков В.В., 438, 469
Корсаков Н.А., 123
Корсалин И.И., 352, 357
Корф М.А., барон, 6
Костюкович В.Н., 488
Котошихин Г.К., 277
Кочетов, 350
Кочнев С.А., 462
Кочубей О.И., 474
Кочубей, кирг. кн., 253
Кошанский Н.Ф., 5
Краевский А.А., 219, 222
Красовский А.И., 120
Кривцов В.Н., 40, 41, 164
Кривцов Н.И., 8, 40
Крижанич Ю., 280
Кропотов И.И., 327
Круглополов К., 334, 335
Крузенштерн И.Ф., 189, 381
Крушинский А., 173, 292
Крылов А.Л., 235
Крылов И.А., 195, 222, 239
Крымский К.Г., 209, 211, 340, 532
Крюденер А., 133
Ксавье Л.-Д., 252
Кудин И., 488
Кульчицкий И. (Иннокентий), еп., 294–297, 307, 308, 310, 311, 324, 462, 471, 514
Кун-цзы, 550
Купфер А.Я., 389, 394
Курбский А.М., кн., 386
Курганов Ф.Д., 419
Курлянцев, 350
Куропаткин А.Н., 436
Курц Б.Г., 275
Кэри В., 339
Кюнер Н.В., 232, 306
Кюхельбекер М.К., 6, 8, 67, 122
Лабзин А.Ф., 133
Лаврентий (Бобровников), иером., 315
Лаврентий, диакон, 259
Лаврентий, игумен, 168
Лаврентий (Уваров Л.), иером. – см.: Уваров Л.
Лавровский М., 169, 172, 175, 178, 338, 388
Ладыженский М.В., 350

Ламздорф В.Н., 425–428, 430, 431, 467
Ланг, 296
Ланге, 281
Ланжерон А.Ф., 68
Лаодзе – см.: Лао-цзы
Лао-цзы, 242, 538, 545–547, 549, 550
Ларичев В.Е., 344
Ласкер Э., 555
Ластейри Ш.-Ф., 200
Лебратовский Г.К., 315, 321
Левашов Ф.И., 297
Левицкий П., архим., 320
Левшин А.И., 99
Легашев А.М., 350
Легг Дж., 545, 549
Лежайский (Илларион), архим. – см.: Илларион Лежайский
Лейбниц Г.В., 283
Лемке М., 93
Леонид Лю, свящ., 507
Леонтий (Гудимов И.А.), 410
Леонтьев А., 315, 330, 346, 532, 534
Леонтьев И.Л.(псевд. Щеглов И.), 95, 96
Леонтьев А.Л., 329, 330
Леонтьев М., 258–262, 289, 290, 292, 293, 298, 303, 512, 513
Леонтьевский З.Ф., 340, 346, 532
Лепин В.П., 158
Лермонтов М.Ю., 97
Лернер Н.О., 23, 94
Лефорт А., 276, 285, 286
Лещинский Ф., митроп., 293, 294, 305, 310
Лжедимитрий (Отрепьев Г.), 136, 146
Ли Иван, 439
Ли Исайя, 439
Ли С., 439
Ли Т., 439
Ли Хунчжан, 425, 429, 433, 434, 451, 452
Ли Цзычэн, 255, 287
Ли, имп., 550
Либратовский Г.К., 324
Ливен К.А., 194
Лимонов Ю.А., 263, 264
Линевич Н.П., 470
Линовцов С., 334
Линцевский Г. – см.: Гервасий
Липовцев (Липовцов) С.В., 98, 330, 336, 346, 532, 534
Лисянский Ю.Ф., 381
Лихонос Я.Л., 526
Лобанов-Ростовский А.Б., кн., 426, 427, 431
Лобков И.Г., 180
Логинова (Морозова) Г., 488
Локк Дж., 132
Ломанов А.В., 315, 348
Ломоносов М.В., 119
Ломоносов С.Г., 7, 12
Лонгинов Н.М., 82
Лосиевский И.Я., 66, 104
Лотман Ю.М., 15, 52–54, 58, 60, 61, 65, 77
Лу Хуачжу, 190
Лукин А.В., 92, 187, 243, 458
Лун, 416, 417
Лун Юань, 415

Лунгин Ф.Н., 10Лунин М.С., 216
Лутовинов (Лутовин) А. (Амфилохий), архим., 418, 422, 464, 465
Львов В.В. – см.: Нафанаил
Льховский А. (Антоний), иером., 315, 318
Любимов Н.И., 207, 213, 352, 355, 358–360, 362, 364
Людовик IX Святой, король, 270
Люй, кн., 512
Ляцкий Е.А., 372
М.И.М., 530
Ма, 435
Мадорский А.М., 103, 104
Майя Ж. де, 173
Макавеев П., 488
Максим, о. – см.: Леонтьев М.
Максимов М., 101

Максимович М.Б. (Иоанн), митроп. – см.: Иоанн (Максимович)
Малиновский И.В., 122
Малиновский Н.П., 188
Малышев И., 334, 335, 388
Малявин В.В., 248
Манефа, инокиня – см. Фигуровская М.Г.
Мансветов, о., 134
Мария Египетская, 138
Мария Фёдоровна, имп., 10, 44
Мартенс Ф.Ф., 242, 257, 458, 459
Маршман Дж., 210, 339
Матвеев П., 377
Матюшкин Ф.Ф., 8, 81, 123
Махов И., 377, 378
Мелетий, еп. Рязанский и Зарайский, 305, 333
Мелетий (Заборовский М.В.), митроп., 475, 480, 488, 499, 518
Мелихов Г.В., 287, 454
Меморский М., 229
Менгу-Тимур, хан, 268
Менделеев Д.И., 457
Менезий П.Г., 285
Менций, 549
Менциус – см.: Мэн-цзы, 547
Меншиков А.Д., 4, 121, 260
Мережковский Д.С., 242
Мерик Дж., 254
Мефодий (Герасимов М.Л.), митроп., 475–477, 488
Мефодий (Савелов-Иогель К.), иером. 486
Мещерский П.С., 185, 201, 202
Милетий (Чефранов М.), протоиерей – см.: Чефранов М.
Милн В., 339
Милованов И., 258
Милорадович М.А., 9
Милютин Н.А., 438, 472
Мин, династия, 177, 201, 248, 252, 255
Мингандари, 257
Миршман, 173
Ми-Ти – см.: Мо-цзы
Митрофан Цзи (Цзи Чунь), иерей, 415–418, 423, 439, 449, 450, 465, 470
Михаил, еп. Владивостокский, 477, 478
Михаил / Илларион (Оводов), иеродиакон – см.: Оводов М.
Михаил Керулларий (Михаил I Керуларий), патриарх, 419
Михаил Ли, 506
Михаил Мин, 507
Михаил (Миткевич), епископ, 332
Михаил Павлович, вел. кн., 44
Михаил Фёдорович (Романов), царь, 251
Мициков С.П., 223
Мицикова С.А., 220
Мицкевич А.Б., 29, 216
Мнишек М., 30
Мо Ди – см.: Мо-цзы
Модзалевский Б.Л., 91, 94, 95
Можаровский А., 344
Моисей, пророк, 147
Мойер И.Ф., 84
Моллер Н.С., 167, 168, 200, 237–239
Монс В., 285
Монте-Корвино (Монтекорвино) Дж., 248
Монтень М. де, 63
Морачевич В., иером., 224, 340, 350, 367, 369, 392
Моррисон Р., 173, 210, 220, 338, 339, 396
Моффат Р., 339
Моцарт В.А., 126
Мо-цзы, 548, 549, 551
Мраморнов Н., 405
Музовский Н.В., 134
Мундов А., 254
Мункуев Н.Ц., 196, 255
Мункэ, 196
Муравьев М.Н., 405, 429, 432, 434
Муравьев-Амурский Н.Н., 405
Мурзаев И., 167
Мухаммед Авфиз, 264

Мыльников Г., 258, 259
Мэн-цзы (Мэн-цзы), 173, 198, 445, 547, 548, 551
Мясников В.С., 256, 280, 288, 355, 531, 552, 555, 556
Н.И.Б-ин, 376
Наполеон I Бонапарт, 14, 117, 145, 174, 185, 216
Насонов А.Н., 267
Нафанаил (Львов В.В.), архим., 486
Нащокин П.В., 24, 30
Неёлов А.Н., 468
Некрасов Н.А., 158
Нектарий, иером., 169, 174, 175, 178, 338
Немиров И.М., архим. – см.: Иннокентий (Немиров)
Неофит (Осипов Н.А.), архим., 438, 472
Нерунович И., еп. – см.: Иннокентий (Нерунович И.)
Нессельроде К. В., 11, 12, 17, 20, 81, 88, 182, 185–187, 192, 201, 219
Нестор (Анисимов Н.А.), митроп., 475, 480, 485, 491, 499, 500, 503
Нетцлин Э., 427
Нефедьев Н.А., 98
Нечаев Н.И., 211, 382
Никандр (Викторов Л.), еп., 475, 503, 505, 509,
Никанор (Бровкович А.И.), архиеп., 124, 142
Никанор (Клементьевский Н.С.), митроп., 408
Никита Ду, 506
Никита Ли, 506
Никитенко А.В., 184, 186, 235
Никитин Д.Е. (Августин), архим., 294, 328, 334, 382
Никитин И.С., 158
Никифор (Коленовский), иером., 327, 329
Николай (Вознесенский), архиеп. – см.: Вознесенский Н.Ф.
Николай II, царь, 428, 429, 432, 433, 437, 489, 524, 538, 542
Николай (Дробязгин Л.А.), иером., 422
Николай Михайлович, вел. кн., 538
Николай Наумов, протоиерей, 509
Николай (Никола) Адоратский – см.: Адоратский Н. (П.С.), еп.
Николай I, царь, 12, 13, 15, 44, 84, 85, 93, 101, 104, 108, 109, 125, 126, 131, 140, 186, 187, 202, 219, 243, 345, 365, 366, 373, 383, 418, 541
Николай (Цвет), архим., 329, 330
Николай Чжан, диакон, 506, 507
Николай Шастин, свящ., 422
Николай Японский (Касаткин И.Д.), архиеп., 416, 439, 465
Никольский В.В., 132
Никон (Красовский), иеродиакон, 321, 324
Новиков Н.И., 330, 346
Новокрещеных Л., 450
Новоселов В., 334
Ножин Е.К., 340
Номча, кирг. кн., 253
Нурхаци, хан, 255, 287
Оводов М., иеродиакон, 382
Овсянико-Куликовский Д.Н., 126
Огарков В.В., 121
Одоевский В.Ф., 91, 185, 206, 208, 217, 221, 222
Олег Ингваревич, кн., 267
Оленин А.А., 217
Оленин А.Н., 10, 184, 188, 194, 222
Олеша Ю.К., 161
Олимпиада, игуменья, 486
Орлов И., 331
Орлов М.Ф., 120
Орлов-Чесменский А.Г., гр., 45
Орнатский А.А. (Амвросий), митроп., 296
Осипов Н.А. – см.: Неофит (Осипов Н.А.), архим.
Осипова М.И., 99
Островерхов А.Н., 397

Остроумов Б.В., 450, 476
Отрепьев Г. (Ю.Б.) – см.: Лжедимитрий
Очирой-Бату, 296
Павел Александрович, вел. кн., 524
Павел, апостол, 4, 117, 138, 142
Павел I, имп., 297, 540
Павлинов К., 405, 532
Павлищев Н.И., 89
Павлищева Л.М., 89
Павлов А.И., 429, 432–435, 468
Палей В.П., гр., 476, 524
Палладий (Кафаров П.И.), архим. – см.: Кафаров П.И.
Пальмовский К., причетник, 169, 174, 178, 182, 338
Пан Т.А., 299, 305
Панаев И.И., 206, 222
Панкратов Б.И., 176, 336
Панченко А.М., 329
Парышев А., 329
Паскевич И.Ф., 13, 14, 88
Патрушева М.А., 241
Пашутин Э.Д., 438
Пеллико С., 115
Первушин С., 338
Перелешин В.Ф., 492, 493, 496
Пернатьев Ю., 213
Перовский П.Н., 405
Песков Г.Н., 241, 242
Пестель И.Б., 343
Петлин И., 254, 255, 265, 280, 281
Петр (Каменский П.И.), архим., 178, 181, 182, 185, 203, 213, 315, 334–336, 339–348, 352, 450, 532, 534
Петр I, царь, 4, 19, 21, 30, 32, 50, 51, 99, 101, 102, 107, 115–117, 119, 121, 200, 251, 260, 275–277, 283–287, 289, 291, 292, 294, 295, 299, 301, 302, 305–308, 310, 333, 390, 462, 532
Петр III, царь, 15
Петр Николаевич, вел. кн., 489
Петр, апостол, 4, 117, 138, 142, 148, 477
Петр, митроп., 271, 272
Пётр/Павел (Цветков П.), 382
Петров В.П., 121, 173, 213, 298, 299, 526
Петров И., 251
Петрова Н., 168
Петухов Е.В., 68
Печерица В.Ф., 474
Пещуров Д.А., 405, 532, 534
Пиков Г.Г., 344
Пимен (Сипягин), иером., 438, 472
Пиндемонте Дж., 118
Пинна Ду, 506
Пинто (Пинту) Ф.М., 250
Питу М., 267
Платковский А.Г., архим., 308–313, 315, 318, 325
Платон (Грузов П.С.), иером., 422
Платон (Левицкий), архим., 320, 323
Платон, митроп., 406
Платон Тиволийский, 264
Плетнёв П.А., 16, 83, 84, 122, 222
Победоносцев К.П., 461, 516
Погодин М.П., 188, 199, 206, 207, 217, 222–226, 230, 231, 237
Подобедов А.И., митроп., 166–168, 170, 181
Пожарский Д.М., кн., 254
Поздняев Д.А., 290, 455, 531
Покровский М.Н., 369
Полевой Н.А., 100, 197, 199, 203, 218, 222
Поликарп (Тугаринов П.А.), архим. – см.: Тугаринов П.А.
Поло М. 398
Половцов А.А., 329
Полубояринова М.Д., 267
Пономарев М., 309, 388
Попов А.В., 222, 477
Попов А.Ф., 405
Попов Алексей, 331, 388
Попов Андрей, 294, 299, 301
Попов Н.А., 465

Попов П.С., 173, 356, 382, 414, 417, 418, 423, 522, 532
Попова Б., 485
Потанин Г.Н., 97
Потебня А.А., 127
Потье Г., 397
Поярков В.Д., 257, 280, 281
Премар Ж.Г.(Х.), 173, 209, 210
Пржевальский Н.М., 242, 243, 399, 457, 458, 486
Протопопов И.А. (Иоанн), иером. – см.: Иоанн (Протопопов)
Птолемей, 264
Пугачёв Е.И., 13, 17, 97–99, 146, 208
Пу-и, имп., 490
Путята Н.В., 87, 92, 217
Путятин Е.В., 372, 373, 375, 378, 384, 396
Пухарт И., 294, 300
Пушкин А.А. 17, 99
Пушкин А.С., 3–162, 164, 181, 184, 190, 197–199, 205, 206, 208, 216, 217, 222, 239, 240, 241, 244, 245, 559, 563
Пушкин В.Л., 101
Пушкин Г.А., 99
Пушкин С.Л., 133
Пушкина М.А., 17, 99
Пушкина Н.А., 18, 99
Пушкина Н.Н., 17, 100, 105–109
Пушкина Н.О., 18, 106
Пущин И.И., 5, 43, 44, 45, 77, 122
Рагузинский-Владиславич С.Л. (Рагузинский С.В.), гр., 296, 297, 311
Радищев А.Н., 33
Радлов В.В., 241
Раевские (генерал Н.Н.Раевский с семьей), 28
Раевский В.Ф., 79, 120
Раевский И.Е., свящ., 135
Раевский Н.Н. старший, 10, 14, 27, 28
Раевский Н.Н., младший, 11, 123
Разгильдеев А.И., 340
Разгильдеев Е.И., 340
Райт Дж.К., 264
Рассохин И.К., 330, 513
Раткевич В.Г., 468
Рафаил (Заборовский М.), архиеп., 320, 323
Рединг Ю.А., 428, 431
Рекамье Ж., 101
Ремиз Ф., 524
Ремюза А., 200, 209, 210
Ремюза Ж.-П.-А., 342
Репин И.Е., 400
Реунов Н.А., 431
Ржевский М.П., 297
Ризнич А., 68
Ризнич И.С., 105
Рипа М., 301
Рифтин Б.Л., 550
Риччи М., 252, 253, 385
Робеспьер М., 117
Родионов А.Л., 398
Родионов П., 329, 330
Родофиникин К.К., 194
Рожков Н.А., 369
Розанов В.В., 38
Розов Г.М., 350
Романов М.Ф., царь – см.: Михаил Федорович (Романов)
Романчуков С.Ю., 254
Россохин И.К., 98, 309, 311, 532, 534
Ротштейн А., 427
Рубрук Г., 270
Русак В.С., 475, 490, 498
Русецкий А., протоиерей, 488
Руфина, игуменья, 485
Рылеев К.Ф., 28
Рычков П.И., 98
Рычкова М.А., 159, 160
Сабирхузин С., 488
Саблукова Т.Л. – см.: Карсунская Т.Л.
Саваоф, 115
Савваитов П.И., 308
Савин Г., 352
Савич А.Н., 387

Савская, царица, 107
Салертовский Е., 331
Салимгиреев, 488
Сальери А., 126
Сангуй У., 255
Сарлатовский, 388
Сафроний, архим. – см.: Грибовский С.
Сахаров В.В., 451
Сахновский Е., 319, 323
Сбоев В.А., 222
Свечников Г.А., 438
Святин В.Е., свящ., 491, 493
Святин Л.В. (Виктор), митроп. – см.: Виктор (Святин Л.В.)
Святина М.П., 493
Святина М.Ф., 493
Святослав, кн., 263
Сеймур Э., 446
Семевский М.И., 84, 99
Семедо А., 173
Семёнов Г.М., 476
Семёнов Д., 164
Семёнов К., 319
Семенс А., 210
Сенебье Ф., 285, 286
Сеньковский (Сенковский) О.И., 190, 205, 207, 208, 222, 227, 235
Серапион, архиеп., 167
Серафим Ган, протоиерей, 483
Серафим (Глаголевский С.В.), митроп., 181, 183, 187, 188, 202
Серафим, иером. (9 ПДМ), 169, 338
Серафим, иером. (19 ПДМ), 486
Сергей Михайлович, вел. кн., 476, 524
Сергий (Артамонов), иером., 414
Сергий, иером., 327
Сергий (Страгородский), митроп., 479, 480
Сергий (Тихомиров Г.А.), митроп., 478
Сергий (Чан), протоиерей, 440, 471
Серебряков Д., 479
Сивиллов Д.П., 222, 229, 340, 345, 349, 350, 534, 353, 403
Сидихменов В.Я., 442, 443, 446, 448
Сильверст (Спицын), иером., 327
Сильвестр (Главатский С.), митроп., 328
Симеон Ду, еп. – 506, 508–510
Симон (Виноградов С.А.), архиеп., 438, 472, 480–483, 492, 495
Симонов П.А., 463
Синявин Л.Г., 386, 392, 393
Синявский А.Д. (псевд. Абрам Терц), 102, 103
Сипаков М., 169, 183, 338, 340
Сиснеков П., 487
Скачка С., 386
Скачков К.А., 186, 191, 221, 224, 381, 382, 386–404, 531, 532, 534
Скачков П.Е., 185, 236, 243, 300, 341, 355, 358, 386, 395–397, 458
Скляднев И.П., 438
Скоропостижная А.И., 135
Скрижалин В.И., диакон, 438, 466, 469, 470
Сладковский М.И., 264, 454
Смагин Г., 294, 299, 304
Смирнов Е.К., 331
Смирнов Н.М., 100
Смирнова А.О., 56, 80, 112, 132, 140, 141
Смольницкий А., 319, 323, 326
Сморжевский Ф., иером. – см.: Феодосий (Сморжевский Ф.)
Соколов В.Д., 95, 164
Соколовский Н., 332
Соколовский С.Н., 223, 331, 332
Соловьёв В.С., 139, 160, 242
Соловьёв С.М., 249, 267
Соломон, царь, 106, 107, 109, 142
Сомов О.М., 198, 222
Сорокина В.Ф., 346
Сосницкий А., иеродиакон, 340
Софокл, 149
Софроний (Грибовский), архим. – см.: Грибовский С.
Софроний (Кристалевский С.), епископ, 328

Софроний (Огиевский С.П.) (Обресков), иером., 327
Спасский Г.И., 222, 342, 400
Спафарий Н.Г., 258, 277, 278
Сперанский М.М., 121, 260, 345
Срезневский И.И., 235
Сталин И.В., 479
Сталь А. де, 8
Старцев А.Д., 466
Стаховский А.Г. (Антоний), митроп., 311
Степанов Н.А., 125
Степанов О., 258
Стефан (Яворский), митроп. – см.: Яворский С.И.
Стефанида, монахиня, 486
Стороженко М., 323
Стратонович Г., 167
Струве О.В., 387
Стэд У., 547
Субудай, 263
Суворин А.С., 429
Сумароков Е.Н., 503
Сун, династия, 159, 197, 249, 263
Сун, имп., 249
Сун, 172
Сун Цин, 435
Сунн – см.: Сунн Цин
Сунь Бинь – см.: Сунь-цзы
Сунь-цзы, 550, 552–554
Сурат И.З., 65
Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д., 457
Сычевский Е.И., 213, 350, 351, 352
Сюй Цзинчэнь, 450
Тай-цзун, имп., 255
Тан, династия, 550
Татаринов А.А., 352, 357, 532
Татаринова Е.Ф., 133
Татибана Косай (Кумэдзо) – см.: Яматов В.И.
Татищев В.Н., 265
Тацибан-но Коосай – см.: Яматов В.И.
Тейяр-де-Шарден П., 487
Текутьев И.П., 253
Терц А. – см.: Синявский А.Д.
Тессинг И., 284
Тиволийский П., 264
Тимковский Е.Ф., 167, 179, 184, 186, 187, 326, 340
Тимофей, архим., 323
Тиндаль В., 339
Тихвинский С.Л., 241, 242, 290, 303, 343, 531, 534
Тихомиров М.Н., 273
Тихон (Беллавин В.И.), патриарх, 475, 499
Тихон Сан-Францисский (Троицкий А.), архиеп., 480
Тобольский Ф., митроп., 253, 294, 299
Тогус-Тэмур, имп., 252
Толбузин А.Л., 258
Толстой А.К., 125
Толстой Л.Н., 32, 57, 129, 134, 243, 535–538, 544–549, 551, 559
Толстой П.А., 107
Толстой Я.Н., 68, 125
Трескин Н.И., 172, 175
Третьяков Ф., 294, 300
Трубецкой Б.А., 120
Трубецкой С.П., 125
Трус (Трусов) (Илларион), архим. – см.: Илларион (Трус)
Тугаринов П.А., архим., 350, 352, 354–364, 368–370, 404, 405, 416
Тулишень, 300
Туманский В.И., 68
Туманский Ф.О., 286
Тургенев А.И., 9, 12, 18, 23, 45, 101, 107, 216
Тургенев И.С., 400
Тургенев Н.И., 101
Тургенев С.И., 101
Туркевич И., 438, 472
Тутемур (Туг Темур), 266
Тыжнов И.И., 283
Тыкоцкий Г.Б., 451
Тыртов П.П., 432
Тыртов С.П., 467

Тюменец В., 253
Тюрюмина Л.В., 344
Тютчев Ф.И., 150
Уваров Л., 292, 294, 299, 309, 315, 317–319, 352
Уваров С.С., 219
Удэгей, 196
Узбек, хан, 271–273
Уилкинс Ч., 342
Украинцев Е.И., 276
Улагчи, 268
Унковский И.С., 372
Уорд В., 339
Успенский Н.И., 382
Ухтомский Э.Э., 427, 429, 468
Ушакова Ек. Н., 217
Фалалей Мао, 506
Фань Вэньлань, 442
Фениксов И.Я., 164, 165
Феннел Дж., 268
Феодор Ду – см.: Симеон Ду
Феодор (Филофей), митроп. – см.: Лещинский Ф.
Феодосий (Сморжевский Ф.), иером., 307, 316, 319–321, 323, 325, 326
Феодосий (Яновский Ф.М.), архим., 295
Феофан (Прокопович Е.), архиеп., 315
Феофилакт (Киселевский), иером., 350, 388
Фигуровская М.Г., 462
Фигуровская (Симонова) А.П., 463
Фигуровский А.В., 462
Фигуровский А.И., свящ., 462
Фигуровский В.А., 462
Фигуровский И.А. (Иннокентий), архим., 438, 439, 460–464, 466, 467, 469–472, 476–483, 489, 492, 494, 495, 502, 515–518, 520, 522, 523, 525, 526, 532
Фигуровский И.В., 462
Фигуровский П.А., 462
Фикельмон К.Л., 105
Филарет (Вознесенский Ю.Н.), митроп., 475, 486
Филарет (Дроздов В.М.), митроп., 39, 125, 350
Филарет (Петухов Ф.И.), архим., 318
Филарет Никитич, патриарх, 251
Филимон, иеродиакон, 294, 299, 304, 307
Филипп, иеродиакон, 292
Филонов И., 331, 388
Филюшкин А.И., 253
Флавиан (Городецкий Н.Н.), архим., 409, 415, 416, 423, 464, 466, 516
Флоровский Г.В., 113
Фома Ли, монах, 486
Фомина Н.И., 235
Фонвизин Д.И., 123
Фотий I, патриарх, 419
Франк С.Л., 111, 117–119, 124, 130, 131
Френ Х.Д., 195
Фролов А.П., 340
Фурмон Э., 210
Фус Е.Н., 350
Фус П.Н., 231, 235, 532
Хабаров Е.П., 257, 280, 281, 288
Хайдуков Ф.Ф., 438
Харитон М., 104
Харламов Д., 168
Хатчинсон (Гатчинсон), 147
Хисамутдинов А.А., 447
Хомяков А.С., 115
Хорват Д.Л., 476
Хорошев Н.И. – см. Любимов Н.И., 359
Хохлов А.Н., 166, 201, 229, 345, 351, 355, 418
Хохлов И., 251
Храповицкий А.П. (Антоний), митроп., 124, 480–482
Храповицкий М.Д., 382, 532
Хубилай, 263, 266, 269
Хубилай-хаган (Хубилай сэцэн хаган), 248
Хулагу, 268

Хэ Чэнсян, 510
Цвет (Николай), архим. – см.: Николай (Цвет)
Цвет С., 330
Цзи М. – см.: Митрофан Цзи
Цзи Чунь – см.: Митрофан Цзи
Цзя, 256
Ци Ин, 381
Цин (И Куан), кн., 452
Цин, династия, 177, 178, 190, 192, 198, 211–214, 220, 221, 224, 227, 229, 230, 248, 255–258, 260, 275, 287, 288, 290, 292, 293, 327, 358, 380, 382, 426, 427, 429, 436, 439, 443, 467–469, 513
Цицикарский, еп. – см.: Ювеналий, архим., 475
Цыси, имп., 448, 449, 452, 468
Цявловская Т., 217
Цявловский М.А., 75, 81, 84, 217
Цянь Лун, 190
Чаадаев (Чеодаев) П.Я., 7–11, 18, 20, 24, 59, 96, 100, 118, 123, 125
Чайковский П.И., 487
Чан С. – см.: Сергий (Чан)
Часовников В.В. (Авраамий), архим., 438, 466, 470, 520
Чеканов Н., 315
Чернаволенко С.И., 438
Черниговский Н., 258
Чернышёв А.И., 45
Черняев Н.И., 96
Чертков В.Г., 536, 544, 545, 549
Честный (Честной) Д.С. (Аввакум), архим., 261, 349, 350–352, 354, 371–375, 388, 403, 406, 409, 534
Чефранов М. (Милетий, протоиерей), 249
Чжу Ицзюнь, имп., 255
Чжу Цзы, 196
Чигринский М.Ф., 422
Чимитдоржиев Ш.Б., 268, 271
Чингисхан (Чингис-хан), 196, 248, 251, 263, 404
Чихачёв Н.М., 428
Чмутов И.И., 382
Чол-хан (Шевкал, Щелкан), 272
Чугуевский Л.И., 191, 216
Чэнь Цичжан, 434
Шамиль И., 152
Шармуа Ф.Ф., 195, 235
Шастин Н.П., свящ., 438, 465, 470
Шаститко П.М., 341
Шаталов О.В., 344
Шашков С.С., 97
Швидкий Ф.Г., 438
Шевелев М.Г., 211
Шевкал – см.: Чол-хан
Шевырёв С.П., 10, 15, 93, 222
Шегаб Эддин (Шихаб ад-Дин), 264
Шекспир В., 101, 126, 144, 147
Шереметьев Ф.И., 254
Шестопалов (Яблонцев) И., 294, 300
Ши П., 416
Шидловский Ю.Е., 235
Шиллер Ф., 144, 151
Шиллинг (Шилинг) Канштадт П.Л., фон, 41, 92, 94, 184–186, 189, 198, 199, 200, 202, 203, 204, 213, 216, 217, 218
Шихарев И., 315
Шишковский И.Ф. (Иоаким), архим., 331–333
Шишмарёв Я.П., 211
Шкуркин П., 457
Шоу Шань, 451
Штейн С., 134
Штерн Я., 427
Шуйский В.И., царь, 253
Шульгин Г., 309, 388
Шунь-Джий, хан, 329
Шэ Цзюэ, 519
Щеглов И., псевд. – см.: Леонтьев И.Л.
Щелкан – см.: Чол-хан
Щукин Н.Н., 165, 167, 217, 237, 240, 338
Энь, 388
Эристов Д.А., 297
Юань, династия, 196, 248, 255, 263, 265, 266, 268, 415

Ювеналий (Килин И.К.), еп., 474, 475, 485, 487, 499, 527
Юматов, архим. – см.: Амвросий (Юматов)
Юнг-Гинг, имп., 295
Юн-Чжен (Юнг-Дженн), имп., 96, 308
Яворский С.И., митроп., 310, 324
Ядринцев Н.М., 97
Якоби И.В., 329
Яковлев М.Л., 123
Яковлева П.Т., 277
Якут И., 294
Якутов П., 294, 299
Якушкин Е.И., 43
Ялычев Б., 251
Яматов В.И., 375, 376
Ян (Янчевецкий) В.Г., 447
Янчевецкий Д.Г., 436, 447
Ян Шэньсю, 434
Янь-ди, 226
Ярон А.И., 526
Ярослав Всеволодович, кн., 267
Яфицкий В., причетник, 169, 183, 338
Baer K.M., 283
Beckmann J., 282
Brand A., 285
Dudgon J., 404
Legge – см.: Легг Дж., 549
Mih Te – см.: Мо цзы
Pang T.A., 299
Pavlovsky M. N., 304
Posselt M., 285, 296
Prandi F., 302
Widmer E., 299, 303

Содержание

Скрижаль первая

А.С.Пушкин: несудьба

3–162

Скрижаль вторая

Отец Иакинф (Бичурин Н.Я.)

163–245

Скрижаль третья

Православная миссия в Пекине

247–566

Именной указатель

567–582

Научное издание

И.К.Стивел

Триптих: искус орды

А.С.Пушкин: несудьба;

Отец Иакинф (Бичурин Н.Я.);

Православная миссия в Пекине

Підписано до друку 17.11.2015. Формат 60×84/16.
Папір офсетний. Друк цифровий.
Ум. друк. арк. 33,95. Умов. вид. арк. 35,55. Наклад 100 примірників.
Замовлення №1264.

Надруковано в друкарні ФОП Тарасенко В. П.
Свідоцтво №24800170000043751 від 21.02.2002 р.
61124, м. Харків, вул. Зернова, 6/267.
Тел./факс: (0572) 52-82-11, (097) 273-11-77